

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Ф.Э.ДЗЕРЖИНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1967

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Выходят в свет, подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, избранные произведения выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, верного ученика и ближайшего соратника В. И. Ленина, пламенного борца за коммунизм Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Вся жизнь Ф. Э. Дзержинского была неразрывно связана с революционным рабочим движением. Он был одним из активнейших деятелей польского и общероссийского революционного движения. В 1895 г. восемнадцатилетним юношей вступил Ф. Э. Дзержинский в виленскую организацию литовской социал-демократии и с тех пор целиком отдался революционной деятельности, стал профессиональным революционером. Вместе с Р. Люксембург, Ю. Мархлевским, А. Барским и Л. Тышкой Ф. Э. Дзержинский был одним из организаторов партии польского и литовского пролетариата — Социал-демократии Польши и Литвы (СДПиЛ).

С самого начала своей революционной деятельности Ф. Э. Дзержинский стоял на позициях пролетарского интернационализма. Он последовательно боролся против национализма ППС, литовской социал-демократии и Бунда, был горячим сторонником создания единой Российской социал-демократической рабочей партии; он терпеливо разъяснял польским и литовским рабочим необходимость тесного союза с русским пролетариатом для совместной борьбы против общего врага — русского царизма и капитализма. Ф. Э. Дзержинский считал «величайшим грехом», что в 1898 г. литовская социал-демократия не вошла в РСДРП; по его инициативе в июле 1903 г. IV съезд

СДКПиЛ принял решение об объединении СДКПиЛ с РСДРП. Объединения СДКПиЛ с РСДРП на II съезде РСДРП не произошло, но было принято решение о продолжении переговоров об объединении. Ф. Э. Дзержинский был членом Главного правления СДКПиЛ и входил в состав ее Заграничного комитета. По его инициативе в августе 1902 г. была создана нелегальная газета «Червоны штандар» («Красное знамя») — центральный орган СДКПиЛ.

В период первой русской революции Ф. Э. Дзержинский руководил революционной борьбой пролетариата Польши против царского самодержавия: он организовал грандиозную первомайскую демонстрацию в Варшаве; ездил в крупные промышленные центры Польши — Лодзь, Ченстохов, Жирардов, Домбровский бассейн, Белосток и др. Ф. Э. Дзержинский направлял работу партийных организаций, помогал местным руководителям преодолевать трудности, организовывал революционную работу в воинских частях, создавал подпольные типографии. Отстаивая революционную тактику, он разоблачал оппортунистическую линию ППС и Бунда. Поддерживая целиком решения большевистского III съезда РСДРП, Ф. Э. Дзержинский горячо призывал польских рабочих к бойкоту царских правительственных учреждений, к организации народной милиции, призывал польских социал-демократов готовить массы к вооруженному восстанию.

Ф. Э. Дзержинский был делегатом СДКПиЛ на IV съезде РСДРП (1906 г.), где он впервые лично встретился с В. И. Лениным. На этом съезде СДКПиЛ вошла в РСДРП. После съезда Ф. Э. Дзержинский был введен в состав ЦК РСДРП в качестве представителя от СДКПиЛ. В борьбе, которая велась между большевиками и меньшевиками, Ф. Э. Дзержинский решительно и последовательно поддерживал большевиков. V съезд РСДРП (1907 г.) заочно избрал Ф. Э. Дзержинского, находившегося в тюрьме, в состав ЦК партии.

В годы реакции, а затем начавшегося нового революционного подъема Ф. Э. Дзержинский решительно боролся против меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов и троцкистов, за укрепление подпольных социал-демократических организаций Польши, за использование легальных воз-

возможностей для революционной работы. В июне 1911 г. Ф. Э. Дзержинский принимал участие в совещании членов ЦК РСДРП в Париже, созданном по инициативе В. И. Ленина, и был назначен кандидатом от СДКПиЛ в Организационную комиссию по созыву общероссийской партийной конференции.

За свою революционную деятельность в условиях царского самодержавия Ф. Э. Дзержинский шесть раз подвергался аресту, три раза бежал из ссылки и вновь целиком отдавался революционной работе, два раза был приговорен к каторжным работам; одиннадцать лет он провел в тюрьме, на каторге и в ссылке, но никакие преследования царского правительства не сломили волю бесстрашного революционера.

В первые дни февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. рабочие Москвы освободили Ф. Э. Дзержинского из Бутырской тюрьмы, и он сразу со свойственной ему энергией включился в работу московской большевистской организации. Ф. Э. Дзержинский принимал деятельное участие в работах VII (Апрельской) Всероссийской конференции, а также VI съезда РСДРП (б), на котором он был избран в члены ЦК партии. Во время подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции Ф. Э. Дзержинский был избран в Партийный центр по руководству вооруженным восстанием, был членом Военно-революционного комитета, выполнял ответственные поручения В. И. Ленина и ЦК партии. На II съезде Советов в октябре 1917 г. Ф. Э. Дзержинский был избран членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Молодая Советская республика с первых дней своего существования столкнулась с яростным сопротивлением ее врагов. Для защиты диктатуры пролетариата, завоеванной революцией была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия, по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией — ВЧК. На трудный, ответственный пост руководителя ВЧК партия большевиков поставила одного из лучших своих сынов — Ф. Э. Дзержинского.

На боевом посту руководителя ВЧК, затем ОГПУ он находился до конца своей жизни, проявляя огромную энергию, отдавая всего себя делу борьбы рабочего класса

за социализм. ВЧК под руководством Ф. Э. Дзержинского явилась разящим мечом в руках пролетариата против многочисленных заговоров, покушений врагов трудящихся на Советскую власть и ее руководителей.

В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции помимо руководства ВЧК Ф. Э. Дзержинский выполняет ряд ответственных поручений партии и Советского правительства на Восточном фронте в январе 1919 г., на Юго-Западном фронте весной 1920 г. Летом 1920 г. во время войны с буржуазно-помещичьей Польшей в Белостоке был создан Временный революционный комитет Польши, в состав которого вместе с Ю. Мархлевским, Ф. Коном, Ю. Уншлихтом и Э. Прухняком входил Ф. Э. Дзержинский.

За выдающиеся заслуги в борьбе против контрреволюции Ф. Э. Дзержинский в январе 1920 г. был награжден орденом Красного Знамени.

В период, когда наша страна приступила к восстановлению народного хозяйства, партия придавала особое значение восстановлению и укреплению транспорта — основного нерва хозяйственной жизни страны. И тогда, 14 апреля 1921 г., по предложению В. И. Ленина на пост народного комиссара путей сообщения назначается Ф. Э. Дзержинский, с оставлением его на постах председателя ВЧК и народного комиссара внутренних дел. Ф. Э. Дзержинский провел огромную работу по улучшению деятельности центрального аппарата НКПС, по укреплению партийных органов и подъему политической работы на транспорте; он добивается тесной связи транспорта со всем народным хозяйством. Под руководством Ф. Э. Дзержинского работники транспорта в короткие сроки добились значительных успехов в восстановлении разрушенного транспорта и его развитии. XIII конференция РКП (б), состоявшаяся в январе 1924 г., в своем решении указывала, что «транспорт находится в таком состоянии, когда он без особых затруднений способен удовлетворять все предъявляемые к нему народным хозяйством требования».

В результате героического труда советских людей быстро восстанавливалось народное хозяйство страны. Но следы разрухи давали еще себя знать. Продукция промыш-

ленного производства к началу 1924 г. не достигла 50% довоенного уровня, в стране насчитывалось еще около миллиона безработных. В этот трудный период развития первого в мире социалистического государства партия поручает Ф. Э. Дзержинскому руководство Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ). 2 февраля 1924 г. ЦИК СССР утвердил Ф. Э. Дзержинского председателем Высшего совета народного хозяйства, с оставлением на должности председателя ОГПУ. Ф. Э. Дзержинский становится одним из выдающихся организаторов и руководителей промышленности Советского государства. Свою кипучую энергию, выдающийся организаторский талант Ф. Э. Дзержинский направляет на претворение в жизнь генеральной линии партии — на осуществление социалистической индустриализации страны, на обеспечение ее экономической самостоятельности. Он принимал все необходимые меры для быстреего восстановления и дальнейшего роста промышленного производства, организовал борьбу за режим экономии, за укрепление трудовой дисциплины, за всемерное снижение себестоимости промышленной продукции и поднятие производительности труда. Исходя из ленинских указаний о необходимости развития тяжелой индустрии, Ф. Э. Дзержинский неоднократно подчеркивал, что без развитой металлопромышленности невозможно ни дальнейшее развитие промышленности, ни укрепление обороноспособности Советского государства. Ф. Э. Дзержинский последовательно отстаивал и проводил ленинскую политику Коммунистической партии. Он решительно выступал против врагов ленинизма — троцкистов и зиновьевцев, вел непримиримую борьбу со всеми, кто мешал строительству социализма в нашей стране.

В пламенной любви к народу, в глубокой вере в его творческие возможности черпал Ф. Э. Дзержинский силу для борьбы. Во всей своей работе в ВЧК, в НКПС, в ВСНХ Ф. Э. Дзержинский опирался на самые широкие слои рабочих, крестьян, красноармейцев, постоянно получая от них необходимую помощь и поддержку.

Горячая любовь к детям — одна из самых ярких черт Ф. Э. Дзержинского. Он безгранично любил детей, видя в них надежду, будущее трудящихся. Подлинный пролетарский гуманист, он много сил и энергии отдавал спасению

детей от голода и болезней, их коммунистическому воспитанию. Несмотря на чрезвычайную загруженность работой по линии ВЧК, Ф. Э. Дзержинский был председателем комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей.

Ф. Э. Дзержинский с 1917 г. был бессменно членом ЦК большевистской партии и с 1924 г. кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Укреплению партии, защите ее единства, решительной борьбе против врагов ленинизма, борьбе с трудностями социалистического строительства отдавал он все свои силы, знания и огромный организаторский талант. Вся его жизнь — вдохновляющий пример служения народу, великому делу коммунизма.

Ф. Э. Дзержинского — бесстрашного и мужественного борца за освобождение трудящихся, беззаветного борца за коммунизм — горячо и преданно любили коммунисты и беспартийные, весь народ.

* *
*

Произведения Ф. Э. Дзержинского выходят в двух томах. Первый том охватывает период с 1897 по 1923 г., второй том — период с января 1924 по июль 1926 г.

В статьях, опубликованных в 1897 г. — «Ко всем ковенским рабочим», «Как нам бороться?», «Фабрика Шмидта» и других, — Ф. Э. Дзержинский разоблачает жестокую эксплуатацию трудящихся в царской России и подчеркивает, что единственной силой, способной преобразовать капиталистическое общество в социалистическое, является пролетариат. В письмах и статьях периода 1902—1903 гг. — «Заметки о партийной работе в Варшаве в 1899 году», «Антон Росол», «Из письма к Ц. Войнаровской», «Из письма к сочувствующей революционному движению в Польше» — раскрывается деятельность Ф. Э. Дзержинского как одного из руководителей Социал-демократии Польши и Литвы, борца за объединение СДКПиЛ с РСДРП, подлинного пролетарского интернационалиста.

В письмах, относящихся к 1905 г., Ф. Э. Дзержинский призывал польских рабочих к поддержке петербургского пролетариата, начавшего открытую революционную

борьбу против царизма, отстаивал боевое содружество польских и русских трудящихся. В них отражена бурная деятельность Ф. Э. Дзержинского по организации революционной борьбы польского народа против царского самодержавия.

Документом огромной силы является произведение «Из дневника заключенного», написанное Ф. Э. Дзержинским в 1908—1909 гг., когда он находился в заточении в X павильоне Варшавской цитадели. В дневнике ярко раскрывается образ кристально чистого, негибачаемого, бесстрашного революционера, каким был Ф. Э. Дзержинский.

Письма 1907—1912 гг. отражают борьбу Ф. Э. Дзержинского против ликвидаторов и троцкистов за чистоту рядов революционной партии рабочего класса и критику примиренческой политики Главного правления СДКПил.

В некоторых работах Ф. Э. Дзержинского, относящихся к дооктябрьскому периоду («Антон Росол», «Отчет Главного правления на V съезде СДКПил», письмо «Б. М. Шварцу»), нашли отражение ошибочные взгляды СДКПил по национальному вопросу: возражения против программного требования РСДРП «право наций на самоопределение». Эти ошибки СДКПил неоднократно критиковал В. И. Ленин. Ф. Э. Дзержинский в своем докладе на партийном собрании объединенной ячейки НКПС и ЦК железнодорожников 3 января 1924 г. (архив НМЛ) и в «Письме к рабочим Довбыша» в 1925 г. (см. том 2, стр. 192—195 настоящего издания), признавая эти ошибки, призывал следовать и в этом вопросе по пути, указанному В. И. Лениным.

В статьях, речах и письмах периода 1917—1923 гг. отражается деятельность Ф. Э. Дзержинского как ближайшего соратника В. И. Ленина, одного из руководителей и строителей Советского государства, руководителя ВЧК и ОГПУ, народного комиссара внутренних дел и народного комиссара путей сообщения.

Произведения Ф. Э. Дзержинского: «О деятельности ВЧК», «Новые условия борьбы с контрреволюцией», «Белогвардейские кооператоры», его «Доклад на общегородской конференции московской организации РКП(б)» и другие статьи и речи — посвящены вопросам защиты

молодой Советской республики от внешних и внутренних врагов, борьбе с контрреволюцией и саботажем.

В выступлениях на съезде работников железнодорожного и водного транспорта, на конференции союза железнодорожников, в «Докладной записке по вопросу о металлопромышленности», направленной в Совет Труда и Обороны СССР, Ф. Э. Дзержинским дан подробный анализ народнохозяйственных задач: восстановление транспорта и всего народного хозяйства, строительство молодой социалистической промышленности. Эти работы характеризуют Ф. Э. Дзержинского как одного из выдающихся руководителей народного хозяйства Советского государства.

В приложении к первому тому помещены некоторые письма Ф. Э. Дзержинского к родным за период 1898—1919 гг. Эти письма полны заботы о товарищах по борьбе, о родных и близких; они раскрывают необычайную силу любви Ф. Э. Дзержинского к детям, его заботу о воспитании детей здоровыми и сильными духом, правдивыми и честными, умеющими жить для других.

Произведения, вошедшие во второй том, отражают деятельность Ф. Э. Дзержинского на посту председателя ВСНХ СССР и ОГПУ.

В речах и докладах: «Положение промышленности СССР», «Промышленность СССР — основа социалистического строительства», «Своими средствами добьемся индустриализации СССР» и др. Ф. Э. Дзержинский подчеркивает ведущую роль тяжелой индустрии в деле строительства социализма, говорит об источниках социалистического накопления для строительства тяжелой индустрии, освещает вопросы реконструкции промышленности, намечает пути повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции.

Работы «Борьба за снижение розничных цен», «Роль кооперации и ее взаимоотношения с государственной промышленностью» и другие разъясняют необходимость развития государственной и кооперативной торговли, снижения цен на промышленные изделия и проведения ряда мероприятий по подготовке к вытеснению частника из сферы товарооборота.

В статье «Об улучшении работы госаппарата», в речи «На борьбу с болезнями управленческого аппарата» и дру-

гих большое внимание уделяется укреплению и удешевлению государственного аппарата, его связи с массами рабочих и крестьян, развитию большевистской критики и самокритики.

В приветствии «К первому выпуску Высшей пограничной школы» Ф. Э. Дзержинский напоминает о коварных происках империалистических держав, пытающихся сорвать дело социалистического строительства путем диверсий, шпионажа, вредительства, и призывает бдительно охранять советские границы от проникновения агентов международного империализма.

В статье «Наши экономические отношения с Англией» Ф. Э. Дзержинский разоблачает попытки империалистических кругов Англии сорвать торговые отношения с Советским государством, показывает, что СССР всегда честно и добросовестно выполнял свои международные обязательства и готов впредь сотрудничать с другими государствами. Ф. Э. Дзержинский указывает, что развитие экономических отношений между СССР и капиталистическими странами способствует укреплению всеобщего мира.

В «Письме к рабочим Довбыша» Ф. Э. Дзержинский раскрывает международное значение идей ленинизма, опыта борьбы большевистской партии, значение ленинской национальной политики и союза рабочего класса с крестьянством для международного пролетарского движения и призывает трудящихся Польши крепить дружбу с Советским Союзом.

В томе впервые печатаются речи Ф. Э. Дзержинского на пленумах ЦК партии в августе 1924 г., декабре 1925 г., январе и апреле 1926 г., характеризующие Ф. Э. Дзержинского как непримиримого борца за ленинское единство большевистской партии против ее врагов — троцкистов и зиновьевцев.

Том заканчивается последней речью Ф. Э. Дзержинского на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 20 июля 1920 г., в которой он разоблачает капитулянтскую сущность троцкистско-зиновьевского антипартийного блока, вскрывает попытки врагов партии сорвать социалистическое строительство в Советском Союзе и превратить нашу страну в придаток капиталистического мира,

призывает большевистскую партию еще теснее сплотиться вокруг ленинского Центрального Комитета.

Произведения Ф. Э. Дзержинского ярко отражают кипучую жизнь великого сына польского народа, верного рыцаря пролетариата, благороднейшего борца коммунистической революции, неутомимого строителя советской промышленности, труженика и бесстрашного солдата великих боев. Эти произведения имеют огромное значение для воспитания партийных и советских кадров, они помогут им в решении великих задач коммунистического строительства.

* *
*

В настоящее издание вошли статьи, доклады, речи, письма и телеграммы Ф. Э. Дзержинского, опубликованные в газетах: «Рабочий путь», «Правда», «Известия», «Гудок», «Торгово-промышленная газета», «Экономическая жизнь» и др., в журналах «Вестник путей сообщения», «Пролетарская революция», в стенографических отчетах партийных съездов, конференций, съездов Советов, совещаний, изданных отдельными брошюрами.

Документы периода 1897—1909 гг. частично были опубликованы в польских изданиях: газетах «Ковеньски роботник» («Ковенский рабочий»), «Роботник литевски» («Литовский рабочий»), «Червоны штандар» («Красное знамя»), в журналах «Пшеглонд социал-демократычны» («Социал-демократическое обозрение»), «С поля вальки» («С поля борьбы»). На русском языке эти документы, кроме «Из дневника заключенного» и трех писем, печатаются впервые.

*Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее издание выпускается в связи с 90-летием со дня рождения Феликса Эдмундовича Дзержинского. Оно пополнено рядом статей, речей и писем Ф. Э. Дзержинского, публиковавшихся ранее в периодической печати и отдельных сборниках.

В это издание включены выступления Ф. Э. Дзержинского на IV и XII съездах партии, показывающие безграничную преданность Ф. Э. Дзержинского партии, рабочему классу, революции, его широкую связь с массами.

В таких работах, как «Проблема паровозостроения», «Тезисы о торговом флоте и торговом мореплавании», в «Приветствии съезду работников холодильного дела на транспорте» и других, Ф. Э. Дзержинский большое внимание уделяет перспективам дальнейшего развития СССР, его хозяйственной мощи, в связи с чем рекомендует поднимать производительность работы железнодорожного и морского транспорта, согласовывать деятельность транспорта с работой промышленности, усиливать и укреплять работу госпромышленности с кооперацией, развивать работы по мелиорации.

В речи «Проблемы советской торговли», в письме члену Президиума ВСНХ СССР В. Н. Манцеву подчеркивается важное значение постоянной работы по укреплению союза рабочего класса с крестьянством, развитию дружбы народов Советского Союза, братской взаимопомощи.

В статье «О недороде, снижении цен и производительности труда», в выступлении на совещании работников треста «Югосталь», а также в письмах к Г. М. Кржижановскому уделяется большое внимание поднятию производительности труда, борьбе с бесхозяйственностью, за режим экономии. Надо научиться подсчитывать, как мы

работаем, беречь каждый рубль, бороться с хищениями, найти средства для роста зарплаты при условии удешевления изделий промышленности до размеров покупательной способности всего населения,— писал Ф. Э. Дзержинский. Особенное внимание обращал Феликс Эдмундович на борьбу с прогулами и хищениями, квалифицируя их как антипролетарские явления, отмечая, что решающее значение во всей этой работе принадлежит местным партийным организациям.

В докладе о работе по просвещению среди транспортников, в речи по рационализации производства, в письмах к работникам НКПС и ВСНХ Ф. Э. Дзержинский всеми мерами поддерживает рабочее изобретательство и рационализацию, опираясь на рабочую гордость и сознание рабочего класса, выступает против бюрократизма в этом деле, требует давать изобретению оценку не только техническую, но и финансовую.

В выступлении на съезде представителей административных отделов и служб НКПС, в заметке «Ревизии подсобных предприятий» Ф. Э. Дзержинский указывает на то, что административная служба должна в своей работе руководствоваться коммунистическими идеями, работать с максимальной пользой для государства, увязывать работу транспорта с остальной хозяйственной жизнью страны, для того чтобы обеспечить победу страны в решении ее новых задач — строительстве социализма.

В письмах 1925 г. к работникам ВСНХ Ф. Э. Дзержинский проявляет большую заботу об организации жилищного строительства для рабочих и развертывании индивидуального строительства.

Впервые публикуется письмо в Политбюро ЦК РКП (б) «По вопросу о ячейках содействия РКИ».

Порядок расположения документов — хронологический. В конце каждого тома имеются примечания, основные даты жизни и деятельности Ф. Э. Дзержинского, указатель упоминаемых в тексте имен.

Подготовители томов: первого — *И. М. Мишакова*, второго — *С. И. Елкина*. Большую помощь в подготовке данного издания оказали *С. С. Дзержинская* и *З. П. Костыгова*.

*Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

АВТОБИОГРАФИЯ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО¹

Родился в 1877 г. Учился в гимназии в г. Вильно. В 1894 г., будучи в 7-м классе гимназии, вхожу в социал-демократический кружок саморазвития; в 1895 г. вступаю в литовскую социал-демократию и, учась сам марксизму, веду кружки ремесленных и фабричных учеников. Там меня в 1895 г. и окрестили *Яцеком*. Из гимназии выхожу сам добровольно в 1896 г., считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и с ней самому учиться. В 1896 же году прошу товарищей посылать меня в массы, не ограничиваясь кружками. В то время у нас в организации шла борьба между интеллигенцией и рабочими верхушками, которые требовали, чтобы их учили грамоте, общим знаниям и т. д., а не совались не в свое дело, в массы. Несмотря на это, мне удалось стать агитатором и проникать в совершенно нетронутые массы — на вечеринки, в кабаки, там, где собирались рабочие.

В начале 1897 г. меня партия послала как агитатора и организатора в Ковно — промышленный город, где тогда не было социал-демократической организации и где недавно провалилась организация ППС². Здесь пришлось войти в самую гущу фабричных масс и столкнуться с неслыханной нищетой и эксплуатацией, особенно женского труда. Тогда я на практике научился организовывать стачку.

Во второй половине того же года меня арестовывают на улице по доносу рабочего-подростка, соблазненного десятию рублями, обещанными ему жандармами. Не желая обнаружить своей квартиры, называюсь жандармам *Жебровским*. В 1898 г. меня высылают на три года в Вятскую губернию — сначала в Нолинск, а затем, в наказание за строптивый характер и скандал с полицией, а

также за то, что стал работать набойщиком на махорочной фабрике, высылают на 500 верст дальше на север, в село Кайгородское. В 1899 г. на лодке бегу оттуда, так как тоска слишком замучила. Возвращаюсь в Вильно. Застаю литовскую социал-демократию ведущей переговоры с ППС об объединении. Я был самым резким врагом национализма и считал величайшим грехом, что в 1898 г., когда я сидел в тюрьме, литовская социал-демократия не вошла в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию, о чем и писал из тюрьмы к тогдашнему руководителю литовской социал-демократии д-ру *Домашевичу*. Когда я приехал в Вильно, старые товарищи были уже в ссылке — руководила студенческая молодежь. Меня к рабочим не пустили, а поспешили сплавить за границу, для чего свели меня с контрабандистами, которые и повезли меня в еврейской «балаголе» по Вилкомирскому шоссе к границе. В этой «балаголе» я познакомился с одним пареньком, и тот за десять рублей в одном из местечек достал мне паспорт. Доехал тогда до железнодорожной станции, взял билет и уехал в Варшаву, где у меня был один адрес бундовца.

В Варшаве тогда не было социал-демократической организации. Только ППС и Бунд³. Социал-демократическая партия была разгромлена. Мне удалось завязать с рабочими связь и скоро восстановить нашу организацию, отколов от ППС сначала сапожников, затем целые группы столяров, металлистов, кожевников, булочников. Началась отчаянная драка с ППС, кончавшаяся неизменно нашим успехом, хотя у нас не было ни средств, ни литературы, ни интеллигенции. Прозвали рабочие меня тогда *Астрономом* и *Франком*.

В феврале 1900 г. на собрании меня уже арестовали и держали сперва в X павильоне Варшавской цитадели, затем в Седлецкой тюрьме.

В 1902 г. выслали на пять лет в Восточную Сибирь. По дороге в Вилюйск летом того же года бежал на лодке из Верхоленска вместе с эсером Сладкопечевым. На этот раз поехал за границу — переправу мне устроили знакомые бундовцы. Вскоре после моего приезда в Берлин, в августе месяце была созвана наша партийная — Социал-демократии Польши и Литвы⁴ — конференция,

где было решено издавать «Червоны штандар»⁵. Поселяюсь в Кракове для работы по связи и содействию партии из-за кордона. С того времени меня называют *Юзефом*.

До января 1905 г. ездю от времени до времени для подпольной работы в Русскую Польшу, в январе переезжаю совсем и работаю в качестве члена Главного правления Социал-демократии Польши и Литвы. В июле арестовывают на собрании за городом, освобождает октябрьская амнистия.

В 1906 г. делегируют меня на Объединительный съезд в Стокгольм. Вхожу в ЦК РСДРП в качестве представителя от Социал-демократии Польши и Литвы. В августе — октябре работаю в Петербурге. В конце 1906 г. арестовывают в Варшаве и в июне 1907 г. освобождают под залог.

Затем снова арестовывают в апреле 1908 г., судят по старому и новому делу два раза, оба раза дают поселение, и в конце 1909 г. высылают в Сибирь — в Тасеево. Пробыв там семь дней, бегу и через Варшаву еду за границу. Поселяюсь снова в Кракове, наезжая в Русскую Польшу.

В 1912 г. переезжаю в Варшаву, 1 сентября меня арестовывают, судят за побег с поселения и присуждают к трем годам каторги. В 1914 г., после начала войны, вывозят в Орел, где и отбыл каторгу; пересылают в Москву, где судят в 1916 г. за партийную работу периода 1910—1912 гг. и прибавляют еще шесть лет каторги. Освободила меня февральская революция из Московского централа. До августа работаю в Москве, в августе делегирует Москва на партсъезд⁶, который выбирает меня в ЦК. Остаюсь для работы в Петрограде.

В Октябрьской революции принимаю участие как член Военно-революционного комитета, а затем, после его роспуска, мне поручают организовать орган борьбы с контрреволюцией — ВЧК (7/XII—1917 г.), председателем которого меня назначают.

Меня назначают народным комиссаром внутренних дел, а затем, 14 апреля 1921 г., — и путей сообщения.

Опубликовано в 1926 г.

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

КО ВСЕМ КОВЕНСКИМ РАБОЧИМ ⁷

Братья рабочие! На всем белом свете, в самом глухом уголке, где только имеются рабочие, труд и жизнь которых эксплуатируют капиталисты и богачи, всюду рабочие приходят к сознанию, что если они не будут бороться за свое существование, за кусок хлеба, за свою собственную жизнь и жизнь своих детей, жен и родителей, то нужда и нищета так зажмут их в свои когти, что придется погибать от голода.

А жизнь преподнесла рабочим достаточно практических уроков, показывающих, могут ли они надеяться на чью-либо милость. Кто нам поможет, кто сжалится над нами? Те ли фабриканты, которые голодом заставляют нас работать на них за гроши всю нашу жизнь с утра и до ночи? Может быть, правительство, которое издает против нас суровые законы, которое своими законами и своей силой поддерживает против нас фабрикантов, которое нас заставляет платить ему больше всего налогов? Или же ксендзы, провозглашающие: работай — и получишь, смирайся — это заслуга, отдавай мне хотя бы последнюю копейку, тогда попадешь на небо. Они превратили религию в орудие обмана, чтобы еще больше нас грабить.

Так что нам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя!!!

Рабочие всего мира уже поняли, что только они сами могут улучшить свое положение, притом лишь упорной, стойкой, солидарной борьбой. И они боролись и борются, и много уже, много отвоевали для себя уступок.

Посмотрим же на самих себя и мы, ковенские рабочие. Хорошо ли нам живется и не господствует ли и у нас эксплуатация и нищета так же, как и в других городах, где нужда научила людей разуму и заставила их бороться, объединяться.

За границей всюду у рабочих имеются свои собственные газеты; из них рабочие узнают, где что слышно, каково положение рабочих других предприятий, в других городах и государствах, что уже завоевали рабочие в других местах, за что можно и нужно бороться. Из этих газет рабочие узнают, где происходит забастовка, для кого нужно собирать деньги. Мы же здесь нередко не знаем даже, что происходит на другом предприятии того же города, и поэтому не можем ни поддерживать своих братьев в борьбе, ни побуждать к ней. Цель данной газеты и заключается в том, чтобы прежде всего рассмотреть наше собственное положение, каково оно на различных предприятиях и как мы можем друг другу помогать, а затем показать, как борются наши товарищи в других городах и за границей, одним словом, цель газеты состоит в том, чтобы нам легче было разбираться в нашей борьбе и помогать друг другу.

Мы не должны, однако, забывать о том, что когда мы думаем, говорим и пишем о нашем положении, то царское правительство считает это большим преступлением, чем разбой и воровство; будем же осторожны, чтобы фабрикант или жандарм, или кто-либо из полицейских не увидели газету в наших руках. Итак: будем осторожны! Это, однако, не значит, что мы не должны думать о своем положении, ибо все равно нам нечего терять, а думая и борясь мы можем улучшить свою судьбу.

«Kowienski Robotnik»
(«Ковенский рабочий») № 1,
1 апреля 1897 г.

*Печатается по тексту газеты
Перевод с польского*

ФАБРИКА РЕКОША

У нас в Ковно имеются четыре фабрики железных изделий: Шмидта, Тильманса, Рекоша и Петровского, но нигде положение рабочих не столь плачевно, как у нас. Работает у нас до 200 человек; мы работаем, как и на других предприятиях, 13 час. Наши заработки, однако, чрезвычайно низки, тем более, что мы работаем сдельно, поштучно, и нет почти ни одной субботы, чтобы кому-нибудь из нас не урезывали заработной платы. Это повторяется постоянно. Измучаешься, напрягаешь все свои силы, лишь бы больше сделать, чтобы немного больше заработать; уже радуешься, что получишь больше 10 руб., но вот приходит день полочки — и что же ты получаешь? — ровно половину. Пойдешь в контору просить, чтобы тебе уплатили все, что полагается, а тебя выругают, как собаку, и этим дело кончается. Уходи, скажут тебе, если тебе не нравится. Вот и разговаривай с ними. Некоторые рабочие уже неоднократно жаловались инспектору, но это не помогло, — он такой же ворон и тоже отвечает: плохо тебе, так не работай. Это самая большая наша беда. Вот недавно один из нас выработал на 15 руб., а получил 7 руб. 50 коп.

Помимо того что нас, уже ограбленных, еще раз грабят столь нахально, мы должны платить по 1 коп. с каждого рубля в больничную кассу. Идут ли туда все деньги, не попадают ли они также в другое место, — мы не знаем, а денег там должно быть уже довольно много. Из больничной кассы мы получаем на врачебную помощь и больницу, а также, если кто-нибудь получит увечье, то

фабрикант выплачивает ему из больничной же кассы половину его заработка. Он совершает этим двойное беззаконие над нами: во-первых, платит за все это из больничной кассы, т. е. из наших денег, в то время как по закону он должен платить из своих денег, и, во-вторых, он уплачивает изувеченным не весь заработок, а лишь половину.

Кроме того, мы вынуждены переносить здесь постоянную ругань со стороны Рекоша, оскорбляющего наше рабочее достоинство. Если бы так выругал нас кто-либо из рабочих, то мы, наверно, не простили бы ему. Зачем же прощать Рекошу?

Мало еще того, что нас так эксплуатируют, — мастер Богданович с «собакой» Адамовичем стараются обобрать нас еще больше, заставляя нас платить разные поборы, то на бедную семью, то на церковь, а рабочие, опасаясь навлечь на себя гнев, платят, хотя они сами нуждаются в помощи. Не подлежит сомнению, что часть собранных денег остается в карманах мастера и Адамовича.

Так подыдемся же, товарищи, и мы на борьбу по примеру петербургских рабочих и предъявим Рекошу наши требования:

1) чтобы расценки за каждую работу были прежние, чтобы он никому не урезывал заработной платы;

2) чтобы был введен, согласно закону, $10\frac{1}{2}$ -часовой рабочий день и чтобы одновременно была повышена сдельная заработная плата;

3) чтобы медицинскую помощь, больницу и пособия больным и изувеченным он оплачивал из своего кармана, а не из больничной кассы, и весь заработок, а не половину;

4) чтобы не заставлял нас платить в больничную кассу вопреки нашей воле;

5) чтобы не обращался с нами, как с собаками.

И мы должны обязательно добиться выполнения наших требований!

«Kowienski Robotnik» Печатается по тексту газеты

*(«Ковенский рабочий») № 1, Перевод с польского
1 апреля 1897 г.*

КАК НАМ БОРОТЬСЯ?

Многие рабочие уже понимают, что лишь путем борьбы можно улучшить свое положение, и борются, но, не зная, как надо бороться, очень часто проигрывают. Обыкновенно это случается тогда, когда рабочие заблаговременно не думают о том, что произойдет с ними, когда не смотрят в будущее, не видят, что их ожидает. Тогда, доведенные нуждой до отчаяния, они изливают свой гнев, ломая машины, убивая фабрикантов, громя магазины и т. п. Это, безусловно, не облегчает их положения, ибо ведь не машина эксплуатирует рабочего, а те предприниматели, которым принадлежат машины. Машина, наоборот, должна была бы уменьшить нужду, ибо ведь она помогает производить скорее и лучше, так что можно было бы работать меньше и больше зарабатывать. В действительности же получается совершенно иначе: развиваются машины и одновременно растет нужда, а происходит это потому, что эти машины принадлежат не рабочим, а предпринимателям, а их интересует лишь прибыль и больше ничего. И всю пользу от машин они присваивают себе. Так незачем разрушать фабрики, а надо добиваться, чтобы рабочий день был короче и чтобы больше нам платили.

Как нам этого добиваться? Лучшее средство — это бросить работу — стачка. Если, однако, лишь один или двое рабочих бросят работу, то они нисколько не улучшат этим своего положения, наоборот — потеряют место и им будет еще хуже. Что же требуется для того, чтобы выиграть? Надо, чтобы рабочие все до одного бросили работу, то есть необходимо единство — это первое, самое главное условие, без которого успешная борьба невозможна. Мы должны, следовательно, заботиться о развитии этого

łączcie się!

KOWIENSKI robotnik

Do wszystkich kowieńskich robotników

Brać cię robotnicy! Na całym świecie bożym w najcięższym kalceczku, gdzie tylko są robotnicy, pracy i życie których występują kapitaliści i bogaci tego świata, wszędzie robotnicy przechodzą do świadomości, że jeżeli oni nie będą walczyli o swój byt, o kawałek chleba, o życie swe własne i swych dzieci, żon i rodziców, to bieda i nędza tak ich w swe szpony wzmaga, że setkami i tysiącami trzeba będzie zabijać swych dzieci, by samym nawpół z głodem przeżyć i osłabniecznie zdieknąć, jak bydlę.

Życie zaś dalo robotnikom dostyc praktyki, czy mogą oni spodziewać się na łaskę czyjaś kolwiek? Kto nam dopomoże, kto nad nami się zlituje? Czy ci fabrykanci, którzy zmuszają nas głodem na siebie za ogryzki pracować całe swe życie od rana do nocy? Czy rząd, który nas surowo prawną wyrydaje, a który prawami swymi i swą siłą potępia myśł fabrykantów przeciwko nam, którzy zmuszają nas najmniejszą podatkową płacę sobie? Czy też księża, którzy głoszą: pracuj a będziesz miał, bądź pokorny - to zaś łoga, o której chce ostatni twój grosz mieć, to kładzie do nieba? Tak! czy by nigdy on nie pomyślał o tem, czy sam on trafi do nieba; on na umyśle nie zapomnił te słowa Chrystusa, że przyjdą wielkiś przegnie pierze ucho igły, niż bogactw trafi do nieba - to znaczy, że bogactw - zładuj. Zrobili oni z religji oręż, by nas ogłupić i tem jeszcze lepiej nas odwrócić.

Więc niema na kogo rachować. Musimy tylko na samych sobie...
Zrozumieć, iż to robotnicy całego świata, że tylko z nami oni mogą sobie pokolepszyć byt; to tylko walkę, najcięższą i najzłotrąszą. I walczyć i walczyć i dużo, dużo ustąpić wymagalnie sobie.

Spójrzmyż i my, kowieńscy robotnicy, posobie. Czy nam dozwolę czy nas wyzysk i nędza też nie opanowały tak samo, jak i innych miast, gdzie bieda ludzka rozumnie nauczyła i pobudziła ich do walki, do jedności.

Zagranicę wszędzie robotnicy mają swe własne gazety, dowiadują się z nich o tem, gdzie coś tychać, jakie jest położenie ich, robotników w innych fabrykach i miast i innych państw, co podobnie wywalczyli, a co im trzeba i można walczyć. I przez te gazety webotnicy o wszystkich swych braciach dowiadują się, gdzie stoją, dla kogo pieniędzy trzeba zbierać. My zaś tutaj niezadko nawet nie wiemy, co dzieje się w innych nawet fabrykach tegoż samego miasta, nie możemy więc ani podziwiać swych braci w walce, ani też pobudzić do niej, więc ta gazeta i ma na celu przedewszystkiem rozpatrzyć nasze własne, jakim ono jest w różnych fabrykach i jak możemy sobie pomóc, a zatem jak możemy, nasi bracia w innych miastach i zagranicę, jednemu się wem, całą gazetę, ten, by nam łatwiej było orjentować się w walce swój i by jedni drugim do pomocy.

Musimy jednako nie zapominać o tem, że myśłić możemy: pisać nam o swem położeniu jest to według każdego rzędu gorzej, niż walczyć ludzi krześc; bądźmy więc ostrożni, by nie dobieżeli w następnych wtkach fabrykantów, lub zamieszek, lub kłoz polityki. Jeszcze raz więc: bądźmy ostrożni, lecz to nie znaczy, byśmy nie myśleli o swem położeniu, bo wszystko jedno fracie nie mamy czego, a myśłąc i walcząc, możemy poprawić swój los.

Первая страница газеты «Ковенский рабочий»

(«Kowienski Robotnik») № 1, 1 апреля 1897 г.

Написана и отпечатана на гектографе лично Ф. Э. Дзержинским

единства — этой солидарности как в самих себе, так и в других, живя дружно, помогая друг другу во всем. Лишь тогда, когда мы будем поддерживать друг друга, мы можем многого добиться. Ведь всем известна сказка о том, что целого пучка прутьев никто почти не в состоянии сломать, а каждый прутик в отдельности сумеет сломать даже ребенок. Так и с нами: если мы будем бороться каждый отдельно, то предприниматель и нужда окончательно нас одолеют — сегодня одного, завтра другого; а если мы будем держаться друг за друга, если все превратится в одну рабочую семью, то сможем добиться всего!

Не всегда, однако, при солидарности и мирным поведением рабочих забастовка обязательно будет удачной. Положим, что рабочие начнут бастовать как раз в такой момент, когда у фабриканта нет заказов; тогда забастовке будет для фабриканта даже выгодна, ибо он и так хотел уволить рабочих, но закон этого не разрешает, а тут рабочие сами выступают. Или же рабочие забастуют, когда у фабриканта мало работы; тогда придется очень долго бастовать и можно проиграть. Нужно, следовательно, выбирать для стачки такое время, когда много срочной работы, тогда легче выиграть.

Затем мы должны заботиться, чтобы никто со стороны не занял нашего места, таким людям мы должны разъяснять, что мы боремся не только для себя, а и для всех рабочих, что если мы добьемся уступок, то и другие фабриканты испугаются и могут также пойти на уступки. Мы должны разъяснять, что мы боремся с эксплуатацией, порабощающей всех рабочих.

Если же эти разъяснения не помогут, тогда, не находя другого выхода, мы должны будем силой, страхом заставить их удалиться.

Мало того, чтобы выиграть, нужно быть стойкими и твердыми, придется немного затянуть пояс для того, чтобы потом стало лучше, чтобы жизнь наша стала сносной. Необходимо также постоянно собираться во время забастовки, чтобы поддерживать, подбадривать более слабых, чтобы мы знали друг о друге, ибо иначе того или другого, предоставленного самому себе, могут одолеть сомнения, и он может вернуться на работу. А допустить этого нельзя, это было бы предательством своего собственного

дела. Поэтому необходимо также следить у фабрики, чтобы никто не осмелился вернуться на работу.

Не надо также выдвигать вперед робких, ибо когда фабрикант или инспектор, или полицейский набросится на них, то они не сумеют ему ответить, запутаются и могут испортить все дело.

Следует также знать, как вести себя с полицией, если она вмешается. Каждый должен отвечать за себя, говорить, что он по собственной воле, а не по наущению, не хочет работать на таких условиях, что он выступил сам по себе, а не потому, что выступили все. Тогда полиция не сможет нам ничего сделать, ни к кому и ни к чему не сможет придрататься.

Дальше. Не только забастовкой можно заставить предпринимателей идти на уступки, лучше обращаться с нами. Как известно (см. статью «16 апреля»), предприниматели у нас не выполняют даже того, что сказано в законе. Правительство, хорошо зная об этом, не принимает никаких мер, так как оно видит, что рабочие сидят смирно, не добиваются сами, а правительство, как известно, защищает интересы не наши, а предпринимателей. Мы должны, следовательно, сами давать знать о себе, показать, что мы боремся и требуем. Поэтому необходимо подавать жалобы при каждом злоупотреблении фабриканта, а если это не помогает, тогда прибегать к забастовке.

Дальше. Для того, чтобы фабрикант иначе обращался с нами и делал нам уступки, он должен считаться с нами, то" есть должен знать, что всегда наткнется на сопротивление, если сделает что-либо плохое, хотя бы одному из нас: урежет заработную плату, беспричинно оштрафует, выгонит вон и т. п. Мы должны поэтому быть бдительными не только во время забастовки и не только тогда, когда он что-нибудь плохое сделает всем нам, а постоянно, ежедневно, чтобы он никому из нас не нанес обиды. А предприниматель, видя наше единство, поймет и почувствует, что мы уже стали силой, что мы не позволим ему эксплуатировать нас, сколько ему захочется, и будет с нами считаться, будет бояться нас. И тогда наше освобождение пойдет вперед быстрыми шагами.

«Kowienski Robotnik» Печатается по тексту газеты («Ковенский рабочий») № 1, Перевод с польского

1 апреля 1897 г.

16 АПРЕЛЯ

Приближается 16 (28) апреля. Что же это за день, если мы хотим немного побеседовать о нем. Так вот: летом 1896 г. петербургские рабочие числом от 30 до 40 тыс. бросили работу, требуя сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, устранения разных неполадок. Они держались мужественно, стойко бастовали, но полностью выиграть стачки не смогли, так как правительство, видя, что в Петербурге, в городе, где находится высшая власть, столь широко распространилось рабочее движение, прибегло к всевозможным мерам, лишь бы подавить это движение. Более тысячи самых мужественных людей было выслано из Питера. Но помогло ли это, искоренило ли это действительно движение и самую мысль о борьбе за улучшение положения рабочих? О, нисколько! Под влиянием этих преследований сознание необходимости борьбы распространилось еще шире, все большая и большая часть рабочих стала приходить к убеждению, что довольно уже спать, что надо бороться не на жизнь, а на смерть.

Между тем правительство и фабриканты, утверждавшие прежде, что положение рабочих совершенно удовлетворительно, теперь, напуганные угрожающей позицией сознательных рабочих, которые не ломают оборудования, а стойко борются, начали в своих газетах говорить о том, что действительно следует сократить рабочий день. Они думали, что этим убаюкиванием им удастся усыпить бдительность и сознательность рабочих, что предприниматели поболтают об этом, но ничего не выполнят, а рабочие подумают, что они действительно их благодетели, и будут

ждать, пока те выполнят свои обещания. Всегда у них дело кончается лишь одной болтовней...

Но зимой, в январе нынешнего года, до 20 тыс. рабочих снова выступило со своими требованиями. Правительство и фабриканты поняли, что теперь обещаниями им уже не выкрутятся и что им угрожает то, что рабочие всего Петербурга, до 120 тыс. человек, бросят работу и выступят со своими требованиями, поэтому они были вынуждены принять решение о введении с 16 (28)⁸ апреля на заводах и фабриках всей России, а следовательно и у нас, для рабочих механических предприятий 10¹/₂ час. работы в сутки, для ткачей — 11¹/₂ час. и для остальных рабочих — 12 час. Так вот, братья, и нам необходимо знать об этом. И у нас, согласно этому закону, обязаны соответствующим образом уменьшить рабочий день. Но каждый из нас знает, что если мы сами не будем добиваться своих прав, если сами не заставим фабриканта и заводчика выполнить этот закон, то он может остаться лишь на бумаге. Правительство будет смотреть на это сквозь пальцы. Мало ли у нас таких примеров? Например, у Рекоша или Тильманса и у других по закону врачебную помощь и больницу для рабочих должен оплачивать предприниматель, и он не имеет права брать из больничной кассы, то есть из денег рабочих. А что у нас происходит? Если дадут, то из больничной кассы, а то и ничего не дадут. Или же вопреки воле рабочих удерживают из заработка в больничную кассу, что запрещено законом. У Рекоша все вынуждены платить, а у Тильманса — теперь только женатые. Далее. По закону предприниматель не имеет права не дать ничего и уволить, если кто-нибудь получит на предприятии увечье. А как дело обстоит у Розенблюма в Алексоте? Если какая-нибудь девушка получит увечье, то Розенблюм ничего ей не дает, а платит лишь за часть дня, которую она проработала. Или же Рекош постоянно урезывает зарплату, а закон также воспрещает это. Вот что мы видим!

Необходимо также знать и о том, что при сокращении рабочего дня предприниматель не имеет права снижать заработную плату, и мы не должны ему этого позволить. Если плата поштучная, то мы должны непременно добиться повышения сдельной оплаты, иначе мы не будем зарабатывать даже того, что зарабатывали прежде. А при

более коротком рабочем дне мы вообще должны зарабатывать больше, чем раньше, потому что у нас будет больше свободного времени. Что мы будем тогда делать? Пить водку? О, нет! Каждый из нас захочет тогда и почитать, чтобы стать поумнее, и пойти в театр. Одним словом, наши потребности возрастут, следовательно и расходы наши будут больше, поэтому мы должны и больше зарабатывать. Запомним же это и будем бороться за сокращение рабочего дня и вместе с тем за повышение заработной платы.

Заводы Рекоша, Шмидта, Тильманса и Петровского — механические, так запомним, что у нас рабочий день должен продолжаться лишь $10\frac{1}{2}$ час, а на других предприятиях — 12 час. Будем за это бороться, если предприниматели не захотят выполнить этот закон!

*«Kowiński Robotnik» Печатается по тексту газеты
(«Ковенский рабочий») № 1, Перевод с польского
1 апреля 1807 г.*

ВСЕОБЩИЙ РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК 1 МАЯ⁹

Сегодня у нас 1 Мая, всеобщий рабочий праздник. Что это за праздник? Ксендзы ничего нам о нем не говорили! И почему это праздник лишь для рабочих, а не для всех? Да, это совершенно другой праздник, исключительно рабочий праздник, это не церковный праздник, когда ксендзы с амвонов разглагольствуют о смирении, в то время как сами живут в полном достатке, а нам нечего есть. Это — праздник борьбы и нашего освобождения от ига богачей и правительства, это праздник братства рабочих всех стран без различия вероисповедания для совместной борьбы; это праздник нашего пробуждения от многолетнего сна, праздник правды, и в то же время этот наш праздник является угрозой, кошмаром для господ и правительства, для сильных мира сего, которые столь долгие годы сосут нашу кровь.

Этот праздник учредили сами рабочие в 1889 г. на съезде в Париже и постановили, чтобы в этот праздничный день не являться на работу и ставить перед господами-фабрикантами и правительством наши требования: 8-часового рабочего дня и разные другие. Праздновать этот день и выдвигать свои требования должны рабочие всего мира, чтобы составлять одну рабочую семью, чтобы этим показать свою всеобщую солидарность, чтобы всем кровопийцам показать, что мы могучая, великая сила, когда действуем дружно, чтобы таким образом заставить их идти на уступки.

Так именно и поступали рабочие всюду, где рабочие поняли, как им бороться со своей нуждой, какую они представляют силу и что им полагается по праву. Таким путем они завоевали себе много уступок. И не только за

границей, но даже в Российской империи рабочие праздновали и выдвигали свои требования и добились уже не одной уступки. Ведь постоянная борьба в Петербурге, Вильно, Варшаве, Риге, Лодзи и других городах почти всем известна. Во многих городах рабочие завоевали себе уже более короткий рабочий день, более высокую заработную плату, лучшее обращение и т. д.

А у нас в Ковно до сих пор, если и была какая-нибудь общая борьба, то или без плана, или кратковременная, не постоянная, без организации, была так называемая стихийная, неосознанная борьба, поэтому наше положение и не улучшается, а ухудшается. Пора, следовательно, и нам присоединиться к сознательным, иначе мы не добьемся полной свободы!

Так пусть наш праздник 1 Мая, когда миллионы рабочих бросают работу и выставляют свои требования, пусть этот праздник поможет нам понять наше дело, чтобы и мы не отставали от других, а принялись за борьбу, которая приведет нас к победе.

Разве нам не за что бороться? Посмотрим, сколько часов мы работаем: 13—14, а то и больше, как, например, на пивоваренных заводах. Заработная плата тоже чрезвычайно низка: например, в Алексоте девушки получают в месяц лишь до 5 руб., поденщики на других предприятиях — 50 коп. и меньше. Как по-человечески жить при такой работе и такой заработной плате, как не страдать от голода и холода! И все это ты должен переносить ради роскоши тунеядцев-господ и правительства. Вот, например, Розенблюм, этот, казалось бы, не столь крупных барин, а у него ежедневно чистой прибыли от нашей работы больше 100 руб., в то время как все рабочие вместе (до 70 человек) зарабатывают в день меньше 25 руб.

Так почему же мы не боремся? Ведь только путем борьбы мы можем выкарабкаться из нужды. Так пусть, начиная с сегодняшнего дня, каждый из нас заботится об этом, пусть каждый уже сознательный рабочий разъясняет своим братьям, что мы должны делать, чего и как мы можем добиться, какой мы станем силой, когда все поймут наше дело и будут солидарны, т. е. когда все будут стоять за одного, а один — за всех. Так пусть этот день — наш праздник — поможет нам понять наше дело, пусть с

этого дня установятся между нами братские узы единства, пусть этот праздник будет днем нашего возрождения! Пусть среди нас не будет предателей, продающих своих братьев за ничтожную копейку, и тогда светлое будущее будет уже не за горами.

Да погибнут тираны, да погибнут кровопийцы, да погибнут предатели, и да здравствует наше святое рабочее дело! Смелее на борьбу, и победа будет за нами. Дружно, братья, вперед!

*Печатается по фотокопии листов
ни, хранящейся в архиве Инсти-
тута марксизма-ленинизма при
ЦК КПСС
Перевод с польского*

ФАБРИКА ШМИДТА

Посад Шанцы, вблизи Ковно. На нашей фабрике господствует страшная нужда и эксплуатация. Работает нас, рабочих, около 800 человек. Это большая сила. Но, к сожалению, мы не умеем этой силой пользоваться, ибо мы сами этой силы не знаем, ибо нет солидарности среди наших товарищей, мы позволяем себя эксплуатировать и вместо того, чтобы всем вместе защищаться, покорно несем свое тяжелое ярмо. Пусть «Роботник литевски»¹⁰ опишет наше положение, а когда наши товарищи прочитают и узнают, что другие товарищи призывают их к святой борьбе за наше дело, то, быть может, им будет стыдно, и они поймут, наконец, необходимость приступить к собственной защите.

Как я уже сказал, нас здесь около 800 рабочих, в том числе более 50 женщин (в возрасте от 16 до 40 лет) и около 20 малолетних, едва достигших 12—13 лет. Работа наша очень тяжелая, так как мы производим всякие железные и бронзовые изделия. Но такова уж, кажется, судьба рабочего: чем тяжелее труд, тем работать надо дольше. Летом мужчины работают с 6 утра до 7 вечера, или 13 час. в день, женщин выпускают на 5 минут раньше; малолетние работают с 6 утра до 7 вечера с перерывом с 9 утра до часу дня. В зимнее время мы работаем с 7¹/₂ утра до 8 вечера, или 12¹/₂ час. в день. Перерывы для взрослых следующие: летом — с 7¹/₂ час. утра до 8, с 12 до часу дня, с 4 час. дня до 4¹/₂ час.— всего 2 час; зимой — с 12 час. дня до часу и с 4 до 4¹/₂ — всего 1¹/₂ час.

Как видите, работа наша очень тяжелая, продолжительная. Такой труд требует хорошего питания, хорошего отдыха и приятных развлечений, в противном случае человек может забыть, что он человек, и сделаться похожим на скотину. Но откуда нам взять средства на хорошее питание или развлечения? Для здоровых развлечений у нас нет времени, для хорошей жизни нет денег. После многочасового тяжелого труда рабочий возвращается домой таким измученным, что едва хватает сил поужинать и вместо того, чтобы поговорить с товарищами или женой, или поиграть с собственными детьми, он ложится как собака на свое логовище, чтобы восстановить хоть немного затраченные силы и вернуться на утро к ярму, точно раб. Разве у кого-нибудь из нас есть время прочитать газету или книжку? Ведь после нескольких строчек, после нескольких минут чтения он от усталости уснет над книжкой. Нет у нас никакого подкрепления для измученного тела и мозга. Скажите сами, на какие средства покупать газету или книжку, если заработка нашего не хватает на пищу и одежду? Рабочие, работающие по-денно, зарабатывают от 20 до 80 коп. в день, женщины — от 20 до 50 коп., а сдельщики зарабатывают 80 коп., самое большее 1 руб. 15 коп. в день. Такого заработка фабриканту не хватит на одну только одежду, хотя он вовсе не работает, а живет нашим трудом!

В слесарной мастера сами нанимают рабочих. Их заработок мастера сами записывают в книжки и записывают бог знает как, сколько им понравится. Мастера, работающие сдельно, зарабатывают до 30 руб. в две недели. И это — собачья плата за тяжелый труд, а между тем они за это часто продают себя фабриканту и держат его сторону против нас.

Труд — тяжелый, жизнь — подлая, но это еще не все! К этому надо добавить еще болезни, которые всегда тянутся за нуждой и тяжелым трудом. Рабочие здесь болеют очень часто, больше всего воспалением легких. В травильном отделении, где протравливают проволоку, труд убийственен от протравы, кровь портится, протрава ест железо, как же ей не съесть тела рабочего! Тут даже дышать нельзя. И часто бывает, что кровь идет горлом.

Хорошо еще, когда можно работать. Хотя труд и тяжел, он все же лучше болезни, которая после него приходит. Во время болезни за тобой нужен уход и надо питаться лучше, чтобы вернуть здоровье, а жена и дети тоже должны жить. Но именно тогда, когда больше всего нужны деньги, у нас их меньше всего бывает.

Все мы, кроме малолетних, платим в больничную кассу. Кто зарабатывает в день до 50 коп., платит ежемесячно 30 коп., а кто зарабатывает в день 80 коп. и до 1 руб., платит ежемесячно 50 коп. Таким-то образом рабочий теряет здоровье для фабриканта, а на случай болезни должен еще собственными деньгами снабжать больничную кассу.

Есть здесь фельдшер и врач Файнберг. Врач — скверный, к осмотру больных он приступает, как медведь. Фельдшер бывает ежедневно, а врач два раза в неделю.

Тяжелый труд, долгий рабочий день, жалкий заработок и болезни — это еще не все наши бедствия. Грызет нас еще одна несправедливость: штрафы. За каждый пустяк — плати штраф. Вот мы и платим часто. За курение табаку — штраф от 50 коп. до 1 руб. За опоздание (до завтрака) — 5 коп. Куда идут эти деньги, что делается с этими кровными копейками, похищенными у нас, об этом спросите господина фабриканта. Мы, рабочие, этого не знаем, но догадываемся. Вот, например, четыре года тому назад пала фабричная лошадь, а так как этот убыток надо было покрыть, то с нас стали беспощадно драть штрафы за каждый пустяк; и драли основательно, от 50 коп. до 2 руб.

Но болезнь и штрафы — все еще не самое большое горе. Сдерут с тебя штраф, или проболеешь некоторое время, всегда есть еще надежда, что когда-нибудь будет лучше, будут заработки получше. Но если, работая на фабриканта, наживешь увечье, тогда попросайся, рабочий, с надеждой и примиришь с адом, ибо тогда наступает ад на земле. Ты работал, как раб, а плоды твоего труда шли в карман капиталиста; теперь ты калека, работать больше не можешь, значит не можешь больше обогащать капиталиста, значит — ты больше не нужен. Выбросят тебя ни с чем, или с мелкой подачкой, а потом — посох нищего. Лучше уж погибнуть на месте, чем стать калекой.

Вот так погиб рабочий Китцельман прошлой зимой. Несчастный этот должен был перевести приводной ремень на другой шкив, а так как фабрикант жалел денег на облегчение этой работы, то у Китцельмана не было другого инструмента, кроме четырехгранного железного прута; взял он в руки этот прут, но, к несчастью, когда он приложил его к ремню, прут соскользнул, и Китцельман наклонился вперед так, что голова его попала под ремень и в одно мгновение была раздроблена. Жена его получила за покойника 500 руб., а фабрикант не был сослан на каторгу, хотя его жадность убила Китцельмана. Если бы приводной ремень был надлежащим образом отгорожен и если бы были налицо соответствующие инструменты для перевода ремней, например вилы, то Китцельману не пришлось бы пользоваться обыкновенным прутом, который соскользнул и вызвал его смерть. Фабриканты жалуют денег на охрану жизни и здоровья рабочих, а царское правительство ссылает на каторгу лишь бедных «преступников», но только не богачей.

Летом был несчастный случай с рабочим Бедарфом. Дело было так: для шлифовки был поставлен новый огромный камень, который во время быстрого вращения лопнул и его осколок выбил Бедарфу зубы. Несчастный получил за зубы 150 руб. и работу, т. е. пожизненную каторгу, потому что иначе нельзя назвать нашу работу. 23 апреля сорвался ремень, из-за этого свалился молот и отрубил рабочему Гату палец на левой руке.

Вот вам вкратце описание нашей судьбы. Иногда появляется среди нас мысль о сопротивлении, но это не продолжается долго, хотя, если рабочие захотят, они могут многого добиться. Лет десять тому назад на этой фабрике работало только 200 рабочих. Рабочий день тогда продолжался 12 час. без перерыва. Рабочие решили тогда сократить рабочий день до 11 час, а когда фабрикант не захотел добровольно на это согласиться, то устроили забастовку: бросили все солидарно работу и после нескольких дней стачки выиграло дело. Четыре года тому назад шлифовальщикам снизили расценки; все, в числе 40 человек, бросили работу, и после двух недель им была восстановлена прежняя плата. Сейчас нужда наша трудно поддается описанию, работа тяжелая, рабочий день продол-

жается 13 час, заработок собачий, а мы не можем себе помочь и с покорностью переносим нужду, хотя нас около 800 человек. Долго ли так будет продолжаться? Можем ли мы смотреть равнодушно не только на нашу нужду, но и на нужду наших жен и детей? Если мы не хотим думать о себе, то нашей святой обязанностью является забота о детях, чтобы они не терпели от недостатка. Нас 800, а против нас один фабрикант. И так повсюду. Рабочих миллионы, а против них горсть капиталистов.

Почему же рабочие несут свое ярмо? Потому что не знают своей силы, не объединяются вместе и не борются общими силами за лучшие условия жизни, не защищают своих интересов, не заботятся, видимо, о судьбе собственных детей. Правда, царское правительство стоит на стороне капиталистов и не позволяет нам защищать наших заработков, нашего здоровья и нашей жизни. Правда, царское правительство запрещает нам бастовать, запрещает объединяться, запрещает собираться и совместно обсуждать условия нашей жизни. Все это правда. Но сколько рабочих, не считаясь с царским правительством, устраивали забастовки, объединялись тайком, тайком друг друга поддерживали и не раз побеждали в борьбе с капиталистами? Давайте делать так же и мы, завоеваем лучшие заработки и более короткий рабочий день. А кроме того, давайте агитировать всех товарищей, показывать им, как царское правительство заодно с капиталистами, поддерживает их и помогает им угнетать нас. А когда рабочие массы осознают, что их врагами являются капиталисты и царское правительство, они все настойчивей и громче начнут требовать, чтобы правительство не угнетало их так позорно, и тогда, рано или поздно, они завоеуют политические права и получат возможность объединяться, собираться вместе и вместе обсуждать свои дела.

Лучшая заработная плата и более короткий рабочий день — наш главный лозунг в борьбе с капиталистами.

Политическая свобода — наш главный лозунг в борьбе с правительством.

А когда свергнем царское правительство, когда получим возможность объединяться и открыто обсуждать свои дела, когда получим возможность открыто просвещать темных товарищей, тогда будет расти солидарность и сила

рабочего класса и, положив конец господству царизма, мы, впоследствии,, также положим конец господству капиталистов. Фабрики, заводы, шахты, железные дороги, вся земля и орудия труда станут собственностью всех, каждый будет работать столько, сколько нужно,— тогда наступит социализм. Весь рабочий мир уже стремится к социализму,— давайте и мы будем добиваться своего освобождения!

«*Robotnik Litewski*»
(«Литовский рабочий») № 2,
1897 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с польского

ИНЖЕНЕРНЫЕ МЕХАНИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ В ВЕРХНЕЙ ФРЕЙДЕ, СУВАЛКСКОЙ ГУБЕРНИИ

Когда рабочие хотят организовать, собраться вместе и сообща обсуждать, как им защищать свои интересы, царское правительство им это запрещает. Когда рабочие борются с фабрикантами за сохранение или увеличение своего заработка и с этой целью бастуют, царское правительство высылает против них войска. Одним словом, правительство стоит на стороне капиталистов и против нас, рабочих.

Но царское правительство не только помогает капиталистам эксплуатировать рабочих, оно само подает пример, как их нужно эксплуатировать, как мало им следует платить и как уменьшать их заработок с помощью штрафов. Это еще не все. Царское правительство даже учит капиталистов не ценить рабочей жизни. Вот пример.

Есть тут правительственная фабрика. Она делится на два отдела: слесарный и котельный. Работает на этой фабрике около 150 рабочих; среди них около 40 учеников в возрасте от 12 до 18 лет. Таким образом, правительственная фабрика запрягает в работу 12-летних детей, которые должны бы еще учиться в школе. Но это их не останавливает, потому что такому ребенку можно заплатить меньше, чем взрослому. Такой пример со стороны правительства говорит фабрикантам: выбрасывайте взрослых рабочих и берите на их место детей, они будут на вас работать, а заплатите им еще меньше, чем рабочим. Это прямая выгода!

На этой правительственной фабрике работа продолжается 13 час. в сутки: с 6 утра до 7 вечера! Даже

ученики работают с 6 час. утра, кроме четырех, начинающих работать с 8 Час. Только по субботам работа продолжается до 6 час. вечера. Неквалифицированные рабочие зарабатывают 50 коп. в день, а квалифицированные большей частью от 90 коп. до 1 руб. Всего лишь четверо рабочих зарабатывают до 1 руб. 60 коп. в день; но есть и такие квалифицированные рабочие, которые зарабатывают только 60 коп. в день.

Заведует фабрикой военный инженер, капитан. Этот по-своему старается вознаградить рабочих за их долгий труд и нищенские заработки. И потому ругает их на чем свет стоит и выгоняет за каждый пустяк. Это вообще скотина. За всякий пустяк он приказывает накладывать на рабочих денежные штрафы. Поэтому штрафы здесь частое явление.

И в отношении устройства фабрика эта может служить примером капиталистам. На каждом шагу видно пренебрежительное отношение к здоровью и жизни рабочих. Рабочие этой фабрики часто страдают болезнью глаз вследствие скверного электрического освещения. Лампочки дают красный и мигающий свет. Зимой скверные условия не поддаются описанию. Мастерская сколочена из досок, окна выбиты, печей нет и потому мастерская вовсе не отапливается. Всюду видны щели, а потолка вовсе нет! Как на сеновале! Мастер вынужден был сам покупать себе кокс и жечь его перед мастерской, чтобы хоть немного согреться. Рабочим же даже в перерывах запрещено греться, под угрозой штрафа в размере *до 1 руб.* Царское правительство, очевидно, думает, что рабочие — это толстокожий скот, которому не нужно согреваться. А так как рабочие только люди, то что же удивительного, если они приходят согреться и платят рубль штрафа! Таких штрафов была уже масса. В сильные морозы железо так промерзает, что к нему почти нельзя прикоснуться, жжет сильней огня.

Само собой понятно, что такое устройство императорско-правительственной фабрики не может идти на пользу рабочим. Но правительство царя не очень-то заботится о здоровье рабочих. Если рабочий заболевает благодаря «заботливости» правительственной фабрики и не может работать, то его выгоняют без всякого вознаграждения! Прави-

тельству нужна только слепая служба, а что касается вознаграждения, то это уже царская милость. И такой царской милостью является голодная смерть. Если заболевший рабочий все же не в состоянии работать, то капитан дает ему записку к доктору и... больше ничего. Лекарство нужно покупать самому. А доктор — страшная сволочь.

Не обходится здесь и без несчастных случаев, иногда весьма печальных для рабочих. Например, два года тому назад рабочему Шулку оторвало точильным камнем обе руки. Случай этот мог иметь место только потому, что неквалифицированных рабочих ставят на такую работу, которую следовало бы поручать только квалифицированным. Два или три года тому назад рабочий Ян Х. начал шлифовать. Когда ремень свалился со шкива, Ян стал его снова накладывать, но ремень ухватил его за руку и перебросил через вал. Руку пришлось отрезать. Вы думаете, что царская фабрика показала хороший пример другим фабрикантам и вознаградила несчастного рабочего за утрату руки? Куда там! Ян должен был судиться с фабрикой из-за вознаграждения — и проиграл дело.

Такой пример дает фабрикантам правительственная фабрика. Зато рабочие этой фабрики дали хороший пример другим рабочим, и все мы должны этому примеру следовать. Они показали, что умеют бороться и с царско-правительственной фабрикой, — и устроили забастовку. Это случилось нынешней зимой. В середине недели около 20 квалифицированных рабочих обратились к капитану и заявили ему, что они намерены бросить работу из-за низкой оплаты труда, если он не прибавит им 5 коп. в день. Капитан обещал, но так как он человек «благородный» и считает себя чем-то лучшим, чем рабочие, то капитанского слова не сдержал и собственного обещания не исполнил. Решив бастовать, рабочие в ближайший понедельник не вышли на работу. Господин капитан увидел, что это не шутки, и сразу же уступил. В субботу он заплатил квалифицированным рабочим на 5 коп. больше за каждый день не только за последнюю, но и за предыдущую неделю.

ЗАМЕТКИ О ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ В ВАРШАВЕ В 1899 ГОДУ ¹¹

В сентябре 1899 г. я приехал в Варшаву (убежал из Вятской губернии). В Варшаве было следующее положение: среди пролетариата активно работали только две организации — ППС и Бунд, кроме них были всего единичные личности, которые причисляли себя к социал-демократии, но из-за полной бездеятельности были полностью деморализованы в политическом отношении, т. е. яростно критиковали отдельных ППСовцев и, кроме этого, ничем больше не занимались. Критика эта не была принципиальной, а чрезвычайно неприятной: ППС — это прихвостни капиталистов, буржуа, обманщики и далее в таком же духе. Среди так называемой интеллигенции тоже была горсточка социал-демократов, но она либо ничего не делала, либо называла себя социал-демократами в связи с тем, что нашей партии не было, и, стало быть, можно было ничего не делать, называя себя социал-демократами.

Но внутри самой организации ППС, среди пролетарской массы, было множество, огромное большинство людей, оппозиционно настроенных по отношению к ППС, мыслящих по-пролетарски, но принадлежащих к ППС в связи с тем, что социал-демократической партии не было, что литература вся целиком была от ППС, что только она (ППС) активно выступала и боролась и с царизмом и с эксплуатацией со стороны капитала.

Стало быть, необходимо было лишь более энергично взяться за работу и организацию — и социал-демократия Царства Польского воскресла бы. Я взялся за эту работу вместе со старым и молодым (Яном и Антеком) Росолами и уже вскоре, перед рождеством христовым 1899 г., мы

сорганизовались. Мы создали в Варшаве «Рабочий союз социал-демократии», в который вошли: сапожники, столяры, лакировщики, пекари, металлисты и другие.

Сапожники все были социал-демократами. Из других специальностей только сознательная часть была у нас, а остальные еще оставались в ППС.

Мы должны были развернуть прямо-таки неистовую агитацию в пользу социал-демократии: с этой целью я написал подробную популярную критику ППС — и о наших задачах. Эту тетрадь наши агитаторы переписывали, и она в рукописи распространялась по всему городу.

Кроме того — в то время происходили всеобщие забастовки сапожников, — мы издали гектографированную прокламацию и провели много собраний с количеством участников 300—200 человек, и мы руководили этой борьбой, которая закончилась нашей победой. Кроме того, у нас было пять начальных агитационных кружков для подготовки наших агитаторов: три кружка среди сапожников вместе с пекарями; один — среди столяров; один — среди металлистов. В этих кружках я должен был один преподавать, так как никого больше не было так же как и в кружке агитаторов, где мы обсуждали нашу программу и вопросы нашей тактики, а также текущие вопросы.

В конце декабря я поехал в Вильно, чтобы столкнуться с виленской социал-демократической организацией. Мы там постановили, что «Союз» в Варшаве издаст проект программы, а в феврале мы устроим съезд и сорганизуемся в СДЦПил*.

После моего возвращения в Варшаву мы издали эту «Программу» — и вскоре же после этого меня и Антека арестовали. Наши агитаторы остались. Потом приехал За-левский.

Мой арест совершенно неясен и поэтому все, что знаю по этому вопросу, я напишу для истории нашего движения.

Я забыл еще отметить, что перед самым нашим арестом мы старались организовать нелегальную типографию, и для этой цели для начала у меня были уже запасены деньги — 85 руб. наличными, которые после моего

* Социал-демократия Царства Польского и Литвы.— *Ред.*

ареста взяли С. и К.¹² у лица, у которого я их хранил; кроме этого, мне обещали ежемесячные взносы.

Очень много рабочих, сочувствующих нам, осталось еще в рядах ППС в связи с тем, что у нас не было литературы.

У нас была лишь брошюра «Розги»¹³ в одном экземпляре и два комплекта газеты «Справа роботнича»¹⁴ — мы все это ценили на вес золота. Не имея литературы, мы должны были развернуть очень широкую устную агитацию, и это отчасти нас и погубило. Не было ни одного дня, чтобы я лично не вынужден был быть на собрании, а по праздникам, кроме остальных дел, у меня бывало до пяти собраний. Я должен был сам и писать, и агитировать, и завязывать сношения с интеллигенцией, и гектографировать. Мне угрожал арест, но прекратить свою деятельность я не мог, так как необходимо было удовлетворять запросы рабочих.

Меня арестовали 4 февраля 1900 г. на собрании начального кружка по улице Каликста. После ареста наши люди — рабочие — обвиняли ППСовца Козака (Казимир Лыхосьяк — столяр) в доносе. Когда этот слух дошел ко мне в Х павильон¹⁵, я не поверил, так как это был известный человек, горячо преданный делу. Обвиняли его на том основании, что однажды он в ярости назвал Антека «шпионом» и сказал: «уже раз навсегда надо покончить с этой социал-демократией», — вскоре после этого нас арестовали. Меня на собрании, а Антека у него на квартире.

Козак в марте 1900 г. был арестован; через несколько месяцев выступал мне один интеллигент ППСовец, что Козак освобожден и ему приказано уехать в Москву. Это возбудило и у меня подозрения, но другой ППСовец говорит, что Козак выслан в Вятскую губернию, а не в Москву. Однако после возвращения из Сибири я узнаю, что Козак уже вернулся из Москвы и легально проживает в Варшаве, ругает ППС и старается пробраться к нам или в «Пролетариат»¹⁶ и что считают его изменником. Стало быть, очень возможно, что он нас выдал.

Записки Юзефа

«Z Pola Walki»
(«С поля борьбы») № 9—10,
1930 г.

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Перевод с польского

АНТОН РОСОЛ

(Воспоминание)

Спи тихо, спокойно! Брат твой
здесь на земле,
Вечно верный присяге, к солнцу
светлому пойдет,
Бороться будет до могилы с ту-
чами черными,
Отброшенный сотни раз, встанет—
и так до конца!

Спи спокойно в могиле, наш друг незабвенный, наш Антон Росол! Царь самодержавный замучил его за то, что своей молодостью, своей силой и верой он спящих будил к жизни, равнодушных поднимал на борьбу, темных просвещал, сомневающимся вливал веру в лучшее будущее. Всю свою молодость, все свои силы и жизненную энергию он посвятил делу освобождения трудящегося люда из-под господства темноты, царского кнута и капиталистической эксплуатации, делу завоевания лучшего будущего, в наступление которого непоколебимо верил до последней минуты своей короткой жизни.

При жизни любимый теми, которым нес слова истины, обожаемый всеми, которые его ближе знали, которые с ним вместе боролись и страдали,— он покинул поле борьбы, унося глубокую печаль своих товарищей.

Этот 18-летний юноша — рабочий, развитый не по летам своим, очень рано заметил вопиющую несправедливость современных общественных отношений и понял необходимость борьбы с ними. Сердце, живо реагировавшее на притеснение своего народа, и колоссальный запас энергии не позволили ему оставаться бездеятельным — он бросился в вихрь борьбы. Как рабочий и сын рабочего,— а был он пролетарием до мозга костей,— он не имел никаких «шляхетских» традиций, никакого «дворянского налета» и поэтому понимал, что единственным успешным путем для завоевания лучшего будущего для широких масс народа является международная классовая борьба пролетариата с классом эксплуататоров и угнетателей. Он понимал, что там, где имеется общий враг: капитализм и царизм,— там

должна быть и общая борьба, без различия национальностей, там должна быть одна армия рабочих. Он понимал, что и национальный гнет является для рабочих лишь одной из форм классового угнетения, что только демократизация всей политической жизни, международное всевластие народов, опирающееся на их солидарность и самоуправление общин и стран, могут уничтожить всякий гнет и привести к равенству и братству. Ничего удивительного, что, осознав эту цель пролетарской борьбы, Антек не дал себя увлечь националистическими лозунгами, призывающими рабочих к борьбе во имя восстановления независимого Польского государства.

Потому-то, втянувшись в работу организации, Антек Росол выступает как ясно определившийся социал-демократ.

Я узнал его впервые в сентябре 1899 г. в Варшаве. Мы встретились как социал-демократы, чтобы познакомиться и посоветоваться о том, что делать. Надо было видеть его громадную радость, когда он встретил во мне товарища. «Еще поживем!» — говорил он с увлечением, — «надо лишь энергично взяться за работу, а не прозябать без дела».

Я чрезвычайно удивился. Я прибыл в Варшаву после долгих лет отсутствия. Я слышал, что после ареста 1895—1896 гг. социал-демократическая организация перестала здесь существовать, и внезапно встречаю социал-демократа, горячего, полного надежд и веры. Я ему высказал свое удивление. Оказалось, что старые традиции и идеи, привитые нашим рабочим «Пролетариатом»¹⁷, Варыньским¹⁸, «Союзом польских рабочих»¹⁹ и «Социал-демократией», живут среди рабочих, вопреки отсутствию соответствующей литературы; что эти традиции и идеи международной борьбы сохранились, передавались устно и распространялись среди трудящейся массы, что рабочее движение даже после 1896 г. оставалось международным, социал-демократическим, вопреки стремлению ППС навязать рабочим свои националистические лозунги; что многие варшавские рабочие уже не могут и не хотят работать в организациях ППС, ибо эта последняя стала уже явно отступать от принципов международного пролетарского социализма, переделывая все прежние брошюры на свой лад.

Антек первый понял, что тут нужно живое дело, что лишь критиковать ППС и ничего не делать, — этого мало.

Его подвижная, впечатлительная и глубоко артистическая душа не могла мириться с существующим положением вещей. А положение это было весьма печально. Не было сильной социал-демократической организации, которая могла бы собрать распыленные силы, не было в Польше интеллигенции, которая искренне хотела бы взяться за дело, не было никакой социал-демократической литературы, а издательская сила ППС была сравнительно велика. Для самостоятельного выступления, для того, чтобы взяться за дело, надо было иметь громадный запас жизненных и идейных сил. 18-летний Антек нашел в себе эти силы, хотя он никогда еще не принадлежал к какой-либо организации. Он взялся за дело, как умел. Собрал молодых, способных товарищей и создал кружок самообразования, мечтая о том, что с помощью легальной и нелегальной, польской и русской литературы они разовьются в агитаторов и положат начало новой социал-демократии в Царстве Польском.

В это время я приехал в Варшаву и познакомился с ним. Горячо взялись мы за работу. Нам удалось достать немного книжек, старые польские издания: «Справа роботничка», «Протокол 1-го рабочего съезда Социал-демократии Царства Польского от 1894 года»²⁰ и т. д. Познакомились мы тогда и сами ближе с историей нашей партии и развили широкую агитацию. Антек на все находил время, сам учился целыми днями, а вечером бегал с одного собрания на другое, горячо агитируя за дело международного социализма. Благодаря этой его неутомимой энергии мы вскоре основали в Варшаве прочную организацию. Рабочие все усиленной устремлялись под наше знамя. Работы было уйма. Чувствовалась потребность в собственной партийной литературе, а таковой мы не имели. Интеллигенция, теоретически сочувствующая нам, была вялая, не хотела взяться энергично за дело, выжидала. И нам пришлось самим написать нашу программу, печатать ее на гектографе, пришлось самим вести рабочие кружки, писать прокламации и гектографировать их, пришлось отсутствие печатного слова возмещать устным и рукописным, созывать рабочие собрания, провести кампанию в связи с годовщиной казни пролетариатцев²¹. Антек на все умел находить время, ибо весь целиком отдался делу, не щадя себя.

И его не щадили. Те, которым не нравилось, что социал-демократическая партия вновь начинает организовываться, что она лишь находилась в летаргии и начинает просыпаться из прежней спячки, бешено набросились на Антека. Когда нечем было возражать против его обвинений и аргументации, ссылались на его молодость, заявляя, что такой «сопляк» не пользуется правом голоса «даже в Швейцарии». Много неприятностей пришлось ему пережить по этому поводу, он проходил, однако, мимо их, продолжая работать все с тем же увлечением.

Он не думал, что арест уже висел над его головой. Старший его брат находился в тюрьме, мать ожидала приговора по старому делу, отец всего лишь год как вернулся из пятилетнего изгнания в Архангельской губернии. Антек обожал своих родителей, ведь им он был обязан тем, что с малых лет познал и полюбил свет истины.

Я помню одну сцену. Я пришел на квартиру к Росолам, чтобы вместе с Антеком пойти на рабочее собрание. Родители его сидели какие-то печальные — быть может, думали о своем старшем сыне, отделенном от них высокими тюремными стенами цитадели и решетками тюремной камеры. Когда Антек собрался уходить, они посмотрели на него с такой болью, точно предчувствовали, что и этого любимого ребенка они могут потерять. Антек вздрогнул, задержался на минутку, посмотрел на родителей и быстро вышел. Родители его не задерживали: они понимали, что там, где идет борьба, должны быть жертвы, что для блага своих братьев надлежит пожертвовать всем; пожертвовали и этим сыном...

Несколько дней спустя, в ночь с 4 на 5 февраля 1900 г., Антек был арестован на квартире родителей. В тот же день матери его приказали выехать из Варшавы в Ковно под надзор полиции на два года.

И в тюрьме Антек ни на одну минуту не пал духом. В X павильоне он все свое время посвятил учебе, читал книги из библиотеки и, хотя часто ему приходилось переносить голод, всегда, однако, был весел, пел и барабанил в стенку, вел с рядом сидящими товарищами оживленные споры и частенько имел неприятные столкновения с жандармами. Так, например, во время свидания с отцом помощник начальника хотел заставить его говорить по-

русски. Антек не согласился, обругал помощника, а затем выгнал его из своей камеры. В наказание его на полгода лишили «свиданий». Когда Антек в X павильоне уж очень надоел жандармам, его перевезли в «Павиак»²². Здесь уже не было библиотеки, камера была маленькая и темная, постель на день убирали из камеры, пища скверная, а денег у Антека не было. Часто ему не на что было купить даже свечей и приходилось целые вечера просиживать в темноте. Там он узнал, что отца его вновь арестовали. Впечатлительный его организм не мог вынести столько физических и нравственных пыток. Он заболел туберкулезом. Не будучи в состоянии дольше переносить все это, Антек стал добиваться у начальника тюрьмы лучших условий.

В марте 1901 г. его, наконец, перевезли в Седлец. Там он вздохнул немного свободнее, встретился со своими товарищами, имел более продолжительные прогулки. Но болезнь все прогрессировала. В Седлеце было свободнее, по пища также была плохая, камера маленькая, угрюмая, с маленьким окошечком. Тюремный врач решил, что больная нога Антека требует операции. Операцию сделали, но так варварски, что после операции у нас почти не осталось надежды, что он будет жить. В июле 1901 г. его, умирающего, выпустили, наконец, из тюрьмы и выслали к матери в Ковно. Остались на нем к тому времени лишь кожа да кости. Отпустили его, отняв жизнь, чтобы избавиться от хлопот.

Но даже во время болезни Антек не пал духом. Обычно он предавался мечтам о том, что будет делать, когда вылечится, а «если умру, говаривал он, ну, ничего не поделаешь». Никогда, однако, он не останавливался долго на этой мысли, а мечтал о жизни, борьбе, учебе, о будущем.

Уже будучи в Ковно, он писал мне, что тоскует по Варшаве, по более широкой жизни, что болезнь его не оставляет, а еще больше сковывает.

Он угас 20 июня 1902 г. До самой смерти он жил своим дорогим делом, а последние его слова были: «Да здравствует рабочий союз социал-демократии! Проклятие царской власти!».

ИЗ ПИСЬМА К. Ц. ВОЙНАРОВСКОЙ²³

[Краков, 13 февраля 1903 г.]

Дорогая Цезарина! Уже тысячу лет я не писал Вам, и мы потеряли друг друга из виду. Я давно уже хотел написать Вам, но Ваша вина; почему Вы не отвечали мне на мои письма из Кракова? А потом я виноват и перед Вами и перед партией — несколько месяцев я находился в Швейцарии и за это время потерял связь с товарищами, сидел в горах и почти никому не писал, а только постоянно носился с намерением написать всем. Теперь несколько дней тому назад я с лоно природы вернулся в лоно партии и самым торжественным образом обещаю Вам, что буду писать Вам и информировать о всем, что делается в партии.

Так вот, в порядке дня у нас ныне стоит вопрос о съезде или нашей собственной конференции. С мест тоже этого настоятельно требуют. Кроме того, мы должны урегулировать наши заграничные отношения, которые сложились не так хорошо, как мы предполагали после прошлогодней конференции. Кроме того, общероссийский съезд и объединение партии требуют, чтобы мы в кратчайшее время собрались и приняли какие-либо решения. На этом нашем съезде и Вы непременно должны быть — иначе нам никогда не удастся договориться. Ввиду этого Ваша поездка в Брюссель, может быть, и нецелесообразна, денег теперь у нас так мало, а наш собственный съезд потребует столько денег, что мы прямо не знаем, откуда их достанем. Наш собственный съезд для нашей партии гораздо важнее, чем заседания Бюро²⁴. Согласны ли Вы с этим?

На нашем съезде Вы должны быть обязательно, так как этот съезд должен решить массу принципиальных вопросов: отношение к общероссийской партии, к Бунду, к «Пролетариату»; вопрос о нашей организации в стране и за границей, вопрос о программе и изданиях и пр. и пр. Мы еще не знаем, когда состоится этот съезд, это зависит от товарищей, находящихся в стране, и мы теперь ведем переписку об этом. Разумеется, мы сейчас же сообщим Вам об этом. Почему Вы не потребовали от Чарнецкого (Турского) денег на Ваши расходы в Бюро — ведь Вы не можете расходовать своих денег, которых Вам едва хватает на жизнь.

В стране работа у нас подвигается вперед, но не так быстро, как бы мы этого желали. Главное правление, правда, организовалось, транспорт поставлен очень хорошо — все доходит регулярно, но местные организации довольно слабы, сами не умеют как следует работать. Однако работа продвигается вперед. Приличные организации существуют в Варшаве и Белостоке. В течение этого времени, кроме прочей литературы, распространены три воззвания, которые очень понравились; литература распространяется по всем городам в достаточном количестве экземпляров. Мы не продвигаемся достаточно быстро вперед, потому что, с одной стороны, постоянно вечный недостаток средств, который угрожает нам даже крахом (очень много поглощает транспорт), если мы не найдем новых источников средств, а с другой стороны — наше распыление на еврейскую, польскую и даже немецкую (в Лодзи) социал-демократию. Бунд, безусловно, тормозит развитие социал-демократии. Может быть, Вас это удивит, однако это суровая, печальная действительность. Бунд выступает и всегда и везде подчеркивает свое еврейство, свой ум, и свою деятельность он ограничивает узкими национально-еврейскими рамками. Он перестал быть политической социал-демократической организацией, преследующей цель — свержение царизма, а поставил перед собой узкую цель — только еврейскую агитацию и организацию одних лишь еврейских масс. Таким образом, он льет воду на мельницу антисемитов и всяких врагов революции, которые пытаются все социал-демократическое движение представить не как классовое, а как еврейское. Бунд льет воду

на мельницу ППС и правительства. Я говорю это не голо-словно. Последняя демонстрация в Лодзи, о которой они пишут в № 134 Бюллетеня²⁵, может служить ярким доказательством вышесказанного. Произошло это так: в четверг перед демонстрацией бундовцы обращаются к нашим товарищам и говорят им, что они решили в ближайшее воскресенье устроить демонстрацию против насилия в участках, пусть наши люди придут на эту демонстрацию, что Бунд уже подготовил воззвания на жаргоне и по-польски, призывающие от имени Бунда рабочий народ к протесту. Наши товарищи очень удивились, что бундовцы не сообщили им об этом раньше, и заявили, что такая демонстрация должна быть вообще социал-демократическая, а не только еврейская, что под воззваниями должна быть подпись и нашей партии, иначе демонстрация не будет иметь необходимого значения и пр. и пр. На это. они получили такой ответ: «В участках мучат еврейских рабочих, поэтому один лишь Бунд должен призвать народ к протесту!» До такого сумасшествия доходят!

В общем, они совершенно равнодушны к развитию всего социал-демократического движения у нас в стране, и все, что они в этом направлении делают (о чем трубят на весь мир), сводится к превращению нескольких «христиан» в прислужников их *еврейского* движения. Вы, вероятно, заметили их постоянное подчеркивание, что на *их* (еврейской) демонстрации было столько-то и столько «христиан». У нас в стране нет единой социал-демократии, нет единой социал-демократической политики и борьбы, а есть политика еврейская, польская, литовская, немецкая, белорусская. Бундовцы считают это естественным, они исходят из этой предпосылки, и так как они сильнее других организаций, то относятся к этим организациям пренебрежительно, считают их придатком к еврейскому движению. Внимательно читайте их «Последние известия», и Вы это заметите в каждом номере.

Так обстоят дела в стране. А за границей тоже недостаток денег, пассивность людей, отсутствие партийной дисциплины. Адольф почти один должен обслуживать все издания. Он должен писать, переводить, вести переписку, все время борясь за кусок хлеба, работая в проклятой кон-

торе, вечно недосыпая и недоедая. Нет людей, которые собирали бы деньги, писали бы, сотрудничали бы с нами. Одна лишь Роза, — действительно поражаюсь ее энергии и творческому таланту, — работает для нас очень много. Дальский «учится» — метит в ученые. Турский занят техническими вопросами. Я, сидя в Кракове, занимался «Штандаром»²⁶, а теперь опять «Штандаром» и перепиской.

Разумеется, что не все у нас в порядке, но если сравнить с тем, что было год тому назад, то ясно, что мы сильно двинулись вперед и в стране и за границей.

Как бы то ни было, мы много издали, имеем новых молодых людей, которые подают известную надежду в будущем, с нами уже до известной степени считаются, «Штандаром» рабочие восхищены, он уже завоевал себе авторитет. «Пшеглонд»²⁷ своей серьезностью и глубиной мысли возбуждает уважение и прочищает головы нашей интеллигенции. Мы продвигаемся вперед. И сегодня наша первейшая задача: деньги и люди для работы, единство всех социал-демократов и объединение с общероссийской партией. Наш съезд должен это выполнить.

Я хотел еще поговорить с Вами о «Пролетариате». Дружба их с нами уже начинает нас компрометировать. В последнем (12) своем номере они пишут такие глупости о нашей «автономии», о своей независимости и самоопределении, а также и о Бунде, что я думаю, что уже не может быть и речи об объединении с ними. У них в голове каша, они — чистой крови ППС, только обижены ею. Они ушли из ППС из-за вопроса о терроре. Этот свой террор они спрятали теперь в карман — кто же они такие? Они — сецессия²⁸ ППС, пытающаяся создать «теориейки для своей партийки». Кульчицкий²⁹ разъезжал, наболтал об объединении, о дружбе. Что ж, черт возьми, они замышляют, что они себе воображают? Им кажется, что для объединения с нами им совсем не нужно отказываться от своих глупостей... Нам нужно быть теперь с ними настороже. Ими руководит лишь ненависть к ППС, а самим им даже невдомек, что ППС в сущности их мать. Ну, чересчур уж я расписался, обнимаю Вас крепко-крепко. Пишите, что Вы думаете о всем этом.

Ваш Старый

Я живу у Адольфа, намерен здесь пробыть довольно долго. В Париж я не могу теперь приехать, хотя, вероятно, потом заеду туда.

Адольф и его жена сердечно Вас обнимают и просят обязательно присылать социалистические газеты.

Ваш Юзеф

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

ИЗ ПИСЬМА К СОЧУВСТВУЮЩЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ДВИЖЕНИЮ В ПОЛЬШЕ³⁰

Мюнхен, июнь 1903 г.

Дорогая пани!

Опять я должен обратиться к Вам с просьбой. Касса наша почти пуста; те постоянные доходы, которые мы имеем с родины и из-за границы, так малы, что покрывают лишь незначительную часть наших расходов. Поэтому мы не можем как следует выполнить наших обязанностей. С развитием нашей деятельности расходы наши все больше растут. Отовсюду кричат, почему мы так нерегулярно издаем «Червоны штандар» и «Пшеглонд», почему мы не издаем никаких брошюр, ни агитационных, ни программных.

Мы же, не имея достаточно средств, не можем выполнить наших задач. Только неделю тому назад вышел № 5 «Пшеглонда», а через неделю выйдет № 7 «Червоного штандара». Транспортировка и печатание поглощают колоссальные для нас суммы; между тем мы в скором времени должны издать: программную книжку, брошюру о польско-русских отношениях, брошюру об истории социализма в Польше, должны, наконец, покончить с польским вопросом и издать книжку о Польше, должны издать целую серию агитационных брошюр, должны... целую массу вещей должны сделать.

Просто отчаяние охватывает, если посмотреть, как велики наши задачи, и что мы сможем сделать. Хотя бы последняя демонстрация в Лодзи: принимало участие полторы тысячи еврейских рабочих — это в городе, где пролетариата насчитывается 120 тыс. Демонстрация кончилась страшным избиением, а она имела в виду положить конец разбою полиции. Волосы дыбом становятся,

и делается жутко от одной только мысли, что там произошло.

Случилось же это так потому, что не может быть движения пролетарского отдельных национальностей, а должно быть *одно* пролетарское движение — *одна* партия социал-демократическая, которая стремилась бы охватить весь пролетариат без различия национальностей. Бунд говорит, что не может влиять па польских рабочих,— почему же он издал прокламацию и к польским рабочим? А потому, что там, где речь идет о борьбе, он инстинктивно чувствует, что борьба не может быть разорвана на национальные куски, там он часто нелогичен и, вместо того чтобы в действительности объединить это движение в одну партию, он обращается к тем же полякам, которых сам обвиняет в антисемитизме.

А мы теперь бессильны влиять на умонастроение всего пролетариата. В то время, когда наша организация среди рабочих в самой Польше была сильна (1900—1902 гг.), мы не могли обосновать этого нашего движения, не могли создать теории, которая увеличила бы силу наших рабочих организаций, придала бы им политическое значение, значение действительно социал-демократическое. «Наша» интеллигенция была тогда равнодушна к нашим организациям и ни средств, ни людей нам не дала. Бунд же в то время все больше влезал в скорлупу своей еврейской организации, отрекся от более широких задач, ограничил свою деятельность еврейской средой, стал сознательно еврейским. Не заметил он, что это самоограничение означало смерть его как классовой организации, политическую смерть. Правительство это использовало, равно как и национал-демократы и соглашатели (уголовцы)³¹.

Кто знает, каких усилий потребует пробуждение движения в Литве и в Польше, движения не еврейской группки, а всего пролетариата. Лодзь, Ченстохов показали нам, что означает движение одного только еврейского пролетариата — это капля в море; задачей социал-демократов должно быть пробуждение к борьбе всего пролетариата — только тогда мы станем силой.

Наши рабочие организации в 1901 и 1902 гг. были разгромлены. Мы не имели теории и не имели литера-

туры — работа этих организаций осталась мертвой; без литературы, без теории нельзя иметь будущности, нельзя создать смены. И вот при настоящих обстоятельствах нас застали врасплох события лодзинские и ченстоховские и отклики кишиневской резни³². Правительство *может* теперь всю нашу классовую борьбу представить как борьбу еврейскую. Политика Бунда содействует этому — она ведет к шовинизму, к борьбе национальностей, потому что эта борьба — это исходная точка зрения Бунда. Не хочу говорить голословно. В Лодзи перед демонстрацией наши хотели, чтобы прокламации были подписаны и нами, чтобы хоть этим способом выразить свою солидарность, свое единство. Бундовские организации в Лодзи и Варшаве не согласились на это, говоря, что уже поздно, хотя демонстрацию лучше всего было отложить на следующее воскресенье. Известили же нас о демонстрации за три дня до самой демонстрации, тогда, когда и польские и еврейские прокламации Бунда были уже отпечатаны. Представитель же Лодзинского комитета Бунда дошел даже до того, что мотивировал этот отказ тем, что в участках мучат евреев, а не поляков, следовательно, только еврейская организация может призывать к протесту. Похоже это прямо на басню — имею, однако, неоспоримые данные, что так оно и было, и я готов нести ответственность за правдивость этого сообщения. Понятно, Бунд не отвечает за идиотство своих различных представителей, однако факт этот очень характерен и указывает на то, в каком направлении бундовцы развиваются.

Бунд теперь перестал думать о необходимости политической борьбы пролетариата. Ему важен только расцвет еврейской организации. С этой целью он борется теперь против нашего участия в общероссийском съезде. Не потому он это делает, что не считает нас социал-демократами, не потому, что наше участие может повредить общему объединению, а просто потому, что мы не согласны с Бундом в вопросе организационном, потому, что он хочет этим способом укрепить свою позицию в партии, а не силу всей социал-демократии в России. Поэтому-то он совсем не отвечает на упреки в нашей прессе (так же как и ППС) и не хочет совместного обсуждения

вопросов. Некоторые из них доходят до таких абсурдов, что не признают за нами права разрешать еврейский вопрос. Как все оппортунисты, они не отвечают нам только потому, что не знают, чем ответить. Для них вся социал-демократическая работа сводится к домашней политике своего прихода. Им дела нет до свержения царизма, до усиления всего сознательного пролетариата; их интересует только сила их еврейской организации, Бунда.

Пишу это не для того, чтобы настроить Вас против Бунда, пишу не для того, чтобы оклеветать Бунд. Не излагаю также взгляда нашей партии, пишу просто потому, что слишком Вас уважаю, чтобы лгать и крючкотворством выпрашивать деньги. Не хочу лицемерить, наше дело выиграет только тогда, когда все товарищи наши и все искренне сочувствующие нашему делу 'сознательно нам будут помогать. А задачи наши огромны, мы совсем изолированы, а должны организовать и приготовить наш пролетариат к революции. ППС за время своей десятилетней крикливой работы ничего в этом отношении не сделала и не могла сделать. Подготавливала она польское восстание, а приближается не польское восстание, а общероссийская революция; ее работа таким образом была бесплодна.

Бунд сам у себя отнял возможность выполнения этого задания, ограничившись работой только среди еврейского пролетариата. Задача эта, значит, падает всей своей тяжестью на нас. Может быть, Польша и Литва не созрели еще до революции, в таком случае мы погибнем в борьбе; революция пройдет, минуя Польшу, и получим мы тогда то, что нам дадут русские либералы. Мы, однако, опустим знамя наше только тогда, когда все погибнем.

Недавно удрал из Сибири Залевский; его арестовали в Литве. Арестовано много наших, однако работа наша от этого не слишком пострадает.

Кончаю, потому что очень занят.

Здоровье мое под опекой Варшавских быстро поправляется.

С социал-демократическим приветом

Юзеф

Р. S. Я писал недавно Джевецкой, чтобы она прислала нам те 100 руб.

Мой адрес: Адольф Варшавский.

Мюнхен, Гогенцоллернштрассе, 7а (для Юзефа).

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957*

*Печатается по машинописной ко-
пии, хранящейся в архиве Инсти-
тута марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПил³³

Мюнхен, 7 июля 1903 г.

Дорогой товарищ!

Спешим поделиться с вами радостной новостью: Залевский уже за границей, по всей вероятности, он уже в Берлине.

Мы получили ответ от Организационного комитета³⁴ по вопросу о нашем участии в общепартийном съезде. Организационный комитет не может нас приглашать на съезд, не имея на это права, потому что: 1) формально он связан уставом, по которому только те организации, которые уже по уставу 1898 г.³⁵ (на началах автономии) состоят в партии, могут участвовать на съезде; 2) согласно решению нашего последнего съезда, мы можем состоять (в партии) лишь на основе федерации, что противоречит обязательному уставу 1898 г. Ввиду этого Организационный комитет постарается, вернее — будет стараться, чтобы съезд сам пригласил нас, потому что съезд, как высшая инстанция, имеет на это право. С этой целью Организационный комитет просит нас быть *готовыми* к посылке делегатов и сообщает нам нижеприводимый порядок дня съезда.

Ввиду этого я и Адольф берем на себя инициативу созыва съезда либо конференции нашей организации на 18 июля в Берлине, оповещаем об этом и просим приехать: 1) всех членов Заграничного комитета, 2) Войнаровскую, 3) парней из Польши, 4) Залевского, приехавшего на общий съезд с мандатом от Литвы, 5) Леона и 6) Розу Люксембург. Если этот срок (созыва) покажется

слишком поспешным, то можно перенести на 25-е сего месяца; дайте *немедленно* нам знать, чтобы мы могли предупредить других. Если для нескольких членов этот срок окажется неудобным, то мы заменим эту дату 25-м сего месяца и тотчас же оповестим всех.

Желателен, однако, кратчайший срок, самый поздний — 18 июля, ибо общепартийный съезд может вскоре состояться, самое позднее — в начале августа (как мы сами предполагаем. «Искра» и Организационный комитет не сообщают нам даты открытия съезда, просят только, чтобы мы были готовы).

Ответьте сейчас же. К порядку дня, помимо текущих дел, мы добавляем: 1) вопрос о резолюции нашего последнего съезда о федеративном отношении ко всей партии, 2) вопрос о назначении делегатов и их позиции на общепартийном съезде, 3) вопрос о присоединении к нам «Пролетариата».

Сердечно жмем руку

Юзеф

«Пролетарская революция»
№ 7(66), 1927

хранящейся

Печатается по рукописи,
в архиве - Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПЛ

[Варшава], 11 февраля 1905 г.

Дорогой товарищ!

Надо немедленно известить тех товарищей, бумаги которых были забраны. Напишите нам также, при каких обстоятельствах это случилось и кому принадлежали бумаги. Вам следует срочным порядком связаться с товарищем из Гебултова и спросить, нельзя ли этим путем кое-что наладить,— с этой стороны границы для него нужно найти пункт, возможно далее расположенный от границы. Почему Вы ничего не пишете? Получили ли Вы мое письмо от 6-го числа и корреспонденцию из Лодзи от 4-го числа, высланную 5/II, а также из Ченстохова от 8-го числа, из Вильно и Москвы от 9-го числа? В Ченстохове дело обстоит плохо тем, что наши там выступили совместно с ППС. Каждую корреспонденцию я одновременно отправляю в Берлин. Вы, однако, переотправляйте туда немедленно. Малы приехал. Он поехал к себе выработать себе документы. Сообщаю Вам потребности Лодзи в настоящее время: немецкую прокламацию в количестве 2—3 тыс. экз., разъясняющую наше движение и призывающую под наше знамя, кроме того, агитационную немецкую литературу, брошюру «Млота»³⁶ и т. д. Только непременно. Затем «Червоного штандара» 500—600 экз., «Пшеглонда роботничего»³⁷ № 5 — 60 экз., «Пшеглонда социал-демократычного», начиная с нового № по 150 экз. (годовой сборник «Червоного штандара» и «Пшеглонда социал-демократычного» по 10 экз.), «Песни»³⁸ — 300, «Млот» — 150, «Розга» — 100, «Майский праздник»³⁹ — 150, «Из мартовских воспоминаний»⁴⁰ — 150, «Из Великой французской революции»⁴¹ — 150, «Мухи и пауки»⁴² —

1000, «Искра»⁴³ — 5 экз., «Социал-демократ»⁴⁴ — 5 экз., «Вперед»⁴⁵ и «Последние известия» — по 1 экз.

В Лодзи наша работа представляется следующим образом: без нашего ведома Стах основал там комитет из четырех лиц. Центральный кружок состоит из девяти человек. Кружков — 13. Членов организации — 100. Членов партии — около 400. Активных интеллигентов — три. Влияние наше и симпатии среди интеллигенции довольно значительны. Не хватает руководителя. В Ченстохове у нас тоже есть люди и прекрасная почва, вот только руководитель — парень страшно загруженный работой ради хлеба. Он провинциал, отчасти экономист...

Всеобщая забастовка показала нам, что мы должны начать массовую политическую агитацию, а это совершенно невозможно при том количестве прокламаций, которые здесь получаю. Полагаю, что нам следует во всех городах приступить к местному производству, над чем мы сейчас усиленно работаем, надеюсь, с успешным результатом. Надо пустить в ход гектографы, мимеографы и стукалки. Пришлите мне немедленно рецепт, а также в Лодзь и Ченстохов отправьте рецепт гектографа, который я у Вас оставил (кажется, из № 50 «Революционной России»⁴⁶). Если адреса для Здзислава и Софьи нехороши, то пользуйтесь Генрихом, но ради бога пишите. С 31/1 я не получил от Вас, Стефан, ни одного письма. При первой же возможности пришлите еврейские брошюры. Если Гутт еще не прислал, то срочно затребуйте присылки. Должен был прислать Г. Г. Предупредите его, может быть, он, будучи бундовцем, полагал, что это для него.

Пришлите мне отчет в деньгах. Пусть Леон даст Вам отчет в трехстах марках и в тех деньгах, которые он здесь получил, и запишите все это в мою тетрадь, чтобы был порядок. Уплатил ли Петр очередной взнос, урегулировал ли Гутт счета Красного Креста, экспедиции и за чай, поступило ли что-нибудь и поступит ли по подписным листам?

Что с Длугим, почему он не приезжает? На этих днях получите от меня корреспонденцию. Что было напечатано из наших материалов в «Форвертсе»⁴⁷ и «Новой реформе»?⁴⁸. Отправили ли Вы материал в «Искру», в Брюссель? Предполагает ли кто-нибудь сюда приехать?

Что с Бохеном? Получаете ли Вы корреспонденции из Домбровы?

В «Роботнике»⁴⁹ пишут, что какой-то Цадер из Домбровы является провокатором. Что слышно о Цезарине и сыне Людвика? На письмо того лица, с паспортом которого получился скандал, не отвечайте — я это уже уладил. Будьте здоровы. Пишите — сердечный привет от нас всех.

Ваш Юзеф

«Z Pola *Walki*
(«С поля борьбы») № 11-12,
1931

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПиЛ

[Варшава]. 13 февраля 1905 г.

Дорогой товарищ!

Пользуюсь случаем, чтобы написать Вам. Мы получили Ваше письмо от 8-го числа и открытку об Ирене. Жаль, что Вы не пишете, что у Вас слышно и какие письма и когда Вами были отправлены, т. к. с 31/I от Вас ничего, кроме перечисленного выше, не поступало. Получили ли Вы мою корреспонденцию из Ченстохова, Вильно и Москвы и письма мои от 6-го и 11-го? Сообщите, черт вас побери, почему ничего нам не отвечаете. Нет у Вас времени, что Вы делаете целыми днями и что вообще у вас делается? Нам надо это знать, в какой степени мы можем на Вас рассчитывать и так дальше. Следовательно, не скупитесь на время и пишите. От Леона Вы знаете много, все остальное сообщит Вам Здзислав, который, надеюсь, известит Вас еще до воскресенья. Сейчас сообщаю Вам лишь несколько подробностей. Ирене ничего не отправляйте, напишите также об этом немедленно Кранцу. Других адресов для Ваших новинок у нас пока нет. Посылаю Вам на открытке три адреса,— высылайте по ним из Берлина «Искру» от № 84, «Социал-демократ» и «Вперед». Это для Военно-революционной организации⁵⁰. Что будет с литературой для нас? Связались ли Вы с парнем из Гебултова, быть может, он поможет. На этих днях у Вас будет один. Он хочет кое-что забрать, дайте ему возможно меньше, все новинки. 23-го⁵¹ у нас нет ни одного экземпляра. Через Катовицы и вообще через Пруссию теперь почти невозможно действовать: граница обставлена прусскими войсками и нельзя перевозить контрабандой даже шелка. Посылаем вам нашу прокламацию, она будет

издана в 5—10 тыс. экз., сколько именно, еще не знаем. Она нужна в большом количестве для провинции. Помните теперь о присылке нам *стереотипов* и рукописей коротеньких прокламаций (химически). На этих днях выйдет наша прокламация, призывающая вернуться на работу тех рабочих, которые заключили соглашение с мастерами и воздерживаются от работы из страха. Дело представляется следующим образом: на многих фабриках и в мастерских не работают только потому, что другие (неорганизованные) согнали их с работы даже там, где им удалось добиться восьмичасового рабочего дня. Результат может быть такой, что рабочие будут вынуждены вернуться на работу на старых условиях вследствие голода, и т. д.

Адольф пусть не приезжает раньше, чем не увидится с Здзиславом. Во всяком случае, в Варшаве ему нельзя будет сидеть, и при теперешней технике печатания он не будет здесь нужен. Сначала следует все это урегулировать здесь, на месте, а потом может быть речь о его приезде.

Почему не приезжает Длуги? Разве ему нельзя сюда приехать? Петр поступил как последний трус, улизнул к себе в деревню, тайком от нас, а до этого обязался обслуживать здесь один очень важный участок. О всей организационной работе здесь, в Варшаве, расскажет Вам Здзислав.

А теперь несколько слов о «Пролетариате». Он нам пакостит. Нашлась одна личность, только что выпущенная из X павильона (кличка Роман) *, которая решила дать доказательство, что она тоже приняла участие в событиях и решила выпустить прокламацию к пекарям, призывая их к всеобщей забастовке. А надо Вам сказать, что всю стачку пекарей ведем мы, — и держатся они прекрасно. Наши разработали и отпечатали на гектографе требования, наши ведут переговоры с мастерами, наши устраивают собрания и т. д. Евреи не бастовали. Мы по этому делу вели переговоры с ними и Бундом. В настоящее время часть мастеров уже уступила, и в этих мастерских рабочие приступили к работе с нашего согласия. Этим путем легче склонить к уступкам и других. И вот этот самый пролетариатчик встречается случайно с одним

* Не Роман Петрович, а другой молокосос.

пекарем, узнает от него, за что они борются, и выпускает вчера прокламацию к пекарям, призывая их к всеобщей забастовке. Сегодня я слышал о возмущении наших пекарей по случаю предполагаемого издания этой прокламации, а вчера я случайно узнал, что она уже выпущена. А именно, я был вчера у русских социал-демократов (Военно-революционная организация) и встретил там молодого русского, который мне рассказал, что он только что отпечатал для «Пролетариата» эти прокламации, что «Пролетариат» усиленно просит у них денег на забастовку и т. д. Обозлившись, я начал им доказывать, кого они, социал-демократы, поддерживают. Они объяснили свои действия незнакомством с обстоятельствами, тем, что их просто обманули, что этот пролетариатчик рассказывал им, что мы имеем только трех агитаторов, из которых — один взят, один выехал за границу и только один остался. По этому делу пришло к Вам официальный протест самих пекарей, а об остальном, как только узнаю, сообщу Вам подробно. Сообщите изложенные факты Леону. Мы все категорически протестуем против каких-либо переговоров с этими сопляками, которых деморализовал не кто иной, как Лёле. Напишите, поехал ли Леон к нему. Это вовсе ненужно. (Это мнение всех нас.)

А теперь о Военно-революционной организации и русских здесь, в Варшаве. Я налаживаю с ними связи. Все это еще очень сопливое, — но тем более нам следует обратить на них внимание. Я стараюсь узнать их силы, их самих и т. д. и надо бы нам объединиться.

А теперь вот какое дело: наш Южный комитет развил среди войск действительно колоссальную работу, революционизировал целые полки, которые надо теперь сдерживать от восстания, к которому они страшно рвутся. Это не преувеличение. Подробно об этом не хочу писать и из конспиративных соображений и потому, что хочу это обследовать, чтобы все видеть и ко всему прикоснуться. Надо Вам сказать, что Южный комитет состоит теперь из совсем других людей. Они потеряли связь с нами, так как старый состав не оставил им никаких связей и адресов. Состоит он теперь из семи человек: пяти русских и двух поляков. Парень, который сюда приехал, производит солидное впечатление. Так вот, всю литературу для войск

они брали в Вильно у Военно-революционной организации РСДРП. И вот они (наши) с некоторого времени начали выпускать прокламации тоже за подписью Военно-революционной организации РСДРП и хотят теперь объединиться в одно целое с такими же организациями в Вильно, в Варшаве, Пулавах, Люблине, Кельцах и т. д. Ввиду этого нам следует занять определенную позицию. Они соглашаются на конференцию. Мы между собой еще не советовались. Я лично смотрю на это дело так: они должны составлять часть нашей организации; в каждом городе у нас будет Военно-революционная организация, в состав которой будет входить представитель нашего Комитета; эти отдельные организации могут иметь свою центральную организацию, свое правление, в состав которого будет входить представитель нашего Главного правления. В случае, если не придут к соглашению, следует им предложить передать все это дело вместе с нашими предложениями, взглядами и т. д. в Совет партии и наше Главное правление, дабы эти организации окончательно разрешили этот вопрос. Я лично придаю этой работе огромное, прямо колоссальное, значение. Заняться этим — наша обязанность. Так вот, этот вопрос я хочу уладить до отъезда. Кроме Военно-революционной организации, есть здесь русские студенты, которые теперь помогают «Пролетариату» и которых надо присоединить к нам.

В Лодзи и Ченстохове мне торжественно обещали послать Вам корреспонденцию о дальнейшем развитии событий. Прислали ли они что-нибудь? Пришлите вырезки из «Форвертса» и других газет с нашей корреспонденцией из Ченстохова по адресу: Ченстохов, господину Назембло, кассиру Акционерного общества «Страдом» (фабрика веревки), — в конверте какой-нибудь фирмы.

О плане нашей работы в провинции Вас информирует Здзислав. О работе в Пулавах и окрестных деревнях Вы можете судить по корреспонденциям. Я вскоре там буду. Пришлю подробную корреспонденцию. Мы думаем о Вильно, Белостоке, Лодзи, Пулавах, Ченстохове, Домброве.

Что касается меня, то я хочу остаться здесь, пока не урегулируются вопросы с типографией, с Военно-революционной организацией и с русскими. Затем поеду в Пулавы

(два-три дня), Лодзь (две недели), Белосток, Вильно (две недели), Ченстохов, Домброву (две недели).

Не нервничайте, не беснуйтесь,— будет у вас Здзи—слав и значит все будет в порядке.

Адрес для писем в Белосток (пишите по-русски)...* Ключ сообщу завтра.

Адрес в Пулавы: Институт... * Ключ тот же, что и лозунг — русский полный алфавит, завтра здесь допишу.

(Ключ этот состоит из 30 букв.) Адрес Ваш я им дал. В Белостоке дам еще,— хотя они могут писать так, как я в свое время говорил Морицу. Сообщите мне список, когда, кому и какие письма Вами отправлены, а также состояние кассы.

В Пулавах у нас много еврейских рабочих. Нужна срочно жаргонная литература. Пусть Стах непременно перешлет Вам еврейскую и русскую литературу, какую только имеет,— и как можно скорее. Кроме того, поговорите с Адольфом и Леоном, напишите также и Розе об издании какого-нибудь манифеста для крестьян,— популярного и доступного. В первую очередь обязательно надо издать манифесты: 1) к рабочим, 2) к интеллигенции и «обществу», 3) к крестьянам и 4) к войскам. В манифестах должно быть изложено наше «кредо», наши лозунги. Считаю, что это должно быть на первом плане. А затем не забывайте о «Штандаре», «Пшеглондах», брошюрах, прокламациях. Издайте также ответ наших рабочих рабочим ППС. Их прокламация перепечатана в «Пшедсвите»⁵². Ответ необходим. Все те вопросы, о которых я Вам пишу, заметьте себе, улаживайте и сообщите мне ответ. Закажите у «Искры» агитационные брошюры для солдат в большом количестве, «Искру», «Социал-демократ» и все их издания. Ввиду получения ими со всех сторон материальной поддержки, они не должны бы скупиться. Письмо об этом пусть напишет им Адольф, пусть объяснит им, что это пойдет для войск. Почему Адольф ничего не пишет в «Глосе»⁵³,— что он делает и что делаете Вы, что издано и что готовится к изданию и т. д.? Все это непосредственно влияет на нашу работу и наши планы,— а потому пишите.

* Дальше следует зашифрованный текст.— *Ред.*

Сегодня кончаю. Письмо это пойдет завтра или послезавтра. Корреспонденции, которые окажутся годными, отправьте немедленно в «Искру». Боюсь, что Вы все делаете сами. А секретарь секции, его товарищ и мой товарищ (литовец) ⁵⁴ делают ли что-нибудь? Напишите Щеп. в Закопане, можно ли пользоваться его адресом для переписки, как долго, и будет ли он немедленно Вам пересылать,— и сообщите нам. Пришлите кассовый отчет. Надо же мне знать, кто платит, с кого нужно требовать и т. д. Наши корреспонденции пошлите немедленно в Берлин.

«Z Pola Walki»
(«С поля борьбы») № 11-12,
1931

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПиЛ

[Варшава]. 23 февраля 1905 г.

Дорогой товарищ!

Получилось глупо, и даже очень глупо, что я так давно ничего Вам не писал. Я считал, что Здзислав будет у Вас раньше и обо всем Вас информирует. Впрочем, мы ждали подходящего случая, чтобы отправить Вам массу корреспонденций, а многие описания и факты мы сообщить еще не можем. А сейчас забастовка на Варшавско-Венской железной дороге. Нет надобности писать, что мы завалены работой. Причина та, что организация наша ниже всякой критики — события нас дезорганизовали; только сейчас начинается план организационной работы. Необходимо каждого работника, а теперь их количество увеличивается, поставить на свое место, — с одной стороны, разделение труда, а с другой — все это надо сконцентрировать в одном месте. Следовательно, все это создает нам массу работы. Наша ближайшая задача: типография — есть у нас уже две: 1) в и 2) в⁵⁵ Первая бостонка, другая — ручная. Техническая часть вскоре будет совершенно налажена — теперь прежде всего необходимы рукописи (и стереотипы), по возможности краткие. Во что бы то ни стало пришлите прежде всего рукопись общей прокламации о значении этого движения, суммируйте в ней все события, а затем — стереотип русской прокламации к войскам. Сделайте это немедленно. Прокламацию пришлите написанную «химически» по адресу *... По этому же адресу

* Адрес зашифрован.— *Ред.*

пришлите в одном экземпляре прокламацию Красного Креста. Затем присылайте нам регулярно рукописи, так как здесь нет никого, кто мог бы писать. О приезде сюда с этой целью Адольфа *сейчас* не может быть и речи, ибо у нас нет возможности иметь сразу весь необходимый материал. Гораздо целесообразнее, чтобы прокламации (рукописи) присылались нам сейчас из-за границы. Адреса и пароли в типографию сообщим Вам, когда все будет налажено.

Затем нам необходимо создать и оживить агитаторские кружки (по профессиям) — уже имеем у металлистов самый" важный (он создает наши организации на предприятиях и от поры до времени созывает собрания представителей фабрик) — женский, сапожников, каменщиков, шорников и лакировщиков, столяров, кожевников, печников, пекарей. С этой целью нам надо найти для каждого кружка интеллигента-пропагандиста (который приобрел бы в этом кружке опыт партийной работы и мог бы быть в будущем руководителем). Между прочим мы поручаем это и Малому. Пропаганду будем вести в более широком масштабе — на собраниях в 15—20 человек, организованных кружками. Кружок металлистов ведет интеллигент наиболее подготовленный.

Среди интеллигенции нам необходимо создать, вернее пополнить организацию: кружок пропагандистов для рабочих кружков, для Союза социал-демократической молодежи, техническую группу и целый ряд кружков.

В настоящее время наша организация занята следующей работой: подготовкой к весне забастовки сапожников — проводятся массовые собрания, готовим для них прокламацию; подготовкой забастовки печников и каменщиков (для последних изданы требования, а для первых вырабатываются). Исключительно нами была проведена довольно успешно забастовка у пекарей и шорников (арестовали на квартире делегата Ипполита Фиялэка, который произнес в ратуше довольно резкую речь). Мы принимаем участие в забастовке мастерских Варшавско-Венской железной дороги. С субботы или с понедельника остановятся трамваи — требования и приготовления ведутся нами. Требования издадим к субботе. О других предприятиях еще не знаю — только сейчас вхожу в курс дела.

Торжественно обещаю Вам, как только буду в курсе здешней работы, как только войду в нее,— по мере этого буду Вам писать каждый день, каждые два дня.

Газовый завод забастовал вновь на этих днях. Город наводнен солдатами. Общее настроение чрезвычайно приподнято. Рабочие верят, что добьются 8-часового рабочего дня,— готовы умереть с голоду, но не сдатьсь. На многих фабриках и заводах возвращаются на работу, а через несколько часов или на следующий день снова бросают работу, выставляя требования. Агитаторы наши страшно заняты и трудно добыть у них порядочную корреспонденцию. В первую очередь дает себя чувствовать недостаток агитаторов-ораторов. Вот характерная картинка. Я был сегодня в узком кружке более интеллигентных рабочих из мастерских Варшавско-Венской железной дороги. Пришел я от имени нашей организации, чтобы обсудить требования и что делать дальше (бастуют уже четыре недели), они тут впервые с нами столкнулись (у ППС там нет связей). Они сразу оговорились, что просят говорить только о рабочем деле, а не о политике, не касающейся рабочих. А когда я изложил им нашу программу и наши требования, наш социализм (политическая свобода, свержение царизма, демократический строй, созыв учредительного собрания, наша окончательная цель — социализм), увязывая все это с тем, что может гарантировать экономические завоевания,— меня приветствовали с огромным энтузиазмом. Надо было видеть, как эти люди сразу воспрянули духом, как в них зародилось мужество, вера в свои силы,— когда я стал им говорить о великих задачах рабочего класса, о единстве пролетариата разных национальностей и государств, о рабочей социал-демократической партии, о том, что свобода и политические права нужны нам как воздух, как хлеб. Они лишь жалели, что мы так поздно к ним пришли. Если бы это было раньше,— мы могли бы увлечь за собой всю массу.

Простите, что я так расписался.

Письмо Стефана от 19/II я получил. У нас дело обстоит следующим образом: Болек должен очень скоро выехать. Пока некому его заменить (два центральных кружка, кружок металлистов, комитет, контроль над отдельными кружками, вовлечение интеллигентов в кружки). При-

дется, следовательно, мне его заменить, имея, кроме того, собрание и проверку корреспонденций и поддержание связи с отдельными лицами. (Между прочим, из опыта последнего времени придется сохранить постоянные ежедневные дежурства в определенные часы для каждой организации,— это может придать нашей организации огромную гибкость и сэкономить нам время, которое мы тратим на отыскивание парней.) Бросить же участок Болека невозможно — это сердце нашей организационной жизни.

По организационному вопросу добавлю, что каждую неделю или каждые две недели мы будем собираться все, т. е. те, кто руководит отдельными отраслями работы,— для взаимного информирования.

Запишите у себя, что 80 фунтов немецкой литературы дошли по назначению. В Домброве взяли 70 фунтов русской литературы и мы имели 30. Занесите в книжку список, который я Вам оставил. Пришлите нам список, что содержит тот пуд литературы, который Вы отправили. Откуда «Напшуд»⁵⁶ взял, что мы выступили против забастовки,— что за чепуха? Что дало им повод к этому? Пришлите нам в нескольких экземплярах «Зъедночене»⁵⁷. Что предполагает делать Г. Гр. Размер стереотипа — максимальный — (лучше меньший) немного менее $\frac{1}{2}$ листа бумаги. Ответьте Бохену, что его решение меня очень радует. Мама⁵⁸ тоже была бы очень рада. Страшный недостаток в людях, и надо нам денег. 30 франков может, конечно, взять и должен, если только это его удерживает.

О провинции расскажет Здзислав. Самый свежий факт из Пулав: специально по этому делу приезжал сюда парень, мы дали ему литературы сколько могли: свыше 150 разных прокламаций, по 3—10 экз. всех брошюр и «Червоны штандар» №№ 19 и 22. Так вот, ППС развила там очень энергичную работу. Приехал туда их человек, собрал социал-патриотов и начал действовать: 1) крестьянские собрания — повстанческо-демагогические речи, 2) на заборах надписи: долой кацапов... 3) 10 дней тому назад он объявил двух наших агитаторов среди крестьян (собственно говоря, рабочих в городах), назвав их имена и фамилии, людьми не заслуживающими доверия, заявив, что следует их остерегаться. Завтра должна быть Вам послана об этом корреспонденция. В ближайшее воскре-

сенье наши созовут там собрание (строго говоря, это не в Пулавах, а в прилегающих деревнях и местечках: Конская Воля, Курово и т. д.), по нашему совету, народное,— говорят, что смогут собрать человек около 200,— и устроят «народный суд», на котором будет вынесен приговор пепеэсовским провокаторам. Работа там, по-видимому, идет великолепно. Она охватывает почти всю Люблинскую губернию, до самой границы, и часть Радомской. Пока у нас нет никого, кто мог бы туда поехать для произнесения речей, организации и контроля. Они требуют соответствующую литературу. Манифест для крестьян здесь нужен. Приложите все старания, чтобы выслать нам хотя бы рукописи манифестов. Это была бы кампания, которая завоевала бы нам огромные массы. *Это самая первая, самая главная наша потребность, важнее «Червоного штандара», «Пшеглонда», брошюр.*

Прошу Вас, пусть редакция ответит мне что-нибудь решающее по этому вопросу — когда можно ожидать и т. д.— манифест к обществу, крестьянам, солдатам и рабочим.

Пока кончаю, уже четыре часа утра, надо еще прочитать и дополнить корреспонденции.

Обнимаю

Ваш Юзеф

Относительно Бунда. Он выкинул следующую штуку: желая работать среди армии,— он нуждается в нееврейской фирме — и с этой целью, стремясь попутно ослабить нас и русскую партию, он решил воспользоваться тем, что Военно-революционная организация малоопытна и в партийном отношении слабо развита, и предложил ей конференцию с участием ее, Бунда, польской социал-демократии (нас) и, как непременно условие, «Пролетариата». Цель этой конференции: создание беспартийной военно-революционной организации, объединенной на федеративных началах, в первую очередь, с Бундом, польской социал-демократией и «Пролетариатом». Ловко! Само собой понятно, ничего из этого не выйдет. Я был сегодня у военных по этому делу — и они займут нашу позицию. (Не знали, что делать, склонялись даже к конференции.)

Вскоре напишу Вам о них специальное письмо.

Нам удалось здесь заполучить несколько искровских парней. Будут у нас работать. Напишите в ЦК российской партии, чтобы прислали в Варшаву литературу: брошюры, «Искру», а прокламации и агитационную литературу в большем количестве для армии.

Говорят, для меня пришли деньги — сколько и от кого? Напишите сейчас же.

Опасаясь, что у Вас плохо организовано получение писем. Из Лодзи Вам писали несколько раз по адресу Зиг. Г. Надо Вам узнать.

Из Пулав нас просят не писать ничего о демонстрации солдат со знаменем (из конспиративных соображений: это была не демонстрация, а собрание в горах). О речи полковника и об ответе: «Мы на войну не пойдём» написать можно. Власти не знают, что им делать с этими солдатами!

«Z Pola Walki»
(«С поля борьбы») № 11-12,
1931

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

3. ЛЕДЕРУ

[Варшава]. 13 марта [1905 г.]. Ночь.

Для Здзислава.

Дорогой мой товарищ! Сегодня я отправил Вам с оказией немного корреспонденций и отчет Южного комитета, а также обвинительный акт. Письмо это, а также некоторые корреспонденции, я отправлю завтра тоже с попутчиком. Послезавтра или через несколько дней также будет оказия, постараюсь, следовательно, срочно получить корреспонденции. Я писал Вам 5-го и 9-го; 5.III по адресу матери Ядзи, а 9-го по адресу Ю. Напишите сейчас же, хороши ли эти адреса, а также хороши ли все те адреса, которые дал исключенный из партии галичанин⁵⁹. Я буду писать также по адресу жены Рудого и того парня, который захватил с собой обвинительный акт. Буду Вам также посылать открытки, а где их Вам получить, Вы знаете! Где живет Адольф,— надо знать на всякий случай! В каждом письме отмечайте для контроля, когда письма высланы. Сегодня я получил от 9.III, отправленное, по-видимому, 10 или 11-го, в нем Вы сообщаете свой адрес. Предыдущие письма получил.

Прежде всего я хочу Вам написать по следующему вопросу: было бы абсурдом, если бы Вы вздумали зарабатывать *в настоящее время* на свое существование. Не обижайтесь на меня, но партия должна давать Вам на жизнь. Вам могло бы быть совестно, если бы Вы не были революционером, если бы Вы вели революционную работу по найму, если бы Ваша работа, Вы и Ваше время не были нужны партии, или же, если бы Вы были рантье. Не хочу об этом распространяться, но Вы должны согласиться на это, Вы должны иметь совершенно свободное время и быть независимым. Следовательно, мы будем, Вам отсюда посылать деньги.

А теперь о наших потребностях и о состоянии работы — страшный, прямо отчаянный недостаток литературы. Мы ее получили так мало. Из свежего транспорта ничего не поступило, и мы не знаем, что с ним случилось. Стефан ничего не пишет. Жаль, что не приехал сюда. По моему мнению, именно он должен бы заняться специально транспортом, его организацией — имеем связи, которые можно бы использовать, — необходимо иметь парня, который специально этим занялся бы. Он мог бы это наладить. Я не могу: моя задача — это местные рабочие организации; Стефан же мог бы этим заняться, будучи лишь постоянным посредником между границей и страной. Это он должен бы заняться доставкой литературы из-за границы в каждый город. Такой специалист обязательно должен быть. Не знаю, куда ему писать! Напишите ему об этом Вы. Антоном⁶⁰ же должен заняться Мартин, и он уже этим занялся. Дело в том, что Антону необходимо при таком настроении масс, как сейчас, быть во всех городах. События требуют быстроты. Силой событий мы вынуждены ослабить контроль Главного правления над местными изданиями. Будучи вечно «на помочах», местная работа развиваться не может. Мы не должны бояться отклонений! Там их нет, где нет жизни. Вы, следовательно, должны присылать нам рукописи — пока только сюда в Варшаву (они могут быть и для провинции), так как пока только здесь в порядке. Но рукописи должны быть хорошими. Присланную Вами прокламацию Адольфа мы не можем издать — она не годится. Он силится доказать, что без политической свободы не может быть успешной экономической борьбы, — это вещь известная сегодня уже каждому ребенку. Об этом говорилось и в пользу этого агитировали 20 лет тому назад. Сейчас идет речь совсем о другом: разъяснить, что теперешняя забастовка — это начало революции, что она имела колоссальное политическое значение и какое именно, что это не поражение, а начало борьбы, нужно разъяснить значение текущего момента, что только организация в самостоятельную социал-демократическую партию гарантирует пролетариату такую свободу, которая даст ему возможность вести борьбу дальше — вплоть до социализма (о социализме в прокламации Адольфа нет ни одного слова), что политическая

свобода для нас — средство к цели, средство необходимое (это обязательно нужно упомянуть ввиду революционизирования других слоев и все громче раздающихся призывов к единению). Пришлите такую рукопись как можно скорее. Призывайте в ней к настойчивости и выдержке. И тон не должен быть менторским, как в прокламации Адольфа — такой тон раздражает рабочего. Он партию отождествляет с собой — не следует говорить: делайте, вы должны и т. д.! Так нам надлежит говорить к «обществу», а не к пролетариату!

Мартин как раз сегодня вернулся из Лодзи, я еще не виделся с ним — не знаю, следовательно, как там налажены дела. Кажется, что успешно; следовательно, Вам надлежит готовить рукописи. Если бы Вы могли также прислать рукопись прокламации к солдатам,— было бы прекрасно. Помните, что именно Вашей первой обязанностью является помнить об этом и писать, писать и присылать. Если бы Вы могли составлять коротенькие фактические бюллетени о событиях в России и присылать нам сюда,— было бы великолепно. Мы могли бы издавать — это имело бы огромное значение. Рабочие страшно ругаются на недостаток литературы и особенно на отсутствие прокламации, о которой я пишу выше (о значении выступления), и правы, а мы не издали только потому, что Вы не прислали рукописи, следовательно — это Ваша вина.

Что касается Антона, то он намерен поехать и в ту местность, где мы виделись последний раз в прошлом году и откуда вместе выехали, напуганные тревогой наших товарищей. Как сообщают, там для Антона имеется очень подходящая служба⁶¹. Как раз в пятницу я туда поеду и пришлю оттуда обширную корреспонденцию. Что касается транспорта, то я, со своей стороны, буду стараться, чтобы каждая местная организация пока сама об этом думала. Вы тоже должны действовать в этом направлении.

Что касается меня, то для меня нет ни малейшего смысла ехать к Вам. Вы на своем месте — я тоже. Меньшаться нет смысла, это было бы абсурдом. Моя задача — местные организации. Когда кончу здесь,— поеду в другое место. На собрания не хожу, только знакомлюсь и встречаюсь с людьми. Состояние работы здесь в данный момент таково: рабочую организацию ведет Пщоляж

(Янек), он вступил в организацию «от печати»⁶². Он непосредственно руководит верхним⁶³ кружком и кружком металлистов, а также наблюдает за всей работой. Нижним⁶⁴ кружком, кружками столяров и женщин руководит Свит. В помощь им выделены Ежи, брат Метека, Бомба (тот, который обращался к Гутту за связями), девушка, с которой связана Станислава, и, наконец, старший брат жены Темного (их я еще должен ввести в молодежную организацию). Ежи ведет кружки столяров, каменщиков и сапожников. Работа здесь может идти хорошо, если не будет провала. Как раз завтра я должен окончательно передать им всю работу. Между прочим, Леон соглашается бросить работу и будет вести только партийную работу, получая три рубля в неделю; Юзефа также необходимо будет содержать. Тогда работа пойдет всюю. Для объединения всей этой работы как раз с завтрашнего дня будут организованы биржи⁶⁵: Янека, Свита, Ежи — я предложу Леона, Юзефа, а также Генриха и Станиславу. Тогда работа будет концентрирована и едина. Постоянно должны быть на бирже Янек, Генрих и Станислава.

Как я Вам писал, мне удалось также организовать русскую группу СДПил. Состоит эта группа из четырех толковых и энергичных людей. Задачи: политическое самообразование и приобретение навыков практической работы, агитация и организация среди русских рабочих и интеллигенции, материальная и техническая помощь. Они издают гектографированные перепечатки из «Искры» и бюллетени о событиях (основное только) по-русски. Из этой группы мы будем черпать силы для работы в армии: Тот русский, который поехал в Киев, вернулся уже и входит тоже в эту группу. Ею должна руководить Станислава. Связать русскую группу с работой среди рабочих, я думаю, следует путем посещения Станиславой биржи; таким образом была бы объединена работа среди рабочих с русской группой и с техникой и с интеллигенцией. Переписку с границей должна наладить каждая группа самостоятельно, а общую переписку — Генрих (после моего отъезда), который тоже должен ходить на биржу.

Работа среди войск, собственно говоря, налаживание связей и знакомство с силами, тоже помаленьку движется вперед.

Парня, о котором Вы пишете, я сейчас же свяжу с нашими. Вообще относительно этой работы мы должны поговорить здесь с Ле., следовательно, он Вам подробно обо всем сообщит.

О работе среди интеллигенции хорошо не знаю. Уже было одно собрание пропагандистского кружка молодежи. Анархист из правления и вообще из организации совсем ушел. Мимеограф мы у них отняли и передали в заведование Станиславы. Вообще среди интеллигенции можно было бы много сделать — нет инициативного парня. Связи есть, но нет человека, который бы их объединил.

Наши рабочие создали исполнительный комитет — многих мерзавцев уже уничтожили и ранили. Они конспирировали перед нами, так что деталей я еще не знаю. Однако уже признались, и я постараюсь вскоре послать Вам об этом корреспонденцию.

Кажется, о Варшаве я написал более или менее все. Теперь о людях: что с Бохеном и Длугим? Мне сказали, что Бохен уже давно уехал к нам, — неужели опять провал?

Провинция. Мы наладили постоянную связь с Жирардовом. По их просьбе мы издали 200 прокламаций. Отправлены вместе с литературой в это воскресенье. Мы послали также туда в помощь 25 руб., а на этих днях вышлем еще 25 руб. Корреспонденции я Вам отправил. Известия получим в эту среду. В это воскресенье рабочие ездили в Качий Дол — связи там у нас постоянные.

В Пулавах работа развивается здорово. Сегодня я отправил Вам их отчет, довольно «халатный». Те, которые поддерживали ППС, теперь колеблются — на этой неделе состоится собрание, на котором решат. Пришлю Вам детальную корреспонденцию. Нам следует на этот пункт обратить огромное внимание: он сыграет очень важную роль. Там хотят с 1 мая начать выступление (кстати, и в Варшаве и, пожалуй, во всей Польше в массах возлагают большие надежды на 1 мая). Агитатора туда непременно надо будет послать. Вероятно, мы пошлем брата Пророка. Я должен с ним поговорить. Недавно там издали две гектографированные прокламации. Работа среди войск очень расширяется на Кельцы, Радом, Седлец. О Лодзи

напишу завтра — приехал Ми. Как будто работа идет хорошо. Вероятно, придется Ми ввести в комитет. Он не писал Вам, ибо забыл адреса, а Ст. уехал и ничего ему не оставил. Он должен сегодня написать большую корреспонденцию, я ее пошлю вместе с этим письмом. О Домброве и Ченстохове ничего не знаю. Черти, не отвечают. Стефан ничего не пишет. Ясь тоже ни слова. Это начинает нас беспокоить! Я узнал, что Ясь заехал к своему отцу, — и кто знает, не попался ли. Его помощник уже тоже два дня тому назад уехал. Если Стефан ничего Вам не пишет, то скандал.

О Белостоке я Вам писал, что Стах провалился. Несмотря на предостережение, он шатался ночью, и патруль его забрал. Мориц уже здесь, так как за ним следили. Не имею понятия, кого туда послать! теперь просто невозможно — так шпионят. Что сделать с Морицом, пока мы еще не решили. Завтра я буду у него. Ваше письмо он получил и якобы ответил. Я ему говорил, чтобы он еще обо всем написал, и завтра я пошлю Вам вместе с этим письмом. Аптекарю я писал, чтобы выехал в Р. Темного стоит принять в Д. К.⁶⁶

Помните о 1 мая: вам надлежит заранее приготовить прокламацию — лозунг: бросить работу, начать выступление.

Мы издали гектографированные прокламации (я отправил Вам): к пожарникам — 200 шт., к каменщикам — 400 (гектографированная — еще не послана по случайным причинам), к дворникам (отпечатана — 2000 экз.). ППС спустя два дня после нас тоже издала свою прокламацию к дворникам. ППС имеет литературу. Она теперь издала печатный орган варшавской организации № 1 «На баррикады», а также свежий № «Роботника» и порядочное количество прокламаций. Купили также ППСовцы «Курьер цодзенны»⁶⁷, готовятся первыми объявить, что они «завоевали свободу».

Корреспонденций о пожарниках, каменщиках и дворниках, а также о трамвайных рабочих мне еще не удалось получить. А теперь личная просьба Пшоляжа: в Collegium Phisycum должны приходиться письма для него от родителей и от него к родителям и к другим лицам. Может быть, Вы бы их получали и пересылали по назначению. Для

него — на один из наших адресов, а от него — к родителям или на другой адрес, который он укажет в письме.

Кончаю — уже четыре часа, — а завтра (собственно говоря, сегодня) я должен встать в восемь часов. Ну, будьте здоровы, обнимаю Вас крепко.

Ваш Юзеф

Виосяж и Сошинский свободны. Мориц прохвост не написал вовремя корреспонденции.

«Z Walki»
(«С поля борьбы») Pola №11-12,
1931

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПил

[Варшава]. 27 марта 1905 г.

Дорогие вы мои! Завтра должна быть мобилизация в Варшаве и во всем Царстве Польском и одновременно будет объявлено «военное положение». Войска приготовлены для подавления революционных выступлений, которых все ожидают. Решительный момент приближается. Прольется море крови. Мы не знаем, что будет, какие формы примет движение, мы как руководящая организация — бессильны. Будет резня, ужасная резня; оружия у нас нет и не может быть, и иначе быть не может, не можем предвидеть хода событий, однако революция вспыхнет неминуемо. А у нас в голове ужасный хаос, и работа наша до смешного мала по сравнению с задачами момента. Хаос — ибо столько на наши головы свалилось всевозможных вопросов, что управиться с ними не может никакая конспиративная партия. Но довольно об этом. Офицер⁶⁸ сказал мне сегодня, что завтра будут объявлены мобилизация и военное положение. Военные теперь совещаются о том, что следует вешать всех, кого поймают с оружием, что будто бы уже многих повесили втихомолку в цитадели по приговору полевого суда; сообщают это, как факт, гвардейские офицеры, имеющие широкие связи. Советуются о том, чтобы сильными военными заставами отрезать от города предместья и обыскать в них все дома. Вчерашние бомбы⁶⁹, по-видимому ППСовские, страшно напугали офицеров и власти: единственным выходом они признают еще большие репрессии, резню, виселицы. Среди же солдат настроение в общем апатичное. Бомба в патруль — возмутила их, а крестьянские выступления встретили среди них огромное сочувствие. Мы должны безусловно обратить гораздо большее внимание на войска.

Все пошло бы хорошо, если бы была литература. Доставьте ее и присылайте нам. Сегодня я виделся с Зыгмунтом, о котором вы мне недавно писали. Он сказал мне, чтобы вы за литературой обратились к их венскому товарищу, который был у Адольфа. У него имеется свой испытанный контрабандист, который в два дня может доставить литературу в... * Пусть он свяжет вас с ним, а если не захочет, то пусть сам вышлет русскую литературу и сообщит вам, где и когда мы должны ее получить, по какому адресу и по какому паролю. Помните, что нам нужны в большом количестве, кроме русских прокламаций и агитационных брошюр, и научные брошюры, и «Искра», «Социал-демократ» в большом количестве. Вы должны будете им тоже заплатить! Зыгмунт тоже напишет ему. Пошлите ему ваш краковский адрес, который он мог бы дать контрабандисту.

У нас теперь работа невозможна без... ** Напишите... ***, не согласился ли бы он приехать сейчас сюда с этой целью. Пришлите нам также немедленно указания (есть соответствующие книжки), чтобы мы могли здесь сами этим заняться.

Из общего с Бундом комитета до сих пор ничего не вышло. Они непременно хотят иметь вывесочку: Объединенный комитет Бунда и нас, но не хотят дать ему никаких полномочий. Они собираются представить нам свои предложения в письменной форме.

Провалились: Штывны, Сибиряк, Червона, Живы, Павелэк, Юзеф, Леон, Янек, Габинет, Брат, Дзика и Араб и хозяин-каменщик. Засыпала кума хозяина квартиры со злости на него. Нашли револьвер и корреспонденцию от каменщиков. Это было на Парисовской площади, погнали их прямо через поля в цитадель; они шли с возгласами: «Да здравствует рабочее дело!».

Несмотря на провал, организация будет дальше функционировать. Верхний кружок уже сформирован.

* В подлиннике несколько зашифрованных букв, а над ними рукой адресата написано карандашом «Рад.» — по-видимому, «Радом». — *Ред.*

** Зашифрованное слово, а рядом рукой адресата написано слово «бомба» и вопросительный знак. — *Ред.*

*** Зашифрованное слово. — *Ред.*

Связи не порваны. Только та неделя прошла хаотически, но на этой неделе все собрания состоятся, если не будет мобилизации. Ужасный, однако, недостаток интеллигенции. Непосредственно на собрания будут ходить: Ежи, Свит и товарищи из кружка пропагандистов.

Прокламации к запасным распространены здесь в количестве 7 тыс. экз. позавчера и вчера, а «Рабочие!..» — в количестве 5 тысяч.

Воззвания о разгроме под Мукденом распространим через два-три дня. Прокламация «В атаку» должна выйти из другой типографии в количестве 10 тыс. экз. (а также «Рабочие!..» в 10 тыс. экз. для провинции). У нас нет, однако, от Мартина ни слова известий уже целую неделю, и это нас беспокоит.

Можете теперь прислать новую прокламацию (к солдатам).

То, что было предназначено для Ченстохова, мы отправили. В Лодзь еще нет. С Пулавами получилась ерунда: парень, которого мы послали, спутал фамилии и никого не нашел и вернулся. Пишу им, чтобы они приехали за литературой сюда.

Когда будет литература, мы сможем посылать в Кельцы и Петроков. У нас имеются там связи в учебных заведениях, а они имеют связи с рабочими.

В Домброву мы отправили для транспорта 80 руб. Меня очень удивляет ваше отношение к нам по вопросу о деньгах. Те 35 руб. мы послали вам, имея в виду, что они предназначены для вас. Я писал вам об этом, и мне кажется, что вы, не сообщая ни слова и передав эти деньги в кассу, поступили по отношению к нам вообще и ко мне, в частности, не по-товарищески и что вы не правы. Это, однако, не столь важно. Меня очень удивляет, что вы требуете от нас денег. Так вот в настоящее время деньги к нам почти совершенно не поступают. То, что у нас имеется, будет при наших расходах вскоре исчерпано; людей для собирания денег у нас нет. Загра-

ница же дала нам сейчас массу денег⁷⁰, и я удивляюсь: вместо того, чтобы использовать эти деньги на все наши потребности, вы хотите все вложить в издания, и совершенно забываете об организации и т. д. Кроме того, не понимаю ваших призывов об отправке денег за границу.

Леон ведь говорил, что после уплаты *всех* настоящих расходов на издания (и Полонике)⁷¹ за границей останется до 7 тыс. марок. Что же значат ваши призывы? Опасаетесь, что мы растранирим те деньги, которые здесь имеем? Полагаете, что каждый грош должен быть отдан под контроль заграничной кассы? Я, право, не понимаю вашей позиции. Мне казалось и кажется, что у нас одни и те же потребности: и если за граница не будет иметь, а мы будем иметь, то пришлем, и наоборот. Призывать же в каждом письме к присылке денег, имея их достаточно, значит проявлять недоверие, ибо у вас имеются деньги, а вы требуете,— так чего же вам надо?

Получил ваше последнее письмо от 24—25 числа. Софья говорила мне сегодня, что вы отправили письмо прямо мне. Я его, однако, еще не имею. Письмо Стефана получил. Пусть он дело с транспортом налаживает галопом и возвращается.

Еще раз прошу вас — вместе с транспортом присылайте письмо с указанием, как транспорт разделить. Мы тут сами не можем делить.

По вопросу о транспорте я обращаю ваше внимание на одно: гораздо удобнее, чтобы парень, который должен отвезти литературу с известного пункта (к которому литературу доставит контрабандист) в Варшаву, выезжал из Кракова, а не из Варшавы — от нас. В таком случае литература может быть нам доставлена гораздо быстрее. Для этой цели постарайтесь использовать моего коллегу литовца, который па медицине... или двоюродного брата Темного. Что касается литературы для Пулав, то пришлите нам сейчас же адрес, где, по какому адресу можно литературу забрать, а забрать будет легко.

Что касается Антона, так он установлен. Мы стараемся иметь все на складе про запас. В случае провала можно будет немедленно выполнить ваш план: теперь не вижу решительно никакой надобности все изменять.

С № 24 «Червоного штандара» просто непростительный скандал! Совершенно не можем объяснить людям, почему он не выходит. Ясек должен немедленно ехать в Белосток. Там ужасный беспорядок: полная деморализация — взаимная борьба и недоверие. Следовало бы

создать там совершенно новую организацию, ибо рабочие-вожаки там совершенно деморализованы: обвинения в краже денег, в ложном информировании партии, борьба за первое место и т. д.

Письма до 24—25 все получил. Станислава едет на несколько дней в Берлин.

Пока кончаю. Сердечно обнимаю.

Ваш

28/Ш. Приехал Мартин. В № 2 подпольной типографии отпечатано: 10 тыс. «Я здесь» и 10 тыс. «К новому штурму». В Лодзи распространено: 1) «Я здесь» в количестве 4 тыс. 26/Ш и 27/Ш. Распространено также в Пабяницах, Згерже, Здунской Воле. 2) «К новому штурму» в количестве 4 тыс. экз. распространим 30—31/III. В Ченстохове, Ново-Радомске, Домброве, во всем Домбровском бассейне распространены первая и вторая в количестве 5400.

Сюда привезли 3 тыс. «Я здесь» и привезут 3 тыс. «К новому штурму».

Из № 1 вышло «Я здесь» 5 тыс., к запасным пока 7 тыс., кроме того, выйдет еще несколько тысяч для Риги и провинции. Через два дня будет пять тысяч «Разгром под Мукденом». Пришлите новую прокламацию. Если присылаете сюда, то не печатайте у себя, не то получится галиматья. № 2 организована основательно, у нас нет там только корректора и посредника с нами, с границей и с провинцией. Полагалось бы, чтобы им был Стефан. В час выбивает 500 экз. № 1 — 300 экз. Формат самый большой, как «Я здесь».

Мобилизации сегодня не было; что будет завтра, не знаем.

На этих днях к вам, вероятно, приедет...* Он должен выехать, так как его призвали, иного выхода мы не нашли. Уговорите его сидеть в Вене или Кракове. Женева с ее спорами убьет его. Он должен быть к тому же готовым вернуться в любой момент, если что-нибудь вспыхнет. Пусть займется границей, специально тем, что полюбил; пусть по этому вопросу ведет переписку, пишет прокла-

* Зашифрованное слово.— *Ред.*

мации и брошюры; пусть займется *техникой*, она нам нужна. Постарайтесь удержать его около нас. Он расскажет вам о состоянии всей работы здесь. Сошлется на меня. Он явится к Адольфу — предупредите его.

На этих днях, вероятно, явится от меня к Адольфу еврейский рабочий (дам ему несколько слов) — постарайтесь добыть ему какой-нибудь галицийский документ, чтобы он мог выехать в Лейпциг и там жить. Впрочем, быть может, парень мог бы работать и для нас около границы. Он ловкий и очень охотно берется за работу.

Работа среди мальчиков⁷² поменьше развивается. Прибывают новые люди и новые связи.

Что касается парней, то предлагаю: Мартин здесь, в Варшаве, Стефан в Лодзи у Антона и от времени до времени разъезды. Тадеуш — в Радоме и Кельцах, брат Болека — в Пулавах, Ясек и брат Пророка — в Белостоке.

Имеем связи в Люблине, Кельцах, Петрокове, Плоцке, Влоцлавке, Седлеце — необходимо от времени до времени ввозить туда литературу.

До субботы я, вероятно, выеду в Пулавы, чтобы поставить там временно на работу брата Пробоща. На всякий случай посылаю вам оригиналы корреспонденций, которые мы вам уже отправили.

Письма вашего я и сегодня не получил!

Что с Леоном? Рабочие ужасно ругаются, что так запыздают наши издания; требуют настойчиво «Пшег-лонд» и «Червоны штандар». Напишите мне, почему ничего из этого не выходит, — это действительно скандал.

Неделю тому назад в Кельцах засыпался какой-то парень с литературой на себе, имел паспорт на какого-то Васика. В таможе никто не хотел подписывать протокол, боялись, что их за это убьют. Характерно.

Получили ли вы вещи для вас по улице Стаховского у Холоневской — сказать, что от госпожи Зильберштейн.

30/III.

Письмо ваше от 28/III получил! Станислава выезжает только сегодня. Что касается парней для почты, то мы не присылали вам потому, что риск слишком велик. Ведь уже пять наших товарищей провалилось, а как нам рассказывают, ППСовцев тоже порядочно засыпалось.

Именно Стефан должен был заняться организацией контрабанды в Домброву, при соответствующем надзоре она может быть налажена очень быстро. Кроме того, нам сказали, что пошлют вам парней из Лодзи и Ченстохова. Во всяком случае постараюсь, чтобы вам отсюда кого-нибудь послали. Рассчитывать на это вам, однако, не следует. Ветрын будто бы больше не хочет ехать. Откуда жандармы знают о пребывании здесь Стефана? Как вы об этом узнали? Я и дальше остаюсь при своей «болтовне», что необходимо какому-нибудь парню заняться специально транспортом, именно для того, чтобы это дело как следует организовать, чтобы не было как до сих пор. Путем признания или непризнания комитетов вы «глупостей» из голов не выбьете; следует основательно организовать транспорт и Главное правление, чтобы оно могло фактически контролировать и оказывать влияние на работу в отдельных местностях. О съезде⁷³ я ничего не думаю. До августа есть время.

Прокламация перед 1 мая должна быть распространена уже в половине апреля. Пришлите нам рукопись.

Литературу высылаем в Пулавы («С поля вальки» № 4, 5 и т. д. у нас нет), Кельцы, Петроков, Люблин, Влоцлавек, Вильно.

В Ченстохов и в Лодзь высылаем так, как вы указываете. А теперь еще о деньгах: вы спрашиваете, на сколько ежемесячно можно рассчитывать на нас, — отвечаю вам, что сейчас *ни на что* нельзя рассчитывать, постоянные партийные доходы почти совершенно прекратились, расходы наши бешено возросли. Вероятно, вы должны будете прислать нам часть денег, собранных за границей «в исключительных обстоятельствах». Сегодня вечером еду в Пулавы, а оттуда в деревню.

Прощайте.

Ваш Юзеф

«Z Pola Walki»
(«С поля борьбы») № 11-12,
1931

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПиЛ

[Варшава]. 26 мая 1905 г.

Дорогие мои! Верьте мне, что я не писал, так как не мог. Я должен был устроить тысячу дел, не терпящих отлагательства. И этих дел появляется все больше, а нас мало — ничего же срочного для сообщения вам не было. Я получил ваши письма от 3, 8 и 9-го, вчера с попутчиком прокламации: Лодзинскую и Главного правления против ППС, сегодня письмо от 20-го с прокламацией Главного правления и письмо ваше от 21-го. Все доходит до меня страшно поздно. Прокламация к интеллигенции в № 1 вышла в количестве 5, а в № 2⁷⁴ — 10 тыс. экз. Против ксендзов пойдет на Варшаву 7—8 тыс. завтра, а сколько в провинцию, — еще не знаю. На этих днях уже выйдет прокламация о последних событиях — о погроме сутенеров и домов терпимости. Прокламации Главного правления о ППС мы не издадим. Мы считаем неподходящим выпускать *прокламацию* против ППС, особенно теперь. Рабочие будут возмущаться и вполне справедливо. Нужно издать об этом только местные прокламации для Лодзи и Ченстохова, там, где они в прокламациях выступили против нас. В настоящее время наши рабочие взялись энергично за агитацию среди ППСовских рабочих, и это им удастся. Прокламация же снова воздвигнет стену между рабочими ППС и нашими. Вместо этого следовало бы написать статью об этом поведении ППС — можно издать ее отдельно без возгласов: долой ППС, долой предателей и т. д. Статья такая очень желательна — она нанесет последний удар ППС. В этой статье вы должны, однако, не столько ругаться, сколько точно описать факт и проанализировать его. Ибо мы должны быть очень

заинтересованы в рабочих ППС, которых много и которых подобный тон статьи может завоевать на нашу сторону. Прокламаций Главного правления не отправляйте для печатания непосредственно в № 2. Мы тут сами будем это делать. Высылайте туда только для местных организаций (для той или иной местной организации). Пишите им также, какое количество надо печатать. Я считаю, что об эндеции⁷⁵ следует также выпустить не прокламацию, а статью-брошюру. Они теперь действительно развили среди рабочих широкую деятельность. В Пруткове, например, они имеют довольно много кружков (мы там всего несколько дней как имеем один хорошо организованный кружок). В Варшаве им не везет — прокламации их, однако, очень широко распространяются. Вообще мы не должны на все реагировать прокламациями. Необходимо более глубокое разъяснение. Прокламации нужны, когда мы призываем к действию, когда выставляем лозунг в ответ на действия правительства и правящих кругов. По отношению же к ППС и эндеции нужны не лозунги и призывы, а *выяснение, разъяснение*. Рабочие в этом отношении имеют здоровый инстинкт, и прокламации против ППС принимаются ими обыкновенно плохо, несмотря на то, что они прямо фанатичные эсдеки. В первую очередь необходимо издать прокламации: 1) *об анархии* в правительственных мероприятиях, 2) о комиссии Булыгина, 3) о приеме нашим «обществом» указа о веротерпимости, 4) к солдатам, 5) к рабочим, чтобы агитировали в войсках среди солдат и т. д. Далее вы безусловно должны серьезно заняться брошюрами. С этой целью вы должны поручить другим переписывание и обработку корреспонденций для «С поля вальки» и «Червоного штандара». Издавать это необходимо, но издавать только это — будет самоубийством для нас, как для социал-демократической партии. Нужно углубить движение, дать массам силу сознательности, а мы это упустили, впали в односторонность, занимаясь лишь текущей политикой, превратились в бухгалтеров движения. Мы тут создаем организацию — вы должны дать нам брошюры, принципы, которые дадут этой организации жизнь и силу. Срочно пишите брошюры, переводите с русского, немецкого и т. д., присылайте нам наши старые брошюры. А издавая новые, имейте в виду не при-

зыв масс к борьбе, а выяснение этой борьбы. Нам нужны основные брошюры, а именно: 1) программа — пункт за пунктом вроде катехизиса, 2) о конституции, 3) борьба, политический переворот и социализм, 4) о духовенстве и клерикализме. Именно вы должны этим заняться — это обязанность заграницы и, если она нам этого не даст, — она будет повинна в реакции и упадке социал-демократизма в массах, который неизбежно должен будет наступить, если мы не привьем этим массам сознательности. Не забывайте также об интеллигенции, она тянется к нам кучами — мы их не можем воспитать одними лишь словами, ни выбрасывать их из партии. Нам, стало быть, угрожает *засорение* движения. Только литература может их воспитать и руководить ими, а вы об этом болтаете, но не помните. *Издайте же*, наконец, Полонику, издайте «Пшеглонд». Без этой литературы наша работа — сизифов труд. Мы не сможем справиться со своими задачами, так как вынуждены с каждым нашим интеллигентом тратить время на диспуты, обсуждение каждого вопроса. Вследствие этого организация наша не может расширяться, мы находимся в заколдованном кругу, из которого не можем выбраться. Одно только метание и удовольствие читать письма с архиумной иронией о кружках и целом. Если бы вы как-нибудь организовали издание литературы, а меньше следили бы и меньше занимались бы вопросами повседневной борьбы здесь, в Польше, — будьте уверены, вы получали бы ежедневно массу писем. Недостаток литературы для интеллигенции можно бы до известной степени заменить партийными лекциями. Все имеют, только мы не имеем никого. У торговых служащих на этих днях прочтет доклад Адольф в тесном кругу. Но постоянно заниматься этим он не может. Корреспонденцию торговых служащих и прокламацию к ним обязательно перепечатайте. Мы очень в них заинтересованы, а они придают этому большое значение. В будущем они нам очень много дадут. Не могли бы вы доставить сюда, в Варшаву, для докладов и работы среди интеллигенции Яна из Киева или, в крайнем случае, Петра из Берлина? А, может быть, для нескольких докладов Юлека. Яну напишите, чтобы денежный вопрос его не оставивал.

С парнем из Вол. улажу через несколько дней. Паспорт Анатоля нужен нам для Сивого. Он должен прописаться. Помните о самом срочном заказе и пересылке нам печатей. Они очень нужны. Из-за их отсутствия многие парни могут засыпаться. Освобождены Леон, Кораль, Живы (за 100 руб.) и Павелэк. У нас есть два молодых парня, которые годятся для техники. Не нужны ли они вам?

Продолжение в письме
по другому адресу.

Организационная работа в Варшаве в настоящее время представляется следующим образом (это продолжение письма, отправленного одновременно по другому адресу). Реформированный Комитет сейчас ожил и начинает как следует работать. Мы приняли постановление, что в Комитет входят только профессиональные революционеры, те же (2), которые на себя зарабатывают, пользуются совещательным голосом. С решающим же голосом имеется трое рабочих и один интеллигент. Интеллигент (Сивы) руководит распределением литературы, центральным кружком и кружком металлистов. Один рабочий руководит Прагой*, другой занимается железнодорожниками, Прушковом, наборщиками и боевой дружиной, третий — каменщиками, каменотесами, трамвайными рабочими и сторожами. Кроме того, хорошо поставлена и развивается работа у лакировщиков, скорняков, кожевников, сапожников, столяров, пекарей, железнодорожников. Связи громадные. Свит занялся пропагандой и школой агитаторов, которая начнет функционировать с понедельника. Кроме того, каждое воскресенье маевки. Имеем порядочно интеллигентиков, мы их не использовали — это трудная задача, так как все это «птенцы». Большой недостаток способных организаторов — это меня убивает, так как я вынужден сидеть на этом деле. Теперь мы хотим организовать демонстрацию на кладбище или в Аллеях, собрание и речь. Это будет зависеть от выяснения, придут ли массы. В костелах борьба с ксендзами уже началась — сначала без участия организации, стихийно. Ксендзов освисты-

* Прага — предместье Варшавы.— *Ред.*

вают, выкрики: «Врешь» и тому подобное. Ксендзы раздают в костелах свои брошюры, рабочие рвут их тут же. Дело доходит до драк. Послезавтра должна быть проповедь в костеле Всех Святых. Наши рабочие пойдут туда толпой. Прокламация наша страшно нравится. Кампанию эту наверняка выиграем — необходимо лишь углубить эту борьбу брошюрой и довести победу до конца. Тут, в Варшаве, да и повсюду, ввиду поведения ксендзов, это вещь нетрудная. Возможно, что эту брошюру напишет бывший ксендз под руководством Адольфа.

Бунд теперь по отношению к нам в очень глупом положении. Он непременно хочет вновь войти с нами в контакт, обращается к нам ежедневно по всяким пустякам — как, например, по вопросу о мелких забастовках и т. д. Бундовцы предложили даже пока общую стачечную комиссию. Я им ответил, что наши условия для постоянной стачечной комиссии такие же, как и для нестачечной, но они своего ответа назад не взяли. Мы можем для них только по мере возможности сделать для поддержки то, чтобы, если какая-нибудь определенная забастовка у них уже вспыхнула, а христиане мешают, рассмотреть, можно ли бастовать и склонить христиан к забастовке. Мы не желаем, однако, слишком в это впутываться, так как это тоже значит вытягивать Бунд за уши из положения, которое вообще является следствием существования отдельной еврейской партии. Постараюсь прислать вам отчет о том, что мы для них сделали. Сформулируйте нам письменно условия, при которых и в каких случаях мы можем сообща с Бундом выступать. Издание общей прокламации должно быть исключено. При погроме домов терпимости бундовцы страшно осрамялись. Начали погром якобы мясники-евреи, которые составляют единственную организацию «III пролетариата». Бундовцы поддержали их своим присоединением: все еврейские фабрики остановились, рабочие-евреи пошли бить сутенеров. Два дня продолжалась у них эта «забастовка». На одной фабрике они склонили к прекращению работы и христиан (там работает половина христиан и половина евреев), Наши парни слышали бундовских ораторов, призывавших еврейских и польских рабочих к уничтожению сутенеров. Однако пассивное поведение полиции, а кое-где даже

«одобрение» с ее стороны вывело бундовцев из блаженного состояния восхищения этой «борьбой» и у них появилась идея, что полиция готовит еврейский погром, и вчера вечером они наделали страшный шум: погром, погром. Сегодня они пригласили нас и заявили, что они не виноваты, что это пролетариатцы, что они не могли склонить своих рабочих к невмешательству в эту борьбу, что они издают прокламацию, доказывающую, что правительство хочет устроить погром и что они заставили своих рабочих вернуться сегодня на фабрики, что они приготовили 100 человек для защиты евреев и хотят знать, что мы сделаем, чтобы отразить погром. Осрамились ужасно. Я им ответил, что наши рабочие сразу оценили как следует избиение сутенеров, что их крики и опасения нас просто компрометируют, — варшавский пролетариат не может выражать таких опасений. Я оцениваю все это избиение, как случай, который нужно использовать для выяснения банкротства властей, юстиции и других правительственных органов, с одной стороны, а с другой — указать массам, что это движение бесцельно, не революционно, что рабочие должны иным путем устранить это зло: долой царизм, долой капитал и все капиталистическое общество, которое насквозь лицемерно и само протитупировано. Бундовцы страшно осрамились. Все говорят, что это они начали. Сегодня шалили почти исключительно христианские подростки.

Литературу в Лодзь, Белосток (туда и парня) и Пулавы я уже отправил. Кажется, в Пулавах все-таки был большой провал. Это был бы страшный скандал, так как, не зная об этом, туда поехал с литературой и планом забрать оттуда людей Мариан, приятель офицера из Пулав. Он захватил с собой четыре внутренних паспорта.

Порядок созыва съезда⁷³ уже всюду разослан, кроме Ченстохова, куда я не заехал из-за страшной головной боли. С военной организацией все время скандалы — на этот раз хорошие — Илью исключили. Он, однако, не сдался и объявил, что наступил раскол. Итак, будем иметь здесь два комитета ВРО РСДРП. О ты, партия! Надеюсь, что наша начнет, наконец, как следует быть работать, если только Мариан не засыпался. Стараюсь парням от них

дать работу у нас...* объединит,— ибо теперь они только болтают и ничего не делают.

Адресами Яд. и Ам. уже нельзя пользоваться. Пришло вам новый. Лодзь просит доставить ей все брошюры по 40—50 экз. и библиотеку научных произведений — у них нет даже на лекарство. Болеку я послал 100 руб. 20/V — он же просил выслать ему до 22/V. Так что за жалобы?

Из Вильно у меня было письмо (старый адрес хорош — пишите). Я велел писать вам. Пока там ничего нет. Ф. поступил глупо, так как обратился к Северо-Западному комитету с требованием (!?) передачи польских рабочих — конечно, ему покажут кукиш. Связи среди интеллигенции можно использовать. Абсолютно не могу заняться как следует провинцией, пока здесь, в Варшаве, все не наладится. Об Адольфе напишу вам в другой раз. Завтра, т. е. сегодня утром (27), он будет у меня. Пишу...*

Письмо это пишу на трех листах по трем адресам уже с двух часов ночи — теперь больше пяти,— чтобы вы не ругались.

Ну, будьте здоровы.

Ваш Юзеф

«Z Pola Walki»
(«С поля борьбы») № 5-6,
1929

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

* В тексте несколько слов неразборчивы вследствие сожжения бумаги при проявлении письма.— *Ред.*

3. ЛЕДЕРУ

Ченстохов, 20 июня 1905 г.

Работа в Ченстохове представляется так: из центрального кружка выдвинулись три рабочих и два интеллигента (Магдалена и Леон из Лодзи) и создали более узкую ченстоховскую организацию. Они хотят, чтобы их утвердили как комитет. Что Вы на это скажете? Лично я ничего не имел бы против этого. Это рабочие, как для Ченстохова, кажутся очень дельными. Они очень преданы делу и энергичны. Вопрос только в одном Лонгинусе, который в последнее время стал небрежно относиться к делу из-за любовного увлечения.

Работа в Ченстохове в настоящее время начинает приобретать более серьезный массовый характер. Ее только нужно как следует организовать, что им дается не так-то легко, так как у них не было практики. У них сейчас имеется лишь центральный кружок и много кружков: на Ракове — шесть кружков с 70 членами, на Ченстоховянке — три кружка с 40 членами, на шпагатной фабрике — один кружок с 12 членами, у Пельцеров — один кружок с 12 членами, у Моттов — два кружка с 15 членами, на Варте — два кружка с 19 членами, в шляпной мастерской — один кружок с шестью членами, у Канчевского — один кружок с пятью членами, на Заводье — один кружок с 15 членами, в мастерской воротничков — один кружок с пятью членами. Всего у них в кружках около 200 человек, кроме того, имеются связи в других фабриках, проводятся массовые собрания.

...Стачное движение перекинулось в настоящее время и на ремесленных рабочих. Поэтому здесь ужасная горячка, наши руководят этим движением и принимают

в нем участие. Скандал, что в своих требованиях они выставили не 8-, а 10-часовой рабочий день. После окончания стачки нужно обязательно выпустить местную листовку к ним, в которой был бы выдвинут лозунг о 8-часовом рабочем дне, в которой была бы указана связь экономической борьбы с общеклассовой и т. д. Помните об этом и требуйте от них данных о результатах забастовки и условиях работы перед забастовкой. Вы сможете прислать сюда стереотипы. Вообще здесь сейчас прекрасная почва для широкой массовой агитации и привлечения этих масс на нашу сторону. Они выдвинули требование 10-часового рабочего дня, так как эти рабочие до сего времени работали по 10—18 час. Подробную корреспонденцию они пошлют Вам вскоре. ППС совершенно бездеятельна, зато расширила свое влияние Поалей-цион и расширяет Бунд.

...Кораль опять арестован. Вскоре его выпустят, как он пишет. Вероятно, мы отправим его в Радом или Домбровский бассейн, так как Казик срочно требует товарища.

«Z Pola Walki»
(«С поля борьбы») № 11-12,
1931

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

3. ЛЕДЕРУ

Варшава, 22—23 июня 1905 г.

Дорогой товарищ!

Телеграмму Леона мы получили. Конференцию отложим. Его неявка по вызову из-за пулавских событий⁷⁶ и в настоящее время, после торжественного заверения меня, что даже по телеграфному требованию — явится, отнимает у заграницы право решать в более важных вопросах и нас освобождает от ответственности перед этой заграницей, которая хочет вмешиваться в каждую мелочь местной организационной работы, а там, где нужна, — ее нет.

В моем письме почтой из Ченстохова от 21 — 22-го числа я ошибочно показал количество «С поля вальки». № 8 в этом транспорте получено в целом не 322, а 422 экз.

Печати получил. Не можем, однако, ими пользоваться, т. к. у нас нет копий подписей. Кажется, я оставил это у вас. Пришлите нам. Кроме того, кажется, печать губернатора годится только для заграничных паспортов. Не так ли? Если эти печати сняты с паспортов, то пришлите копии написанного чернилами. На основании каких бумаг выдан паспорт, какой паспорт, бессрочный или пятилетний, выдан ли еврею, в каком году, фамилию губернатора и т. д. Напишите также ясно, какого мещанского старосты одна из печатей — она неясна: «Ге» или «Те», какой это губернии и т. д.

Сегодня виделся с Ходачевским. Напрасно Вы ему писали, чтобы он сюда приехал. Мы ему давно писали, чтобы приехал, как только отдохнет. Он нуждается еще в недельном отдыхе и поэтому возвращается в деревню, — приедет в следующий вторник.

Прихожу к выводу, что наборщиком не стоит его ни брать, ни учить! Никогда он не будет порядочно набирать, и корректура всегда будет безобразна. Он скорее годится для транспорта, а Кирилл для набора. Наборщиком должен быть «интеллигент».

По поводу лодзинских событий издадим от Главного правления прокламацию. Быть может, удастся устроить по этому поводу демонстрацию или однодневную забастовку. Сегодня были здесь парни из Лодзи. Анатолий вчера ввалился сюда на два часа, чтобы сообщить нам, что им нужен шрифт.

До сих пор мы не имеем в достаточном количестве ни № 9 «С поля вальки», ни № 26 «Червоного штандара», ни брошюр.

Прокламацию о ксендзах, а может быть, и валик вышлем завтра в Ченстохов.

Шрифт в Лодзь вышлю, когда урегулирую типографию № 2. Вследствие Вашей, часто идиотской, критики и требований, несоизмеренных с нашими силами, Анатолий делает для себя тот вывод, что может сам распоряжаться как серый гусь и вместо того, чтобы нам помогать, вносит дезорганизацию и увеличивает хаос. О нем, впрочем, напишу вскоре обширно.

Получили ли Вы два моих письма из Ченстохова, одно с попутчиком, другое почтой?

Ченстохов соглашается на порядок созыва съезда. Срок составления порядка дня уже очень близок!

Письмо Ваше от 19—20/VI получил! Мое письмо от 14-го числа, очень важное, я отправил через Мицю при посредстве знакомых Темного. Расспросите и достаньте это письмо.

Последнее свое письмо Вы написали отвратительно, на одном и том же месте Вы писали несколько раз. Для Эдды паспорт будет липовый.

Советую Вам меньше заниматься местными организационными вопросами, вернее, их деталями, как Вы это делаете. В своих письмах Вы в этом отношении находитесь на совершенно неправильном пути по отношению к нам. Ломитесь в открытые ворота — когда речь идет об идее, о направлении, о задачах. А в планах своих, в проектах, в критике нас Вы в этом отношении доказы-

ваете только, что чем дальше, тем больше Вы становитесь «заграничником». Поэтому не имеет никакого смысла отвечать Вам на критику нашей работы в Вашем последнем письме.

В моем письме от 14-го я предлагал Вам следующее: написать популярную программную брошюру, вроде Мартова «Рабочее дело в России», только короче, вроде брошюры Шенланка. Нам нужно непременно это издать. Все пункты нашей программы с разъяснением исторического процесса, который доведет до социализма, с разъяснением понятия класса и классовой, политической партии, диктатуры, отношения к другим партиям, тактики нашей партии всегда оппозиционно-революционной. Одним словом, нужно написать наш катехизис. Займитесь этим — это вещь не тяжелая. Вот такая работа должна быть Вашей задачей и обязанностью, а не нервничание и вмешательство во все мелочи организационной работы.

Это от Вас Анатолий наслушался критики прокламации к ксендзам? Он намерен сам написать и издать! Что касается прокламаций комитета Домбровского бассейна «Силой и единством», ченстоховской организации, ответ ППС и изданная в мае — совсем мне не нравятся. Это не прокламации, которые понятны массам, воодушевляют их, увлекают и учат ясными, точными и сильными лозунгами и их обоснованием.

Талантом писать прокламации обладает только Роза и до известной степени Адольф, когда он в «ударе». Ваши прокламации мне не нравятся.

В порядке созыва съезда мы изменили в параграфе 1 слово «организациям» — делегатам, к параграфу 4 мы добавили: «с совещательным голосом», к пункту д) параграфа 5 мы добавили после слова «одним» — «в крайнем случае двумя». Ну, и Ваше добавление — как параграф 12. Заграничный союз высылает одного делегата.

«Z Pola *Walki»*
(«С поля борьбы») № 11-12,
1931

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПЛ

Лодзь, 20 июля 1905 г.

Дорогие мои! Завтра возвращаюсь в Варшаву, так как меня беспокоит история с Леоном, о которой вы, пожалуй, знаете. А теперь отчет отсюда. *Конфликт с деньгами* я уладил. Деньги останутся у нас. Анатолий здесь здорово провинился. Парней здесь относительно много, больше, чем в Варшаве, но просто абсолютный недостаток в дельных и политически развитых рабочих. Районные кружки — три, они должны с настоящего времени собираться второй раз в неделю для занятий, а кроме того Р. будет вести школу агитаторов. Не хватает здесь, однако, как и в Варшаве, энергичной, руководящей руки — организатора. Работа среди немцев развивается очень успешно, имеется до 100 организованных. Абсолютное, однако, отсутствие литературы, а требуют очень много, и следует их требования исполнить. Здесь вместе с окрестностями до 60 тыс. немецких рабочих. Без них здесь никогда нельзя будет вести успешной борьбы. Они жалуются, что, в то время, когда польские рабочие постоянно имеют литературу, они имеют в тысячу раз меньше, несмотря на то, что их здесь почти столько же. Они требуют, чтобы каждая прокламация издавалась и по-немецки. Возможно, что нам удастся выцарапать здесь готический шрифт, в противном случае придется транспортировать. Далее они требуют, чтобы к каждому номеру «Червоного штандара» выходил в виде приложения немецкий «Flugblatt»⁷⁷, обещали со своей стороны посылать вам соответствующие корреспонденции и статьи и будут с вами об этом непосредственно переписываться. Далее они просят прислать брошюры для масс в большом количестве, в количестве от 200 до

500 экз. каждой, как «Мухи и пауки», «Warum sind wir arm?»⁷⁸, «Grundsätze»⁷⁹, «Was die SD sind»⁸⁰ и немецкие песни. «Flugblatt» они просят в количестве 3 тыс. экз. Они говорят, чтобы мы со всем этим обратились к немецкой партии и что она, надо думать, не откажет. Быть может, нам удастся доставить немного легальным путем. Во всяком случае немецкая партия должна дать нам даром брошюры, а немцы могли бы ведь писать что-нибудь для «Flugblatt'a». Вопрос о немецких изданиях для Лодзи сейчас очень важен и пренебрегать этим нам не следует. Лодзинский комитет содержит для немцев агитатора — очень дельный парень, поскольку я мог его узнать в течение нескольких часов.

Организованных рабочих, как говорят, здесь от 600 до 700. Вероятно, преувеличивают.

Состав комитета совершенно несоответствующий. Сидят в нем люди бездеятельные, которых брать на содержание нельзя. Когда придет Анатолий и мы пришлем кого-нибудь из рабочих из Варшавы, все переменится. Комитет будет собираться не один раз в неделю, как теперь, а ежедневно. Вац. сегодня при...* соглас. из К. ушел. Осталось пять. Из них троих нужно будет устранить; собственно говоря, они сами устроятся, когда комитет будет собираться ежедневно, так как они работают на фабриках. Финансовый вопрос среди рабочих и интеллигенции ниже всякой критики — нет никакой организации, несмотря на то, что сделать можно бы очень многое. Кружка пропагандистов нет совсем. Все устраивают так называемые биржи, состоящие из всех интеллигентов и двух рабочих. Организация, следовательно, здесь очень слабая. Даже районные организации (три) функционируют плохо. Парни (рабочие-агитаторы) трусят, и вследствие этого трудно устраивать собрания. Пожалуй, лучшая организация немецкая. В Пабяницах работа, кажется, идет живей, ибо ею руководит дельный рабочий (я с ним познакомился). Вообще материал и условия здесь очень хорошие и достаточные, не хватает только руководящей руки, ленинского «кулака», организатора. Опасаюсь, что Анатолий тоже не управится, так как возбудил здесь некоторое недоверие,

* Несколько слов неразборчивы.— *Ред.*

впрочем, необоснованное, а у нас нет никого. Должен бы здесь сидеть кто-нибудь из Главного правления, однако ни я, ни Генрих не можем сюда переселиться, ибо тогда несчастное Главное правление превратилось бы действительно в полную фикцию. Что же делать, кого принять в Главное правление? Просто теряюсь и не знаю, чем тут помочь, а если Леон действительно исполнит свои угрозы, тогда нас ждут печальные времена. Впрочем, что будет, если нас тут возьмут черти или жандармы, а ведь это вполне возможно. Мы перегружены работой и просто не можем ни о чем серьезно подумать, ни сделать как следует быть. Ничего удивительного, что иногда можно сделать глупость и попасться. Вопрос о Главном правлении в Польше, вопрос о действительном руководстве всем движением сейчас самый важный — и что же теперь здесь делать? Если...*

Потребность сейчас тут следующая: «Червоного штандара» от № 27 по 1 тыс., столько же «С поля вальки» от № 10. Затем: «Долой социал-демократов»⁸¹ и «Церковь и социализм»⁸² — 700, «Пшеглонд роботнич» № 5—200, «Песни» — 200, «Млот» — 200, «Розга» — 400, «Мухи и пауки» — 1000 (тысяча).

Далее, парни жалуются, что работа перед июньскими событиями представлена слишком слабо, неизвестно почему преуменьшена. Они просят исправить, что на собраниях от 3 до 18/VI было не 6—7 тыс., а 60—70 тыс. человек, что указанные собрания являются только небольшой частью всех тех собраний, которые в то время состоялись.

Отправляю еще второе письмо.

Продолжение письма,
высланного одновременно.

В русских брошюрах также громадная потребность для агитации среди войск — просят разных брошюр, всего до 300 экз., как, например, «Сказка — правда»⁸³, «Простые речи»⁸⁴, «Из жизни солдата» и т. д. Сообщаю вам, сколько прокламаций здесь вышло и было распространено

* В подлиннике отсутствует продолжение фразы.— *Ред.*

в Лодзи и окрестностях — Згерж, Пабяницы...* ...не успею. Я собрал также материал для прокламации Лодзинского комитета по поводу событий у Рихтера и стремлении удлинить рабочий день и по поводу возврата выброшенных мастеров.

Свежая литература для Лодзи будет выслана из Варшавы послезавтра.

Пока кончаю, ибо я невероятно устал, а через несколько часов уже должен буду вставать.

Обнимаю.

«Z Pola Walki»
(«С поля борьбы») № 11-12,
1931

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

* Отсутствует часть письма.— *Ред.*

**РЕЧЬ НА IV (ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ)
СЪЕЗДЕ РСДРП⁸⁵**

*24 заседание
1906 г.*

Доманский. Название СДПиЛ не может быть отменено конференцией; наше название СДПиЛ определяется тем, что мы работаем, например, в Белостоке, а Белосток также, принадлежит к Литве. Правда, что в Вильне у нас было много споров, но теперь этого не будет, так как этот вопрос лучше всего разрешен договором. Что касается профессиональных союзов, то само собою понятно, что все решения, которые съезд принимает здесь, можно отменить на следующем съезде. Что касается отношения нашей организации к пролетариату других национальностей, то дело идет не только о еврейском пролетариате, но и о пролетариате немецком, который в очень большом количестве имеется в Польше, особенно в Лодзи; кроме того, в Польше имеется немало и русских (например, солдаты). Отношение СДПиЛ к Бунду разрешится тогда, когда съезд решит вопрос относительно Бунда. Что касается нашей организации, она работает и среди еврейского пролетариата. Конечно, работа ничтожная, но она все-таки ведется.

*Четвертый (Объединительный)
съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959*

Печатается по тексту книги

ОТЧЕТ ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ НА V СЪЕЗДЕ СДКПиЛ⁸⁶

18 июня 1906 г.

ОБЩИЙ ФОН ПАРТИЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В своем отчете т. Франковский *, выступавший от имени Главного правления, дал прежде всего довольно обширный *обзор развития событий, в которых партия наша за отчетный период принимала участие*. Период политического затишья между 1903 и началом 1904 г., когда началась война с Японией, уступил место периоду живой агитации по поводу этой самой войны.

Решительный и ясный лозунг «война против войны», с которым социал-демократия выступила с первого момента своей агитации, ярким образом отграничил ее не только от буржуазных партий, но и от «тоже социалистических», вроде ППС, которая, как известно, признавала японцев единственными избавителями от царского абсолютизма и вместе с национал-демократией общим хором возлагала все свои надежды на войну. Положение, созданное войной, промышленный кризис, массовая безработица, возрастающее революционное брожение в России с каждым днем усиливали позицию нашей партии, и она все больше распространяла свое влияние на трудящиеся массы.

Переломным моментом, возбудившим незатихающее с тех пор революционное брожение в Варшаве и всей стране, явилось геройское сопротивление Каспржака при захвате царскими опричниками социал-демократической типографии 27 апреля 1904 г. Выстрелы Каспржака, как электрическая искра, разбудили рабочие массы и призвали их под знамена активной борьбы.

После мая 1904 г., когда организация наша была сильно расшатана массовыми арестами, социал-демократические

* Ф. Э. Дзержинский.— *Ред.*

идеи, несмотря на это, находят все более благоприятную почву, при одновременном очевидном банкротстве социал-национализма.

Январские события, которые на социал-патриотические организации, на все буржуазное общество и самодержавие действовали как гром среди ясного неба, нас застали, наоборот, вполне подготовленными как с точки зрения основных положений нашей программы, провозглашаемых нами издавна, так и с точки зрения нашей тактики, проводимой в жизнь в течение многих лет.

Энергичная и широкая агитация, развитая во время этих событий, вскоре создала огромное массовое движение, которое в продолжение 1905 г. выкристаллизовалось в уже массовую социал-демократическую рабочую партию.

В событиях 1905 и первой половины 1906 г. она принимает самое деятельное участие, а влияние ее на массы ясно проявляется в той дисциплинированности, с которой рабочие всей Польши поднимались на борьбу по каждому призыву партии. Очевидным и могучим показателем триумфа социал-демократии явилось памятное празднование 1 Мая 1905 г. в Варшаве, которое по своим громадным размерам превзошло все бывшие ранее в стране демонстрации и, будучи организовано исключительно силами нашей партии, показало ее тесную связь с рабочей массой.

ФОРМЫ БОРЬБЫ

На событиях 1905 г. мы дольше задерживаться не станем; слишком свежи они еще в памяти каждого. Зато здесь следует обратить внимание на развитие *форм борьбы*.

До 1905 г. единственной формой активной борьбы были демонстрации. Демонстрации эти, учитывая господствовавшее тогда настроение и степень сознательности масс, а также общее положение, могли носить только мирный характер. По этой причине наша партия выступила самым решительным образом против попытки ППС начать у нас период вооруженных демонстраций и столкновений, когда для этого не было еще соответствующих условий и когда, следовательно, такие демонстрации являлись не демонстрациями рабочих масс, а более или менее авантюристическими, искусственными выступлениями группы органи-

зованных и готовых на все революционеров, вызывавшими среди масс лишь замешательство и угнетенное состояние. И в то время, когда эти «вооруженные демонстрации», как и неудачные попытки террора, не выражавшие настроения и самостоятельности масс, совершенно не привились, — мирные демонстрации, начиная с майской 1904 г., повторяются все чаще, принимая все большие размеры, и в тесной связи с развитием событий постепенно приводят широкие массы к убеждению, что свергнуть абсолютизм нельзя иначе, как только путем массовой открытой политической борьбы с правительством.

20-тысячная варшавская демонстрация 1 Мая 1905 г., 60- и 100-тысячные лодзинские демонстрации в июне того же года явились кульминационным пунктом в развитии манифестационного движения. От этих громадных народных выступлений остался лишь один шаг к массовым выступлениям с оружием в руках — к вооруженному восстанию. И честь первой попытки восстания, первой массовой баррикадной борьбы в государстве царей, принадлежит польскому пролетариату г. Лодзи, где в июне 1905 г. под руководством социал-демократии разыгралась трехдневная драма вооруженной революционной борьбы, вопреки отчаянному, но бессильному сопротивлению ППС.

С тех пор манифестационное движение уступает место новым формам борьбы, завоеывая вновь право гражданства на короткий срок в ноябрьские дни.

Как известно, новой формой борьбы с царским правительством в 1905 г. явились *всеобщие забастовки*. От забастовок наполовину стихийных, в которых партия давала только немедленное выражение настроению масс, мы перешли к забастовкам, проведенным уже с соблюдением всей организационной дисциплины. В некоторых случаях, как, например, 1 и 4 мая прошлого года в Варшаве, 23 июня в Лодзи, 19 августа, по поводу белостокской резни, в Варшаве, 22 января в годовщину революционного восстания петербургского пролетариата, и 1 Мая текущего года, по всей стране всеобщие забастовки были проведены с беспримерной дисциплинированностью и единодушием. Во всех других случаях, а именно в тех, которые были проявлением уже более стихийной борьбы народа с царским правительством, рабочие массы проявили поразительную

выдержку, а в ходе борьбы — большую дисциплинированность по отношению к партии.

Высокая дисциплинированность, большое значение и влияние, которое мы приобрели как пролетарская партия, проявились с очевидностью в октябрьские и ноябрьские дни. Мощь октябрьской забастовки произвела на буржуазию громадное впечатление. Она оказалась вынужденной признать нага пролетариат той именно силой, которая завоевала стране политическую свободу и которая одна лишь в состоянии эту свободу защищать. Отсюда — громадное значение пролетариата, а следовательно, и нашей партии в жизни общества. Пользуясь полным бездействием царских властей, пролетарская партия захватила в свои руки руль жизни, а там, где это бездействие проявлялось особенно ярко, как, например, в Домбровском бассейне, там свыше десяти дней фактически существовала только одна власть — власть, возглавляемая социал-демократией.

Дальнейшим этапом в развитии борьбы с помощью всеобщих забастовок явилась декабрьская забастовка. Проведение этой забастовки заслуживает особого внимания по той причине, что в этом случае нашему пролетариату, во главе с нашей партией, пришлось бороться с особенно сильной контрагитацией и контрреволюционной деятельностью буржуазии с национал-демократией во главе. Несмотря на это, забастовка вновь была проведена с образцовой дисциплинированностью, и в течение многих дней польский пролетариат верно исполняет свой долг союзника пролетариата России, а партия наша энергичной агитацией все время поддерживает в массах дух, ослабляемый предательской и подлой контрагитацией буржуазии, с одной стороны, и дикими правительственными репрессиями — с другой.

После подавления декабрьского восстания наступает новый период борьбы. Начинается предвыборная кампания, а правительство Витте и Дурново кладет начало периоду небывалых — еще до сих пор правительственных репрессий. В этот период партия наша применяет новое оружие борьбы с правительством и буржуазией. Это — *активный бойкот*. Он проявляется, с одной стороны, в исключительно широкой агитации, проводимой в пользу воздержания от выборов и препятствования таковым, а с другой —

в активных попытках срыва предвыборных собраний. Там, где национал-демократические вожаки не старались сохранять хотя бы видимость политического приличия, там, где собрания слишком явно принимали характер тайных стоговоров, на которых национал-демократические «патриоты» совещались при закрытых дверях об «избавлении отчизны» и об уничтожении социализма, там наша партия пыталась штурмом завоевать доступ к рабочим массам и при сопротивлении со стороны «национальных» опричников без колебаний прибегала к срыву таких собраний.

Такие столкновения с национал-демократией на ее так называемых «предвыборных собраниях» имели место многократно в Варшаве, Лодзи, Пабяницах, Люблине, Новорадомске, Бендзине, Сосновицах.

Результатом этого явилось то, что широкие пролетарские массы поняли, что в борьбе за свободу и права наш пролетариат совершенно обособлен. С этих пор в сознании рабочих вкоренилось правильное убеждение, что вся польская буржуазия, в том числе и мелкая, враждебна освободительному движению, насквозь реакционна.

ОРГАНИЗАЦИЯ

Переходя к *организации*, т. Франковский указал на ее громадный рост, очевидный уже из сопоставления двух цифр. Число организованных к половине 1903 г., во время IV нашего съезда, составляло не более нескольких сот человек, в настоящее же время оно достигает, считая только постоянных членов политических организаций, 30 тыс.

В те времена доходы от краевой организации составляли не более нескольких десятков рублей ежемесячно, в настоящее же время расходы одного лишь Главного правления составляют ежегодно несколько десятков тысяч рублей, расходы же двух таких комитетов, как Варшавский и Лодзинский, взятых вместе, составляют, по крайней мере, столько же.

До начала 1905 г. работа в отношении изданий, а до известной степени и в отношении политического руководства, опиралась на Заграничный комитет.

Еще в течение времени от января до ноября партийные газеты и брошюры редактируются и издаются за гра-

ницей, а в Польшу вся партийная работа переносится только в ноябрьские дни.

Издание «Червоного штандара» и прочей партийной литературы переносится в Польшу, политическое руководство теперь тоже концентрируется исключительно в Польше.

С поступательным развитием движения все успешнее развивается и партийная организация; возникает новый тип организации, создаются новые ее формы в виде районных организаций. Одновременно прогрессирует и демократизация организации, проявляющаяся отчасти в вовлечении все более широких рабочих кругов в партийную жизнь, отчасти в введении демократических способов создания более узких организаций путем выборов.

Развитие партийной организации идет не только вглубь, но и вширь. До начала 1905 г. партия наша опиралась главным образом на три организации: варшавскую, лодзинскую и ченстоховскую; организации виленская и белостокская, хотя, вообще говоря, и существовали, но не смогли, однако, создать надлежащей основы для существования партии. С начала революции социал-демократические организации быстро возникают по всей стране, а социал-демократические идеи проникают и в деревню. Возникают и развиваются организации: в Радоме и Радомском округе, в Люблине и Люблинском округе, в Калгане и окрестностях, в Пабяницах, в Згерже и Томашове, в Седлеце, в Плоцке, в Ново-Радомске, в Заверце и в целом ряде других пунктов.

Во главе, как в отношении числа организованных, так и в отношении степени развития организации, идет сердце нашей страны и движения — *Варшава*. Она насчитывает вместе с окрестностями около 9 тыс. организованных членов, разделена на пять районов (в том числе Пражский), имеет, кроме тою, организации: еврейскую, военную, торговых служащих и учащейся молодежи. Однако уже в самое ближайшее время Варшаву, вероятно, обгонит в отношении мощности организации центр нашей промышленности и одновременно один из наиболее могучих центров рабочего движения — красная Лодзь. Она насчитывает более 9 тыс. членов, организованных в семи районах, включая еврейский. Как и Варшава, она имеет организа-

ции торговых служащих, молодежи и военную. Лодзинский округ — *Пабянице, Згерж, Калиш, Петроков, Томашов* — насчитывает вместе около 2 тыс. организованных членов.

За Лодзью следует в порядке очереди организация Домбровского бассейна, насчитывающая 2050 рабочих, организованных в четырех районах (в том числе один еврейский).

Четвертое место занимает *Ченстохов* с окрестностями. Организация эта насчитывает 1585 членов, причем такими признаются только те, кто уплачивает партийные взносы и посещает кружки, так как организация насчитывает до двух тысяч, а влияние свое распространяет на четыре тысячи. Кроме того, Ново-Радомск и Заверце в Ченстоховском округе насчитывают 240 организованных членов.

Следующее место по числу организованных занимает *люблинская* организация. В самом Люблине наша партия имеет около 300 организованных членов, зато в окрестностях — в Пулавах, Холме, Любартове, Грубешове и в других уездах — мы насчитываем 1150 организованных.

К слабым относятся такие организации, как радомская, белостокская, виленская и другие. Число организованных в Радоме и окрестностях точно не сообщено, во всяком случае, оно составляет не менее 150; в Белостоке и окрестностях (Крынки, Лапы, Старосельцы, Васильков, Михалов) оно равняется около 200, приблизительно столько же насчитывает виленская организация. Прочие организации, о которых речь уже была выше, насчитывают менее 200 членов. Своими членами местные организации признают главным образом лишь тех, кто постоянно уплачивает партийные взносы.

Расширяясь, наша организация охватила не только те слои трудящихся, на вовлечение которых мы первоначально сосредоточивали все наши силы, т. е. польский фабричный пролетариат, но постепенно включала в свои рамки все новые и более широкие круги эксплуатируемых. Последний год был периодом серьезного развития нашей работы среди *еврейских и немецких рабочих и среди крестьян*.

К еврейской организации в Ченстохове, существующей там уже давно, в 1905 г. присоединяются вновь возникшие

еврейские организации в Бендзине и Сосновицах, в Варшаве и Лодзи. Кроме того, мы имеем организованных еврейских рабочих в Люблине и Белостоке. В Варшаве еврейская организация усиливается благодаря присоединению к ней «искровской» организации⁸⁷, и в недалеком будущем она, несомненно, настолько соберется с силами, что будет в состоянии взять на себя роль агитационного центра нашей работы среди еврейских рабочих по всей стране. В Лодзи еврейская организация возникла из группы, которая откололась от Бунда; также в Домбровском бассейне, в Пулавах и в нескольких других пунктах еврейские рабочие присоединяются к нашей организации. Число организованных до сих пор, однако, невелико, так что серьезного значения еврейская организация до настоящего времени не имеет.

Несравненно большее значение имеет *немецкая* организация, сосредоточенная почти исключительно в Лодзи и Лодзинском округе. Она великолепно развилась в течение менее чем одного года и сейчас насчитывает несколько тысяч организованных, заметно выделяющихся даже среди польских товарищей усердным исполнением партийных обязанностей. В Лодзи немецкие рабочие составляют больше половины общего числа организованных.

Переходя к организации среди *крестьян*, следует заметить, что за исключением Люблинского округа, где наша партийная организация опирается почти исключительно на крестьян, нигде еще нет правильной *организации* сельских рабочих. Несмотря на это, нет, пожалуй, уже такого уголка страны, куда не проникали бы социал-демократические издания и агитация. Создание такой организации, которая охватила бы всю страну единой сетью, будет задачей ближайшего будущего; во всяком случае, потребности агитации настоятельно это диктуют.

Наконец, следует указать, как на важную составную часть партийной организации, на *военные* организации. Ранее всего такая организация возникла в Варшаве. Она работала там как организация РСДРП, но уже более года тому назад она вошла в тесную связь с нашей партией. Правильность этого подтверждается не только единством принципов, но и тем обстоятельством, что Военно-революционная организация работала с помощью средств, достав-

лявшихся ей почти исключительно нашей организацией. Немного позже возникли военные организации в Лодзи и Ченстохове, ведется также более или менее систематическая работа среди солдат в Домбровском бассейне, Ново-радомске, Петрокове, Радоме, Пулавах и в лагерях в окрестностях Варшавы. В Пулавах раньше существовала наша первая военная организация; разгромленная, однако, вследствие неудавшейся попытки восстания в апреле 1905 г., она сейчас довольно слаба.

Могучий рост рабочего движения под знаменем социал-демократии привлек к нам сторонников и из других социальных групп. Профессиональная интеллигенция и молодежь, доступные до сих пор воздействию почти исключительно социал-патриотических идей, начали тянуться к нашей организации. В 1905 г. создается организация *молодежи* в Варшаве и Лодзи. Подобные организации развиваются с большим или меньшим успехом повсюду, где существуют рабочие организации. Среди профессиональной интеллигенции мы привлекли к себе прежде всего *торговых служащих*. Организация торговых служащих возникает в Варшаве в мае 1905 г., а в следующих месяцах и в Лодзи.

Надлежит отметить еще одно проявление развития организации. Оно доказывает новую потребность революционного времени, диктующего нам необходимость не только расширения агитации и организации, но и защиты фактической свободы выполнения этого дела, с одной стороны, и требующего активной борьбы с царскими опричниками — с другой. Речь идет о так называемых боевых дружинах, существующих при всех больших организациях нашей партии и играющих роль как бы заслона партийной организации от покушений ее врагов.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Громадные размеры экономических боев, проведенных в год революции, все настоятельнее требуют создания соответствующих организаций для руководства этой борьбой. Политическая организация в силу больших размеров своих общих задач не в состоянии удовлетворить все потребности.

Существуют, правда, в среде партийной организации так называемые профессиональные кружки, но они уже не отвечают тем задачам, какие выдвинула жизнь. Все сильнее дает себя чувствовать потребность более широкой профессиональной организации.

При первых проблесках «конституционной» свободы была развита оживленная агитационная деятельность и направлении создания профессиональных союзов. Союзы эти, как известно, возникли как социал-демократические союзы, признающие принципы и политическое представительство социал-демократии, обязующиеся деятельно поддерживать партию и находящиеся в известной, хотя и не очень тесной, организационной связи с партией. В настоящее время союзы эти достигли довольно высокой степени развития, довольно высокой, если мы примем во внимание те условия и тот момент, когда они возникли. Всего социал-демократические профессиональные союзы насчитывают, по доставленным ими самими данным, 10 400 членов. В их число союз рабочих текстильной промышленности является наиболее сильным, так как насчитывает более четырех тысяч членов. Другие имеют от 100 до 1600 членов, а именно: союз переплетчиков имеет 100 членов, союз работниц иголки — 250, железнодорожный союз — 340, союз металлистов — 600, торговых служащих — 850, кожевников — 628, деревообделочников — 632, строительных рабочих — 1324, рабочих мукомольной промышленности — 1629. Лучшее всего профессиональные союзы работают в Варшаве благодаря тому, что там почва лучше всего подготовлена широким распространением социал-демократических идей, и благодаря тому, что Варшава имеет наибольшее количество агитаторских сил. Тут, следовательно, профессиональные союзы насчитывают более 5200 членов, а некоторые из них, как, например, союз рабочих мукомольной промышленности, обладают значительными денежными средствами. В Лодзи число организованных в профессиональные союзы почти равняется варшавскому, благодаря существованию большой текстильной промышленности, а именно — оно составляет почти 4900 членов. В Ченстохове и Домбровском бассейне организация профессиональных союзов поставлена еще слабо.

АГИТАЦИЯ

Переходя от организации к *агитации*, мы в отчетном периоде найдем тот же необычайно могучий рост в эпоху революции, какой удалось установить и в организации. Прежде всего, конечно, о размерах собраний. До 1905 г. самые многочисленные собрания не превышали 100—200 слушателей; лишь иногда бывало больше на маевках. После начала революции, точнее говоря, после октябрьских дней, начинаются громадные фабричные собрания, а в известные моменты и огромные уличные митинги. Количество участников таких митингов достигает в Лодзи в июне импонирующей цифры: 60—100 тыс.; митинги, на которых присутствовали тысячи и десятки тысяч, были очень частым явлением в дни октябрьских и ноябрьских свобод.

Сам характер агитации тоже изменился. До 1905 г. мы вели преимущественно кружковую пропаганду, в течение последнего года массовая агитация все более выступает на первый план.

После 30 октября она поглощает почти все наши силы. Осью агитации в этот период были: вопрос об Учредительном собрании, с одной стороны, и отношение профессиональных союзов к партии — с другой. Лишь спустя несколько месяцев агитационная «горячка» немножко понижается и организации постепенно возвращаются к более глубокой пропаганде на более узких собраниях.

В период предвыборной кампании массовая агитация вновь сильно развивается. Социал-демократические ораторы произносят сотни речей на фабриках и в мастерских; от времени до времени их голос раздается и на предвыборных собраниях буржуазных партий, если только эти последние недостаточно тщательно окружали помещения собраний войсками. Агитация в пользу бойкота выборов в Думу составляет в период от февраля до мая 1906 г. одну из наиболее важных отраслей партийной деятельности и была поставлена, как об этом свидетельствует даже буржуазная пресса, на очень широкую ногу.

Кроме устной агитации, развивается успешно и *агитация* с помощью печатного слова. До начала 1905 г. прокламации были в Польше редкостью вследствие недостатка

технических средств, и в период от IV съезда до мая — июня 1904 г. они появляются самое большее раз в месяц, а большей частью гораздо реже. При этом они доставляются в таких незначительных количествах, что об ознакомлении с их помощью широких рабочих масс с социал-демократией не может быть и речи.

Но, начиная с первой всеобщей забастовки, при внезапно изменившихся условиях и новых потребностях борьбы, партия наша развивает исключительно оживленную издательскую деятельность, буквально наводняя страну прокламациями по поводу каждого более или менее важного события. С конца января до конца апреля, т. е. в продолжение трех месяцев, Главное правление издает в истекшем году 16 различных прокламаций, каждая в десятках тысяч экземпляров. После мая месяца издательскую деятельность, наряду с Главным правлением, начинают развивать и местные комитеты.

В день праздника 1 Мая появляются и первые за отчетный период партийные издания на немецком языке (открытое письмо Бебеля и майская прокламация Главного правления). В период от мая до октября издательская деятельность Главного правления продолжает развиваться; кроме того, как уже указано выше, одновременно начинают все более систематически издавать прокламации и местные комитеты. Точной статистики изданий мы пока не сообщаем, так как составление такой сводки представляет довольно большие трудности.

Во время ноябрьских дней социал-демократическая литература становится, как известно, почти более повседневным явлением, чем буржуазные газеты. Наши организации в Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне почти ежедневно обращаются к самым широким общественным кругам, и живое социал-демократическое слово проникает в самые глухие уголки.

В та же время и характер издательской деятельности значительно меняется. До сих пор агитационным материалом партии были прокламации, издаваемые в Польше каждую неделю, иногда чаще, иногда реже, и две газеты: «Червоны штандар» и «С поля вальки», издававшиеся за границей, а также теоретический орган «Пшеглонд социал-демократычны». Издание «С поля вальки» является дети-

щем настоящей революции. Первый его номер дал обзор январских событий, дальнейшие дали картину борьбы, происходящей в стране. Издание это вышло в 13 номерах за период менее чем девять месяцев (от января до сентября). По мере развития движения тираж этого издания, постепенно увеличиваясь, поднялся с 2 до 7¹/₂ тыс. экз. С перенесением всех наших изданий в Польшу это издание было прекращено. На «Червоном штандаре» развитие движения отразилось не менее, чем на «С поля вальки». В то время как с сентября 1903 по февраль 1905 г. вышло 13 номеров этой газеты, в течение следующих пяти месяцев вышло семь номеров вдвое большего против прежнего размера. Тираж также увеличился в несколько раз за период с января до октября 1905 г. Зато необходимость направления всех находившихся в распоряжении партии литературных сил на повседневную публицистическую и агитационную работу сделала невозможным дальнейшее издание в это время научного органа партии «Пшеглонд социал-демократычны», который сыграл столь выдающуюся роль в теоретическом развитии интеллигенции. Вместо него издается в качестве популярно-теоретического органа «Пшеглонд роботничы», пользующийся большим успехом, изданный в отчетном периоде в количестве двух номеров значительного объема.

После перевода литературной группы в Польшу партия, пользуясь временной «конституцией», начинает издавать в Варшаве Центральный Орган. Он выходит сначала в виде «легальной» газеты под названием «Трибуна людова» («Народная трибуна»), которая, будучи конфискована с первого номера, падает жертвой усилившейся реакции на четвертом номере; вместо нее вскоре возобновляется в качестве нелегального партийного органа «Червоны штандар», выходивший в январе несколько раз в неделю, а в феврале ежедневно, всего в течение последних шести месяцев в количестве 53 номеров. Одновременно начинается издание немецкой газеты под названием «Форвертс» («Вперед»), которая вышла в количестве пяти номеров, а лодзинская организация начинает издавать свой местный орган «До вальки» («К борьбе»), временно приостановленный после третьего номера. Вслед за Лодзью идет Варшава, также начинающая издавать свой местный

орган «Газета работнича» («Рабочая газета»), выпускаемый с половины мая еженедельно.

В период думской предвыборной кампании наша партия развила громадную издательскую деятельность специального характера. Целый ряд летучих изданий (под названием «Дума из-под нагайки») для рабочих и крестьян, десятки прокламаций и листовок до известной степени морально терроризировали польскую буржуазию и разъясняли пролетариату необходимость борьбы за права и свободу иным способом, чем в царской Думе. И здесь мы не в состоянии сообщить статистику этих изданий; как широка, однако, была партийная издательская деятельность в этот период, показывает хотя бы следующая цифра: в Лодзи с 1 по 15 января текущего года, т. е. в течение двух недель, было распространено более 100 тыс. экз. печатных изданий, в апреле это количество, пожалуй, увеличилось в два раза!

Чтобы дополнить эту далекую от точности картину издательской деятельности партии несколькими основными чертами, Главное правление прилагает список газет и брошюр, распространенных за отчетный период.

С марта по сентябрь 1905 г.

Брошюры

«Что дальше?» — № 1	700 экз.
» » — №2	3540 »
«Независимость Польши»,	
«Розги»	584 »
«Мухи и пауки»	2 171 »
«Из французской революции»	1 741 »
«Праздник 1 Мая 1905 года»	1942 >>
«Кто чем живет»	670 »
«Долой социал-демократов»	2 563 »
«Церковь и социализм»	2 525 »
«Рабочая борьба при царизме»	3 040 »

Кроме того, в то же время были изданы и распространены следующие более серьезные труды: «Польский вопрос и социализм», «Европа или Бучач», «Начало революции в царской России».

Газеты и журналы

«С поля вальки» №№ 1—9 . . .	18 630 экз.
«Черновы штандар» №№ 22—27 . . .	15 200 »
«Пшеглонд роботнич» № 5 . . .	1 064 »

Кроме того, партийные организации распространили:

Немецких брошюр	440 экз.
Русских брошюр	900 »
Газет и журналов российской социал-демократии	2 387 »
Брошюр на еврейском языке . . .	229 »
Всевозможных других изданий (периодические издания Бунда, «Освобождение», русские про- кламации и др.)	2 332 »

Кроме того, в сентябре и октябре 1905 г. были еще рас-
пространены:

Брошюры

«Песни труда и борьбы»	10 000 экз.
«Как и за что бороться»	6 000 »

Из газет и журналов

«Червоны штандар» № 28	6 000 экз.
«С поля вальки» №№ 11 и 12 по . . .	6 000 »
» » № 13	7 500 »
«Пшеглонд роботнич» № 6	3 000 »

С декабря 1905 г., после перевода издательской группы
в Польшу, партия наша издала и распространила следую-
щие издания:

Брошюры

«Профессиональные союзы»	50 000 экз.
«Церковь и социализм» (3-е из- дание).	15 000 »
«Чего мы хотим?».	20 000 »
«Долой социал-демократов»	15 000 »

«Царская Дума и избирательное бесправие»	20 000 »
«Программа федерации»	15 000 »
«Вопрос об Учредительном со- брании и Временном правитель- стве»	23 000 »
«В защиту правды»	18 000 »
«Что дальше?» № 3	10 000 »
«Июньские дни»	16 000 »
«Учредительное собрание» (на еврейском яз.)	4 000 »

Газеты и журналы

«Трибуна людова» №№ 1—4	225 000 экз.
«Червоны штандар» №№ 29 — 81 но.	16 000 »
«Газета работнича» №№ 1—7 по	6 000 »
«До вальки» №№ 1—3 по	5 000 »
«Форвертс» №№ 1—5 по	6 000 »
«Die Rote Fahne» (на еврейском яз.) № 1	6 000 »
«Солдатский листок» №№ 1 — 9 по	10 000 »

Весь приведенный выше список очень далек от точности и дает лишь минимальные цифры, так как легко понять, что в тех условиях, в которых работает революционная организация, ведение статистики, могущей претендовать на точность, не является легким делом.

ТЕХНИКА И ПАРТИЙНЫЕ ФИНАНСЫ

Чтобы дать понятие о развитии партии за отчетный период, остановимся на минуту еще на одной подробности из развития *техники* партийной работы, а также на ее *финансах*. Что касается технической работы, то основание типографии в Польше до 1905 г. наталкивалось на непреодолимые препятствия. Попытки отпечатать хотя бы отдельные прокламации вели к «провалам», как это, например, имело место в апреле 1904 г., когда наш незабываемый

Каспржак, защищая типографию, убил четырех опричников и ранил пятого. В последние дни января 1905 г. организация возобновляет попытки основания типографии, и на этот раз с наилучшим успехом. После первой типографии возникает вторая, за ней третья и так далее. В октябрьские дни мы видим, что каждая из больших организаций уже обладает собственной типографией, иногда даже двумя. Некоторые из них при этом снабжены не только польским, но и русским, немецким и еврейским шрифтами. Все они работали с полным успехом до последнего времени, когда некоторые из них были свернуты ввиду изменившихся вновь условий и использования в значительной мере легальных типографий для нужд партии.

Что касается финансового положения партии, то некоторое представление об этом дадут следующие цифры. В 1906 г. расходы Главного правления в течение пяти месяцев, от января до июня, составляли 26 994 руб. 29 коп., кроме того, на оружие — 10 тыс. руб. Расходы за тот же период в 1905 г. составляли всего 6120 руб. 55 коп. * Очень большую часть расходов Главного правления составляли издания, ибо на них Главное правление израсходовало с января до июня 12 910 руб. 65 коп. О финансовом состоянии партии мы, однако, лишь тогда получим более точное представление, если примем во внимание, что доходы и расходы таких комитетов, как Варшавский или Лодзинский, в некоторые месяцы почти равняются бюджету Главного правления. Так, например, с января по март 1906 г., т. е. в течение трех месяцев, расходы Лодзинского комитета составляли 18 150 руб. 33 коп., а доходы — 11 220 руб. 34¹/₂ коп.; расходы Варшавского комитета в течение трех месяцев, с апреля по июль, составляли 6586 руб. 78¹/₂ коп.

ОБЪЕДИНЕНИЕ С РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИЕЙ

От внутреннего положения партии перейдем к ее *внешним делам*. Главнейшим вопросом нашей внешней партийной политики был вопрос нашего объединения с РСДРП.

* Чтобы получить представление о действительном состоянии партийных финансов в те времена, следует учесть рядом с бюджетом Главного правления и бюджет Заграничного комитета, которого у нас в данный момент нет под рукой.

Принцип, что в Российском государстве должна существовать только одна партия рабочего класса, установление обеими сторонами того факта, что обе организации стоят на чисто классово-й точке зрения, на почве пролетарского социализма,— этих предпосылок было достаточно, чтобы партия наша по мере сил стремилась к объединению с Российской социал-демократической рабочей партией. Объединению этому было положено начало, но оно не было доведено до конца на II съезде РСДРП, так как между нами и русскими товарищами произошло известное недоразумение по национальному вопросу. Соглашаясь с нами вполне во взглядах на задачи и тактику польского пролетариата, как равно и на социал-патриотизм, русские товарищи, однако, вообще сформулировали разрешение национального вопроса слишком неопределенным образом, который можно было произвольно комментировать и который по мнению наших делегатов представлял в условиях того времени серьезные неудобства для нашей агитации. Делегаты наши оставили съезд, окончившийся, впрочем, как известно, расколом самой Российской партии, внося следующую декларацию:

«Мы считаем поэтому, независимо от представленных нами раньше трех основных условий нашего присоединения к общероссийской социал-демократии, это присоединение только тогда возможным, если съезд сочтет возможным принять предлагаемую нами либо иную, совпадающую с ней по смыслу, формулировку 7-го пункта программы, либо же, в крайнем случае, если съезд согласится оставить пока вопрос открытым и отложить формулировку его до*

* Пункт этот (в настоящее время пункт 9-й программы РСДРП) гласит, как известно, следующее:

«Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства».

Наша делегация предлагала заменить этот пункт следующим пунктом:

«Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем национальностям, входящим в состав государства»⁸⁸.

Принятием нашего требования автономии для Польши последний съезд РСДРП (Объединительный съезд) фактически признал, что в интересах пролетариата политической формой, в которой в настоящий момент может быть реализовано «право самоопределения польского народа», является автономия.

следующего съезда по надлежащем выяснении вопроса в прессе».

Зачитав декларацию нашей делегации, съезд принял следующую резолюцию:

«Выражая сожаление, что вызванное случайными обстоятельствами оставление польскими товарищами съезда лишило съезд возможности закончить обсуждение вопроса о присоединении Социал-демократии Польши и Литвы к РСДРП, и надеясь, что это присоединение есть лишь вопрос времени, съезд поручает ЦК продолжение начатых на съезде переговоров»⁸⁹.

Съезд со своей стороны поручил Центральному Комитету довести до конца переговоры с нашей партией об объединении. Поручение это не было в дальнейшем выполнено по той причине, что сама организация русских товарищей в период с 1903 по 1906 г. была раздираема внутренней борьбой на два враждебных лагеря, или фракции, так называемого «меньшинства» и «большинства». По этой причине остались без результата и наши в этом направлении добрые пожелания до того времени, когда в российской партии образовалась почва для объединения обеих фракций путем создания общего Центрального Комитета и общих местных организаций. Только тогда, т. е. в начале 1906 г., были возобновлены переговоры между нашим Главным правлением и русским объединенным ЦК. Условия соглашения, разработанные нашим четвертым съездом и выполненные, применительно к условиям момента, в рамках данных тогда же Главному правлению директив, были полностью приняты ЦК; русские товарищи, однако, предложили, чтобы для придания этому соглашению большего значения, а также для придания большего единства самому делу объединения соглашение это было окончательно утверждено партийным съездом. На этом съезде, который, как известно, имел место в апреле 1906 г., соглашение было единогласно принято.

Необходимо затронуть еще один вопрос — о нашем участии и отношении нашей партии к разным *конференциям революционных организаций*, имевшим место за отчетный период.

В конце 1904 г. имела место конференция⁹⁰ всех революционных и оппозиционных организаций Российского

государства. Инициатива исходила от финляндской радикальной партии, а также от ППС. В конференции этой приняли участие буржуазные организации, как русская группа «Освобождение», польская Национальная лига (Н. Д.), финляндская «Партия активного сопротивления». Партия наша решительно отказалась принять участие в этой конференции; так же поступили РСДРП и Бунд. Зато в конференции приняли участие такие «социалистические» организации, как русская партия социалистов-революционеров и наша ППС, которые и создали с буржуазными партиями «блок», или «революционный» союз. Приблизительно в то же время Совет РСДРП поднял вопрос о созыве, в противовес парижскому блоку, конференции социал-демократических организаций всего государства. Эту же инициативу, со своей стороны, проявил в Польше Бунд, и в последние дни января 1905 г. такая конференция состоялась. Вопреки первоначальной инициативе Бунда, ППС с этой конференции была исключена по желанию РСДРП. На этой конференции были выработаны некоторые резолюции, а также прокламация к пролетариату всего Российского государства, подписанная всеми социал-демократическими организациями, в том числе и нашей⁹¹. Вышеупомянутая конференция должна была положить начало дальнейшему сближению социал-демократических организаций и окончательному их объединению в одну партию. Однако уже следующая конференция (в феврале) не могла состояться вследствие неявки делегатов РСДРП, и подобные конференции с тех пор не созывались вплоть до сентября месяца⁹², когда таковая была созвана по вопросу о единой тактике по отношению к булыгинской Думе; эта последняя конференция разработала резолюцию по вопросу о Думе, которая послужила затем основой в агитации против булыгинской «конституции».

Наконец, следует отметить, что летом 1905 г. состоялась еще одна конференция революционных организаций, к участию в которой наша партия получила приглашение. Это была конференция⁹³, созывавшаяся Гапоном для переговоров по вопросу о вооружении. На приглашение Гапона Главное правление не дало никакого непосредственного ответа, а только разъяснило в «Червоном штандаре» те причины, по которым оно отказалось принять участие в

конференции. Русская фракция «меньшинства» также отказала в участии, а представители «большинства» и Бунда оставили конференцию тотчас же после ее открытия, зато в ней приняла участие ППС.

В жизни *социалистического Интернационала* наша партия принимала участие через своего представителя в Бюро. Два раза Главное правление обращалось в Бюро с протестом против диких оргий царского правительства: в мае 1905 г. по поводу майской резни в Варшаве и в июне текущего года по поводу погрома в Белостоке.

Для дополнения этой, весьма, впрочем, поверхностной, картины жизни нашей партии в течение последних трех лет посвятим еще несколько слов *жертвам той кровавой борьбы*, которая велась в это время.

Были *повешены* наши товарищи: *Мартин Каспржак* (8 сентября 1905 г. за вооруженное сопротивление налету царских опричников на типографию), *Зерницкий* (4 марта 1906 г., обвиненный в убийстве городского). Погибли от солдатских пуль на демонстрациях или при подобных же обстоятельствах: *Иосиф Козерский*, *Федор Елинский*, *Мечислав Вышомирский*, *Кароль Шонерт*, *Зыгмунт Кемпа*, *Моисей Пржибыльский*, *Канус*, *Валерия Гунерт*, *Юзак*, *Ян Сыхальский*.

Погиб от руки национал-демократов *Игнатий Корнацкий*.

В тюрьме умер *Иосиф Биренцвейг*.

Кроме перечисленных, погибли еще при самых разнообразных обстоятельствах товарищи: *Михаил Цайлер*, *Ян Шмидт*, *Мечислав Павловский*, *Бурлей*, *Майдыковский*, *Вацлав Бялковский*.

К каторге был приговорен товарищ *Бенедикт Гурицман*.

Список этот дает, само собой понятно, только слабое представление о действительных жертвах людьми, понесенных партией в течение последних лет борьбы. Но и он дышит кровью и слезами.

Подсчитать количество месяцев и лет, проведенных нашими товарищами за решетками, нет никакой возможности. Известное представление о жертвах, понесенных партией в этом отношении, мы себе создадим путем воскрешения в памяти главнейших арестов. Для иллюстрации приведем также количество месяцев, проведенных в

тюрьме участниками V съезда. И так, к значительным арестам относятся: аресты 27 апреля 1904 г. и в последующие дни; в руки полиции тогда попало в разных, городах более 30 человек; 4 марта 1905 г. больше 10 наших товарищей были арестованы в Варшаве; в апреле была арестована в той же Варшаве конференция, состоявшая из полутора десятков агитаторов; 30 июля под Варшавой, в Дембах, была арестована конференция агитаторов, состоявшая из нескольких десятков товарищей; в сентябре был арестован кружок агитаторов в Белостоке; в декабре были арестованы несколько десятков наших товарищей в Лодзи; в феврале 1906 г. в том же городе было арестовано собрание, состоявшее из 40 агитаторов; такое же собрание было опять арестовано в мае. О более мелких и не столь серьезных по своим последствиям арестах мы не упоминаем. Приведенные, однако, факты в связи с непрерывностью развития нашей организации свидетельствуют непреложно о том, какие мощные корни пустила социал-демократическая организация в массовом рабочем движении, если удары, подобные этим, ни на минуту не были в состоянии задержать ее развитие.

Что касается «наказаний», которые понесли в своей революционной практике участники последнего съезда, то они составляли для 69 участников съезда в общей сумме: 40 лет и 2 месяца изгнания и 47 лет и $3\frac{1}{2}$ месяца тюремного заключения.

*Напечатано в 1906 г. в книге:
«Sprawozd rule z V-go Zjazdu Socj-
aldemokracji Krolestwa Polskiego
i Litwy»
(«Отчет о V съезде Социал-демо-
кратии Королевства Польского и
Литвы»). Варшава*

*Печатается по тексту книги
Перевод с польского*

ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКП_ПЛ

[Петербург]. 17 августа 1908 г.

Я выслал две открытки с адресами, три письма (Матильде и Софье) и открытку Мариану. Я выслал в книжный магазин прокламации и книжки Мариану. Лишь сегодня я получил открытку от Здзислава. Сообщите мне, что у Вас слышно, пересылайте мне литературу и какую-нибудь польскую газету — «Новую газету»⁹⁴. Адреса мой и тети * Вы уже имеете. Я уже писал Вам по вопросу о выборах в новую Думу. И Ленин тоже изменяет свое отношение — говорит, что если до выборов не будет восстания, то нужно будет принять участие в выборах, что теперь условия уже не те, что раньше, что поскольку в Думе были и будут меньшевики, то нужно, чтобы и они (большевики) были, что это прекрасная трибуна, что, наконец, Дума существовала, сорвать ее не удалось и с этим необходимо считаться. Правда, Ленин еще не установил своих взглядов, но во всяком случае идет по этому направлению⁹⁵. По этому вопросу здесь состоится целый ряд их конференций, на которых будем и мы, — и я буду Вас регулярно информировать. Подумайте и Вы над этим вопросом и пришлите мне директивы. Поскольку все меняют мнения, мы ведь не можем остаться совершенно изолированными — идти рука об руку с с.-р., которые придерживаются лицемерной тактики: кричат о бойкоте, а там, где они могут быть избраны, позволяют себя выбирать. ППС держится выжидательно, Бунд — за выборы. Во всяком случае нужно требовать от* ЦК созыва съезда или, в крайнем случае, расширенной конференции. Большевики завтра поставят это

* — то есть Р. Люксембург. — *Ред.*

требование в ЦК, я их поддержу. Если ЦК не согласится, то большевики хотят, чтобы Петербургский или Московский комитет решил призвать все организации к устройству плебисцита по вопросу о съезде. Тогда и нам нужно будет их поддержать. Большевики будут теперь издавать нелегальную газету, раз в неделю, от имени Московского комитета, и там тоже будут агитировать в пользу съезда. ЦК вновь выпустил № 5⁹⁶ письма к партийным организациям, призывающего к «развязыванию» революции, чтобы по всей России организовать то здесь, то там всеобщие забастовки и протесты с требованием созыва старой Думы, которая должна якобы быть авторитетной властью, чтобы созвать учредительное собрание. Письмо № 4⁹⁶ и их прокламацию я выслал Маньковскому и Мариану, — получили ли Вы? Теперь буду отправлять на Кручую улицу в книжный магазин. Срочно присылайте мне адреса для писем и книг, легальных и нелегальных, и для прокламаций. Лучше всего несколько, чтобы была уверенность в получении. Тут такая дезорганизация, что, например, № 5 письма ЦК к партийным организациям вышел уже несколько дней тому назад, а я случайно получил только 1 экз. Теперь об Информационном бюро. Его история такова: после роспуска Думы наш «многоуважаемый» ЦК созвал конференцию всех организаций — были там и кадеты и адвокаты и инженеры и с. с.⁹⁷ и другие. ЦК заявляет, что созвал их для того, чтобы узнать, что они намерены делать. Эта конференция, раньше чем успела приступить к обсуждению, была арестована. (Всех впоследствии освободили.) Потом была конференция ЦК партии, Бунда, с.-р., ППС, трудовиков и фракции железнодорожного союза по вопросу о всеобщей забастовке в связи с роспуском Думы. Конференция отклонила предложение ЦК; постановили созвать конференцию цекистов всех партий, которые работают среди войск. На ней были: ЦК партии, Бунд, с.-р., ППС и с.-д. фракция; решено создать на местах федеративные военно-революционные комитеты, с той только целью, чтобы они координировали свои выступления или готовились к ним на случай восстания; ЦК утверждает, что постановление это нас обязывает, ибо ЦК на это согласился. Я утверждаю, что не обязывает, так как нас там не было, что, как утверждает сам ЦК, такие конференции

создаются на федеративных началах, и следовательно, если какая-нибудь организация не соглашается,— навязывать ей нельзя. Затем была конференция организаций, которая издала прокламацию, призывающую к забастовке. Наконец, вчера тоже состоялось заседание Информационного бюро, которое приняло: *

18/VIII.

ППС, с.-р. и железнодорожный союз хотят, чтобы Бюро это называлось координирующим; очевидно, что с помощью этого Бюро они хотят поставить нашу партию в зависимость от них. ППС хочет этим путем втереться в движение,— хотят, чтобы всякое выступление, предпринятое по инициативе партии, носило и их подпись, чтобы с ними считались. Собственно говоря, хотят, чтобы это Бюро было высшей инстанцией, что для них очень удобно. Все это Бюро — бессмыслица, но ввиду факта его существования и согласия ЦК, я не мог выступать энергично против его существования. Полагаю только, что в жизни, на практике, по каждому отдельному случаю вся эта координация полетит к черту, а потом и Бюро умрет, как «мертворожденное». Следующее собрание будет в четверг; оно должно быть координирующим собранием по вопросу о предложении союза железнодорожников — чтобы партии помогли им в случае всеобщей забастовки механически (порчей пути и т. д.) задержать движение, для этой цели необходима совместная подготовительная работа, а также по вопросу о предложении с.-р.— координироваться с деревней, на случай революционных выступлений там. Пришлите мне по этим вопросам инструкции. ЦК просит, чтобы Военно-революционная организация присылала сюда материалы для солдатской газеты, они намерены издавать для всей России. Просят также паспортные бланки и копии печатей и т. д. с паспортов, выданных в Польше.

Пришлите по моему адресу заказной бандеролью комплект «С поля вальки» (в моих вещах, в малой корзинке, внизу), статью Мартова в «Работнике» об учредительном собрании в Варшаве, «Курьер цодзенны» с передовицей об учредительном собрании. За все время я получил в Петер-

* Отсутствует часть письма.— *Ред.*

бурге только «Форвертс» № 7, «Солдатский листок»⁹⁸ № 11 и «Профессиональный союз»⁹⁹ № 2. Что с «Червоным штандаром»?

Пока кончаю, сердечно Вас обнимаю.

Отправил Вам наложенным платежом 10 экз. книги «Москва в декабре»¹⁰⁰ по адресу Мариана.

Что с отчетом о нашем съезде? Пусть пришлют мне по петербургскому адресу 10 экз.

«Пролетарская революция»
№ 7 (66), 1927

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКПЛ

[Петербург]. 19—20 августа 1906 г.

Я не получил и никто здесь в настоящее время не получает «Червоного штандара», отчета о съезде, письма к более узким организациям и т. д. По-видимому, конфискуют — высылайте, следовательно, в польской легальной газете по адресу книгоиздательства Глаголева, Невский, 92, а также по адресу «Вестника», без добавления, что это для меня, а также просто по моему адресу. Тот, кто занимается распространением, тоже не получает. Пришлите мне «Червоны штандар», начиная с № 97; помните также о литературе ППС. Что касается моего возвращения, — смотри легальное письмо. Авантюристическая политика ППСовцев является фактически провокацией. Хорошо, что вы публично выступили против. ЦК, конечно, против съезда — вопрос этот будет обсуждаться в среду; если никто его не поставит, я это сделаю — на этом собрании будет обсуждаться вопрос о выборах в Думу. Большевики заняли следующую позицию: по вопросу о выборах большинство, кажется, сейчас принципиально за, но говорят, что сейчас начинать кампанию уже вредно, ибо это отвлечет внимание от ближайшей задачи — подготовки вооруженного восстания. По вопросу о съезде большевики на сегодняшнем своем собрании (30 с лишним человек), на котором я был, решили постараться, чтобы Петербургский комитет постановил приступить к собиранию голосов и призвать к тому же другие организации, мотивируя это

совершенно изменившимся положением и неспособностью ЦК ориентироваться в нем и руководить партией*.

Большевики будут издавать еженедельный орган от имени Петербургского и Московского комитетов и работают в этом направлении. ЦК хочет конфисковать у них деньги, на которые они хотят этот орган издавать. ЦК утверждает, что они обязаны перечислить эти деньги ЦК.

Я отправил вам 300 брошюр Ленина о роспуске Думы¹⁰¹, «Казарму»¹⁰² № 5, «Солдатский путь»¹⁰³, «Письма» ЦК №№ 4 и 5, «Ко всему народу»¹⁰⁴, «Свеаборг и Кронштадт»¹⁰⁵, «К армии и флоту»¹⁰⁶, 10 экз. «Москва в декабре», получено ли все это? Меншевики вовсе нос на квинту не вешают. Можно ли посылать Маньковскому? Стараюсь здесь подыскивать людей — имею в виду трех, быть может, дадут себя уговорить. Книжки постараюсь завтра вам отправить. По вопросу о выборах смотри № 6 (или 7) «Нашего слова» (Бунд)¹⁰⁷ и заметку в «Товарище»¹⁰⁸ № 27 (5 (18) VIII).

Прочитав о Москве, я пришел к убеждению, что нам нужны маузеры; могу здесь успешно этим заняться, а также апелесинами¹⁰⁹ — нужны ли они и предпринять ли мне шаги?

«Z Pola Walki»
(«С поля борьбы») № 5-6,
1929

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

* Однако агитация за созыв съезда среди масс и даже среди многих большевиков непопулярна — боятся раскола и слишком оглядываются на массы. К тому же большинство у большевиков здесь, кажется, незначительно, тем более что лучших из них арестовали и теперь «новички» — еще «неспевшиеся». Чувствуется у них недостаток партийно-организационного опыта. Вообще работа здесь сейчас идет очень вяло, несмотря на то что людей здесь много, — недостаток дисциплины, опыта, сплоченности и контроля. Вся политика концентрируется в верхах, а работа среди масс очень слаба. Они оторваны от масс. Здесь господствует фетишизм лишь механического демократизма, и вся работа среди масс сводится к острой фракционной борьбе, неумелое проведение которой в массах убивает рост и авторитет партии. Впрочем, это только мое личное впечатление, которое требует проверки.

ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКП^ИЛ

[Петербург]. 7 сентября 1906 г.

Последнее письмо отправил 4/IX, получил 2 письма Здзислава от 31-го, № 18 «Лодзянина» и номер «Роботника» с заметкой об Информационном бюро. «Пролетарий», еще раз просил постоянных корреспондентов. Работу Здзислава очень легко издать здесь, платят от 75 до 125 руб. за печатный лист.хлопотать можно будет, когда будет рукопись. Некоторые из требуемых книжек постараюсь выслать сегодня по адресу Маньковского, предупредите — записка внутри. Если бы кто-нибудь достаточно компетентный нанялся хотя бы переводом на русский язык о Польше и польском движении — издать здесь относительно легко с прибылью. Пусть же редакция или кто-нибудь из вас займется этим: что издать, план, кто переведет или напишет и т. д. Заняться этим надо безусловно, так как русские понятия о нас не имеют, а хотят иметь. Хорошо было бы, если бы тут сидел кто-нибудь, кто сам смог бы писать, — это значительно облегчило бы работу и представительство здесь было бы более жизненным и плодотворным. По вопросу о деньгах: Роза написала о переводе только 5 тыс.; не беспокойтесь, дорогие мои, приняли ли вы во внимание, что заграничные средства, если мы станем оттуда так брать, быстро исчерпаются — и что потом? И не забывайте, что немного надо оставить и про запас — на ежедневную газету, когда условия будут иными. Если у нас не будет соответствующего органа, то ППСовцы нас убьют. Если потребуете еще раз, то Роза напишет, чтобы перевели всю требуемую сумму.

Не стоит ли заняться сейчас Сушковым?¹¹⁰

Роза не получает писем — пусть ее брат перешлет через меня адрес для нее.

С 14/IX буду в Питере, адрес для писем пока «Вестник жизни», на конверте не пишите, что это для меня, а внутри на письме: для Юзефа.

Я но понял, кого должны спрашивать на явке на Броней улице и что это за явка Эфр.

Состоялось заседание ЦК по вопросу об издании всеми партиями прокламаций с призывом «смещения властей». Отклонили, так же как и поручение организациям создавать Советы солдатских депутатов. По вопросу о рекрутском наборе я предложил, согласно провозглашенному ими лозунгу, издать манифест. Решили воздержаться с этим делом и в течение двух недель выяснить мнение по этому вопросу важнейших организаций. При этом возникли скандалы: они начали «бить отбой» этому лозунгу и приводили мои доказательства против, а я их — за. Дан и другой меньшевик сказали, что в этом манифесте следовало бы опереться па «выборгское» воззвание и призывать к отказу в поставке рекрутов до созыва «представительного учреждения» и добавил, что если бы был принят мой проект, на этой почве возникла бы «драка». Дело дошло до скандала, так как я разгорячился и ругнул их за их оппортунизм. Мое предложение о роспуске с.-д. фракции — отклонили. Мое предложение о созыве съезда, вновь внесенное ввиду резолюции Москвы и Костромы, отклонили, и дело дошло до скандала, чуть не до «кровопролития» между большевиками и ими. Ввиду того что на заседании был Аксельрод, я интерпеллировал о рабочем съезде. Получился скандал: Аксельрод чуть не впал в истерику, не понял меня и начал плакать, что выйдет из ЦК, ЦО и т. д., если ему запретят вести агитацию. Дан утверждал, что это «частное дело». Предложение рассмотреть вопрос о рабочем съезде «по существу» отклонили, так как меньшевики по этому вопросу раскололись на два лагеря. В связи с этим произошел другой скандал с большевиком. Его обвиняли в том, что он распространяет вовне и в литературе то, что делалось внутри, во время прений в ЦК.

Вопрос о рабочем съезде будет рассматриваться, когда Аксельрод напишет об этом брошюру.

Мое предложение издать прокламацию о Вендене¹¹¹ приняли. Как видите, воюю, вношу предложения, но большой ли из этого «толк» — сомневаюсь; но говорю, конечно,

об информировании вас. Большевики говорят, что мое пребывание здесь полезно, что в результате этой борьбы ЦК с нами больше считается и вследствие моего «неистовства» меньшевики менее уверены в себе. Пока кончаю. Хожу на большевистские собрания — о них напишу отдельно.

«*Z Pola*
(«С поля борьбы») № 5-6, *Walki*»
1929

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКП_Л

Лодзь, 23 сентября 1907 г.

Сегодня в 6 час. утра расстреляли семь рабочих и одну работницу с фабрики Зильберштейна без суда, по распоряжению нынешнего военного генерал-губернатора Казнакова. Он получил от царя неограниченную власть, а Столыпин телеграфировал ему «действовать беспощадно». Арестованы все рабочие и работницы с фабрики Зильберштейна — около 1000 человек. Администрация также была арестована, но уже освобождена. С Зильберштейном дело было так: это был негодяй и подлец, который на каждом шагу раздражал и издевался над рабочими. Он не обращался никогда иначе, как только с презрением и оскорбительно. Когда началась забастовка, он не хотел вести никаких переговоров. Представителей профсоюза он выругал последними словами и, угрожая браунингом, выгнал вон. Рабочие были возмущены в высшей степени. Непрерывно и повсюду среди его рабочих раздавались голоса, что эту собаку нужно убить. Когда на митинге делегаты социал-демократической партии и ППС энергично начали убеждать рабочих не делать этого, то все закричали, эндеки в первую очередь, что не надо их слушать, что этого пса надо убить. Требование об уплате за забастовку было лишь последним стимулом. Это требование, кстати сказать, было подсунуто рабочим эндецким союзом «Едність» («Единство»). После убийства по просьбе союза фабрикантов и матери Зильберштейна приехал Набоков, главный прокурор Варшавской судебной палаты, и Казнаков, назначенный из Петербурга генерал-губернатором Лодзинского и Лаского уездов Кашицкого генерал-губернаторства.

Сегодняшний расстрел является лишь началом дальнейших жертв. Эти — из группы 54-х, которых уже допрашивали; остальных из группы 54-х сейчас высылают, даже уже выслали. Завтра-послезавтра ожидаются новые казни из числа остальных. Их ужасно истязали и при помощи адских истязаний вынуждали давать показания. Многих — до 48 — пришлось отвезти в больницу. Казнаков обещает подавить рабочих, ссылая тысячи в Сибирь и сотни вешая или расстреливая. А вся буржуазия: фабриканты и мелкая буржуазия открыто и громко выражают свою большую радость: в вагонах, в трамваях, на улице, в ресторанах. Рабочие страшно возмущены. Раздаются голоса, что фабрикантов нужно за это дело истребить. Посылаю вам газету, прочитайте об их помощи правительству — 732 700 руб. они дают на полицию против рабочих. Завтра, вероятно, вспыхнет стихийная забастовка. Кто знает, что будет? Мы бросим лозунг мирной забастовки протеста, чтобы показать, что лодзинский пролетариат не испугается убийств; эта забастовка — это голос лодзинского пролетариата к пролетариату всего государства и всего мира, чтобы они поддержали борьбу лодзинских рабочих. Мы предупреждаем массы и предостерегаем от провокаций, от попыток мстить буржуазии, от принуждения силой бастовать тех, кто этого не захочет.

Эту прокламацию мы пошлем вам сразу, данную корреспонденцию немедленно пошлите в польскую печать и через Розу в венскую и немецкую печать. Сделайте это сейчас же, не медля ни минуты. Убийства, которые имели, имеют и будут иметь здесь место, должны вызвать и в Галиции и во всей Европе протесты-митинги. Это — единственное наше спасение — обязанность международного социализма.

«Z
(«Споля борьбы») 2929

Pola
№ 5-6,

Walki»

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

ИЗ ДНЕВНИКА ЗАКЛЮЧЕННОГО ¹¹²

30 апреля 1908 г.

Всего две недели я вне живого мира, а кажется, будто прошли целые столетия. Мысль работала, охватывая минувшее время — время лихорадочного действия, — и доискивалась содержания, сущности жизни. На душе спокойно, и это странное спокойствие совершенно не соответствует ни этим стенам, ни тому, что покинуто мной за этими стенами. Словно на смену жизни пришло прозябание, на смену действия — углубление в самого себя.

Сегодня я получил эту тетрадь, чернила и перо. Хочу вести дневник, говорить с самим собою, углубляться в жизнь, с тем чтобы извлечь из этого все возможное и для самого себя, а может быть, хоть немного и для тех друзей, которые там думают обо мне и душой болеют за меня, — и этим путем сохранить силы до возвращения на волю.

Завтра Первое мая. В охранке какой-то офицер, сладко улыбаясь, спросил меня: «Слышали ли вы о том, что перед вашим праздником мы забираем очень много ваших?» Сегодня зашел ко мне полковник Иваненко, жандарм, с целью узнать, убежденный ли я «эсдек», и, в случае чего, предложить мне пойти на службу к ним... «Может быть, вы разочаровались?» Я спросил его, не слышал ли он когда-либо голоса совести и не чувствовал ли он хоть когда-нибудь, что защищает дурное дело...

Вот в том же коридоре, в котором нахожусь я, сидит предатель — рабочий-слесарь Михаил Вольгемут, член боевой организации ППС, захваченный под Соколовой после кровавого нападения на почту, во время которого было

убито шесть или семь солдат. Когда жандармы перехватили его записку к товарищам с просьбой отбить его, начальник охраны Заварзин уговаривал его в течение 10 час, обещая в награду за предательство освободить его,— и он сделался предателем. К делу было привлечено 27 человек, в том числе семнадцатилетние юноши и девушки. Я вижу его на прогулке, он ходит угрюмый, пришибленный и, насколько я смог заметить, никогда не разговаривает с товарищем по прогулке и ни с кем не перестукивается...

Где выход из ада теперешней жизни, в которой господствует волчий закон эксплуатации, гнета, насилия? Выход — в идее жизни, базирующейся на гармонии, жизни полной, охватывающей все общество, все человечество; выход — в идее социализма, идее солидарности трудящихся. Эта идея уже близится к осуществлению, народ с открытым сердцем готов ее принять. Время для этого уже настало. Нужно объединить ряды проповедников этой идеи и высоко нести знамя, чтобы народ его увидел и пошел за ним. И это в настоящее время насущнейшая из задач социал-демократии, задач той горсточки, которая уцелеет.

Социализм должен перестать быть только научным предвидением будущего. Он должен стать факелом, зажигающим в сердцах людей непреодолимую веру и энергию...

Небольшая, но идейно сильная горсть людей объединит вокруг себя массы, даст им именно то, чего им недостает, что оживит их, вселит в них новую надежду, что рассеет эту страшную атмосферу недоверия и жажду кровавой мести, которая обращается против самого же народа.

Правительство убийц не наладит порядка, не повернет жизнь в старое русло. Не пропадет даром пролитая кровь ни в чем не повинных людей, голод и страдания народных масс, плач детей и отчаяние матерей — жертвы, какие должен нести народ, чтобы преодолеть врага и чтобы победить.

Уже поздно. Я хочу хотя бы здесь вести правильную жизнь, чтобы не отдать им своих сил. А я чувствую, что у меня столько сил, что мне кажется — я все выдержу и вернусь. Но если даже я не вернусь, этот дневник дойдет, быть может, до моих друзей, и у них будет хоть частичка моего «я», и у них будет уверенность, что я был

спокоен, что я звал их в момент тишины, печали и радостных дум и что мне хорошо настолько, насколько здесь может быть хорошо в тишине и одиночестве с мыслями о весне, о природе, о них, здесь, где иногда царит такая тишина, что можно вообразить себе, как живую, улыбку друзей...

2 мая

Вчера и сегодня мной овладело какое-то беспокойство, дрожь, тревога... Отчего? Не знаю. Но мысли не могут сосредоточиться и бьются и мечутся, как лоскутья, гонимые ветром...

Сегодня опять был у меня полковник. Когда я его увидел, я весь задрожал, словно почувствовал противное, скользкое прикосновение змеи к своему телу. Он пришел с тем, чтобы любезно сообщить, что мое дело передано в военный суд и что обвинительный акт уже послан мне. Он выражал сожаление, что мое дело изъято из Судебной палаты, и уверял меня, что военные суды весьма часто выносят больше оправдательных приговоров и менее суровые приговоры, чем Судебная палата. Он расспрашивал, есть ли у меня книги, как здесь кормят, уверяя, что он устроил бы в тюрьме театр. А когда я вновь спросил его, не заговорила ли в нем когда-либо совесть, он с сочувствием и соболезнованием в голосе ответил, что я не в себе.

Во время этого непродолжительного разговора я чувствовал, что по мне как бы ползет змея, опоясывает меня и ищет, за что зацепиться, чтобы овладеть мной. Я не опасался, что не выдержу этого испытания. Я чувствовал только физическое отвращение и испытывал ощущение, обыкновенно предшествующее рвоте. Я возвратился в свою камеру, чувствуя, что у меня сейчас не хватает сил на обычное мое спокойствие... Я почувствовал на себе грязь, человеческую грязь... Зло, словно раскаленными железными клещами, рвет и жжет живое тело живого человека и ослепляет его. Оно заслоняет весь мир, чтобы каждую частичку, каждое дыхание, каждый атом наполнить болью,— ужасной болью. «Безумие и ужас» — так назвал войну Андреев; но жизнь — это нечто во сто раз худшее; вся жизнь, не только жизнь здесь в казематах.

Ежедневно заковывают в кандалы по несколько человек. Когда меня привели в камеру, в которой я уже когда-то, семь лет тому назад, сидел, первый звук, какой я услышал, был звон кандалов. Он сопровождает каждое движение закованного. Холодное, бездушное железо на живом человеческом теле. Железо, вечно алчущее тепла и никогда не насыщающееся, всегда напоминающее неволю. Теперь в моем коридоре заковано большинство. Из тринадцати человек — семь. Когда их выводят на прогулку, вся тюремная тишина наполняется этим единственным скрежетом, проникающим в глубину души и становящимся господствующим. И люди ходят, глядя на небо, на деревья, начинающие покрываться зелеными листьями, и не видят красоты, не слышат гимна жизни, не чувствуют теплоты солнца. Их заковывают с целью отнять у них все и оставить только этот похоронный звон. Не может же быть опасения, что люди убегут; еще никто отсюда не убежал, не вырвался из их рук: за каждым из заключенных неотступно шагает солдат с винтовкой, сопровождает жандарм, кругом жандармы, солдаты, решетки, крепостные валы. Заковывают из жадности мести, из жадности крови и стремятся утолить эту жажду те, находящиеся вверху, которые знают, чего хотят, которые собственноручно никого не заковали бы, как не были бы лично и палачами. Роль палачей возложена на этих солдат и жандармов, ради блага которых закованные и совершили преступления. Ведь здесь жандармы служат не добровольно, а «по набору», во время которого народ доставляет рекрутов. И поэтому те, которые заковывают, не знают, что делают. Они привыкли и не понимают, что отнимают у заключенных; ведь условия их собственной жизни не позволяют им почувствовать красоту мира.

Сегодня я видел, как из кузницы вели уже закованного молодого парня. По его лицу видно было, что в нем все застыло, он пытался улыбнуться, но улыбка только искривила его лицо. Согнувшись, он держал в руках цепь, чтобы она не волочилась по земле, и с огромным усилием шел, чуть ли не бегом, за торопившимся жандармом, которому предстояло, по-видимому, заковать еще несколько человек. Жандарм заметил, как мучается заключенный; на минуту остановился и, улыбаясь, сказал: «Эх, я забыл

дать вам ремень» (для поддержания кандалов) — и повел его дальше.

7 мая

Сегодня у меня было свидание с защитником. Прошло три недели полного одиночества в четырех стенах. Результаты этого уже начали сказываться. Я не мог свободно говорить, хотя при нашем свидании никто не присутствовал; я позабыл такие простые слова, как, например, «записная книжка», голос у меня дрожал, и я чувствовал какую-то дрожь во всем теле. Мысли путались, но я чувствовал себя спокойным; это не было расстройство нервов. Я отвык от людей и, будучи выведенным из равновесия своего одиночества, не успел в течение нескольких минут найти себя, найти новое равновесие.

Адвокат посмотрел на меня и заметил: «Вы изнервничались». Я возвратился в свою камеру злой на самого себя: я не сказал всего и вообще говорил, как во сне, помимо воли и, возможно, даже без смысла.

Итак, дело будет слушаться в Судебной палате. Кто их поймет? Возможно, что Иваненко хотел меня напугать или проверить, какое это на меня произведет впечатление, а вероятнее всего он сказал правду, сообщив о том, что уже было решено, но еще не дошло до Судебной палаты. А может быть, будут два разбирательства по одному и тому же делу: одно в палате, а другое в военном суде. Впрочем, это не важно, все же надо рассчитывать на несколько лет и вооружиться терпением.

Теперь я с утра до ночи читаю беллетристику. Она всего меня поглощает, читаю целые дни и после этого чтения хожу, как очумелый, словно я не бодрствовал, а спал и видел во сне разные эпохи, людей, природу, королей и нищих, вершины могущества и падения. И случается, что я с трудом отрываюсь от чтения, чтобы пообедать или поужинать, тороплюсь проглотить пищу и продолжаю гнаться за событиями, за судьбой людей, гнаться с такой же лихорадочностью, с какой еще недавно я гнался в водвороте моего маленького мирка мелких дел, вдохновленных великой идеей и большим энтузиазмом. И только по временам этот сон прерывается, возвращается кошмарная действительность.

Только что у какой-то женщины рядом было столкновение с жандармом, а затем она начала истерически кричать, звать на помощь, словно ее собирались зарезать или убить. Долго, ужасно долго и без перерыва раздавался этот крик. В нескольких камерах начался стук в двери и замолк. Жандарм в нашем коридоре испуганным и умоляющим голосом просил: «Не стучите, пожалуйста, ведь я никого не обругал и не обидел». Когда кто-то из заключенных требовал, чтобы он вызвал начальника, заявив, что он пожалуется ему на то, что там кого-то бьют, жандарм смиренно ответил: «Ладно, пожалуетесь». Солдат снаружи грозно требовал прекращения стука и громко звал разводящего. Мой сосед, семнадцатилетний гимназист, обвиняемый в нападении на почту возле Соколова и еще в четырех нападениях, постучал мне в стенку: «Что это? демонстрация?», а сидевший надо мной в это же время стучал: «Что эти варвары выделывают?».

Вскоре после этого все успокоилось, вновь воцарилась мертвая тишина, прерываемая лишь свистками паровозов.

По временам в ночной тиши, когда человек лежит, но еще не спит, воображение подсказывает ему какие-то движения, звуки, подыскивает для них место снаружи, за забором, куда ведут заключенных, чтобы заковать их в цепи. В такие моменты я поднимаюсь, прислушиваюсь и чем больше вслушиваюсь, тем отчетливее слышу, как тайком с соблюдением строжайшей осторожности пилят, обтесывают доски. «Это готовят виселицу», мелькает в голове, и уже нет сомнений в этом. Я ложусь, натягиваю одеяло на голову... Это уже не помогает. Я все больше и больше укрепляюсь в убеждении, что сегодня кто-нибудь будет повешен. Он знает об этом. К нему приходят, набрасываются на него, вяжут, затыкают ему рот, чтобы не кричал. А может быть, он не сопротивляется, позволяет связать себе руки и надеть рубаху смерти. И ведут его и смотрят, как хватает его палач, смотрят на его предсмертные судороги и, может быть, циническими словами провожают его, когда зарывают его труп, как зарывают падаль.

Неужели же те жандармы, которые стерегут нас, неужели же тот вахмистр, всегда любезный, с глазами с поволокой, неужели же тот предупредительный началь-

ник, который, входя ко мне, снимает фуражку, — неужели же они, те люди, которых я вижу, могут присутствовать при этом и принимать в этом участие... Привыкли. А как же чувствуют себя те, кто идет на виселицу? В душе поднимается страшный бунт. Неужели нет уже спасения? Сразу перейти к небытию, перестать существовать, идти собственными ногами, видеть собственными глазами все приготовления и чувствовать прикосновение палача. Страшный бунт сталкивается с холодной, неизбежной необходимостью и не может с ней примириться, не может понять ее. Но в конце концов обреченный идет спокойно на смерть, чтоб раз уже покончить, перестать терзаться.

Я наткнулся на несколько слов, написанных на стене одним из приговоренных: «Иосиф Куницкий, арестованный вместе с женой на улице в городе Вильно 6 июня 1907 г., приговоренный в Сувалках виленским военным судом к смертной казни за убийство шпиона и за принадлежность к боевой организации литовской социал-демократии, привезенный в Варшаву 19 февраля 1908 г. для приведения приговора в исполнение. Пишу 3 марта 1908 г.». Почти три месяца прошло с момента объявления ему приговора до того, как им были написаны эти строки, и все это время он, вероятно, проводил в одиночестве, терзаемый жаждой жизни.

Рядом со мной мальчик, о котором я уже упоминал, простучал мне, что он не трус, но что он не хочет погибнуть за деньги. Я чувствую по тому, как он стучит, что должно твориться в его душе. Хотя, вероятно, его оправдают...

Все сидящие рядом со мной попались из-за предательства. Покушение на Скалона¹¹³ — четыре предателя; убийство ротмистра в Радоме — предатель, который сам скрылся; Соколов — предатель; Влоцлавек — предатель.

Теперь мне сообщают, что один выдающийся деятель ППС сделался предателем и выдал множество людей в Варшаве, Сосновце, Люблине и других городах...

9 мая

Удивительно скоро проходят дни за чтением. Вечер, уже поздно, но спать не хочется, и я все больше оттяги-

ваю момент сна. Я почти не чувствую, что двери на замке, не чувствую окружающего меня ужаса. Не думаю о будущем, не думаю о происходящем за стенами тюрьмы. Наступившая весна не влечет меня на широкий простор, я вижу эту просыпающуюся весну, зеленеющие деревья, траву, вдыхаю весенний воздух. Сегодня я слышал первый гром, а теперь вижу, как за окном идет радостный весенний дождик, слышу, как стучат дождевые капли в мое окно. Я устал. Нет у меня сейчас желания броситься в водоворот жизни, и меня удовлетворяет и наполняет спокойствием существующее во мне отражение жизни, воспроизводимое мной по памяти или по книжкам, описывающим давно минувшие дни... Я уже не горю, но в глубинах души что-то накапливается, чтобы вспыхнуть, когда настанет для этого момент. Кто может предсказать, когда он наступит? Может быть, завтра, может быть, сегодня, а может быть, через год. Вспыхнет ли это пламя, чтобы пожрать меня, еще мечущегося, здесь или тогда, когда я в действии и в жизни смогу стать творцом жизни? Пусть молчит моя воля теперь, пусть замолкнут более горячие чувства до тех пор, пока я смогу вырваться из неподвижно мертвого состояния.

Вчера мне был вручен обвинительный акт. Член Судебной палаты любезно пояснил мне, что у меня три дня времени на указание нужных свидетелей, что дело будет слушаться не ранее августа в Судебной палате, что распоряжение не то Сената, не то министра юстиции о передаче таких дел военному суду к моему делу еще не будет применено, что раньше августа они разобьют мое дело не смогут, так как им необходимо ехать в Седлец, Радом и т. д., а затем наступят каникулы. Поэтому-то приходится отложить дело до осени. Попутно он сообщил, что Судебная палата постановила заключить под стражу и меня и других товарищей, освобожденных под залог. Из этого следует, что один из нас будет сидеть до разбора дела 23 месяца, двое других — по 20 месяцев.

Что касается меня, то в обвинительном акте нет ни малейшего доказательства моей вины и меня должны были бы освободить, если бы можно было ждать приговора, зависящего не от произвола и настроения судей, а от юридических доказательств. Я, впрочем, совершенно не

рассчитываю на освобождение. Возможно, состряпают еще новое дело против меня в военном суде, а если почему-либо не сделают этого теперь, то, в случае оправдания меня Судебной палатой, мне будет предъявлено новое обвинение на основании тех бумаг, которые были у меня в последний раз найдены, хотя и они не могут служить доказательством моей принадлежности к партии.

10 мая

Уже два дня рядом со мной сидит 18-летняя работница, арестованная четыре месяца тому назад. Поет. Ей разрешают петь. Это у нее было столкновение с жандармом; после этого ее перевели сюда. Молодая, напоминает ребенка. Мучается она страшно. Ей скучно. Стучит мне, чтобы я прислал ей веревку, что она повесится. При этом она добавляет, что веревка должна быть непременно от сахара, чтобы сладко было умирать. Она так нервно стучит и с таким нетерпением, что почти ничего нельзя понять, и, тем не менее, она все время зовет меня своим стуком; видно, места себе найти не может. Недавно она мне вновь простучала: «Дайте совет, что делать, чтобы мне не было так тоскливо».

У ней постоянные столкновения с жандармами. Живая, как ребенок, она не в состоянии ни переносить, ни примириться с господствующим здесь режимом. В тот самый момент, когда я писал эти слова, у нее было опять небольшое столкновение. Она перестала петь, постучала жандарму и пошла в уборную. По пути она постучала в дверь моей камеры, а на обратном пути кашлянула и остановилась возле двери своей камеры и потребовала, чтобы жандарм открыл дверь, так как у нее болит рука (по слухам, во время одного из прежних столкновений онахватила жандарма кувшином, а он ранил ее в руку шашкой). По существующим здесь правилам и по установившемуся обычаю, двери должен открывать заключенный, а не жандарм. Вызвано это опасением, чтобы заключенный не мог напасть на жандарма, когда он наклонится, чтобы открыть дверь; здесь авансом предполагают, что каждый заключенный — это кровожадный убийца и преступник, поэтому-то жандарм-ключник, например, не имеет права входить в камеру заключенного. Поэтому жандарм потре-

бовал, чтобы она сама открыла дверь. «Все равно,— ответила она,— у меня рука болит, открыть дверь я не могу и буду все время стоять здесь». Жандарм пригрозил ей, что он позвонит начальству, и тогда ей хуже будет.

«Мне все равно»,— последовал ответ с ее стороны. Когда жандарм, по-видимому, колеблясь принять решительные меры и желая ее напугать, направился к звонку, она подошла к камере на другой стороне коридора, в которой сидели какой-то молодой офицер и еще один заключенный, и начала с ними разговаривать. Взбешенный жандарм сердито открыл дверь, крича: «Ну, ты, иди, я тебе открыл». После этого он долго ворчал и вполголоса крикнул: «Стерва!» Я бросился к двери, начал стучать и кричать: «Жандарм!» Он не откликнулся и подошел, когда я уже позвал его в третий раз. Я резко напустился на него. Он сначала заявил, что это не мое дело, а когда я сказал, что слышал, как он крикнул «стерва», начал оправдываться, говоря, что он открыл бы двери, но она уже не один раз устраивала такие штуки, и, когда жандармы нагибались, чтобы отодвинуть засов, она заезжала им в морду.

Эта девушка — полуребенок, полусумасшедшая — устроит когда-нибудь большой скандал. Уже в этот раз все было сильно взволнованы ее плачем и возней с жандармом. Когда она заходит в уборную, она карабкается на окно и кричит гуляющим товарищам: «Добрый день», а когда в связи с этим входит в уборную жандарм, она устраивает скандал.

1 мая во время прогулки она кричала: «Да здравствует революция!» — и произносила другие революционные возгласы и пела: «Красное знамя». Все были взволнованы и колебались, петь ли и поддержать ли ее в этих революционных возгласах. Никто не желал показаться трусом, но для того, чтобы петь, каждый должен был насиловать себя: такая бесцельная, неизвестно для чего затеянная демонстрация не могла вызвать сочувствия. Тюремла молчала.

Вечером кто-то сверху простучал: «Сегодня вечером будем демонстрировать пением». Но самый этот стук был очень осторожным, часто прерывался из опасения, чтобы жандарм не заметил. И пения не было.

По временам эта девушка вызывает гнев. Ее смех, пение, столкновения с жандармами вносят в нашу жизнь нечто постороннее, чуждое, а вместе с тем дорогое, желанное, но не здесь. Чего хочет эта девушка, почему нарушает покой? Невольно сердиться. Но начинаешь рассуждать: «Ее ли вина, что ее, еще ребенка, заперли здесь, когда ей следовало еще оставаться под опекой матери, когда ей еще в пору играть, как играют дети». А может быть, у нее нет матери и она вынуждена бороться за кусок хлеба? Работница же она. Этот ужасный строй заставил ее принять деятельное участие в революции. А теперь мстят ей за это. А сколько таких, с детства обреченных на жалкое, нечеловеческое существование? Сколько таких людей, чувства которых извращены, которые обречены на то, чтобы никогда, даже во сне, не увидеть подлинного счастья и радости жизни! А в природе человека есть ведь эта способность чувствовать и воспринимать счастье! Горсть людей лишила этой способности миллионы, исковеркав и развратив самое себя; остались только «безумие и ужас», «ужас и безумие» или роскошь и удовольствия, находимые в возбуждении себя алкоголем, властью, религиозным мистицизмом. Не стоило бы жить, если бы человечество не озарялось звездой социализма, звездой будущего. Ибо «я» не может жить, если оно не включает в себя всего остального мира и людей. Таково это «я»...

13 мая

Час тому назад бушевала гроза. Все содрогалось от грома, и наш жалкий павильон весь дрожал. Ярко блиставшие молнии прорывали мрак, их розовые отблески проникали в мою камеру; дождь лил как из ведра, а ветер качал дерево за окном, ударялся в стены, стучал и выл. Теперь тихо, глядит равнодушно затуманенная луна, не слышно ни шагов часового, ни жандарма, ни пения соседки, ни бряцания кандалов. Только дождевая капля время от времени падает на карниз моего окна, и издали доносятся свистки паровоза. Грусть какая-то проникает в душу. Но это не грусть узника. И на воле иногда такая грусть незаметно овладевала мной — грусть существования, тоска по чему-то неуловимому, но вместе с тем необходимому для жизни как воздух, как любовь.

Сегодня заковали двоих. Их вели из кузницы мимо наших окон. Моя соседка Ганка приветствовала каждого из них возгласом: «Да здравствует революция!» Ободренные, они ответили тем же. Должно быть, их приговорили сегодня, возможно, что к виселице. Когда я шел на прогулку, я заметил в одном из коридоров — в коридоре смертников — какое-то движение. Я не раз проходил по этому коридору, когда меня вели в канцелярию, и, хотя я не знал о его назначении, я чувствовал как бы дуновение смерти. Это — не темный коридор, он светлее других: три больших окна. В этом коридоре всего шесть камер, от 45 до 50 номера включительно, двери камер как будто такие же, как у нас: желтые с ржавыми пятнами, но все же другие. На двери одной из камер я заметил совершенно проржавленный замок, в другой камере — большая, забитая досками дыра, словно там велась смертельная борьба с сопротивлявшимся в отчаянии приговоренным.

Два дня тому назад, как мне сообщили, у моей соседки были губернатор, начальник охраны и начальник жандармерии и угрожали, что ее и ее брата ждет виселица и она может спасти себя лишь тем, что выдаст людей и склад оружия; говорили, что другие ее предали и что только предательство может ее спасти.

На днях я наткнулся на такую надпись: «Теодор Яблонский, приговоренный к смерти. Камера № 48 (для смертников). Уже был врач. Сегодня состоится казнь. Прощай, жизнь! Прощайте, товарищи! Да здравствует революция!» А рядом с этим другой рукой написано: «Заменяли веревку 10 годами каторги. Теперь у него другое дело: об убийстве провокатора в Плоцкой тюрьме. Сегодня IV. 08».

14 мая

Коридор смертников не пустует. Несколько минут тому назад, во время прогулки, я увидел в окне камеры № 50 бледного молодого мужчину, кажется рабочего. Форточки в окне этой камеры закрыты. Несколько раз он подходил к окну и прислонялся к граненым стеклам, сквозь которые, кроме расплывчатого туманного света и теней, ничего не видно. Только два верхних стекла — прозрачные, открывающиеся. Сквозь эти стекла можно увидеть небо, затемненное густой проволочной сеткой, настолько густой,

что спички не проткнешь. Для того чтобы сквозь эти стекла увидеть, что происходит во дворе, приходится взбираться на стол или на спинку железной кровати. А жандарм наблюдает, часто заглядывает через «глазок», и поэтому можно только на одно мгновение прыгнуть на окно и бросить взгляд наружу. Заключенный в камере № 50 сидит один, у него даже нет соседей, эта камера совершенно изолирована, и живущий в ней не может развлечься даже перестукиванием. Он лишен возможности на чем-нибудь остановить взор, чтобы утихомирить клокочущую в нем бурю. Грязный каменный пол; грязная дверь; выкрашенный в желтый цвет стол и оконная рама; серые, запыленные, в синих и белых пятнах стены; потолок, как крышка гроба; предательский «глазок» в двери и мертвый рассеянный серебристый свет дневной жизни. А там, за дверью, по коридору приближается крадучись жандарм, поднимает крышку «глазка», смотрит, наблюдает, чтобы жертва не ускользнула и сама не покончила с собой.

14 мая вечером

Сегодня моя соседка Ганка простучала мне следующее: «Меня посадили вместе с некоей Овчарек. Я просидела с ней две недели. Она рассказала мне, что к ней приходит на свидание адвокат П. Я доверчиво сообщила ей адрес квартиры моей матери и просила ее, чтобы он зашел к ней и сказал, чтобы она уезжала. Овчарек согласилась — и все выдала шпику. Вдруг ее вызывают в канцелярию. К ней из охраны приехал шпик, и она все выдала. Возвратившись из канцелярии, она принесла передачу: всякую еду и даже икру — все это будто прислала мне партия. Я тогда была больна после перенесенных побоев. Представьте себе только, мать после операции третью неделю лежит в кровати... Вдруг приходит полиция, передает ей (сказанное мною Овчарек), чтобы она уехала. Ее забрали в охранку, оттуда в «Павиак». Она была так потрясена, что не прошло и трех недель, как умерла там. Отец тоже сидит. Два месяца тому назад его приговорили к 20 годам каторги. Я и брат тоже сидим. Сидит вся семья. Теперь посадили меня с другой заключенной — С. Когда ее привели ко мне в камеру, она, подлюга, целует меня и

говорит: «Как хорошо, господин начальник, что вы сажаете меня со знакомой». А я, поверьте, совершенно ее не знаю, вижу в первый раз в жизни. Я подняла скандал и отказалась вместе с ней сидеть. Вчера был у меня шпик из охранки и сказал, что эта С. сообщила им, будто я главная поставщица оружия из-за границы, руковожу боевым отрядом в Варшаве и будто мой брат — рядовой, известный под кличкой «Искорка». Она наплела много такого, о чем я не имею ни малейшего представления».

Женщин здесь много. Я вижу их на прогулке, слышу их голоса и из других коридоров. Они часто спорят с жандармами, хохочут и громко разговаривают. Им здесь хуже, чем нам, хотя жандармы с ними, кажется, ведут себя сдержаннее и не запрещают им заслонять «глазок». Эта сдержанность вызвана не человеколюбием. Они просто боятся скандалов. Они, очевидно, избегают раздражать женщин, чтобы не вызвать вмешательства заключенных-мужчин, и не группируют их в особом коридоре, потому что одна женщина скандалит больше, чем все мужчины. Жандармы тогда не могли бы справиться с ними.

Из девяти женщин, которые гуляют в той части садика, на которую выходит мое окно, только три ведут себя спокойно. Две молодые ходят, всегда держась за руки. Они — польки. Третья, тоже молодая, серьезная и выдержанная, — еврейка. Остальные неестественно хихикают, шумят, разговаривают с Ганкой, которая никак не может подчиниться режиму. Сегодня опять по этому поводу была неприятная сцена. Ганка взобралась на стол, разговаривала или, вернее, выкрикивала отдельные слова двум гуляющим женщинам. Они отвечали ей и сами что-то рассказывали. Жандарм раза два предупредил их, чтобы прекратили эти разговоры, но они не обращали на это внимания. Взбешенный, он подбежал к окну Ганки, обнажил шашку и начал ругаться. Это не помогло. Они не обращали на это внимания. После этого я простучал Ганке, что сержусь на нее за то, что она из-за пустяков подвергает себя оскорблениям. Она ответила, что больше не будет, но час спустя уже забыла об этом обещании. Это понятно: она еще ребенок, не может жить в камере без каких бы то ни было впечатлений, когда и взрослые, уже не раз пережившие одиночное заключение, теряют порой равновесие.

То ли сегодня утром, то ли вчера вечером привели огромную партию заключенных. Я видел, как они вместе гуляли, два раза по 10 человек, а затем по семь и шесть человек. Должно быть, их дело будет разбираться в военном суде. Некоторые из них в кандалах, изможденные, плохо одеты, кое-кто в зимних шапках. Они шли группами, тихо разговаривая друг с другом; некоторые, хмурые, шли одни. Рабочие, железнодорожник, солдат, кажется, несколько крестьян, несколько человек, судя по лицам, не то рабочих, не то интеллигентов. Издали сквозь сетку трудно определить. Ганка предполагает, что это бандиты, мне же кажется, что это «фраки»¹¹⁴ и люди невиновные, а если и бандиты, то из бывших партийных. Где их поместили? Здесь нет таких больших камер. Может быть, их разместили по камерам для смертников по десять человек там, где есть место для двоих. Их повели по направлению к этому коридору.

16 мая

Весна в полном разгаре. Все плодовые деревья покрыты белыми цветами и зелеными листьями. День становится длиннее, в воздухе чувствуется уже лето, на солнце в саду жарко, а в камере все более и более душно.

Ганка ужасно страдает, не поет, присмирела. Она узнала, что вчера ее брат приговорен к смерти. Вечером она мне простучала: «Сегодня, может быть, его повесят, разрешат ли мне попрощаться с ним? Я остаюсь одна-одна-нехонька. А может быть, они выполнят свою угрозу и меня тоже повесят. А он такой молодой. Ему всего 21 год». Что мне было сказать ей на это? Я простучал ей, что она несчастное дитя, что мне жаль ее, что мы должны перенести все. А она ответила мне, что не знает, стоит ли теперь жить. Когда эта ужасная смерть похищает кого-нибудь из наших близких, нельзя освободиться от этой мысли, убежать, забыть: постоянно эта мысль возвращается, и стоишь у пропасти ужаса, становишься беспомощным, бессильным, безумным.

Не то неделю, не то дней десять надо мной уже сидит кто-то другой. Не знаю кто. Не стучит, не откликается. Вскоре после того, как его поместили, не знаю почему, но мне показалось, что это В.¹¹⁵, и с каждым днем я все

больше и больше убеждался в этом. Я звал его стуком, называл его по имени, но он не откликнулся. Я бросал сапог в потолок, но и это не действовало. Он почти совершенно не двигается. В течение нескольких дней я даже не мог читать, так как все подкарауливал, когда он выйдет на прогулку. Но он не выходит из камеры, и я не мог увидеть и убедиться, он ли это. Сегодня там что-то произошло. Он постучал в дверь... Я слышал после этого знакомый скрежет открываемого замка и стук отодвигаемого засова. Несколько секунд тишины, а затем снова скрежет при заперении камеры. После этого он начал стучать ровно, спокойно, с короткими перерывами. Дважды открывались и закрывались двери — и опять стук, сначала руками, затем ногами, кружкой. Продолжалось это чуть ли не целый час. Я не знал, да и до сих пор не знаю, что там произошло. После этого кто-то заходил к нему два раза, и все кончилось. Снова все надо мной утихомирилось, воцарилась тишина, словно там никого не было.

Так живет каждая камера. Только по временам одна из камер вдруг оживает, и тогда все обитатели этих молчаливых камер срываются с мест, настороженно слушают, не последует ли возня, не пора ли и им нарушить тишину. После этого они продолжительное время не могут прийти в себя, вернуться к мертвым буквам книг. В такие моменты каждый чувствует, где он и чем он здесь является. Предположение, что в камере надо мной сидит В., по всей вероятности, проявление болезненной мнительности, от которой я не в состоянии отделаться. Эта болезнь вообще свойственна жителям тюрем.

21 мая

Вечером, когда я при свете лампы сидел над книгой, я услышал снаружи тяжелые шаги солдата. Он подошел к моему окну и прильнул лицом к стеклу. Он не побоялся. Из любопытства или, быть может, просто поинтересовался.

— Ничего, брат, не видно,— сказал я дружелюбно.

Он не ушел.

— Да! — послышалось в ответ. Он вздохнул и секунду спустя спросил: — Скучно вам? Заперли (последовало известное русское ругательство) и держат!

Кто-то показался во дворе. Он ушел.

Эти несколько грубых, но сочувственных слов вызвали во мне целую волну чувств и мыслей. В этом проклятом здании, от тех, чей самый вид раздражает, нервирует и вызывает ненависть, услышать слова, напоминающие великую идею, ее жизненность и нашу связь, узников, с теми, кого в настоящее время заставляют нас убивать! Какую колоссальную работу проделала уже революция! Она разлилась повсюду, разбудила умы и сердца, вдохнула в них надежду и указала цель. Этого никакая сила не в состоянии вырвать! И если мы в настоящее время, видя, как ширится зло, с каким цинизмом из-за жалкой наживы люди убивают людей, приходим иной раз в отчаяние, то это ужаснейшее заблуждение. Мы в этих случаях не видим дальше своего носа, не сознаем самого процесса воскресения людей из мертвых. Японская война выявила ужасную дезорганизацию и развал русской армии, а революция только обнажила зло, разъедающее общество. И это зло должно было обнаружиться, для того чтобы погибнуть. И это будет! Для того чтобы ускорить этот момент, необходимо вселить в массы нашу уверенность в неизбежном банкротстве зла, чтобы ими не овладело сомнение, чтобы они пережили этот момент в стройных, готовых к борьбе рядах. Это задача теоретиков. А задача других — обнажить и выявить это зло, обнажить страдания и муки масс и отдельных, вырванных врагом из их среды борцов, придать им то значение, какое они имеют в действительности и которое дает им силу все перенести мужественно, без колебаний. Только этим путем можно вдохнуть в массы мужество и моральное сознание необходимости борьбы. Нужны как те, кто воздействует на умы, так и те, кто вливает в душу и сердце уверенность в победе. Нужны ученые и поэты, учителя и агитаторы. Я вспоминаю, какое огромное влияние производила изданная партией «Пролетариат» книжка «С поля борьбы», описывающая страдания людей, их выдержку и мужество в борьбе. Как я желал бы, чтобы и теперь появилась такая книжка. Теперь труднее собрать и сопоставить факты, настолько они значительны и так их много. Но и сил теперь больше. Если бы кто-нибудь взялся за такую работу или хотя бы только за руководство такой работой, то через год, через два такая книга могла бы появиться. В ней были бы отражены не только наши страдания и наше учение, но

и та жажда полноты настоящей жизни, ради которой человек не пожалеет никаких страданий, никаких жертв.

Несколько слов, сказанных солдатом, разожгли мой мозг. Здесь много этих солдат-служителей и жандармов-ключников ¹¹⁶. Но мы лишены возможности добраться до их сердца и мысли. Всякий разговор с ними воспрещен. Да и в разговоре не за что зацепиться. С жандармами мы встречаемся, как враги, солдат мы только видим. В коридоре три жандарма сменяются ежедневно каждые четыре часа. Каждый жандарм попадает в один и тот же коридор раз в 10—15 дней. При таких условиях трудно узнать, кто из них проще и доступнее. Независимо от этого у них много работы: то они водят нас по одному в уборную, то на прогулку, то на свидание, то открывают дверь, когда солдат-служитель вносит обед, подметает камеру, приносит чай, хлеб, ужин, уносит лампу. После этого жандармы, водящие нас на прогулку, направляются на другую службу. От этого они часто грубы, злы, видят в нас врагов, пытаются сократить время прогулки и досадить нам. Впрочем, таких, которые досаждают нам по собственной инициативе, немного. Они часто заглядывают через «глазок», заставляют долго ждать открытия дверей, когда им стучат. Остальные просто устали; чувствуется, что они боятся начальства и тяготятся строгой дисциплиной. Мне известны случаи даже сочувствия с их стороны. Однажды я попросил одного из них, чтобы мне переменили книги. Он тотчас же обратился к другому, тогда не занятому жандарму, проходившему мимо моей камеры, и сказал: «Обязательно скажи в канцелярии». В другой раз во время прогулки мне показалось, что жандарм собирается прекратить прогулку и повести меня обратно в камеру; когда я обратил его внимание на то, что осталась еще одна минута (часы висят на заборе в стеклянном шкафу), он возмутился тем, что я мог его заподозрить в желании отнять у меня минуту прогулки. Это было им сказано таким дружелюбным тоном, что, сконфузившись, я ответил: «Всякие бывают среди вас».

Весьма трудно в этом «мертвом доме» вступить в беседу с жандармом. В высшей степени характерно, что, когда случайно встречается заключенный с заключенным, они не в состоянии заговорить друг с другом. Однажды жандарм забыл, что в уборной уже находится один заключен-

ный, и привел другого... Когда последний увидел это, он сразу повернул обратно в свою камеру. Этот заключенный сидел в камере напротив моей, и я услышал, как он сказал жандарму: «Там уже есть кто-то». В другой раз я встретил заключенного офицера. Заметив его, я крикнул: «Здравствуйте, товарищ!», а он с недоумением посмотрел на меня.

Здесь теряется умение вести разговор. Жандармы разговаривают в коридоре друг с другом и со служителями исключительно шепотом. Когда заходит в камеру кто-нибудь из начальства, жандарм закрывает двери, чтобы другие заключенные не слышали разговора, голоса. Жандарм не имеет права разговаривать с заключенным и войти к нему в камеру; за солдатом-служителем наблюдает жандарм-ключник, чтобы он ни единым словом не обменялся с заключенным. Если мне что-либо нужно от служителя, я должен обратиться за этим не к нему, а к жандарму. В коридоре постланы мягкие дорожки, так что шагов не слышно. Из коридора проникает иной раз в камеру только шепот жандарма, скрежет задвижки и треск замка.

Малейший звук извне, пробивающийся в окно из крепости, только усиливает эту могильную, таинственную тишину. Эта тишина давит каждого и подчиняет себе и нас и жандармов. Однажды я сделал замечание жандарму, что ему не следует будить меня на прогулку, как он это сделал в этот день утром, добавив при этом, что я когда-нибудь устрою по этому поводу скандал. Я был спокоен, но даже при этом небольшом заявлении я чувствовал какую-то дрожь. Жандарм, как я заметил, тоже не мог свободно объясниться. Когда же кто-нибудь из нас, преодолев себя, свободно скажет несколько слов жандарму или когда иной раз запоет или искренне захохочет,— точно блеснет луч света. Это чувствуют и жандармы.

Говоря об этой гробовой тишине, надо упомянуть, что в моем коридоре уже нет закованных, а в моем садике ходит на прогулку только один закованный (с одной части привезенных на суд из провинции кандалы сняли, другую часть закованных увезли). Благодаря отсутствию кандалного звона эта тишина уже не врезается так болезненно в мозг, но на душу она все же сильно действует.

Извне проникают к нам отголоски жизни: днем — постоянный шум, в котором трудно различить отдельные

звуки, — это дыхание жизни, солнца, дождя, города, извозчиков, солдатского марша. В этот шум жизни по временам вплетается свободный голос детей, грубый, громкий смех, шутки, ругань и голоса жандармов и солдат; в другой раз гремящая военная музыка, пение солдат, орущих во все горло, а еще в иной раз один и тот же тягучий звук гармошки. По временам, в праздники, слышно какое-то хриплое пение под аккомпанемент гармошки. По ночам доносятся свистки паровозов, шум мчащихся поездов. А когда тихий ветер шевелит листья, кажется, что это мягкий шелест леса или журчание ручья. Но все эти звуки лишь усиливают внутреннюю тишину и часто вызывают раздражение и даже бешенство, постоянно напоминая, что ты не умер, что эти звуки проникают из-за решетки в окно, через которое живой внешний мир виден лишь в виде расплывчатого светлого пятна. И, тем не менее, если бы совершенно не было этих слуховых впечатлений, то было бы, пожалуй, еще хуже.

22 мая

Сегодня в верхнем коридоре, но не надо мной непосредственно, опять был какой-то скандал. На этот раз какой-то заключенный уже не просто стучал, а лупил в двери табуреткой, громко кричал: «Не имеете права!»... Не знаю, что там случилось. Продолжалось все это минут десять, а затем вновь водворилась мертвая тишина.

23 мая

Сегодня у меня впервые было свидание. Пришла жена брата с маленькой Вандой. Девочка играла проволочной сеткой, показывала мячик и звала: «Иди, дядя!» Я очень рад, что их видел. Я их очень люблю. Они мне принесли цветы, которые теперь красуются на моем столе. Жена брата радовалась, что у меня хороший вид, и я уверял ее, что мне здесь хорошо и весело. Я сказал ей, что, вероятно, меня ожидает каторга.

Сегодня я дважды ходил в канцелярию (был защитник и свидание) и всякий раз проходил по коридору смертников. Там приговоренные. По-видимому, их два человека, так как служитель шел с двумя обедами. Я уверен, что это приговоренные к смерти, так как в коридоре, кроме жандарма, дежурит солдат с ружьем.

А оттуда, с воли, дорогие мне люди шлют мне приветствия и, несмотря на ярмо жизни, смело двигаются вперед и делают свое дело. Я вижу их. Много их, очень много. Одни в том же положении, что и я, другие еще живут, а еще иные — далеко, но все же и мыслью, и сердцем, и делом они здесь. Я вижу и тех, дорогих сердцу, которые озаряют жизнь счастьем, наполняют ее энергией и выдержкой.

Ганка, моя соседка, сегодня тиха и грустна; мне удалось передать ей белый цветок (нарцисс); она постучала, что любит меня и чтоб я не сердился за это слово. Я чувствую, как ей страшно тяжело без людей, без свободы, без цветов; как хотелось бы ей прильнуть к кому-нибудь, услышать слово ласки и не быть так бесконечно одинокой. «Теперь уже я осталась одна как перст», — стучала она мне как-то. А я привязался к этому ребенку, и мне жаль ее, как собственное дитя.

28 мая

Вот уже неделя, как у Ганки ежедневно кровь идет горлом. Сегодня у нее был врач, нашел ее в плохом состоянии, предложил ей перейти в больницу. Она отказалась. А когда я убеждал ее согласиться, указывая, что там ей будет лучше, она ответила, что там ей грозит одиночество и что потом, когда она вернется, ее место будет занято другим и что поэтому она не желает идти в больницу. И не пошла.

Весь день лежала Ганка без сил, время от времени стуча легонько в стенку, чтобы убедиться, что я близко; когда я откликнулся, она стучала мне: «Я вас очень люблю». Дорогое дитяtko. Отделенный от тебя мертвой стеной, я чувствую каждое твое движение, каждый шаг, каждый порыв души. Неужели же ей так и суждено умереть в полном одиночестве, и никто не приласкает ее, никто ей приветливо не улыбнется? И нет во мне мужества убеждать ее идти в лазарет, где у нее и за стенкой не будет никого близкого. А может быть, и не умрет она, и кровохарканье прекратится — она еще такая молодая и сильная, полная жизни. Все здесь полюбили ее и дают ей это понять. Проходя мимо ее камеры, говорят: «Здравствуйте» или «Спокойной ночи». Жандармы не кричат на нее; некоторые даже оказывают ей мелкие услуги. Один из них недавно

долго с ней разговаривал и сказал, что ему жалко, что она сидит в таком одиночестве. Несколько дней тому назад, когда ее хотели перевести в другую, более поместительную камеру и посадить вместе с ней другую заключенную, она не захотела покинуть свою камеру.

В этом коридоре только две наши камеры рядом и такие же две над нами. Там кто-то сидит, но не стучит. Над камерой Ганки сидят двое, и они, как назло, сегодня весь день бегали у нее над головой в своих тяжелых сапогах. Она кричала им в окно, чтобы они не бегали, что каждый их шаг очень больно отражается в голове, но они, по-видимому, не слышали и продолжали бегать. Солдат сердился на нее за этот крик и спрашивал жандарма, отчего она кричит, а она плакала, сознавая свое бессилие. Только к вечеру они перестали бегать. По-видимому, дежурный жандарм сказал, чтобы они не бегали.

Только что Ганка пела какую-то революционную песню; она придумала собственную мелодию, печальную, тихую и жалобную. Но пела она недолго и закашлялась — очевидно, опять кровь у нее бросилась горлом.

31 мая

По-видимому, вчера и сегодня разбиралось дело о нападении на почту вблизи Соколова. Мужчины — пятнадцать человек — и одна женщина приговорены к смерти, две женщины — к 15 годам каторги, две оправданы.

Ганке вчера был вручен обвинительный акт. Она обвиняется в восьми покушениях, в руководстве боевой дружиной, в роговском нападении, в покушении на Скалона и т. п. Говорят, что ее ждет виселица. Скалон сказал, что не отменит смертного приговора: «Она и так слишком долго живет».

Ученик из Седлеца, сидевший рядом со мной, тоже приговорен вместе с ними, заодно с ними приговорен также предатель Вольгемут.

3 июня

Вчера опять восемь человек было приговорено к смерти.

Сегодня Ганку вызывали в канцелярию, откуда она вскоре вернулась возбужденная, хохочущая. Начальник предложил ей на выбор: или предать — и тогда ее приго-

ворят только к пожизненной каторге, или быть повешенной. Он говорил ей, что она молода и красива. В ответ она расхохоталась ему в лицо и выбрала виселицу.

Теперь она все считает дни, сколько ей еще осталось жить, старается спать как можно меньше, часто не может уснуть и целыми ночами бродит по камере. Иной раз вырвется у нее из груди слово смертельного утомления и отчаяния: «Почему они пьют без конца нашу кровь! Я утешала себя, что все это вскоре рухнет, а они все еще убивают... И молодежь уже не спешит к нам». Но такие слова не часто вырываются из ее груди. Теперь она уже снова поет, устраивает жандармам скандалы, хохочет: «Даже когда меня донимают ужасные муки, я делаю все, чтобы они этого не заметили. Пусть не радуются».

Часто в ее словах чувствуется, что она мечется между жадной жизни и неизбежностью смерти от их рук и у нее является мысль о самоубийстве, но луч надежды все продолжает в ней тлеть. А когда она стучит мне, что она не склонит головы, что она не дрогнет, вступая на эшафот, я чувствую, что она говорит правду, что она именно такая. По временам ею овладевает желание иметь при себе близкого человека, видеть его, почувствовать его прикосновение, свободно говорить с ним, тогда она клянет разделяющую нас стену. Вот так мы рядом живем, словно какие-то родные и друзья из непонятной сказки. И я не раз проклинаю себя, что не меня ждет смерть...

4 июня

Вчера казнены приговоренные за нападение в окрестностях Соколова. Заключенный, сидевший вместе с одним из приговоренных, не обращая внимания на жандарма, крикнул во время прогулки Ганке: «Уже казнен!». Сегодня на прогулке мы видели только одного из приговоренных к смерти — ученика из Седлеца, сидевшего раньше рядом со мной. Он сообщил, что его вернули уже с места казни. Завтра будет суд над 51 человеком по делу об убийстве ротмистра в Радоме.

Ганка сегодня не поет: она упрекает себя в том, что, когда вчера тех вешали, она пела. Она спрашивала меня, где коридор смертников: уж поскорее она хотела бы быть там. Идя на казнь, она будет петь «Красное знамя».

Жандармы в садике перед нашими окнами по вечерам шумно развлекаются, перекликаются, кричат, смеются, бьют в ладоши. Сегодня наряду с аплодисментами и хохотом слышны крики: «Бис! Бис!». А затем они направляются в коридоры на смену другим, подсматривают в «глазок», наблюдают, чтобы заключенные не перестукивались, после каждого посещения заключенными уборной тщательно разыскивают там их письма, а ночью ведут приговоренных на место казни. Надо мной сидит какая-то женщина.

5 июля

Полчаса тому назад (теперь уже, должно быть, около 11 час. вечера) привели из суда в наш коридор двоих радомчан. Оба приговорены к смертной казни. Когда Ганка крикнула им из камеры: «Скоро увидимся! До свидания!», они спокойно ответили: «Держимся, не унываем!». Жандарм шепотом останавливал их: «Будет, будет!». Час тому назад наверху, в боковом коридоре, одна из заключенных, громко ругая жандарма, в течение полчаса чем-то твердым со страшным бешенством колотила в дверь; сидевший рядом с ней стучал кулаком. После этого все стихло; неизвестно, что это было. Ганка чувствует себя странно, сильно возбуждена, не в состоянии развлечься чтением и все ждет, чтобы все это как можно скорее кончилось. Она не сломлена, наоборот, она думает о том, как вести себя на суде, чтобы приговор не был изменен. В отношениях с жандармами она ведет себя свободно, надменно, не обращает ни малейшего внимания на их «нельзя разговаривать», «сойди с окна»... «Кто борется, должен погибнуть», — сказала она мне. Ее спокойствие передалось и мне. Кто живет, тот должен умереть, а кто умел так любить жизнь, сумеет и умереть, не отравляя отчаянием своих последних минут. И если бы нашелся кто-нибудь, кто описал бы весь ужас жизни этого мертвого дома, борьбы, падений и подъема духа тех, кто замураван здесь, чтобы подвергнуться казни, кто воспроизвел бы то, что творится в душе находящихся в заключении героев, а равно и подлых и обыкновенных людишек, что творится в душе приговоренных, которых ведут к месту казни, — тогда жизнь этого дома и его обитателей стала

бы величайшим оружием и ярко светящим факелом в дальнейшей борьбе. И поэтому необходимо собирать и сообщать людям не простую хронику приговоренных и жертв, а давать картину их жизни, душевного состояния, благородных порывов и подлой низости, великих страданий и радости, несмотря на мучения; воссоздать правду, всю правду, заразительную, когда она прекрасна и могущественна, вызывающую презрение и отвращение к жертве, когда она сломлена и опустилась до подлости. Это под силу только тому, кто сам много страдал и много любил; только он может раскрыть этот трепет и борьбу души, а не те, кто пишет у нас некрологи.

6 июня

Сегодня у меня было свидание и мне передали приветы с воли, прелестные цветы, фрукты и шоколад. Я видел Стасю и Вандзю. Я стоял на свидании словно в забытьи и не мог ни овладеть собой, ни сосредоточиться. Я слышал лишь слова: «Какой у тебя хороший вид», и то, что я говорил: «Здесь ужасно». И помню, что я просил прислать мне какие-то книги и совершенно ненужное мне белье. После этого я вернулся в камеру и чувствовал себя более чем странно: никакой боли, никакой жалобы, нудное какое-то состояние, какое бывает перед рвотой... А прелестные цветы как будто что-то говорили мне. Я чувствовал это, но не понимал слов.

Потом кто-то вернулся из суда, и из коридора до меня донесся его спокойный и твердый голос: «виселица», и охрипший голос жандарма: «нельзя говорить». Утром, когда я был на прогулке, солдаты выносили из камеры смертников целые возы соломы. По-видимому, казнено столько народу, что в камерах смертников не хватало тюфяков и кроватей. Теперь же подготавливается помещение для приговоренных вчера восьми радамчан.

Сегодня Ганка опять присмирившая, печальная. Я обратился с просьбой к вахмистру, считающемуся добрым, взять для нее цветы. Он отказал.

Странное чувство, овладевшее мной после свидания, теперь рассеялось. Рассеяла его Ганка... Где-то наверху плачет недавно здесь родившийся младенец. Товарищи Ганки по Коридору, ожидающие суда и казни, горячо объяс-

няются ей в любви. Она сердится, говорит, что не знает их настолько близко, чтобы они считали себя вправе делать такие признания.

7 июня

Сегодня у Ганки был защитник. Ее дело будет слушаться в будущий четверг. Он ей сказал, что виселицы ей не миновать. Она нервничает, ждет этого дня и не может найти себе места и чем-либо убить время. Сегодня она целый день не пела, сердится, что это тянется так долго, что приходится ждать четыре дня. Я все же ухитрился переслать ей цветы, и она сообщила мне, что она пойдет с ними на виселицу.

Вечером жандармы шумели в саду и играли на гармошке. «Как я наивна и глупа,— стучала мне Ганка,— ведь это их единственное развлечение. Но этот хохот и музыка меня ужасно раздражают, и мне все кажется, что они делают это нарочно, чтобы нас допечь»...

12 июня

Всем радомчанам смертная казнь заменена каторгой. Меня уверяли, что заменят и Ганке. Несколько дней тому назад к ней в камеру перевели другую женщину. С этих пор хохот и пение в течение целого дня без перерыва разносятся по всему коридору. Она сердится, что я почти не стучу к ней. А для меня она начинает становиться чужой. И я сознаю, что если бы я близко узнал ее, если бы она не была для меня «абстракцией», то от меня повеяло бы на нее холодом.

Всю эту неделю, несмотря на свидание и книги, я чувствую себя как-то странно. Как будто бы я чувствовал веяние близкой смерти, как будто я нахожусь у предела жизни и все уже оставил позади...

28 июня

Я давно не писал. Ганку перевели. Она сидит теперь напротив моей камеры. 18-го в четверг слушалось ее дело о покушении на Скалона. В течение двух дней она была уверена, что ее повесят. Защитник обещал зайти, если казнь будет заменена, и не пришел. И все же ей заменили казнь бессрочной каторгой. Теперь два дня тому назад

зашел к ней защитник и сказал, что Скалон заменил виселицу каторгой только потому, что ему неловко было утверждать смертный приговор, поскольку дело касалось его самого, но что по другому делу приговор он утвердит. Завтра, кажется, будет слушаться дело о бомбах в Марках. Кроме этого дела, за ней числится еще шесть дел...

Рядом со мной уже два дня сидит товарищ из Кельц. В четверг слушалось его дело — приговорен к смерти, замененной 15 годами каторги; через две недели будет слушаться другое его дело — об убийстве двух стражников. До него несколько дней сидел товарищ из Люблина. Ему сообщили, что его узнал провокатор Эдмунд Тарантович и что он обвиняет его в убийстве почтальона и пяти солдат. Виселица верная. Говорят, что этот провокатор выдал целую организацию ППС и настолько занят разоблачениями и показаниями, что следователям приходится ждать очереди, чтобы его допросить. У радомчан было за это время еще два дела, два раза их приговаривали к смерти и оба раза заменили каторгой.

2 июля

29 июня перевели от нас Ганку. Я ее вижу лишь украдкой, через форточку, когда она гуляет. Дело ее слушалось 30-го. Кажется, приговорена к смерти, судя по тому, что она проводила рукой по шее. Ее убрали из этого коридора, а несколько человек посадили на три дня в темный карцер за подачу прокурору заявления, написанного в резком тоне, с жалобой на жандармов, что они плохо обращаются с женщинами, и за требование перевести женщин в женскую тюрьму. Одних бросили в карцер, других перевели в другие камеры, чтобы они впредь не могли сноситься друг с другом.

Рядом со мной уже никого нет. Кельчанин сидит теперь в другой камере. Ему всего 21 год, а за ним 17 дел. Когда к нему являются для прочтения обвинительного акта, он отказывается слушать, заявляя, что ему надоело и что он может отправиться на тот свет и не слушая этого. Он сожалеет лишь о том, что ему не дадут жить еще 20 лет, и спрашивает, сколько у него было бы судебных дел к 40 годам. Снова появилось много людей в кандалах. Я их слышу и вижу только тогда, когда они

выходят на прогулку. Несколько человек — почти дети, без растительности на лице, бледные и на вид им не больше 15—16 лет. Один из них еле двигается. По-видимому, у него искалечены ноги. Во время гуляния он постоянно сидит на скамейке. Другой не подтягивает цепей ремнем, и они волочатся за ним. Остальные, наоборот, ходят гордо в кандалах, побрякивая ими, ступают бодро, выпрямившись.

На днях у меня было небольшое развлечение: я был в уборной, жандарм забыл об этом и привел товарища из Радома. Мы оба были поражены. Он уже получил три смертных приговора, замененных 20 годами каторги, ожидает еще двух приговоров по 15 лет каторги за участие в подкопе под тюрьмой и за принадлежность к «Левице ППС»¹¹⁷. Все эти приговоры вынесены ему, несмотря на то, что он не принимал ни малейшего участия в приписываемом ему убийстве жандармского ротмистра и других. К тому времени он уже совершенно отстал от движения. Второй, сидящий в одной камере с ним, тоже приговоренный к смерти — подлинный «левицовец», принципиальный противник индивидуального террора. Жандарм заметил свой промах, но не разогнал нас и улыбался, когда вел меня обратно в камеру.

Теперь в коридоре всем нам грустно без Ганки, без ее пения и выкидываемых ею штук, но она дает нам знать о себе долетающим до нас издали пением, правда, придавленным, но все же слышным.

3 июля

Сегодня после обеда в моей камере открыли все окно. Теперь я смогу ежедневно на целый час открывать окно от 4 до 5 час. (во время прогулки не разрешают открывать окон, выходящих во двор). Я уже могу видеть зелень, большой кусок неба, вдыхать свежий воздух. Я долго стоял возле окна, опираясь на решетку. Свежий воздух меня опьянил, и мне стало грустно. Воспоминания, тоска и сознание, что я лишен свободы. Здесь, в самой Варшаве, держат меня в тюрьме, здесь их крепость, и из нее исходит их господство. Какой-то солдат-калмык с винтовкой караулит меня и зорко присматривает за мной. Где-то недалеко свистит паровоз, поезд мчится,

едут в нем свободные люди. Их много, очень много, а нас здесь только горсточка. И вновь бодрость во мне оживает, хотя одному мне грустно здесь в камере, в этом доме.

6 июля

Сегодня уже взяли Ганку. Проходя мимо моей камеры, она крикнула: «До свидания! Меня совсем забирают отсюда». Жандарм крикнул: «Молчи, разговаривать нельзя», и они прошли дальше. В мой коридор вновь привели троих, в том числе анархиста Ватерлоса, закованного в кандалы. Он уже приговорен к 15 годам каторги, а за ним числится еще одно дело. Иностранец, если судить по произношению и по фамилии, он сидел три дня в карцере за подачу жалобы прокурору. С ним сидит какой-то еврей из Островца, обвиняемый в том, что во время арестов рабочих он бросил бомбу в здание фабрики. Рядом со мной сидит женщина. Не знаю, кто она такая, так как она посажена в эту камеру только сегодня и перестукивается очень плохо. Кроме них — двое из Радома, офицер Белокопытов из Замброва Ломжинской губернии, молоденький, розовенький, как девушка, артиллерист, обвиняемый в том, что не донес на своего товарища, который якобы принадлежит к Всероссийскому офицерскому союзу. Вместе с ним сидит с 1 ноября 1907 г. один рабочий, обвиняемый в принадлежности к боевой организации ППС (оговаривает его какой-то «Штубак»). Потом еще двое рабочих, о которых мне ничего неизвестно, и, наконец, предатель Вольгемут, как говорят, отправивший на виселицу уже до 30 человек. С ним сидит какой-то еврей из Белостока, по-видимому, тоже предатель, так как его неоднократно предупреждали, что собой представляет Вольгемут, а он все продолжает сидеть с ним в одной камере.

7 июля

Сегодня ужасный день. Утром кто-то в боковом коридоре с остервенением стучал и кричал на жандарма, но это продолжалось недолго. Вскоре после этого начал стучать и звать начальника Ватерлос. Ему говорили, что начальник скоро придет, но тот не приходил в течение

целого дня. И Ватерлос стучал с перерывами целый день. Наконец, в 9 час. вечера он вышел в коридор и заявил, что будет ждать здесь. Сбежалось множество жандармов и солдат, они просили его, грозили, требовали, чтобы он пошел обратно в камеру. Он ответил, что не пойдет. Кончилось тем, что его схватили и втолкнули в камеру, а он поднял крик: «Товарищи!». Во всех камерах заключенные начали колотить в двери. Ватерлос тоже начал стучать. Только тогда явился начальник. Они разговаривали тихо, по-немецки. Я уловил только, что он требовал, чтобы от него взяли товарища, с которым он сидел (до карцера он сидел с доктором Заксом, который тоже был в карцере, а теперь сидит один), и чтобы наказали солдат за насилие над ним. После этого Ватерлоса сейчас же перевели в другую камеру. Во время этого происшествия солдаты бегали под окнами камер и пугали заключенных, что они убьют Ватерлоса, но потом сами спрашивали, что случилось, и выражали ему сочувствие. Я слышал, как один из жандармов возбуждал солдат против нас, но они слушали его молча. Ганка еще здесь: я видел ее на прогулке.

Отец моей соседки, по слухам, повешен, мать умерла в тюрьме, брат сослан. Еврей, с которым не хотел сидеть Ватерлос, вчера приговорен к трем годам тюрьмы, а другой заключенный — к восьми годам каторги, хотя он совершенно невиновен.

Один из радомчан, Мушальский, сидит в карцере за подачу жалобы. Его взяли обманным путем, сказав, что ведут в канцелярию. Ватерлос отказался добровольно идти в карцер и лег на кровать; говорят, его понесли в карцер на кровати.

9 июля

Забрали отсюда двоих радомчан (Мушальского и Гарбовского) и еврея из Островца. Одна камера пуста. Сюда перевели двоих новых: Боруцкого и радомчанина Маевского. Ватерлос второй раз, по выходе из карцера, написал жалобу прокурору, а прокурор снова велел за оскорбление посадить его в карцер на семь дней. Его еще не посадили, по-видимому, свободных карцеров нет.

Надо мной сидит женщина. Я уже узнал, что ее зовут Анеля Грицендлер. Она была приговорена к ссылке на поселение и освобождена под залог в 2 тыс. руб. Потом ее опять арестовали. В Петрокове она голодала 23 дня. Там, говорят, кошмарные условия для женщин.

23 июля

Вчера заковали 14 человек; один из них по дороге в кузницу, горько улыбаясь, сказал: «Последние свободные шаги». Сегодня сняли кандалы с пятерых. Кажется, это привезенные на суд из провинции. Моя соседка Сулима ужасно несчастна, хотя утверждает, что чувствует себя хорошо и по целым дням поет. Отец ее казнен, мать умерла в тюрьме, один брат в Седлецкой тюрьме, другой в четвертом крепостном форте, и только один 14-летний брат освобожден из тюрьмы. С ней вместе сидит дворничиха, обвиняемая в участии в подкопе под Радомской тюрьмой. Она молится по целым дням. Ее дело будет слушаться завтра.

Ватерлос отсидел в карцере семь дней. Он уже в другой камере — не знаю в какой. Наверху, в камере № 20, несколько дней проходила голодовка в знак протеста против плохой пищи; вчера она прекратилась. Раньше здесь питание для всех было хорошее (по 37 коп. на заключенного), но с сентября прошлого года положение изменилось. Для политических отпускают по-прежнему 37 коп., а для уголовных «кормовые» снижены до 10 коп. При этом в уголовные зачисляют всех, кого заблагорассудится. Так, например, в уголовные превращены радомчане (Мушальский и Гарбовский голодали четыре дня; пища им улучшена, но очень незначительно) и бывший солдат из Замброва, Ручкин, сидящий в настоящее время в нашем коридоре и даже обвиняемый не в убийстве, а лишь в принадлежности к партии. Пища плохая, в недостаточном количестве, и они все время голодны.

26 июля

Сегодня, в воскресенье, заковали двоих. По-видимому, их завтра отправят в ссылку. По делу о подкопе пять человек оправданы (один из них в нашем коридоре — Вержбицкий — продолжает оставаться здесь). Солдату из Замброва увеличили кормовые до 37 коп.

Ганка сидит теперь вместе с Овчарек, которую она обвиняла в предательстве. Должно быть, лгала. Я теперь не верю, что не были преувеличены и другие ее рассказы. Но все же она-то сама верила в то, что рассказывала. Они сидят теперь втроем. Первые два дня Ганка гуляла возбужденная, веселая, теперь она скучная и грустная.

Сегодня мне удалось пересчитать гуляющих: их оказалось 60 человек на нашем дворе; следовательно, всего около 120. Из этих 60-ти — 10 женщин, четыре офицера-артиллериста (Белокопытов, Краковецкий, Запольский и Паньков) и один офицер-кавалерист — Калинин. Фамилии женщин: Г. Марчевская, Елена Невядомская, Софья Овчарек, Констанция Сулима, Францишка Гавелка, Рудницкая, Пранхил из Островца, Ан. Грицендлер, Роза Каган (с.-д.), Смердзыньская. В двух камерах сидят по шесть человек, в одной — пять, в одной — четыре, в двух — по три. Наверху прежние следственные кабинеты переделываются в камеры. Говорят, что там сидят не только подсудимые, но и много отбывающих наказание. По слухам, тех, у кого срок каторги не больше восьми лет, не отправляют в Сибирь, потому что там уже все тюрьмы переполнены, а размещают их в тюрьмах Европейской России и Царства Польского.

29 июля

Сегодня во всех камерах закрыли окна и накрепко забили их гвоздями. Теперь камера опять закрылась, как могила, и не видно ни неба, ни деревьев, ни ласточек. Даже свежий воздух отнят у нас. По слухам, все это сделано потому, что заключенные переписывались друг с другом, опуская из окна на веревке письма. Говорят, что явился новый «начальник» (незадолго до этого уж одного начальника сменили) и отказался принимать павильон, если не заколотят окон. Вчера разрешалось открывать окна, сегодня их закрыли наглухо.

За последние дни в наш коридор приведены четыре новичка. Сидевшую в одной камере с моей соседкой выслали в Радом, а на ее место привели новую заключенную из Петрокова (Калят). Сегодня тяжело. Кое-кто подумывает о протесте, о борьбе, возможно, что это

выльется в столкновение, но уже ничто не поможет, окон не откроют.

7 августа

В нашем коридоре уже несколько дней сидит некий Кац. Он был арестован в Берлине 25 июня, на следующий день после собрания, на котором присутствовал. Продержали его там две недели. Он находился под таким строгим наблюдением, что не смог никого уведомить о своем аресте. После этого его курьерским поездом отвезли в Вержболово и там передали русским властям. От Берлина до Ковно его везли в ручных и ножных кандалах. По слухам, министр иностранных дел телеграфировал берлинской полиции, чтобы его переслали в Х павильон Варшавской цитадели. В Ковно он провел один день, и оттуда его перевели сюда. Его обвиняют в принадлежности к группе анархистов.

Кроме него, к нам привезли еще двух заключенных: бандита Малевского и рабочего из Пабяниц (Станиславский), обвиняемого в принадлежности к фракции ППС; завтра его судят.

16 августа

Говорят, что Станиславский оправдан. Малевского судили в пятницу: он вместе с двумя другими обвиняемыми приговорен к петле, а один — к 20 годам каторги. Малевский весь день был как в бреду; после суда говорил нам, что он невиновен. Дежурный жандарм сказал ему, что генерал-губернатор заменил ему смертную казнь 15 годами каторги, но при этом жандарм так улыбнулся, что Малевский ему не поверил. Судья сказал Малевскому, что в течение 24 час. он имеет право подать кассационную жалобу, но тот не знал, ждать ли ему адвоката или же предпринимать какие-либо шаги самому; время шло, и он послал телеграмму к матери, чтоб она приезжала хлопотать об отмене смертного приговора. Сегодня он уже спокоен. По-видимому, над приговором смягчен.

Несколько недель тому назад судили боевую организацию ППС. Все поражены мягкостью приговора: только один Монтвилл приговорен к 15 годам каторги; пять человек оправданы, несколько человек приговорено к восьми

годам (Зипко, Ястржембский, Пиотровский). Одному два года восемь месяцев каторги заменены шестью месяцами тюрьмы. Маньковскому, по слухам, ссылка на поселение заменена месяцем тюрьмы. Такая же замена применена к одной женщине. Все поражены; кое-кто уже воображает, что период репрессий кончился.

По поводу того, что забили окна, кое-кто из женщин выступил с проектом вышибить все стекла. Это предложение отпало. Другие предложили объявить голодовку, требуя также уравнивания всех в пищевом довольствии до 37 коп., но и это предложение отпало: ни одна почти голодовка не довела до победы. Ватерлос в сентябре прошлого года дважды устраивал голодовку: один раз 15 дней, другой раз — восемь, ему ручались честным словом, что все его требования будут удовлетворены, и ни одно не было удовлетворено. Килачицкий два раз объявлял голодовку, требуя снятия кандалов. На шестой день с него сняли кандалы, а неделю спустя он был вновь закован.

Голодные протесты уже не производят впечатления. Власти знают, что такого рода протест долго продолжаться не может и что не все могут участвовать в нем. Выдерживают голодовку только более стойкие, но сами от этого очень страдают.

Говорят, что новый начальник человек «добрый». Он придумал средство, чтобы и волки были сыты и овцы целы: окна по-прежнему заколочены, но во время прогулки двери камер открываются в коридор. Что касается пищи — более зажиточным заключенным разрешено не брать всей порции, а часть ее передавать тем, которым отпускается на довольствие И коп. Со временем из этого может получиться то, что всем будет уменьшена порция и красть будут больше. Теперь — это надо признать — к нам не придираются и относятся хорошо. В последнее время не было даже слышно прежней ругани тех жандармов, которые ненавидят нас и которые довольны, когда могут чем-нибудь нас уязвить. Если бы не это, то здесь нельзя было бы выдержать и дело доходило бы до жесточайших столкновений. Ведь люди идут отсюда на виселицу или на многие годы каторги, а о днях свободы они еще не забыли и не могут примириться с мыслью, что навсегда или на долгие годы все кончено.

То, что больше всего угнетает, с чем заключенные не в состоянии примириться, это таинственность этого здания, таинственность жизни в нем, это режим, направленный на то, чтобы каждый из заключенных знал только о себе, и то не все, а как можно меньше. И заключенные страстно борются за то, чтобы разорвать завесу этой таинственности; отсюда эта постоянная переписка, подыскивание самых замысловатых способов пересылки писем от одного к другому, покашливание в коридоре, пение и по-свистывание в камерах. Создана целая система сигналов. Когда старые «почтовые ящики» для корреспонденции проваливаются, придумываются новые. Кое-кто довел до полного совершенства способы сношений с другими, предается этому весь и только этим живет. Таких переводят из одной камеры в другую, стараются их как-нибудь утихомирить, но ничто не в состоянии охладить их пыл. Если иначе уж нельзя, они во время прогулки подают гуляющим всевозможные знаки через выходящие на дворик окна или же из уборной. Жандармы не могут сладить с ними и склонны махнуть на них рукой в расчете на то, что в конце концов их уберут отсюда. Они знают все. Часто, когда у них сведения не полны, они не стесняются и присочинить. Отсюда ложные сведения, взятые с потолка или высосанные кем-либо из пальца. Все пускается в ход, лишь бы ослабить таинственность этого дома.

Проникло к нам известие о том, что охранка подслала сюда шесть шпигов, что в среде заключенных есть провокаторы. Началась слежка. Бывало, что обнаруживали действительных провокаторов, но бывало также, что подозрение падало на людей, возможно, ни в чем не повинных. Некоторое время тому назад, когда офицера вывели на прогулку с новеньким, кто-то из заключенных через окно в уборной крикнул: «Это шпики!» Ганка говорила со мной об Ов. и См. как о явных предателях, а после как ни в чем не бывало сидела с Ов. в одной камере и, гуляя, шалила и играла с ней. Впрочем, они, по-видимому, вновь поссорились, так как сидят отдельно. Сегодня Ганка, не знаю за что, просидела всю ночь в карцере. Создается атмосфера недоверия, портящая совместную жизнь: каждый, по мере возможности, замыкается в себе.

Шпионов действительно много. Здесь так часто смеяют товарищей по камере (редко кто сидит один, большинство сидит по два человека, а есть камеры, в которых сидят по-трое и больше), что цель этого становится очевидной: дать возможность неразоблаченным шпиикам узнать как можно больше. Несколько дней тому назад я увидел в окно бесспорно уличенного в провокации на прогулке с вновь прибывшим из провинции. Этот провокатор — интеллигент. Я крикнул в окно: «Товарищ! Гуляющий с тобой — известный мерзавец, провокатор». На следующий день они уже гуляли каждый отдельно...

Сейчас я опять подозреваю одного человека. Будучи еще на свободе, я знал фамилию одной предательницы. И вот я узнаю, что фамилия одной из заключенных, которая здесь ведет себя безупречно, такая же, как у той предательницы; дальше я случайно узнаю, что она близко знакома с людьми, с которыми была знакома и та, что некоторые черты ее характера сходны с чертами характера той, и во мне, помимо моей воли, зарождается сомнение, которое я сначала подавлял, но которое все более и более усиливается. Само собой разумеется, что я ни с кем не поделился своими подозрениями и делаю все, чтобы выяснить это дело.

Моя соседка, Сулима, в течение нескольких дней опять сидит одна; ее подругу, Калят, перевели в другую камеру. Через несколько дней у нее суд. Увезли радомчанина Вержбицкого.

21 августа

Сегодня весь день павильон в движении. Таскают тюфяки, кровати, переводят заключенных из одной камеры в другую. Мою соседку, Сулиму, «бедную сироту», как мы ее прозвали, перевели в другой коридор — туда, где сидит Овчарек, несмотря на то, что ей ужасно не хотелось уходить от нас. Заключенного Зипку, сидевшего в верхнем коридоре (восемь лет каторги), увезли сегодня в тюрьму «Арсенал». К нам в коридор перевели товарища из Радома, Мостовского (он уже приговорен к бессрочной каторге), и одного члена «Левицы ППС» — Кругера.

Два сокамерника шпиона Вольгемута переведены в другие камеры; его самого, кажется, уже здесь нет.

В третьем коридоре отбывают наказание приговоренные к заключению на три года в крепость бывшие офицеры Аветисянц и Саламей, оба из военно-революционной организации (срок им кончается 24 августа 1909 г.), бывший военный инженер, Вейденбаум, приговоренный за оскорбление царя к одному году (до 7 июля 1909 г.), и один гимназист, А. Руденко, которому, по ходатайству матери, четыре года каторги заменили одним годом крепости. Они ежедневно получают газеты, но их немедленно по прочтении у них отнимают, чтобы лишить возможности переслать газеты нам. И июля их перевели сюда с гауптвахты по доносу сидящего там пабианицкого полицмейстера Ионина, расстрелявшего совместно с двумя стражниками арестованного Гризеля. Ионии — известный мерзавец, один из «героев» карательной экспедиции в Латвии. Доносы этого негодяя в высшей степени характерны. Он донес, будто бы на гауптвахте находится центр Военно-революционной организации, будто там печатаются воззвания, будто оттуда распространяется литература, ведется агитация в армии и т. д. И он добился своего — этих офицеров перевели сюда. Гауптвахта находится рядом с X павильоном. Это двухэтажное здание. Внизу — камеры для подследственных солдат, привлекаемых по обвинению в уголовных и военных преступлениях. На втором этаже сидят за нарушение дисциплины офицеры и «дворяне», приговоренные к аресту на несколько дней. Камеры их не закрываются, окна без решеток. На третьем этаже — приговоренные к крепости и офицеры, ожидающие суда. Эти камеры запираются, окна снабжены решетками, но временами их не запирают по целым неделям. Это бывает в тех случаях, когда начальниками караула попадают порядочные офицеры. У них там бывают все газеты, и им очень легко сноситься с внешним миром.

Там сидел один год и четыре месяца офицер Шаманский, отказавшийся в 1905 г. повести свою роту на расправу с забастовавшими рабочими; там же сидел до суда два месяца казачий офицер Рубцов по обвинению в том, что отказался расстрелять рабочих, приговоренных полевым судом к смертной казни. Суд приговорил его за это к увольнению со службы. Сидел там также два месяца жандармский младший офицер за освобождение 10 политиче-

ских заключенных. В настоящее время, между прочим, отбывает там наказание капитан первого ранга из эскадры Небогатова, приговоренный к 10 годам крепости за сдачу эскадры японцам. Сидит также подпоручик Денеко (из ивангородской крепостной артиллерии), толстовец, приговоренный в апреле 1908 г. к шести годам арестантских рот за отказ от службы. Арестантские роты по этому приговору заменены лишением офицерского звания.

29 августа

«Когда-то я легче переносил тюрьму, теперь я уже стар и мне тяжело. Тогда я не думал о будущем, но жил им, так как был силен; теперь я чаще думаю о будущем, потому что не вижу перспективы, и мне здесь тяжело. Не могу привыкнуть к тому, что я в заключении, что нет у меня своей воли. Не могу примириться с появляющейся все чаще и чаще мыслью, что завтрашний день будет такой же серый, однообразный, без содержания и смысла, как сегодняшний. И тоска принимает размеры ностальгии¹¹⁸, вызывает физическую боль, сосет кровь, сушит. И меня влечет отсюда в поле, в мир красок, звуков и света — туда, где слышен шум леса, где по небу движутся в неизвестные края белые облака; влечет вдаль, где дышит чистым воздухом, живительным, свежим, где лучезарное солнце, где пахнут цветы, где слышно журчание рек и ручейков и где море никогда не перестает шептать и разбивать о берег свои волны. И день и ночь, и утренняя заря, и предвечерние сумерки так привлекательны и дают столько счастья! Меня ожидает смертный приговор, который, вероятно, будет заменен многими годами каторги. В легких у меня что-то попортилось, я пролежал в больнице три месяца и несколько дней назад вышел оттуда. Я чувствую, что мне уже не долго здесь оставаться. Я не жалею, не проклиная своей судьбы, я даже спокоен, несмотря на то, что ужасно хочется жить и убежать отсюда. Я пишу это потому, что не хочу лгать. И неужели стыдно того, что я люблю жизнь, неужели надо покрывать ложью ужасы, отравляющие, грязнящие и извращающие эту жизнь? И, если бы я выбрался отсюда, разве мог бы я изменить свою жизнь и вновь не вернуться сюда?..»

Приблизительно такого содержания письмо получено мной от товарища, который несколько дней тому назад переведен из лазарета. Я увидел его, когда он был на прогулке, и нам удалось связаться друг с другом и организовать обмен письмами. Его держали несколько месяцев в кандалах под тем предлогом, будто он бежал с каторги, что является наглой ложью. Он заболел и пролежал три месяца в лазарете. Обвиняют его в участии в убийстве шпиона.

25 августа слушалось дело 11 радамчан, обвинявшихся в принадлежности к ППС и в нападении на монопольки¹¹⁹. Две женщины оправданы, остальные девять человек, в том числе два предателя, Гаревич и Тарантович, приговорены к смерти. Приговор был смягчен. Одному предателю смертная казнь заменена шестимесячным (!) тюремным заключением, другому — ссылкой на поселение, остальным заключенным — каторжными работами от 10 до 20 лет. Этот Тарантович сидел некоторое время рядом со мной, называл себя Талевичем. Это он жаловался, что придется умирать в таком молодом возрасте, и уверял, что, если бы ему было 40 лет, за ним было бы не 17 дел, как теперь, а гораздо больше. Гуляют здесь еще два шпиона: Сагман (он же Зверев, он же Орлов), одетый в студенческий мундир, и Вольгемут.

31 августа

Сегодня слушалось дело 37 варшавских социал-демократов: 12 человек приговорено к ссылке на поселение, 25 человек оправдано. 25 августа разбиралось дело семи лодзинских социал-демократов; по слухам, трое приговорены к четырем годам каторги, одна — на поселение, три человека оправданы. Говорят, что никаких доказательств их вины не было и что суд основывался исключительно на показаниях жандармского полковника.

6 сентября

Сегодня я убедился, что, к сожалению, мои подозрения были обоснованы. Оказывается, Ганка была в Творках (дом для умалишенных) и оттуда была увезена прущковскими социал-демократами, а когда ее после этого арестовали, она выдала тех, которые ее освобождали: сама

ездила с жандармами и указывала квартиры освободивших ее товарищей. Здесь она сидит под вымышленной фамилией, тщательно скрывая свою подлинную фамилию (Островская). Почему она предавала? Кто ее знает: может быть, ее избивали, а возможно, что она действительно сумасшедшая. Теперь она уже несколько дней сидит в коридоре надо мной. Сегодня я обо всем этом уведомил других. Я обязан был это сделать... Возможно, что вначале она попытается защищаться, утверждать, что все это ложь. Она, вероятно, будет бороться, хотя бы за щепотку доверия. Но заслуженный удел ее — позор, самый тяжелый крест, какой может выпасть на долю человека.

Я иногда вижу на прогулке провокаторов. Двое из них производят кошмарное впечатление: глаз не поднимают, лица, словно бледные маски отъявленных преступников, — застывшие, неподвижные, с печатью отвержения на лбу. Весь их вид напоминает корчащуюся собаку, когда на нее замахнешься. Один из них Вольгемут, другой Са. Трое других делают вид, будто ничего не случилось, и трудно по их лицам определить, что они собой представляют. (Тарантович и Гаревич связаны с делом радомской боевой организации «фраков»). Остальные два еще смеются, шутят, веселы; это профессиональные провокаторы, в особенности Сагман (Зверев или Орлов), который был за границей специалистом.

Сегодня заковали четверых, в том числе Монтвилла (он сидит надо мной).

Мать двух детей, по слухам, приговорена к ссылке на поселение на 12 лет за то, что ее квартирант убил солдата во время обыска и удрал вместе с ее мужем. Дети сидят вместе с ней. Сегодня во время прогулки она за что-то отшлепала старшего сына. Я увидел это в окно и хотел крикнуть на нее: в тюрьме, за решеткой, все воспринимается до странности преувеличенно. А ребенок как ни в чем не бывало продолжал шалить, бегать по двору, гоняться за курами, собирать листья.

В моей голове ужасная пустота, мелькают какие-то бессвязные сны, отдельные слова, люди, предметы, а когда я встаю утром с постели, начинающийся день пугает меня...

Рядом со мной сидит молодой офицер Б. Я поддерживаю переписку лишь с ним одним. Он хотел бы сидеть вместе со мной, хотя бы непродолжительное время, но я предпочитаю сидеть без товарища. Начиная с завтрашнего дня, мы будем вместе гулять. Этого достаточно, и это внесет разнообразие в нашу жизнь. Надолго ли?

Ватерлосу вручили обвинительный акт. Он обвиняется в принадлежности к партии анархистов-коммунистов (по этому делу привлечено по второй части 102-й статьи 18 мужчин и шесть женщин); 15 лет каторги у него уже за спиной за ограбление какого-то купца. Когда читаешь о таких нападениях и убийствах, не верится, что такие люди, как Ватерлос, могут быть и исполнителями и руководителями этих актов. Ведь Ватерлос болезненно реагирует на всякое насилие, на всякую несправедливость. А может быть, именно поэтому такие люди являются фанатиками и слепо следуют своей идее, принося ей в жертву свои чувства.

11 октября

Ночью с 8-го на 9-е повешен Монтвилл. 8-го с него уже сняли кандалы и перевели его в камеру смертников. Во вторник, 6-го, его судили за участие в нападении вблизи Лап на поезд, в котором перевозили солдат Волынского полка. Он не строил никаких иллюзий и 7-го, когда мы были на прогулке, взобрался на окно и попрощался с нами. Его повесили в час ночи. Палач Егорка, по обыкновению, получил за это 50 руб. С верхнего этажа анархист К. постучал мне, что они «решили всю ночь не спать», а жандарм сказал, что при одной мысли, что собираются кого-то вешать, «охватывает дрожь, и заснуть нельзя; ворочаешься с боку на бок». Последними словами Монтвилла на эшафоте были: «Да здравствует независимая Польша!»

Ночью с 7-ю на 8-е казнили какого-то старика из камеры № 60. И после этих ночей, когда совершились такие ужасные преступления, ничего здесь не изменилось: по-прежнему светлые осенние дни, солдаты, жандармы, установленные смены их, наши прогулки. Только в камерах становится тише, не слышно пения, многие ждут своей очереди.

Рядом с нами, в камере № 53 сидит бандит Козловский, приговоренный к смертной казни 25 сентября. До сих пор он не знает, отменен ли приговор, посланный на утверждение виленскому генерал-губернатору (преступление совершено в Гродненской губернии). Адвокат говорил ему, что в течение восьми дней состоится или утверждение приговора или его отмена.

В № 51 сидит также приговоренный к смертной казни за бандитизм некто Гжиб из Сосновца (он говорит, что невиновен и, кажется, говорит правду). Приговор состоялся еще 22 сентября, а он до сих пор не знает, сколькими годами каторги этот приговор заменен, и отменен ли он вообще, хотя постоянно справляется у тюремных властей.

Товарищ мой рассказал мне, что рядом с ним сидел приговоренный к смертной казни бандит Ценюк, который в течение 13 дней был уверен, что его повесят; в конце концов ему сообщили, что смертная казнь заменена ему уже давно 15 годами каторги.

С 24 сентября я сижу в одной камере с офицером, поручиком артиллерии Б. Он сидит уже десятый месяц, обвиняемый лишь в том, что он не донес на своего товарища, якобы принадлежавшего к Всероссийскому офицерскому союзу. Его обвиняют лишь на том основании, что он жил вместе с этим товарищем. Это дело ведет известный мерзавец жандармский подполковник Вонсяцкий. По этому делу привлекаются шесть офицеров и около 40 солдат. Вонсяцкий с мая обещает кончить дело и оттягивает с недели на неделю. В последний раз он сказал, что 14 сентября предъявит всем обвинительные акты и перешлет дело прокурору, но до сих пор все еще ничего неизвестно. Все офицеры вынуждены были подать в отставку, в противном случае их уволили бы со службы в дисциплинарном порядке. Вонсяцкий объявил Б., что он его не освобождает даже под залог, если не будет получено сообщение об его отставке.

В высшей степени характерен разговор Вонсяцкого с начальником X павильона Успенским в марте, когда последний возвратился из зала судебных заседаний. Вонсяцкий: «Ну, все в порядке?» — «Да! Все пять приговорены к смерти».

Анархист Ватерлос и офицер Калинин (из камеры № 19) уже семь дней сидят в карцере, анархисту Кацу из этой же камеры предстоит отсидеть в карцере четыре дня, а Марчевской-Островской и работнице из камеры № 20 Теодоре Малиновской — по три дня. У нас (теперь камера № 52) и над нами были проведены «телефоны» из камеры в камеру, попросту говоря, пробуравлены дыры в стене. Недавно эти дыры были заделаны. Но в тот же день заключенные их вновь пробуравили. На следующий день это было обнаружено, и дыры вновь заделали уже за наш счет. Многие из нас после этого отказались продолжать эту канитель... Анархисты, наоборот, предлагали держать пробуравленные дыры «демонстративно» открытыми. С этим предложением согласились лишь три камеры: 18, 19, 20. Начальник Елкин приказал отвести Ватерлоса в карцер. Пришли пять здоровенных жандармов во главе с вахмистром и увели его в карцер, не считаясь с тем, что заключенные в других камерах колотили в двери. Камеры № 18, 19, 20 потребовали прокурора, несмотря на то, что их уговаривали не делать этого, так как прокурор мерзавец и еще хуже расправится с ними.

Явился товарищ прокурора. Через несколько дней после его посещения от прокурора пришло распоряжение посадить в карцер заключенных всех трех камер. После этого столкновения отношения между заключенными стали более холодными и напряженными.

Тактика анархистов: борьба из-за каждого пустяка, постоянная, никогда не прекращающаяся. Тактика других — прямо противоположная: заботиться прежде всего о сохранении своих сил, избегать по возможности столкновений, но вместе с тем отстаивать свои права и свое достоинство. Недавно дело чуть не дошло до суда над одним из анархистов, пытавшимся вызвать столкновение и вовлечь в него другие коридоры ложным сообщением, якобы весь его коридор решил устроить скандал, в то время как в его коридоре никто не имел об этом ни малейшего представления.

Вот уже несколько недель у нас новый вахмистр, по слухам, отъявленный мерзавец. Приглашен он сюда Вонсяцким. Я видел его во время свидания. Он внимательно

следил за нашим разговором и для того, чтобы быть ближе, нагло развалился на столе и то и дело вмешивался в разговор. Возмутительный нахал! Мне принесли галоши, он отказался их принять, уверяя, что здесь галоши совершенно не нужны.

С тех пор как он пришел сюда, нельзя допроситься ни ванны, ни книг из библиотеки; так называемые «покупки»¹²⁰ производятся вместо двух раз — всего один раз в неделю. Несомненно, это он обнаружил, что среди местных жандармов есть революционеры. В связи с этим у них забрали и сожгли русские книги, взятые из библиотеки, а многих жандармов заменили новыми. Говорят, что всех «развращенных» отправят в «эскадрон», а сюда пришлют новых. Начальник эскадрона отказывается их принять и умоляет генерала не отправлять их к нему, потому что они «развратят» весь эскадрон, а те, которых ему придется прислать на замену их, тоже «развратятся», сталкиваясь с нами. Несомненно одно, что армия вообще «развращена», что многие пришедшие в армию по набору «развращены» и в свою очередь «развращают» остальных, сама ужасная служба «развращает» их.

Тревога была вызвана тем, что один из жандармов отправил генералу Утгофу анонимное письмо, написанное печатными буквами, с требованием выплаты им, кроме 50 коп., выплачиваемых каждому солдату, еще 1 руб. 50 коп. в месяц «добавочно» за их службу в X павильоне. Этих денег начальство им не дает, а вносит в какую-то кассу.

25 октября

Уже неделю я сижу один в камере № 3 первого коридора. В этом коридоре всего пять камер. Окно выходит в парк лазарета. Тихо здесь, одиноко, да и жандармы в большинстве новые. Из старых остались лишь худшие. Сегодня сосед простучал мне, что Ватерлос голодает уже 12 дней, требуя улучшения пищи, письменных принадлежностей, ванны и вызова консула. По слухам, он уже без сознания. После того как он просидел семь дней в карцере, его посадили в камеру № 50, совершенно изолированную, в прежнем коридоре смертников, теперь предназначенном, главным образом, для бандитов. Говорят,

что его и Килачицкого собираются держать здесь долгие годы, опасаясь, что их в случае отправки отобьют или же они убегут.

12 ноября

Три дня (7, 8 и 9-го) слушалось дело мое и моих со- товарищей; три дня у меня было большое развлечение. Суд происходил в Судебной палате. Меня возили туда в ручных кандалах на извозчике. Я был возбужден и обрадован тем, что вижу уличное движение, лица свободных людей, вывески и объявления магазинов, трамваи. Обрадовала меня встреча с товарищами и то, что я увидел нескольких знакомых. Зал судебных заседаний — большие окна, всевозможные аксессуары и, наконец, самый суд, состоящий из семи человек, прокурор, эксперты, поп и ксендз, свидетели, защитники, близкие, родные. Приведение к присяге свидетелей, экспертов и переводчика, показания свидетелей, обвинительная речь прокурора, требовавшего высшего наказания по второй части 126-й статьи, заявившего при этом, что мы подвергаемся каре не для исправления, а для устранения. Потом была речь Ротштадта, который сам себя защищал, и выступления защитников. После более чем часового обсуждения был объявлен приговор. Я получил ссылку на поселение, Ротштадт и Аусем — по четыре года каторги, а Ляндау — год заключения в крепости... Нас все-таки признали виновными по второй части 126-й статьи, несмотря на то, что было доказано, что у Социал-демократии Польши и Литвы не было складов оружия и взрывчатых веществ, и достаточных доказательств моей и Аусема принадлежности к партии тоже не было (Ротштадта еще в мае Палата приговорила в Люблине к 6 годам каторги; он сознался в принадлежности к партии, но отрицал, что у партии есть склады оружия), несмотря на то, что по отношению к Ляндау не было ни одного доказательства, что собрание у него пяти лиц носило партийный характер и что он знал об этом. Нам вынесли приговор, руководствуясь исключительно «голосом совести», а эта «совесть» оказалась не менее чуткой к требованиям властей, чем «совесть» военных судей. Только меня одного приговорили к ссылке на поселение, по всей вероятности, только потому, что им

было известно, что по другому числящемуся за мной делу они смогут закатать меня на каторгу. Говорят, что жандармы возбуждают против меня уже третье дело. Теперь все дела о социал-демократах будут подводиться Судебной палатой под 102-ю статью.

Во время суда я совершенно не думал о том, что это именно нас судят и закатают на долгие годы. Я не думал об этом, хотя у меня не было никаких иллюзий относительно приговора. Я глядел на судей, на прокурора, на всех присутствовавших на суде, на стены, украшения, глядел с большим интересом, с большим удовлетворением оттого, что вижу свежие краски и цвета и других людей, другие лица. Я словно присутствовал на каком-то торжестве, не печальном, не ужасном,— на торжестве, которое вовсе меня не касалось. Мои глаза насыщались свежими впечатлениями, и я радовался, и хотелось каждому сказать какое-нибудь доброе слово.

Был только один момент, когда я почувствовал, словно собираются кого-то хоронить. Это было тогда, когда нас ввели в зал суда для выслушивания приговора, когда нас вдруг окружили 15—20 жандармов, и вынутые из ножен сабли блеснули перед нами в воздухе. Но это настроение рассеялось, как только председатель начал читать приговор: «По указу его императорского величества» и т. д.

Сегодня я опять один в камере. Я не сомневаюсь в том, что меня ждет каторга. Выдержу ли я? Когда я начинаю думать о том, что столько долгих дней мне придется жить в тюрьме, день за днем, час за часом,— по всей вероятности, здесь же, в X павильоне,— мной овладевает ужас и из груди вырывается крик: «Не могу!» И все же я смогу, необходимо смочь, как могут другие, как смогли многие вынести гораздо худшие муки и страдания. Мыслью я не в состоянии понять, как это можно выдержать, но я знаю, что это возможно, и рождается гордое желание выдержать. Горячая жажда жизни прячется куда-то вглубь, остается лишь спокойствие кладбища. Если не хватит сил, придет смерть, освободит от чувства бессилия и разрешит все. И я спокоен.

Пока я совершенно один. Ни с кем в коридоре я не веду переписки и отрезан от всего павильона. Вахмистр уже другой, того, к счастью, убрали. Он был невыносимо

злой. Новый, кажется, недурной. Я его еще не знаю. Новые жандармы в общем не придираются к нам. Только с одним у меня было столкновение. Поздно ночью я читал. Он ежеминутно подходил к моим дверям, терся об них, поднимал крышку «глазка», подглядывал, со стуком опускал крышку и, не отходя от дверей, опять ее поднимал. Я попросил его, чтобы он этого не делал; пусть, мол, себе подглядывает, если это доставляет ему удовольствие, но пусть не стучит и не трется о дверь. Минуту спустя он нарочно начал стучать. Я устроил скандал. Он довел меня до такого бешенства, что я в состоянии был бы броситься на него, но пришел дежурный и велел ему прекратить эту игру.

15 ноября

Хочется писать. Вот уже несколько дней царит в моем коридоре могильная тишина. В коридоре я и кто-то напротив меня — и больше никого. Остальные камеры пустые. Несколько дней тому назад всех, кроме нас, перевели в другие коридоры. Я не переписывался с ними... Но я их чувствовал, слышал... А теперь я остался один, и мне тяжело в моем одиночестве...

4 декабря

Хочется сегодня вновь вернуться к нашему суду.

Неделю спустя после объявления приговора меня вновь повезли в Судебную палату и прочитали мне приговор в окончательной форме. Оказалось, что я признан виновным не только в принадлежности к партии, но и во всем том, что голословно вменялось мне в вину и в обвинительном акте и в речи прокурора. Так, например, в приговоре устанавливается как факт, что у меня была связь с агитационно-пропагандистской комиссией партии только на том основании, что в письме одного из обвиняемых упоминалось об этой комиссии, но в этом письме не было ни малейшего указания на какое бы то ни было мое отношение к ней. Суд решил, что я разъезжал по партийным делам по Польше и России, хотя не было ни малейшего доказательства и даже малейшего указания, что я вообще разъезжал. Дальше в качестве самого основного доказательства моей принадлежности к партии и моей деятель-

ности в Польше фигурировали мои письма, написанные из Кракова в Цюрих в 1904 г. Прокурор мимоходом упомянул в своей речи, что эти письма были написаны из Варшавы; при этом он подчеркнул, что эти мои действия в 1904 г. не подлежат амнистии по октябрьскому манифесту 1905 г., так как амнистия касалась только первой, а не второй части 126-й статьи. Блестящая речь адвоката М., доказавшего, что письма были написаны из Кракова и что они уже хотя бы поэтому не могут повлечь за собой наказания, что амнистия распространялась на эти проступки (тогда по манифесту были освобождены от ответственности все обвиняемые в принадлежности к социал-демократии, так же как и привлекавшиеся по делу варшавской типографии социал-демократов), оставлена без ответа прокурором, настолько он был уверен в судьях, и судьи не обманули возлагаемых на них надежд. Говорят, что один из судей на чье-то выражение удивления по поводу суровости наказания ответил: «Теперь мы их не боимся». Необходимость применения второй части прокурор доказывал не программой и принципами партии, а отдельными фактами убийств, совершаемых отдельными организациями партии уже после издания манифеста; на этом же основании применена эта часть и к якобы доказанной принадлежности к партии до 1905 г., когда о боевых организациях и т. п. не могло быть и речи. Защиты словно вовсе не было. Я подал кассационную жалобу. Само собой разумеется, что дело не в уменьшении наказания.

Третьего дня мне был вручен второй обвинительный акт по другому делу, уже по обвинению по второй части 102-й статьи. Ссылка на поселение — по этой статье самая меньшая мера наказания, но я хочу попытаться добиться всеми мерами замены второй части первой, учитывая, что суду предстоит разбирать целый ряд подобных дел. Если ничего из моих попыток не выйдет, то это будет доказательством того, что вся Судебная палата руководствуется только мстью.

Второе мое дело будет, вероятно, слушаться палатой через два-три месяца. Теперь все дела социал-демократов идут уже по 102-й статье, а не по 126-й. Наказание по этой статье гораздо более строгое. Такова инструкция из Пе-

тербурга, по всей вероятности, благодаря настояниям Скалона и Заварзина¹²¹. К первому моему делу была применена статья 126-я только потому, что обвинительный акт был составлен год тому назад, и потому, что военная прокуратура отказалась принять это дело. Второе мое дело было направлено в Судебную палату разве только потому, что доказательства настолько ничтожны, что не было уверенности, как отнесутся к этому офицеры.

Несколько дней тому назад в военном суде слушалось дело 19 социал-демократов, захваченных на собрании. Приговор очень строгий. Четыре человека — по шесть лет каторги, девять — по четыре года, шесть — на поселение. Судили их по первой части 102-й статьи. Вчера слушалось дело 13 бундовцев из Кола, Калишской губернии. Большинство из них пятнадцатилетние мальчуганы. Один оправдан, двух приговорили к четырем годам каторги, пятерых — к двум годам восьми месяцам, остальных — на поселение.

15 декабря

Четыре дня тому назад отобрали у меня и моего товарища по камере все письменные принадлежности. Во время нашей прогулки в камере был произведен тщательный обыск. Мы вернулись с прогулки как раз в тот момент, когда вахмистр рылся на полу в наших вещах и, злой и покрасневший от стыда, обрушился на жандарма за то, что он привел нас слишком рано. Начальник тоже собирался войти в камеру, но, увидев нас, поторопился повернуть. Мы вызвали его через жандарма, требуя, чтобы он пришел, но он до сих пор не изволил явиться, и нам не известно, по какому поводу обрушилось на нас наказание. Два месяца тому назад у кого-то на воле захвачено мое письмо. Начальник сказал мне тогда, что он отнимет письменные принадлежности, если это повторится. С этого времени я не отправлял ничего на волю, но несомненно, что этот обыск производился из-за меня, а не из-за моего товарища. Вчера был день, когда обычно пишут письма, и нам велено было писать их в присутствии жандарма, чтобы не отлить себе чернил.

Вчера ночью казнен кто-то, сидевший под нами в камере № 29. Неделю тому назад повесили двоих из этой же

камеры. В окно слышно, как идут на место казни солдаты, затем доносится беготня из канцелярии, слышно, как выводят приговоренных из камеры в канцелярию, а затем из канцелярии со связанными руками в тюремную карету. После этого целые дни, когда слышишь шагающие отряды войск, кажется все, что это опять ведут кого-нибудь на казнь.

Я теперь в камере № 1 — рядом с канцелярией. Меня перевели сюда четыре недели тому назад и посадили с другим товарищем, несмотря на то, что я просил, чтобы не сажали меня ни с кем. По-видимому, сделано это для того, чтобы ограничить мою возможность агитировать жандармов. Жандармы боятся разговаривать с сидящими вдвоем. Правда, на следующий день хотели удовлетворить мою просьбу и перевести моего сокамерника в другую камеру, но тут мы сами запротестовали. Мой товарищ по камере, рабочий, обвинявшийся в принадлежности к ППС, оправдан военным судом 3 августа, но его продолжают держать вместе с другими его сопроцессниками, также оправданными: Денелем и д-ром Беднажем. Собираются сослать их административно в Сибирь на 5 лет каждого, ждут только решения из Петербурга.

Рядом с нами сидела Мария Рудницкая. Оправданную в четверг второй раз военным судом (теперь по обвинению в убийстве стражника, раньше — в принадлежности к варшавской боевой организации ППС), в субботу ее увезли в ратушу. Теперь, говорят, она в «Сербии» (женская тюрьма) дожидается из Петербурга решения об административной ссылке. В павильоне чуть ли не все любили ее за веселый характер и за молодость, а многие влюблялись в нее, черпая отсюда силы к жизни и наполняя свое время писанием писем и изысканием способов их пересылки. Некоторые целыми днями простаивали на столе, чтобы не пропустить минуты, когда она пойдет на прогулку или будет возвращаться с нее. Приходили в отчаяние, когда не получали писем или не могли их передать. Тысячу раз решали уже не писать, порвать с ней и т. д. Я вспоминаю при этом рассказ Горького: «Двадцать шесть и одна». Несколько дней сидела с ней вместе шпионка, присланная сюда охранкой и получившая за это 15 руб. с тем, чтобы заключенные заводили с ней ро-

маны и чтобы она могла этим путем выудить сведения у легковверных людей. Но она недостаточно ловко это проделывала и немедленно же была разоблачена. Она называла себя Юдицкой, письма для нее направлялись, как Жебровской, а жандармы именовали ее Кондрацкой. Во втором коридоре тоже сидел шпион, выдававший себя за доктора Чаплицкого из Стараховиц, Радомской губернии. Оказалось, что он вовсе не знает этой местности. К нему обратились за медицинской помощью: кто-то жаловался на болезнь почек. Он предложил ему самому прослушать свои почки: «Если звук ясный, отчетливый, тогда почки здоровые, если глухой — необходимо лечиться», и т. д.

Относительно Островской-Марчевской я получил сведения с воли, что некоторые находят, что она невиновна в аресте тех, кто увез ее из Творок. Я не знаю, как примирить с этим ее собственные рассказы о другой Островской. Впрочем, я дал знать об этом товарищам. Она отрицала свое предательство и выдумала сказку о том, что совершила его другая женщина по своей неосторожности, принявши шпионов за адвокатов; но почему же она мне раньше рассказывала совершенно иное, когда я спросил ее, знает ли она эту Островскую.

Ватерлос был после голодовки все время в больнице, кандалы с него сняли. Теперь его опять перевели в X павильон, кажется, опасаясь, чтобы он не убежал из лазарета. Врач будто бы сказал, что он дольше месяца не проживет.

Аветисянц, бывший офицер, отбывающий здесь срок заключения в крепости, тоже очень плох, хотя и не подзревает этого. У него туберкулез.

Дней 7—10 тому назад здесь арестован солдат по фамилии Лобанов, производивший для нас покупки. Он сидит теперь во втором номере. За что арестован, не знаю. Жандармы теперь запуганы и боятся разговаривать с нами; только по глазам можно узнать, кто сочувствует нам. А начальник, хоть мил, предупредителен и любезен, но кажется жандарм до мозга костей. Он постепенно вводит все более и более строгий режим, все чаще и чаще сажает людей в карцер и подбирает как можно более «желательных» для власти жандармов. Когда он боится, что

«размякнет», он вовсе не является и присылает записку с распоряжением, какое наложить наказание. По его приказу во время прогулки заключенных в их камерах производятся обыски. Он, по-видимому, сознает всю низость своей службы, но и все выгоды ее. На прошлой неделе он посадил в карцер больного Каца. Четвертый и девятый коридоры заступились за Каца и потребовали, чтобы начальник пришел для объяснений. Он не пришел, и только в два часа ночи в четвертый коридор, где сидят офицеры, явился вахмистр и солгал, что Кац уже освобожден из карцера. На следующий день посадили в карцер Калинина. Группу офицеров рассадили по всему павильону, несмотря на то, что еще недавно, по окончании следствия по их делу, девять человек из них поместили в трех смежных камерах и разрешили им выходить вместе на прогулку. Сегодня офицера Запольского опять перевели к нам, взяв с него честное слово, что он будет писать на волю исключительно через канцелярию (недавно на воле провалились их письма, и в связи с этим у них отобрали письменные принадлежности).

Следствие по их делу закончено только месяц тому назад. К делу привлекаются до 60 человек. Вонсяцкий ухитрился превратить Всероссийский офицерский союз в военно-революционную организацию социал-демократов только на том основании, что кое-кто из офицеров находился в связи с социал-демократами. Главным свидетелем по этому делу является некто Гогман, бывший офицер из Брест-Литовска, обокравший военную кассу, бежавший, пойманный и приговоренный к полутора годам арестантских рот. Его перевел сюда Вонсяцкий, и его подсаживали по очереди ко всем привлеченным по этому делу офицерам. Все знали, что он шпион, остерегались его и ничего не говорили при нем, а он на дознании передавал всевозможные небылицы и показывал все, в чем Вонсяцкий обвинял офицеров. Он проделывал и не такие еще фокусы. Он оставался в камере, когда другие ходили на прогулку, и в отсутствие того или иного офицера точками в книгах писал компрометирующие его данные. Об одном из офицеров, Калинине, он, например, показал, что когда он, Гогман, гулял по двору с двумя солдатами, тот крикнул в окно: «Товарищи, это негодяй, шпион» и т. д. В действи-

тельности это крикнул я, и Гогман прекрасно меня видел, так как довольно долго присматривался ко мне.

В камере № 2 теперь сидит Килачицкий, один из десяти увезенных из «Павиака», впоследствии выданный русским властям Швейцарией. Он обвинялся в убийстве Иванова и, хотя мотивы этого убийства были политические, осужден как уголовный и 1 февраля текущего года приговорен окружным судом к шести годам каторги. Пока он содержится здесь, так как если бы его сослали в Сибирь, то уже 1 февраля 1910 г. его пришлось бы сдать в вольную команду, а освободить от кандалов еще 1 февраля 1909 г. По всей вероятности, его будут держать здесь все шесть лет. Кроме него здесь отбывают наказание Гжечнарковский, Шеня (из Радома), Ватерлос и еще несколько человек.

31 декабря

Сегодня — последний день 1908 г. Пятый раз я встречаю в тюрьме Новый год (1898, 1901, 1902, 1907); первый раз — 11 лет тому назад. В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнения в правоте нашего дела. И теперь, когда, быть может, на долгие годы все надежды похоронены в потоках крови, когда они распяты на виселичных столбах, когда много тысяч борцов за свободу томится в темницах или брошено в снежные тундры Сибири, — я горжусь. Я вижу огромные массы, уже приведенные в движение, расшатывающие старый строй, — массы, в среде которых подготавливаются новые силы для новой борьбы. Я горд тем, что я с ними, что я их вижу, чувствую, понимаю и что я сам многое выстрадал вместе с ними. Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И, тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость.

Тюрьма сделала только то, что наше дело стало для меня чем-то осязаемым, реальным, как для матери ребенок, вскормленный ее плотью и кровью. Тюрьма лишила меня очень многого: не только обычных условий жизни, без которых человек становится самым несчастным из

несчастных, но и самой способности пользоваться этими условиями, лишила способности к плодотворному умственному труду... Столько лет тюрьмы, в большинстве случаев в одиночном заключении, не могли пройти бесследно. Но когда я в своем сознании, в своей душе взвешиваю, что тюрьма у меня отняла и что она мне дала,— то хотя я и не могу сказать, что объективно перевесило бы в глазах постороннего наблюдателя, но я не проклинаю ни своей судьбы, ни многих лет тюрьмы, так как знаю, что это нужно для того, чтобы разрушить другую огромную тюрьму, которая находится за стенами этого ужасного павильона. Это не праздное умствование, не холодный расчет, а результат непреодолимого стремления к свободе, к полной жизни. Там теперь товарищи и друзья пьют за наше здоровье, а я здесь один в камере думаю о них: пусть живут, пусть куют оружие и будут достойны того дела, за которое ведется борьба.

Сегодня мне сообщили, что мое дело будет слушаться через четыре недели — 15 (28) января 1909 г. Теперь уже каторги не миновать, и тогда придется здесь сидеть четыре — шесть лет. Брр... Это мне не очень улыбается. Со вчерашнего дня я вновь сижу один. Моего товарища по его же просьбе перевели в другую камеру, во второй коридор, поближе к его сопроцессникам, от которых он желает узнать новые данные, относящиеся к его делу. Он все время волновался. Рудницкая, уезжая, сказала нам, что ее приговорили к ссылке на пять лет в Якутскую область по старому делу, общему с К. (это неверно: очевидно, Рудницкая сама не поняла, что ей сказал начальник, отправляя ее отсюда), жена же Денеля (товарищ К.), вернувшись из Петербурга, первоначально дала знать, что все будут освобождены и высланы за границу, а затем сообщила о получении из Петербурга телеграммы, что ничего еще неизвестно. И вот человек от волнения не был в состоянии ни читать, ни что-либо делать, все метался по камере и ждал, прислушиваясь к малейшему шороху в коридоре. Каждый стук двери из канцелярии, когда кто-нибудь шел оттуда, возбуждал его, привлекал его внимание, а потом раздражал. Одни и те же мысли толпились в голове — мысли почти без всякого содержания, и отогнать их было невозможно.

Это бывает здесь почти со всеми. Иной раз даже необъяснимо, чем вызвано такое беспокойное ожидание чего-то, крайне неприятное, напоминающее ожидание поезда где-нибудь в деревне осенью, когда холодно, сыро и дождливо. Но здесь это состояние значительно тяжелее. Бегаешь из угла в угол, время от времени делаешь попытку прочесть что-нибудь, но ни одно слово не доходит до сознания, и бросаешь книгу и вновь начинаешь бегать по камере, прислушиваясь к хлопанию дверьми, и все в глубине души надеешься, что вот-вот явятся к тебе и сообщат что-нибудь очень важное. Это бывает обыкновенно в дни свиданий, или когда человек ждет книг, или когда должен прийти начальник, или еще что-нибудь в этом роде. В таких случаях, хотя это ожидание тоже крайне тяжело и напряжение вовсе не отвечает ожидаемым результатам, все же есть определенная цель, что делает состояние менее тяжелым. Ожидание же без всякого повода по временам становится ужасным.

С того времени, когда я в последний раз писал этот дневник, здесь было казнено пять человек. Вечером между 4 и 6 час. их перевели в камеру № 29, под нами, и ночью между 12 и 1 час. повезли на казнь...

Вот уже несколько дней из второго коридора доносится пение Марчевской. Теперь оно меня раздражает. Она сидит в двадцатом номере. По-видимому, ее перевели туда в связи с устраиваемыми ею скандалами.

Опять говорят о вновь разоблаченном провокаторе из ППС. Он сидит здесь уже давно. Арестован в феврале 1907 г. Это некто Ром, безусый мальчишка.

Заключенные возмущены Ватерлосом. Из-за его неосторожности арестован солдат Лобанов. Он переписывался с ним, не сжигал писем, и они были найдены в его камере во время обыска. Он сидит в камере № 50 один и опять в кандалах.

18 февраля 1909 г.

Зимний, солнечный, тихий день. На прогулке чудесно, камера залита солнечным светом. А в душе узника творится ужасное: тихое, застывшее отчаяние. Осталось одно воспоминание о радостях жизни, и оно-то постоянно терзает человека, как упрек совести. Недавно я разговорился

с солдатом. На вид печальный, удрученный, он караулил нас. Я спросил его, что с ним. Он ответил, что дома хлеба нет, что казаки в его деревне засекли розгами нескольких мужчин и женщин, что там творятся ужасы. В другой раз он как-то сказал: «Мы здесь страдаем, а дома сидят голодные». Вся Россия «сидит голодная», во всем государстве раздается свист розог. Стоны всей России проникают и сюда, за тюремные решетки, заглушая стоны тюрьмы. И эти оплеванные, избиваемые караулят нас, пряча глубоко в душе ужасную ненависть, и ведут на казнь тех, кто их же защищает. Каждый боится за себя и покорно тащит ярмо. И я чувствую, что теперь народ остался одиноким, что он, как земля, сожженная солнцем, теперь именно жаждет слов любви, которые объединили бы его и дали бы ему силы для действия. Найдутся ли те, которые пойдут к народу с этими словами? Где же отряды нашей молодежи, где те, которые до недавнего времени были в наших рядах? Все разбежались, каждый в погоне за обманчивым счастьем своего «я», коверкая свою душу и втискивая ее в тесные и подчас отвратительные рамки. Слышат ли они голос народа? Пусть же этот голос дойдет до них и будет для них ужасным бичом.

Подо мной уже несколько дней сидят два человека. Они ожидают казни. Не перестукиваются, сидят тихо. 8 прошлым месяце в числе других были казнены два человека по обвинению в убийстве помощника генерал-губернатора Маркграфского... Оба казнены без всякой вины. Один из карауливших нас жандармов арестован, а шесть жандармов переведены отсюда на другую службу. Солдат Лобанов приговорен к арестантским ротам на два с половиной года за то, что передавал по назначению письма заключенных. Почти все служители-солдаты как ненадежные заменены новыми. На месте казни установлены постоянные, а не временные виселицы.

Обреченных ведут уже отсюда со связанными ремнем руками. Вешают одновременно до трех приговоренных. Когда их больше, вешают троих, остальные тут же ожидают своей очереди и смотрят на казнь товарищей.

Уже больше И час. вечера. Под нами в камере, обыкновенно тихой, в камере смертников, слышны громкие разговоры; слов не слышно, к нам проникают лишь отры-

вочные звуки; за стенкой, на лестнице, необыкновенное движение, какое бывает в дни казней. Двери канцелярии скрипят, то и дело кто-нибудь заходит к приговоренным.

Их уже взяли. Под окном прошли солдаты... Повели на место казни двоих осужденных.

4 марта

25 февраля опять повесили пятерых из 16 осужденных бандитов и членов боевых дружин ППС. Одному из осужденных сказали на следующий же день после суда, что ему не заменили смертного приговора. Суд происходил 22-го; 25-го должны были их казнить, но его не взяли вместе с другими, и только несколько дней спустя приехал к нему защитник и сообщил, что ему заменили смертную казнь 10 годами каторги.

Сидит здесь некто Голембиовский. Его приговорили к смертной казни, но заменили ее 10 годами каторги. Он не хотел верить. Когда родители приехали к нему на свидание, он отказался выйти из камеры, думая, что его хотят перевести в камеру смертников. По просьбе родителей его силой привели к ним.

Сидят здесь пять умалишенных. Один из них, буйный, сидит давно в совершенно пустой камере. Окна выбиты, вместо стекол — солома, по ночам он сидит без лампы. Крики отчаяния, бешенства, стон, удары в двери, в стену. Его заковали в ручные кандалы, он их разбил.

Шесть недель тому назад перевели в наш коридор Марчевскую. Она сидела вместе с другими женщинами, но ни с одной не смогла ужиться. Сидела одна. Несколько дней спустя ее сосед хотел порвать с ней. Она произвела на него крайне отрицательное впечатление, и он сказал ей, что не желает ничего слышать ни о ней, ни от нее. После этого разговора она прислала ему прощальное письмо, в котором писала, что она ни в чем невиновна, и выпила 20 граммов йода. Ее спасли, но она страшно мучилась. Несколько дней спустя ее перевели отсюда, и она сидит с Овчарек.

Два дня тому назад умер Аветисянц. Он сидел здесь с 1905 г., и до окончания его заключения оставался только один месяц.

8 марта

Уже неделя, как я опять сижу один. До этого я в течение двух недель сидел с офицером Б. и неделю с офицером Калининым. Б. явился ко мне неожиданно, и я очень обрадовался этому. Он словно с неба упал: вечером с шумом открылась дверь, его как бы втолкнули в мою камеру, и дверь с шумом захлопнулась. За несколько дней до суда офицеров вызвали в канцелярию, велели им показать, что у них в карманах, а в их камере, где они сидят все вместе, произвели обыск. Это было сделано по распоряжению генерала Утгофа, и специально для этой цели были присланы два ротмистра. Обыск был произведен весьма поверхностно. Взяли наугад несколько записок, после чего допросили офицеров и подвергли обследованию взятые при обыске записки. По-видимому, вся эта шумиха была подготовлена со специальной целью внушить судьям представление об этих офицерах, как об опаснейших людях. После суда кто-то говорил, что этот обыск повлиял на приговор, несмотря на то, что ничего компрометирующего не было найдено. Это «дело» уже до суда было раздуто... Суд продолжался пять дней. Подсудимых было 36: пять офицеров, 29 солдат и два ученика из Бялой. Один офицер, освобожденный под залог, на суд по болезни не явился. Все обвинялись в принадлежности к беспартийной Военно-революционной организации и к Всероссийскому офицерскому союзу (§ 102, часть первая).

Председательствовал на суде Уверский, самый кровавый из всех судей. О нем здесь рассказывают, что когда для него становится очевидным, что подсудимый может отвертеться от виселицы, он сразу становится грубым, недоступным, настроение его становится бешеным, и наоборот, когда он видит, что это подсудимому не удастся, он потирает от удовольствия руки, вежливо разговаривает с адвокатом, его настроение становится розовым. Обвинял Абдулов. Следствие вел Вонсяцкий — в настоящее время начальник радомского губернского жандармского управления — мерзавец, известный своей деятельностью в Варшаве и в Латвии. Обещаниями, подкрепляемыми честным словом, что он их освободит, угрозами, постоянными допросами он добился того, что почти все обвиняемые сознались, что ходили на собрания и засыпали

Калинина, Панькова и других солдат. Он добился и того, что Калинин и Паньков тоже сознались и рассказали о себе то, о чем жандармы не знали и что весьма сильно повлияло на приговор. На офицеров он действовал уверениями, что солдаты сидят по их вине и что если они сознаются, то он сможет освободить солдат. Самым важным свидетелем был Гогман — шпион, о котором я уже упоминал. Он показывал все, что ему приказывал Вонсяцкий, утверждая при этом, что это было сказано ему подсудимыми. На самом суде обнаружилось, к каким гнусным приемам прибегал Вонсяцкий. Он сам составил подложное письмо, якобы написанное Калининным, и велел арестованному денщику Калинина отвезти это письмо в Люблин какому-то адвокату, бывшему когда-то офицером, и сказать, что это письмо Калинина и что он, его денщик, был тоже арестован, но его освободили и он просит, чтобы адвокат принял на себя защиту Калинина. Адвокат вытолкнул за дверь денщика-шпиона. Дальше установлено, что Краковецкому подбросили нелегальную литературу военно-революционной организации социал-демократов. Она фигурировала во время следствия как найденная у него, между тем в протоколе произведенного у него обыска значилось, что «ничего подозрительного не найдено». Все дело возникло по показаниям двух солдат (Степана Кафтынева и Ивана Сержантова), использованных властью в качестве провокаторов. Их показания были продиктованы Вонсяцким. Сами они на суд не явились. В вызове свидетелей защиты было отказано. На суде все время присутствовал Вонсяцкий, беседовавший с судьями во время перерывов.

Обвинение Краковецкого базировалось на показаниях Гогмана и поручика 14-го Олонецкого пехотного полка Александра Бочарова и на подброшенной ему литературе. Бочаров на суде взял обратно свои показания. Это был трагический момент. Он заявил, что не Краковецкий, а он сам принадлежал (теперь он уже не принадлежит) к Военно-революционной организации социал-демократов, что он под угрозой Вонсяцкого арестовать его и закатать на каторгу дал ложное показание и написал все то, что ему велел Вонсяцкий. Уверский прервал его: «Ведь вы офицер!» Бочаров ничего не ответил и продолжал стоять

с опущенной вниз головой. В зале суда было большое волнение. Вонсяцкий сорвался с места, пошептался с другими жандармами, выбежал из зала и поехал к коменданту. Несколько дней спустя Бочарову велено было подать в отставку. К Краковецкому же, хотя на суде не было никаких оснований для этого, применили высшую меру — 8 лет каторги. Вонсяцкий был убежден, что это единственный из всех обвиняемых — подлинный революционер, конспиратор, не оставляющий никаких следов своей деятельности. Этим был вызван такой строгий приговор...

Калинин и Паньков сознались в приписываемых им действиях и указали на то, что сидящие на скамье подсудимых солдаты взяты наугад, что с таким же основанием можно было арестовать целые отделения, в которых они служили, доказывали, что солдаты не виновны, что среди них не было никакой организации...

Один из солдат, Корель — оратор божьей милостью, говорил плавно и содержательно в течение получаса о том, что вся его деятельность имела исключительно культурный характер. За это его приговорили к восьми годам каторги. Судьи недолголюбивают солдат-ораторов.

Судей было трое: кроме генерала Уверского, два обыкновенных кадровых полковника; они в течение всех пяти дней сидели, как болваны, и не проронили ни единого слова.

Краковецкого и солдата Кореля приговорили к восьми годам каторги, Калинина, Панькова и Запольского, солдат Исаева и Синицына — к шести годам каждого, солдата Чемакова (фельдшера) — к семи годам, Темкина, Ляуфмана и 12 солдат — на поселение, троим дали по одному году дисциплинарного батальона, одного офицера и девять солдат оправдали. Скалон смягчил приговор только Панькову и Синицыну — им дали ссылку. Суд применил к офицерам и солдатам § 273—274 устава военного судопроизводства и увеличил наказание всем находящимся на действительной службе на два года. Оказалось, что к офицерам, уже вышедшим в отставку, суд не имел права применять этой статьи (согласно соответствующему сенатскому разъяснению), но адвокаты спохватились слишком поздно, уже после утверждения приговора Скалоном. Они обжаловали приговор в Петербург. Панькову

приговор был смягчен ввиду того, что он находился под влиянием Калинина.

Все дело было раздуто Вонсяцким со специальной целью добиться полковничьих погонов, и в этом он успел. Собрали людей из разных местностей Царства Польского (из Бялой, Кельц, Варшавы, Замброва). Люди эти не имели ничего общего друг с другом. Арестовали солдат, неизвестно почему именно этих, сгруппировали их вокруг неблагонадежных офицеров и создали огромное дело Военно-революционной организации офицеров и солдат, которая могла погубить самодержавие. Но вот появляется храбрый рыцарь Вонсяцкий и искореняет крамолу: какой же похвалы и награды он достоин!

Моего товарища Б. освободили и вывели прямо за ворота цитадели. Там уже два дня его ожидали невеста и тетка, добрейшая женщина, собиравшаяся ехать с ним вместе в Сибирь. Я был уверен, что его оправдают. Его обвинили не в укрывательстве, а в принадлежности к организации исключительно на основании писем его сестры к нему, из которых явствовало его возрастающее революционное настроение. По-видимому, его держали в тюрьме 14 месяцев исключительно для того, чтобы предоставить суду возможность вынести оправдательный приговор. «Наш военный суд беспристрастен, он не лакей охранки», — так когда-то говорил мне жандармский полковник Сушков. Несмотря на это, Б. возвращался после каждого судебного заседания или бодрый и полный надежды или почти уверенный в том, что его засудят. В особенности после речи Абдулова он был уверен в последнем. Когда он вернулся уже после того, как суд вынес ему оправдательный приговор, он до того устал, что незаметно было, что это его радует. «Поздравьте меня», — сказал он вяло. А после зародилось опасение, что его так же долго будут в административном порядке держать в тюрьме, как держат других. Дело Горбунова, например, — чиновника охранки — прекращено, а он продолжает сидеть более месяца. Трое рабочих, Клим, Беднаж, Денель, оправданных 4 августа, продолжают сидеть, и имеется предположение, что их сошлют в Якутскую область (на днях Клим и Беднажа выслали за границу, а Денеля собираются сослать в Якутскую область; жена его ездила в Питер и выхлопо-

тала ему ссылку за границу; он уже должен был уехать, его даже ожидала карета, но охранка велела опять задерживать его). Я успокаивал его, убеждал, что его освободят, что охранка ничего против него не имеет, советовал ему, чтобы он потребовал от начальника немедленного освобождения. Начальник не вправе держать его после того, как им получено соответствующее уведомление из суда, но он ее пожелал его освободить до получения распоряжения от Утгофа. В воскресенье Утгоф не принял его, в понедельник он вновь должен был быть у него в 2 час., затем в 4 час. Вахмистр, известный лжец-маньяк, сообщил, что начальник и сегодня не застал Утгофа. Вдруг неожиданно в половине шестого ему приказано было собрать вещи и идти. «В ратушу?» — «Нет, прямо за ворота». Это как гром обрушилось на него. Он не знал, что прежде всего хватать. Я почувствовал, как сжимается мое сердце. Что делать? Все мое спокойствие куда-то запропастилось. Я помог ему собрать вещи, после чего наступил момент тишины. Я уже радовался за него, а теперь опустела моя камера... Проклятые стены... Почему не я? Когда же я? «Алеша, исполните мою просьбу, помните», — произнес я холодно... Он страстно обнял меня на прощанье...

Я люблю его. Он такой молодой, чистый, и все будущее перед ним открыто. Час спустя привели ко мне офицера Калинина. Он был со мной неделю. После обыска его разлучили с его другом Паньковым.

Начальник посоветовал написать прошение Утгофу: без его разрешения своей властью он не может посадить их вместе. Утгоф ответил, что теперь он не имеет ничего против этого (ведь суд уже состоялся, и комедия уже не нужна). Теперь они сидят вместе. Отец Панькова — отставной казачий полковник, отец Калинина — подполковник, в настоящее время «воинский начальник». Семья Калинина чисто военная. Родители его приехали сюда сейчас же после суда; они никак не могут примириться с тем, что он, которому предстояла такая блестящая будущность (он собирался поступить в Академию), сослан на каторгу и лишен прав. Мать постоянно плакала, но затем подавила слезы и стала успокаивать сына. Она ничего не может понять. Откуда это? Как это случилось? Она была уверена, что Скалон отменит приговор, а когда ей

сказали, что если сам осужденный не напишет прошения на имя Скалена, то ничего не получится, она пришла к сыну и до тех пор просила и умоляла его, пока он и другие (иначе Скалой безусловно откажет) не согласились написать следующее прошение: «Прошу о смягчении приговора» — и больше ничего. Скалой отказал. Подать прошение на имя царя они не согласились; тогда это сделали сами семьи их. Мать К. уверена, что царь смягчит приговор; если же нет, то она через три месяца опять подаст прошение и будет это делать постоянно. Приговор по отношению к Панькову смягчен, и оба друга огорчены, что вскоре разлучатся. После суда родители К. приходили к нему ежедневно — проводили по 2¹/₂ час. в канцелярии, не отделенные от него сеткой. Эти свидания были для него ужасны, как собственные похороны. Они доставляли ему мучения. Молодой и сильный, он старался не обнаруживать этого. Он не пробудет в каторге шесть лет — это так нелепо, бессмысленно. Он — интеллигентный, молодой, сильный, должен перестать жить, должен быть совершенно отрезан от мира. Никто не может с этим примириться. В особенности он, который, быть может, и бессознательно, верит в превосходство своего ума, в силу своей воли, в свою способность к великим, могучим делам. Люди пойдут за ним, а не он за людьми. Поэтому ему противны партия и партийность. Воля человека — это все. Он красив, молод, интеллигентен — что же может противостоять ему? А эти бессмысленные стены... Бррр... Он не хочет их. Он знает только себя, и сам будет нести ответственность за свои поступки; он не думает об общественном мнении; противна ему только «грязь». Это — «грязь» — вот вея его критика. Он «прямолинеен»: все, что я ни сделал — сделал я, и поэтому я не знаю угрызений совести. В этом чувствуется сила молодости, немного рисовки и, возможно, много сомнений в самом себе. Во всяком случае, тип любопытный и интересный. Это человек, который может подняться очень высоко, но и пасть очень низко; если его посетит минута слабости, тогда он скажет себе: «Эта слабость — это я, этот путь — мой путь». Впрочем, согласно русской поговорке, «чужая душа потемки», и не только чужая. В течение одной недели трудно было узнать его; я знаю его лишь немного с его собственных слов.

Теперь я снова сижу один. Свиданий у меня нет уже три недели, писем — два месяца. Случилось ли что-нибудь? Что? Может быть, конфискуют письма и открытки, и я ничего не получаю. Создаешь в воображении ужасные картины. Все это могло случиться, и я ничего не знаю и ничего не могу знать. Четыре стены... Какой я чужой здесь, как противны эти стены! Неужели я не выйду отсюда сегодня целый день, и завтра, и послезавтра? Ужасно. Рядом со мной сосед, и хочется простучать ему, что я его люблю, что не будь его здесь, я не мог бы жить, что даже через стену можно быть искренним и отдавать всего себя и не стыдиться этого. А те так далеко. Что им написать? Опять о своей тоске? Я всегда с ними, они знают об этом, а их память обо мне — мое счастье.

23 апреля

Весна. В камере светло, много солнца. Тепло. На прогулке ласкает мягкий воздух. На каштановых деревьях и на кустах сирени набухли почки и уже пробились зеленые, улыбающиеся солнцу листья. Травка во дворе потянулась к солнцу и радостно поглощает воздух и солнечные лучи, возвращающие ее к жизни. Тихо... Весна не для нас. Мы в тюрьме. В камере двери постоянно закрыты; за ними и за окном вооруженные солдаты никогда не оставляют своих постов, и по-прежнему Каждые два часа слышно, как они сменяются, как стучат винтовки, слышны их слова при смене: «Под сдачу состоит пост номер первый», по-прежнему двери открывают жандармы, и по-прежнему они выводят нас на прогулку. Как и раньше, слышно бряцанье кандалов и хлопанье открываемых и закрываемых дверей. За окнами с самого утра проходят отряды солдат, раздаются их песни, по временам доносится военная музыка. Весна — и всякий звон кандалов, и стук дверей, и прохождение солдат под окном отзываются в душе, как вбивание гвоздей в гроб. Их столько в живом теле заключенного, что он уже ничего не хочет, лишь бы уже ничего не чувствовать, не думать, не терзаться между ужасной необходимостью и бессилием. В душе только и осталось это бессилие, а вокруг с часу на час, со дня на день, ужасная необходимость.

27 апреля

Хочется отметить несколько фактов. Неделю тому назад в одном из коридоров, на печке в уборной, найден браунинг и несколько пуль. Приехал жандармский полковник Остафьев, созвал жандармов, угрожал им, упрекал, что они плохо наблюдают за нами, что поддерживают с нами сношения; грозил, что всех расстреляет, упечет на каторгу, закует в кандалы, за малейший пустяк будет отдавать под суд. Нескольким он надавал пощечин. Они не протестовали. Об этом они не хотят рассказывать нам. Им стыдно. Но они еще больше сближаются с нами. По этому поводу мне написал один из товарищей: «В связи с, этим я вспомнил одно событие, о котором мне рассказывал очевидец. Вы слышали, должно быть, что в 1907 году, в Фортах ужасно издевались над заключенными. Всякий раз, когда попадался до мерзости гадкий караул, заключенные переживали настоящие пытки. В числе других издевательств был отказ в течение целых часов вести в уборную. Люди ужасно мучились. Один из заключенных не мог вытерпеть, и когда он захотел вынести испражнения, заметивший это офицер начал его ругать, приказывал ему съесть то, что он выносил, бил его по лицу. Тогда тоже все молчали, ограничившись тем, что не позволили ему выйти из камеры одному и вышли с ним вместе, чтобы не дать его бить. Когда я возмущался, очевидец в ответ спросил: «А что было делать? Если мы сказали бы хоть одно слово, нас бы всех убили, выдавая это за бунт»».

В 1907 г., когда я сидел в «Павиаке», солдат ударил одного заключенного, разговаривавшего во время прогулки с другим через окно. В это время по двору гуляли 40 человек. Один из них хотел было броситься на солдата, но другие оттащили его в сторону. Мы потребовали тогда замены этого солдата другим, тюремные власти тоже на этом настаивали, но караульный начальник не дал на это своего согласия и стал угрожать нам. Когда один из заключенных начал против этого протестовать, солдат замахнулся на него штыком, другие заключенные заслонили его от рассвирепевшего солдата, но все вынуждены были уйти с прогулки. Когда вскоре после этого солдат убил выглянувшего в окно Гельвига, вызванный нами прокурор

Набоков издевался над нами, заявляя: «Вы ведете себя возмутительно. Следовало бы вас всех расстрелять». Возможны ли при таких условиях какие-либо протесты? Каждый такой протест может вызвать только резню. Каждый чувствует в такой атмосфере только свое бессилие и переносит унижения или в отчаянии бросается сломя голову, сознательно ища смерти.

Я сижу теперь с Дан. Михельманом, приговоренным к ссылке на поселение за принадлежность к социал-демократии. Он был арестован в декабре 1907 г. в Сосковце. Он рассказал мне о следующем случае, очевидцем которого он являлся: в конце декабря приходят утром в тюрьму в Бендзине стражник с солдатом, вызывают в канцелярию одного из заключенных, некоего Страшака — прядильщика с фабрики Шена, внимательно осматривают его с ног до головы и, не говоря ни слова, уходят. После полудня является следователь, выстраивает в ряд шесть заключенных высокого роста, в том числе Страшака, приводят солдата, и следователь приказывает ему признать среди них предполагаемого участника покушения на шпика. Солдат указывает на Страшака. Этот Страшак, рабочий, ни в чем не был замешан, ни с какой партией не имел ничего общего. Солдат был тот самый, который приходил со стражником утром и предварительно подготовился к ответу. Заключенные подали жалобу прокурору. Тюремный стражник боялся, что ему попадет, но все же обещал заключенным подтвердить, что это тот самый солдат, который приходил утром. Впоследствии уже в Петрокове Михельман узнал, что Страшака повесили.

6 мая

Прошел день 1 Мая. Празднования в этом году не было. А у нас ночью с 1-го на 2-е кого-то повесили. Была чудесная лунная ночь, я долго не мог уснуть. Мы не знали, что недавно был суд и что предстоит казнь. Вдруг в час ночи началось движение на лестнице, ведущей в канцелярию, какое обыкновенно бывает в ночь казни. Пришли жандармы, кто-то из начальства, ксендз; потом за окном прошел отряд солдат, четко отбивая шаг. Все, как обыкновенно. Мой сокамерник спал, сосед — тоже. Я спросил жандарма, что это за движение. Он ответил, что это,

должно быть, начальник мечется по тюрьме. Я уже знал наверно, что предстоит казнь. Оказалось, что повесили рабочего-портного по имени Арнольд.

Так прошло у нас 1 Мая. Это был день свиданий, и мы узнали, что в городе 1 Мая не праздновали. Массам еще хуже: та же, что и прежде серая, беспросветная жизнь, та же нужда, тот же труд, та же зависимость. Иначе быть не могло. Но такая мысль, такое сознание никого не может утешить, разве только тех, для кого вся борьба была лишь ареной случайных эффектных выступлений. Некоторые рекомендуют теперь приняться исключительно за легальную деятельность, то есть на самом деле отречься от борьбы. Другие не могут перенести теперешнего положения и малодушно лишают себя жизни...

Но я отталкиваю мысль о самоубийстве, я хочу найти в себе силы пережить весь этот ад, благословлять то, что я разделяю страдания с другими; я хочу вернуться и бороться и всегда понимать тех, кто в этом году не откликнулся на наши призывы.

Сегодня я снова один. Моего товарища сегодня утром увезли в пересыльную для отправки на поселение. Он почти мальчик, исключен из училища за школьный бойкот; с 1905 г. его арестовывали три раза. В последний раз он просидел 17 месяцев, два месяца ему пришлось уже после суда ожидать отправки на поселение. Павильон теперь переполнен. Вчера был суд над 13-ю из Домбровского бассейна, обвиненными в принадлежности к ППС и в налетах. Три смертных приговора. Несколько дней тому назад привезли из Петрокова 14 человек, обвиняемых в том, что они знали и не донесли о готовившемся убийстве фабриканта Зильберштейна в Лодзи (по этому делу Казнаковым расстреляны без суда восемь человек). Военный суд в Лодзи приговорил совершенно невиновных людей к каторге от восьми до 15 лет; теперь это же дело будет рассматриваться вторично. Все закованы, сидят с сентября 1907 г.

10 мая

Сегодня должны казнить двоих: Грабовского и Потапсинского. Последний сидит под нами и еще ничего не знает; говорил только, что ему сегодня утром предложили

прислать священника для исповеди. Он ни о чем не догадывается и просил, чтобы пришел защитник; он предполагает, что кассация отправлена в Петербург. Через час их возьмут. Час тому назад Френдзель узнала, что ей заменили четыре года каторги восемью месяцами тюрьмы, а В. Чекайской, М. Чекайской и Лясковской каторга заменена ссылкой на поселение. Она не знает, что сегодня будут вешать, и, обрадовавшись, смеялась и болтала в коридоре. Судили их в субботу, несколько дней тому назад, и приговорили всех четырех к четырем годам каторги за принадлежность к «Певице ППС». Единственной виной Френдзель было то, что, она жила в одной квартире, хотя и в отдельной комнате, с Грицендлер, которая была послана и бежала из Сибири. У последней найдена нелегальная литература. Сегодня был суд не то над восемью, не то над девятью из Люблина; все, кроме одной женщины, приговорены к смертной казни; женщина к 15 годам каторги.

2 июня

Среди наших жандармов вот уже несколько дней паника. Прошел слух, что на воле перехвачено письмо отсюда, в котором кто-то говорит о симпатиях, проявляемых к нам жандармами. Один из жандармов арестован; сюда прислан шпик из охранки в мундире жандармского вахмистра. Он следит специально за жандармами и ищет «виновных». : Всем грозят судом за всякую мелочь; за продление прогулки заключенному угрожают арестом. Вахмистр-шпик все время шляется по Х павильону, подслушивает, подсматривает с целью поймать па месте преступления жандарма в момент его разговора с заключенным. Уже несколько недель тому назад отняли у них табуретки, чтобы внимательнее наблюдали за нами. Они страшно устали. Им приходится стоять по 4 час, а часто и по 12 час. в сутки.

С Ватерлосом опять какая-то история. Несколько дней тому назад он в окно показывал руки в наручных кандалах. А две недели тому назад начальник подглядывал в его камеру через «глазок» и заметил, что он спрятал за рукав письмо. Он позвал вахмистра и дежурного и приказал взять письмо. Ватерлос вырвался из их рук, прыгнул на

кровать и проглотил письмо; вахмистр и дежурный бросились за ним на кровать, сжали ему горло, но письма им не удалось добыть. Теперь он сидит в этой же камере, изолированный от других заключенных, за ним установили строжайший надзор, по слухам, по распоряжению Утгофа, якобы ввиду того, что он строил планы побега. Лясковский заболел, он в течение всей недели ничего не брал в рот из опасения, чтобы его не отравили. Его перевели в больницу. Я опять сижу с другим. Теперь я уже не могу сидеть один, необходимо рассеивать неотвязные думы. Необходимо механически искать забвения и отгонять мысли, необходимо принуждать себя следить за течением не своих мыслей и добиваться того, чтобы самому включиться в них. И вот мой сокамерник рассказывает мне о своих охотничьих приключениях в Сибири, мы совместно строим планы, как будем бродяжничать пешком с граммофоном по деревням, лесам и горам Галиции. Мы все возвращаемся к этому проекту, всякий раз прибавляя новые подробности, новые комбинации.

8 июня

Сегодня совершенно не могу уснуть. Уже час тому назад убрали от нас лампу: совсем уже светло, птицы громко поют, время от времени каркает ворона. Мой товарищ по камере спит беспокойно. Мы узнали, что утверждены два смертных приговора; сегодня ночью приговоренных не увели, значит, уведут завтра. У каждого из них, вероятно, есть родители, друзья, невеста. Последние минуты... Они здоровы, полны сил и бессильны. Придут и возьмут их, свяжут и повезут на место казни. Вокруг — лица врагов или трусов; прикосновение палача, последний взгляд на мир, саван и конец... Лишь бы скорее, лишь бы меньше думать, меньше чувствовать; блеснет мысль: да здравствует революция, прощайте навеки, навсегда.

А для оставшихся завтра начнется такой же день, как и раньше. Столько уже людей прошло этот путь. И кажется, что люди уже не чувствуют, уже привыкли, и это не производит на них никакого впечатления. Люди? Но ведь и я к ним принадлежу. Я не судья им: сужу о них по себе. Я спокоен, не поднимаю бунта, душа моя не тер-

зается, как еще так недавно. На поверхности ее тишина. Получаю известие — что-то дрогнуло... еще одна капля — и наступает спокойствие. А за пределами сознания душа переживает целый процесс, столько раз уже происходивший, и накапливается яд, и, когда наступит время, он загорится мстостью и не позволит теперешним победителям-палачам испытать радость победы. А под этим мнимым равнодушием людей, быть может, скрывается страшная борьба за жизнь и геройство. Жить — разве это не значит питать несокрушимую веру в победу? Теперь утке и те, которые мечтали об убийстве, как возмездии за преступление, чувствуют, что эти мечтания не могут быть ответом на преступления, совершаемые постоянно, что уже ничто не уничтожит в душе позорных пятен этих преступлений. Мечтания эти говорят только о непогасшей вере в победу народа, о страшном возмездии, которое готовят себе теперешние палачи. А в душах современников нагромождаются и все усиливаются боль и ужас, с которыми связано наружное равнодушие, пока не вспыхнет бешеный пожар за тех, у кого не было сил быть равнодушным и кто лишил себя жизни, за покушение шакалов на высший инстинкт человека — инстинкт жизни, за тот ужас, который люди должны были пережить.

4 июня

Ночь. Уже повесили Пекарского и Рогова из Радома: воинский отряд уже пошел обратно.

То, что я писал вчера о героизме жизни, возможно, и неправда. Мы живем потому, что хотим жить, несмотря ни на что. Бессилие убивает и опошляет души. Человек держится за жизнь, потому что он связан с нею тысячью нитей, печалей, надежд и привязанностей.

6 июня

Весна уже минула. Жара. В камере душно. До сих пор у нас не сняли с окон зимних рам и после долгих ходатайств обещают их снять только на этой неделе. Окна заколочены гвоздями. Форточки закрыты густой сеткой, чтобы даже спички нельзя было выбросить за окна. В камере не хватает воздуха. В течение нескольких дней прогулка продолжалась 20 мин., через несколько дней опять

снизят прогулку до 15 мин., так как привезут много новых. Недавно увезли отсюда в Ломжу многих кандалыщников и всех приговоренных к ссылке на поселение. Френдзель и Ванду Чекайскую перевели в «Сербию». Из старых жандармов остались очень немногие. Их заменили новыми; на вид они трусы и черносотенцы. Они то и дело стучат крышками «глазков», подглядывая, что делается в камере. Жалобу Ватерлоса на то, что его избили, прокурор оставил «без последствий».

20 июня

Наши жандармы совершенно терроризированы. Вахмистр все время следит за ними и наблюдает, а вне службы он мучает их «учением» и упражнениями, так что у них нет теперь минуты свободной. Они боятся разговаривать с нами ввиду того, что начальник обещал солдатам, стоящим в коридоре на карауле, значительную награду, если они, заметив жандарма, разговаривающего с заключенным, донесут об этом. Арестованного жандарма продолжают держать в заключении. По слухам, охранка напала на след подготавливаемого кем-то побега. Среди заключенных циркулируют различные предположения о возможных предателях среди самих заключенных.

Оказывается, что Рогов, казненный две недели тому назад вместе с Пекарским, предан смерти без всякой вины с «го стороны. Он приехал в Радом спустя несколько дней после убийства жандарма Михайлова, за участие в котором он был осужден. Пекарский (Рыдз) заявил, что по этому делу уже осуждено много совершенно невиновных (Шенк и др.), что возможно засудят и Рогова, но что в этом убийстве виноват только он один. А Рогова приговорили. Председательствовал на суде известный мерзавец Козелкин. Скалон утвердил приговор. Вследствие просьбы, поданной родственниками и защитником властям в Петербурге, вновь обсуждалось утверждение приговора. При этом Козелкин заявил, что у суда не было ни малейшего сомнения относительно вины Рогова, в действительности же, как об этом рассказали защитникам судьи-полковники, они сами просили Козелкина предложить Скалону смягчить приговор, так как они не уверены в виновности Рогова.

Мы сидим теперь в камере № 11. В ней больше воздуха, из окна видна Висла, а вдали за крепостным валом — лес и небольшие холмы. Надо влезть на окно, чтобы это увидеть. Мы часто так влезаем, цепляемся за решетку и смотрим до тех пор, пока руки не затекут. Сняли у нас, наконец, зимние оконные рамы. Несмотря на обещание начальника, приходилось в течение нескольких дней напоминать об этом. «Хорошо», — отвечали дежурные, уходили и запирали двери. И опять приходилось звать, и опять: «Хорошо, скажу начальнику». Кажется лучше всего было бы ни о чем их не просить, ни о чем не заботиться. В прошлую среду приходят к нам и хотят перевести нас опять в камеру № 4, тесную, без вентилятора — во втором коридоре. Объясняют, что там должны сидеть те, кто вообще долго сидит и кому будет разрешено гулять полчаса, по две камеры одновременно. Мы отказались перейти в ту камеру, заметив, что и отсюда нас можно выводить на прогулку, что первый коридор рядом. Нас оставили здесь, и мы, как и раньше, гуляли одни 20 мин. В пятницу мой сожитель, выходя из уборной, заметил, как начальник подсматривал в «волчки» двух камер, между прочим к женщине Гликсон.

25 июня

Я получил следующее письмо от заключенного из Островца: «В мае 1908 г. в Островец на должность начальника охраны Островецкого округа назначен капитан Александров, начальник земской стражи Груецкого уезда, известный инквизитор. Он начал свою деятельность очень ретиво и чуть ли не систематически каждые несколько дней арестовывал по нескольку человек. Это продолжалось до половины января этого года. В это время он из числа арестованных и месяцами содержавшихся в тюрьме выловил провокатора Викентия Котвицу (агитатора ППС). Этот провокатор указал на Станишевского и Болеслава Люцинского как на членов местного комитета ППС. Их арестовали и подвергли пытке. Александров живет на окраине города, и там же находится его канцелярия, а тюрьма, в которой содержат заключенных, находится в другом конце города. Когда стражники пришли в тюрьму за Станишевским, вызванным Александровым для до-

проса, они скрутили ему веревками руки назад. Один стражник держал конец веревки, другие окружили арестованного со всех сторон и всю дорогу с одного конца города до другого вели Станишевского на веревке, торопя его и подгоняя прикладами, кнутами и кулаками. Когда наконец он предстал перед Александровым, последний уговаривал его сознаться, что он член комитета, так как такое сознание повлияет на смягчение наказания. Когда же в ответ на это предложение Станишевский ответил молчанием, Александров приказал своей опричнине дать ему 25 ударов кнутом, предупредив, что, если он после 25 ударов не сознается, он прикажет довести число ударов до 250. Опричники набросились на Станишевского, намереваясь сорвать с него одежду. Станишевский не допустил этого, сам разделся и лег на пол. Два стражника хотели сесть один на ноги, другой на голову своей жертвы, но Станишевский сказал: «Если я пошевельнусь хоть один раз, можете нанести мне не 25, а 100 ударов...» Нагайка была пущена в ход... После пятого или шестого удара Александров приказал приостановить избиение. Когда истязуемый оделся, ему было вновь предложено сознаться; в ответ на его молчание стражникам было приказано «поиграть с ним в жмурки». «Игра» эта состоит в следующем: стражники становятся в круг, в середину вталкивают истязуемого и кулаками бросают его от одного к другому. Когда и это испытание не привело к цели, Александров устроил ему очную ставку со свидетелем Котвицей. Последний заявил: «Чего вы отпираетесь, я же голосовал за вас».

После того как арестовали Люцинского, Александров пытал его таким же образом. Люцинский признал, что он был членом местного комитета. Увидев, что Люцинский представляет более благодарный материал, Александров применил другую тактику. Он выразил сострадание Люцинскому, говоря, что он страдает без всякой вины, что ему жаль его, так как он еще молод, имеет жену, но он, Александров, укажет ему путь к спасению: желая избавиться от наказания за несовершенно преступление, он должен выдать тех людей, которые вовлекли его в партию. Если он это сделает, его простят, и он будет освобожден. Люцинский полностью пошел на это и начал предавать.

При помощи его и Котвицы выловили всех, не успевших скрыться. Многих вернули из ссылки и даже с военной службы и арестовали за давние грехи. Кроме издевательств над Станишевским и Люцинским, было следующее: привезли вместе с ними в X павильон молодого парня Щесняка (за ним 11 дел, ему могут вынести смертный приговор). Его выдал Котвица. Щесняк не пожелал сознаться в приписываемых ему преступлениях. Так как жена Александра не могла вынести крика истязуемого, его в 10—11 час. вечера отвели за город в поле, там раздели и избили до потери сознания. После этого его в бессознательном состоянии оттащили в карцер и бросили на пол. На следующий день его опять привели к Александру. Он продолжал отпираться, вечером истязание повторилось. Так поступали с очень многими. Член местного комитета Адамский, подвергнутый такому истязанию, пытался разбить голову о стену, но только поранил себя. Его избили за это и надели на руки кандалы, в которых он просидел целых три недели...»

Вчера вечером повешен Вульчинский. Он вместе с другими сидел напротив нас. Молодой, красивый парень. Мы его видели в дверную щель. Он вышел спокойный, спросил, взять ли вещи, и, не попрощавшись с товарищем, в 9 час. вечера перешел в камеру смертников, а около часу ночи мы услышали шаги проходивших солдат.

26 июня

В первом коридоре сидит некто Шварцензер. Он был арестован пять месяцев тому назад в Гамбурге в связи с найденными у него анархистскими брошюрами. Там не пожелали предать его суду и переслали в Берлин для отправки на границу России. Его ходатайство о высылке в Австрию было оставлено без последствий. Он был отправлен в Россию как русский подданный (он уроженец Влоцлавека). Несмотря на то, что он не хотел брать с собой ни брошюр, ни двух браунингов, все это уложили, отправили вместе с ним. На таможне в Вержболове немецкий полицейский агент сообщил о браунингах русским властям. Он сидит здесь, хотя никакого дела за ним нет. Его держат, по слухам, потому, что два жандарма спорят

друг с другом: один требует, чтобы его выслали обратно за границу, другой предлагает отправить его в глубь России. Кац, которого год тому назад выслали из Германии, сидит здесь до сих пор. Никакого дела за ним нет, его думают сослать в административном порядке. Под нами сидит некий Брозых, рабочий из предместья Воля*, арестованный 30 октября в Вене, тоже выданный России. В четвертом коридоре сидит пристав второго участка города Лодзи, обвиняемый в принадлежности к ППС, в том, что освобождал политических и что, будучи там помощником пристава, участвовал в убийстве стражника в Островце. Фамилия его Рабухин.

Сегодня пришел к моему сокамернику судебный следователь. Следствие по его делу (обвинение в убийстве шпиона Козеры) окончено. По-видимому, только он один будет судиться по этому делу, в отношении же других дело будет прекращено. Шпики утверждают, что видели его за несколько минут до убийства вместе с убитым. Они бессовестно лгут, но он не в состоянии установить своего «алиби» в момент убийства, власти же хвастают, что нет ни убийства, ни нападения, которого бы они не раскрыли. Так именно написал в своем рапорте радомский губернатор. Поэтому кто-нибудь должен быть осужден и виновными должны быть те, кто попался в их руки.

Жандармы продолжают бояться нас; они не только не разговаривают, но им стыдно смотреть нам в глаза, часто они напускают на себя грозный вид. Некоторые из них до того изменились, что стараются показывать свою власть над нами, лишь бы не чувствовать себя слепым орудием в чужих руках.

1 июля

В дополнение к ранее сообщенным сведениям мой сосед написал мне фамилии стражников Александрова: Пригодич (вахмистр), Аксенов, Лукашук, Якимчук и Фрейман (писарь в канцелярии). Штатские агенты охраны, получающие 30 руб. в месяц жалованья и почти 10 руб. постоянных доходов: Викентий Котвица и Болеслав

* Предместье Варшавы.— *Ред.*

Люцинский. Котвица, арестованный 16 августа 1908 г., обвинявшийся в принадлежности к ППС в качестве агитатора, был якобы освобожден на поруки 30 апреля и в этот же день поступил в охранку. Люцинский, арестованный 30 января 1909 г., обвинялся в принадлежности к ППС в качестве члена местного Островецкого комитета, освобожден 11 мая и в тот же день поступил в охранку. Что касается жертв, то вот несколько данных: Станислав Романовский, арестованный весной 1908 г.; он был связан веревкой и отведен в охранку; вечером в 9—10 час. его за городом в поле подвергли побоям, настойчиво требуя, чтобы он сознался в приписываемых ему деяниях. Когда избивание не дало результатов, его привязали к дереву и, отходя на 10—20 шагов, целились в него из браунинга, пугая, что, если он не сознается, его тут же расстреляют. Но и этим они ничего не добились, и Романовского отправили в Сандомирскую тюрьму, где он находится и теперь.

Орловского, арестованного в конце ноября 1908 г., тоже отводили за город и подвергали избиваниям за отказ признать себя виновным в принадлежности к ППС. На следующий день его вызвали на допрос, но и на этот раз охранка не добилась желанных результатов. После этого вечером было повторено то же, что и накануне, и Орловского довели до такого состояния, что он уже не мог двигаться. Стражники принесли его на руках в тюрьму и бросили в камеру. После этих побоев Орловский пригласил островецкого городского врача. Я не знаю, что сказал врач и был ли составлен протокол. Несколько дней спустя арестное помещение посетил прокурор радомского окружного суда, к которому Орловский обратился с жалобой. Прокурор не дал никакого ответа, ограничившись лишь тем, что осмотрел Орловского. Но он, по-видимому, повлиял на Александра, так как с этого времени допрашиваемых перестали водить за город. Орловский теперь сидит в Сандомирской тюрьме.

Пайонк, арестованный осенью 1908 г., обвинялся в убийстве эконома Хохульского в имении Нетулиско. Обстоятельства этого дела следующие. Мать Пайонка, батрачка, зашла за ботвой на свекловичные гряды этого имения. Там Хохульский избил ее. Она крикнула ему: «По-

дожди, придет мой сын из Америки, он тебе этого не простит». Некоторое время спустя Пайонк приехал из Америки навестить мать, а через два-три дня после его приезда Хохульский был убит. Пайонка арестовали. Несколько раз его по вечерам водили за город, в поле; там стражники избивали его, а для того, чтобы крики не были слышны, бросали его лицом в песок. После всего этого Пайонк был Александровым освобожден.

Адамского, арестованного 9 марта 1909 г., связанного вели на веревке вечером в Ченстоцицы, где он жил и работал на сахарном заводе. Всю дорогу его стегали кнутом, избивали кулаками и требовали, чтобы он указал, где находится склад оружия. Он этого не сделал и не мог сделать, не зная ничего о складе. В настоящее время он сидит в Сандомире.

Дыбец, арестованный в 1908 г., был препровожден в феврале 1909 г. из Радомской тюрьмы в островецкий арестный дом по доносу Котвицы; его обвиняли в том, что он стрелял в жителя посада Денкув, под Островцом, подозреваемого в шпионаже. Дыбца, как и других, вечером вывели в поле и избивали только раз, так как он сознался после очной ставки со свидетелями.

Точно не известно, кто выступил в качестве свидетелей. Дыбец сидит в Радоме. Бартос Станислав, арестованный в августе или сентябре 1908 г. по обвинению в принадлежности к боевой организации революционной фракции, был избиваем нагайками в канцелярии и сознался, а затем даже выдал Щесняка и Кацпровского. Сидит в X павильоне. Щесняк Бронислав и Кацпровский (кажется Юзеф), арестованные весной 1908 г., в ноябре 1908 г. были переведены из Сандомирской тюрьмы в островецкий арестный дом. Обвиняются в принадлежности к боевой организации революционной фракции. Их избивали в канцелярии, пока они не сознались. Потом Кацпровский, желая, очевидно, обелить себя, стал освещать все дела Щесняка и выдал их 11, а Щесняк, из чувства мести и не желая допустить, чтобы Кацпровский поступил на службу в охранку, осветил дела последнего, в которых раскаявшийся якобы Кацпровский не сознался. Сейчас оба сидят в X павильоне. Ночью с 29 на 30 мая с. г. охранка при содействии Котвицы и Люцинского арестовала в Ченстоцицах

четырех молодых людей: Банася, Ковальского, Ситарского и Квятковского. По дороге из Ченстоиц в Островец (1½ версты) их избивали палками. На Сикорском порвано платье. Особенно усердно били Котвица и Люцинский. У арестованных найдено шесть бомб (две готовые и четыре в разобранном виде). Во всех случаях особенно усердствовали при избиениях и арестах стражники: «Якимчук, Лукашук и Аксенов, а в последнее время Котвица и Люцинский. В Островце нет постоянного начальника арестного дома; здесь дежурят по очереди стражники, сменяясь каждый день.

Обязанности постоянных служителей в арестном доме исполняют два стражника — Герада Ян и Карл (фамилия заключенным неизвестна)».

Станишевский сидит рядом с нами, его привезли три недели тому назад. Несмотря на наши уговоры, он отказывается подать жалобу. За эти несколько месяцев заключения он поседел и полысел. Несколько дней тому назад у него были судебный следователь из Острова Ржепинский вместе с товарищем радомского прокурора и мучили его допросом с 12 утра до 9½ час. вечера.

11 июля

Снова доходят до нас сведения о смертных приговорах. По всей вероятности, сегодня вечером по влоцлавскому делу, слушавшемуся в течение 10 дней, будет опять вынесено более 10 смертных приговоров. Из 11 приговоров по люблинскому делу утверждено пять. Две недели тому назад вместе с Вульчинским повесили Сливинского. Конца краю не видно смертным казням. Мы уже привыкли к такого рода сведениям. И продолжаем жить. Мысль уже не в состоянии охватить всего ужаса, чувствуется только какое-то беспокойство, какая-то тень ложится на душу, и безразличие ко всему овладевает человеком все глубже и глубже. Живешь потому, что физические силы еще не иссякли. И чувствуешь отвращение к себе за такую жизнь...

Я столько раз уже писал о радости жизни и ее могуществе, об ясном весеннем дне, о волшебной музыке и песне, мечте о сказочной стране, о стране действительной.

Еще сегодня я говорил об этом своему товарищу по камере, несколько дней тому назад писал об этом товарищу, которому на чужбине, в стране прекрасной, грустно, пусто и все чуждо. А теперь, когда я пишу эти слова, на мою душу, как зловещая тень, падает мысль: «Ты должен умереть» — это самый лучший выход. Нет! Я буду жить, не лишу себя жизни; меня привязывают к ней чувства других людей и моя работа, а может быть, и тоска и надежда, что возвратится время песни,— надежда бессознательная, надежда, которую тоска старается внушить.

Во время казни ведется теперь подробный протокол, как вел себя обреченный, записываются его слова, отмечаются стоны и предсмертное хрипение. Делается это с «научной» целью.

16 июля

Привлеченных по люблинскому делу судили и казнили не здесь, а в Люблине. По влоцлавскому делу — шесть виселиц. Скалон уехал. Утгоф заменил всем виселицу каторгой. Рогов оставил следующее письмо: «Дорогие товарищи! Осталось всего несколько часов ожидания смерти среди дум и воспоминаний о прошлом, еще столь недалеким для меня, так как еще вчера была у меня надежда на возвращение к вам, на вступление снова в ваши ряды. Теперь я хочу эти последние минуты тоже отдать вам — вам и делу, которому я посвятил всю свою жизнь. Я боролся так, как умел, распространяя живое слово, и работал, как только мог. Товарищи! Я осужден за дела, чуждые мне*, за дела, противником которых я был, в которых я не принимал ни малейшего участия. Но какое до этого дело правительству палачей и вешателей? Случилось то, что уже повторялось не раз, то, что встречается на каждом шагу в государственной жизни современной России. Преступление, преступление и преступление. А жертвой этих преступлений является пролетариат, и самые сознательные его сыны. Настоящий момент — момент застоя в нашем движении, и в этот момент я хочу сказать вам несколько слов со своей теперешней трибуны — из камеры смертников: за работу, товарищи! Пора! Давно пора! Пусть

* За террористический акт.— *Ред.*

совершаемые теперь преступления побудят вас усилить борьбу, которая не может прекратиться.

Товарищи! Все вы, отдыхающие после продолжительного и тяжелого труда, за границей и на родине, неужели вы и теперь будете оставаться пассивными? Нет! С этой верой я сойду в братскую могилу у крепостного вала. С горячей верой в наше будущее, с верой в нашу победу, с возгласом: «Да здравствует революция! Да здравствует социализм!» Прощайте все, все!»

Только это он и оставил! А в книжке я прочитал его подпись: «Герш Рогов, в минуты предсмертной муки». Убили невинного. Фактически Козелкин совершил обычное для него убийство. Дважды опрошенный Скалоном, он всякий раз отвечал, что у суда не было ни малейшего сомнения относительно виновности Рогова.

В павильоне теперь настроение тихое, грустное и мертвое. Не слышно, как это раньше бывало, песен; нет прежней оживленной переписки: мы не знаем даже, кто сидит в этом же коридоре. И люди другие. Многих увезли, есть новые, а старые успокоились, присмирели. Не колотят в двери. Заключение Гликсон в нашем коридоре почти не выходит на прогулку. Жандармы все еще запуганы. Они уже теперь совершенно не разговаривают с нами, боятся даже взглянуть па нас дружелюбно, чтобы мы не заговорили с ними, ищут писем; лучшие из них, когда находят, сами их уничтожают, худшие, более трусливые, передают в канцелярию. Они и нас боятся, так как знают, что здесь сидят и шпионы; боятся также, что мы упомянем о них в письмах и что письмо может быть перехвачено. Один из них, который раньше сам заговаривал и просил с ним поговорить, вел меня однажды с прогулки в канцелярию. Я попрощался с товарищами по прогулке и пошел, размахивая шляпой. Он вознегодовал на меня за это, а когда я ему что-то ответил, он пригрозил, что прикажет солдату ударить меня прикладом. Возмущенный этим, встретив начальника, я, находясь под первым впечатлением происшедшего, пожаловался... Жандарм словно одурел и, оправдываясь перед начальником, все твердил: «Нельзя раскланиваться, нельзя раскланиваться». О нем и раньше говорили другие жандармы, что он не злой, но глупый. Жандармов за всякий пустяк наказывают кар-

цером или заставляют по два часа, вытянувшись, стоять в канцелярии с обнаженной шашкой в руке. Я однажды видел, как стояли рядом два жандарма, вытянувшись в струнку, на полшага от стены и под угрозой большего наказания не смели ни опереться, ни отдохнуть и лишь переступали с ноги на ногу. В глазах одного я заметил блеск ненависти, в глазах другого — мертвящий животный страх. Да, тихо у нас и грустно. Только в окно откуда-то с той стороны крепостного вала долетают до нас звуки отдельных выстрелов и залпов — это солдаты упражняются в стрельбе из винтовок и орудий. И лишь накануне праздников и в праздники слышна военная музыка. Только на прогулке мы немного оживляемся. Мы с Варденем уже третий месяц сидим вдвоем. Нам обоим неплохо вместе. И тем не менее по временам что-то мутит и толкает сказать друг другу колкость, сделать что-нибудь назло, хотя мы и сжились друг с другом. По временам какое-нибудь слово, какая-нибудь шутка или хождение по камере, а то и само присутствие другого ужасно нервнируют, и тогда какое-нибудь злое слово вдруг всплывает и готово сорваться. У нас еще хватает сил удержать его, не позволить ему появиться на свет, и мы подавляем его в зародыше. Быть может, помогает нам то, что мы не навязываемся друг другу, что каждый из нас может жить самим собой и не наблюдать за другим и что мы часто не чувствуем присутствия друг друга. Тяжело то, что в данное время судьба наша не одинакова — моя более легкая, есть надежда скорого освобождения, а у Варденя в перспективе каторга и продолжительное заключение, и он не может примириться с этим. Он при этом одинок. Извне он ничего не получает. А это тяжело. Товарищи, помните о заключенных! Каждое проявление внимания — это луч солнца и надежда на воскресение из мертвых.

17 июля

...Оказывается, что Марчевская не принимала никакого участия в покушении на Скалона. Когда она сидела с Овчарек, она узнала подробности этого покушения и ложно созналась в участии в нем, желая, чтобы ее считали крупной революционеркой; она не опасалась попасть за это на виселицу, так как за ней числилось много

бандитских дел, по которым ей нельзя было избавиться от веревки. Мы узнали об этом из бесспорно достоверного источника. Она прекрасно играла свою роль, я это ей полностью удавалось. Бесспорной правдой оказалось и то, что она провалила освободивших ее членов организации в Пруткове. Здесь она заключенную Гликсон, с которой некоторое время сидела вместе, выдала по какому-то делу на вале, по статье 279-й за налеты и «эксы»¹²², а также донесла, что Гликсон агитировала здесь жандармов. Она выдала также жандарма, якобы оказывавшего услуги заключенным...

20 июля

Прощальное письмо Пекарского (Рыдза), казненного 4 июля: «Тяжело расставаться с жизнью, когда чувствуешь, что есть еще силы, чтобы служить делу, но если я на лотерею жизни уже вынул такой билет,— я согласен, ведь столько людей погибло ради нашего дела в этой борьбе. Никаких претензий ни за что и ни к кому я не имею. Пойду с верой, что когда-нибудь в нашей страда станет светлее, и тогда дух мой будет витать в обрадованных сердцах наших братьев. Прощайте все. Искренне желаю вам успеха в борьбе, победы. Будьте счастливы».

23 июля

Один из заключенных — рабочий, сидящий здесь около года, пишет мне между прочим: «Сознаюсь вам, что после работы и после пережитого на свободе мне кажется, что только здесь я дышу полной грудью, и я чувствую себя счастливым, что у меня есть возможность собраться с мыслями и углубить необходимые знания, которые я черпаю здесь из книг. Меня это так занимает, что день кажется коротким, и, если бы не забота о семье, я бы с большим удовольствием просидел еще долго. Желая возместить то, чем нельзя было воспользоваться на воле, мы ложимся ежедневно очень поздно, когда уже начинает рассветать, а встаем в 7—8 час. утра. И то день кажется нам слишком коротким для беседы и раздумья о прошлом».

Хочу привести здесь отрывки из последних писем Монтвилла (Мирецкого) к одному из заключенных, приго-

воренного 5 октября к смертной казни за нападение у станции Лапы и повешенного в ночь с 8-го на 9-е.

«...3.10.1908 г. Дело мое во вторник. Судить будет Плонсон, обвинять Абдулов. Я чувствую себя, как после «помазания святым елеем»...

4.10. Мое дело вовсе не так уж скверно. Вам это может показаться странным, но я утверждаю, что если бы меня даже повесили, то, хотя в настоящее время всякая казнь вызывает отвращение, все-таки петля, накинутая на мою шею, имела бы свое очень большое положительное значение. В том, что я пишу, нет ни капли сомнения. Я смотрю на это так объективно, как будто бы речь шла не обо мне, а о каком-то третьем лице. В нашем обществе есть много людей, которые говорят, что члены боевого отдела толкают других под пули и на виселицу, а сами прячутся за чужие спины и живут как магнаты-расточители. Этим доводом пользуется охранка, когда убеждает арестованных сделаться предателями. Меня русское правительство признало членом боевого отдела; повесив меня, охранники не могли бы уже так говорить...

Я в очень хорошем настроении и чувствую себя немного лучше и в смысле здоровья. К своему делу отношусь так, как будто бы оно меня не касалось: смотрю на все с точки зрения революционера...

6.10. Сегодня присудили меня к петле только разве на основании речи прокурора. Завтра вечером приговор войдет в законную силу, а дня через 2—3 буду уже там, куда пошло столько наших...

В последнюю минуту я буду молчать, потому что не люблю криков; но если бы у меня и вырвался какой-либо возглас, то только: «Да здравствует независимая Польша!» Идея независимости всегда была и осталась моей руководящей мыслью... Ну, товарищи, будьте здоровы...

7.10. Приговор наверное не будет отменен, так как они решили меня казнить. Прокурор закончил свою речь словами: «Приговор уже готов. Вам надо только его подписать». Прилагаемый крестик посылаю Вам не на память, а как дорогую вещь, которую может иметь даже каторжник и которую он легко может обратить в деньги. Поэтому он Вам может пригодиться — мне он уже не нужен. Прощайте.»

25 июля

В двух камерах, насколько мне известно, у Шапиро и Жешотарского, открыли окна. Господин начальник был в хорошем настроении, а они представили ему необходимость открыть окна, и он согласился, взяв с них обещание не «злоупотреблять». На следующий день открыли окна у Жешотарского и по ошибке у Марчевской, а не у Шапиро, ее соседа. Шапиро заявил об этом, и на другой день окно у Марчевской опять забили гвоздями, а у Шапиро открыли. В других камерах, которые выходят во двор, где происходит прогулка, все окна закрыты, об окнах в камерах на других коридорах я не знаю, но сомневаюсь, чтобы они были открыты. Два месяца тому назад я просил начальника открыть окно. Он сказал, что в таком случае пришлось бы открыть окна у всех. Я ответил, что это правильно и что все согласятся дать обещание не «злоупотреблять». Он сказал, что не может этого сделать. А между тем, он понимает, какое значение имеют открытые окна. Он сам говорил, что Аветисянц был силачом, когда его привели сюда, и делал гимнастику с тяжелыми гириями, которые другие поднимали с большим трудом.

Четыре дня тому назад зашел к нам дежурный и спросил, согласны ли мы сидеть втроем с товарищем, вышедшим из больницы и желающим сидеть вместе с Варденем. Мы согласились и просили его узнать у начальника, не разрешит ли он открыть у нас окно. Но этого товарища к нам не привели, а посадили в одной камере с умалишенным, а окна у нас продолжают оставаться заколоченными. Вчера мы узнали, что дело Московского, а как говорят, и Варденя, по обвинению в убийстве¹²³ прекращено. Вардень относится к этому с недоверием, беспокоится и обращается письменно к начальнику: «Не откажите уведомить меня» и т. п. Прошло два дня, в ответ — ни единого слова. А ведь начальник неплохой человек, любит поговорить и побалагурить с заключенными и не плохо обращается с ними; допускает и некоторые льготы. Но многим уже боком выходит его доброта.

Вот уже неделя, как Варденя перевели на ухудшенное питание на том основании, что он обвиняется в убийстве. (То, что он обвиняется и по § 102¹²⁴, — это не в счет.)

Еды так мало, что человек всегда голоден, если у него нет денег. Кормят немного лучше, чем, например, в «Павиане», но дают значительно меньше. Для тех, у которых мало денег или их вовсе нет, это прямо ужасно. Ничем нельзя отогнать мысли о голоде. Заключенные по большей части целыми днями лежат сонные, раздраженные, склонные к ссорам. Мучаются ужасно. А наши вахмистры греют на этом руки. Прежний вахмистр неплохой человек, не раз проявлявший заботливость о заключенных, все же, по слухам, за шесть лет службы успел скопить около 10 тыс. руб. Теперешний вахмистр зимой спекулировал на угле — топил раз в два дня, а то и реже. Теперь спекулирует на молоке. Курьезная история произошла с одним заключенным, Жешотарским. Он покупал молоко на свои деньги. Оно оказалось разбавленным водой. Он вызвал интенданта. Интендант сказал, что молоко от коровы, принадлежащей вахмистру. Пришел вахмистр, обещал доставлять лучшее молоко, если об этом инциденте никому из нас не станет известно. Интендант — старичок, уже давно на этом посту. Говорят о нем, что он хороший и отзывчивый человек, но это не мешает ему наживаться на нашем питании и хватать, где только можно. Офицер Калинин высчитал, что на каждом из получающих улучшенную пищу он зарабатывает до И коп. Калинин, как бывшему хозяину в своей батарее, цены известны.

У нас в камере в течение нескольких дней тишина. Мы почти не разговариваем. Мой сожитель страдает ужасно. Очевидно, я начинаю его раздражать, и он чувствует потребность в перемене. Он все ожидает разбора дела и конца.

8 августа

Три месяца тому назад (8 мая) Судебной палатой мне вынесен приговор в окончательной форме. 9 июня приговор отправлен к царю на утверждение, и только на днях он прислан обратно из Петербурга. Возможно, что меня вышлют только через месяц. Во всяком случае я уже скоро распрощаюсь с X павильоном. 16 месяцев я провел здесь, и теперь мне кажется странным, что я должен уехать отсюда, или, вернее, что меня увезут отсюда — из этого ужасного и печального дома. Сибирь, куда меня сошлют,

представляется мне страной свободы, сказочным сном, желанной мечтой.

Наряду с этим во мне рождается тревога. Я уйду, а эта ужасная жизнь здесь будет продолжаться по-прежнему. Странно это и непонятно. Не ужасы этого мрачного дома приковывают к нему, а чувство по отношению к товарищам, друзьям, незнакомым соседям — чужим и все же близким. Здесь мы почувствовали и осознали, как необходим человек человеку, чем является человек для человека. Здесь мы научились любить не только женщину и не стыдиться своих чувств и своего желания дать людям счастье. И я думаю, что если есть так много предателей, то не потому ли, что у них не было друзей, что они были одиноки, что у них не было никого, кто прижал бы их к себе и приласкал... Думается мне, что отношения между людьми сложны, что чувство, вопреки тому, что оно является врожденной потребностью человека, стало привилегией только избранных. И если мы здесь тоскуем по цветам, то здесь же мы научились любить людей, как любим цветы. Именно здесь, где нет отчаянной борьбы за кусок хлеба, здесь, где всплывает на поверхность то, что там по необходимости было скрыто в глубине человеческой души. И поэтому мы любим это место нашей казни, ибо здесь мы уяснили себе, что борьба, которая нас сюда привела, является также борьбой и за наше личное счастье, за освобождение от навязанного нам насилия, от тяготеющих над нами цепей!

«Przegląd Socjaldemokratyczny» Печатается по тексту журнала
(«Социал-демократическое обозре- Перевод с польского
ние») №№ 16, 17—18, 1909,
и № 19, 1910

Л. ТЫШКЕ

Капри, 11 февраля 1910 г.

Дорогой товарищ!

Представляю себе, как Вы страшно утомлены после такой продолжавшейся весь месяц работы, а ждет Вас еще целый воз наших дел. Тем более я тронут Вашей памятью обо мне. Сегодня я получил ЦО и «Пролетарий» и должен со стыдом признаться, что я до сих пор очень мало сделал, чтобы ознакомиться с жизнью за минувшие два года.

Ведь здесь так очаровательно, так сказочно красиво, что я до сих пор не могу выйти из состояния «восторга» и смотрю на все широко раскрыв глаза. Ведь здесь так чудесно, что я не могу сосредоточиться, не могу себя заставить корпеть за книгой. Я предпочитаю скитаться, смотреть и слушать Горького, его рассказы, смотреть танец тарантеллы Каролины и Энрико, мечтать о социализме, как о красоте и могучей силе жизни, чем вникать в меко-беко-отзовистско-ликвидаторско-польские ортодоксальные споры и вопросы. Вы помните, как я когда-то после нескольких шартрезов рассуждал о красоте и социализме; сейчас почти не пью вина и хочу об этом говорить и говорю об этом и думаю. Ибо я здесь пьян, совершенно пьян. С Горьким довольно часто встречаюсь, посещаю его, иногда хожу с ним на прогулку. Он произвел на меня громадное впечатление своей простотой, своей жизненностью и жизнерадостностью. «Нет реакции» — это неверно, говорил он кому-то, когда тот жаловался на реакцию, и начал рассказывать о богатстве современной жизни, о том, что теперь происходит в душе людей и народа, и говорил правду. Он интересуется всем, все хочет воспринять и

всегда своеобразно воспринимает — душевно, правдиво. Его, очевидно, мучит, что он в изгнании, и он ловит всяческое проявление жизни, которое до него доходит оттуда, и он воссоздает целые картины сел и городов и этим живет — живет так, как будто он сам был там, являясь душой народа, его поэтом, его голосом и его надеждой.

Скептически смотрит на интеллигенцию и на то, что она предпринимает, он говорит, что она недостаточно социалистическая, что в ней слишком мало романтизма, чересчур много нытья, индивидуализма и честолюбия. Он поэт пролетариата — выразитель его коллективной души и, быть может, жрец бога — народа. Всего хорошего. Приветствую Вас и жму сердечно Вашу руку.

Ваш Юзеф

Р. С. В последние дни февраля я уже вернусь, во вторник еду на неделю в Нерви.

Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные произведения», т. 1. М.,

1957

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

3. ЛЕДЕРУ

Берн, 2 марта 1910 г.

Дорогой товарищ! Я прочел «Червоны штандар». Могу сообщить тебе, что я хотел бы выразить мои поздравления нашим новым героям, вылезшим из кротовых нор, к которым привыкли в 1905—1908 гг. нынешние «старики», мои поздравления, что они вышли на широкий свет, в котором те чувствуют себя чуждо; мои поздравления, что эти «старики» очутились в компании провокаторов, а они — наши новые герои, работающие на широком просторе, преодолели все трудности. У меня, однако, одно мучительное сомнение — не является ли этот широкий простор лишь результатом их богатой фантазии, а их трудная тяжелая «работа» с анархизмом старых не является ли борьбой с созданными ими самими ветряными мельницами, их собственная усталость — не является ли в их глазах истощением контрреволюции, не обманывают ли они, когда говорят, что речь идет о стремлении к связи с партией, а не о самом *факте* этой связи независимо от ее формы * и, быть может, эти старики-ретрограды оказались бы правы, если бы они обвинили новых героев широкой работы, что они повторяют старые отзвучавшие уже фразы меньшевизма? Я хотел бы также послать этим новым строителям доброжелательный совет: чтобы они «старых» не толкали ногами раньше, чем достигнут своего собственного триумфа, — так как иначе они могут оказаться в весьма неприятном положении «любви, которая хочет, но не может».

* Соответствующий пункт обязывающего постановления V съезда:... «3) Организационные формы, при помощи которых мы осуществляем и достигаем фактическое единство профсоюзного и общеклассового движения, должны зависеть от конкретных...» и т. д.

Адольф завтра сделает доклад о ЦК — останусь на этот доклад, приеду в Берлин в субботу после полудня (кажется, около трех часов), заеду на несколько часов в Цюрих. Может быть, поеду прямо отсюда, в таком случае буду раньше — сообщу тебе телеграммой. По окончании дел выеду тотчас же в Краков, если Главное правление не назначит меня в ЦК. По вопросу о сотрудничестве в русской печати я вчера послал соответствующее предложение о замене тобою Адольфа в Париже. В Питер надо послать практика, а не литератора, так как последний необходим нам; помогать думской фракции должен не какой-нибудь один поляк, посланный в ЦК, а наше Главное правление и вся наша партийная организация. А наш делегат должен быть лишь посредником, и для такой работы я годился бы больше всего, ибо, к моему счастью или несчастью, я могу быть чем-нибудь, лишь представляя организации, а не самого себя. И думаю, что находясь в Питере, буду лучшим осведомителем Главного правления о думской фракции и ЦК как организациях, а для них осведомителем о Социал-демократии Польши и Литвы и ее учреждениях. Против меня может быть одно соображение: слишком долго я был оторван от жизни. Но это соображение при выборе между мной и Ежи не может говорить в его пользу, потому что он, будучи так долго на работе у нас, в Польше, быть может, не меньше чем я был оторван от русской жизни.

С Кубой о партийных делах не переписываюсь. Он писал мне, что бал в пользу еженедельника и заключенных дал исключительно хорошие результаты. Правда, меня удивило, что не в пользу партии,— но я не писал ему об этом.

Эйзенман я нигде не встречал, адрес ее ты мне совсем не прислал, а только обещал прислать.

Что касается провокаторов, то Крав — не есть ли это Ольбжимек?¹²⁵ Что касается других, то чрезвычайно трудно ориентироваться. Относительно Крава это предположение напрашивается ввиду того, что Ольбжимек был в Лодзи, в Варшаве знал все склады литературы, был в Варшавском комитете в 1908 г. после провала Смутного, знал всех упомянутых в списке.

Резолюция ЦК ¹²⁶ не нравится мне. Она туманна — неясна. В объединение партии при участии Дана не верю. Думаю, что перед объединением следовало довести меков до раскола, и Данов, ныне маскирующихся ликвидаторов, предварительно выгнать из объединенной партии. Впрочем, полагаю, что теперешний ЦК и ЦО смогут также эту задачу выполнить, — если в вопросах принципов политики и общей организационной практики и задач партии они будут твердокаменными, последовательно революционными социал-демократами. Дан будет подымать скандалы — надо избегать конфликтов в мелких вопросах, а при вопросах принципиальных довести конфликт до конца, т. е. заставить Дана уйти с клеймом ликвидатора.

Отрицательного значения изменения нашего фронта в оценке текущего момента я не преувеличиваю. Жизнь пройдет, увы, над этой вашей оценкой к порядку дня — только доверие рабочих масс к с.-д. вследствие этого будет несколько поколеблено, — зато партия, может быть, обогатится собственным опытом в том, что нельзя обманывать историю и устраивать с нею гешефты, как бы ни неприятна была история.

Считаю также, что примечание редакции «Червоного штандара» о «тактике» деградации движения — отбрасывания его назад в связи с тем, что конференция потребовала помещения в «Червоном штандаре» корреспонденций с фабрик и мастерских — было неуместной остротой со стороны редакции. Конференция выразила пожелание, чтобы партия (Главное правление) для оживления движения вообще помещала эти корреспонденции. «Червоны штандар» был назван только потому, что движение ослабело (может быть, в результате «тактики» и Главного правления и вообще всей партии) до такой степени, что осталась для нашего движения лишь одна эта газета. Жаль, что не было отдельной короткой *статьи* о градоначальстве.

Кончаю на этом. Обнимаю тебя.

Впервые напечатано в книге:
Ф. 9. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М.,

1957

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

3. ЛЕДЕРУ

Краков, 16 июня 1910 г.

Дорогой товарищ! Сегодня я получил твою резолюцию по вопросу о Финляндии и земствах без каких-либо поправок, я тотчас переписал ее химическими чернилами и отправил. Я, однако, не согласен с такой резолюцией — и в отношении ее формы и в отношении содержания: что касается формы, то периоды так длинны, запутанны и утомительны, что ни один рабочий не поймет излагаемых в ней мыслей. А ведь эта резолюция предназначена для собраний рабочих. Писать же для того лишь, чтобы написать, — не знаю, есть ли в этом большой смысл. Что же касается содержания, то в нем нет самого главного: 1) характеристики Думы как оплота контрреволюции, 2) анализа самой контрреволюции — ее развития. В твоей резолюции Дума как таковая, как оплот контрреволюции заменена «большинством Думы», вся характеристика которого — «азиатская дикость». Анализа же развития контрреволюции, которая может и вынуждена жить лишь разорением собственного народа и государства и предоставлением дворянству и крупным промышленникам и спекулянтам возможности грабить «иностранцев» и которая, таким образом, *должна* готовить себе собственную смерть, увеличивать армию своих врагов и приближать свой конец — революцию, которая, как это вытекает из объективного анализа, неизбежна, — всего этого нет в резолюции. Резолюция произвела на меня впечатление совершенно кадетской.

Пункт 1-й совершенно напрасно говорит о Плеве — разница между этими периодами состоит не только в «усовершенствовании» методов — она гораздо глубже. Да-

лее, в первом пункте говорится, что этими методами правительство выращивает национализм, тогда как и само правительство, и эти методы, и национализм являются проявлениями контрреволюции, имеющей совершенно определенные классовые интересы.

Пункт 2-й подменяет политику Думы и контрреволюции, соучастниками которой являются и кадеты, политической партий, составляющих большинство III Думы. Дух этой политики — это дух контрреволюции, в которой имеется крепостнический дух, но нельзя ее характеризовать как «крепостническую». Мотивировка неизбежности революции субъективна и цели достигнуть не может: это только слова, которые не вдохнут веру и бодрость при теперешнем положении пролетариата. Сила правительства в этом случае может представляться внушительной, может показаться, что у него достаточно сил, тогда как у народа нет сил протестовать и бороться. Тут следовало высказать мысль, которую дала Роза в «Уроках трех Дум» — проанализировать насилие над Финляндией, чтобы показать, что революция является объективной необходимостью.

Далее, в этом пункте сказано, что III Дума, это ширмочка самодержавия — это уже прямо идет вразрез с нашей позицией. III Дума является оплотом контрреволюции, ее органом, а не ширмочкой (даже в уменьшительной форме).

Пункт 3-й просто скандальный. Приветствовать всю оппозицию, которая всеми силами помогала контрреволюции, боролась с революцией, укрепляла престиж Думы, признавала ее народным «представительством» и морально ответственна за совершенное над Финляндией насилие! Вместо того чтобы пригвоздить кадетов, резолюция Главного правления СДПиЛ их приветствует!!!

В этом же пункте мотивировка ухода фракции с заседаний после генеральной дискуссии является «фракско-отзовистской». После такой мотивировки любой рабочий спросит: а вся Дума в целом не существует ли для того, чтобы на каждом шагу убивать и оправдывать убийства и насилия? Следовательно, не позорно ли принимать в ней участие? Фракция удалилась не из-за позора, ибо она никогда не участвовала в делах Думы (я говорю не об ее ошибках, а о нашей позиции), а была там для того, чтобы

клеить, она, чуждая Думе, демонстративно удалилась, исполнив свою задачу — заклеить и разоблачить Думу.

В пункте 4-м следовало указать, как контрреволюция сплачивает пролетариат, подчеркнуть обратную — объективную сторону насилия.

В характеристике Польского Кола¹²⁷ следовало связать их теперешние выступления по этим вопросам со всей их предшествующей политикой и дать таким образом более убедительную и бичующую критику.

Таких резолюций Главное правление не должно принимать и посылать их как образец на места.

Меня удивляет, что ни Леон, ни Юлек не внесли никаких замечаний, ни поправок.

Неужели я действительно уж так низко пал, что вижу дыру там, где ее нет?

Это мое письмо вместе с твоей резолюцией прошу послать Леону, Юлеку, Адольфу и потом вернуть мне. Я не хочу быть в Главном правлении за страх, а не за совесть. Не хочу вести с тобой полемику, хочу знать, кто я такой и что такое Главное правление и следует ли нам идти вместе. Конечно, в практически-организационных вопросах — сколько бы я ни злился — все это пустяки по сравнению с расхождением в принципах политики, если оно существует, между мной и Главным правлением. Я хочу выяснить, существуют ли эти расхождения и каковы они — и Главное правление должно мне помочь в этом. И поэтому прошу ответить или приписать свой ответ на это мое письмо. Напоминаю существовавшие до сих пор разногласия:

1) «Червоны штандар» № 173: а) культ легальности: социал-демократия «стремится именно к тому, чтобы придать своей деятельности по возможности легальный, а социальному перевороту по возможности мирный и менее болезненный характер». Дальше, как доказательство, слова Энгельса «о сильных мускулах и красных щеках»¹²⁸, — причем ни слова о том, что речь шла об использовании всеобщего избирательного права и что в том же самом письме Энгельс писал также о необходимости подпольной деятельности. Затем «Червоны штандар» пишет: «Это классовое государство не умеет смотреть на эти стремле-

ния социал-демократии иначе, как на стремления к «перевороту»...».

В корреспонденции из Лодзи «Червоны штандар» насмехается над «норами», «кротовой работой подполья» стариков 1905—1907 гг. и высоко превозносит «широкий мир» легальности.

б) Оценка текущего момента: «контрреволюция укрепилась после 1906 г., пролетариат завоевал легальность в области профсоюзной борьбы...», только маленькое «но» — Казнаков, разгром организации, апатия масс не позволили воспользоваться этими завоеванными «правами» легальности. В настоящий же (март 1910 г.) период, пишет «Червоны штандар», «контрреволюция сама исчерпала себя. Дальше идти невозможно. Даже в этой степени напряжения она продолжаться не может. Казацкая рука Столыпина должна отпустить вожжи. Русское государство *вынуждено* терпеть рабочее движение как легальное движение». («Червоны штандар» старается убедить не Столыпина, а польских рабочих. Примечание Юз.)

в) Головоломное жонглерство! С одной стороны, «легальный профсоюз, несомненно, не в состоянии вести классовую борьбу с открытым, ясным и острым подчеркиванием классовых противоречий», с другой стороны, «в легальном профсоюзе, равно как и в нелегальном, мы должны на деле доказать, что при военном состоянии классовой борьбы политическая деятельность и экономические выступления неразрывно связаны друг с другом».

2) Отчет Главного правления за 1909 г.— то же самое, что и в № 173 «Червоного штандара».

3) Лозунги майских воззваний 1910 г.: «Долой царизм!», «Долой режим 16 июня!».

4) Теперь эта резолюция по финляндскому вопросу.

Напишите мне, как я должен все это согласовать с позицией, на которой мы стояли до сих пор,— с резолюциями наших съездов, изложением этих резолюций в статье Розы «Уроки трех Дум» (на стр. 187—188 вся оценка контрреволюции).

По-моему, все то, что я привел, вносит такой хаос в нашу партию, что, если это не ошибка, которую поймет Главное правление и станет более *коллегиальным* учреждением, сосредоточенным в одном месте, чтобы не было

таких ошибок, а если это сознательное направление,— в таком случае для меня не может быть места в Главном правлении.

Быть может, однако, что и этим письмом — как и другими своими «выходками» — я даю доказательство собственного хаоса. В таком случае тем более вы не должны терпеть меня в Главном правлении.

Обнимаю тебя.

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1951*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПС
Перевод с польского*

Ю. Ю. МАРХЛЕВСКОМУ

Краков, 16 июня 1910 г.

Дорогой товарищ!

Я совершенно забыл о том, что Леону и Здзиславу нужны будут деньги на поездку¹²⁹ и почтовые расходы. Будьте же добры дать им по 240 марок, т. е. возьмите из депозита (240 + 240 + 99.38) 579.38 марки, а не 419.38. Для ровного счета возьмите 600 марок и выдайте Леону 260.62 марки, Здзиславу 240 и себе 99.38 марки. Счет я оформлю с ними здесь, на месте.

Что касается «Трибуны»¹³⁰, то прекращение ее издания было бы скандалом. Думаю, что через два-три месяца мы найдем подписчиков. Ежи после конференции должен будет специально заняться этим на местах. Ни в коем случае нельзя допустить краха из-за недостатка денег. Считаю, что «Трибуна» является очень важным партийным орудием. Если до конца июля материальная сторона обеспечена, то надо только подумать о дальнейшем. Как обстоит дело с предприятием для «Трибуны» в Берлине? Дала ли знакомая Эдды и Цеткиной обещанные 500 марок?

На покрытие расходов «Трибуны» до 1 августа надо взять из партийного депозита; что будет потом, нужно будет обсудить.

Не понимаю, как Вы и Леон пропустили резолюцию Главного правления о Финляндии и земствах. Она написана совершенно по-кадетски: пахнет «Речью». Я уже послал ее в Варшаву — не хочу нарушать дисциплины, — но чем дальше, тем больше вижу, что в Главном правлении я не на месте. И вообще ввиду того, что все вопросы решаются путем переписки, что всякое письменное возражение, не говоря уже о трате времени, не приводит к согласованию — а прямо к подавлению большинством —

участие мое в Главном правлении является фиктивным. Я поэтому написал довольно пространную критику этой резолюции и напомнил в письме о прежних разногласиях для того, чтобы, наконец, выяснить этот вопрос. Кто из нас пошел вправо, кто влево? Может быть, я окончательно поглупел и не могу идти в ногу с жизнью? Надо это выяснить и сделать соответствующие выводы. Быть фигурой в Главном правлении, занимать только место, вдобавок не понимать и не соглашаться с политикой Главного правления — это положение, недостойное социал-демократа.

Я пишу это не под влиянием раздражения или обиды, но сознаю, что при таком расхождении моя работа, как и вообще работа всего Главного правления, ни черта не стоит. В указаниях Главного правления партии нет цемента, который бы спаивал партию,— лишь бестолковщина в определении партийной линии и агитация, которая одна, без более глубоких мыслей об основных задачах партии и пролетариата, не представляет большой ценности. Я лично страшно чувствую отсутствие Розы, которая почти одна у нас умеет революционно, объективно и по-марксистски дать ответ на вопрос «что дальше?».

У нас же теперь множество тезисов для агитации, но не имеющих значения и вносящих хаос в головы наших товарищей. Такая работа неизбежно ведет к тому, что есть у ППС левицы, а именно, что цемент, который нас объединял, заменяется водой, которая нас разделяет. Теперь у нас создается такое явление: сколько голов, столько умов, столько тактик.

Поэтому очень прошу Вас отнестись к моим возражениям, которые я посылаю Здзиславу вместе с его резолюцией (о Финляндии), с полным вниманием.

Гольдфингер живет сейчас в Кальварии. Напишу ему — может быть, там найдется подходящий пансион. Я бы предпочел Швейцарию: дешевле, здоровее, культурнее.

Будьте здоровы! Крепко обнимаю

Юзеф

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

Л. ТЫШКЕ

Краков, 16 июня 1910 г.

Дорогой товарищ!

Пришлите, пожалуйста, счет за май — не могу составить кассового отчета.

Риппер¹³¹ просил Кракуса о выдаче ему некоторой суммы при получении номера «Пшеглонда». Если нужно уплатить, то попросите Юлека, чтобы он прислал мне соответствующую сумму.

Из Варшавы просят как можно скорее прислать им рукописи для № 177 «Червоного штандара». № 176 мне еще не прислали.

Я писал Здзиславу, что я решительно против того, чтобы и в № 177 писать о Залевском. Считаю, что после суда, после исключения их (т. е. «Солидарности роботничей») ¹³² из партии надо дать сообщение не более чем в 5 тыс. знаков. Если будет довольно большой фактический материал для уничтожения этой банды, можно будет издать за границей специальный листок о них — на места также можно было бы послать его столько, сколько нужно. Отнимать же у «Штандара» 20—25 тыс. знаков, номер за номером заниматься этим г..., это было бы прямо скандалом.

Читали ли Вы последнюю резолюцию Главного правления о Финляндии и земствах, написанную Здзиславом? Там не было ни одной Вашей поправки, хотя она была совершенно скандальная, совсем кадетская. Я послал ее в страну, переписав химически в течение нескольких часов. Она была просмотрена Вами и Юлеком, я получил ее для «приведения в исполнение». Я ее отправил, но послал Здзиславу протест с просьбой довести до сведения

Главного правления. Очень прошу Вас дать мне ответ по этому вопросу.

При таких условиях оставаться в Главном правлении решительно не могу. Я только фигура, я согласился бы и с такой ролью, если бы партия от этого выигрывала.

Теперешнее партийное руководство вносит в партию хаос, дает неправильную оценку текущего политического момента, выдвигает кадетские лозунги, доходит до того, что приветствует кадетов (смотри последнюю резолюцию Главного правления по вопросу о Финляндии, имеющую служить образцом для организаций на местах). От такого руководства, скорее графомании, в партии возникает только хаос; партия скоро созреет до объединения с левицей. Во избежание этого,— если Роза не может быть нашей политической руководительницей, каковою была всегда вместе с Вами и Адольфом,— надо наше Главное правление сосредоточить в одном месте. В таких же условиях, как до сих пор, я работать не могу. Я вижу, что происходит в партии: люди перестают доверять политическому руководству Главного правления, каждый по-своему определяет тактику и задачи партии. Я вижу это начало хаоса и не могу противодействовать, ибо, по моему мнению, линия Главного правления гибельна.

Получил №№ 9, 10 и 11 «Дневника социал-демократа»¹³³ и «Мой секрет»¹³⁴ в нескольких экземплярах. Послать ли Вам и Розе?

Обнимаю Вас

Юзеф

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

3. ЛЕДЕРУ

Краков, 20 июня 1910 г.

Твое письмо от 18 июня я только что получил. Ты пишешь: «Главной или почти исключительной причиной твоего недовольства является то, что я делаю или пишу», — и далее пишешь об устранении или самоустранении «предмета недовольства», т. е. тебя. Ты ставишь вопрос неправильно. Дело не в личности. Дело в существе вопроса. Правильна или нет моя критика политики и направления Главного правления? За позицию в № 173¹³⁵, за лозунг в воззвании, за тезисы о Финляндии несут ответственность также Леон и Юлиан, а в отношении № 173 — и Адольф. Адольф сформулировал на заседании Главного правления директивы по вопросу легализации, которые ты потом развил в статье. Среди членов Главного правления, руководителей партии, ты являешься наиболее активным из всех и поэтому, руководствуясь чисто субъективными мотивами, ты думаешь, что мое недовольство направлено против тебя лично. Главное правление как коллегия из 5 лиц совершенно не работает. Тройка (ты, Леон и Юлиан) также не работает коллегиально: вы не встречаетесь или встречаетесь очень редко, только официально. Мысль каждого идет совершенно самостоятельно. Каждый из вас исполняет свои обязанности, на совместную же работу «нет времени». Мое участие в таких условиях является фикцией. Когда я высказывал свое мнение и ставил на голосование мои предложения, они отклонялись — я не мог возражать, так как это вызывало справедливые упреки в «бюрократизме, канцелярщине». Следовательно, я могу лишь исполнять ваши — берлинские — решения, чтобы не мешать

работе. И с этой неизбежной ролью я согласился бы, если бы политика Главного правления была такой, какой она, по моему мнению, должна быть. Она не такова. Если Леон, имея у себя тезисы, не просмотрел их, то его ответственность становится еще большей. Я к тебе не в претензии. Ты пишешь и даешь указания, какие считаешь правильными. Это твое право и обязанность. Я недоволен Главным правлением, его «направлением», которое еще не стало направлением, а только складывается, ищет там и сям у нас права гражданства.

Впрочем, я такого низкого мнения о своих умственных способностях, что не уверен, правильно ли я оцениваю положение — быть может, вижу то, чего совершенно нет. Так или иначе, участие мое в Главном правлении, когда я не согласен с его политикой, становится невозможным. Твое самоустранение было бы бессмыслицей и в действительности было бы частичной, очень значительной ликвидацией самого Главного правления.

Я нахожу пока один выход: чтобы коллегия Главного правления поселилась в Кракове.

Впрочем, к нам можно было бы применить слова из басни Крылова: «Как ни садитесь, все в музыканты не годитесь».

Мое умывание рук в назначении судей по делу Залевского не имеет ничего общего с умыванием рук вообще в этом деле.

Я считал бы комедией, противоречащей и уставу, и логике, и достоинству Главного правления, если бы судей по делу Залевского, привлечение которого к суду решено Главным правлением, назначило Бюро заграничных секций. Такое толкование устава самим Главным правлением является весьма опасным прецедентом. Я уже писал тебе, что все, что Главное правление непосредственно поручит мне в этом деле, — я исполню.

Я опасаюсь, что Бронислав готовит нам неприятность с отчетом о варшавской конференции. Посылая материалы, я подчеркиваю, что ни в коем случае он не имеет права без просмотра Главным правлением помещать свой отчет в «Червоном штандаре». Я считаю, что лучше совершенно не печатать этого отчета, чем если бы его поместил сам Бронислав. Напиши мне об этом.

Для № 177 я еще ничего не получил. Ответ на «Торжество кляузы»¹³⁶ надо дать по-русски в «Дискуссионном листке»¹³⁷, или в «Социал-демократе», или отдельным оттиском, но не в «Червоном штандаре».

Счет Люциана ты мне не прислал. Я о нем беспокоюсь. С 10/VI ни слова.

Обнимаю тебя.

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

Э. СОКОЛОВСКОМУ

Краков, 10 ноября 1910 г.

Дорогой товарищ!

Последнее письмо Ваше — пессимистическое — от 5/XI я получил только сегодня. До этого я получил два Ваших письма — я не ответил, ибо у меня не было адреса. На основании же Ваших писем я заключил, что мои письма Зеленому, отправленные 24-го и 29-го, не дошли, ибо в этих письмах как раз были ответы на затронутые Вами вопросы. Материалы я тоже послал — до сих пор не знаю, получены ли Вами. Ясек не прислал мне имени адресата и, может быть, поэтому и произошло осложнение.

Пессимизма Вашего я не разделяю. Мне кажется, что работа эта на вид такая ничтожная, является колоссальной важности работой и на сегодня и для будущего. Вы хотите широкой деятельности, я тоже ее желаю и мы все этого желаем, но такая деятельность возможна только как широкое массовое движение, а теперь нужно толканием вперед и поддержкой тех выступлений, которые все шире охватывают массы, подготовить кропотливой работой плановость этой будущей деятельности. Следовательно, сейчас важнейшая наша задача — это организация, и ведь в Варшаве столько рабочих, которые требуют, просят руководства, людей с образованием. Отступать теперь, не видеть теперь своих задач и целей — это прямо преступление. Конечно, у нас господствует кустарничество, штопанье, но оно вытекает единственно и исключительно из недостатка сил, а не из недостатка планов и желания, чтобы не было «ты да я». Этот недостаток сил может быть заменен исключительно рабочими организациями. Вы могли ведь издать уже не одну прокламацию по поводу стачек на фаб-

рике «Вулкан»¹³⁸, у Ярнушкевича и др. Почему не делаете этого? Поездка в Питер при колоссальной важности самой интерpellяции не спасет нас, не создаст широкого политического движения, поскольку в Питере нет такого движения, поскольку у нас его нет среди масс. Интерpellяция необходима. Получив Ваше письмо, мы сейчас же написали им об этом, я написал также об этом З. Пошлите также сами исчерпывающий материал. Можете послать заказным письмом или бандеролью по адресу какого-либо депутата из фракции. Можете послать в «Современный мир», например, Иорданскому с просьбой передать. Зачем ездить, зачем отрываться от живой работы, которая куёт фактическую силу — организацию масс, которые уже не спят (тем более, что личная поездка при теperешнем положении дел в Питере мало поможет).

Далее, Вы пишете о легализации. Конечно, нельзя забросить этого, но Вы забываете, что Вы сегодня здесь, а завтра Вас может не быть, работа же должна продолжаться, пролетариат останется, следовательно, в первую очередь должна быть создана рабочая организация, профсоюзный центр, который сам при Вашей помощи будет заботиться о завоевании легальной организации. Значит, наша задача, прежде всего, это создание этих организаций, завоевание для них опоры, силы и популярности путем воззваний от ее имени к массам, путем руководства ею стачками, путем организации ею материальной помощи борющимся, путем воодушевления этих организаций нашим боевым духом, чтобы массы знали, что эти-то организации стоят на страже их интересов. И Вы говорите о «кустарничестве» и отсутствии плановой работы и советуете «широкую акцию» в... Сенате. Я не понимаю Вас. Что касается интерpellяции, то если есть у Вас материал, собирайте его и мы его пошлем. Что касается Стефана *, то вы непременно должны найти кого-нибудь другого и возможно скорее его заменить. У меня, к сожалению, здесь нет никого теперь.

Вы спрашиваете относительно нашей политической цели на сегодня — еще раз возвращаюсь к этому вопросу — это, прежде всего, восстановление сильной орга-

* Стефан — гимназист, фамилия не установлена.— *Ред.*

низации, чтобы отвоевать обратно то, что было отобрано у рабочих в области экономической и политической жизни во время господства контрреволюции, чтобы пролетариат опять приобрел силы для выполнения задач 1905 г. С этой целью мы должны теперешнюю деятельность масс развивать возможно дальше, охватить ее организацией (кружки по профессиям, фабрично-заводские организации, профсоюзные и политические и т. д.), придать ей смысл и политическую сознательность. А это возможно путем повседневной организационно-пропагандистской работы, путем издания прокламаций, путем использования думской фракции, легальной и нелегальной печати, путем идеологической борьбы со всеми врагами и буржуазными течениями, путем кампании за присоединение (к Социал-демократии Польши и Литвы) рабочих из ППС-«левицы», путем агитации среди рабочих из «Народовой демократии» и «Христианской демократии» и т. д. и т. п. И при всех этих задачах Вы пишете, что нет для Вас подходящей работы...

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКПЛ

Краков, 3 декабря 1910 г.

Дорогие товарищи!

1) Прилагаю кассовый отчет за ноябрь. Здзиславу не надо посылать — я послал ему черновик. Обращаю внимание, что денег хватит нам только на два месяца.

2) Для того чтобы № 180 «Червоного штандара» вышел перед праздниками, я должен иметь весь материал *самое позднее* 12-го, т. е. через девять дней. Возмутительно, что редакция так тянет с воззваниями и «Червовым штандаром», не считаясь с нуждами работы и условиями ее осуществления и со своими собственными постановлениями. Обращаю еще раз внимание на несоразмерность между работой Главного правления и его бюджетом.

3) Фелициан — это Верны. Псевдоним Зеленого давно один и тот же.

4) Я решительно против привлечения Сергея. В Варшаве он живет легально, везде известен. Пользы от него немного.

5) О Вицекке и Брониславе у меня нет никаких сведений.

6) Что касается помощи в побеге нашим парням, то ничего не сделано, так как некому помогать, т. е. нет таких, которые стремились бы бежать для того, чтобы вернуться к работе в партии. Вскоре кончат каторгу Адам (Токарский), Кацпер (брат Анатоля), Андрей (Пестковский). Я о них помню и переписываюсь с ними.

Последний из них спрашивает, имеется ли ответ по вопросу, о котором он просил Розу. Получила ли Роза какое-нибудь письмо от него? С ним переписывается Дора

Кан (жена Сиониста), пришлите мне ее адрес — его должен знать Прегер, Эдда или Рубинек. Этот адрес нужен мне. Далее, Тадеуш (Горский) отбыл каторгу и находится па поселении в Киренском уезде, сможет вернуться только весной.

7) Что касается всех этих скандалов со стороны Малецкого, Ганецкого, а в последнее время и Здзислава — их протестов, козней и т. д., — то я вижу один выход, чтобы избавиться от этого, надо удвоить и утроить работу Главного правления в области организации и агитации. К сожалению, ваша тройка по уши влезла в «Млот»¹³⁹ до такой степени, что не находит времени для работы над воззваниями, «Штандаром», «Пшеглондом» (на издании которого страна настаивает) и т. д. Вы пишете мне, что «у всех вас очень много разного рода работы», — а главнейшую работу запускаете. Если так будет продолжаться дальше, то и я должен буду уйти из Главного правления, уйти, ибо писать воззвания я не умею, а есть даром партийный хлеб и сидеть здесь для того, чтобы вести войну с Залевским, потом Ганецким, потом Малецким, потом со Здзиславом и т. д. без конца, я не должен. Не думайте, что я недооцениваю значения легального журнала. Отнюдь нет. Но для того, чтобы только руководить «журналом», достаточно быть «кружком» партийных литераторов, а не Главным правлением партии. И если наше Главное правление уже выдохлось и не умеет работать — исполнять своих обязанностей, то пусть лучше не будет Главного правления, пусть партия снова выберет Мартинов и других в свое Главное правление, но пусть это Главное правление работает по мере своих способностей, а не будет тем, чем Главное правление является теперь: собранием весьма умных, опытных, старых товарищей, которые потеряли способность работать так, как это требуется от Главного правления. Теперешнее Главное правление совсем не является Главным правлением активной партии. Была забастовка трамвайщиков — где было Главное правление, что оно сделало, как сделало? Был и есть целый ряд других важных забастовок — что сделало, где было Главное правление? Продолжается борьба не на жизнь, а на смерть рабочих фабрики «Вулкан» — что сделало, где было Главное правление? Было преступление Мацоха¹⁴⁰, дрогнул

верующий народ — где было, что сделало Главное правление? В Думе ведется торг о душе польских пролетариев — что сделало, где находится Главное правление? И так далее, без конца. А Главное правление учиняло победоносную экзекуцию Немоевскому¹⁴¹! Главное правление тратило свою энергию на то, чтобы показать ничтожество таких ничтожеств, как Ганецкий и Малецкий. Главное правление самодовольно успокаивается тем, что оно «наверху общественной жизни», этой пошлой жизни польского «общества». Главное правление посвятило этому свое время, свою энергию и свой опыт. А для других дел оно назначило «среды», которые оно откладывало на «пятницы» и опять на «среды», как будто борьба польского пролетариата и вся общественная жизнь по приказу Главного правления откладывалась на «среды» и «пятницы». Я ценю вас — и поэтому я с вами, но я ненавижу вас за эту вашу гордость, за эту слепоту в курятнике, в который вы влезли, и поэтому быть членом так работающего Главного правления для меня прямо моральная пытка.

Вы обязаны покончить с этой непродуктивностью Главного правления. Вы обязаны найти средство, чтобы Главное правление было активным фактором партии и в партии, а не над партией, — учреждением, плетущимся за жизнью и борьбой пролетариата только мысленно, да и то с опозданием. Выход может быть такой: немедленно обслуживать запросы и нужды движения и борьбы, которые не ждут «сред» Главного правления. Для этой цели это практическое Главное правление пусть будет или в Кракове или в Берлине, но пусть оно переписывается со страной, пусть оно исполняет все текущие дела изо дня в день. Для самой техники надо найти здесь кого-либо подходящего, а я разъезжал бы по стране, постоянно заботился бы, чтобы не порвалась связь между страной и Главным правлением.

Еще раз повторяю, что работать так, как до сих пор, для меня беспрестанная моральная пытка, в которой я долго жить не смогу. Из тюрьмы я выйти не мог, поэтому сидел; здесь сижу только потому, что до сих пор стараюсь обольщаться надеждой, что это изменится.

8) Чеслав пишет мне: «Я должен на днях уехать в Царство Польское. Поэтому, если русские не ответят до

моего отъезда, то я оставляю адрес, по которому ты сможешь прислать извещение, когда получишь его от них. Если бы были деньги и если бы это было полезно, то я мог бы заехать в Питер или в другое место, куда нужно, чтобы договориться с цекистами».

Обращаю ваше внимание на то, что если необходимо будет поехать, то мы не сможем переговорить с Чеславом.

9) Кто должен известить «Правду» о вашем постановлении сообщить ЦК содержание их отчета. Если я, то поставить ли печать?

10) Знаете ли вы, что редактор уже сидит и привлечен по § 129, п. 1, 2 и 6?

11) Люциан был в Ченстохове, находится в Лодзи. На несколько дней он уезжает в Варшаву, чтобы обсудить вопрос Чеслав — Новицкий.

Юзеф

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. I. М., 1957*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

Л. ТЫШКЕ

23—24 декабря 1910 г.

Дорогой товарищ!

1) Я посылаю Станиславе 10 франков. Телеграммой она затребовала акт обвинения против Залевского. Я выслал ей скрепя сердце, однако с предупреждением, что никому из Заграничного бюро Центрального Комитета, ни самому ЗБЦК она не имеет права этого документа даже показать, пока не согласует этот вопрос с Главным правлением. Я боялся, что она захочет судиться с ЗБЦК и будет говорить «по существу». Я написал ей также частным образом свое мнение, что я бы прямо это дело поставил со всей остротой, если бы ЗБЦК захотело ввязаться в это дело. Присланной мне Вами ее резолюцией я недоволен. ЗБЦК не имеет права быть интерпретатором *нашей* компетенции. Наоборот, оно должно ответить Залевскому, что ЗБЦК не является компетентным (а не — что это наша компетенция) и больше ничего.

2) Адреса и явки Берлинской секции до сих пор я не имею.

3) От ЗБЦК я получил деньги для покрытия расходов на поездку Чеслава.

4) Чеслав (Францишек) два дня тому назад был в Лодзи, но уже вернулся.

5) На последние выступления «Правды»¹⁴² предлагаю реагировать, между прочим, и следующим образом: принять резолюцию, что ввиду того, что «Правда» совершенно сошла с пути, указанного ей пленумом, и что дальнейшая поддержка ее противоречила бы решениям этого пленума и была бы злоупотреблением, Главное правление поста-

новляет: отказать в какой бы то ни было моральной поддержке этому органу и до создания популярного органа партии — поддерживать «Рабочую газету»¹⁴³, которая, судя по ее первому номеру, целиком стоит на почве постановлений пленума ЦК. Я прошу это мое предложение поставить на голосование.

6) Что касается ультиматумов Здзислава,— то полагаю, что не стоит принимать их всерьез и тратить на это время (зато я настаиваю, чтобы прокламация, которую он прислал, была немедленно (конечно, в границах возможностей) исправлена и прислана мне). И поступать так, как будто бы этого ультиматума совсем не было, т. е., как Вы сами пишете, ответ «Правде» ему предварительно послать, ничуть не объясняя этой пересылки, которая столь естественна, что только в наших скандальных внутренних отношениях, в голове одного из тех, кто эти отношения создает, могла возникнуть необходимость предъявления «ультиматума». Это является результатом того, что из-за отсутствия у нас возможности иметь широкую партию — у наших «вождей» чувство ответственности за свои выступления совершенно ослабло.

7) По существу — не могу с Вами согласиться, что «дело было дрянью». ЦО сделал очень хорошо, что поставил дело на обсуждение всей партии и что этот «доклад» «Правды» будет напечатан. Никаких «тайн» ЦС не разгласил. «Правда» имеет претензию по чисто формальным соображениям, на мой взгляд не выдерживающим критики. Я тоже думаю, что ответ «Правде» должен быть только формальным, но необходимо, чтобы Барский или Вы за своей подписью поместили в ЦО статью против «Правды», против всей ее политики и всех ее претензий. Кроме статьи в ЦО, нужно хотя бы кратко написать о «Правде» и в «Червоном штандаре». Уже время утереть нос этим «краснобаям». Их пренебрежение к идеологической борьбе с ликвидаторством, их претенциозность к своей «работе», которая, по-моему, является сотрясанием воздуха, приносят партии огромный вред. Л последняя их резолюция, которую Вы мне прислали, является прямо дезорганизаторской.

Юзеф

Листовкой «Социал-демократия и церковь» почти все недовольны — слишком много приспособленчества к вере народа, и она лишь формально соответствует нашей точке зрения, что религия является частным делом.

Прокламация мне не нравится.

Крымский прислал мне опять какое-то огромное заказное письмо — я не принял, узнав его почерк.

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. I. М.,*

1957 Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

3. ЛЕДЕРУ

26 января 1911 г.

Дорогой Владек!

Воззвание Варшавского комитета было для нас сюрпризом. Его написали и отпечатали, также воззвание к молодежи (прилагаю, но прошу вернуть). Воззвание Главного правления опоздало, и я не знаю, распространено ли уже оно. В Домбровском бассейне и Ченстохове оно должно было быть распространено 24—25-го числа. Я получил рукопись — несмотря на мольбы и просьбы — лишь 15 января вечером, 16-го вечером уже послал в отпечатанном виде. Письмо, уведомляющее об этом контрабандиста, не застало его, он вернулся только 21-го и 22-го пошел получить воззвание.

Берлин не отвечает мне на письма, не выполняет текущих дел, я до сих пор не получил протокола их последнего (?) заседания от 6 декабря, не отсылают мне анкету, которую ты им послал, не отсылают моего кассового отчета, не спешат с изданием «Червоного штандара», несмотря на то, что мне было поручено отдать в печать две статьи уже 10 дней тому назад. *Одним словом, Берлин ликвидировал Главное правление* и всю свою работу свел к редактированию (легального) журнала. Я не вижу выхода. Причина кроется в свойствах людей. Нужны новые люди. Выход был бы один — отделить Главное правление от кружка литераторов и подлинное Главное правление перенести в Царство Польское и в Краков. Я не вижу этих новых людей. Ликвидация Главного правления является фактом. И в конце концов, когда я задумываюсь вообще

о значении Главного правления, этот последний факт не приводит меня в отчаяние. Значение Главного правления в массах было вообще минимальным. Возрождение партии может наступить исключительно на основе движения масс. А в Варшаве наши рабочие организации существуют и развиваются. Прилагаю письмо Яна (прошу его вернуть после ознакомления). Я не разделяю его опасений. Я знаю этих людей, знаю — кто они. Они неопытны, неосторожны — это верно, но они активны и пользуются доверием масс, так как массы их видят, и сами они являются выразителями интересов масс — они принимали самое активное участие в забастовках. Следовательно, это не так страшно. Вообще в массах заметно пробуждение и жизнь. Только мы отрезаны от организаций. В Домбровском бассейне у нас есть активный товарищ — женщина, которая работает очень много, работает, как умеет. Листовки были так распространены, что в Домбровском бассейне не было ни одного дома, куда бы не дошло и не читалось воззвание о Мацохе, которое прямо взбудоражило весь Домбровский бассейн. Из Варшавы Мартин пишет о громадном оживлении и жизни.

Если бы ты мог быть в Кракове, я мог бы навещать подпольные организации. Однако напрасные слова.

Я уже давно хотел покинуть Краков и Главное правление, если бы этот труп продолжал меня задерживать. Жулды должен был заменить меня здесь, но в последнюю минуту отказался. Теперь я ожидаю приезда Флориана. Ибо я больше оставаться здесь не могу и, совершенно не преувеличивая, сейчас ни к чему не годен, и я являюсь таким же самым пенсионером, как и все Главное правление. Бросить же все па произвол судьбы и уехать отсюда — не могу.

В кассе у нас не полные 3 тыс. марок. На оплату гонораров за статьи для журнала ничего нам из подпольной организации не присылают, даже взяли у нас 175 руб. из нашей краевой кассы.

Воззвание Варшавского комитета, как пишет Мартин, было завезено и в Лодзь (с которой у нас нет связи после ареста Фелициана, Чеслава и Казика).

О варшавском провале посылаю письмо с просьбой вернуть. Мартин должен вскоре сюда приехать, я вызвал

его, так как письменно не могу с ним договориться, он но умеет шифровать и пр.

Что касается дел российского ЦК, то я не писал тебе, так как думал, что Алексей Власов проинформировал тебя о создавшемся положении и о моем и Либера письме ему по этим вопросам.

Здесь был Либер, который бежал из ссылки и привез сюда поручения от Бюро ЦК¹⁴⁴ в России. Оно состоит из Лин., Ма. и Юдина. Они решили в конце января старого стиля устроить в России совещание. Беки ввиду провала Кострова и Петра хотели без меков, Юдин запротестовал и взялся уведомить нас и латышей, свести исков и организовать совещание. Вся эта затея ни к чему не приведет. Провал был бы неизбежен. Русские большевики не соглашаются на пленум и являются примиренцами (Либер причисляет к ним и Власова). Власов же писал мне, что он проектирует устроить собрание русской коллегии ЦК где-нибудь здесь в Галиции около границы. Я лично поддержал эту его мысль — как единственный выход, — поскольку должен быть не пленум, а совещание русской коллегии ЦК. Он написал сейчас об этом вопросе в Бюро, утверждая, что у него есть данные, что вокруг Бюро ЦК в России «нечисто», и тем более, что Либер писал в «Голос социал-демократа» о проектированном в конце января заседании, дал им явки и пр., вследствие чего дело это получило огласку.

Я читал их последнее: «Ко всем членам партии¹⁴⁵ — это уже что-то неслыханное. И я думаю, что чем скорее с ними порвать, тем лучше.

В секциях вообще и, в частности, в краковской старческое увядание.

Здесь в Кракове удалось организовать кружок самообразования наших и галицийских рабочих.

Куба, кажется, устал в поисках в секции лавров для себя, и, быть может, все же удастся лучше организовать секцию. В последнее время организовалась заново наша взаимопомощь.

Не согласен ли ты заменить меня в Бюро Заграничных секций? Ты внес бы туда больше инициативы, и это было бы очень желательно и для меня и для Бюро.

Не знаешь ли ты, что слышно со Штейном? Бежал ли он, наконец, из ссылки и вообще, что с ним, или кто мог бы дать мне о нем сведения. Меня спрашивает Генрих.

Пока кончаю.

Крепко обнимаю тебя

Юзеф

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

А. БАРСКОМУ

Лодзь, 4 января 1912 г.

Мой дорогой!

Сегодня я послал длинное письмо в Краков. Это письмо я пошлю только завтра. Сейчас же я хочу написать, что очень желательно было бы поместить в ближайшем номере краткую статью по вопросу о значении и необходимости для нас поднятия кампании протеста. Я представляю себе эту статью приблизительно так: в настоящее время почти ни одна наша организация, в особенности варшавская, не связана с *массой* какой-либо политической работой, распространением сознательности и политической мысли и не вовлекает эти массы (или вообще сколько-нибудь широкие слои) в какую-нибудь политическую кампанию. Наши организации превратились в технические группы по распространению лишь нелегальной литературы, выходящей, естественно, в настоящее время так редко. Кроме того, организации «ждут у моря погоды» или варятся в собственном соку кружковых интересов, становясь легкой добычей для всяких склочников (дело доходит до того, что организации становятся орудием беглецов от партийной работы против Главного правления). Раньше, когда также не было открытой жизни масс, перед 1905 г., каждый кружок вдохновлялся духом широкой работы, политической мысли, ни на кого не оглядываясь, сам желал и стремился привести массы в движение. Тогда организовывались стачки, массовки, демонстрации, которые вовлекали и выдвигали на арену общественной жизни массы. Сегодня этот дух упал, и нет его в наших организациях.

Между прочим, причина заключается в том, что наши организации не осознали тех изменений, которые произошли, и не применили новых средств работы, которые должны применяться в настоящих условиях. Политические стачки и демонстрации в настоящее время пока что не могут быть применены как средство распространения политической мысли. Стачки и демонстрации после 1905—1906 гг. сделались уже орудием непосредственной политической борьбы масс, которые должны быть использованы и которые можно будет использовать лишь при огромном напряжении боевой активности масс. Этой боевой активности нет в настоящее время и не от нашего желания или воли это зависит.

Но из-за этого мы не можем свои задачи и обязанности отложить в сторону, не можем ограничить работу наших организаций и свести ее к одним лишь кружкам. Мы должны применить новое средство. А таким средством является презираемая кой-кем из квазиревольюционеров бумажка с резолюциями, заключающими освещение текущих вопросов политики с точки зрения интересов рабочего класса и являющимися выражением интересов этого рабочего класса. Следовательно, постоянной задачей и содержанием работы наших организаций было бы беспрестанное сплочение вокруг этих резолюций рабочих масс, завоевание этих масс для наших лозунгов и, таким образом, создание новой трибуны уже не для идеологов и кружков, а для широких масс.

Таким образом, наша партия снова вырастет из кружковщины и снова охватит массы, хотя и не в партийную организацию, которая при современных условиях не может охватить эти массы. Тогда эти кружки — наши организации сделаются средоточием жизни широких масс и, испытывая на себе влияние этих масс, перестанут вариться в своем собственном соку.

Подытоживаю значение такой постоянной изо дня в день кампании по каждому интересующему рабочий класс вопросу в следующих пунктах.

- 1) Это — организация массы под нашим знаменем.
- 2) Это — широкое воспитание и обучение массы в нашем духе и вовлечение ее самой в эту работу среди самых широких масс.

3) Это — мобилизация массы на арену политической жизни.

4) Это — предохранение наших кружков от застоя и замкнутости и придание им огромной политической силы.

Я считаю, что такая статья дала бы чрезвычайно много. Я видел, какое сильное впечатление произвел мой небольшой доклад в этом духе в Ченстохове.

Следует подготовить и разослать повсюду резолюции по вопросу о самоуправлении, о Холмщине и другие. Можно их не печатать. Каждая организация может их размножить на гектографе.

Что слышно с воззванием на 22-е? Может быть, удастся его отпечатать в стране.

Теодор на этих днях напишет тебе, Флориан пришлет адрес, куда ты должен прямо выслать воззвание. Необходимо, однако, чтобы это выглядело совсем, как письмо. Если получишь непонятное письмо от меня, то значит оно будет написано симпатическими чернилами.

Завтра еду к Эрнесту¹⁴⁶. С Яном увидеться не имею намерения, не знаю, как получится. Это он все это провел с Мартином, Когда вернусь домой, не знаю, вероятно, через какие-нибудь две недели.

Обнимаю тебя. Твой

«Пролетарская революция»
№ 7(66), 1927

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

Л. ТЫШКЕ

Краков, 22 марта 1912 г.

Дорогой товарищ!

1) По вопросу о моем конфликте с болваном¹⁴⁷ для меня важно не вникание в существо вопроса о его суточных, а факт *обмана* меня лично, своего друга; он сказал, что счета, выписанного мной, он совсем не читал, что оказалось наглой ложью. Я думаю, что это дело я смогу поднять, если дело дойдет до третейского суда между ним и мной. Это вопрос чисто личного моего отношения к нему. Каково Ваше мнение по этому вопросу — я пишу об этом в связи с Вашим письмом от 29/II 1912 г., которое я получил сейчас после возвращения из страны. Поэтому пришлите мне его письмо в Главное правление, в котором он ссылается на *мой счет*, и вообще пришлите мне все материалы, чтобы я мог их привести в порядок для использования.

2) Пришлите мне отчет о ленинской конференции¹⁴⁸, так как нам, кроме отосланного Вам экземпляра, больше не прислали.

3) Страховая кампания в Лодзи и других городах будет проводиться далее. В Лодзи — Север, в Ченстохове и Домбровском угольном бассейне — Теодор. Среди немцев она начнется теперь, так как только лишь сейчас напечатана на гектографе резолюция. Собралось столько дел одновременно, а людей мало. Что касается немецких подрайонов, то если бы от этого зависела работа среди немцев, то мы бы их (подрайоны) давно создали. Нет руководителей, а такого движения масс, при котором они сами выдвигали бы руководителей, еще нет — может быть, профсоюзная работа до некоторой степени его оживит.

4) Малы (второй член Лодзинского комитета) * заявил на межрайонной конференции, что он был против резолю-

* Фамилия не установлена.— *Ред.*

ции Теодора и что тот неправильно ссылается на эту резолюцию, как на резолюцию Лодзинского комитета.

Марыська выехала в Варшаву навсегда — она работает в Варшавской организации, в Вольском районе, но уже расконспирирована и в других районах.

5) То, что говорят о профсоюзе пекарей в Лодзи, — чистая правда. Этот профсоюз потому только и существует, что он является для охраны пунктом наблюдения. Завладеть *этим* профсоюзом — это значит отдать себя охране.

6) Что касается заместителя Кржиновского, то представьте себе такую штуку: магистрат два месяца держал извещение от губернатора, потому что мало было гербовых марок. Теперь эта концессия будет скоро получена¹⁴⁹. Она там лишь единственная. Некому там хлопотать. Зато в Лодзи уже вскоре будет несколько концессий — одна уже имеется. На несколько (3) поданы прошения о разрешении, в Лодзи очень быстро дают разрешения. Для того чтобы этими вопросами заниматься, кто-то должен находиться в стране, кто не ведет текущей организационной работы, а обслуживает партию и состоит с ней в самой тесной связи, т. е., если исходить из наших сил, то мне нужно быть в стране, а не здесь.

7) Как я Вам говорил уже, я имею непосредственный путь к Абраму в Люблине.

8) В письме к Флориану Вы писали, что Северу и Теодору за II в феврале не было выплачено жалованье. Это не так. Кроме того, что я им послал, они имели еще наши (Главного правления) доходы в Лодзи, из которых у них кое-что осталось еще на III. Я не мог этого внести в отчет, так как они тогда еще не прислали мне своих счетов. Стало быть, Ваша тревога была объективно неправильной.

На этом заканчиваю, так как болезнь не прекращается и болит голова.

Обнимаю Юзеф

Надеюсь, что завтра-послезавтра я смогу дать Вам отчет о состоянии работы в стране.

Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

Б. М. ШВАРЦУ

Кумысолечебница Оренбургской губ.
7 (20) июня 1917 г.

Дорогой товарищ! Одновременно я посылаю в Петроград письмо дословно следующего содержания: «Сейчас я получил из Москвы письмо о проекте создания временного Главного правления в России. Я должен протестовать против этого проекта — он неприемлем для нас. Мы не можем брать пример с подобного рода действий ППС и Бунда. Наша принципиальная позиция находится в резком противоречии с этим проектом. В России мы не можем вообще иметь Главного правления, следовательно, и временного. Мы могли бы иметь здесь Главное правление, если бы мы являлись партией. На самом же деле мы являемся здесь органической частью РСДРП, будучи слиты с ней территориально. Мы должны иметь здесь «Исполнительный орган *групп* СДПил в России» под руководством ЦК партии. Этот исполнительный орган должен взять на себя право представительства СДПил там, где краевая организация не имеет возможности послать своих представителей. Существование же Главного правления предполагает ведение самостоятельной политики в рамках партийного единства; наша же позиция прямо противоположная: политическая линия определяется для нас не в наших группах, а в рамках общепартийной организации. Характер нашей организации является вспомогательным — организационно-агитационным. Главное правление по своей природе является органом, связанным с партией в стране. На такое название мы никаких прав не имеем. По-русски наш исполнительный орган назывался бы: «Исполнительным комитетом *групп* СДПил в России».

Что касается его состава, то я лично воздерживаюсь от голосования по этому вопросу. Я считаю желательным создать это учреждение немедленно, не ожидая съезда групп. Число членов — пять является подходящим. Что касается его компетенций, то мы установили бы это на съезде, теперь целью его и задачей является представительство нас (польских с.-д.) и организация новых групп и их съезда. Если бы мы могли послать в Стокгольм делегатов лишь от имени Главного правления, а не от имени групп или их Исполнительного комитета, то мы должны были бы обратиться в ЦК (с просьбой), чтобы в состав его делегации были включены наши товарищи, юридически — члены делегации РСДРП, а *политически и морально* — делегаты СДПил. Это, кажется, все, что я могу сказать по этому вопросу. Думаю, что дело здесь не в названии «Главное правление» и что название «Исполнительный комитет групп» не встретит с Вашей стороны возражения. Таким образом мы избежим упреков и облегчим борьбу с левицей и Бундом.

«Правду» и «Социал-демократ» я не получил, только — «Известия», «Трибуну» и воззвание левицовцев, а вчера вместе с открыткой заказное письмо (Зоси). «Трибуна», к сожалению, очень суха. Рассердило меня заявление «От редакции», что наша газета «пойдет по следам «Нашей Трибуны»». Таким образом они делают из «Трибуны» орган «розламовцев». Эти прохвосты не обладают ни каплей такта и в дальнейшем хотят быть вредителями. Я должен буду, договорившись с Вами (после возвращения), реагировать на это. В письме Зоси не было письма Марыльки о наших партийных делах. Вы задержали его? или же оно пропало? Вижу, что мое мнение насчет того, что Главного правления не существует, полностью подтвердилось и что там, за границей, не знают нашего внутреннего положения. Совместные выступления с левицей, которые были возможны в свое время в Польше, — возможны у нас лишь путем присоединения их к большевикам и, поскольку они не присоединяются, необходимо с ними бороться, ибо теперь в период революционной борьбы — кто не с нами, тот против нас. Отношение к Ленину и партии здесь не может быть одинаковым с прежним отношением нашей партии в стране. *Здесь* такая позиция была бы расколом,

ибо здесь, во время революции большевики — это единственная активная с.-д. организация *пролетариата*, и если бы мы были вне ее, то оказались бы вне пролетарской революционной борьбы. Вопрос об объединении с циммервальдцами возможен исключительно на почве разрыва с ликвидаторами, плехановцами, оборонцами, народниками и пр. Без этого наша общность с ними была бы цепью, сковывающей революционную борьбу, ибо теперь время не только для слов, для пропаганды, а и для действий. И я вполне согласен, что, например, если конференция циммервальдцев станет на точку зрения переговоров и разговоров с Шейдеманами, то мы должны выйти из циммервальдского объединения.— Ехать мне в Стокгольм нет основания, ибо встреча с нашими заграничными товарищами-одиночками не имеет для нас никакой политической цели, ни значения. Эта встреча ничего нам не даст. Наши делегаты в Стокгольме должны занять позиции нашей партии: *РСДРП*. Делегатом должен быть человек, владеющий немецким или французским языком. Бобинский вполне подходящ. В польском вопросе сегодня наша позиция единая — против лозунга независимости Польши.

Я вернусь, к сожалению, в первых числах июля — хочу набраться сил, чтобы потом пойти на всех парах.

Крепко обнимаю Вас

Юзеф

Впервые напечатано в книге:
Ф. О. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. I. М., 1957

Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

ПОЛЬСКИЕ СОЮЗНИКИ КОРНИЛОВА ¹⁵⁰

Польская контрреволюция, как и русская, не теряла понапрасну времени. Широкие круги польских помещиков и буржуазии в России мобилизовали свои силы для борьбы с революцией в Польше, опираясь на контрреволюционные классы страны.

Мы уже давно указывали на это. Вот почему пресса «народовой демократии» бросилась на нас с таким бешенством после дней 3—5 июля.

Польская контрреволюция — это не измышление, это действительность, с которой должна считаться не только польская, но и русская революционная демократия.

Ее политический центр — это так называемый «Междупартийный польский совет», а военный — «Верховный польский военный комитет» в Петрограде. И в одном и в другом первые скрипки играет, конечно, «народовая демократия», оплот реакции и польского хулиганства.

Естественно, что первостепенной задачей этой партии явилась организация польского войска, осуществление идеи «собственных штыков», на которые можно было бы опереться при возвращении обратно в Польшу или при возможном *перевороте* в России.

Верховный польский военный комитет именно в этом направлении начал действовать. Некоторой помехой было недоверие к нему Керенского, который не особенно горячо принял к сердцу вопрос организации отдельной польской армии. И вот недавно этот «Верховный комитет» обратился от имени «всех солдат (!) и офицеров поляков» с

открытым письмом к «председателю министров», требуя признать его «правомочным органом» солдат-поляков и угрожая, что, в случае неисполнения этого требования, комитет будет принужден «перейти в оппозицию», даже, может быть, «выделить поляков в отдельную боевую единицу явочным порядком».

Необходимость выделения вызывается и «ставится ребром ввиду неуверенности (!) в русских войсках». И потому, «чтобы создать действительно способную сражаться польскую боевую единицу, комитету нужно иметь всякую возможность *устранять* из создаваемых польских кадров *нежелательных и несоответствующих лиц*».

Кого подразумевают под этими лицами?

Ответ на этот вопрос дает нам документ, опубликованный в предыдущем номере «Трибуны». Главный комитет союза офицеров армии и флота секретно доводит до сведения Верховного польского военного комитета, что он «*тоже* считает одной из своих задач — борьбу с большевизмом в армии и с пораженческой агитацией»... В этом направлении Комитет союза офицеров армии и флота приглашает Верховный польский комитет «к совместной работе», предлагая свои услуги в таком смысле, что будет «сообщать фамилии военных поляков, которые опозорили себя демагогией, пропагандой и большевистской деятельностью».

Вот в чем должен был состоять взаимный обмен услуг между польским и русским контрреволюционным офицерством.

В рядах союза георгиевских кавалеров, на которых опирается Корнилов, тоже нашлось изрядное количество поляков, занимающих высшие посты.

Орган Верховного военного комитета «Польские Военные Силы» так пишет о «диктаторе» Корнилове:

«Корнилов — это муж, которому доверяет все, что есть рыцарского и честного в России. Этого легендарного человека, полуазиатского происхождения, обожаемого текинцами с кривыми саблями и в колоссальных папах на головах, чтят 95% русского, казацкого и польского офицерства, а также огромное большинство армии. Ген. Корнилов отличается не только изумительной храбростью, талантами вождя, но и глубоким спокойствием. Это мудрость,

которая все кругом организует, ибо в себе все уже организовала. Это — вождь.

От него сегодня зависит, будет ли Россия республиканской Монголией, которую правят сотни комитетских баскаков и ханов, или же создающимся новым республиканским Римом».

«Сотни комитетских баскаков и ханов» — это, конечно, члены Советов Р. и С. Д.

Верховный военный комитет имел в Корнилове друга. Отсюда гимн обожания «польского рыцарства полуазиатскому вождю».

Две контрреволюционные силы сразу же почувствовали взаимную симпатию. Найдутся ли среди текинцев в папах также «наши», — покажет ближайшее будущее.

*«Трубина» («Трибуна») № 14,
2(15) сентября 1917*

*Печатается по тексту газеты
Перевод с польского*

РЕЧЬ НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

26 октября (8 ноября) 1917 г.

Польский пролетариат всегда был в рядах вместе с русским. Декрет * с энтузиазмом принимает Социал-демократия Польши и Литвы. Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это — пролетариат, который борется за социализм. Когда восторжествует социализм, будет раздавлен капитализм и будет уничтожен национальный гнет.

Те, от имени которых предложена эта декларация, идут в рядах пролетариата и беднейшего крестьянства; все те, кто покинул в эти трагические минуты этот зал, — те не друзья, а враги революции и пролетариата. У них отклика на это обращение вы не найдете, но вы найдете этот отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с таким союзником мы достигнем мира.

Мы не выставляем отделения себя от революционной России. С ней мы всегда сталкиваемся. У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров.

«Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», 1923

Печатается по тексту книги

* Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов. — *Ред.*

**ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО
ДЕЛЕГАЦИИ ЛУЖСКОГО СОВЕТА
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ**

31 октября (13 ноября) 1917 г.

Платформа Военно-революционного комитета в нескольких словах может быть охарактеризована как давнее требование большинства революционной демократии: «Вся власть Советам как в центре, так и на местах».

Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов был законным, ибо и после ухода оборонцев законный кворум имелся налицо.

Избранный этим Всероссийским съездом Центральный Исполнительный Комитет является, таким образом, законно избранным исполнительным органом съезда Советов. Этот ЦИК сам настаивает на своем пополнении по норме представительства — один член ЦИК на 150 тысяч избирателей. Кроме того, в этот ЦИК должны войти представители Викжеля¹⁵¹ и Всероссийского совета профессиональных союзов.

Перед этим именно органом должно быть ответственно революционное правительство, которое им же должно быть создано.

В настоящее время об этом ведутся переговоры, и они уже почти привели к соглашению, но оборонческие партии не соглашаются вступать в министерство, в которое будут входить и большевики.

Что касается фактов расправы с юнкерами и т. п., то это ложь и клевета, в чем Военно-революционный комитет ручается. Ярким доказательством является то обстоятельство, что в Петрограде переворот произошел почти бескровно и гражданская война началась только с того момента, когда Керенский повел обманутые им войска на Петроград. Более же подробно с нашей платформой можно

ознакомиться по официальному органу «Известия Центрального Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и тем воззваниям и декретам, которые изданы за подписью Всероссийского съезда Советов солдатских и рабочих депутатов, Военно-революционного комитета, Временного рабочего и крестьянского правительства и его газет.

*Опубликовано в 1938 г. в книге:
«Документы Великой
пролетарской революции», т. 1*

*Печатается по машинописной ко-
пии, хранящейся в архиве Инсти-
тута марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
4188**

19 ноября (2 декабря) 1917 г.

Обсудив вопрос о реорганизации милиции в Петрограде, Военно-революционный комитет постановляет:

1. Предложить всем районным Советам назначить комиссаров во все комиссариаты, где таковых не имеется.

2. Отстранить от должности всех милиционеров, не подчиняющихся Советской власти.

3. Организовать при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов комиссию по реорганизации охраны города из представителей районных Советов, центральной комендатуры рабочей Красной гвардии, с временным участием трех избранных от союза милиционеров товарищей.

Председатель *Ф. Дзержинский*

*Опубликовано в 1938 г. в книге:
«Документы Великой
пролетарской революции», т. I*

Печатается по тексту книги

К РАЗОРУЖЕНИЮ АНАРХИСТОВ

Беседа с сотрудником газеты «Известия»

По поводу мотивов, вызвавших разоружение анархистов, наш сотрудник беседовал с председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией т. Ф. Э. Дзержинским.

Нашей задачей, сказал т. Дзержинский, с самого начала возникновения Чрезвычайной комиссии как органа борьбы с антиреволюционными явлениями была борьба с преступностью во всех ее проявлениях. Поэтому совершенное нами очищение города в ночь на 12 апреля следует рассматривать как одно из наших мероприятий, осуществленное в широком масштабе.

В специальном воззвании, выпущенном комиссией, мы за несколько времени до разоружения анархистов объявили беспощадную войну всякого рода преступным элементам, и те из них, которые не покинули Москвы, естественно, должны были ждать нашего воздействия. Что же касается собственно анархических организаций, то хотя идейные анархисты обещали отделить и изолировать себя от преступных элементов, проникших в большом числе в федерацию анархистов, но до самого последнего времени это обещание выполнено не было. Кроме того, дело с продажей опиума, который был взят якобы для того, чтобы быть сожженным, а потом оказался проданным, затем дело Мамонтова — Дальского, наконец, дело Кебурье — все это вполне показало, что идейные элементы анархистских организаций не только не в состоянии очистить организации от преступных элементов, но сами находятся в плену у последних.

Я должен заявить, продолжал т. Дзержинский, и при этом категорически, что слухи в печати о том, что Чрезвы-

чайная комиссия входила в Совет Народных Комиссаров с ходатайством о предоставлении ей полномочий для борьбы с анархистами совершенно неверны. Мы ни в коем случае не имели в виду и не желали вести борьбу с идейными анархистами и в настоящее время всех идейных анархистов, задержанных в ночь на 12 апреля, мы освобождаем, и, если, быть может, некоторые из них будут привлечены к ответственности, то только за прикрытие преступлений, совершенных уголовными элементами, проникшими в анархические организации. Идейных анархистов среди лиц, задержанных нами, очень мало, среди сотен — единицы.

Далее т. Дзержинский коснулся обстоятельств, сопровождавших самую ликвидацию анархических групп. Интересно отметить, сказал он, что многие арестованные утверждали, что они не анархисты, а просто безработные, однако большинство из этих «безработных» оказывались с уголовным прошлым. Среди них выделяются типы явно контрреволюционные. Мы имели определенные сведения, что вожди контрреволюции хотят воспользоваться преступными элементами, сгруппировавшимися вокруг групп федерации, для выступлений против Советской власти. Последнее обстоятельство подтверждается также и теми своеобразными мотивами, которыми руководились анархические группы при занятии особняков: они выбирали стратегические пункты как раз против всех наиболее важных советских учреждений города, поэтому мы имели основание предполагать, что якобы анархическими организациями руководит опытная рука контрреволюции, И действительно, как доказывают найденные при аресте «анархистов» инструкции, выбор тех или иных особняков был далеко не случайным. В инструкциях точно указано, в каком именно районе следует занимать особняки. Подобные инструкции были отпечатаны во многих экземплярах и найдены у многих лиц. Приводим текст одной из таких инструкций:

«1. Найти особняки в районе Мясницкой ул. и переулков Чудовского, Мал. или Больш. Харитоньевского.

2. Найти особняк в районе Неглинного проезда, против Г. Б. (Государственного банка).

3. Моховая ул., № 6, Красильщиковой (разузнуть все насчет дома).

4. Пречистенская наб., особняк найти напротив А. Д. (против этого пункта нарисованы пушки).

Тов. Нелидов в районе Мясницкой в Мал. Харитоньевском пер., особняк г. Зуттер (напротив Политехнич. о-ва), 2-й этаж. Охраны в доме нет (охрана соседнего дома). В Чудовском пер., д. № 5, Пастуховой, 2-й этаж, охраны нет, 4 квартиры, в доме не живут (гараж). Дом № 6, Высоцкий, 3-й этаж, охрана есть немногочисленная».

В помещении одной из групп найдено предписание переменить свое местопребывание и найти особняк, который бы находился на углу улицы, чтобы тем самым обладать лучшим стратегическим положением. В ночь на 12 апреля одна из групп анархистов в 2 час. ночи заняла особняк; на протест хозяев, требовавших разрешения от Советской власти, было отвечено, что Советская власть еле дышит.

Мы в настоящее время будем продолжать с должной энергией довершение начатого дела по очищению города от преступных элементов. В ближайшем будущем нами образуется особый подотдел, который систематически займется борьбой с преступными элементами.

В заключение г. Дзержинский категорически опроверг сведения, помещенные в № 63 газеты «Вперед», о том, будто бы арестованные, числящиеся за Чрезвычайной комиссией, содержатся в ужасных условиях, в подвале и испытывают грубое обращение.

За нами числится в настоящее время не 126, как указано в газете «Вперед», а всего 66 человек, и сидят они не в подвале, а в сухом хорошем помещении; все они допрошены и всем предъявлено обвинение.

При предъявлении нами задержанных в ночь на 12 апреля для опознания лицам, потерпевшим от ограблений, некоторые из грабителей опознаны. Между прочим, один пострадавший артельщик опознал ограбившего его на 300 000 руб. преступника.

В ПРЕЗИДИУМ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Товарищи!

Приняв на себя большую и ответственную работу борьбы с врагами революции и всякого рода вредителями ее, Всероссийская чрезвычайная комиссия, в лице своих работников, по мере сил и возможности твердо и неуклонно шла по пути выполнения поставленных перед нею задач.

В настоящее время в силу внешних и внутренних условий перед нами стоит перспектива колоссального увеличения работы как в количественном отношении, так и в смысле интенсивности ее.

Отечественная контрреволюция при содружестве и почти открытой поддержке мирового империализма, с одной стороны, с другой — капиталисты и спекулянты также как отечественные, так и иностранные, определенно стремящиеся внести полную разруху и экономическое закабаление нашей страны и, наконец, недобросовестное, преступное отношение к своим обязанностям со стороны некоторых должностных лиц, примазавшихся к революционным партиям и Советской власти,— вот основные факторы текущего момента, делающие работу ВЧК не только значительной по объему, но и крайне важной в общегосударственном смысле.

От полноты, интенсивности и своевременности мероприятий, принимаемых ВЧК, зависит, быть может, самое бытие Советской республики.

Работники комиссии, уже перегруженные работой, в течение нескольких месяцев оторваны ввиду своей занятости

от какого бы то ни было общения со своей партией, Советами и массами. Связь же эта необходима и для успешности работ комиссии и для привлечения самих масс к этой работе, без чего труды ВЧК не могут быть плодотворны.

Мы просим вас, товарищи, отчетливо уяснить себе изложенные положения, проникнуться их значением и прийти к нам с братской поддержкой путем присылки новых работников в нашу комиссию.

Знаем, что и вы не богаты работниками, но уверены, что все изложенное выше дает нам право и уверенность, что хотя бы за счет напряжения своих сил вы не откажете в помощи и дадите необходимое пополнение из своих рядов в лице наиболее идейных ответственных товарищей для тяжелой, но необходимой работы защиты нового строя, нашей рабочей революции.

С товарищеским приветом
от лица всей комиссии

председатель *Ф. Дзержинский*

29/IV 1918

*Частично напечатано в 1937 г. в
газете «Правда» № 251,
11 сентября*

*Печатается по машинописной ко-
пии, хранящейся в архиве Инсти-
тута марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

КЛЕВЕТНИКИ

В Центральный Комитет Российской Коммунистической партии и во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

В № 62 газеты «Анархия»¹⁵² от 18 мая 1918 г. появилась статья под заглавием: «Будем готовы», в которой автор ее, некто «Андрей» между прочим пишет обо мне:

«Он — каторжник, отбывал каторгу в Александровском центре».

Но... можно быть на каторге и пользоваться большими недопустимыми для искреннего революционера привилегиями; это было и с Дзержинским. Он находился на особом счету у администрации. Фактически он содержался на положении «скрывающегося» и обретался больше всего в одиночке. («Скрывающиеся» на тюремном языке — это доносчики и провокаторы, нетерпимы в общих камерах. — *Ф. Д.*) Он при проверке заключенных ходил сбоку начальства и записывал просьбы и заявления арестантов и позволял иногда подавать свои реплики отрицательного свойства в то время, когда начальство удовлетворяло их. И за эту «законность» имел свиданье с родственниками вне очереди, выписывал кофе, какао и другие деликатесы. Арестанты ненавидели его, и если бы его встретили, то ему бы несдобровать. Чечевичная похлебка не довела бы его до добра. Вот с тех-то пор он имеет зуб на анархистов, и его «анархоедство» имеет вполне определенную окраску и подкладку».

Конечно, все это вымысел от начала до конца, и я не отвлекал бы вашего внимания, товарищи, от вашей работы, если бы эти нападки имели целью только очернить меня лично.

Я обращаюсь к вам потому, что эти клеветники желают таким путем очернить учреждение, председателем кото-

рого я состою,— Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и Советскую власть, которая поставила меня на такой ответственный пост. Поэтому я прошу вас, товарищи, возбудить следствие и привлечь к ответственности клеветников.

Ф. Дзержинский

Р. С. Для ускорения следствия приведу здесь вкратце свою тюремную биографию¹⁵³: первый раз был арестован за принадлежность к с.-д. партии в г. Ковне, в июне 1897 г., после 13 месяцев был выслан в Вятскую губернию на три года, откуда в 1899 г. бежал в Варшаву. Там был арестован в феврале 1900 г., в 1902 г. был выслан на 5 лет в Вилюйск, по дороге из Верхоленска бежал. Снова был арестован в Варшаве в июне 1905 г., освободила революция в октябре. Снова арестован там же в декабре 1906 г., в июне 1907 г. отпущен под залог. Затем арестован там же в апреле 1908 г., осужден и выслан на поселение в Енисейскую губернию в октябре 1909 г., бежал оттуда в ноябре. И последний раз арестован в сентябре 1910 г. и осужден за побег на 3 года, а за принадлежность к партии — к шести-семи годам каторжных работ. Отослан в Орловский централ, а потом в Бутырки. Освобожден революцией 1 марта 1917 г.

«Известия» № 114, 6 июня 1918 г.

Печатается по тексту газеты

О МЯТЕЖЕ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

Доклад Совнаркому

Прибыв на место преступления и увидев подложные документы Чрезвычайной комиссии, я сейчас же догадался, что это могло быть делом рук эсеровцев. Нужно было моментально, сейчас же поехать в отряд Попова (отряд Чрезвычайной комиссии, руководимый левым эсером Поповым), куда убийца мог скрыться. Я, не подозревая предательства, отправился с тремя товарищами без вооруженного отряда, не сомневаясь, что мне удастся разыскать убийцу. Председатель ЦИК Свердлов был также уверен, что личная моя поездка к отряду Попова даст возможность установить не только местопребывание убийцы, но выяснить, насколько это убийство не личный акт эсеровца, а заговор всей партии. Приехав к отряду Попова, на мой вопрос, где находится Блюмкин, получил в ответ, что его в отряде нет и что он поехал в какой-то госпиталь. Я потребовал, чтобы мне привели дежурных, которые стояли у ворот и которые могли бы удостоверить, что действительно Блюмкин уехал на извозчике. Таковых мне не привели. Заметив колебание Попова, а также шапку скрывшегося Блюмкина на столе, я потребовал открытия всех помещений, приказав отряду, вооруженному с ног до головы, остаться на своих местах; в сопровождении трех товарищей, с которыми я приехал, начал обходить помещения. В это время в сопровождении нескольких десятков вооруженных матросов подошли ко мне члены ЦК левые эсеры Прошьян и Карелин, заявив мне, что я напрасно ищу Блюмкина, заявляя при этом, что Блюмкин убил графа Мирбаха по распоряжению ЦК партии эсеров. В ответ на это заявление я объявил Прошьяна и Карелина

арестованными, сказав присутствовавшему при этом начальнику отряда Попову, что если он, как подчиненный мне, не подчинится и не выдаст их, то я моментально пушу ему пулю в лоб, как изменнику.

Прошьян и Карелин тут же заявили, что они повинуются моему приказанию, но, вместо того чтобы пойти в мой автомобиль, они вошли в соседнюю комнату, где заседал ЦК, и вызвали Спиридонову, Саблина, Камкова, Черепанова, Александровича, Трутовского и начальника их боевой дружины Фишмана и др. Меня окружили со всех сторон матросы; вышел Саблин и приказал мне сдать оружие. Тогда я обратился к окружающим матросам и сказал: позволят ли они, чтобы какой-то господин разоружил меня, председателя ЧК, в отряде которой они состоят. Матросы заколебались. Тогда Саблин, приведший 50 матросов из соседней комнаты, при помощи Прошьяна (который схватил меня за руки) обезоружил меня. После того, когда отняли у нас оружие, Черепанов и Саблин с триумфом сказали: вы стоите перед совершившимся фактом. Брестский договор сорван, война с Германией неизбежна. Мы власти не хотим, пусть будет и здесь так, как на Украине, мы уйдем в подполье. Вы можете оставаться у власти, но вы должны бросить лакействовать у Мирбаха. Пусть *Германия займет Россию до Волги*, Муравьев идет к нам в Москву, латыши 1-го стрелкового полка с нами, делегаты уже были; с нами Покровские казармы, с нами весь отряд Венглинского, с нами авиационные части; вот приехали делегаты от прибывших из Воронежа двух тысяч донских казаков, Замоскворечье все за нами. Все рабочие и красноармейцы Москвы идут с нами.

Когда я стал указывать, что они выполняют желания и планы английских и французских банкиров, являются предателями и изменниками революции, тогда вышла из другой комнаты Спиридонова и, чтобы поддержать настроение матросов, обратилась к ним с речью, что большевики — изменники революции, так как они лакействуют перед Мирбахом и выполняют его волю.

Когда я назвал Попова изменником, он мне сказал: «Я вам подчинялся и выполнял ваши требования до тех пор, пока не получил приказа из ЦК нашей партии, которому должен подчиниться».

Надо сказать, что большинство мятежников — это деморализованные черноморские матросы и бывшие разоруженные анархисты. Попов вместе с Александровичем от Комиссии на вербовал и принял этих людей в наш отряд, скрыв перед нами численность его. Отряд наш состоял из красноармейцев-финнов. Большинство их ушло на чехословацкий фронт, многих Попов выгнал, и осталось их около 200 человек. Всего же во время мятежа в отряде оказалось около двух тысяч человек. Однако, видя их нерешительность, Спиридонова и другие в комнате рядом устроили митинг; с другой стороны, их каптенармус выдавал им по две пары сапог, консервы, баранки и сахар. Их лживые сообщения вскоре обнаружили; привели к нам пленником Венглинского. Из его отряда он заманил к себе обещанием раздачи консервов 20—40 человек. Здесь их задержали под страхом расстрела. Привели командира из Покровских казарм, который показал, что в Покровских казармах остались верны Советской власти. Для того чтобы поднять бодрость духа, давали им водку, и почти все были выпивши. Сам Попов на глазах у всех и в присутствии одного из наших товарищей выпил стакан спирту. Насколько они были выпивши, свидетельствует то, что у них разорвалась бомба и двух смертельно ранило. Вооружение их было: три броневика и три пушки мортирные, роздали три тысячи бомб.

Днем стали обстреливать чердаки всех незанятых домов, стали обстреливать всех, пытавшихся уйти от их патруля, расстреливали на месте. Так, например, из трех разведчиков, посланных из Кремля, расстреляли одного. По рассказам спасшихся от этой беспорядочной стрельбы, пострадала масса посторонних лиц. Надо сказать, что все финны и солдаты из отряда Венглинского, обслуживавшие две маленькие пушки, были всецело на нашей стороне, но были терроризированы подавляющим большинством черноморцев. Сами черноморцы, хотя среди них раздавались угрожающие голоса, что следует расправиться с нами и с Советской властью без церемонии, не смогли с нами поступать вызывающе, опасаясь остальных своих товарищей. Они уже чувствовали безнадежность своего положения. И когда я им указывал, что они сами призывают немцев, что в подполье могут уйти только главари и что

приход немцев означает полнейшее порабощение народа, — они отвечали заученную фразу Спиридоновой: не хотим лакействовать перед Мирбахом.

Вечером прибежали к нам Саблин и растерянный Попов. Они сообщили, что на съезде принята резолюция о подавлении левых эсеров. Затем Попов сказал: фракция левых эсеров, а с нею Спиридонова арестованы. Он грозил снести пол-Кремля, полтеатра и пол-Лубянки. Настроение в отряде с каждым известием становилось все более подавленным. Когда загремели пушки и первый снаряд попал в их штаб, весь Центральный комитет продефилировал перед нашими окошками в бегстве (уже в штатском платье, раньше они были в военном). «Подлые трусы и изменники убегают», — бросили мы им вдогонку.

С каждым новым выстрелом оставалось все меньше матросов на дворе, так как после разрушения здания штаба снаряды стали попадать в дом, в котором нас поместили. Мы организовали из сочувствующих нам солдат-финнов и других охрану себе и перешли с ними в мастерскую. Переходя, мы обратились к собравшимся там солдатам со словами: как не стыдно им поддерживать изменников революции. Тогда выскочил Саблин и, ругаясь, стал угрожать им, приказывая занять свои посты. Солдаты в мастерской передали нам оружие и бомбы.

После разрушения дома, где мы помещались, эсеры взяли лошадей и пушки без замков, вынутых сочувствующими нам солдатами, и увезли, причем заявили, что пошли к Курскому вокзалу. В числе арестованных были члены германского и датского посольств, вывесивших белые флаги.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

От отдела по борьбе со спекуляцией при ВЧК

КО ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ

Президиумом Московского Совета разрешен рабочим и беднейшему населению ввоз в Москву $1\frac{1}{2}$ пуда продовольственных запасов.

Алчные хищники, мародеры, спекулянты не замедлят использовать эту меру в своих хищнических целях.

Различного рода мародеры, спекулянты, профессионалы-мешочники хлынут в уезды закупать хлеб для сокрытия его и перепродажи, когда вздумается. Контрреволюционеры и их агенты не замедлят использовать всех своих наймитов для расстройства нашего транспорта путем переполнения поездов. Чрезвычайная комиссия, стоящая на страже интересов трудящихся, предупреждает всех врагов рабочих и беднейшего населения, что суровая беспощадная кара ждет их за малейшее желание воспользоваться правами, предоставленными трудящимся. Все уличенные в скупке и перепродаже продуктов в целях спекуляции, систематически расстраивающие транспорт мешочники, различного рода мародеры будут сурово наказаны.

Одновременно Чрезвычайная комиссия обращается ко всем товарищам рабочим, а также и беднейшему населению бдительно смотреть, чтобы мера, принятая для облегчения жизни трудящихся, не была бы использована врагами рабоче-крестьянской революции.

Председатель комиссии *Дзержинский*

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ 2-й КОНФЕРЕНЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ КОМИССИЙ

Газетный отчет

Конференцию открывает т. Дзержинский, указывающий в своей речи на ту тяжелую задачу, которая возложена на чрезвычайные комиссии. Являясь органами пролетарской борьбы, они должны проявлять максимум революционной энергии и политической зрелости и беспощадно сметать с пути все то, что мешает пролетариату в его творческой работе. Сама жизнь выдвинула эти организации, и наша задача придать им систематизированный, планомерный, методический характер. Нам предстоит здесь разрешить ряд организационных вопросов, от разрешения коих зависит успешность нашей борьбы. Мы должны взять на себя планомерную борьбу со всеми явлениями, мешающими наладить нам транспорт. Мы должны взять на себя и повести отчаянную борьбу с той злостной агитацией, возбуждающей темные массы и толкающей их на выступления, нам предстоит разрешить вопрос о борьбе со всякими мародерами, взяточниками и контрреволюционерами, нашедшими себе приют в пограничной полосе. Я думаю, что выработка общего плана, общей системы поможет добиться тех результатов, которых от нас требуют.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЧК

*Доклад на заседании ВЦИК
17 февраля 1919 г.*

Газетный отчет

Образование ВЧК совпало с роспуском Петроградского революционного комитета, т. е. она образовалась в тот момент, когда не оказалось органа, который взял бы на себя борьбу с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Постановлением Совнаркома от 7 декабря 1917 г. была утверждена Коллегия ВЧК для беспощадной борьбы с контрреволюцией.

В это время мы наткнулись на неслыханный саботаж чиновничества, не пожелавшего нас признавать и тормозившего всю хозяйственную жизнь страны. В наши учреждения бросилась масса авантюристов с целью обдирать свои делишки, пользуясь тем, что мы не могли наладить контроль, ввиду чего пришлось начать решительную борьбу по очистке наших учреждений от преступных элементов.

В то же время пришлось разоружать деморализованные вконец части, пришлось вести борьбу с контрреволюционными заговорами, бандитизмом и т. д.

С переездом из Петрограда в Москву особенное внимание пришлось обратить на борьбу с белогвардейским офицерством и со все более наглевшей контрреволюцией.

Для того чтобы разбить эту массу контрреволюционеров, нам пришлось действительно быть беспощадными, и с этой целью нами было предпринято, с одной стороны, регистрация офицерства, а с другой — уничтожение всех тех, которые были уличены в принадлежности к участию в белогвардейских организациях.

С точки зрения организационного строительства это был период, когда ВЧК разрослась и расширилась до целого ряда губернских чрезвычайных комиссий.

Следующий момент — это момент левоэсеровского восстания и чехословацкого фронта. Это был тот момент, когда создался новый, внутренний фронт, который угрожал сердцу России — Москве, который занял Поволжье и который отрезал нас от хлебородных местностей. Вместе с этим все наши враги, которые были внутри, судорожно работали над тем, чтобы разбить наши усилия по созданию нашей Красной Армии — армии рабочих и крестьян. И вот в этот период чехословацкого фронта, левоэсеровского восстания и белого террора по отношению к нашим вождям надо было призвать все население к тому, чтобы на их белый террор ответить нашим красным террором. Красный террор был не чем иным, как выражением непреклонной воли беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания против нас. В настоящее время положение совершенно отлично от того, что было раньше. Теперь нет той массы бывшего офицерства, которая устраивала против нас заговоры, мы их распылили и разбросали. С уничтожением их, той массовой борьбы, которая проявлена ЧК раньше, тех условий, при которых необходимо было создать органы с чрезвычайными полномочиями на местах, в уездах, — тех условий теперь нет.

И поэтому самые комиссии должны закончить период разрастания и должны суживаться, распуская ненужные органы. И Всероссийская чрезвычайная комиссия уже вошла по этому поводу с представлением в Президиум Центрального Исполнительного Комитета, постановлением которого уездные чрезвычайные комиссии были упразднены и распущены.

Теперь нет нужды, повторяю, справляться с массовым сплочением, с группами; теперь система борьбы с нами у наших врагов изменилась, и все старания их устремлены, с одной стороны, чтобы пролезть в наши советские учреждения, чтобы, работая в наших рядах, дожидаться того момента, когда внешние силы наших противников сломят нас, и взорвать нас изнутри; с другой стороны, они организывают шпионаж для предательства

нашей Красной Армии. Мы знаем, что почти во всех наших учреждениях имеются враги. Но мы не можем разбить наши учреждения, мы должны найти нити и поймать врагов на месте преступления, и в этом смысле метод борьбы, наблюдения и розыска должен быть совершенно иной.

Но вместе с тем мы должны сказать врагам, что если они посмеют выступать, если налицо будут вооруженные выступления, то тогда все те полномочия, которые имели раньше чрезвычайные комиссии, они будут иметь их и дальше.

*«Известия» № 37, 18 февраля
1919 г.*

Печатается по тексту газеты

ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ¹⁵⁴

Ввиду раскрытия заговора, ставящего целью посредством взрывов, порчи железнодорожных путей и пожаров призвать к вооруженному выступлению против Советской власти, Всероссийская чрезвычайная комиссия предупреждает, что всякого рода выступления и призывы будут подавлены без всякой пощады.

Во имя спасения от голода Петрограда и Москвы, во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв Всероссийская чрезвычайная комиссия принуждена будет принять самые суровые меры наказания против всех, кто будет причастен к белогвардейским выступлениям и попыткам вооруженного восстания.

Председатель Всероссийской
чрезвычайной комиссии

Ф. Дзержинский

ПРИКАЗ № 174*Всем губчека*

Прилагая при сем постановление ВЦИК от 22 июня с. г., ВЧК считает нужным указать вам, что с изданием настоящего декрета на ЧК возложены более чем когда-либо тяжелые задачи — очистка Советской республики от всех врагов рабоче-крестьянской России. В то время как Красная Армия защищает наш внешний фронт, внутри страны белогвардейцы, пользуясь частичными нашими неудачами, поднимают головы и стараются связаться с заклятыми врагами пролетариата — колчаками, Деникиными, финскими, польскими и иными белогвардейцами. В самом тылу нашей армии происходят взрывы мостов, складов, кража и сокрытие столь необходимого армии оружия и пр. и пр. Уголовные элементы также используются нашими белогвардейцами в своих целях. Во многих местах замечается усиление бандитизма, ограблений, хищения грузов и пр. и пр. Чрезвычайные комиссии в настоящее тяжелое время должны проявить максимум энергии, максимум усилий к тому, чтобы обеспечить тыл нашей армии. Все чрезвычайные комиссии должны превратиться в боевые лагеря, готовые в любое время разрушить планы белогвардейских заговорщиков. Все явные и скрытые враги Советской России должны быть на учете ЧК и при малейшей попытке повредить революции должны быть наказаны суровой рукой. Чрезвычайным комиссиям с изданием сего декрета предоставлены широкие полномочия, с них и много потребуют. Ответственность за спокойствие и революционный порядок тыла возложена на ЧК. Все на боевые посты по охране революции — вот лозунг сегодняшнего дня ЧК. Вместе с этим

ВЧК считает нужным указать, что суровое наказание ждет всех тех, кто вздумает злоупотреблять предоставленными ЧК правами. За применение прилагаемого декрета к каким-либо лицам в корыстных целях виновные будут расстреливаться. Ответственность за правильность проведения прилагаемого декрета возлагается на местные коллегии ЧК в целом и на председателей в частности.

Председатель ВЧК *Ф. Дзержинский*

Москва. 23 июня 1919 г.

«Власть Советов» № 8—9, 1919 г.

Печатается по тексту журнала

ОТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Опыт полутора лет гражданской войны показал, что иностранные и отечественные империалисты не надеются в открытом бою победить революцию. Иностранные войска на Юге и на Севере отказываются воевать за интересы капитала против рабоче-крестьянской армии. Собственных военных сил у российской контрреволюции не так много, чтобы она могла надеяться на успех. Одним из главных средств борьбы у контрреволюции является дезорганизация нашей обороны, нашего тыла.

Недавний случай предательства и измены под Петроградом, на Красной Горке и на Карельском участке Северного фронта особенно наглядно показал, на что рассчитывают белогвардейцы. Они проникают на командные посты, в различные государственные учреждения, обслуживающие армию. Там они стремятся или прямой изменой, или дезорганизацией тыла и фронта подвергнуть революцию разгрому.

Потеряв надежду на успех в открытом бою, контрреволюция пытается заговорами и предательством, изменой и шпионажем победить рабочих и крестьян.

Именно поэтому Всероссийская чрезвычайная комиссия как орган борьбы с контрреволюцией считает своим долгом усилить расправу с виновными в подобного рода преступлениях. Всероссийская чрезвычайная комиссия отлично понимает, что раскрытием и пресечением всяких заговоров, всякого предательства и провокации она помогает нашей героической Красной Армии как можно скорее покончить с внутренними и внешними врагами и дать

измученному народу отдых и возможность мирного, творческого труда.

Никакой пощады изблеченным в белогвардейских заговорах и организациях не будет.

За последние недели органам Советской власти удалось захватить руководителей белогвардейских военных организаций, подготовлявших и отчасти пытавшихся уже осуществить вооруженное выступление в целях дать победу русским и иностранным империалистам на Севере и в других районах. Белогвардейские предатели уничтожены. Среди них оказались, между прочим: *Будкевич А. В.* (начальник штаба Кронштадтской крепости), *Рыбалтовский А. Ю.* (начальник штаба Кронштадтской крепости), *Грицай С. А.* (помощник главного инженера Кронштадтского порта), *Ануров А. М.* (инженер-механик миноносца «Достойный»), *Ливанов А. А.* (помощник командира эскадренного миноносца «Украина»), *Селлинга С. А.* (старший штурман линейного корабля «Петропавловск»), *Кулеш В. Я.* (писарь Кронштадтского порта, социалист-революционер).

Помимо перечисленных преступников, арестовано и расстреляно большое количество лиц, изблеченных (частью сознавшихся) в участии в белогвардейских организациях военного характера. Относительно других ведется следствие, которое дает обильный материал для раскрытия белогвардейских организаций в различных городах и районах.

Всероссийская чрезвычайная комиссия объявляет, что, стоя на страже революции, она будет без всякой пощады расправляться со всеми участниками подобных организаций. Но так как из материалов следствия с совершенной очевидностью выяснилось, что главари белогвардейцев втягивают в организации массу лиц, даже не подозревающих о них, причем белогвардейцы не останавливаются ни перед каким обманом, Всероссийская чрезвычайная комиссия обращается настоящим с последним предостережением ко всем тем, кто втянут по неосмотрительности или излишней доверчивости в белогвардейские организации.

Всероссийская чрезвычайная комиссия предлагает таким лицам в недельный срок явиться к ней и гарантирует явившимся и раскаявшимся полную безнаказанность.

По истечении этого срока даже самое поверхностное отношение и связь с участниками белогвардейских организаций повлечет за собой неизменно высшую кару — расстрел, конфискацию имущества и заключение в лагерь взрослых членов семьи.

Настоящее предупреждение действительно со дня опубликования его в «Известиях ВЦИК».

Председатель ВЧК *Ф. Дзержинский*

11 июля 1919 г.

«Правда» 3 151, 12 июля 1919 г.

Печатается по тексту газеты

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ!

Всероссийская чрезвычайная комиссия разгромила врагов рабочих и крестьян еще раз. В то время как Советская республика билась на всех фронтах, окруженная и с суши и с моря ратью бесчисленных врагов, предатели народа, наемники иностранного капитала в тылу точили уже свой нож людоеда, чтобы зарезать пролетариат, напав на него врасплох, сзади.

Агентам и шпионам удалось погубить немало народу. Своими изменами они помогали истреблению лучших рабочих и красноармейцев. Притаившись, как кровожадные пауки, они расставляли свои сети повсюду, начиная с Красной Армии и кончая университетом и школой. Нет еще возможности определить, сколько рабочих и крестьян погубили эти изменники. Быть может, только наши потомки узнают об этом. Но кровь погубленных предупреждает живых!

Сейчас, когда орды Деникина пытаются прорваться к центру Советской России, шпионы Антанты и казачьего генерала готовили восстание в Москве. Как в свое время на Петербургском фронте они сдали Красную Горку и чуть было не сдали Кронштадта и Питера, так теперь они пытались открыть врагу ворота на Москву. Они очень торопились, эти негодяи. Они даже подготовили «органы власти» на случай своего успеха, и их продавшийся англичанам «Национальный центр» должен был бы вынырнуть на поверхность, как только генеральская заговорщическая организация взяла бы Москву.

Но изменники и шпионы просчитались! Их схватила за шиворот рука революционного пролетариата и

сбросила в пропасть, откуда нет возврата. Шпионская организация была частью раскрыта во время мятежа офицеров на Красной Горке. Оттуда нити вели в разные стороны, в том числе и в Москву. В результате очутились под замком члены московского и петроградского «Национального центра», этой «будущей власти» буржуазного сброда, члены их военно-технической организации, их вспомогательные агенты и т. д.

Зажатые в пролетарский кулак, они стали выдавать друг друга, как жалкие трусы. Так Чрезвычайная комиссия открыла все важнейшие подземные норы заговорщиков.

Рабочие! Посмотрите на этих людей! Кто собрался вас продать и предать? Тут и кадетские домовладельцы, и «благородные» педагоги со шпионским клеймом на лбу, офицеры и генералы, инженеры и бывшие князья, бароны и захудалые правые меньшевики. Князь Андронников, друг Распутина и Николая, обвинявшийся в германском шпионаже, кадет Щепкин, председатель «Национального центра», генерал Махов, барон Штремберг и меньшевик Розанов, попавший в засаду на квартире истинно русского шпиона Вильгельма Штейнингера,— все смешалось в отвратительную кучу разбойников, шпионов, предателей, продажных слуг английского банка.

Большинство пойманных попало с поличным. Революционные агенты пролетариата наложили свою руку на десятки шпионских донесений, сведений о наших войсках, приказов и инструкций из «Добровольческой» армии Деникина, шифрованных записей, адресов, а также оружия.

Всероссийская чрезвычайная комиссия обращается ко всем товарищам рабочим и крестьянам:

Товарищи! Будьте начеку! Стойте на страже республики днем и ночью. Враг еще не истреблен целиком. Не спускайте с него своих глаз!

Всероссийская чрезвычайная комиссия обращается к остальным гражданам:

Граждане! Знайте, что пролетариат стоит на своем посту. Знайте, что всякий, кто посягнет на республику пролетариата, будет истреблен без всякой пощады. На войне, как на войне. За шпионаж, пособничество к шпио-

нажу, участие в заговорщической организации будет только одна мера наказания: расстрел.

Отражая бешеный натиск врагов, Всероссийская чрезвычайная комиссия приговорила к расстрелу следующих шпионов и изменников ¹⁵⁵, приговор над коими в исполнение приведен.

*«Правда» № 211, 23 сентября
1919 г.*

Печатается по тексту газеты

ДОКЛАД НА ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП (б)

Газетный отчет.

Работа ВЧК за последние недели была очень удачна. Еще при раскрытии шпионского заговора мы получили указания на существование еще более крупного заговора в Москве. Затем, в результате усиленной работы нам удалось открыть не только главарей, но ликвидировать всю организацию, возглавляемую знаменитым «Национальным центром». Председатель «Национального центра» Щепкин был захвачен, когда принимал донесение от посла Деникина. Захвачены очень ценные документы, которые будут опубликованы. Затем мы напали на след военной организации, состоящей в связи с «Национальным центром», но имевшей свой собственный штаб добровольческой армии Московского района. Этот военный заговор тоже удалось ликвидировать. В этих заговорах участвовали как кадеты, так и черносотенцы и правые эсеры. Общее политическое направление давали кадеты. Арестовано около 700 человек. Цель их была захватить Москву и дезорганизовать наш центр. На своих последних заседаниях они уже готовили окончательно свое выступление. Даже час назначен: 6 час. вечера.

Они надеялись захватить Москву хотя бы на несколько часов, завладеть радио и телеграфом, оповестить фронты о падении Советской власти и вызвать, таким образом, панику и разложение в армии. Для осуществления этого плана они скапливали здесь своих офицеров, и в их руках были три наши военные школы. Они предполагали начать выступления в Вишняках, Волоколамске и Кунцеве, отвлечь туда силы, а затем уже поднять восстание в самом городе. У них был разработан подроб-

ный план действия. Москва была разбита на секторы по Садовому кольцу; за Садовым кольцом на улицах предполагалось устроить баррикады, укрепиться по линии Садового кольца и повести оттуда в некоторых пунктах наступление к центру. Я прочту сейчас вам объяснительную записку к плану, которая показывает, как точен и детализирован был их план действий. (Читает.) Записка будет опубликована.

Они были настолько уверены в победе, что заготовили даже целый ряд воззваний и приказов. Эти документы очень интересны. Они выявляют характер «Национального центра» и штаба добровольческой армии Московского района. «Национальным центром» руководили кадеты, в штабе же были в большинстве черносотенцы.

Это отразилось на характере их воззваний. (Читает воззвания «Национального центра».) Воззвания будут опубликованы.

Чтобы привести свой план в исполнение, им надо было иметь оружие. Они сосредоточивали его незаконным образом в школах, которые были под их влиянием, а также закупали его в наших складах и образовывали свои склады.

Силы их по подсчетам равнялись 800 человек кадровых офицеров, и, кроме того, они рассчитывали на некоторые части, в которые им удалось послать своих людей для подготовки почвы. Благодаря большим связям в штабах им удавалось посылать своих людей всюду, где это было необходимо. Для этой цели они использовали и наших товарищей, пользуясь их легковерием и привычкой устраивать своих знакомых.

Указав еще на целый ряд фактов и наших недочетов и перечислив ряд мер, намеченных Комитетом обороны, т. Дзержинский говорит:

«Успешность нашей борьбы с заговорами возможна, если все намеченные меры встретят поддержку со стороны каждого партийного товарища в повседневной жизни».

НОВЫЕ УСЛОВИЯ БОРЬБЫ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Всем губчека

Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска, взятие в плен «верховного правителя» создают новые условия борьбы с контрреволюцией.

Разгром организованных армий контрреволюции подрывает в корне надежды и расчеты отдельных групп контрреволюционеров внутри Советской России свергнуть власть рабочих и крестьян путем заговоров, мятежей и террористической деятельности. В условиях самообороны Советской республики против двинутых на нее Антантой контрреволюционных сил рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам подавления шпионской, дезорганизаторской и мятежнической деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной Армии.

Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти дают нам ныне возможность отказаться от применения высшей меры наказания (т. е. расстрела) к врагам Советской власти.

Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатируют, что взятие Ростова и пленение Колчака дают им возможность отложить в сторону оружие террора.

Только возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и

крестьян по устройению социалистического хозяйства неизбежно может вынудить возвращение к методам террора.

Таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских капиталистов.

Вместе с тем чрезвычайные комиссии получают возможность и обязанность обратить усиленное внимание на борьбу с основным нашим для данного момента внутренним врагом — с хозяйственной разрухой, со спекуляцией, с преступлениями по должности, содействуя всеми находящимися в их распоряжении средствами налаживанию хозяйственной жизни и устраняя все препятствия, создаваемые саботажем, недисциплинированностью или злонамеренностью.

Исходя из вышеизложенного, ВЧК постановляет:

1. Прекратить с момента опубликования этого постановления применение высшей меры наказания (расстрел) по приговорам ВЧК и всех ее местных органов.

2. Поручить т. Дзержинскому войти в Совет Народных Комиссаров и ВЦИК с предложением о полной отмене применения высшей меры наказания не только по приговорам чрезвычайных комиссий, но и по приговорам городских, губернских, а также Верховного, при ВЦИК революционных трибуналов.

3. Постановление это ввести в действие по телеграфу.

Председатель ВЧК *Ф. Дзержинский*

О ПЕРВОМАЙСКОМ СУББОТНИКЕ

Согласно постановлению Президиума ВЦИК в связи с обращением главных усилий страны на трудовой фронт празднование Первого мая превращается во Всероссийский субботник.

Немедленно приступите к подготовке:

1. Создать при Губисполкоме особую комиссию, подобные же комиссии повсеместно до отдельных сел.

2. Субботник должен представлять массовую коллективную работу в размере не менее шести часов действительного труда.

3. При выработке программы первомайского субботника надлежит наметить работу, выполняемую массовым трудом, имеющую явное общепольное значение, проведение каковой явилось бы памятником коммунистического труда, например, постройка или закладка моста, узкоколейки, плотины, дамбы, прокладка пути, закладка здания больницы, народного дома, школы, общественной столовой, коммунального огорода и т. д. Начатое первого мая можно бы продолжить в другие субботники или обычным порядком, присвоив начатому делу звание «Первомайского» («Мост Первого мая») и т. д.

4. Но надо внимательно взвесить организационные и иные трудности и, в случае их непреодолимости, надлежит сосредоточиться на простейшем, очевидно общепольном, например, очистка города, расчистка пустырей, ремонт путей и т. д. От работ исключительно важного значения, например, работа на транспорт, не отрывать, субботник пусть проведут на этой работе.

5. В субботник должны быть вовлечены самые широкие массы населения городов и сел. Места должны быть своевременно точно инструктированы и снабжены организационными силами, материалами и инструментами.

6. Трудовой план должен быть тщательно разработан и проведен. Должна быть проверена подготовленность местных органов к использованию рабочих сил. Задания должны быть урочны, как минимум. Строгая дисциплина в труде. Должна быть организована летучая инспекция с участием технически подготовленных людей, которая в течение всего хода работ проверяла бы степень использования рабочей силы. Во всех случаях неряшливости и небрежности со стороны советских органов составлять протоколы для привлечения виновных к ответственности. Комиссары труда должны обратить особенное внимание на вовлечение советских служащих в субботник.

7. Субботник желательно сопровождать летучими концертами-хорами, оркестрами, исполняющими революционные гимны.

8. Проведение субботника не исключает устройства вечером концертов-митингов, спектаклей со строго продуманной программой, имеющей в виду пропаганду коммунистического труда; необходимо перенести в глубь деревень эту пропаганду работой и словом.

9. Для детей должно быть организовано празднование, более взрослых детей желательно привлечь к легким работам, носящим торжественно праздничный характер, например, древонасаждение, организация детского сада и т. д.

10. Работа должна быть строго учтена. Точный отчет о произведенной работе должен поступить в Главкомтруд не позже 15 мая. Губисполкомы, выделившие количеством и качеством произведенной в этот день работы, будут особо отмечены ВЦИК.

Предглавкомтруд *Дзержинский*

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ КООПЕРАТОРЫ

От Всероссийской чрезвычайной комиссии

В период налаживания хозяйственной жизни страны Советская власть естественно и неизбежно должна была прибегнуть в области снабжения и распределения среди населения предметов первой необходимости к услугам и опыту старых кооператоров. Пользуясь иногда громадным доверием со стороны органов нашей власти и работая внешне рука об руку с ними, эти лица постоянно указывали, что, несмотря на разность политических убеждений и взглядов па разворачивающиеся сейчас мировые события и на ход нашей революции, они тем не менее могут идейно и честно работать вместе с коммунистами на почве кооперации, так как последняя абсолютно нейтральна. Любимыми мотивами этой отживающей ныне свой век старой кооперации, оправдывающими ее существование, являлись в их устах: аполитичность кооперации, краснокрестный характер ее деятельности, невмешательство в государственную политику власти и т. п. Но все это было только на словах. На деле «нейтральность» по отношению к Советской власти превращалась внутри страны в глухую подпольную борьбу со всей линией нашей экономической политики, в то время как за советским рубежом кооперация, попавшая в сферу влияния белогвардейщины, немедленно сбрасывала маску «нейтралитета» и на этот раз искренне и дружно вливалась и свои силы в единый фронт врагов большевизма. Так, например, в своем докладе Деникину, напечатанном в № 2 «Бюллетеня кооперации юга России» от 10 декабря 1919 г., член правления Центросоюза Н. М. Михайлов заявляет: «Везде, где коопе-

ративные организации входили в сферу влияния добармии, они немедленно и на этот раз искренне и охотно устанавливали тесные отношения свои, иногда жестоко страдая от большевиков при временном возврате большевистской власти».

В настоящее время ВЧК располагает достаточным количеством материалов, которые с неопровержимой ясностью вскрывают эту подпольную сторону деятельности Сохранившейся еще в правлении Центросоюза группы старых кооператоров. Путем следствия по делу о многочисленных злоупотреблениях в петроградских отделениях Центросоюза и Центросекции (происходивших еще до слияния этих двух организаций в одно целое) установлено, что эта группа за спиной остальной части правления проводила свою закулисную политику, идущую вразрез с интересами и заданиями Советской власти. Будучи через А. М. Беркенгейма, в свое время пробравшегося в Англию и сыгравшего такую «громкую» роль в вопросе о товарообмене, связаны с возглавляемым Беркенгеймом заграничным объединением русских кооператоров, эти лица получали от него инструкции и директивы, которые в конечном результате сводились к восстановлению в России свободной торговли, денационализации банков и пр., т. е., другими словами, к свержению Советской власти экономическим путем, что вполне совпадает с тезисами Михайлова в докладе Деникину.

Так, в прошлом году, накануне ожидавшейся оккупации Петрограда, названной частью правления Центросоюза, согласно полученным из Англии от Беркенгейма инструкциям, были даны директивы заведующему петроградским отделением Центросоюза В. Н. Крохмалю (бывший член ЦК меньшевиков) относительно ряда финансовых операций и дальнейшей деятельности отделения па случай занятия Петрограда белыми, причем в директивах этих ясно видна была рука настоящих закулисных их вдохновителей, т. е. заграничного капитала. Между прочим в них говорится:

«Разыщите экспортные товары, затратьте на них все имеющиеся у вас средства, затратьте все, что вы выручите от продажи наших товаров, и шлите все это нам. О выгоде особенно не заботьтесь. Продавайте по ценам, какие

сможете выручить, покупайте, почем можете купить, а прибыли и убытки посчитаем потом.

Не очень разборчивы будьте и в отношении товаров. Лен, пенька, лес — нам здесь все пригодится. До книг включительно. (Мы слышали, что в Петрограде имеются по сравнительно недорогой цене издания русских классиков, а здесь этот товар сейчас в большом спросе. Рекомендуем поэтому серьезно об этом подумать.)

В поисках экспортных товаров не следует ограничиваться Петроградом, а обследовать и округу, оставив, конечно, для нее некоторую долю товара. В нужных случаях входите в контакт и работайте через другие кооперативные организации.

Вообще говоря, это — самый большой вопрос, и от удачного его разрешения зависит все будущее наших отношений».

На основании этих данных Всероссийская чрезвычайная комиссия нашла нужным арестовать членов правления Центросоюза Д. С. Коробова, В. А. Кузнецова и А. Н. Лаврухина и произвести по данному делу всестороннее расследование.

Председатель ВЧК Ф. Дзержинский

ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНУ*6 августа 1920 г.*

[Белосток]

По последним сведениям из Варшавы, в Польше произошла перемена правительства. Создано коалиционное правительство, причем полнота власти принадлежит четверке в составе Витоса, Дашинского, Сапеги, Грабского. В командовании произошли перемены: Шептыцкий ушел в отставку, его место занял Галлер, на Северо-Западном фронте Ивашкевич, ставленник эндеков, возвращается па Волинский фронт. ППС раскалывается, так как часть их партии против коалиционного министерства. Буржуазия чувствует себя бессильной, закрывает школы, чтобы втягивать в добрармию, включает от 12-летнего возраста. Добрармия предназначалась для внутреннего фронта, но вследствие положения посылается на фронт. Капиталы из Варшавы эвакуированы, буржуазия уезжает массами в Познань; по сведениям, правительство тоже предполагает туда эвакуироваться. Армия, кроме познанцев, разваливается, дезертирство огромное. Рабочие обессилены, аресты огромные, вывозят в Познань. Партия, несмотря на изъятие вождей и лучших работников, продолжает работать, официально высказываясь и агитируя за приход Красной Армии и считая это актом международного единения и помощи польскому пролетариату. Мы, получив сведения о переговорах Ганецкого, тоже считаем это желанием Пилсудского спастись, так как положение все более исключает его из политической арены. Польревроком приступил к деятельности. Кроме Белостокского района, обращено внимание на деятельность польских работников в армиях, посланы уполномоченные в 16, 3, 4-ю армии. Направляются туда работники по мере прибывания;

тормозит работу недостаток средств передвижения из Вильно. Изданы воззвания: первое — к польской армии, второе — к Красной Армии, третье — к сельским рабочим, четвертое — к малоземельным крестьянам, пятое — пролетариям всего мира, шестое — инструкция политработникам по земельному вопросу. Инструктируем белостокскую советскую работу, в Ломжу направлен ответственный работник. Отправлены курьеры и приняты меры к распространению манифеста и воззваний Польревкома. Важнейшей задачей считаем организацию польской Красной армии, надеемся при достаточной организации создать быстро пролетарскую армию.

Дзержинский

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ В. И. ЛЕНИНУ

15 августа 1920 г.

[Белосток]

За неналаженностью связи наши телеграммы к Вам терялись в пути. По сведениям из третьей армии, в Варшаве волнения. Требуют оставления белыми властями города без боя. Настроение среди оставшихся железнодорожников благоприятное. Работают с подъемом по восстановлению путей. В районе Млавы — Влоцлавека настроение крестьян нейтральное. Настроение белостокских рабочих повышенное. Во вторник состоялся многотысячный праздник труда по поводу открытия фабрик. К партии присоединилась белостокская организация пепезовских рабочих. Ведется подготовительная работа по выборам Совета. Приступлено к организации польского советского полка в Белостоке на принципе добровольчества. Организационная работа налаживания экономической, продовольственной и административной работы медленно подвигается вперед из-за недостатка опытных инструкторов и быстроты продвижения армии. Главные трудности — это продовольствие и финансы. До прихода Красной Армии рабочие Белостока зарабатывали около трехсот марок ежедневно, сейчас дороговизна усилилась. Натурализация заработной платы здесь — задача дня. Издаем «Червоный гонец» — ежедневный наш орган, кроме того, ряд воззваний и приказов. Распространяются по ту сторону аэропланами. Большой помехой является невозможность быстрого налаживания разрушаемой в корне белыми связи. Необходимо обратить внимание на открытую германскую границу. В польском коридоре местное

население встречает армию восторженно, активно помогает. Нежелательные явления в корпусе Гая ликвидированы ревтрибуналом... Вопрос о земельной политике будет рассмотрен в полном объеме в Варшаве, куда едем сегодня...

Дзержинский

*Частично опубликовано в 1951 г.
в альбоме «Феликс Эдмундович
Дзержинский»*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

ИЗ ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНУ

17 августа 1920 г.

[Белосток]

Вернулись до взятия Варшавы в Белосток. По сообщениям пленных, перебежчиков и жителей Вышкова, крестьяне относятся безучастно к войне и уклоняются от мобилизации, рабочая масса Варшавы ждет прихода Красной Армии, но сама активно не выступит за отсутствием руководителей и из-за господствующего террора. Огромная масса коммунистов арестована и увезена... ППС развивает бешеную агитацию за защиту Варшавы. Влияние ее еще большое среди квалифицированных, хорошо зарабатывающих рабочих. По-видимому, и ППС и Пилсудский приписывают огромное значение сохранению Варшавы к моменту переговоров. Делаются облавы и мужчин и женщин тысячами отправляют на рытье окопов. Устраивают провололочные заграждения. Пускают в ход слухи об устройстве баррикад на улицах. Для поддержания воинственного настроения поляками выпущен целый ряд воззваний, в которых отмечается, что Красная Армия утомлена и ослаблена и что стоит ей нанести только один мощный удар, и вся она откатится назад очень далеко. Для этого удара мобилизуется все. Организованы женские ударные отряды. Добровольческие отряды, составленные по преимуществу из буржуазных сынков и интеллигенции, дерутся отчаянно. В добровольцы для поощрения других записываются и такие лица, как Патек¹⁵⁶.

Наряду с этими приготовлениями к обороне продолжается по-прежнему борьба за власть. В «Народе» от 13 августа прямо говорится о распространяющихся по городу слухам, будто бы эндеки собираются совершить

переворот в Познани, и такое намерение в такой момент клеймится как измена.

В общем, несмотря на воинственные клики, в господствующих сферах угнетенное настроение. Статьи в газетах об отношении Антанты полны горькой иронии и упреков. Все польские кардиналы, архиепископы и епископы обратились с воззванием к католическому епископату всего мира за помощью, характеризуя нас как антихристов. На переговоры в Минске поляки возлагают большие надежды. В Варшаве и польской армии масса французских офицеров. В Домбровском районе забастовка углекопов.

Дзержинский

*Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные
произведения», т. 1. М., 1957*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

ТЕЛЕГРАММА В ЦК РКП (б)

[Белосток, 18 августа 1920 г.]

Вчера состоялась в Белостоке конференция сельских рабочих из окрестных имений. Отношение — великолепное. Многие пришли пешком за двадцать верст. Снабжение города продовольствием налаживается. Из окрестных имений доставлено уже две тысячи пудов хлеба, на днях рассчитываем получить еще несколько тысяч. Земледельческие работы постепенно налаживаются. Уже работает несколько паровых плугов. Ощущается недостаток лошадей. Рогатый скот имеется. В пятницу — субботу предполагается выдавать хлебный паек пятнадцати тысячам рабочих через Центральное бюро профсоюзов и рабочие кооперативы. Имеется в запасе соль, сельди, спички, табак, папиросы. Со вчерашнего дня цена на хлеб понизилась на 50%. Восемь фабрик работают. На днях откроется еще пять.

Дзержинский

*Опубликовано в 1951 г. в альбоме
«Феликс Эдмундович
Дзержинский»*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА ОБОРОНЫ г. МОСКВЫ

26 октября 1920 г.

Газетный отчет

В начале своего доклада т. Дзержинский оглашает перехваты радио из Лондона и Риги о мифических мятежах в Советской России. В прошлом году, продолжает т. Дзержинский, при ликвидации белогвардейского заговора в Москве и в Петрограде появлялись в заграничной прессе сведения, совершенно аналогичные с теми, которые я только что огласил вам. Между тем сейчас сообщения с заграницей очень легки ввиду того, что имеется заграничная миссия. Спрашивается, зачем и к чему было распространение этой лжи? В прошлом году, мы знаем, почему распространялась эта ложь. Мы знаем, что они надеялись, что ложь и неправда станут правдой. В то время, как войска Юденича и Деникина подходили к Петрограду и к Туле, подготавливался удар в спину Красной Армии, чтобы обезоружить нас забастовкой. Это предприятие им не удалось благодаря тому, что рабочий класс оказался достаточно бдительным и сумел заговорщиков уничтожить, но то же самое повторяется и сейчас. Они надеялись подготовить общественное мнение в международном масштабе среди английских и других рабочих, что восстание поднимали не агенты, а рабочие и работницы, как это говорится в этих телеграммах, что на поддержание порядка выступили не русские рабочие и не крестьяне, а китайцы, чехословаки, венгры и другие воинские части. И вот эти телеграммы заставили нас несколько встревожиться, потому что у нас были сведения, что надежды их опираются на некоторые данные. Данные эти были следующие: Антанта уже после разгрома прошлогоднего заговора в сентябре месяце некоторое время сосредото-

чила все свое внимание на поддержке наших внешних врагов и наших белогвардейских организаций, которые свили себе гнездо за границей. В начале первой половины этого года они дали Кривошеину и другим белогвардейцам, кадетам и эсерам, колоссальные средства с той целью, чтобы возродить заново «Национальный центр», «Союз возрождения» и другие организации в Советской России. Уже с июня месяца мы имели сведения, что с июня очень конспиративно и умело организовались тайные центры по губерниям, задачей которых первоначально было иметь своих агентов в учреждениях как гражданских, так и военных для того, чтобы в подходящий момент бросить свои силы организованно и расстроить наш тыл. Далее, они пересылали агентов, организованных на деньги Антанты, через врангелевский фронт. Кроме агентов, одновременно организуется и сорганизовывается монархический союз, который мечтает о возрождении романовской России, ориентируется на восстановление гогенцоллернской Германии, организует здесь свои ячейки и посылает своих представителей. Затем они решили воздействовать в первую очередь на крестьян как на тот элемент, который они надеются в связи с продовольственными затруднениями, неурожаем и неналаженностью экономической жизни восстановить в первую очередь против Советской России. С этой целью они остатки белогвардейских юденических армий стараются направить в деревни для организации ячеек, которые могли бы в необходимый момент выступить. Лица, принадлежащие к этой организации¹³⁸, больше всего одушевлены национализмом, и они, полагая, что большевики до некоторой степени работают для восстановления России, от всяких реальных выступлений воздержались до нашего отступления. Но вместе с отступлением наших армий на польском фронте они поставили своей задачей воздействовать на офицерство и разлагать наш тыл, нашу Красную Армию, с тем чтобы свергнуть советский строй. В инструкциях, которые центр рассылает на места, говорится: «Вносятся хаос и разложение в Красную Армию». Организация Савинкова, вы знаете из газет, все время поддерживает белую Польшу. Он, с одной стороны, старается организовать новую белую армию и тем самым образовать новый внешний фронт. Но вместе

с тем он как мастер своего дела, как мастер покушения в 1918 г. на Владимира Ильича и убийства Урицкого, одновременно организует заговор для покушения и организации непосредственного восстания.

В самое последнее время на нашу сторону перешла польская организация ПОВ, работавшая здесь, в России. В нее вошли многие товарищи, считавшие себя социалистами, и в тот момент, когда польская армия обнаружила свои империалистические тенденции и захватнические стремления, когда она двинулась и забрала Киев, в это время идейные люди, которые были в ПОВ, в России, перешли совершенно на нашу сторону. Это было высшее торжество коммунизма над империализмом. Глава перешедшей к нам группы на границе Эстонии изловил агентов Савинкова, которым были даны совершенно определенные задания относительно заговоров и покушений. Месяца полтора назад была конференция в Париже, состоявшая из элементов близких к Савинкову и правым эсерам, на которой было решено приняться за террористическую деятельность. И вот во исполнение этого постановления как проявления деятельности Савинкова, мы имели целый ряд попыток восстаний, которые уже ликвидированы, во главе с эсером Антоновым в Тамбовской губернии. Кроме этого, есть целый ряд других всевозможных групп, которые действуют в том же направлении, но на них не стоит останавливаться. И вот нами, т. е. органами ВЧК, на местах была установлена работа белогвардейцев с полной очевидностью и ясностью. И в Москве и в Петрограде было установлено, что посылались агенты по работе в Кронштадте, о каковом восстании в Кронштадте говорится в телеграмме и о восстаниях в крупных центрах Сибири.

Недавно было совещание специального агента Савинкова с некоторыми членами партии правых эсеров, на котором было решено организовать, сорвать заключение с Польшей мира и в возможно скором времени приступить к террористическим актам на наших вождях, которые все время стояли во главе российской и международной революции. По целому ряду сведений, которые я в настоящее время оглашать не могу, срок выступления намечался в ночь с 19 на 20 октября. И вот спрашивается, на что могли рассчитывать заговорщики? Вы помните и знаете, что ру-

ководит и руководило заговорщиками вместе с заграничными империалистами. Цель тех, которые давали приказания, была та, чтобы всемерно, какой бы то ни было ценой, ибо кровь льется не их, а наша, помочь Врангелю. Они понимали, что пришел момент, когда Советская Россия напрягает и напрягла все свои силы, чтобы покончить с войной и приступить к хозяйственному экономическому строительству, что другого более удобного момента для свержения Советской власти подыскать было бы трудно. И они, рассчитывая на то, что при нашем поражении на польском фронте часть тех, которые были против нас, но не выступали из-за своих шовинистических чувств, что эти обернутся против нас. Они, учитывая колоссальную усталость масс и всемерное напряжение, которое делала и должна была делать партия, а также продовольственные затруднения, перед которыми мы в настоящее время находимся, рассчитывали на то, что сейчас наступает мороз и холод, что при нашей разрухе и неустройстве, при недостатке предметов снабжения удастся легко возбудить Красную Армию, недостаточно одетую в некотором своем проценте. И когда говорилось о сроке 19-го числа, то они назначили этот срок потому, что он по приказу был назначен для некоторых частей как срок, в который эти части должны выступить на Южном фронте против Врангеля.

Как же надо было действовать при совокупности всех этих обстоятельств? При таком освещении эти телеграммы, полученные из-за границы, которые разбросаны в заграничной прессе, получают определенное содержание. Ясно, что реагировать на это можно было только одним способом: показать, что мы еще достаточно сильны. Это и было сделано. Когда Совет Труда и Оборона назначил меня председателем Комитета Оборона Москвы и Московского округа, то имел в виду именно привлечение всех этих органов, на которых лежит обязанность сохранения революционного порядка в одних руках — при Московском Совете, с той целью, чтобы сделать смотр нашим силам. Мы это сделали, и достаточно было незначительного изъятия тех лиц, которые были причастны и близки к кругам заговорщиков, чтобы сделать невозможными какие бы то ни было выступления. Смотр наших сил показал, что как все красноармейцы, так и рабочие части были на страже

революции. Комитету Обороны осталось одно: следить за бдительностью и поднять боеспособность наших рабочих и красноармейских полков. Нами были приняты меры к устранению того, на что надеялись наши враги,— на устранение нашей снабженческой неурядицы, чтобы создать такие условия жизни, в которых революционная энергия рабочих и крестьянских масс не угасала бы, а горела бы ярким огнем.

*«Известия» № 240, 27 октября
1920 г.*

Печатается по тексту газеты

УЛУЧШЕНИЕ БЫТА РАБОЧИХ

Беседа с сотрудником газеты «Известия»

Возможности в области улучшения быта рабочих достаточно велики, поскольку работа в этом направлении не будет тормозиться формальным, бюрократическим отношением к ней со стороны советских учреждений. Нужно, конечно, серьезно считаться с ограниченностью материальных ресурсов страны. Комиссии по улучшению быта рабочих могут удовлетворить экстренные, неотложные нужды рабочих почти исключительно путем изыскания распыленных, неучтенных или плохо использованных материалов и имущества. Но и из этих ресурсов можно извлечь очень много, призвав к самостоятельности широкие рабочие массы и дав им возможность принять активное участие в деле улучшения своего быта.

К несчастью, из бесспорного правила, что социализм — это учет и что без плана действовать нельзя, у нас порой изображают злейшую карикатуру на план и учет. Вместо того, чтобы из имеющихся ресурсов удовлетворить простейшую потребность рабочих простейшим способом, создается грандиозный, сложнейший план, предусматривающий разрешение данного вопроса чуть не в международном масштабе. Сообразно с этим и способы удовлетворения рабочих нужд невероятно запутаны и сложны. Благодаря такой системе плана и учета многие предметы первой необходимости приходили часто в негодность, прежде чем их успевали распределить. Зато торжествовала система (точнее, пародия на систему), ограждавшая якобы государственные ресурсы от случайного, кустарного распределения. Это относится не только непосредственно к распределению каких-либо предметов, но частично и к

постановке дела обслуживания рабочих в разных областях: школ, медицины, бань, прачечных, починочных мастерских и т. п.

Комиссия вынуждена делать прорывы в этих твердых, слишком затвердевших планах. Чтобы обеспечить за собой право на такие прорывы, комиссии должны в кратчайший срок извлечь и передать в распределяющие органы все, что последние бессильны были до сих пор учесть и собрать, а затем следить, чтобы имущество это шло исключительно на удовлетворение особо острых нужд рабочих.

Жилищный вопрос требует наибольшего внимания к себе со стороны комиссий. Дело распределения жилищ страдало до сих пор бюрократической (для данного момента) тенденцией «правильного», справедливого распределения жилищ между населением безотносительно к классовому признаку, что практически сейчас невыполнимо. Работа московской комиссии, поставившей себе задачей перераспределение жилищ и предоставление рабочим давно закрепленных за ними коммунальных домов, встречает не только традиционный отпор, в виде упреков ведомств и отдельных товарищей в развале промышленности и театров, когда речь идет о переселении спеца или артиста, но и упорное, скрытое сопротивление темных сил, располагающих средствами, нажитыми спекулятивными и другими сомнительными путями, и развращающих подкупом и тому подобными средствами нижние слои жилищного аппарата от домкомов и квартхозов до второстепенных сотрудников жилищных отделов включительно. К числу этих темных сил нужно отнести и засевших в домкомах и квартхозах бывших домовладельцев и их управляющих. В итоге этого засилья московской комиссии приходится встречаться с фактами, когда в одном доме обнаруживается 15 комнат, подлежащих уплотнению и не заселенных. Ведомственным, бюрократическим путем с этим злом никогда не справиться, и лишь вовлекая в борьбу с ним широкие рабочие массы, непосредственно в успешности борьбы заинтересованные, можно что-нибудь сделать.

Фактическая передача рабочим коммунальных домов тем более необходима, что отношение заводов и фабрик к

этим домам будет, несомненно, более заботливым, нежели отношение ничем между собой не связанных обывателей. Необходимый ремонт будет производиться самими рабочими. Они же сумеют разыскать распыленный и неиспользованный строительный материал, брошенный или спрятанный в закоулках Москвы.

На вопрос, не будет ли работа комиссий нарушать в действительности планы снабжения, планы обслуживания рабочих советскими учреждениями, т. Дзержинский ответил следующее: в отдельных случаях, и особенно на первое время, это так и будет. Но планы советских учреждений мало приспособлены к истинному хозяйственному плану страны. Мы будем при обслуживании рабочих исходить главным образом из оценки значений той или иной отрасли промышленности или предприятия в хозяйстве страны и больше всего обслуживать важнейшие. Тут должны нас направлять профсоюзы, без которых комиссия вообще не мыслит себе своей работы. Ведь мы рассматриваем улучшение быта не только с точки зрения общего права рабочих на улучшение, но также и с точки зрения поднятия производства в важнейших отраслях. Поэтому и приходится вести борьбу с отсталыми методами работы советских учреждений, которые формально относятся к делу и не умеют еще прилаживаться к задачам момента.

Только при содействии передовых рабочих может комиссия добиться перелома и сдвига в методах работы наших учреждений. Комиссия, как орган временный, должна обеспечить перелом, приспособление советских органов к нуждам рабочих и к задачам возрождения хозяйства.

ТОВАРИЩИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ И ВОДНИКИ!

На нашу социалистическую Родину надвинулось страшное несчастье. Поволжье — житницу России — постиг небывалый неурожай. Под палящими лучами солнца хлебоброднейшая местность превратилась в пустыню. Миллионы трудовых крестьян Поволжья с их женами и детьми обречены на голодную смерть, а их хозяйства — на разорение.

Рядом с голодом идет страшная его спутница — холера, уничтожающая тысячи человеческих жизней беднейших крестьян и рабочих.

Нужна немедленная помощь!

Наше правительство уже приняло все меры к тому, чтобы помочь голодающим, но бедствие так велико, что *только напряжение всех сил страны может ослабить страдания голодающего Поволжья.*

Работники транспорта!

При всей вашей необеспеченности вы своим громадным аппаратом можете и должны помочь голодающим. Дело идет не о пожертвовании излишков, а о том, чтобы разделить последний кусок и этим спасти плодороднейшую местность России от гибели, спасти в будущем от смерти самих себя, своих жен, своих детей.

Товарищи! От вас зависит *усиленный выпуск из ремонта паровозов и вагонов для перевозки семян и хлеба голодающим.* Только вы можете без малейшей задержки продвигать продовольствие и семена на поддержку умирающих.

Товарищи!

Под руководством Центральной комиссии, созданной коллегией НКПС и Цектраном¹⁵⁷, организуйте местные комиссии и через них путем отчислений, сборов денег, продуктов питания, предметов широкого потребления, путем устройства платных экскурсий, концертов, митингов, спектаклей, поделочных мастерских — спешите прийти на помощь вашим голодающим братьям, кто чем может.

Все за работу! Все на борьбу с новым страшным врагом!

«Гудок» № 362, 30 июля 1921 г.

Печатается по тексту газеты

ГРАЖДАНЕ! ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ!

Вечное позорище царской России — система откупа, лихоимства и взяточничества свила себе прочное гнездо в наиболее чувствительной области нашего хозяйственного организма — в железнодорожном хозяйстве. Взятка на железных дорогах стала явлением столь «нормальным», что у многих товарищей железнодорожников притупилась чувствительность.

На железных дорогах все возможно купить и продать за определенную мзду, которая умелыми подлыми руками развратителя пропорционально распределяется между стрелочником и высшими рангами. Спекулянты массами за взятку заполняют протекционные вагоны, прорезают в них Россию вдоль и поперек и обволакивают молодую Советскую республику своей паучьей сетью. Всякая прицепка, отцепка, дальнейшее продвижение, будь то отдельного протекционного вагона, эшелона беженцев, продгруза отдельной организации — все находится в прямой зависимости от взятки.

Бедствия, причиняемые этим злом государству, неисчислимы и кошмарны по своим последствиям.

Беженцы из голодного Поволжья, передвигающиеся по нарядам Главэвака, застревают на узловых станциях и обрекаются на нечеловеческие мучения; рабочие организации, отправившиеся для покупки хлеба для голодных семейств, кочуют месяцами «за отсутствием подвижного состава»; продовольствие, идущее для спасения детей и женщин Поволжья, где-то блуждает или мрачно стоит на путях в ожидании «чего-то недостающего».

А за этим мрачным завесой разыгрываются сцены бесстыдного, подлого подкупа и бесшабашного разгула кучки, продающей трудовую Россию, выбивающуюся из сил в тисках вражеского окружения, экономической разрухи, и покрывающей неслыханным позором славное имя железнодорожного пролетариата.

Государственные органы — трибуналы и ТЧК, призванные для борьбы со взяточничеством, больше не допустят подобного позора.

Взяточничество на железных дорогах должно быть и будет искоренено.

Аппарат транспортных чрезвычайных комиссий не ослабел. В его распоряжении есть достаточно средств для обнаружения взяточников.

Где бы негодяй ни сидел: в кабинете ли за зеленым столом или в сторожевой будке, — он будет извлечен и предстанет перед судом Революционного трибунала, карающий молот которого опустится со всей сокрушительной мощью и гневом, на которые он способен, так как нет пощады смертельным врагам нашего возрождения. Никакие обстоятельства не будут учитываться при вынесении приговора взяточнику. Самая суровая кара ждет его.

Вместе с тем Советская власть призывает всех честных граждан, в ком живо гнетущее сознание несмываемого позора и разлагающего влияния взяток, прийти на помощь для обнаружения и извлечения негодяев-взяточников.

Будьте зорки и бдительны! Пролетарские руки не должны и не могут быть замараны взятками!

СОСТОЯНИЕ ТРАНСПОРТА

*Доклад на заседании Петроградского Совета
13 декабря 1921 г.*

Газетный отчет

Семилетняя война тяжело отразилась на железнодорожном и водном транспорте. Достаточно сказать, что из 63 000 верст железнодорожного пути республики 40 000 верст находились во власти белых. Всем известно, в каком состоянии белые оставляли народное хозяйство, когда им приходилось отходить под напором Красной Армии. Исправить разрушения в короткое время мы не можем ввиду истощения наших ресурсов. Восстанавливая народное хозяйство, мы перешли на путь новой экономической политики, привлекая частную инициативу. При восстановлении железнодорожных и водных путей мы этого сделать не можем, так как транспорт для обеспечения безопасности республики безусловно должен оставаться в руках самого рабоче-крестьянского государства.

Перед нами сейчас стоит задача приноровить транспорт к нашей промышленности. Первая мера в этом направлении — сокращение штатов. Число железнодорожников у нас доходило до 1 279 000 человек. Сначала было сокращение 10% этого состава. Сокращение это прошло безболезненно, так как многие рабочие транспорта давно уже сами хотели уйти со службы.

К 1 ноября нам было предложено сократиться еще на 16%. Сокращение это еще не закопчено, срок его отложен до 15 декабря. В середине января предстоит еще новое сокращение, и число железнодорожников должно быть сокращено на 340 000 человек, водников — на 65 000: Сокращение необходимо произвести ввиду того, что на весь транспорт целиком республика может отпустить только 1 150 000 пайков.

Одновременно с этим сокращением должна быть поднята производительность и проведена строгая экономия во всех расходах. О том, что мы сейчас неэкономны, говорят хотя бы следующие цифры: в то время как раньше на известные перевозки уходил 1 кубометр дров, теперь у нас выходит 1,8 куб. м, т. е. почти в два раза больше. Целый ряд материалов, как, например, лом и пр., используемые раньше в больших количествах, теперь бесцельно валяются и теряются.

Вследствие необходимости экономить мы должны были перейти к платности перевозок, и тем самым доходы железных дорог хотя немного стали покрывать расходы. В январе этого года доход железных дорог составлял около 900 000 000 руб. Начиная с июля, в середине которого была введена платность, доходы повышаются и постепенно с 6 млрд. руб. доходят в сентябре до 40, в октябре — до 55 млрд. руб.

По степени важности все железные дороги республики разбиты на три категории: в первую категорию, которая должна быть обеспечена всеми видами довольствия и материалами, входят магистрали — основные пути для перевозки топлива, продовольствия и сырья. Эти дороги включены в план электрификации и составляют около 28 000 верст длины. Ко второй категории отнесено 12 000 верст подъездных путей, по которым производится подвоз заготовленного сырья, топлива и продовольствия. Эту категорию мы сможем обеспечить только наполовину. Наконец, к третьей категории относятся все дороги местного значения. Государство будет покрывать только 30% их потребности, а все остальное должны будут дать места, непосредственно заинтересованные в работе этих дорог.

Система управления транспортом по постановлению ВЦИК реорганизуется. Вместо одного органа — Наркомата путей сообщения, оторванного от мест, в котором путейцами была развита узкая цеховщина, замкнутая от всего окружающего, создаются округа путей сообщения, тесно связанные с местными экономическими органами. Связь эта будет содействовать развитию местной хозяйственной жизни и вместе с тем поможет железным дорогам в их нехватках.

Зло, разъедающее транспорт,— массовое хищение железнодорожных грузов. На одной Казанской железной дороге, например, за месяц похищено более 24 тыс. пудов. Борьба с этим злом ведется возложением ответственности за груз на самих железнодорожников, укрывавшихся раньше за железнодорожной милицией, которая при своей малочисленности фактически не была в состоянии пресечь эти злоупотребления, даже если она сама стояла на высоте. Падение курса рубля не дает возможности установить твердый денежный тариф за подвоз. Сейчас тариф увеличен в 20 000 раз против довоенного, но он уже далеко отстал от роста дороговизны. Никаким повышением тарифа нам не удастся угнаться за вздорожанием. Это увеличение ведет лишь к тому, что сокращается количество перевозимых грузов и доходность вместе с тем падает. Исходом из этого может быть только натуртариф, т. е. отчисления натурой с каждого пуда перевозимых грузов.

Заканчивая, т. Дзержинский сказал:

«Поставим вопрос прямо: смогут ли 63 000 верст путей, морские и речные системы, при отпущенных им Республикой ресурсах, справиться со стоящими перед ними задачами? На первый взгляд может взять сомнение, но если вспомним, в каком положении находились рабочие и крестьяне, когда они брали власть в свои руки, когда от нас уходили малодушные и как после победы рабоче-крестьянской Республики одни через месяц, другие через год, третьи через два приходили к нам обратно, то у нас должен быть один ответ: мы выполним все стоящие перед нами задачи, как бы велики они ни казались, если только у нас будет твердая воля к победе. В этом нас поддержит международный пролетариат, как он поддерживал нас в течение трех лет революции, дав нам победу на фронтах».

ХИЩНИКАМ И ВОРАМ НАРОДНОГО ДОСТОЯНИЯ НЕТ ПОЩАДЫ

В то время, когда все усилия трудового народа направлены к борьбе с разрухой и надвинувшимся стихийным бедствием — голодом.

В то время, когда дорог каждый вовремя добытый и доставленный нуждающимся и голодным кусок хлеба и каждый пуд зерна для обсеменения обширных полей пострадавшего Поволжья,— находятся паразиты и негодяи, которые расхищают народное добро из вагонов, пакгаузов и складов.

Хищники пользуются всякими способами, чтобы за счет несчастья другого, за счет награбленного создать свое благополучие.

Им нет дела до миллионов страдающих детей и крестьян голодных губерний.

Им нет дела до тех лишений и испытаний, которые терпит все трудовое население городов.

Часто они бывают неуловимыми, скрываясь под маской должностных лиц, причастных к нагрузке, выгрузке; хранению и перевозке грузов на транспорте.

Они не только сами воруют, но и потворствуют сторонним бандитам и ворам, скрывая следы их преступных дел.

Советская власть, в интересах трудящихся масс, примет все меры, чтобы положить предел этим преступлениям.

Суровые кары, вплоть до высшей меры наказания — расстрела, будут применяться не только к непосредственным участникам в хищениях на транспорте, но и пособникам и скупщикам краденого.

Советская власть призывает всех честных граждан на борьбу с паразитическими элементами, ворами и бандитами, разрушающими благосостояние республики.

Все честные транспортные работники должны принять участие в этой борьбе совместно с карательными органами.

Будьте бдительны и вместе с рабоче-крестьянской властью беспощадно боритесь с волками и хищниками народного достояния.

ПредВЧК и Наркомпутъ *Ф. Дзержинский*

*Печатается по тексту листовки,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

ПРИКАЗ № 6***Всем рабочим и служащим
железных дорог Сибири***

К вам, рабочие и служащие железных дорог Сибири, обращаюсь я по уполномочию Совета Труда и Оборона РСФСР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов в трудную, грозную минуту для всей нашей страны.

Вы все знаете, как ограничены наши источники продовольствия, какие затруднения вызывает каждый недополученный по плану пуд хлеба, какие великие муки, какие неописуемые страдания испытывает голодающее население юго-востока России, особенно Поволжье, оттого что помощь идет медленно, помощь идет несвоевременно.

Жизнь важнейших наших промышленных предприятий, нашей крупной промышленности, оставшейся на снабжении государства, зависит теперь от того, будут ли своевременно доставлены заготовленные в Сибири хлеб и мясо; движение на железных дорогах республики зависит от того же; засев яровых хлебов в голодающих местностях зависит также от того, будет ли подвезено зерно для посева из Сибири, хлеб для голодающих. От этого зависит, следовательно, и самое существование республики Советов, потому что враги учитывают каждый момент наших затруднений, каждый момент нашей слабости: на этом они строят планы удушения трудовой России.

Продналоговая кампания в Сибири идет к концу: крестьянин Сибири выполнил свой долг перед республикой и сдал почти целиком то, что потребовало у него государство для питания Красной Армии, детей, больных, инва-

лидов и промышленной армии рабочих и служащих, оставшихся на государственном снабжении. Хлеб и мясо подвезены к станциям для погрузки и отправки в нуждающиеся места республики. Но задание республики по вывозке продовольствия из Сибири не выполняется. Хлеб сыпается в колодцы из прессованного сена и, если его не вывезти, может загореться и запреть. В декабре грузилось и вывозилось меньше 20 %, меньше $\frac{1}{5}$ нормы.

Заготовленные к товарообмену грузы совсем почти не вывозятся, опасность сгноить мясо на дороге заставила центр прекратить заготовку мяса.

Рабочие и служащие железных дорог Сибири! Вы видите, что от работы вашей зависит судьба всей республики: $\frac{1}{5}$ всех продовольственных запасов республики идет из Сибири. IX съезд Советов раскрыл перед страной бездну отчаяния голодающих Поволжья, где только один из 10 голодающих получает пока сколько-нибудь достаточную помощь; от вашей работы зависит накормить остальных 9. Поля останутся незасеянными, если мы не вывезем хлеба из Сибири. Начавшееся оживление, подъем в нашей крупной промышленности, первые наши успехи в этом деле будут сорваны, если не хватит продовольствия, а его не хватит, если не будут нормально работать железные дороги Сибири.

В эту грозную минуту, когда Япония на Востоке пытается использовать нашу слабость и сделать нас бессильными перед требованиями хищников-империалистов Запада, я обращаюсь ко всем вам, от рядового чернорабочего до ответственного работника включительно, и требую, чтобы немедленно, объединенными усилиями, на железных дорогах Сибири создан был образцовый революционный порядок, чтобы задания и требования республики по ремонту дороги и подвижного состава, по нагрузке и вывозу продмаршрутов были выполнены на все 100%. Я призываю всех вместе и каждого в отдельности сообщать мне о всех известных вам препятствиях и способах и мерах к их устранению, так же как о всех случаях злоупотреблений на железных дорогах, саботажа и разгильдяйства. Страна не может допустить, чтобы дело укрепления рабоче-крестьянской республики Советов было сорвано благодаря подобным явлениям.

Я обращаюсь ко всем органам НКПС, ко всем профессиональным организациям Цектрана и всем ячейкам РКП и РКСМ с призывом прийти на помощь в этом деле. Будут приняты все меры к устранению других причин, препятствующих правильной работе дорог. Специальные комиссии обследуют всесторонне как состояние дорог и подвижного состава, оборудований и сооружений для ремонта, так и положение рабочих и служащих.

Правительство РСФСР сделает все возможное, чтобы улучшить это положение. От имени его я приказываю в кратчайший срок выполнить все срочные, неотложные работы, от которых зависит своевременный вывоз продовольствия и сырья из Сибири.

Всему миру известно, какую огромную революционную роль сыграли железнодорожники Сибири. Все знают, какую колоссальную работу проделали сибирские железнодорожники по восстановлению разрушенных колчаковской железнодорожных путей Сибири. Я убежден, что и теперь железнодорожники Сибири поддержат эту славу и не позволят никому сказать, что дело помощи голодающим, дело восстановления крупной промышленности, дело укрепления РСФСР было сорвано из-за плохой работы сибирских железных дорог.

Наркомпутъ и уполномоченный ВЦИК
и Совета Труда и Оборона РСФСР

Ф. Дзержинский

10/1 - 1922 г.

*«Рабочий путь» (Омск) № 11,
14 января 1922 г.*

Печатается по тексту газеты

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Беседа с сотрудником газеты «Известия»

Вернувшийся из поездки по Сибири Наркомпуть т. Дзержинский в беседе с нашим сотрудником сообщил о результатах работ специальной экспедиции по восстановлению сибирского транспорта.

Причина, вызвавшая мою поездку в Сибирь, была неподготовленность сибирского транспорта к выполнению боевого задания по вывозу продовольствия и семенных грузов. То представление, которое мы имели в Москве о состоянии сибирского транспорта, оказалось совершенно неверным. Транспорт оказался в очень тяжелом состоянии. Потребовался чрезвычайно сильный нажим, с одной стороны, и большая помощь со стороны моей экспедиции и Сибревкома — с другой, чтобы транспорт сумел встать на ноги.

Сильно затормозили работу пронесшиеся в феврале бураны, которые продолжались свыше двух недель в самых важных пунктах на Алтайской, Южно-Сибирской и Кольчугинской линиях. Все же все семенные и мясные погрузки транспорт *выполнил на 100% и в заданный срок*. В настоящее время производится перевозка внутрисибирских семенных грузов и вывозка продовольствия.

Основными причинами, вызвавшими неподготовленность транспорта, заявил т. Дзержинский, были: несвоевременная реорганизация, переход железных дорог на линейные отделы, развал административного аппарата Сибирского округа путей сообщения, отсутствие связи Сиббосса с местными хозяйственными органами и полная необеспеченность топливом. Самой же главной причиной

плохой работы дорог я считаю отвратительную постановку дела со снабжением рабочих. Несмотря на то, что в Сибири имеются налицо все данные для своевременного снабжения, благодаря расхлябанности аппарата, неправильно организованной постановки этого дела и полного невнимания со стороны органов Компрода к нуждам рабочих транспорта, систематические перебои в снабжении оказали самое пагубное влияние на работу транспорта.

Экспедицией проделана большая работа по урегулированию больных вопросов. Самые основные вопросы, которые стали перед нами в Сибири, должны быть разрешены в Москве. Основными выводами из сибирской работы я считаю: необходимость децентрализации управления транспорта и предоставления больших прав местам, установление более тесной связи транспорта с местными органами, создание внутри самого транспорта органов, которые ведали бы хозяйственно-коммерческой стороной дела по образцу бывших правлений железных дорог, и урегулирование вопроса снабжения рабочих.

В основе эти мысли получили уже одобрение высших правительственных органов республики, и сейчас нами ведется детальная разработка их.

Большую помощь оказал нам в нашей работе в Сибири Сибревком через организованную при нем пятерку по содействию транспорту.

В заключение т. Дзержинский отметил, что всякие разговоры о возможности железнодорожных концессий, сдачи железных дорог в эксплуатацию иностранному капиталу совершенно не вытекают из объективного положения транспорта и ни в коем случае допущены быть не могут. Транспорт был и останется базой диктатуры пролетариата. Он останется всецело в руках пролетарского государства.

Единственно, о чем может идти речь в настоящих условиях, закончил т. Дзержинский, так это только вопрос о концессиях на постройку новых железнодорожных линий на окраинах РСФСР, например на юге Сибири и т. п.

Д. Ф. СВЕРЧКОВУ¹⁵⁸

Дорогой товарищ!

Только сейчас пытаюсь ответить на письмо Ваше от 31/III, так как не мог найти более свободной минуты. У нас идет работа по выработке основ реформы управления транспортом¹⁵⁹, приходится тратить бесконечно много времени на всякое согласовывание, но я надеюсь, что недели через две мы проведем уже через все инстанции. В продолжение ближайших двух недель думаем упразднить и институт комиссаров. Намечаем сейчас и уполнар-компутей и красных начальников дорог. Вас мы оставим в Питере во всяком случае. С организацией правлений на дорогах и предоставлением дорогам больших прав и самостоятельности роль и значение округов, конечно, видоизмениться должны. По этому вопросу у нас с Госпланом и многими нашими спецами разногласия. Госплан — за упразднение округов. Я — за сохранение в тех областях, где имеется областное ЭКОСО¹⁶⁰ или правительство. Управление транспортом должно быть органически связано с органами управления хозяйственной жизнью области, этого достигнуть можно только путем объединения руководства и регулировки транспортом в данной области и включения объединяющего органа в ЭКОСО. Это должно быть филиальное отделение НКПС, и только через него НКПС должен сноситься с дорогами. Безусловно, только этот орган (округ) не должен разрастаться, не должен непосредственно управлять. Пришлите мне на сей предмет Ваши соображения относительно Петроградского округа путей сообщения, его прав, функций, аппарата, штатов и т. д. За Питерский округ придется взяться вплот-

ную сейчас [же] после утверждения нашей реформы, которая определит и функции округа. За сокращение штатов самого округа Вам необходимо взяться сейчас же. Упразднение института комиссаров никоим образом не должно обозначать умаления роли коммунистов. Наоборот. Без преданных делу коммунистов транспорт пропадет. Надо Вам уже сейчас наметить кандидатов на все административно-хозяйственные должности, где не требуется специальной квалификации. Административный отдел должен быть *целиком* в руках коммунистов. В этом же отделе будет и политсекретариат, функции которого — наблюдать за проникновением всюду *подходящих коммунистов* и отбором лояльных спецов. Прошу Вас заняться этим. Административный отдел должен будет заменить комиссаров. В Сибири работа идет хорошо, Бородач прислал телеграмму, что расчеты с рабочими урегулированы и просит отменить мой последний приказ. Мы его отзываем, и начальником округа назначили Ковылкина, начальником же Рязано-Уральской железной дороги — Забару.

Прошу Вас не забывать обо мне и писать время от времени.

Ваш Ф. Дзержинский

15/IV-22 г.

Д. Ф. СВЕРЧКОВУ

Дорогой товарищ!

Это второе письмо мое к Вам. Отвечаю сейчас же на письмо от 15/IV. В своем докладе ЦК (посылаю его Вам) я отметил ту роль, которую коммунисты должны сыграть на транспорте. Эту роль во что бы то ни стало надо обеспечить: они должны быть хозяевами на дороге. Как это обеспечить — в этом вся суть и задача уполнаркомпутей. Рецепта для всех не придумаете. Эту задачу надо осознать твердо и дать ее вам — местным руководителям и местным партийным центрам. Наш центр (НКПС) должен места раскрепостить — это главное. И места должны воевать активно за эти свои права. Наша линия сейчас по отношению к спецам и красным спецам на транспорте не простая, она очень сложная, — отсюда в переходное время неустойчивость и пустые надежды саботажников и паника коммунистов. Из этого выйдем. Необходима только спокойная уверенность вверху, у тех, кто на местах будет линию проводить, т. е. у вас. Наша реформа происходит в самое горячее для транспорта время, мне приходится разрываться на тысячу частей, отсюда невозможность заняться целиком, уяснить вместе с Вами новую линию. Но ведь мы с Вами в Сибири многое совместно передумали¹⁶¹. И не надо бояться некоторой неувязки переходного времени. Спецов-саботажников, игнорирующих коммунистов, надо *бить* самым решительным образом. Вы же должны намечать коммунистов, бывших комиссаров на административно-хозяйственные и на технические должности и быть самому хозяином у себя. Овладейте целиком административным отделом, подбирайте красных спецов, по-

ошряйте лояльных и работающих, свяжитесь и инструктируйте трудовой отдел ГПУ, чтобы работали на Вас, наметьте себе линию и упорно шаг за шагом проводите ее. Сегодня (20/IV) ВЦИК принял постановление об упразднении института комиссаров. На днях издаем приказ о порядке ликвидации. Ни один коммунист не должен с транспорта уйти — вот наш лозунг. Спецу честно дать возможность инициативы. Через одну-две недели проведем положение и о правлениях. Из-за округов у нас идет драка с Госпланом. Существующие округа будут сохранены, но, конечно, права дорог должны быть расширены и по отношению к НКПС и к округам. Дороги и правления могут с НКПС сноситься только через округ. Округа должны быть вроде филиального отделения НКПС в данной области. Члены правления дорог не могут быть назначены без согласования с округом (уполнаркомпуть) и областным ЭКОСО. Ваше теперь дело использовать ту «свободу», которая Вам предоставляется. Что касается округа Питерского, мы намечали т. Иванова на должность Н и уполнаркомпуть Сев[еро]-Зап[ада], но он сейчас болен и берет двухмесячный отпуск. Поэтому назначение надо будет отложить до возвращения его из отпуска. Рейслера¹⁶² пока не стоит снимать с округа; конечно, он был бы лучше на дороге, но пока, до возвращения Иванова, не надо этого вопроса подымать. Я думаю, что при желании с Вашей стороны Вы сможете и при нем провести нашу линию. Прошу Вас подыскать кандидатов на должность ОА и А дорог, согласовав с уполнаркомпутями дорог. Сейчас это самый важный вопрос, так как только через административные службы можно вести изо дня в день проникновение транспорта нашим духом. И начальник административной службы должен быть по политической линии (политсекретариат) фактическим помощником уполнаркомпути. Сам же уполнаркомпуть¹⁶³ не будет иметь времени заниматься текущей политработой, так как его забота основная — источники снабжения, увязка транспорта со всем хозяйством и общее наблюдение за политическим состоянием дороги. Надо заставить ОН и Н все свои административно-организационные мероприятия проводить через административные службы, и они должны знать, что, хотя начальник административной службы им подчинен,

он, однако, вместе с тем око нашей партии, т. е. правительства, представителем которого является уполнарком — путь. Главное — подбор этих начальников административных служб.

Еще раз повторяю: ответственность за то, чтобы саботажные спецы не съели красных, — на Вас.

Ожидаю Вашу работу по обеспечению влияния партии на транспорте.

Всего лучшего.

Ваш Ф. Дзержинский

20/IV-22 г.

«Исторический архив» № 2, 1960.

Печатается по текста журнала

**ДОКЛАД В КОЛЛЕГИИ НАРКОМПРОСА
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЛА ПРОСВЕЩЕНИЯ
НА ТРАНСПОРТЕ**¹⁶⁴

27 апреля 1922 г.

Газетный отчет

Выступивший с докладом т. Дзержинский, в кратких словах обрисовав тяжелое положение на транспорте, дела просвещения вообще, указал на основные причины такого положения: 1) отсутствие связи с производством, 2) недостаточно внимательное отношение со стороны Наркомпроса, проявившееся в чрезвычайно малом отпуске средств и пайков, далеко не соответствующем удельному весу самого транспорта и его значению, и 3) ошибочное стремление Наркомпроса втиснуть линейный транспортный пролетариат в узкие рамки губернских интересов путем жесткого подчинения транспортных культурных учреждений Губоно.

Мы полагаем, сказал т. Дзержинский, что если мы не установим теснейшей связи между транспортом и культурной работой (в самом широком смысле) на нем, если мы не откроем культурной базы для транспортного пролетариата в самом производстве, если не установим достаточный процент кредитных ассигнований на транспортную культурную работу, то погубим культурную работу и профессионально-техническое образование на транспорте, а также поставим самый транспорт в крайне тяжелое положение.

Как ни тяжело бюджетное состояние транспорта, заметил т. Дзержинский, мы полагаем выделить определенный процент своего бюджета на транспортную культурную работу.

Затем т. Дзержинский огласил проект «Положения об управлении культурно-просветительными учреждениями на путях сообщения», сущность которого заключается в следующем:

1. Идейное руководство и учебно-педагогический контроль над просветительными учреждениями на транспорте осуществляет Наркомпрос через его местные органы.

2. Хозяйственно-административной стороной дела просвещения ведают культотдел Цектрана и Учтранпрофобр по принадлежности.

3. Для рассмотрения и утверждения плана в сети просветительных учреждений на транспорте, распределения денежных и материальных средств и изыскания дополнительных ресурсов организуется при НКПС Совет по делам просвещения в составе представителей Наркомпроса, НКПС и Цектрана.

4. Наркомпрос отпускает для культработников транспорта денежные и продовольственные пайки и передает их НКПС и Цустрану по принадлежности, а НКПС принимает на себя материальное снабжение просветительных учреждений.

* *
*

Я считаю издевательством над просвещением, говорит т. Дзержинский, во имя схемы губить все просвещение на транспорте. Раз Наркомпрос не в силах и не в состоянии оказать какой-либо помощи транспортному образованию, необходимо его для его спасения передать НКПС, возложив на НКПС и всю ответственность. Наркомпрос, очевидно, стоит на старой, уже изжитой схеме главкизма и от нее не решается отступить. Я соглашаюсь с тем, что все общее руководство должно быть в ваших руках, но я категорически протестую против того, что Наркомпуть должен лишь давать деньги на просвещение. Нет! Он должен и учить, так как из своей последней поездки по Сибири я убедился, что без просвещения не может быть и транспорта, а ведь просвещению на транспорте вы не в силах помочь.

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ ЦЕКТРАНА

16 июня 1922 г.

Основной доклад о деятельности НКПС сделает И. Н. Борисов, я же коснусь основных вопросов транспорта и наших важнейших забот. Невзирая на целый ряд ударных задач, стоявших перед транспортом на протяжении минувших лет революции, вплоть до срочных заданий по вопросам снабжения, перевозок семенных грузов и продовольствия в голодающие местности за истекший период, перед нами всегда стояла основная задача возрождения транспорта в соответствии с другими отраслями народного хозяйства. В этой работе важнее всего было отыскать линию нашего поведения в области улучшения форм и способов хозяйствования.

Ныне, при переходе на хозяйственный расчет, необходимо создать соответствие между издержками и теми ресурсами, которыми республика располагает и может располагать в дальнейшем. Эта кардинальная проблема транспорта, как и всякого другого вида хозяйства, не разрешается, однако, с таким успехом, как это могло бы быть достигнуто в любой другой отрасли промышленности. И на Западе и в Америке вышеуказанного соответствия между расходами и доходами не существовало и не существует. Дефициты существуют донныне и там. Если к тому же прибавить чисто специфические условия пережитой нашей страной гражданской войны, когда в результате напряженнейших усилий по военным перевозкам транспорт только разрушался, то теперь о бездефицитности абсурдно и говорить.

Такое положение кой у кого вызывает безнадежные решения о призывании варягов иностранного капитала для

восстановления транспорта. Приехавшие из-за границы наши представители передают, что эти тенденции нашли живой отклик среди иностранных капиталистов, и, например, известный уральский капиталист, работавший ранее в России, Уркварт предлагает, нельзя ли ему передать в аренду железнодорожную магистраль Либава — Иркутск. Для марксиста, революционера и борца, конечно, такой путь неприемлем, и мы должны все свое внимание зафиксировать на иных выходах из положения. Эту задачу мы ставим себе твердо. Вопрос только в отыскании механики предстоящей нам борьбы.

Старые методы сейчас непригодны. Если взять тот сковывающий всякую работу централизм, который господствовал в НКПС, то станет совершенно ясно, что изживание устаревших приемов хозяйствования становится нашей первейшей задачей. В свое время централизм был хорош, особенно в смысле успехов по части материального и иного снабжения, которые достигались благодаря нажиму из центра. В числе недостатков НКПС некоторые склонны видеть состав коллегии его. Совершенно ясно, что беда вовсе не в этом, а в отсутствии средств. Транспорт находится в сравнении с другими отраслями промышленности в особенно плачевных условиях. Если взять заработную плату работников железных дорог и водного транспорта, то вместо среднего заработка, определенного в 11 довоенных рублей в месяц, последний доведен до 4 руб. Все это есть одно из героических усилий в смысле понижения дефицита, который все же достиг 105 млн. Таким образом, дефицит покрылся частью гибельными средствами, ведущими к уничтожению рабочей силы, падению квалификации и пр. В чем же выход? Где разрешение задачи?

Нашей основной целью является органическая связь со всеми видами народного хозяйства и переход из положения «извозчиков», возивших кому угодно и что угодно бесплатно, в положение органической части народнохозяйственного организма. Для этой цели необходимо проводить в жизнь принцип увязки органов транспорта на местах с соответствующими районами промышленности. Практически эта увязка может быть достигнута проектируемыми правлениями дорог.

31 мая сего года после дискуссии в СТО принято положение о правлениях. Я считаю эту дату исторической и призванной сыграть в жизни транспорта огромную роль. Было бы наивно видеть в этом немедленное спасение положения, в котором находится транспорт. Конечно, если подойти к вопросу с нарочитым желанием критиковать, то можно выставить в надлежащем свете вопрос о правлениях. Но вся суть заключается не в тех или иных недостатках проекта, а в том здоровом принципе, который заложен в его основу, а именно, в конкретности постановки проблемы и в правильном определении выхода из положения.

В отличие от правления старого, дореволюционного типа, от нашего проекта концессиями и не пахнет. Наши правления должны комплектоваться из испытанных, опытных борцов за рабочее дело, красных спецов и тех из специалистов, которые доказали свою беззаветную преданность делу рабочего класса. Система правлений есть также конкретное выявление провозглашенного высшими органами республики принципа демократического централизма, и она должна быть так или иначе проведена.

Мы всегда боролись и будем бороться со всякими видами самостийности, недостаточного понимания органической связи мест с центром, но, имея в своем распоряжении сильные руки в лице ЦК РКП, мы сумеем согласовать здоровый демократизм с борьбой против вредных уклонений от общей линии, намечаемой центром.

Некоторые органы, как РКИ, указывают на неизбежные трения на местах в результате проведения в жизнь принципов увязки органов транспорта с районными органами промышленности. Несомненно, при осуществлении этой увязки будут возникать столкновения с ведомствами, будут случаи стремления со стороны ведомств к использованию в своих узких ведомственных интересах тех или иных хозяйственных операций с транспортом, но если во главе поставить нужных людей, то такие столкновения всегда можно будет предотвращать и устранять. Необходимо указать, что параллельно с реорганизацией местных органов транспорта идет и соответствующая перестройка НКПС.

Декретом от 16 января мы добились перехода на хозяйственный расчет. Но, сказавши «а», необходимо сказать и «б»: полная платность услуг всем ведомствам, учреждениям, кооперативам должна быть безусловной. Как одно из необходимых условий успешности работы транспорта в условиях хозяйственного расчета умелый технический подход к уплотнению работ, фиксированию внимания на основных аппаратах занимает одно из первых мест. Но из-за повседневной текущей работы нельзя упускать из виду общих перспектив; надо уметь отвлечься от повседневных забот для того, чтобы возможность видеть эти перспективы была реальной. В этом направлении мы создали в Госплане свой Трансплан. Этот орган призван дать исключавшуюся до сих пор возможность обнять хозяйственные, организационные и другие перспективы. Цектран должен принять непосредственное участие в плановой работе в интересах выявления общих перспектив транспорта.

Переходя к вопросу о наших достижениях, мы не можем не остановить своего внимания на постановке вопроса о просвещении на транспорте. Нам удалось культу-работу оторвать от Наркомпроса. Вместе с Цектраном мы побороли главкизм в этой области. В результате этого соглашения органы НКПС и профсоюза смогут ближе подойти к вопросам просвещения. Опыт показал, что без просвещения, без грамоты и восстановления квалификации работников транспорта мы далеко не уйдем. Хотя и достигнуто в этом направлении мало, но пути намечены верно.

Что касается вопроса об упразднении комиссарского аппарата, я должен указать тем товарищам, которые склонны видеть в этом шаге устранение политического влияния с нашей стороны, что подходить к вопросу о коммунистическом влиянии с фунтовыми и аршинными критериями смешно, в то время когда международный престиж РСФСР, с одной стороны, и общее влияние Коммунистической партии, с другой стороны, являются очень большими и неоспоримыми, общепризнанными историческими фактами. Не видеть этого — значит не понимать роли и значения Советской республики и ее руководящего авангарда.

Говоря о взаимоотношениях между органами НКПС и профсоюзом, я должен констатировать, что в нашей хозяйственной работе мы, несомненно, опираемся и должны опираться на профессиональный союз, и ни о каких противопоставлениях здесь не может быть и речи. Введение в коллегию НКПС представителя от Цектрана является тем исключением, которое сделано для НКПС как исключение. Трения, конечно, неизбежны, но, как это ясно было выражено в тезисах о новых задачах профсоюзов, ведомственное усердие, бюрократические извращения не составляют исключения и на транспорте, и поэтому, если и на практике союзу приходится сталкиваться с этими дефектами, то это вполне естественно. Бывают и такие дилеммы, когда интересы рабочих приходится иногда приносить в жертву какому-нибудь шпальному вопросу. Профессиональный союз, если он стоит на высоте своего положения, в таких случаях подымает и должен подымать свой властный голос. Такие и подобные случаи — не что иное, как признак жизни и биения пульса того или иного хозяйственного органа. При иных условиях были бы застой и мертвечина.

«Гудок» № 626, 17 июня 1922

г.

Печатается по тексту журнала
«Вестник путей сообщения» № 2,
8 июля 1922 г.

ДОКЛАД НА СЪЕЗДЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТДЕЛОВ И СЛУЖБ НКПС

7 июля 1922 г.

Газетный отчет

Тов. Дзержинский приветствует съезд от имени коллегии НКПС и останавливается на происходящей сейчас реформе на транспорте.

ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ

До сих пор главная роль транспорта в великой русской революции заключалась в том, что нам, транспортникам, удалось своей работой обеспечить победу на внешних фронтах.

Теперь, с прекращением войны, меняется роль транспорта: бывшая прежде увязка транспорта с военным ведомством должна замениться увязкой с промышленностью хозяйством страны.

Вместе с тем того комиссарского аппарата, благодаря отчасти усилиям которого удалось достигнуть поставленных транспорту задач, теперь оказалось недостаточно.

Тот коммунистический дух, которым был проникнут комиссарский состав, который двигал горами в военное время, — он должен остаться и теперь.

Этим коммунистическим духом должен быть проникнут аппарат административных служб, это надо иметь в виду при подборе кандидатов на ответственные посты.

ЗАДАЧИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СЛУЖБ

Административные службы должны из канцелярий превратиться в источник коммунистического духа на транспорте.

Административные службы, ведающие учетом как рабочей, так и высококвалифицированной силы, наблюдающие за производительностью труда, проводящие сокращение штатов — самый больной, самый основной вопрос нашего хозяйства, т. к. это вопрос об установлении хозяйственного соотношения страны и транспорта, — эти службы имеют сейчас громадное значение.

Административная служба — это тот орган, который объединяет и учитывает опыт всех других служб.

СОТРУДНИЧЕСТВО СО СПЕЦАМИ

Тов. Дзержинский отмечает далее необходимость товарищеских взаимоотношений, сотрудничества с носителями высококвалифицированных знаний.

Многих из них мы уже завоевали даже морально, и задача административных служб — нахождение и умение установить правильные с ними взаимоотношения: взаимоотношения подчиненного коммунистического отдела с некоммунистом начальником дороги.

Это сожительство специалистов с коммунистами должно определяться не юридически формальной стороной, а делом, в котором обе стороны должны сознать неразрывную связь двух частей — знаний, полученных долгим опытом и изучением, и коммунистического рвения, выражающего волю рабочих и крестьян России.

Эта связь создает красный транспорт, наподобие нашей Красной Армии.

ЗАДАНИЯ УПОЛНАРКОМПУТИ

Тов. Дзержинский подчеркивает, что задания уполнаркомпути чисто хозяйственные и общеполитические, и большинство тех заданий, которые раньше выполнялись комиссарами, считает всецело на административных службах*.

Отметив, что в задачу уполнаркомпути входит увязка хозяйства транспорта с остальной хозяйственной жизнью страны, т. Дзержинский заявляет:

* Так в тексте.— *Ред.*

«Нужно перестать быть только транспортниками и железнодорожниками, а стать государственным хозяином РСФСР».

Наш транспорт является для рабоче-крестьянской России основным и необходимым условием власти рабочих и крестьян, и осуществить это условие призван уполномоченный — пути.

Но для того, чтобы они могли свою задачу выполнить, необходимо наблюдение за правильностью работы управления дороги, за правильностью расходования средств и т. п.

Это наблюдение — задача нач. административного отдела».

Заканчивая доклад, т. Дзержинский выражает уверенность, что съезд будет способствовать проведению реформы транспорта.

«Я убежден, что точно так же, как железные дороги блестяще справились со своей задачей на военном фронте, точно так же блестяще они справятся и с новым заданием — с устранением транспортной разрухи для восстановления хозяйственной мощи РСФСР».

Доклад т. Дзержинского принимается как руководящий.

**ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ
НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО
И ВОДНОГО ТРАНСПОРТА**

2 октября 1922 г.

Коллегия Народного комиссариата путей сообщения поручила мне приветствовать второй съезд работников железнодорожного и водного транспорта.

Со времени последнего съезда прошла целая эпоха тяжелой и напряженной борьбы транспортного пролетариата, борьбы не менее важной и не менее ценной для республики рабочих и крестьян, чем предыдущая эпоха нашей военной страды, когда железнодорожный пролетариат своей героической борьбой способствовал победе над всеми нашими врагами. И как в дни военной страды самоотверженная работа транспортников способствовала победе рабочих и крестьян России, победе Красной Армии, так и в недавнюю эпоху борьбы с неурожаем, постигшим миллионы крестьян Советской России, эта борьба увенчалась успехом лишь благодаря напряженной и полной самоотверженной работе железнодорожников.

На IX съезде Советов председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета т. Калинин засвидетельствовал перед лицом делегатов всей Советской России самоотверженную работу транспорта. Весь хлеб, предназначенный для голодных, был переброшен вовремя, все семена для пустовавших полей были подвезены к сроку. Наши враги — белогвардейцы, капиталисты и помещики — так же, как и империалисты Западной Европы, надеялись, что транспорт наш совершенно разрушен и что он не сможет ни подвезти войска к фронту, ни питать армию снарядами и амуницией, ни наладить дело снабжения. Усилиями транспортного пролетариата надежды их были обмануты, и хотя они уничтожали по пути своего

отступления все транспортные пути, подвижной состав и мосты, однако наш геройский транспортный пролетариат сумел восстановить то, что они уничтожали и разрушали, и сумел помочь Красной Армии уничтожить их самих. Когда миновала война и небывалый неурожай постиг нашу страну, как возликовали враги наши! Белогвардейцы, кадеты, эсеры, врангелевцы и монархисты — все в один голос говорили пролетариям, откликнувшимся на бедствие: незачем вам давать помощь русскому крестьянству, ибо транспорт с этой задачей не справится.

Однако вы, транспортники, доказали, чего можно добиться пролетарским усилием. Вы блестяще разрешили возложенную на вас задачу и рассеяли те сказки, которыми пользовались наши враги, чтобы лишить нас помощи рабочих и крестьян Западной Европы.

В настоящий момент транспорт вполне удовлетворительно выполняет новое задание, которое поставлено перед ним в результате сбора урожая. Новая задача по переброске хлеба будет, как и все прошлые, выполнена с успехом.

Тяжела и полна лишений жизнь транспортника. Но сильна его воля преодолеть препятствия, которые стоят перед ним. «Пророчества» врагов наших говорят только об их бессилии понять ту силу, которая рождается освобожденным пролетариатом и которая сметает все препятствия на пути.

Весь мировой пролетариат с напряженным вниманием следил за предыдущей эпохой, за победами Красной Армии и за напряженной борьбой рабочих всей России, и в том числе транспортников, по уничтожению и ниспровержению объединенных сил капиталистов. И так же точно, как в эпоху военной борьбы, пролетариат Западной Европы, не сбросивший еще со своих плеч капитализма, следит напряженно за успехами нашими на фронте борьбы с хозяйственной разрухой. Ваш съезд своей деловой работой, разрешением вопросов, которые поставлены практикой последних полутора лет, скажет еще раз: русский транспортник находится на своем посту. Русский транспортник силен.

В чем эта сила, в чем эта мощь русского пролетариата? Сила и мощь его заключаются в тех целях, которые

лежат перед нами. Это — тот дух, который одухотворяет собой все действия и замыслы пролетариата России. Это — коммунистический дух, который дает непобедимые силы и является источником неиссякаемых сил пролетариата. Ибо позади пролетариата — рабство капитализма, впереди его — солнце коммунизма, когда не будет ни поработенных, ни поработителей. Для наших врагов, как для слепцов, непонятны цвета, никто не сможет рожденному слепым объяснить всю красоту, все разнообразие красок внешнего мира. Точно так же и капиталистам, тем, которые привыкли быть рабовладельцами и господствовать, непонятно, откуда может проистекать сила коммунистического духа. Они смотрят и думают, что сила наша заключается не в том источнике, о котором я говорю, — не в коммунистическом духе, а в том, что происходит из этого. Наш коммунистический дух — есть то единство наше, единство стремлений, единство воли пролетариата, которым мы живем и которым сдвигаем все препятствия.

Единство воли пролетариата проявляется в том, что пролетариат создал свободную партию — Коммунистическую, создал Центральный Комитет, который руководит действиями и волей этого объединенного коммунистическим духом пролетариата. Когда наши враги замечают те или другие внутренние трения или разногласия, они это стараются раздуть и сделать из этого колоссальнейшую основу для раскола. Если вы будете читать и следить за заграничной прессой, за газетами наших врагов, вы увидите, как они ловят всякие слухи, всякие сплетни и разукрашивают их и говорят о том, что партии приходит конец, что она раскалывается и что нет в ней того единства, о котором мы говорим, и не будет, что скоро будет конец большевикам. Нам это нужно понимать, нам нужно и дорожить своим единством и сознавать, что тот коммунистический дух, который одухотворяет весь рабочий класс, дал ему силу перенести множество героических усилий для закрепления своих побед.

Много у нас бед и недостатков. Для того чтобы учесть эти недостатки и ошибки, для того чтобы наметить пути к преодолению наших лишений и лишений транспортного пролетариата, и собрались вы, делегаты железных дорог, рек и морей.

Я как народный комиссар путей сообщения приветствую вас и желаю вам успехов в работе, ибо вы, основываясь на практике своей работы, которую вы сами провели на местах, укажете недостатки, которые надо исправить и устранить, и наметите пути, идя по которым можно будет сократить те тяжести и лишения, которые ложатся на плечи транспортного пролетариата.

Вы примете решения, которые сплотят еще более, чем до сих пор, транспортный пролетариат вокруг знамени восстановления исключительно только тогда, когда у нас будет сильный, авторитетный, сплоченный, единый и связанный со всем российским пролетариатом производственный союз.

Я кончаю свое приветствие возгласом: «Да здравствует коммунизм, да здравствует красный транспорт, да здравствует второй съезд работников железнодорожного и водного транспорта!»

«Гудок» № 716, 3 октября 1922 г.

*Печатается по тексту книги:
«Стенографический отчет 6-го Всероссийского съезда профессионального союза работников железнодорожного транспорта 2—6 октября 1922 г.» М., 1922*

**ДОКЛАД
НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО
И ВОДНОГО ТРАНСПОРТА**

8 октября 1922 г.

Я должен наметить ту линию, которую Народный комиссариат путей сообщения старался провести на транспорте в условиях разрушенного империалистической и гражданской войнами хозяйства РСФСР, но до этого необходимо здесь привести те основные данные, которые характеризуют транспорт и которые предрешают те пути и те меры, которые должны были быть приняты НКПС.

Этим основным элементом прежде всего является наш подвижной состав. Если мы обратимся к нашему паровозному хозяйству, то здесь я должен огласить следующие основные цифры: в 1913 г. наличие всех паровозов равнялось 20 320, из них здоровых 83% и больных 17%. В октябре 1920 г. мы имели здоровых паровозов 7918. К первому января 1921 г. количество это снизилось до 7677 и к 1 сентября 1922 г. количество здоровых паровозов сократилось до 7488, т. е. количество больных составило вместо 17% в 1913 г. 62,7% в настоящее время.

Мы видим, что с октября 1920 г. и до настоящего момента количество здоровых паровозов сократилось на 430, причем, если примем во внимание, что за это время прибыли из-за границы новые паровозы в количестве 730, то тогда общее количество потерь наших здоровых паровозов выразится цифрой в 1160 паровозов. Вместе с тем при таком колоссальном уменьшении нашего паровозного здорового парка свободных от движения в настоящую минуту у нас имеется 1917 паровозов.

Должен сказать для характеристики нашего паровозного парка: принимая во внимание предположения, что в 1923 и 1924 гг. развитие движения будет увеличено на 25% против предыдущих лет, а в последующий год оно будет увеличено еще на 15%, то новых паровозов при правильном хозяйстве нам потребуется много.

Что касается вагонного парка, то в 1913 г. в наличии у нас было более 502000 вагонов. На первое июля 1922 г. было 419 000, на 1 января 1921 г. было 447 000, т. е. около 30 тыс. вагонов за 1921 и половину 1922 гг. выбыло совершенно из строя. В том числе из этого общего наличия в 1913 г. было больных вагонов всего 5,5%, тогда как в 1921 г. в среднем было 27,3%, а в 1922 г. на 1 июля процент больных вагонов увеличился до 34,7%. Эти проценты указывают на катастрофическое падение нашего вагонного парка. Должен сказать также, что и остальные 66%, которые числятся у нас здоровыми, мы признать совершенно здоровыми не можем.

Вам всем известно, в каком состоянии находятся наши вагоны, которые входят в рубрику здоровых. Такое катастрофическое падение нашего основного капитала в нашем подвижном составе объясняется тем катастрофическим положением, в котором дороги наши были в отношении ремонта. Недостаток средств и материалов, запасных частей, металлов, жести, обшивки и всех других материалов, необходимых для восстановления изнашивающихся паровозов и вагонов,— вот главные причины падения нашего вагонного хозяйства. Для того чтобы охарактеризовать, насколько тяжело обстоял вопрос о ремонтных средствах, я оглашу вам цифры, рисующие задолженность нашу на 1 августа по отношению к трестам металлургической промышленности. Мы задолжали за металл Югостали, Гомзе, Госпрому и другим 8½ триллионов¹⁶⁵ на 1 августа. По лесным материалам — около 6 триллионов, по прочим материалам задолженность наша равняется полутора триллионам, не считая задолженности нашей по топливу. Даже и тот ничтожный процент, которым удовлетворялись наши ремонтные потребности, мы не были в состоянии оплатить.

Теперь перейдем к состоянию пути; для его характеристики я приведу цифры удовлетворения потребности

в шпалах. В 1921 г. голодная норма, которая получилась в результате всевозможных урезок как в Госплане, так и в Совете Труда и Обороне наших заявок, голодная норма равнялась 19 с лишним миллионам. Мы получили и могли сменить только до 5 млн. В 1922 г. голодная, урезанная потребность выражалась в 22 млн. 765 тыс. Нам удалось сменить и получить 8,5 млн. В отношении рельсов положение у нас лучше. Если перейти к сооружениям и мостам, то почти за все время империалистической и гражданской войн мы восстанавливали только то, что было разрушено из основного, и в первую очередь мосты, где были произведены колоссальные, как вам известно, работы. Должен сказать, что в смысле восстановления износившихся металлических частей, в смысле окраски их и другого ремонта и технического сооружения все эти работы ожидают еще своего осуществления.

Переходя к положению с топливом, надо сказать, что в общем и целом мы за этот год были удовлетворены, но положение дела снабжения оставалось очень тяжелым. Оно дало нам задолженность в громадной сумме железняка и крестьянству. При этом нужно принять во внимание и тяжелое положение, в котором находится наша нефтяная промышленность в Баку и Грозном и угольная промышленность в Донбассе. Мы сейчас, как вам известно, находимся в периоде перебоя, когда запасы топлива, в связи с тяжелым положением горняков Донбасса, очень незначительны. Количество забойщиков уменьшилось почти в два раза. Добыча сократилась в громадном размере, и мы переходим в зимний период с запасом 2—3-дневным; нас ожидает, по-видимому, в этом отношении суровая и тяжелая зима.

Что касается нефти, то и здесь предположения наши о количестве вывоза из Баку нефти, по всем данным, не оправдываются, и придется ввиду того, что не было достаточно средств у государства, получить из Баку миллионов на 15—20 пудов меньше, чем предполагалось по первоначальному плану. Кроме того, благодаря целому ряду условий настоящего хозяйства то топливо, которое мы потребляем, производит работу гораздо меньшую, чем по нормам довоенного времени. Цифры, которые характеризуют норму потребления, следующие (считая в эквивалентах

сухих дров): в 1913 г. 1,27 и в 1922 г. 2,24 в среднем, т. е. норма потребления топлива была почти в два раза больше, чем в довоенное время.

Если мы перейдем к следующему, основному и самому главному элементу транспорта, как и в каждом другом хозяйстве — к рабочей силе, то здесь мы можем указать на следующие цифры: на железных дорогах в довоенное время на версту было 12,8 рабочих в среднем; в этом году, после колоссальных последовательных сокращений штатов, приходится 10,4. Но мы и это сокращенное количество рабочих не были в состоянии оплатить тем минимумом, который мог бы обеспечить минимальную потребность. Трудной ценой мы могли выполнить полностью ту работу, которую страна возложила на нас.

Я должен здесь остановить ваше внимание еще на некоторых цифрах, которые характеризуют производительность труда в 1913 и 1922 гг.: если взять по службе пути работы — смену шпал, например,— то будем иметь в 1913 г. 18 млн., в 1922 г. $8\frac{1}{2}$ млн.; количество рабочих часов для смены одной шпалы в 1913 г. было 1,25 час, а в 1922 г.— 1,60, т. е. с превышением 0,35 на каждую шпалу; в отношении смены рельсов на каждую версту в 1913 г. требовалось 318 рабочих часов, а в 1922 г.— 420, т. е. каждая верста поглощает у нас на 100 час. больше. Что касается балласта, то, по сравнению с 1913 г., в 1922 г. требуется для этой работы на 4 час. больше. Полное восстановление комплекта стоило 400 час; в 1922 г. для этой работы требуется на 104 час. больше, чем в довоенное время. На работу по смене крестовин требуется на 6 час. больше.

Если теперь перейдем к другим службам, то увидим следующие цифры: в работах, зависящих от движения, на 1 млн. осе-вагоно-верст требовалось $4\frac{1}{2}$ рабочего часа, в 1922 г. требуется 6,6, рабочего часа, т. е. на 2 рабочих часа больше; тяга — на 1 млн. вагоно-осе-верст в 1913 г. требовалось 9,50 рабочих, в этом году требуется 28,12 рабочих, что составляет цифру почти в 3 раза большую, чем прежде. Если мы сейчас обобщим и постараемся уяснить, какие взаимоотношения существуют между количеством работы и результатами, то можно привести следующий подсчет. Работа наша сократилась в смысле пудо-верст перевозки в

3—4 раза. Количество рабочих, если подсчитать и принять во внимание 8-часовой рабочий день, сократилось, принимая штатное количество рабочих, до 65%. Но если принять во внимание ту практику, которая у нас укоренилась и, к сожалению, с трудом изживается дорогами, сверхурочные работы, то взаимоотношения еще больше ухудшаются.

На некоторых железных дорогах, например на Московско-Курской, сверхурочные работы достигали до 50%. Это означает, что в количество рабочих часов восьмичасовой рабочий день принес с собой не увеличение производительности труда, что всегда было и является основой наших требований и нашей программы, а наоборот, в результате наблюдается сокращенная производительность работы, потребовавшая увеличения рабочего дня под видом сверхурочных работ. Эти цифры и эти данные вводят нас в глубину транспортной проблемы в условиях разрушенного хозяйства и указывают на то, что у нас нет соответствия между ресурсами страны и доходами ее, с одной стороны, и, с другой стороны, между аппаратом, которым мы ворочаем, и результатами той работы, которую этот аппарат производит. Как в отношении рабочей силы, так и в отношении основного капитала нашего громаднейший процент отходит на холостой ход. Ясно, что при холостом ходе и при таком громадном нажиме страна не в состоянии содержать такого аппарата. Если бы мы спросили какого-нибудь частного хозяина, имеющего небольшое дело, как он хозяйничал бы в таких условиях, то ясно, что он ответил бы так: «Я повел бы хозяйство таким путем, что при сокращении требования на продукты его производства я сократил бы свое производство, я уволил бы тех, кто работал бы впустую, я спрятал бы орудия производства, сохранил бы их до того времени, когда страна снова потребует от меня продуктов моего предприятия».

Но транспорт — это не частное мелкое хозяйство, которое можно легко свернуть и спрятать, отдать на сохранение. Наш транспорт, наши линии, перевозят ли они 100 или 1000 единиц, требуют за собой ухода, требуют сохранения. Поэтому мы дороги закрыть не можем, ибо приостановление линии, с одной стороны, означало бы неудовлетворение всех потребностей по перевозкам, без которых страна не может обойтись, а с другой стороны,

железные дороги, если их закрыть, нуждались бы в охране зданий и сооружений. Эта охрана потребовала бы не мало издержек. Следовательно, закрыть наши железные дороги мы не можем. Но вместе с тем страна, разоренная войной, не в состоянии такого аппарата содержать.

Где же исход? У нас теперь, к сожалению, не мало таких товарищей, которые полагают: для того чтобы разрешить те основные проблемы, которые стоят перед транспортом, необходимо иметь только печатный станок. У нас развивается, как в буржуазное время, фетишизм денег, золота, развивается фетишизм печатного станка. Полагают некоторые товарищи, что если напечатать достаточное количество денег, то это разрешило бы стоящие перед нами проблемы. Но это — глубокое заблуждение, это — иллюзия, ибо печатный станок только тогда в условиях нашей новой экономической политики может себя оправдать, если он будет печатать такое количество денег, какое необходимо для товарообмена между городом и деревней, между одной отраслью промышленности и другой, между транспортом и промышленностью. Но если в стране нет хлеба, если нет готовых изделий, то никакая напечатанная бумажка не может этого хлеба, этих изделий создать. Необходимо создать листовое железо, необходимо отлить чугун, необходимо возделывать поля, сжать и смолоть хлеб для того, чтобы печатный станок мог выполнить свою миссию. При новой экономической политике в условиях товарообмена и продуктообмена станок ценностей не создает.

Между тем мы видим, что на транспорте мы не создаем такого количества продукта, которое могло бы отвечать тем усилиям и тем издержкам, которые транспорт наш несет. Некоторые ученые, которые останавливались на этих цифрах и на этой проблеме, ученые, которые не были марксистами-диалектиками, не понимали, что история проходит этапами целого ряда противоречий, находящихся в процессе своего разрешения свой синтез, и они видели в этой проблеме крах власти рабочих и крестьян: они указывали на то, что единственное спасение мы должны искать в иностранном капитале.

Но я спрошу: что может дать нам иностранный капитал на транспорте? Транспорт — это кровеносная система страны, база государственной власти; в настоящее время

транспорт является базой власти рабочих и крестьян. Транспорт является исходной точкой и может явиться ею для возрождения всей промышленности и всего сельского хозяйства, он может выполнить ту смычку деревни с городом, без которой ни одно государство, в том числе и наше Советское, не может существовать. И передача железных дорог в руки иностранного капитала обозначала бы вместе с тем подход к вопросу о сдаче в России и власти. Иностраный капитал на транспорте не мог бы создать новых ценностей, ибо эти ценности, результат нашего труда, зависят не от нас, не от железной дороги: продукт нашего труда — это пудо-версты, которые мы перевозим для промышленности, для сельского хозяйства.

Поэтому те господа, которые направляют мысль нашу в сторону привлечения иностранного капитала на транспорт, в глубине души в основе своей имеют в виду не интересы хозяйственно-экономического развития страны, а имеют интересы политические, которые мы должны отвергнуть. В том, что транспорт не производит сам своих продуктов, а перевозит продукты сельского хозяйства и промышленности, и надо искать исходные точки для проблемы, без разрешения которой буржуазные ученые пророчат нам крах. Мы должны во что бы то ни стало развить и содействовать развитию товарообмена и смычке между городом и деревней, потому что транспорт может голод свой изжить, если ему будет дана страной полная нагрузка.

Перед транспортниками этой проблемы до периода новой экономической политики не было; тогда задача наша была: перевозить армию, перевозить снабжение для Красной Армии, для того чтобы отстоять наше рабочее государство. Но сейчас перед нами ставится новая задача, которая говорит: транспортники, выходите из своей полосы отчуждения железных дорог и рек, выходите на широкий простор хозяйственной жизни страны и будьте сознательным элементом возрождения этой хозяйственной жизни. Здесь от нас, от отношения нашего к этой проблеме, к этой задаче, зависит очень многое. Я ниже укажу более подробно, что мы в этой области можем сделать и должны сделать, и тот путь, который намечен и который вытекает из этой нашей проблемы,— это всемерная борьба, беспо-

шадная борьба с той бесхозяйственностью, которая имеется на наших путях и на нашем транспорте.

Одним словом, для того чтобы разрешить транспортную проблему, необходимо было и нам перейти на рельсы новой экономической политики. Но наш нэп, нэп на транспорте, не является тем, чем является нэп в других отраслях, ибо, как я указал, мы и транспорт наш являемся самым важным и основным элементом власти рабочих и крестьян.

Наш транспорт выполняет государственные функции, он сам не производит ничего, кроме пудо-верст тех продуктов, которые производит страна. Поэтому мы должны остаться на государственном снабжении, поэтому мы не можем перейти на полный хозяйственный коммерческий расчет.

Если бы мы были пущены в самостоятельное плавание, мы обязательно должны были бы сесть на мель. А если мы сядем на мель, это значит, что сядет на мель и наша государственная власть, власть рабочих и крестьян. Поэтому наш нэп, наш хозяйственный расчет совсем иной, чем в тех трестах, которые целиком переведены на новые экономические начала и которые сами должны концы с концами свести для того, чтобы развить свою непосредственную промышленность.

В том положении, в том состоянии, в котором мы находимся, мы не можем быть бездефицитны, и вы представьте себе после оглашенных цифр, что мы хотели бы потребовать от страны, от грузоотправителей, от пассажиров и т. д. те цены, которые бы покрыли все наши расходы.

Спрашивается — откуда же получить, чем покрыть тот дефицит, который по необходимости должен иметь место все то время, пока не развернется, не восстановится в стране хозяйственная наша мощь? Ясно, что этот дефицит должен быть покрыт из государственных налогов на всю страну, так как только налоги в состоянии дать те средства, которые будут не фиктивными, бумажными средствами, средствами эмиссионными, а действительными ценностями. Таким образом, мы, требуя покрытия нашего дефицита, требуем передачи нам части налогов, накладываем их на все население. Это значит, что мы одновременно должны быть под государственным контролем, под

контролем тех органов, которые распределяют налоги, которые их накладывают и которые отчитываются перед народом в израсходовании и в результатах расходования налогов, накладываемых на население. Я должен сказать, что то тяжелое положение, в котором находится наш транспорт, не является исключением только для русского, советского транспорта. Нигде, ни в одной стране, не было столько разрушений, как у нас. Вы знаете, что из 64 тыс. верст железнодорожных путей только 20 тыс. верст не были разрушены. Но империалистическая война нарушила взаимоотношения хозяйственные и за границей: железные дороги, которые раньше были там источником колоссальных доходов, стали тоже дефицитными. Я оглашу здесь некоторые цифры. Америка, которая одна использовала войну империалистскую для скопления колоссальнейших запасов золота, должна была в 1920 г. погасить субсидиями, дать железным дорогам 900 млн. долл., кроме того, должна была дать еще 500 млн. долл. займами.

Англия в 1920 г. имела дефицит в 46 млн. фунтов стерлингов. В 1922 и 1923 гг. этот дефицит уже увеличивается до 60 млн. Во Франции дефицит дорог доходит до 3 млрд. фр. Даже в Швейцарии дефицит доходит почти до 100 млн. фр. в 1921 г. Таким образом, только в новой экономической политике на транспорте мы не можем искать тех средств, которые выведут нас из тупика и которые позволят приостановить съедание и уничтожение основного капитала и основной рабочей силы.

С конца 1921 и с начала 1922 г. началась ожесточенная борьба за нэп и на транспорте. Я указал уже, в каких условиях нам пришлось его проводить, я сказал, что мы не могли так просто проводить его, как кожевенная промышленность, как сахарная промышленность, как пищевая промышленность или деревообделочная, как Северолес и другие тресты. Мы не могли так просто перейти на хозяйственный расчет, ибо мы были связаны тысячами нитей со всеми отраслями народного хозяйства как сельскими, так и промышленными. А прошлый период привел все наши ведомства к привычке использовать наш транспорт как нечто, будто от природы данное, как нечто такое, которое не требует никаких платежей и никаких усилий. Поэтому мы не в состоянии были провести сразу без

жестокой борьбы на транспорте начала новой экономической политики. Кроме того, мы не в состоянии были это сделать потому, что все нити управления сосредоточились в центре: хозяйственной инициативы на местах не было, все управление было здесь, между тем как все органы, которые должны были и могли бы восстановить хозяйственную самостоятельность, были уничтожены, были упразднены и были сведены до первичных минимальных размеров и потому ни в коей мере не могли справиться со своей задачей. Сюда относятся: служба сборов, тарифные наши аппараты, определяющие и подрабатывающие тарифную нашу политику.

Нам пришлось, таким образом, вести ожесточенную борьбу за проведение на транспорте начал новой экономической политики в трех направлениях. Нам необходимо было, с одной стороны, выявить свои собственные потребности, выраженные в денежных единицах. Затем нам необходимо было выявить, установить денежные взаимоотношения как с нашими потребителями, так и с теми контрагентами, которые производили и производят для нас необходимые материалы. И, наконец, нам нужно было истребовать от государства покрытия нашего дефицита и предоставления нам необходимых оборотных средств и кредитов.

В каких условиях нам приходилось выполнять это? Для того чтобы выявить наши потребности, нам приходилось вести борьбу с нашей собственной бесхозяйственностью, и мы не могли этих потребностей выявить, ибо у нас не было аппаратов для этого ни на местах, ни в центре. Очень часто нам при предъявлении чеков или других требований приходилось гадать на кофейной гуще. Ясно, что когда мы такие требования предъявляли Наркомфину, то он, не будучи в состоянии противопоставить нашим необоснованным требованиям свои обоснованные контрзаявления, должен был нам на это отвечать пресловутыми коэффициентами и закручивать пресс, урезающий наши потребности.

И в этом смысле я должен сказать, что Наркомфин не имел других путей. Вы помните, какие требования мы предъявляли, и вы помните, в каком проценте, ничтожном по сравнению со всеми требованиями и заявками, нас

удовлетворяли. Вы знаете, что, несмотря на это, задания, которые нам были даны, мы выполняли. Вы часто читали в наших докладах НКПС, что мы были удовлетворены в том или другом таким-то процентом, а задания наши мы все же выполняли полностью. Почему же мы, получая 5—10% заявок и требований наших, почему же мы выполняли 100% той работы, для которой мы требовали полных 100% предметов снабжения?

Ясно, что требования наши были составлены не на основе проделанной большой работы на местах и на основании подсчетов, а были исключительно теоретическими, кабинетными. Я приведу как пример следующее: когда Северо-Западная наша область потребовала совместно с Северо-Западным ЭКОСО средств от Совета Труда и Оборона, была послана комиссия с председателем от Госплана с представителями от ВСНХ и от населения. Эта комиссия определила, что для того, чтобы Севзапвод мог выполнить свои задания по доставке топлива к Петрограду, необходимо было ему дать 16 триллионов руб. Ясно, что это — несуразная цифра, ясно, что в стране и в природе таких денег не могло быть. Пришлось назначить другую комиссию.

Другая комиссия еще раз пересмотрела все это, и из 16 триллионов получили тогда 1 триллион и 119 млрд. Мы привыкли к этому, и ведомство наше привыкло подходить к вопросам не с точки зрения общегосударственных интересов, а с точки зрения исключительно ведомственной. Мы привыкли требовать на всякий случай столько, сколько влезет, и ясно, что Наркомфин на это мог отвечать только одним. На такой подход, на такие необоснованные требования он мог заворачивать свой пресс и урезать беспощадно. Благодаря такому подходу с нашей стороны Наркомфин со своей стороны тоже сделал целый ряд промахов. Он урезывал часто там, где не должен был урезывать. Для примера я укажу, почему топливная промышленность попала в такое тяжелое положение. Только потому, что мы, главные потребители топлива, не в состоянии были уплатить ему за топливо и по тем минимальным ценам, которые были определены. Что же получилось? Получилось, что по смете пуд угля стоил по курсу 10 коп., умноженные на 750 тыс., между тем как минимальная цена топлива определялась по курсу 10 коп., умноженные

на 4 млн. Таким образом, мы не получили этих средств и не были в состоянии уплатить того, что от нас требовалось топливной промышленностью, и поставили промышленность в тяжелое положение. Нэп должен был установить правильные денежные взаимоотношения между потребителями и производителями. Но эти взаимоотношения уже нарушились. Взаимоотношения эти портились, и потому эта машина наша — нэп — не могла идти правильно. Таким образом, это был год ожесточенной схватки, с одной стороны, с нашей собственной бесхозяйственностью и с нашей собственной узкой ведомственностью и, с другой стороны — с теми органами, которые являются нашими потребителями и поставщиками, теми органами, которые добывали металл, и теми, которые, исходя из совершенно правильной финансовой политики, поставили себе задачу урезать все непроизводительные и ненужные расходы.

Если в результате этой схватки мы выходим победителями, то здесь выравнивается линия, и теперь те люди, которые раньше ничего не видели, кроме своего узкого дела, теперь выходят на широкую арену и в своем ведомстве уже разрешают эти задачи с точки зрения общегосударственной. Мы в этой области, с проведением новой экономической политики и установлением правильных денежных взаимоотношений с нашими потребителями, делаем колоссальнейшие успехи. Я огласил бы вам цифры нашей выручки, но они вам должны быть известны, так как они публикуются в отчете из месяца в месяц; эта выручка увеличивается, но, к сожалению, все же процент увеличения ее не отвечает проценту возрастания грузо-товарооборота. Большая часть возрастания этого процента падает на тех, кто раньше не платил и пользовался бесплатными перевозками, а теперь стал понемногу входить на правильную позицию и за услуги, которые получает от других, платит. Это — единственный метод и способ таких денежных взаимоотношений, которые могут уничтожить бесхозяйственные и ненужные расходы и найти, наконец, денежное выражение, которым можно охарактеризовать данное хозяйство.

Здесь, в этой борьбе за наш нэп, этот вопрос является одним из самых главных вопросов, а именно вопрос нашей тарифной политики. Я указал, что мы не можем быть пе-

реведены на хозяйственный расчет и не можем устанавливать свой собственный тариф, но вместе с тем, так как наша тарифная политика определяет грузооборот и товарообмен, то она определяет и размеры этого грузооборота, от увеличения которого зависит восстановление всего нашего хозяйства. Тариф не может дойти до такой высоты, чтобы он покрывал полностью все наши расходы. Но вместе с тем те, кто привык к бесплатным перевозкам, к бесплатной езде, должны теперь перейти на другое положение.

Я должен сознаться, что наше ведомство иногда настаивало на слишком большом увеличении тарифа, несообразно с платежеспособностью населения и грузоотправителей. Потребители нашего транспорта пытались понизить плату за проезд со своей стороны до таких размеров, на которые согласиться никоим образом было нельзя. Этот спорный вопрос обсуждался и был, наконец, решен.

Советом Труда и Оборона был образован Тарифный комитет при НКПС, но в его состав вошли представители заинтересованных ведомств, и, конечно, эти представители заинтересованных ведомств составляли большинство. В нашей тарифной политике мы руководились следующим. Тариф никоим образом не может быть ниже, чем те расходы, которые зависят от движения. Если бы мы не боролись за этот принцип, то это обозначало бы, что каждый новый вагон, перевозящий грузы, был бы нам в убыток, а не в прибыль. Отступать от этого принципа нам никоим образом нельзя. Вместе с тем мы провели и другой принцип, а именно: ввиду необходимости подвести широкую базу под наш тариф и подвести ее в соответствии с платежеспособностью грузоотправителей, нужно разрешить местам вводить местный тариф под нашим контролем и в таком расчете, чтобы тариф отвечал платежеспособности данных грузоотправителей.

Я должен сказать, что в результате борьбы за наш нэп мы имеем то, что Наркомфин в своей докладной записке в Совет Труда и Оборона и в Совнарком об основах финансового плана 1922/23 г. пишет следующее: «Необходимо расходовать средства из ресурсов страны в первую очередь на удовлетворение государственных потребностей, причем эти потребности должны покрывать полностью.

К таким потребностям необходимо отнести в первую очередь нужды транспорта, от сметы которого зависит судьба всего нашего хозяйства».

Наша ближайшая задача в области финансов заключается в том, чтобы настоять перед правительством о предоставлении нам достаточных оборотных средств. Наше хозяйство хищническое, потому что мы работаем ударно. Приходит голод — необходимо из Сибири перевезти сюда хлеб, и мы в последний момент гоним туда паровозы, вагоны, даем колоссальные средства для того, чтобы подготовить неподготовленное вовремя топливо и чтобы перевезти хлеб, как это имело место в начале настоящего года. Чтобы избежать хищнической эксплуатации, необходимо раз навсегда покончить с ударной работой. А для этого нужно заблаговременно иметь оборотные средства, чтобы заготовить топливо, металлы, обшивку и материалы для ремонта вагонов и паровозов. Мы испрашивали, исходя из нормы: 1000 руб. на версту дорог первой категории, 74 млн. реальных рублей. Но состояние казны было таково, что фактически до сих пор мы получили на этот предмет только 12 триллионов. Дальнейшая наша задача — иметь необходимый кредит. Вы знаете, что очень многие хозяйственные органы требовали от нас на дорогах кредит, что вначале проведения нэпа были страшные несуразности. Мы не имели средств. Получались грузы для того или другого государственного или частного хозяйственного органа, и они не имели средств для выкупа. Мы же эти грузы не могли выдать, пока средства не бывали представлены, и каждый день простоя должен был быть ими оплачен. В результате получалось, что грузовыкупатель не выкупал своего груза, груз стоял, затем продавался с торгов, и грузополучатель покупал его за дешевку. Вот что значит отсутствие кредита. Если взять не частный этот случай, а если взять вообще новую экономическую политику, то она без кредита, без взаимной работы между учреждениями, без посредничества немислима. Здесь необходимо участие железных дорог в Государственном банке, который должен иметь соответствующий транспортный отдел, или в том промышленном банке, который сейчас организуется. Этот промышленный банк, поскольку он будет существовать, не может быть без участия и без

соответствующего влияния транспорта, ибо вы видите наши взаимоотношения из тех цифр, которые я огласил, из задолженности нашей целому ряду органов, находящихся в рамках ВСНХ. Это показывает, что они нас кредитуют, а с другой стороны — мы их кредитуем нашими перевозками.

Я хотел еще в этой области обратить ваше внимание на следующую задачу. Мы съедаем основной наш капитал, этот капитал уничтожается, и мы должны это приостановить. Сейчас мы благодаря тому, что железные дороги и хозяйство наше не в состоянии стать полностью на свои ноги, не в состоянии составить смету, исходящую не из партикулярных интересов, а с точки зрения государственной, — у нас сейчас бюджет НКПС, бюджет транспорта создается в центре и имеет вследствие этого миллион недостатков, которые в жизни должны быть скорректированы. Но необходимо найти метод заставить дороги наши стать на ту почву, чтобы они были заинтересованы в восстановлении своего хозяйства. Сейчас что получается? Сейчас те дороги, которые получают больше, чем им по расходному расписанию полагается, должны передавать свободную выручку НКПС, чтобы передать эту перевыручку дорогам с недовыручкой или дорогам, которые находятся в полной дефицитности (такими дорогами у нас являются Мурманская, Туркестанская, Самаро-Златоустовская и целый ряд других). Я должен сказать, что у нас бездефицитных дорог нет. Поэтому это принуждение, что мы забираем от данной дороги ее выручку, чтобы давать другой, должно быть изменено в том смысле, чтобы вся такая перевыручка оставалась на данной дороге, с тем чтобы эти средства шли на удовлетворение тех расходов, которые не предусмотрены сметой, или чтобы ставки и другие платежи были повышены для того, чтобы восстановить основной наш капитал.

Мы разделили все наши дороги на три категории. В этом было много случайного, искусственного и не всегда отвечающего действительности. Так, например, дорога, которая отводилась к 1-й категории, была на самом деле не 1-й и даже не 3-й категории (Мурманская). Точно так же целый ряд дорог и веток были отнесены к 3-й категории, скажем, на юге. А когда потребовался подвоз

хлеба для голодающих, эти дороги превратились в дороги 1-й категории, так как погрузка увеличилась.

Что определяет категорию дороги? Та работа, которую дорога производит. Если дорога имеет большую выручку, то она относится к высшей категории. Но все наши дороги разрушены, и если по данной дороге движение больше, то и потребности ее в смысле восстановления основного капитала также требуют большего удовлетворения. Из этого положения имеется один выход — это переход на сальдо-бюджет, чтобы дорога из государственной казны получала покрытие своего дефицита. Но чтобы этого достичь, необходимо, чтобы дорога стала на самостоятельные ноги, не на ведомственные, а на государственные. Ибо если дорога будет исходить не из государственных интересов, а из ведомственных, то тогда перейти на сальдо-бюджет никакое правительство не может согласиться. Ставя так основную задачу, ясно, что мы не можем обойтись тем аппаратом, который был раньше, и при помощи его провести новую экономическую политику. Мы прежде всего должны уничтожить железной рукой тот чудовищный централизм, который раньше, в военную эпоху, приносил колоссальные услуги, а сейчас сделался только преградой для развития и восстановления нашего хозяйства.

Я расскажу вам характерный пример. Когда в начале 1922 г. Совет Труда и Оборона уполномочил меня для поездки в Сибирь, чтобы выполнить программу, намеченную по вывозке хлеба из Сибири, мы пришли к единогласному выводу: 250 вагонов ежедневной погрузки и перевалки через Урал мы можем взять на себя. Но оказалось, что мы не могли и 70 вагонов погрузить. При расчетах все было прекрасно, а оказалось, что только когда я приехал, началась перекомандировка паровозов на несколько тысяч верст и что все сведения, которые нам дали, были чепухой; неприкосновенный резерв вагонов оказался мифом. Это был только коэффициент, чтобы показать, как хорошо оборачиваются вагоны. Там было написано, сколько есть отставленных от ведения паровозов, которые, по правилам, должны были быть в полной готовности; но оказалось, что это было неверно. Наш централизм показал, что такой громадой управлять из центра невоз-

можно. И вот в начале года начинается поход против централизма в управлении. Но мы наших навыков, нашей привычки к центральному управлению до сих пор еще не изжили.

Для того чтобы изжить военные методы и централизм, мы начали с того, чтобы возложить больше ответственности на каждого работника, на каждого техника. С согласия партии и Цектрана, мы упразднили аппарат комиссаров и создали аппарат уполнаркомпути на местах, поставили перед ними задачу связи на местах: входи в ЭКОСО, не будь отчужден, свяжись со всеми отраслями хозяйства на местах, чтобы там найти источник своего развития и самому быть источником развития сельского хозяйства и промышленности.

Затем 1 мая мы внесли в СТО положение о правлениях. Цель, основная мысль этого положения такова: привлечь на наш транспорт людей сведущих, знающих в делах промышленности и сельского хозяйства, подыскать хозяина. До сих пор кто у нас был хозяином? Техники. Но техник знает, как построить паровоз, он может быть хозяином мастерских, хозяином паровозов, но не экономики страны. Надо было создать аппараты, связывающие нашу экономику с экономикой всей страны. Это можно было сделать только путем опытных лиц во главе правления. Были такие, которые предлагали сдать в аренду, составить правление на годы, бессменно. Мы, конечно, посмеялись над этим, потому что железные дороги не могут быть собственностью пяти — семи человек; железные дороги должны остаться у государства, и мы, НКПС, оставаясь дальше представителями государственной власти, не могли поступиться ни одним правом, которое затрагивает нашу власть. Поэтому, предоставляя право широчайшей инициативы и самостоятельности местным управлениям, предоставляя им право назначать свои тарифы, мы вместе с тем ни одного золотника нашей власти не отдали, ибо транспорт в смысле принадлежности государству всегда остается в рабочем государстве. Вместе с тем пришлось изменить состав коллегии, втянуть тех, которые приобщались к созиданию других хозяйственных отраслей государства. Нам пришлось вместе с тем создать новый орган, плановый орган — Трансплан.

Вы знаете, что жизнь НКПС до сих пор была чисто технической, она мало входила в экономику страны; это была работа изо дня в день, мы оперировали теми средствами, которые нам давали, увеличений средств с нашей стороны не было. Но сейчас транспорт, не имея мозга и не планируя вперед на месяц, на два месяца, на год, а может быть, и на 8—10 лет вперед, будет терять перспективу и не сможет справляться с теми текущими задачами, которые практика перед ним выдвигает. Вместе с тем с банкротством централизма обанкротилось и плановое центральное хозяйство. Вы знаете, что те планы, которые создавались в кабинетах ученых, обанкротились, относилось ли это к Госплану, или к нашим органам.

То же можно сказать и в отношении планирования перевозок. ВСП (Высший совет по перевозкам) отжил свой срок. Сейчас поставлен вопрос, и он был рассмотрен в нашей коллегии НКПС, завтра он будет стоять в Президиуме Госплана, об упразднении ВСП. Затем мы должны были железным дорогам дать право образования своих закупочных органов, т. е. создать Трансмосторг, и давать железным дорогам право кооперироваться для более выгодных для железных дорог закупок.

Затем мы помогли правлениям на дорогах — новому нашему детищу. Мы содействовали организации Бюро правлений, мы приняли участие в Бюро правлений Московского узла, мы приняли участие в создании временного Бюро совета съездов транспорта.

Я хочу указать, что одной из ближайших задач в области организационной у нас стоит вопрос относительно налаживания расчета дороги с дорогами. Мы до сих пор не знаем этих расчетов. Например, Курская дорога теперь живет не только за свой счет — она получает денежки с других дорог, потому что у нас старый аппарат был уничтожен целиком, и теперь Северные дороги и Московско-Курская дорога пользуются тем, что производят другие дороги. Раз мы перешли на новую экономическую политику, нам необходимо выявить, каков порядок работы и каковы доходы дорог, точно и ясно надо знать расчет между дорогами и всемерно довести это до конца. В этом отношении многое сделано, но придется сделать еще

больше. Мы наметили это, но проведение этого в жизнь нами немного задерживается.

Не могу не остановиться на одном обстоятельстве. Для того чтобы разрешить нашу проблему, нам необходимо ввести дух новаторства и в техническую область. К сожалению, не окажется ни одного ведомства, которому дух новаторства был бы так чужд, как у нас в НКПС. Здесь рутинерство неслыханное, здесь ни один подшипник не улучшается, здесь работа станций не изменяется, здесь коэффициенты не зависят от движения — они святая святых. На это нужно будет обратить колоссальное, большое внимание. К сожалению, наш Технический комитет не проявил той энергии, которой можно было бы от него ожидать. У нас большая работа по борьбе с пережогами. Я оглашал цифры потребления. Конечно, нельзя все относить к нашей бесхозяйственности. Топливо у нас не заготавливается за год вперед; дрова у нас не сухие, а влажные; уголь у нас не первосортный — у нас в этом отношении правила технической приемки очень мягки. Но вместе с тем нельзя отрицать, что пережоги у нас имеются, хищения у нас колоссальные, и выход из этого — обязанность каждой дороги устанавливать норму; затем необходимо, чтобы наши органы работали больше над всем хозяйством нашего подвижного состава: нужно ли его соответствующим образом поставить на сохранность, в резерв? Вот те вопросы, которые необходимо разрешить.

Мое время истекает, но я должен еще остановиться на нескольких весьма существенных моментах. У нас господствовал во всех областях главкизм, и он нас погубил. Нас хотели облагодетельствовать дровами, хотя мы могли бы сами заготавливать их и сами от себя зависеть; нас хотели облагодетельствовать просвещением, хотя мы могли бы сами, кровно заинтересованные в этом, заняться просвещением, ибо без просвещения не может быть транспорта. Если нет клубов, если нет школ, если некуда детей посылать, если наши дети дичают, если мы сами не имеем клубов для культурной работы, как же может быть речь о том, что мы можем быть хозяевами той базы, на которой зиждется диктатура пролетариата? Дело просвещения — это дело производственное, хозяйственное. Там, где нет

грамоты, там нет плавания, где нет культуры, там нет пролетарской власти, там будет взяточничество, шкурничество, но не будет сознания той миссии, которую пролетариат выполняет. А только это сознание и помогает нам быть и работать в тех условиях, в которых живет транспорт.

Поэтому мы должны настаивать, чтобы тот незначительный расход, который должен идти на культурную работу, был отпущен нам; если же государство не может отпустить нам его, то оно должно нам разрешить облагать билеты и делать всякие поборы, чтобы изыскать те средства, незначительные, которые необходимы для обеспечения культурных знаний.

Далее, я не могу не остановиться на одном моменте, который разъедает наш транспорт — на взятке, которая, к сожалению, стала бытовым явлением у нас. Конечно, если подойти социологически и проанализировать причины, почему это стало бытовым явлением, мы можем сказать, что это — наследие царского режима, а основная причина — это необеспеченность. Но тут получается заколдованный круг. Эта необеспеченность имеет своим результатом то, что мы с пассажиров лупим сколько влезет, он должен платить по тарифу, а кроме того, пожалуйста плату тому, кто билеты продает, известный процент. Мне кажется, было бы проще и легче разрешить этот вопрос — оплатить, с одной стороны, жалованьем тех, которые наиболее подвержены возможности этого взяточничества, уплатить им такую сумму, чтобы они, с одной стороны, не нуждались, а с другой стороны, раз у нас на рынке этот билет, на котором написано 10 млн., котируется в 20 и 30 млн., то ясно, что наш пассажирский тариф очень низок. Если бы он был дорог, то на рынке не давали бы за билет вдвое дороже. Поэтому нам нужно повысить тариф и обеспечить положение тех, от которых зависит борьба со взяточничеством, и только сказать, что это — борьба за улучшение своего быта. Взятничеством создаются условия, при которых живет масса паразитов, которым на транспорте совершенно не место.

Я не коснулся вопроса об организации рабочей силы и коллективных договоров, так как это будет предметом особого обсуждения.

Итоги всего нашего хозяйства с первых начал нашего нэпа на транспорте дают хорошие перспективы. Нужно признать, что этот уже короткий промежуток времени показал, что наши работники вырабатываются и выбиваются из замкнутых в себе железнодорожников в узком ведомстве.

Во-вторых, если сравнить коэффициенты использования нашего парка, то можно увидеть заметное улучшение как по службе эксплуатации, так и по службе тяги, так что, несомненно, уже первые признаки последствий новой экономической политики дают себя знать и чувствовать. С другой стороны, вся работа наша в этой области еще впереди, и ясно, что от нас всех в этом отношении, и от НКПС в первую очередь, так же как и от профсоюзов, потребуется огромное напряжение труда, чтобы удержать и восстановить наш транспорт в условиях разрушенного войной хозяйства как базу власти рабочих и крестьян. Я твердо уверен, что эта задача по плечу как транспортному пролетариату в целом, так и вам в частности.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

3 октября 1922 г.

Я бы хотел, прежде всего, сказать пару слов товарищу, представителю Украины. Он упрекал меня в том, что я здесь говорил красивые слова относительно школ. Я должен восстановить истину, а именно: никто другой, как НКПС и я лично не мало хлопотали и не мало времени употребили на то, чтобы дело просвещения на транспорте поставить на правильные рельсы. Дело просвещения должно было перейти на места, в органы Губоно, и только благодаря нашему совместному с центром усилию нам удалось заключить соглашение с Наркомпросом и создать орган, который всем известен, который называется Советом по просвещению и который дело просвещения взял в руки, более крепкие и более близкие к рабочим массам, чем те, в каких оно было раньше. Я думаю, что в истории относительно моего комиссариатства в НКПС может быть написано о моем участии в деле просвещения не минус, а, напротив, должно быть отмечено хорошее дело по поднятию просвещения.

Теперь я перейду к основному вопросу, который здесь был затронут. Ясно, что я говорил не красивые слова, а указал голую, обнаженную истину положения нашего транспорта и наших транспортных работников. Я указал, каково состояние нашего основного капитала и основной рабочей силы, я указал, что она распыляется, потому что заработная плата недостаточна, чтобы покрыть прожиточный минимум. Задолженность нашим рабочим выразилась в 14 триллионов на 1 августа. Мы могли добиться покрытия ее в размере 4 триллионов. Здесь, на съезде, при

участии всех делегатов с мест, мы должны подойти к вопросу о том, откуда мы должны взять средства, чтобы удовлетворить необходимейшие нужды, требующие безотлагательного своего удовлетворения. Откуда найти источник этих средств?

И тут красивыми словами относительно того, что нужно покрыть крыши, что нужно остеклить депо, что нужны школы, — этими словами мы ресурсов не найдем. Надо изыскать источник, указать, в чем он заключается. И никто из критиков-товарищей этого не указал. Я в своем докладе указал основную линию, основные пути, идя которыми мы найдем эти ресурсы. Эта линия — борьба с нашей бесхозяйственностью, и нужно добиться того положения, чтобы те безобразия, о которых говорил товарищ с Украины, не имели места. Но этого не надо оглашать здесь, потому что каждый из вас знает, что таких безобразий миллион. И если вы приходите сюда и требуете, чтобы я, чтобы НКПС дал распоряжение о прекращении этих безобразий, разве это не останется на бумаге? Таких распоряжений НКПС давал миллион, и такими благими нашими пожеланиями весь ад вымошен. Нужно найти такое средство, чтобы железной рукой вытравить все это, всю эту бесхозяйственность.

Почему я говорил об этом здесь? Потому, что это можете сделать вы, это могут сделать рабочие массы. У нас время политиканства прошло.

Сейчас, когда перед нами новая экономическая политика, нужно пойти практическим путем. Подойти ко всем местам нашей работы, в каждое депо и всюду найти способы выполнения этой новой политики. Нам нужно уделять побольше внимания мелочам. Если у станка, если на паровозе, если в депо, на станции каждый из рабочих будет знать, что спасение его и поднятие хозяйственного уровня в борьбе с бесхозяйственностью, то он не будет ждать, когда один раз в год или в полтора года соберется съезд, чтобы сказать ему: вот такие-то безобразия имеются на местах.

А где ты был до сих пор, почему не взял за глотку, почему не удержал? Транспорт зависит от нашей воли, от нашего желания. Вот вам и источник ресурсов на покрытие школ.

Вы говорите о финансовом контроле. Ясно, что профсоюз должен знать, как Правление расходует средства. Мы говорим, мы пишем бумаги, а кто их выполняет? кто проверяет? Это ваше дело. Пользуйтесь своим правом, пользуйтесь правом проверять. Я читал вам докладную записку НКФ в Совнарком, где указывается, что наши потребности, хотя и урезанные, полностью должны быть удовлетворены. А как Наркомфин будет знать, какие потребности правильны, какие неправильны? Как это НКПС будет знать? Я указал, что политика централизма обанкротилась. И это касается не только нашего комиссариата. Это касается и ГУТ, это касается Госплана и других, которые здесь подписывают бюджеты, планы, а на местах не имеют проверки. Для этого мы и создаем правления и привлекаем туда соответствующих лиц. Если вы критикуете правления и говорите, что состав их не годится, мы их сменим. Ведите жестокую беспощадную борьбу с каждым неправильным шагом этих правлений, защищайте интересы ваши, опираясь на производство, на источник производства. Если вы придете в правление и скажете: мне нет дела, где ты получаешь средства, давай их — разве это будет государственный подход? Это будет старый подход, какой имел место при капитализме. Наш подход другой. Какие средства имеешь, как расходуешь, правильно ли расходуешь? Вот это — сознательное отношение. Для этого мы в правления и вводим представителей Наркомфина. Потому что, если тот, кто стоит во главе ресурсов всей страны, убедится, что мы не требуем ничего лишнего и не желаем только урвать, увидит, что мы стоим на точке зрения государства и требуем на неотложные нужды, тогда мы получим все, что нужно.

Наркомфин не мог опровергнуть ту мысль, которую я развивал и приводил вам, что каждый рубль, данный нам на производительные работы, принесит государству пользу, и этот рубль должен быть нам дан. Если он нам дается, а мы бросаем его в воду, тогда это, конечно, вредно, так как мы этим обижаем того, кто работает с пользой для государства, так как рубль денежный — это подать, это — налог, и к нему нужно относиться с большой бережливостью. Поэтому Наркомфин не имеет права давать бесконтрольно деньги. Конечно, у НКПС недочетов миллион. Мы

штаты сократили колоссальным образом. Точно так же, если новые правления работают только для того, чтобы развивать штаты, то мы их хлопнем, потому что власть у нас в руках. Вот я указал путь сокращения ненужных расходов. Второй путь — развивать товарооборот в стране. Нужно поставить дело не так, что все для транспорта — пассажиры и груз. Нет, тут другой принцип: транспорт для развития хозяйственных нужд страны. Если дадите нашему аппарату возможность нагрузки, тогда дело пойдет хорошо. Например, когда мы увеличили наш тариф, водники, мы правильно сделали или нет? Вы все в один голос скажете, что мы убили у вас пассажирское движение. Вот правильная политика в тарифе даст нам приток, а это даст возможность восстановить наши фабрики, заводы, восстановить деревню; это даст нам ресурсы, имея которые мы сможем крыши чинить и обеспечить прожиточный минимум рабочему. Вы упрекаете, что ЦБН* слабо. Конечно, слабо, но ему предстоит еще большая работа; этот орган должен развиваться.

Что такое НКПС и что такое ЦБН? Мы можем быть полезны, поскольку наша работа зиждется на работе мест. Возьмите тарифную систему. Помощник начальника станции вырабатывает больше, чем начальник станции, он вовсе не заинтересован быть начальником станции. Или весовщик, сцепщик. Его интересы также лежат вне его прямых обязанностей. Разве это правильно? Возьмите кассира нашей багажной или пассажирской кассы. Сколько он получает? Разве он заинтересован, чтобы тот кассовый билет, который у него имеется, попал в руки не спекулянта?

Конечно, нам предстоит колоссальнейшая работа. Но, товарищи, ведь мы только входим в новую экономическую политику, ведь над нами висит наследие старой экономической политики, которая была хороша в эпоху военную, которую мы задним числом не можем ругать потому, что она тогда была на месте, но нужно ее изменить. Разве такое огромное предприятие, как транспорт, можно в один миг изменить, разве можно сразу переродить людей? Это делается медленно, шаг за шагом. Но надо наметить линию

* Центральное бюро нормирования труда на транспорте.— *Ред.*

и по этой линии идти. Следовательно, и в тарифной политике еще многое надо.

В старое время дорожили квалифицированными работниками-специалистами. Теперь, благодаря нашей тарифной политике, квалифицированная сила разбилась.

Необходимо дать наказ ЦБН ввести ставку на квалифицированного работника, не дать ему уйти из транспорта, ибо квалифицированный работник есть основа наша, и надо в первую очередь подумать о нем, о том, как поставить его в такое положение, чтобы он не нуждался и не уходил в другое промышленное учреждение.

Здесь надо наметить систему линии.

Тут товарищ с Украины говорил, что между НКПС и Цектраном был разрыв. Не знаю, может быть, на местах и были недочеты, но я утверждаю, что разрыва не было. Разрыв мог бы быть только в том случае, если бы НКПС, коллегия НКПС, не понимали, что в деле восстановления транспорта вся сила зависит только от союза, от тех масс, которые союз представляет. И если были трения в отдельных случаях, то разве можно говорить об отрыве?

Мы открывали двери во все наши плановые органы и всегда болели душой, если на той или другой железной дороге союз не был достаточно силен. Поэтому не нужно наши беды в том или другом случае превращать в преступление, ибо преступления не было.

Я хочу остановиться еще на некоторых отдельных моментах. Я не обратил особого внимания на водный транспорт и не останавливался на нем не потому, что имел в виду исключительно железнодорожный транспорт. Но в докладе я не представлял отчета о нашей деятельности изо дня в день, а привел цифровые данные, касающиеся железных дорог только потому, что эта статистика имеется только на железной дороге и что эти цифры дали мне возможность иллюстрировать вам то, что транспортная проблема точно так же относится и к водному транспорту. И прав был т. Ищенко, который сказал, что на водный транспорт не обращали достаточно внимания.

Мы на многое не обращали достаточно внимания, ибо было слишком много злоб дня. Я должен сказать, что водный транспорт, особенно морской, сделался сейчас предметом, которому предстоит иметь значение не только чисто

русское, но который уже приобретает значение международного фактора. Мы вели борьбу за то, чтобы наши суда не оставались без фрахтов, в то время как заграничные суда были зафрахтованы. И на этом пути мы кое-чего достигли.

Но основным аргументом Кравченко (Наркомвнешторг) был тот: чего я буду фрахтовать ваши суда, когда использование ваших судов стоит гораздо дороже чем заграничных. Ясно, что та расхлябанность, та бесхозяйственность, которая у нас имеет место, служила источником нищеты и тех бедствий, какие были на наших морских судах точно так же, как на транспорте. Поэтому с применением новой экономической политики на морском транспорте мы надеемся, что эти дефекты будут находить пути для своего исцеления. Но о том, чтобы морской и речной транспорт мог перейти также на полный хозяйственный расчет, как «резина» перешла на хозяйственный расчет, говорить не приходится, ибо все те аргументы и доводы, о которых я говорил в применении к железным дорогам относительно дефицитности, в равной мере относятся и к морскому транспорту. Конечно, с каким-нибудь суденышком легче справиться, чем с паровозом, который должен идти по определенному руслу, созданному человеческими руками, но эта разница только относительна.

Если вы посмотрите порты наших морей, то вы увидите, что они нуждаются в колоссальных капиталах, и стоимость эта должна ложиться на стоимость фрахтов; следовательно, в этом отношении, хотя мы и отделили в морском транспорте управление портами от непосредственного судоходства, но это деление чисто административное, так как по существу эти две части связаны самыми неразрывными узами.

Я должен сказать, что вопрос о водном, т. е. морском и речном транспорте, является сейчас одной из важнейших задач нашего текущего дня.

В отношении портового нашего управления я должен сказать, что портовые правления больше, чем железные дороги, были оторваны от жизни, и от этого дело страдало. Завтра будет утвержден в СТО проект о том, что наши портовые управления входят в системы хозорганов, руководство которыми предоставлено местным и областным

ЭКОСО. Здесь говорили, что правления не оправдали себя. Я должен сказать: дайте больший срок. Есть такие правления, которые уже плохо начинают работать, и нужно принимать меры к тому, чтобы бороться с этим. Я надеюсь, что правления свою положительную сторону не преминут в ближайшее время показать.

Еще по вопросу о перекройках. Я всегда был и теперь являюсь самым ярким сторонником войны с перекройками. Они обыкновенно нарушают взаимоотношения на некоторый период, расстраивают налаженную работу и получается определенная дезорганизация. Но перекройка всегда была связана с нашей системой округов и линейных отделов. Надо, однако, сказать, что эти округа и линейные отделы не были изобретением НКПС. Этот вопрос всегда был сложный. Должен сказать, что у нас, в НКПС, округов очень немного, потому что наши техники-специалисты привыкли к непосредственной связи с железными дорогами, и поэтому они были противниками округов. Но линейная система и окружная система возникли при крайнем нашем централизме. Почему? Как корректив производства; потому что надо было найти какую-нибудь организационную форму увязки с местными хозяйственными органами. И вот этой искусственной организационной формой для этой увязки и были округа. И когда было решено создать и дать больше самостоятельности нашим железным дорогам как хозяйственным единицам, ясно, возник вопрос, что округа перестанут быть округами в прежнем смысле. Мы отказались от положения об округах как положения, которое было бы применено ко всем округам — Туркестанскому, Петроградскому, Украинскому и Сибирскому. Мы по отношению к каждому округу даем новое содержание. Петроградский округ, существование которого необходимо в связи с существованием Северо-Западного областного ЭКОСО, мы его сократили, кажется, до 200 человек. Что касается Украинского округа, то товарищ ошибся: там были штаты в 1200 человек, мы сократили до 500. Но не забудьте того, что Украина представляет собой самостоятельную республику, поэтому там пути сообщения должны иметь объединенное управление. Что касается Туркестанского округа, то он упразднен. Сибирский округ представляет собой не округ, а большое

широкое управление большой дороги. И, наконец, что касается Кавказского округа, этот вопрос стоит в порядке дня и будет разрешен в ближайшем времени. Я полагаю, что мне удастся проехать туда и разрешить этот вопрос.

Таким образом, давая самостоятельность и самодеятельность отдельным дорогам, создавая правления, мы должны или упразднить или сократить до минимальных размеров, в зависимости от местных экономических и политических соображений, эти округа.

Затем я хочу остановиться еще на коллективном договоре. Коллективный договор в условиях нэпа является необходимой формой увязки работы хозяйственных органов с профессиональным производственным союзом. Поэтому я, как и коллегия, являемся сторонниками этого и понимаем всю сущность и значение коллективного договора. Но этот коллективный договор, для того чтобы он имел силу и значение, с одной стороны, должен быть результатом большой совместной работы на местах органов хозяйственного управления и органов союза, а с другой стороны, он должен быть и инициатором, если можно так выразиться, этих взаимоотношений. То есть надо ставить вопрос не так, как украинский товарищ ставит. Мне показалось, что он ставил дело так: давай и больше ничего. Конечно, здесь без красивых слов нужно ставить вопрос так, чтобы поднять заработную плату и выполнить постановления и условия охраны труда. Вот где нужно искать источники, вот какие издержки необходимы, и надо настаивать перед государством, чтобы дефицит наш в такой-то мере был покрыт. И поэтому, товарищи, мы находимся на государственном снабжении. Когда Наркомфин учитывает нам каждую копейку, нам надо забыть о так называемой переверучке, что есть какое-то особое ведение доходов.

Если мы желаем от государства получить полностью, мы должны полностью и ясно представить кассу нашу — доходов и расходов. Поэтому при всем тяжелом положении, в котором находится рабочий класс, идти по пути дополнительных договоров, повышающих ставки за счет так называемой переверучки, нельзя. Я бы усиленно возражал против этого, но нужно находить эти дополнительные источники именно организацией линий. Это обязательно

необходимо. Конечно, тут говорили о возможных дефектах, о порядках — это верно; о сверхурочных работах — это тоже верно. Надо искоренить эти сверхурочные работы железной рукой. Нужно не за сверхурочное, а за нормальное время уплатить столько, сколько нужно, и доказать, что мы можем в 8 час. сделать больше, чем раньше делали в 9—10 час. Конечно, не всякую работу можно выполнить в 8-часовой рабочий день.

Поэтому я и говорю, что транспорт представляет трудности, которые требуют технического новаторства, и теперь по этому пути рабочие должны идти. Мы знаем, когда изобретались веретено и паровая машина, что это выдумали не ученые в своих кабинетах, а рабочие, которые были у станков и придумывали методы, чтобы как-нибудь облегчить работу свою; в этом отношении надо дать простор; у нас поощрения за изобретения недостаточно хорошо поставлены, на это необходимо обратить внимание.

Тут в записках, которые мне были поданы, целый ряд вопросов, на которые мне довольно трудно ответить, потому что они касаются частных и съезд был бы отвлечен от той основной задачи, которая поставлена. Вопрос относительно ставок, вопрос относительно дров, вопрос относительно спецодежды. Эти вопросы будут рассматриваться и должны быть рассмотрены именно при рассмотрении тарифного вопроса.

Я хотел бы еще в заключение остановиться на вопросе о сокращении штатов. Нам необходимо на эту сторону обратить серьезное внимание. Мне кажется, что те цифры производительности, которые я огласил, указывают с непоколебимой точностью, что у нас для той работы, которую мы сейчас производим, слишком большой штат. К сожалению, ввиду того что эта работа у нас производилась наспех, по предписанию из центра, и так как места не сознавали всей важности и серьезности вопроса — то, что должно быть источником повышения уровня жизни оставшихся рабочих, превратилось в обратное. Здесь, если поставить правильно тарифную политику, если поставить себе задачей и целью удержать во что бы то ни стало квалифицированных рабочих и если согласиться с тем, чтобы пролетарские элементы, которые не потеряли связь с деревней, вернулись на время в эту деревню,— если

поставить себе такую программу, для того чтобы оставшаяся нагрузка работы, которая в определенное время была установлена законом, выполнили полностью, мне кажется, мы найдем верный способ, чтобы поднять общий уровень наших работ.

Для того чтобы выполнить все те задачи, о которых здесь и в моем докладе было указано и о которых говорили выступавшие здесь представители с мест, необходимо одно условие, чтобы не было того, в чем упрекал нас товарищ с Украины — отрыва хозяйственных органов управления от органа, который представляет рабочую массу, который должен защищать интересы этих масс, исходя из производственных интересов транспорта, как основы, как базы нашей диктатуры.

И я питаю уверенность, что настоящий съезд не ослабит связи, которая была до сих пор, а, наоборот, углубит ее, и мы единым фронтом как в центре, так и на местах будем бороться, как бы сами с собой, с нашей бесхозяйственностью, с одной стороны; с другой стороны, одним фронтом, подкрепленным обоснованными государственными интересами, будем выступать перед Совнаркомом, перед Финансовым комитетом, перед Комиссариатом финансов, чтобы нам полностью отпускали на покрытие того дефицита, без которого мы работать не в состоянии.

«Гудок» № 717, 4 октября 1922 г.

*Печатается по тексту журнала
«Вестник путей сообщения» № 16,
14 октября 1922 г.*

ПЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ

Беседа с корреспондентом «Правды»

Создание ВЧК было ответом на организованное сопротивление Советской власти со стороны буржуазно-помещичьих кругов. Белый террор, саботаж, выстрелы в вождей революции, противодействие советскому строительству и покушения на самое существование диктатуры пролетариата сделали ВЧК боевым органом революции, поставили ее в авангард борьбы рабочего класса с капиталом.

ВЧК сделалась грозным символом для всех тех, кто не мог примириться с завоеваниями трудящихся, кто мечтал о воскрешении старого режима, кто готовил петлю для рабочих и крестьян. ВЧК стала на страже революции и с честью выполняла возложенную на нее трудную задачу.

В самый разгар гражданской войны, когда нас сжимало огненное кольцо блокады, когда нас давили голод, холод и разруха, когда внутренние белогвардейцы и заграничные империалисты подбирались к сердцу республики, ВЧК и ее органы на местах развивали самоотверженную героическую работу.

Длинной шеренгой тянутся раскрытые заговоры и восстания. Зоркий глаз ВЧК проникал всюду. ВЧК была орудием диктатуры трудящихся. Пролетариат выделил для работы в органах ЧК лучших сынов своих. И не удивительно, что враги наши бешено ненавидели ЧК и чекистов. Их ненависть — вполне заслуженна. ВЧК может гордиться тем, что она была объектом неслыханной травли со стороны буржуазии. ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе.

Закончилась война. Наступила полоса мирного строительства. Явилась необходимость перестроить наши чрезвычайные органы. Организовывается ГПУ. Теперь нам нужно особенно зорко присматриваться к антисоветским течениям и группировкам.

ГПУ сжало свой аппарат, но оно укрепило его качественно. ГПУ сознает, что задачи, которые оно должно разрешить, огромны, но доверие широких пролетарских масс дает работникам ГПУ твердую уверенность в том, что они свое дело сделают.

Только доверие рабочих и крестьян дало силу ВЧК и затем ГПУ выполнить возложенную революцией на них задачу — сокрушить внутреннюю контрреволюцию, раскрыть все заговоры низверженных помещиков, капиталистов и их прихвостней. Это доверие пришлось завоевывать долгой, упорной, самоотверженной, полной жертв борьбой, в результате которой ВЧК стала грозной защитницей рабоче-крестьянской власти. Контрреволюция у нас разбита, но она еще сильна, питаясь силами, средствами и замыслами мировой контрреволюции и приливом энергии возрождающейся буржуазии.

Нынешнее ГПУ и сейчас с той же энергией и преданностью делу рабочей революции и коммунизму будет добиваться доверия рабочих и крестьян для окончательной победы над пройсками мировой контрреволюции и для обеспечения победы советским республикам на мирном фронте восстановления разрушенного хозяйства.

Ф. Дзержинский

13/XII — 1922 г.

*«Правда» № 286, 17 декабря
1922 г.*

Печатается по тексту газеты

Г. И. БЛАГОНРАВОВУ¹⁶⁶

Необходимо ударно обратить внимание на вопрос борьбы с хищениями. До сих пор мы подходили к нему односторонне и неправильно — увеличение чинов охраны. В результате попадали в заколдованный круг — надо было охранять груз от нашей охраны. Надо пойти по другому пути, более верному, хотя и более длительному и тяжелому, а именно:

1. Уменьшить охрану предельно, обеспечив ее и делая постоянный подбор.

2. Выяснить и устранить условия, способствующие хищениям:

а) оградить станционные пути (товарные в первую очередь);

б) накладывать беспощадные денежные кары за хождение по путям, заменяя для несостоятельных принудработами для транспорта;

в) принимать неослабные меры по борьбе с отцепками, накладывать кары на виновных, определив, кто является ответственным за недосмотр и неисправность вагонов, за отсутствием смазки и т. д.;

г) усилить меру наказания за железнодорожные хищения;

д) выдавать премии и наградные с широким оповещением за раскрытие и указание похитителей;

е) изучить вопрос о скорости товарных вагонов и принять меры к ее увеличению;

ж) привлечение дорог (управления) к ответственности за пропажу грузов;

з) премирование соответствующих агентов за уменьшение процента пропаж и хищений и т. д.

Прошу Вас наметить план, привлекая кого следует и поставив предварительно свой план на обсуждение в бюро правлений.

Наряду с борьбой со взяткой это важнейшая задача.

Ф. Дзержинский

15/XII - 1922 г.

«Пролетарская революция»
№7 (66), 1927 г.

Печатается по тексту журнала

**ОТВЕТ НА ПРИВЕТСТВИЕ
ДЕПУТАТА ГОМЕЛЬСКИХ МАСТЕРСКИХ¹⁶⁷**

23 декабря 1922 г.

Прошу вас передать мою сердечную благодарность вашим товарищам — рабочим Гомельских железнодорожных мастерских за их память и присланный подарок. Западные железные дороги занимали всегда первое место среди железных дорог, где хозяйство было поставлено более или менее образцово. До сих пор Западные железные дороги сравнительно редко были в поле зрения моем и коллегии НКПС. Это происходило оттого, что, к сожалению, у нас имеется целый ряд железных дорог, положение коих чрезвычайно тяжелое, и коллегии приходится обращать свое внимание главным образом на устранение недочетов в хозяйстве указанных дорог. Мне нередко приходилось слышать и от представителей НКПС и от представителей других ведомств, проезжавших по Западным железным дорогам, об успешной и энергичной работе этих дорог.

Память рабочих Гомельских мастерских и присланный ими подарок я рассматриваю, как оценку ими работы коллегии НКПС и тех стараний, которые прилагает коллегия, чтобы наладить правильную работу транспорта и вывести его из тяжелого состояния, в котором он находится в настоящее время. Как наши товарищи красноармейцы сознательно относились к своему долгу, отдавая все свои силы и жизнь на защиту страны и республики, так и товарищи рабочие-железнодорожники не менее сознательно отнеслись к своему долгу на трудовом фронте, смотря на свою службу на транспорте, как на служение государству, и, только благодаря такому честному и сознательному отношению железнодорожников к своей работе, удалось спасти наш транспорт от полного разрушения.

Я утверждаю, что благодаря взаимному пониманию и полному единению коллегии НКПС с рабочими-железнодорожниками мы сумеем общими усилиями и дружной работой наладить наш транспорт, и довести его хозяйство до хорошего состояния, и доказать, что красный транспорт может быть налажен не хуже, а лучше капиталистического. Еще раз благодарю за память ваших товарищей и прошу передать им привет от имени коллегии НКПС.

*«Вестник путей
№ 1, 6 января 1923 г.*

Печатается по тексту журнала

АНКЕТА «ГУДКА»¹⁶⁸

Заработную плату транспортника надо поднять до прожиточного минимума. Сейчас это наша главная задача.

Источник средств для этого у Советского государства один: поднять доходы и сократить те расходы, без которых можно обойтись.

Разрешение этой задачи в руках самого транспорта.

Надо научиться подсчитывать, как мы работаем, в прибыль или в убыток,— беречь каждый рубль от утечки из кассы и дать подсчеты для оценки своей работы, выражая их в провозных тарифах.

Народный комиссар путей сообщения

Ф. Держинский

«Гудок» № 792, 1 января 1923 г.

Печатается по тексту газеты

ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ РАБОТНИКОВ ХОЛОДИЛЬНОГО ДЕЛА НА ТРАНСПОРТЕ

3 февраля 1923 г.

Товарищи! Приветствую вас, как представителей отрасли транспорта, занимающей среди прочих видов его одно из важнейших мест в смысле влияния на развитие хозяйственной мощи республики. Для России, основой экономической мощи которой является сельское хозяйство, развитие холодильного дела и в частности холодного транспорта, является одной из важнейших государственных задач.

В дореволюционное время руководители транспорта, несмотря на достаточно убедительные примеры Запада и Америки, по своей косности и отсутствию понимания экономических интересов страны, не уделили достаточно внимания этому делу, за что между прочим царская Россия жестоко поплатилась и даже нам теперь еще приходится за ее грехи дорого расплачиваться. Революция дала возможность проявиться в жизни инициативе честных идейных работников и результаты ее, несмотря на тяжелые условия работы, мы уже ощущаем, и итоги проявления этой инициативы вы собрались подвести. Для меня, товарищи, ясно одно: в области холодильного дела на транспорте сделано вами много, но нельзя отрицать того, что еще более остается сделать; мне также хорошо известно, с какой трудностью приходится развивать это дело, а главное, что не совсем еще изжиты прежняя боязнь инициативы и новизны всякого дела, которые присущи были ведомству путей сообщения в дореволюционное время. Но я смею уверить вас, что всякое ваше разумное начинание найдет во мне самого горячего защитника. Из вопросов,

которые подлежат вашему рассмотрению, меня интересуют:

1. Организация постановки холодильного дела на путях сообщения.

2. Вопрос о необходимости завершения стройной организации холодильного дела на путях сообщения путем сосредоточения в руках НКПС холодильников сборных и транзитных.

3. Вопросы о подготовке работников по холодильному делу и пропаганде его значения среди работников транспорта.

Производимая вами работа имеет огромное значение для нашей Советской республики и ваш труд и энергия будут вписаны красными словами в историю борьбы пролетариата за его лучшее будущее. Еще раз приветствую вас и желаю вам плодотворной работы на пользу республики и транспорта.

*«Вестник путей сообщения»
№ 7, 17 февраля 1923 г.*

Печатается по тексту журнала

О СОСТОЯНИИ ТРАНСПОРТА

*Доклад на пленуме ЦК союза железнодорожников
8 февраля 1943 г.*

Я не буду затруднять вашего внимания подробными цифрами и данными, ибо вы имели возможность познакомиться с ними из наших текущих отчетов и в общей и в союзной прессе. Задача моя должна заключаться в том, чтобы наметить здесь те основные моменты и задачи, которые НКПС должен был разрешать и разрешить в отчетный период и которые сейчас, как боевые задачи, стоят перед нами.

Общее состояние и работа сети. За это время сеть наша увеличилась на 4346 верст — за счет сети бывшей Дальне-Восточной республики. Перевозки за это время в общем и целом шли вперед. В сентябре они определялись цифрой ежедневной погрузки в 10 515 вагонов, в октябре — 12 032, в ноябре немножко снизились — 11 566, в декабре — 12 340. Программа, которую нам наметил Госплан в 202 млн. паровозо-верст, в календарном году будет превзойдена.

Что касается состояния паровозного парка, то оно следующее: 1 января 1922 г. больных паровозов было 61,6%, 1 января 1923 г. — 56,1%. По капитальному ремонту в январе 1922 г. мы выпустили 48, а в декабре — 107 единиц, т. е. более чем в два раза. По месяцам капитальный ремонт был выполнен в следующих процентах: октябрь — 108, ноябрь — 110, декабрь — 117. Что касается ремонта пассажирских вагонов, то по капитальному ремонту в октябре выпущено 344 %, в ноябре — 400 %, в декабре — 421% от задания. По среднему ремонту мы отстали — замечается некоторый регресс: в октябре — 91%, в ноябре — 88 %, в декабре — 85 %. На многих дорогах это опре-

деляется недостатком материалов. Ремонт товарных вагонов шел так: октябрь по конвенционному осмотру — 85 % задания, ноябрь — 103 %, декабрь — 111 %. В общем, работа по товарным вагонам и общие результаты следующие: 1 июля 1922 г. больных вагонов было 34,2%, 1 января 1923 г. процент больных вагонов снизился до 28,9. В настоящее время общее количество паровозов — 19 300, здоровых — 8160, в работе — 6200—6300, в холодном резерве — около 2000.

Эти основные данные указывают, что транспорт за это время жил и боролся за свое существование.

Финансовое положение транспорта. Если мы перейдем к финансовому положению, то увидим, какая жестокая борьба должна была быть развернута со стороны органов транспорта, чтобы свести концы с концами и выполнить возложенные на него задачи. Уже прошла половина второго квартала, а годичный бюджет наш еще не утвержден. Он только прошел через бюджетное совещание НКФ и рассматривается в Госплане.

Этот бюджет был нами составлен в следующих выражениях: по расходной части — 640 млн. золотых руб.— в отличие от прошлого бюджета он составлен в золотых рублях — и в доходной части, исходя из расчета тарифов, равных четырем пятым тарифов довоенного времени,— 332 млн., т. е. мы свели бюджет с дефицитом в 308 млн. золотых руб.

Составляя смету, мы исключили из смет дорог все то, без чего можно обойтись, урезали их в максимальной степени и, таким образом, составили общую смету. НКФ подошел к этому вопросу иначе. Он исходил из опыта январского (не нашего, а из опыта НКФ), т. е. он строил свои подсчеты, опираясь на практику предыдущих месяцев, исходя из увеличения провозного тарифа, и, таким образом, определял наш доход на данный месяц. При определении же расхода он брал те наши требования, которые являются необходимыми, и урезывал их соответственно состоянию государственных средств. Значит, доходы наши подсчитывались по той фактической реальной работе, которую транспорт производил, а расходы основывались на подсчетах Наркомфина, а не наших реальных, действительных расходах. На такую смету нам пришлось жить в

январе месяце. Благодаря тому, что нам удалось доказать действительное положение транспорта и ту задолженность, которая вследствие этих методов Наркомфина образовалась на наших дорогах,— нам удалось для покрытия декабрьской задолженности получить 50 млн. знаками 1923 г. Благодаря тому участию, которое в этой кампании приняли и союзные органы и партийные товарищи, нам удалось фонд заработной платы несколько повысить. Наркомфин определил наш расход в 810 млн., а доход в 600 млн. руб., т. е. дефицит, остающийся для покрытия Наркомфином, оказался равным 210 млн. руб. Из 210 млн. руб. было забронировано на уголь, нефть, металл и отчасти на шпалы и дровозаготовки до 201 млн. руб. По расписанию осталось бы 9 млн., которые мы должны были распределить между водниками, судоремонтом, портами, дать на дровозаготовки, содержать центральные учреждения и т. д. и из этой же суммы покрыть ту задолженность, которая оказалась на крайне слабых, нуждающихся дорогах. Благодаря величайшему нажиму нам удалось поднять бюджет с 810 до 892,5 млн. руб., из них в части заработной платы — на 27,5 млн. руб.

Для того чтобы охарактеризовать, в каком тяжелом положении мы находимся в связи с таким порядком финансирования, достаточно указать, что мы должны бросить на текущие эксплуатационные расходы тот кредит, который мы получили от Госбанка — 20 млн., и должны бросить на то же дело от 40 до 50 млн. руб., которые мы должны были получить еще в январе как оборотный капитал.

Мы полагали этот оборотный капитал направить на те дороги, которые могут поднять свой оборотный капитал по состоянию своего хозяйства. Конечно, вести такое хозяйство могут только те дороги, которые более или менее стоят на твердых ногах. В первую очередь мы дадим эти средства им. Но тут возникает разница между нами и Наркомфином в подходе к этому вопросу. Наркомфин полагает, что момент прибыльности наших отдельных дорог уже наступил; он говорит, что наше февральское расходное расписание было составлено таким образом, что расходы железных дорог, т. е. § 11 нашей сметы по эксплуатации железных дорог, плюс заработная плата

составляли около 500 млн., тогда как доход всех дорог составлял по расчетам Наркомфина 600 млн. руб. Это означало, что все наши дороги, вместе взятые, дали 100-миллионную прибыль. Это — миф, это — выдумка, это — иллюзия, ибо из этого положения вытекало, что у нас должен быть не только ряд доходных дорог, но должны быть и такие доходные дороги, которые должны своими доходами покрыть дефицитные дороги.

Для того чтобы охарактеризовать, какую долю принял на себя транспорт в покрытии расходов, я продемонстрирую следующую таблицу.

Если взять октябрь, то мы видим, что мы из своей выручки покрыли 50% расхода. Наркомфин нам дал тоже 50%. В ноябре месяце выручка составила от расходной сметы 60%, а Наркомфин дал 40%. В декабре выручка составляла уже меньшую часть, а именно — 57%, а Наркомфин дал 43%. Мы видим, что в ноябре Наркомфин покрыл 40% наших расходов, а в декабре — 43%. Эти 43% получились потому, что 5 января нам удалось получить на покрытие задолженности 50 млн.; после включения этих 50 млн. в нашу смету получается цифра 43%.

Если перейдем к январю, то мы увидим, что наша выручка составляла 63%, Наркомфин дал 37%. Что касается февраля, то первоначальное предположение было: дать нам из всей нашей сметы 28%, а остальные 72% покрыть выручкой. После того как нам удалось увеличить до 892 млн. нашу смету, дотация Наркомфина будет равняться 33%. Таким образом, Наркомфин нам давал: 50%, 40%, 43%, 37% и 33%, это за последние 5 месяцев.

Каков должен быть порядок финансирования? Он должен быть определенным. Мы должны составить нашу производственную программу не по нашим аппетитам, а по нашей необходимости и потребности, т. е. исходя из той работы транспорта, которую страна к нам предъявляет. Исходя из нашей минимальной потребности, мы должны составить нашу производственную программу, закрепить ее, дать ее железным дорогам для выполнения и коррективы и поставить другой вопрос: может ли государство осуществить эту нашу минимальную производственную

программу, исходя из того состояния государственной кассы, которое сейчас имеется?

Государство, учитывая значение транспорта, рассматривая те средства, которые у него имеются, должно дать нам максимально возможную для государства часть. Производственная программа — это одно; те средства, которые мы получаем от государства, — это другое. Ясно, что средства мы получаем меньшие, чем наши производственные программы. И дело транспорта, дело, развивающее жизнь транспорта, который живет, за это говорят все цифры, и мы все это знаем, — дело его изыскать эти необходимые средства.

Мы должны настаивать на том, чтобы мы перешли на так называемый сальдо-бюджет. Некоторые думают, что при переходе на сальдо-бюджет наши железные дороги смогут располагать средствами, как им заблагорассудится. Я решительно против этого. Сальдо-бюджет — это есть способ и метод, чтобы те средства, которые государство сможет сейчас отпустить, не понижали, не обрывали нашу производственную программу; производственная программа должна остаться и должна быть обязательной для каждой дороги. От этой программы дорога может отходить, только передвинув кредит в известных границах, в установленных пределах; кроме того, ясно, что те железные дороги, которые могут свести концы с концами, должны учитывать положение других железных дорог, и поэтому мы должны сказать совершенно определенно, что железные дороги должны платить процентные отчисления в центральную кассу.

Нам необходимо перейти минимум на квартальный бюджет.

Каким же должен быть аппарат, в котором должны рассматриваться вопросы нашей производственной программы и наши сметы? Этим аппаратом должен быть Финансово-контрольный комитет.

Топливный вопрос. В борьбе и поисках средств мы в первую очередь должны обратить свои взоры на топливо. По-моему, мы имеем вырубку меньшую, чем могли бы иметь, потому что нет топлива, потому что мы должны покупать топливо на рынке, чтобы перевозить частные грузы, должны возить на топливе грузоотправителей, что

ставит нас в полную зависимость от грузоотправителей. Топливо, в частности уголь, страшно дорого; оно обходится сейчас государству в 21 коп. золотом; стоит вопрос о том, чтобы еще увеличить эту цену, тогда как в довоенное время оно стоило от 8 до 12 коп. пуд.

Нам необходимо начать серьезную, не на словах, а на деле, борьбу с пережогом, т. е. упорядочить наше топливное хозяйство. Основание для этой борьбы должно заключаться в том, чтобы служащие и рабочие транспорта сами были обеспечены топливом, хотя бы в минимальном, но достаточном размере. И тут вопрос о пережоге является простым балластом.

Этот коренной вопрос надо решить и решить окончательно.

Производительность труда и заработная плата. Затем следующий вопрос, который должен упорядочить наше хозяйство, это — поднятие производительности труда как в мастерских, так и в движении. Я уже указывал, что производительность мастерских поднялась, по движению тоже почти все коэффициенты увеличились и улучшились. Но это достижение получено в связи с той кампанией, которая была нами предпринята по зарплате и по удовлетворению потребностей рабочих и служащих. Тут один вопрос, о котором я говорил на вашем съезде, остается и до сих пор. Это — несоответствие между работой, которую мы даем, и тем аппаратом, который у нас есть и без которого мы почти что обойтись не можем.

Вопрос увеличения заработной платы должен быть вопросом сокращения штатов, приведения наших аппаратов в большее соответствие, чем это было до сих пор.

Дальше мы должны подходить к этому вопросу таким образом, чтобы вытеснить с транспорта всех хищников и примазавшихся. Мы сможем поставить себе определенные цели и в соответствии с ресурсами государства сможем определить, в каком проценте мы сократимся, каким образом поднимем уровень жизни каждого рабочего и на какой процент мы должны дать увеличение общего фонда государства в связи с тем, что наша работа будет давать больший эффект.

Я хотел обратить внимание еще на одно — на необходимость урегулирования источника наших доходов — про-

Помимо доверия рабочих и крестьян дано
силу ВКК а затем ЦКЧ выполнить возложен-
ную революцией на нас задачу - соорудить
всестороннюю контрреволюцию, раскрыть все
заводы, мастерские и помещиков, капер-
лов и их приспешников. Но доверие рабочих
зависит от доброты, упорной, самостоятель-
ной, полной энергии ЦКЧ - в результате
же которой ВКК стало грозной санкцион-
ной Рабоч.-Крестьянской власти. Контре-
революция у нас раздвигается, но она имеет
силу, влияние, энергию, средства и все
мысленно направляет контрреволюцию на гра-
дивом энергии вождя революционной диктатуры.

Именно так ЦКЧ и сейчас стоит на энергии
и преданности делу Рабочей Революции и Кре-
стьянству будет добиваться доверия рабоч-
их и крестьян для окончательной победы
над буржуазной мировой контрреволюцией и
для окончательной победы Советской Республики
на мировой арене восстановив разрушенную войной
13.12.22 Ф. Э. Дзержинский

Окончание беседы с корреспондентом «Правды»
«Пять лет работы»

Написано рукой Ф. Э. Дзержинского 13 декабря 1922 г.

возных тарифов. Мы полагаем, что для избежания потерь от падения курса рубля и для избежания слишком резких повышений, вредных для грузооборота, необходимо принятие закона о механическом повышении тарифов соответственно падению курса рубля.

Организационные вопросы. Я не могу не остановиться на организационных вопросах и прежде всего на наших правлениях железных дорог. Надо сказать, что у нас начался самый жестокий поход против них, застрельщиком же этой кампании была РКИ.

Кто является врагами правлений? Врагами правлений являются многие начальники дорог и администраторы. Почему? Какому начальнику дороги приятно иметь на своей шее контроль? Никакому. До создания правлений ничего подобного не было, ведь контроль со стороны НКПС был далекий, недейственный, и, конечно, для тех, кто желает жить бесконтрольно,— конечно, для них правления железных дорог не по душе.

Дальше, кто возражает против правлений? Против правлений возражает кое-кто и у нас в НКПС. У многих проявляется тенденция рассматривать эти правления как надстройку. Почему? Кому же приятно отдавать свою власть другому хозяйственному органу, который должен стать хозяином? Кому это приятно? Ясно — это приятно только тем, кто видит цель создания правлений — укрепление и восстановление советского транспорта.

Наконец, у нас имеются еще противники среди работников профсоюза, которые говорят: «Как на него нажмешь... на правление?.. Оно где-то в стороне, а начальник дороги тут, под боком,— я его подожду, а иногда и покомандовать вместо него могу». Есть такие тенденции кое-где и кое у кого, рассуждение здесь понятное: при правлениях тут как-то не так, потому что есть известный орган, который должен держать в своих руках всю хозяйственную сторону дела и от которого зависит распоряжение финансами дорог. Но если подходить к этому делу не с точки зрения, кто противник, а с точки зрения идеи и мысли, то я должен сказать, что наш советский транспорт будет жить, либо возглавляемый правлениями, либо он как таковой жить вовсе не будет, потому что восстано-

вить из пепла наш транспорт, не имея подобранных людей, не имея хозоргана, нельзя.

НКПС требует некоторых дополнений. Как у нас построен комиссариат? У нас в комиссариате есть рабочие ячейки: ЦЭ — движение, ЦТ — тяга, ЦП — путь, ЦШ — телеграф, ЦФ — финансы, ЦХ — хозяйственно-материальное снабжение и т. д., одним словом, весь комиссариат разбит на функциональные части, и нет органов и ячеек, выражающих дороги как хозяйственную единицу в целом. Поэтому мне кажется, что, когда мы переходим к вопросу о сметах отдельных дорог, когда мы уже перешли на путь децентрализации транспорта, мы должны иметь соответствующую форму этих единиц в НКПС, выражающую их. Эта форма выразилась пока в мысли создания особого совещания под председательством Ц.

В заключение я хочу сказать, что мы сейчас живем во время для нас очень трудное, очень тяжелое, но время хорошее, потому что перед нами поставлены конкретные, реальные задачи, которые мы должны разрешить.

«Гудок» № 821, 9 февраля 1923 г.

*Печатается по тексту журнала
«Вестник путей сообщения»
№ 7, 17 февраля 1923 г.*

С. В. БЕРНШТЕЙНУ-КОГАНУ¹⁶⁹

Нам необходимо приступить к подготовке материалов и планов по борьбе за проведение в жизнь принципа — транспорт как комбинат — в самых широких размерах. За шахтами должен следовать металл — добыча и обработка. Для этого эту промышленность надо досконально знать и постоянно ее изучать и следить за ней. Для этого надо иметь соответствующих людей в ЭКУ и в хозсекции. Не могли ли бы вы таковых привлечь к нам, но сейчас необходимо начать работу немедленно по определению, в каких рудниках и заводах мы более всего заинтересованы, в каком они находятся состоянии, и наметить наши перспективные возможности претендовать на них, или стать их пайщиками. Считаю, что такой подход будет самый правильный и с точки зрения восстановления нашей промышленности.

Второй вопрос из другой области: сегодня мне Владимир сказал, что они свою записку о порядке финансирования НКПС сами напечатают. Необходимо заготовить уже им ответ наш, ибо они нас там несправедливо обляяли и осветили наше хозяйство. Без ответа оставить нельзя. Вместе с тем следовало бы их записку с нашим ответом присоединить как приложение к нашей финансовой записке.

Ваш Ф. Д.

17/II - 1923 г.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКОМУ

Дорогой Глеб Максимильянович!

При сем выписка постановления коллегии НКПС от 17/II и из журнала заседания секции ВТК* от 8/II по вопросу о тепловозе системы инженера А. И. Шелеста.

ВТК признало целесообразным строить этот тепловоз за границей. Я считаю такое постановление недостаточно еще обоснованным и полагаю, что необходимо изыскать всемерно возможность строить у нас, в России. И поэтому я обращаюсь к Вам за помощью. Постройка и сама попытка постройки тепловоза в России обозначало бы:

1) создание у нас очага теоретической и практической работы по основному вопросу нашего тягового хозяйства. При разрешении этого основного вопроса разрешались бы побочные, но первостепенной важности вопросы;

2) работу над приспособлением наших отсталых заводов к требованиям развивающейся техники. Если эта работа не будет вестись, нам угрожает необходимость закрытия наших заводов и рабство заграничному капиталу;

3) проверку наших «ученостей» по технике, ибо до сих пор они при всей своей многочисленности (конечно, по нашему масштабу — нищих) ей-ей советский хлеб даром едят и даже во вред республике. Вся моя двухлетняя практика доказала мне это. Надо их заставить работать по конкретному заданию или прогнать.

Я не буду говорить о политических мотивах... Пусть Ломоносов строит два тепловоза за границей, а Шелест пусть у нас строит. Думаю, что на это средств жалеть не

* ВТК — Высший технический комитет. — *Ред.*

нужно. Я уверен, что, если призвать инженеров наших заводов, которые болеют душой за эти заводы, они разобьют доводы наших инженеров путейских. Можно из-за границы получить все части, все то, чего нельзя здесь сделать. Можно посылать за границу для той или другой частности, для изучения теоретической постановки кого потребуются, но строить следовало бы здесь.

И постройка его была бы вопросом не только Шелеста или другого инженера, а всего Госплана, всего НКПС, всего ВСНХ и всей нашей партии изо дня в день. А за границей, боюсь, это будет вопросом борьбы и интриг двух — Шелест — Ломоносов.

Ф. Дзержинский

18/II-1923 г.

*Напечатано в 1936 г. в книге:
Г. М. Кржижановский. Сочинения,
т. III. «Социалистическое
строительство», М.—Л., 1936*

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве Института,
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*

ТЕЗИСЫ О ТОРГОВОМ ФЛОТЕ И ТОРГОВОМ МОРЕПЛАВАНИИ ¹⁷⁰

1. Собственный торговый флот имеет громадное государственное значение для страны.

а) Политическое значение его определяется тем, что, поддерживая связь по внешнему товарообмену на судах собственного флага, страна становится независимой в торговых операциях, и наоборот, отсутствие своего торгового флота ставит страну в колониальную зависимость от других стран, при постоянной угрозе экономической блокады.

б) Еще более сильное и непосредственное влияние оказывает величина своего тоннажа на всю экономику страны, особенно в валютно-финансовом отношении. Как известно, большая доля внешнего товарообмена ведется морем (до войны в России — 72%, в 1922 г. — 83,6%); таким образом, фрахты за перевозки составляют значительный элемент в расчетном балансе страны (Англия в 1919 г. заработала морскими фрахтами 520 млн. фунтов стерлингов, т. е. еще раз получила 65% стоимости своего экспорта. Россия в довоенное время ежегодно выплачивала иностранным арматорам в среднем до 150 млн. золотых руб.).

При перевозках на своих судах увеличивается общенациональный доход от заработанных фрахтов, которые являются скрытым видом экспорта, в то время как при отсутствии собственного флота суммы, уплачиваемые иностранцам в виде фрахта, носят характер скрытого импорта и отрицательно отражаются на валюте страны.

При бедности нашего золотого фонда, при слабости экспорта и резко пассивном торговом балансе, уплачиваемые по экспортно-импортным перевозкам фрахты особенно чувствительны. Поэтому государство должно всемерно стремиться к увеличению своего тоннажа.

2. Основной недостаток нашего флота заключается в недостатке тоннажа, пригодного для внешних сообщений, особенно на Белом и Черном морях, где почти весь работоспособный состав был уведен белогвардейцами за границу.

3. Весь оставшийся флот, находящийся в ведении НКПС и переведенный на хозяйственный расчет, за короткий срок (менее половины навигации), несмотря на почти полное отсутствие финансирования со стороны государства, дал положительные результаты в виде увеличения тоннажа, интенсивности и абсолютного увеличения перевозок с одновременным резким сокращением обслуживающего аппарата.

4. Организационные недостатки в работе морского транспорта, при бедности в тоннаже, заключаются в дроблении его между отдельными ведомствами, что мешает планомерному использованию и достижению максимальной производительности.

Экономика эксплуатации национализированного флота диктует необходимость устранения конкуренции между судами русского флота и выступления на внешнем рынке как единого целого.

5. Для планомерного осуществления всех мероприятий по развитию торгового мореплавания необходимо *проведение единой морской транспортной политики*, связанной с общей транспортной политикой страны.

Основными задачами морской транспортной политики являются, *во-первых*:

а) развитие и совершенствование портов,

б) законодательное регулирование торгового мореплавания и, *во-вторых*:

содействие развитию своего коммерческого флота и увеличение его тоннажа.

6. Увеличение своего тоннажа возможно путем:

а) возвращения захваченного в период империалистической и гражданской войны старого русского флота («Доброфлот»¹⁷¹, суда «РОПИТ»¹⁷² и пр.);

б) покупки судов на заграничном рынке;

в) постройки новых судов.

Из двух последних наиболее скорым и дешевым способом по современному состоянию международного рынка является покупка судов, так как в связи с мировой депрес-

сией и избытком тоннажа с 1920 г. на рынке происходило резкое понижение цен, которые в настоящее время имеют тенденцию к стабилизации, и, таким образом, создался наиболее благоприятный момент для покупки судов.

7. Содействие со стороны государства развитию своего торгового флота должно выражаться не только в его финансировании, но, прежде всего, в создании благоприятной обстановки для его эксплуатации и в покровительстве своему флагу.

8. Политико-экономические условия советских республик сами по себе создают объективные предпосылки для высокой доходности советского торгового флота:

а) Национализированный и коммерчески организованный торговый флот с централизованным управлением должен создать условия, устраняющие конкуренцию своему флагу.

б) Монополия внешней торговли в руках государства дает возможность, при надлежащем регулировании направлять концентрированный поток грузов собственному флагу.

Таким образом, установить максимальное использование своего тоннажа, а следовательно — развить высокую производительность работы своего торгового флота.

Однако эти объективные условия могут быть сведены к нулю не только или, вернее, не столько дефектами в организации и управлении флотом, сколько тогда, когда государство не будет содействовать выявлению этих условий проведением морской транспортной политики.

9. Планомерное проведение морской транспортной политики возможно только путем правильного распределения функций между двумя основными центральными органами, облеченными достаточной полнотой власти, но, соответственно своим основным задачам, построенными на совершенно различных основаниях:

а) центральное управление морского транспорта (ЦУМОР);

б) центральное правление государственного торгового флота (Госторгфлот).

10. ЦУМОР является государственным органом надзора, а также законодательным органом для регулирования торгового мореплавания и торговой политики; при нем же должно быть сосредоточено управление всеми портами

СССР и установлена неразрывная связь железнодорожных и водных путей республики с портами, как их конечными пунктами.

ЦУМОР должен быть вполне законченным органом, со всеми частями управления, ведающими финансовой, технической и административной сторонами работы, и распространять сферу своей деятельности на все суда, плавающие в водах СССР, а также и на все порты.

11. Центральное правление Госторгфлота является государственным коммерческим предприятием, объединяющим эксплуатацию всего торгового флота СССР.

Находясь в непосредственном ведении Народного комиссариата путей сообщения СССР, Госторгфлот развивает свою работу путем гибкого коммерческого аппарата, имеющего на местах свои органы по обслуживанию судов как в России, так и за границей и работающего вне зависимости от какого бы то ни было ведомственного аппарата.

12. Для планомерного проведения морской транспортной политики необходимо сосредоточение всего дела морских перевозок в руках органа, ведающего русским торговым флотом (руководящее влияние на фрахтование иностранных судов как в России, так и за границей, в целях использования этого фрахтования в интересах собственного флота).

13. Для согласования интересов торгового мореплавания с общей экономической, финансовой и торговой политикой страны при ЦКП¹⁷³ должна быть создана особая секция в виде совета по морским перевозкам со своей специальной конституцией и с представительством от заинтересованных ведомств.

14. В целях лучшей согласованности работы морского транспорта с интересами грузоотправителей и ввиду особой государственной важности вопросов развития и быстрого роста собственного тоннажа весьма желательным является *акционирование* торгфлота, как коммерческого предприятия, с привлечением в качестве участников прежде всего финансово-кредитного органа республики в лице Госбанка, а также наиболее заинтересованных в морском транспорте госпредприятий.

ВСЕ НА ПОМОЩЬ ДЕТЯМ

*Обращение комиссии ВЦИК по улучшению
жизни детей.*

*Ко всем трудящимся СССР, Исполкому Коминтерна,
Профинтерну, Коминтерну молодежи, Межрабпому*

Товарищи!

Наша молодая рабочая республика вышла победительницей из ожесточенной кровавой борьбы с ее заклятыми врагами — внутренней и внешней контрреволюцией. С новой силой, не известной умирающему буржуазному миру, забился пульс рабочей общественной жизни, застучали станки, зашумели машины, спокойнее и свободнее заходил плуг, взрывая тучную землю.

Но эта великая победа грудящихся досталась не даром. В результате титанической борьбы на организме страны остались глубокие раны, для окончательного излечения которых еще долгое время будут требоваться громадные усилия со стороны рабочих и крестьян Советской России. Одной из этих ран является далеко еще не полная обеспеченность детского населения страны.

На долю первой в мире республики труда досталось тяжелое наследие царского строя, войны и голод усилили его, и в результате их, несмотря на героические усилия, проявленные Советской властью в деле обеспечения всеми необходимыми материальными благами, в деле воспитания и охраны жизни и здоровья, все же на территории Союза Социалистических Республик осталось еще громадное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора. Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи.

Детская беспризорность, часто выявляющаяся в самых уродливых, ужасающих формах — как детская преступность, проституция, — угрожает подрастающему поколению

самыми тяжелыми последствиями и заставляет бить тревогу..

Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей, для открытия же новых не хватает средств.

Более того: и существующие учреждения, дающие приют более чем миллиону детей-сирот, недостаточно обеспечены самым необходимым — как диетпитание, белье, обувь, оборудование и т. п.

Кроме указанного кадра беспризорных детей, имеется еще большой контингент нуждающихся в помощи детей, имеющих родителей или родственников, но хозяйственная мощь которых разрушена войной и голодом (инвалиды, беженцы войны и голода, безработные); им также нужна скорая действительная помощь.

Кроме того, всем детям вообще нужна организованная медицинская помощь. Различные эпидемические заболевания косят детей. Как и до войны, так, к нашему глубокому сожалению, и теперь еще детская смертность чрезвычайно, а местами угрожающе велика. На эту опасность для детей нельзя закрывать глаза, необходимо теперь же, немедленно, пока еще не поздно, общими усилиями устранить ее.

Учитывая это тяжелое положение громадного числа детей и все грозные последствия его, Деткомиссия ВЦИК, организуя совместно с Наркомпросом и Наркомздравом, при деятельном участии партийных и профессиональных организаций, с 30 апреля по 6 мая с. г. «Неделю беспризорного и больного ребенка», обращается ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской республики с горячим призывом прийти во время ее на помощь детям.

Не стесняйтесь ни формой, ни размером вашей помощи. Помните, что только общими объединенными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжелом фронте детской беспризорности.

Одновременно с этим Деткомиссия ВЦИК обращается с просьбой к Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодежи и Межрабпому взять на себя задачу информировать наших товарищей рабочих и

крестьян за границей о целях и задачах настоящей кампании и привлечь их к участию.

Деткомиссия надеется, что трудящиеся за границей откликнутся на ее призыв своею материально-финансовой помощью и помогут ей в борьбе с детской беспризорностью в России.

Деткомиссия обращается также ко всем заграничным организациям помощи голодающим в России с просьбой усилить до возможных пределов свою работу в части помощи детям.

Все на помощь детям!

Председатель комиссии ВЦИК
по улучшению ЖИЗНИ детей

Ф. Дзержинский

«Известия» № 71, 82 марта 1923 а,

Печатается по тексту газеты

ДОКЛАД НА ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВОДНИКОВ

4 апреля 1923 г.

Товарищи, объявленный ЦК союза в повестке дня конференции доклад мой о политике НКПС по отношению к водному транспорту поставил меня в несколько затруднительное положение, с одной стороны, потому, что политика эта устанавливается не нашим ведомством, не Комиссариатом путей сообщения, а определяется высшими государственными органами, а с другой стороны, потому, что если речь идет не об основных линиях и основных элементах политики на водном транспорте, а о проведении ее в деталях, то элементы эти на водном транспорте для этой политики недостаточно еще выпуклы, выявлены и недостаточно еще ясны.

Что касается основных элементов политики, то, что было предначертано в 1918 г., именно: национализация флота, и до сих пор остается незыблемым началом советской политики, вопрос же о привлечении иностранного капитала до сих пор не стоял еще конкретно и реально не стоит перед нами в области водного транспорта. Было только одно частное предложение, которое находится в периоде предварительных переговоров.

Другим элементом, который был введен 1¹/₂—2 года тому назад, является новая экономическая политика, заключающаяся в применении денежного хозяйства, основанного на товарообороте и грузообороте между городом и деревней на денежных началах. Что касается проведения этой политики, то, как я уже сказал раньше, элементы ее на водном и особенно в речном транспорте недостаточно выявлены, недостаточно ясно проведены в направлении, предна-

чертанном общегосударственными соображениями. Эти общегосударственные соображения не всегда во всех областях хозяйственной жизни могут быть проведены одновременно и с одинаковой интенсивностью, и вот, касаясь речного транспорта, приходится указать, что, к сожалению, благодаря целому ряду объективных условий ни высшие государственные, ни высшие партийные органы не могли до сих пор сконцентрировать на нем своего внимания. Кроме того, как вам известно, элементы, составляющие наш водный транспорт, особенно речной (я теперь остановлюсь именно на речном транспорте), недостаточно ясны, недостаточно выявлены. Мы знаем, что статистика и отчетность в области речного транспорта хромает и отстает от всех видов транспорта, и элементов его учета мы до сих пор не имеем. Это обуславливается тем, что концентрация флота в одних руках, в руках государства, не явилась результатом развития техники или результатом развития потребностей самих перевозок, а возникла как результат экспроприации флота у собственников, как результат революции и чисто политических соображений, и поэтому та концентрация, которую мы видим на наших главных водных артериях, не вытекала из непосредственно производственных потребностей, а вытекала из потребностей политических.

И в этом громадная разница между речным транспортом и железнодорожным. Поскольку экспроприация, национализация частных железных дорог не произвела никакого изменения в самой эксплуатации, в самой ее технике (ибо дело по сути своей требовало жесткой централизации, требовало связи и отстранения собственника) и ничего не меняла в конструкции самого аппарата, постольку национализация флота потребовала совершенно новых, до той поры не испытанных форм организации, управления и эксплуатации. На речном транспорте не было единого собственника даже на одной какой-либо артерии; на Волге и на всех других бассейнах был целый ряд не связанных между собой собственников, эксплуатирующих флот каждый по-своему. Эта распыленность, эта индивидуализация, эта замкнутость в себе самом речного транспорта, когда одно судно является одновременно и паровозом и вагоном и имеет совершенно свободный путь, по которому может выполнять свою работу без тех затрат

и без того технического согласования, которые требуются на железнодорожном транспорте, существенно отличают его от железных дорог и увеличивают трудности его правильной организации. Кроме того, существенным фактором, отдалившим введение на речном транспорте новых экономических начал, явился жесточайший неурожай, который парализовал развитие водных перевозок, особенно на нашей главной водной системе — на Волге, и поэтому в прошлую навигацию, которая была началом нэпа во всех отраслях народного хозяйства, нам приходилось возить или чисто государственные или ведомственные грузы, что не давало достаточных хозяйственно-экономических оснований для процветания или развития новой экономической политики. В период же только что прошедший, в период зимнего сезона, не могло быть оснований для перехода на эти новые начала, ибо создать по-новой экономической политики на бездоходном хозяйстве нельзя: никакого товарообмена не имелось и деловых взаимоотношений у транспортных систем быть не могло.

Новая экономическая политика возможна и может быть проводима именно только в нынешних условиях. Теперь, когда мы предполагаем, что перевозки разовьются и должны развиваться в гораздо большем размере, если урожай будет такой, как мы ожидаем, у нас есть основание считать проведение нэпа своевременным.

Необходимо указать еще на один элемент, который не способствовал развитию начал новой экономической политики на водном транспорте, — это оторванность нашего речного транспорта от местных и общегосударственных органов. Этот факт надо констатировать, ибо если бы этого факта не было, то было бы совершенно непонятно и необъяснимо то явление, которое мы назвали совершенно справедливо «разбазариванием».

Если мы поставим перед собой вопрос, как мы должны отнестись к этому явлению, то мне кажется, что реагировать на него только возмущением не следует, это будет неправильно, ибо мы могли бы возмущаться этим явлением только в том случае, если бы оно в своей основе противоречило принципу национализации. Однако явление это, представляя один из видов децентрализации, не противоречит принципу национализации. Мы знаем, что

наши железные дороги переводятся постепенно на рельсы новой экономической политики и децентрализуются. Мы передаем их в органы, которые называем правлениями и которые должны быть ответственны за ведение всего хозяйства. Это есть принцип перехода от старого военного коммунизма, от всепроникающего централизма, к принципу децентрализации. «Разбазаривание», если его рассматривать с принципиальной точки зрения, не есть денационализация, не есть передача судов из государственных органов в руки частновладельческие, а есть децентрализация, передача части паровых и непаровых судов в руки других государственных же хозяйственных органов. Поэтому Совет труда и обороны при рассмотрении вопросов о передаче судов, несмотря на наши доказательства, принимал решения не в нашу пользу. Упрекать за это Совет труда и обороны нельзя, как нельзя его упрекать и в том, что он якобы сошел с принципиальной точки зрения. Если бы это было так, то я спрошу, правильна или неправильна наша точка зрения, когда мы требуем от ГУТ (Главного управления топлива), чтобы оно передало нам целый ряд шахт и иногда районов для собственной эксплуатации и добычи угля в этих шахтах. Если подходить к ответу на этот вопрос с принципиальной точки зрения, то нас упрекать за это нельзя. Есть целый ряд причин, по которым мы вынуждены были подходить к разрешению этого вопроса только таким образом. Коренной и основной причиной в данном случае является то, что мы должны констатировать, что тот орган, который непосредственно ведает добычей, т. е. Главное управление топлива, не может удовлетворить тех потребностей, которые мы ему предъявляем. Поэтому ясно и совершенно законно, что мы, действуя по линии государственных и хозяйственных интересов страны, ставим вопрос о передаче нам ряда шахт. Мы увеличиваем линию борьбы на топливном фронте, увеличиваем количество добываемого топлива и поднимаем, таким образом, общее благосостояние и увеличиваем грузооборот страны.

Другой момент, который определяет в данном случае наше отношение к этому вопросу,— это то, что мы должны платить столько, сколько от нас потребуется, никаких возражений делать мы не можем. Нам определяют

цену угля — мы не можем влиять на понижение стоимости, хотя главным потребителем топлива являемся мы, НКПС.

Аналогично с этим и вопрос о так называемом «разбаривании», т. е. передаче судов от одного государственного органа к другому, есть вопрос целесообразности и выгоды, и поэтому для того, чтобы ответить на него, необходимо разрешить вопрос, который нас непосредственно касается, а именно: что нам нужно сделать для того, чтобы наше хозяйство было самым экономным, самым дешевым и чтобы наши органы были самыми авторитетными в эксплуатации судов и организации грузооборота и перевозок. Следовательно, при разрешении этого вопроса нужно становиться не на принципиальную позицию, а на практическую, рассчитать, что выгодно и что невыгодно.

Если исходить из общих соображений, то безусловно нужно признать, что сейчас наш флот слишком велик; его провозная способность больше тех перевозок, которые к нам предъявляются. Что будет через пару месяцев, мы не знаем. Если будет большой урожай, то возможно ожидать, что этого флота не хватит, если говорить не об этом годе, а о следующем, то можно сказать с реальной доказанностью, что для обеспечения общегосударственных перевозок флота в том составе, в котором он сейчас находится, не хватит, а если это так, то нельзя его разделять, нельзя его распылять, нельзя этот флот передавать, ибо на общегосударственные нужды его тогда не останется.

Затем возникает другой вопрос, вопрос относительно нефтешфлота. Можно ли передавать нефтешфлот ГУТ. На это я отвечу: нет, нельзя. Почему? Потому что для государства не безразлично регулирование транспортных перевозок. Если же трестам будет передан нефтешфлот, то государство, с одной стороны, будет в зависимости от данных трестов, а с другой — будет лишено перевозочного органа, через который оно могло бы до известной степени контролировать данный орган. Вы знаете, что если наш нефтешфлот будет передан в руки Азнефти, Грознефти или какого-либо другого органа, тогда регулирование цены и тарифов на перевозки, а вместе с этим и цены на топливо из рук государства ускользнут. Поэтому именно

такие важные элементы, как перевозка нефти и флот, который должен перевозить нефть в глубь и центр России, передавать такому органу, который непосредственно производит добычу нефти, не следует, ибо, передавая ему их, мы ставим страну в зависимость от данного частного ведомственного органа и отстраняем само государство от его контролирования.

Но, исходя из этих общих соображений, никогда нельзя решать каждого отдельного случая. Чтобы решить отдельный случай, необходимо его конкретно, реально рассмотреть, ибо факт остается фактом, что в прошлую навигацию 38% нашего флота бездействовало, следовательно, этот бездействующий флот, этот великий аппарат, не соответствующий совершенно грузовому потоку, ложится громадной тяжестью на бюджет речного транспорта, на каждого работника, который в нем работает, и в конечном счете на государство.

Поэтому, чтобы разрешать эти частные вопросы, необходимо установить общую линию той политики, которую мы должны вести на речном транспорте, и здесь намечаются следующие основные его задачи.

Нужно во что бы то ни стало стремиться уничтожить дефицитность речных путей. Речной путь является самым дешевым, а вместе с тем дефицитность его не является меньшей, чем железных дорог, а некоторые железные дороги дают даже излишек. Каким же путем мы можем достигнуть бездефицитности? Мы можем достигнуть ее только путем сжатия, концентрации, правильного подхода к эксплуатации и экономии.

Флот требует непосредственной работы со стороны тех хозорганов, которым поручено данное дело. Поэтому надо освободиться от тех мелочей, от того, что загружает, дает только дефицит, отнимает внимание и пр. Каким путем? Что можно в данной области наметить? Безусловно, это уже намечается и наметилось: выделено рабочее ядро, основное, на котором должно быть сконцентрировано все внимание. Затем все те мелкие речонки и речки, которые не составляют магистрали и в которых заинтересованы местные хозорганы, надо передать на арендных началах в эксплуатацию тем или иным хозорганам. Таким же образом надо поступать при организации местных

сообщений, например, местной связи (скажем, переправы) или местного сообщения в пределах одной или пары губернии. Там, где нет транзита, к организации местных сообщений надо привлекать местные госорганы — исполкомы, ЭКОСО — и создавать местные, если можно так назвать, акционерные общества или паевые товарищества, которые бы и эксплуатировали известные суда на определенных условиях.

Вместе с тем необходимо во что бы то ни стало отказаться от той громоздкости, которую представляют наши аппараты. Я уже указывал на то, что практика старого дореволюционного времени и сама техника не оправдывают необходимости централизации всякого рода транспорта, который, например, находится на такой системе, как Волга. Надо эту громоздкость аппарата устранить, и ту децентрализацию, которую мы усвоили себе в отношении НКПС к центральным органам, надо усвоить и по отношению к самим себе. Необходимо, чтобы т. Ищенко, будучи на Волге, не думал, что можно всем управлять в качестве начальника округа или председателя правления. Это немыслимая вещь, и таким путем в таком деле нельзя достигнуть желательных результатов. Следовательно, разгрузиться, упразднить ту громоздкость, которая у нас имеется, является одним из основных требований для правильного проведения новой экономической политики у нас на транспорте.

И, наконец, одно из важнейших и основных условий, к чему я потом подробно перейду, — это жить действительно на хозрасчете, т. е. жить определенным образом, сообразуясь с имеющимися налицо средствами, жить по совершенно определенной смете.

Но как будет тяжело провести в жизнь все эти начинания и выполнить все эти задачи. Можно заранее сказать о тех гигантских трудностях, которые встретятся на пути создания и выполнения этих задач. Если мы примем во внимание, что наш речной грузооборот составляет в настоящее время $\frac{1}{6}$ часть грузооборота довоенного времени, то станет ясно, что при таком грузообороте поставить правильное хозяйство на правильные рельсы новой экономической политики очень и очень тяжело.

Исходя из этого, вопросы, которые называются «разбазариванием», должны решаться не огульно, а рассматриваться особо в каждом данном отдельном случае, причем необходимо выработать и провести через СТО общие нормы и общие правила, каким образом такие вопросы должны рассматриваться. В каждом отдельном случае должны привлекаться те местные хозорганы, которые непосредственно заинтересованы в данном вопросе как со стороны ведомства, так и со стороны ЭКОСО и со стороны того органа транспорта, который находится на месте. И только после того, как не будет достигнуто соглашения на месте, вопрос должен передаваться сюда, в центр, для того чтобы здесь сделать ведомственную попытку для достижения соглашения, не передавая дела в СТО, и только в самом крайнем случае представлять этот вопрос в СТО, конечно, приводя все мнения и соображения, которые будут выработаны на местах.

Вот основные задачи нашего речного транспорта и правлений, которые сейчас организуются на наших водных системах.

Я, товарищи, должен предупредить тех, которые полагают, что достаточно придумать ту или другую реформу, как, например, мы придумали реформу с правлениями, в составе такого-то количества членов, при таких-то взаимоотношениях между собой и центром, чтобы обеспечить уже успех дела. Нет, это неверно. Организация правлений — это не есть выдумка, это не рецепт, который может быть введен извне в организм транспорта и который даст соответствующие результаты. Это есть выражение той мысли, что если те, которые непосредственно ведают этим делом, которые непосредственно должны за него отвечать, с этой задачей, с этой работой не справятся, если они перед собой не будут ставить и решать определенные конкретные вопросы, которые выдвигает жизнь, и приспособляться к тем условиям жизни, которые в данном отдельном бассейне или части бассейна имеются, то они тогда речной транспорт не поставят на ту высоту, на которую требует поставить транспорт рабоче-крестьянская власть. Между тем из прений, имевших недавно место в Бюро правлений, и прочитанных мной в связи с тем докладом, который я должен был сделать, я усмотрел, что

этот фетишизм,— что будто бы из центра можно что-то приказать, можно что-то определить,— имеется и у тех, которые являются самыми заядлыми критиками центра. Если это не есть случайное явление, если это не есть характеристика отдельного лица и если все водники и работники на речных путях полагают, что от того, какую реформу мы придумаем здесь, как распишем и в какие сроки, что от этого зависит судьба всего дела, то они жесточайшим образом ошибаются.

Я указал, какие конкретные, реальные задачи стоят перед правлениями. Наши речные пути, которые должны быть самыми дешевыми, являются дефицитными. Кто может достигнуть их бездефицитности? Тот, кто работает на месте, кто видит, отчего на дешевом транспорте получается эта дефицитность при той низкой заработной плате, на которую живут наши водники.

Значит, первый вывод, который мы можем сделать при наличии дефицитности,— это тот, что перевод речного транспорта на полный хозяйственный расчет, т. е. на коммерческий расчет, как в морском транспорте, произвести нельзя, потому что при наличии такого большого аппарата и такого малого грузооборота свести концы с концами он не сможет и потому не может обойтись без помощи центра, без помощи налогов, эмиссии, без помощи государства.

Затем из обзора этих задач ясно, что самая главная, самая серьезная задача — это составление сметы. Мы знаем, как эти сметы составлялись до сих пор. Гроша ломаного они не стоили. Почему? Потому, что мы составляли эти сметы на основании средних величин, на основании абстрактных измерителей и коэффициентов. Вы знаете, когда наши ученые подсчитывали, сколько нужно для восстановления нашего транспорта, то они высчитали такую астрономическую цифру, что нужно было в гроб лечь, и не могло быть речи о том, чтобы эти средства получить.

Эта астрономическая цифра создавалась не только железнодорожным и речным транспортом. В прошлом году, ввиду того что Севзапвод был в отчаянном положении и не мог подвезти к Петрограду того количества топлива, без которого он не мог существовать, была

избрана очень компетентная комиссия из представителей нашего Трансплана, Госплана и областного ЭКОСО в Петрограде для выяснения размеров необходимых срочных денежных ассигнований для Севзапвода. Эта комиссия представила нам (это было около года тому назад) не более и не менее, как цифру в 26 триллионов, необходимых для Севзапвода. Теперь такой цифрой никого не удивишь, но в то время она была ужасающей, и когда от меня потребовали, чтобы я внес ее в СТО, я отказался, и тогда пришлось назначить другую комиссию, и оказалось, что можно обойтись $2\frac{1}{2}$ триллионами. Это конечно иллюстрация того, как наши сметы составлялись не на основании реальной жизни. От этого получается ужасная разруха. Мы составляли смету, ходили с ней в Госплан; Госплан утверждал, затем мы шли в Наркомфин, а Наркомфин говорил, что средств имеется столько-то, а в остальном, как хотите. Ясно, что мы должны были распределять не те суммы, которые выяснялись из подсчета, и подсчет ничего не стоил. Однако, получая гораздо меньше, чем мы хотели, мы живем и жили.

Я глубоко уверен, что если бы те средства, которые государство отпускало на транспорт, мы могли планомерно распределить, то подвинули бы наш транспорт на год или два вперед против того, где он находится сейчас. И именно потому что на местах не было выяснено, что необходимо и что не необходимо, то те деньги, которые мы получали, распределялись непланово.

Эта задача очень трудная, но вместе с тем эту задачу необходимо выполнить, и правления должны поставить ее как свою первую задачу. Одним из наших несчастий было то, что у нас был транспорт НКПС, у нас не было Волжской системы, не было Донецкой дороги, а был НКПС, было собрание хозяйственных единиц, которые жили сами по себе. Поэтому мы можем возродить наш транспорт тогда только, когда он приобретет лицо, когда мы будем знать, что такое волжский транспорт, и потому первая задача — это составление сметы и выделение нашего речного бюджета из общего бюджета по доходной и по расходной смете. Вместе с тем необходимо выделение из общей сметы речного транспорта отдельных хозяйственных речных единиц, чтобы мы знали, как хозяйничает

Кубань, как хозяйничает Дон, как хозяйничает Волга в отдельных своих частях, как хозяйничает Мариинская система и другие производственные единицы. И только тогда мы сможем приступить к тому, к чему в других органах уже приступили, это — к составлению баланса и к определению себестоимости.

Вместе с тем я бы хотел указать еще на одну основную задачу, которая также должна встать перед вновь организуемыми правлениями в первую очередь, — это вопрос об аппарате. На конференции железнодорожников были справедливые нарекания на то, что аппараты правлений слишком разбухли. Мне кажется, эти нарекания правильны. Если мы вспомним, что писал 2 марта Владимир Ильич о государственном аппарате¹⁷⁴, то мы должны понять, какую государственную важность имеет этот вопрос. В этой статье Владимир Ильич писал, что мы, т. е. рабоче-крестьянская власть, только тогда удержимся наверняка, когда мы выбросим из наших аппаратов все то, что лишнее, что не есть необходимо, когда мы аппарат наш сократим до возможных пределов, потому что иначе в обнищавшей и разрушенной империалистической и гражданской войнами стране союз пролетариата с крестьянством сохранить и укрепить нельзя иначе, как только путем улучшения и удешевления тех аппаратов, которые управляют. И тот орган, который теперь приступит к своей организации на новых началах, эти мысли, высказанные в статье Владимира Ильича, должен иметь всегда перед глазами.

Затем я хочу указать еще на один момент, который должен быть учтен правлениями. Водники, речники, точно так же как и моряки и железнодорожники, не надо таить греха, слишком замкнуты в себе, слишком ведомственны, не в смысле ведомства, а в смысле своих цехов, в смысле своей профессии, в смысле своей работы. Благодаря тому, что транспортники вообще жили по-линейно, или по-системно, т. е. по реке, они не связывались с теми или другими определенными губерниями, с теми или другими хозяйственными органами, они представляли связанную между собой систему. Это давало величайшую силу во время революции, ибо именно таким образом и железнодорожники и водники имели возможность овладеть

всеми артериями России. Но вместе с тем при строительстве нового мира, новой хозяйственной жизни, в этом кроется некоторая опасность, ибо в известной среде и обстановке, в условиях известного труда вырабатываются известные мысленные навыки, которые мешают понятию того, что транспорт и транспортные услуги являются ценностью не сами по себе, а являются лишь неотъемлемой частью общей народной и хозяйственной жизни и новой государственной политики. Поэтому я полагаю очень важным и необходимым привлечение правлениями в работу, которая должна осуществить на водном транспорте начала новой экономической политики, работников и из других отраслей, а не ограничиваться средой водников и речников. И только тогда, я думаю, когда будет обеспечена связь и увязка с местными и общегосударственными органами, только тогда та грандиозная задача, которую берут на себя водные правления, сможет быть выполнена.

Вы не забывайте, что задача эта гораздо тяжелее на реке, чем на железной дороге. Вы представьте себе, видал ли мир объединение железных дорог на 10 000 верст. Конечно, видал, видал и больше, для этого выработана определенная техника и определенные навыки. Но видал ли мир, чтобы речные пути обслуживали 16 000 верст, как Волжская система, видал ли он объединение в одних руках такой большой системы с таким количеством судов? Конечно, нет, и, конечно, проблема рационального руководства таким объединением чрезвычайно трудна, если принять во внимание к тому же недостаток грузооборота, который имеет место в настоящее время.

Очень часто мы привыкли, говоря о наших бедах, о нашем тяжелом положении, указывать, что причина их заключается в недостатке финансов и других средств. Мне кажется — это неправильный подход, если хотите, это только правильный ответ. У меня нет денег, нет средств, поэтому я голодаю, поэтому наш аппарат разрушается. Но для тех, кто вникает в сущность и ищет причины данного явления, те не должны считать конечного факта за основную причину. Ведь в самом деле, надо себя спросить, откуда государство берет средства и финансы и как оно строит эти финансы. Ясно, что эти финансы берутся из

того труда, из тех реальных ценностей, которые вырабатываются рукой человеческой, т. е. рабочим и крестьянином. Мы знаем, какова тягота рабочего — величайшая. Откуда же берутся эти средства? Вы знаете, что борьба с империалистами все еще продолжается, и мы кредитов от них не получаем в той мере, в какой могли бы получить для восстановления нашего хозяйства, и ясно, что в этой борьбе выиграет тот, кто сможет дольше продержаться, и если он сможет жить без той косвенной поддержки, которая получается, если нас будут кредитовать. Если говорить относительно источника эмиссии, печатных знаков, то вы знаете, что эмиссия никакой ценности не дает. Она дает ценность постольку, поскольку мы накладываем при помощи этого эмиссионного знака известный, определенный налог на крестьянина и на самих себя. Ведь мы знаем, что от увеличения выпуска денег, которые не отвечают потребности тех продуктов и товарооборота, а также грузооборота, который имеется в стране, мы знаем, что обесцениваются деньги, что дезорганизует и расстраивает всякие расчеты и хозяйство и ложится страшным бременем как на крестьянина, так и на рабочего, понижая заработную плату и тот доход, который данное предприятие имеет. Поэтому ясно, что когда мы говорим относительно финансовых средств, то не следует забывать источника, откуда эти средства берутся. Конечно, тут все средства, которые государство имеет, идут на учреждения дефицитные, которые нуждаются в средствах, которые жили с доходов, получаемых от налогов.

Таким образом, ясно, что происходит известная драка, драка ведомств,— кто сколько получит. Но кто же определяет результаты этой драки? Они определяются следующими моментами. Во-первых, нужна ли нам армия или не нужна? Мы сокращали до минимальных пределов нашу армию для того, чтобы те средства, которые страна имеет, шли на производственные цели, но ниже 600 тыс., когда Польша мобилизует и будет иметь от 600 до 800 тыс., мы иметь не должны, мы не должны забывать о нашей Красной Армии, ибо эта Красная Армия обеспечивает существование рабоче-крестьянской власти. И ясно, что когда возникает спор между нами и ГУТ, он разрешается в пользу ГУТ, потому что ясно, что без

топлива мы существовать не можем. В общем и целом те предприятия, которые для страны являются большим бременем в смысле дефицитности их, те и несут эти тяготы. Безусловно, то тяжелое положение, в котором были транспортники вообще и речники в частности, вытекало из дефицитности нашей работы. Если бы мы смогли довести свои штаты и свои аппараты год тому назад до тех размеров, до которых они доведены сейчас, то мы бы подняли производительность труда и безусловно заработная плата могла бы быть повышена больше, чем она повышена сейчас.

Следовательно, финансы наши зависят от нас самих, от нашей работы, от вдумчивости и от упразднения того, что не нужно и без чего можно обойтись.

Некоторые полагают (и в тех вопросах, которые мне были заданы, указывается), что можно получить финансы и средства путем учреждения банка и организации кредита. Товарищи, банк — хорошее дело. Если бы золото, которое находится в Лондоне, перевести к нам, мы могли бы его использовать, и могли бы развить наш грузооборот до тех размеров, как бы мы этого желали, но я думаю все-таки, что мы бы это золото проели, и большой бы пользы от этого тоже не было, если бы в результате золото не создало и не развернуло реальной производительной работы.

Откуда же сейчас мы можем взять капитал для того, чтобы организовать как следует транспортный банк и пользоваться этими капиталами? Я должен сказать следующее: спросите железнодорожные правления, очень ли охотно они пользуются кредитами, предоставленными им Промышленным и Государственным банками? Они вам ответят, что очень редко, так как чтобы получить кредит, необходимо уплатить известный процент и оплатить долг не в падающей валюте, а в твердой золотой валюте, в эквиваленте, отвечающем золотому выражению; поэтому пользоваться таким кредитом могут себе позволить только те предприятия и только те учреждения, которые действительно упраздняют или устраняют дефицит, а нам приходится пользоваться кредитами иногда, как приходится им пользоваться тому банкроту, который ничего не имеет и вынужден одалживать, ничего

не имея, чтобы потом отдать гораздо больше и попасть в еще большую беду. Ясно, если нам приходится сегодня произвести неотложный платеж, мы должны идти в банк и просить одолжить из 8—12%, но это деньги, которые мы должны вернуть, они не брошены на производство, чтобы давать тот процент, который мы должны выплачивать кредитным учреждениям, живущим только определенными процентами. Мы от государства могли бы получить и получали определенные суммы оборотного капитала, правда, в ничтожных размерах, но все же получали, и я должен сказать, что именно получение оборотного капитала в больших размерах невозможно до тех пор, пока не стабилизируется рубль, пока же идет падение курса рубля, которое очень и очень затрудняет кредит, этим кредитом в большом размере могут пользоваться лишь те, кто занимается торговлей и тем, что раньше называлось спекуляцией.

Какие же источники, на которые мы можем рассчитывать? С одной стороны — уменьшение и сокращение своих расходов, а с другой стороны — поднятие того единственного источника, который нам дает правильный, реальный, отвечающий потребностям страны доход. Это значит, что мы во что бы то ни стало должны увеличить грузооборот, и только с увеличением грузооборота, только с поднятием общей хозяйственной жизни страны и товарообмена между городом и деревней мы сможем вздохнуть полной грудью.

Для этого необходимо вести разумную, гибкую тарифную политику. Нельзя думать и нельзя рассчитывать, что если мы дефицитны, то надо поднять тарифы во столько раз, чтобы высота этих тарифов покрыла наш дефицит. Вы помните, что в прошлом году повысили пассажирский тариф и что из этого вышло. На Волге, по полученным донесениям, создалось такое положение, что люди стали ходить пешком, вместо того чтобы ехать на пароходе, стали возить грузы гужом, и нам пришлось учиться на этих ошибках и дать право ЭКОСО уменьшить эти тарифы, ибо платежеспособность как населения, так и грузоотправителей имеет известные границы, и если мы эти границы переходим, то нарушаем товарообмен в стране, не принося нашему органу никакого дохода.

Еще раньше, чем говорить о морском транспорте, я должен перейти к организационному вопросу. В данном случае я должен сказать прямо, что водный транспорт был, к сожалению, у нас не на первом месте. Но это не вытекало из какой-нибудь концепции и какой-нибудь идеи, это не вытекало из злой воли, а это вытекало просто потому, что как партия, так и государственные органы, которые организуют коллегия, которые дают ответственных работников, не могли найти в себе достаточно сил, достаточно элементов для того, чтобы укрепить аппараты, наблюдающие и руководящие органами нашего водного транспорта. Но сейчас, в связи с экспортом хлеба, в связи с урожаем вообще, в связи с развитием хозяйственной жизни страны, вопрос внутреннего водного транспорта, как самого дешевого, становится во весь свой рост, и поэтому я полагаю, что в настоящее время партия сможет обратить, равно как и высшие государственные органы, достаточно внимания на наш водный транспорт и включить в состав коллегии нашего НКПС лиц или лицо, которому было бы доверено и поручено специальное наблюдение, специальная забота об интересах водного транспорта, представительство по этим интересам в высших государственных органах, и в этом отношении мы с ЦК союза уже договорились и намечали кандидатуру, но ясно, что вопрос этот требует выявления перед центральными органами положения на водном транспорте, о его целях и задачах в настоящую минуту для того, чтобы пожелание это было удовлетворено в желаемом нами смысле.

Вместе с тем я считаю, что, переходя именно на рельсы новой экономической политики на речном транспорте, необходимо и в центре иметь аппарат, который началу этой новой политики отвечал бы целиком. В данном случае тут есть разница между речным и морским транспортом и довольно значительная. Объединить правления отдельных водных систем в одном центральном правлении мы не можем, ибо это было бы громоздкое, не отвечающее совершенно интересам правление, которое могло бы убить ту инициативу, которую места и местные правления могли бы проявить. Но то, что необходимо, это помощь, содействие, общий надзор, согласование

работ и представительство интересов в высших государственных органах, с одной стороны, и наблюдение и ответственность за содержанием речного пути на должной высоте, с другой стороны, требует выделения центрального органа речного транспорта, ЦУРЕК, из общего аппарата НКПС и введения в него элементов, которые дадут ему возможность выполнить все те задания, которые перед ним ставятся и сделают его ответственным за подбор личного состава тех товарищей и тех работников, которым была вручена к выполнению великая задача восстановления нашего речного флота на основах хозяйственного расчета.

В конце я должен оговориться, что все эти планы, проекты, задачи будут постольку осуществляться, поскольку найдутся работники, поскольку каждый работник транспорта будет принимать активное участие в создании этого дела. Я скажу дальше: мы были бы обречены на гибель и неуспех в выполнении наших задач, если бы мы замкнулись в себе и думали, что мы сами сможем справиться с этими задачами. Необходимо, чтобы каждый работник помнил, что нужна увязка в каждом отдельном районе, в каждом отдельном случае, увязка органическая, деловая с теми хозорганами, для которых транспорт необходим, которые не могут развиваться без развития грузооборота, то есть мы должны сделаться сознательными агентами развития хозяйственной жизни всей страны, смычки города и деревни и вовлекать в транспорт всех тех работников, которых хозяйственная жизнь выдвигает на первый план. Я хотел бы еще указать на то, что в водном транспорте союз играл огромную роль, гораздо большую, чем в других хозяйственных органах, и ясно, что вся программа и задача, которые ставятся нами, НКПС, будут выполнимы лишь тогда, когда они встретят полную поддержку, полную помощь членов союза и когда в искании новых путей, в исправлении старых ошибок, — потому что ошибки неизбежны, — члены союза будут вместе с теми, кто эти ошибки сделал и кто ищет правильных путей.

**ДОКЛАД НА XII СЪЕЗДЕ РКП (б)¹⁷⁵
В СЕКЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ
ВОПРОСУ ***

28 апреля 1923 г.

Товарищи, все постановления нашего съезда могли бы повиснуть в воздухе и остаться на бумаге, если бы в порядке дня съезда, по предложению Владимира Ильича, не был поставлен вопрос относительно того аппарата, который должен претворить в жизнь, в действительность, директивы, задания партийного съезда. И если мы спросим, способен ли нынешний госаппарат выполнить те задания, которые наметил съезд, то вы должны сказать, с полной откровенностью, — нет. При таком аппарате, который у нас имеется, каждый шаг вперед стоит пролетариату и крестьянству невероятных средств и потери времени, при которых в настоящее время восстановление нашего хозяйства почти невозможно.

И недаром, когда Владимир Ильич намечал важнейшие задачи относительно смычки с крестьянством, относительно восстановления крупной промышленности, относительно разрешения нацвопроса, он дал статью относительно госаппарата и РКИ и ЦКК.

Тот аппарат, который был ниспровергнут Октябрьской революцией, был аппаратом порабощения рабочих и крестьян, аппаратом господства помещиков, буржуазии и чиновников. Аппарат пролетарского государства должен быть подсобным аппаратом для осуществления союза рабочих и крестьян, для восстановления разрушенного войной хозяйства, для выполнения тех заданий, которые, взяв власть в руки, пролетариат и крестьянство ставят перед собою. Но мы можем исходить и должны исходить только из того, что мы унаследовали. Мы не можем создать без продолжительной усиленной работы такой аппарат, кото-

* Печатается с сокращениями. — *Ред.*

рый нам желателен. Мы знаем, сколько пролетарской власти стоило усилий создать тот аппарат, который обеспечивал бы пролетариату и крестьянству победу на фронтах,— т. е. Красную Армию. И эта борьба, эта работа по созданию аппарата по обороне страны не дала возможности взявшему власть в свои руки пролетариату заняться созданием по своему образу и подобию аппарата по восстановлению хозяйства. Только теперь, после двухгодичного опыта новой экономической политики, только после того, как те элементы, без которых невозможно создать аппарат и восстановить разрушенное хозяйство, призваны дать свой опыт и знания, только сейчас мы можем этот вопрос поставить во всем объеме.

По структуре своей наш аппарат унаследовал от допотопных времен подразделение на департаменты, которые теперь называются управлениями, отделами, отделениями, частями и т. д. Построенные на принципе наименьшей инициативности отдельных работников, по своей структуре и громоздкости не дающие руководителям возможности овладеть аппаратом, а, наоборот, организованные так, что руководители их находятся в полной их власти, эти аппараты создали так, что в результате их деятельности мы имеем страшный бюрократизм и волокиту, которые всем известны. Ни в одной западноевропейской стране нет такого умопомрачающего бюрократизма, который был в царское время в России и который перешел к нам по наследству и не изжит до сих пор, к сожалению.

От старого аппарата мы унаследовали чудовищную централизацию, которая снимает всякую ответственность с руководителя данного ведомства. Мы знаем,— все руководители и хозяйственники это скажут,— что не мы управляем своим аппаратом, а наш аппарат управляет нами. Глава ведомства по нашей структуре отвечает за свой аппарат. Нет бумаги по тому или иному вопросу, исходящей из ведомства, чтобы на ней не было подписи наркома или заместителя. И вот все руководители загружены целым ворохом бумаг, из которых они не в состоянии вылезть. Это касается не только коммунистов, которые приходят в унаследованный от старого аппарат, но это касается и специалистов, которые честно работают. Я должен сказать, что лучший специалист, хотя бы, например, путеец,

умеющий прекрасно строить мосты, если приходит на работу в комиссариат путей сообщения, то он делается абсолютно негодным спецом, ибо аппарат, который имеется, связывает его по рукам и ногам, и он судит уже не на основании реальной жизни, а на основании тех бумажек, которые дает ему канцелярия для работы...

Центр тяжести в том, что у нас *в наших аппаратах нет доброй воли в том личном составе, который имеется*. Яркий пример этому опять-таки ЦЖО. Там на скамье подсудимых были десятки чиновников, судившихся за взятку. Там выяснилось, что, когда нэпман давал взятку, тогда не было наших бесконечных инстанций, тогда в три счета находилась квартира... Так что центр тяжести не только в плохой структуре, а и в том, что эти аппараты находятся в общем и целом в руках людей, которые не желают улучшать этот аппарат.

Самый главный недочет в нашем личном составе — это полная оторванность от воздействия массы, полная оторванность от партийного руководства и той помощи, которую хозяйственные органы должны иметь со стороны партии. И это, несмотря на всяческий контроль, который был фактически безконтрольностью, безответственностью. И, наконец, в том, что наши низшие советские служащие находятся в таком материальном положении: что они совершенно не заинтересованы в тех аппаратах, в которых они служат. Что представляет собою наш состав? В 10% государственных предприятий он унаследован от старого. Он ничем не связан с рабоче-крестьянским государством, наоборот, он скорее связан с бывшим собственником, сам имеет часто психологию частнособственническую и поэтому чужд нам, враждебен тем заданиям, которые даются ему Советской властью. Правда, среди высококвалифицированных работников, знающих работников, есть известный процент преданных товарищей, но этот процент незначительный и этот процент имеется более всего там, где он непосредственно связан с производством. Если вы возьмете инженеров-техников, работающих непосредственно на производстве, то там, где есть рабочая масса, там и больший процент людей, работающих для Советской власти не за страх, а за совесть. Тов. Куйбышев сказал в своем докладе, что поскольку аппараты в производствах нала-

живаются, имеют связь с массой, постольку же торговые и планирующие аппараты отличаются бесхозяйственностью и предательством.

С раздутием штатов мы уже давно ведем борьбу. В 1919 г. у нас было больше чиновников, чем в 1922 г. Казалось бы, налицо достижение. Но не нужно забывать, что в 1922 г. у нас имелась новая экономическая политика, которая разгрузила нас от целого ряда функций. Мы в 1922 г. не снабжали население хлебом по карточкам, целый ряд функций отпал, и то уменьшение, которое произошло, оно не свидетельствует о том, что аппарат улучшился, упорядочился в своей внутренней работе. Ничего подобного. Мы убедились в этом на целом ряде случаев. Мы видели, что это сокращение штатов часто было простым очковтиранием. Я знаю целый ряд случаев, когда аппарат хвастает, что он сократился на тысячу человек, а в самом деле оказывается, что эти 1000 человек спрятаны на хозрасчете...

Затем возьмите, товарищи, наших специалистов. Разве они работают как специалисты? Проверьте наши канцелярии, сколько там имеется специалистов? Там сплошной бюрократизм, наши аппараты сделались самоцелью для кормления тех, кто не желает работать непосредственно физическим трудом. Наш аппарат сохранил все черты старого аппарата. Бывший частновладельческий аппарат стал теперь государственным аппаратом. Когда служащие были в частновладельческом аппарате, то они не заботились о калькуляции, себестоимости, о полной нагрузке предприятия, об экономии в сырье, в топливе, инструментах, они блюли свои интересы, интересы своего обогащения. Когда эти аппараты перешли в руки Советского государства, то в общем масса этих служащих переменила свою психологию? Нет, мы ее психологию не завоевали,— те же самые цели, которые они ставили себе при частновладельческом аппарате, они ставят и сейчас. Главное и основное у них — личное обогащение. И нэп, который дает возможность накопления, создает и для них условия этого обогащения. И мы видим неслыханное разграбление того достояния, которое пролетариат завоевал такой дорогой ценой. Точно так же, как империализм, не будучи в состоянии сломить рабоче-крестьянскую власть, посылал нам белых генералов, чтобы разрушать наше народное хозяйство, ту базу, на ко-

27 Ф. Э. Дзержинский, т. 1

торой мы могли развить колоссальнейшую силу,— об этом писал Владимир Ильич,— точно так же этот враг у нас, внутри наших аппаратов, уничтожает наше государственное имущество, разбазаривает его, чтобы взорвать нас изнутри.

Это надо помнить, враг жив, он существует. Но как с этим врагом вести борьбу, как эту стихию, мелкобуржуазную, собственническую, как эту волю сломить нашей волей, волей пролетариата и крестьянства? Ясно, что найти сразу рецепт, сказать, что надо построить то-то и то-то и думать, что этим задача разрешена,— неправильно. Это был бы неверный подход, потому что эта борьба должна быть рассчитана на целый ряд долгих лет работы и тяжелого труда. Мы должны воспитывать молодежь, мы должны сами учиться, приобретать опыт и знания. Задача, стоящая сейчас перед нами, не менее тяжелая и важная, чем борьба с Деникиным и Колчаком.

Владимир Ильич сделал самое главное,— он формулировал задачу, поставил ее перед всею партией и пролетариатом и сказал: наша программа, наша тактика, наше стремление — осуществить союз рабочих и крестьян, союз равноправия со всеми бывшими угнетенными национальностями; но вот есть аппарат, который мешает нам осуществлению всех этих задач, мешает быстро провести то, что мы наметили. Давайте же скорее бороться, чтобы исправить этот аппарат, чтобы он стал дешевым, понятным для населения, чтобы он осуществлял те задачи, которые диктует союз рабочих и крестьян.

Вы слышали, т. Троцкий развивал здесь свои планы, но все эти планы будут превращаться в ничто до тех пор, пока хозяйственники не овладеют аппаратом. А как мы можем овладеть аппаратом без партии? И сколько раз мы обращались, как хозяйственники, к партии с упреком, с упреком не потому, что она контролирует, а потому, что она недостаточно контролирует, недостаточно вмешивается, потому что она не дает той помощи, которая единственно может быть реальна и существенна.

Но, товарищи, партия для того, чтобы дать руководство, не может дать его бесформенно. Если ЦК займется этим вопросом, то он должен будет иметь реальный орган, т. е. он должен будет иметь именно то, против чего протестует т. Красин, он должен будет иметь ЦКК и РКИ.

И последний вопрос, товарищи: какие же должны быть РКИ и ЦКК? Мне кажется, этот вопрос слишком детализировать не следует, потому что все еще впереди. Тот опыт и практика, которые были до сих пор в смысле контроля и организации РКИ, говорят нам одно: не организуйте так контроль и помощь, как это было в старом РКИ. Вот чему научил нас опыт РКИ. РКИ походил на весь остальной аппарат — такой же бюрократизм, такой же формализм.

Какой же должен быть РКИ? РКИ не должен гнаться за каждым рублем, за каждой копеейкой, ибо в этой погоне он теряет все. Он должен работать над изучением недостатков и дефектов нашей системы, разрабатывать вопросы и изыскивать в реальной жизни те силы и те методы, которые могут возродить наше хозяйство. Спросите у РКИ: какие груды бумаг о всевозможных дефектах наших аппаратов у него имеются? А какая от этого польза? Главная задача не гнаться за копеейкой, за рублем или за преступником, а изыскивать причины, почему у нас столько преступников и преступлений, заняться подбором людей, наметить командные высоты, наметить так называемый унтер-офицерский состав, заполнить высоты своими людьми... Вот работа РКИ. Она должна помогать вводить научную организацию труда, а эта научная организация труда будет означать удешевление и советизацию нашего аппарата.

Товарищи, только тогда работа РКИ и ЦКК достигнет результатов, если РКИ и ЦКК будут работать в полном контакте с соответственными руководителями данного хозяйственного органа. Если я не хочу, чтобы у меня в Наркомпути было хорошо, то никакая организация не может улучшить моего аппарата. Следовательно, мне придется найти людей, которые могли бы руководить этой работой, которые будут понимать задачи настоящего момента. Прав совершенно т. Красин в той части, когда он говорит, что только в процессе самого производства можно исправлять это производство, и, следовательно, здесь должен быть контакт, согласование, вся ответственность за данный аппарат должна полностью лежать на том, кто стоит во главе этого.

Вопрос о том, какие должны быть взаимоотношения между РКИ и ЦКК, мне кажется, довольно ясен. ЦКК, как

таковая, непосредственно в административные дела, в распорядительные функции госаппарата не вторгается, и те товарищи из ЦКК, которые командируются для работы над государственным аппаратом, они действуют по улучшению государственного аппарата, именно как сотрудники, как уполномоченные РКИ, т. е. советского аппарата, ибо смешения в жизни непосредственно советского и партийного аппаратов надо избегать, потому что неизвестно, кто за что отвечает. Надо выполнять партийные резолюции XI съезда, но общее руководство и наблюдение остаются за партией.

Но каким образом организуется новый РКИ? Те товарищи, которые думают, что можно, реорганизовав старый РКИ, пустить его на новые рельсы, жестоко ошибаются; *старый РКИ необходимо оставить в стороне, он должен, ликвидировав свои текущие дела, упраздниться.* А новый РКИ и ЦКК должны заново, совершенно заново организоваться. Только тогда старый дух не испортит того нового, что мы сейчас затеваем. (Аплодисменты.)

Надо придерживаться строго директив т. Ленина: «Лучше меньше, да лучше». Тут не надо строить планов, какая часть, какой отдел, какое управление останется, а надо подходить к вопросу заново, подбирая, прежде всего, людей. В зависимости от того, какой живой человеческий материал будет подыскан, как он будет овладевать своими задачами,— в зависимости от этого только пойдет или не пойдет дело. «Лучше меньше, да лучше».

Что касается местных органов, то, безусловно, старые методы и характер работы не годятся никуда, так же, как в центре, они ничего не дают и на местах.

Дальше нам необходимо также *величайшее сокращение штатов.* Но что касается взаимоотношений между губернскими РКК и РКИ, их слияния воедино, то я думаю, что сейчас еще не пришло время, чтобы на местах это провести. Необходимо нам, в центре, накопить хотя бы маленький опыт для того, чтобы на ближайшей конференции, через полгода, уже избрать соответствующие, приуроченные для этой цели пути и методы общей повсеместной реорганизации.

ТЕЗИСЫ О ЗНАЧЕНИИ И ЗАДАЧАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В СТРАНЕ

Июнь 1923 г.

Вот наша программа.

Наш железнодорожный транспорт — это единый организм, который жить может и развиваться, если каждый его орган, т. е. каждая дорога, каждая хозяйственная единица будет сознательно выполнять свою задачу и понимать, что истощение в другом органе погубит и его. Это значит: руководители и исполнители на данной дороге должны сознавать, что они государственные деятели — воины и представители пролетарского государства.

Этот организм должен во что бы то ни стало стать бездефицитным, т. е. перестать быть кровососом и быть только кровеносным органом. Для этого: повышение грузооборота, уничтожение холостого и бесполезного хода, заполнение рабочего времени полностью полезной работой, рациональное использование паровозного и вагонного парков, рациональное, бережное топливное хозяйство, сокращение накладных расходов, борьба за понижение себестоимости пудо-версты, борьба за бережное отношение к транспорту других ведомств, борьба за понижение цены топлива, металла и др., беспощадная борьба с расхлябанностью, хищениями и неряшливостью. Наблюдение за тем, чтобы все элементы, определяющие состояние транспорта, все лучше питались, т. е. поднятие заработной платы как самое важное условие поднятия производительности труда и самого транспорта и увеличение и улучшение материального снабжения.

**ПРИВЕТСТВИЕ
ОДЕССКИМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ МАСТЕРСКИМ
В СВЯЗИ С 60-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ**

19 августа 1923 г.

В торжественный день 60-летия Одесских железнодорожных мастерских шлю горячий привет всем труженикам первоклассной кузницы возрождаемого транспорта.

Из маленьких мастерских, построенных в начале шестидесятих годов, переходя от частных капиталистических обществ к помещичье-буржуазному государству, получился и оформился железокаменный остов могучей фабрики с многочисленными цехами и многотысячной армией рабочих, где строились и чинились тысячи старых и новых вагонов и сотни паровозов.

Революция, гражданская война, оккупация Украины и наглое вторжение в наши отечественные воды союзнического флота — все это в совокупности срывало, терроризировало и не давало возможности наладить работу Одесского железнодорожного узла и мастерских. Но, выйдя победительницей из всех испытаний, одолев вражескую оккупацию, голод и разруху, Советская власть при полной поддержке трудящихся начала медленно и упорно восстанавливать разрушенное и расшатанное хозяйство.

И сегодня на не менее тяжелых хозяйственных фронтах мы идем, как на фронтах гражданской войны, от одной победы к другой.

Этим победам, этому росту нашей хозяйственной мощи и оживлению нерва хозяйственного организма страны — транспорта, мы обязаны всем трудящимся, охваченным одним порывом скорейшей победы на хозяйственных фронтах.

К этой конечной победе приближает нас ваш сегодняшний юбилей, свидетельствующий о воскресении того производственного гиганта, работа которого непосредственно связана с восстановлением транспорта и тесно соприкасается с общим восстановлением нашего народного хозяйства.

Еще раз поздравляю от всей души.

Ф. Дзержинский

*«Вестник путей сообщения» № 35,
1 сентября 1923 г.*

Печатается по тексту журнала

ОДНА ИЗ ЗАДАЧ «ГУДКА»

В периоды тягчайшей разрухи, когда вопрос о восстановлении транспорта, находившегося под угрозой паралича, стоял в центре внимания трудящихся республики, появился и вырос «Гудок». За это время «Гудок» провел не одну кампанию по борьбе с расхлябанностью и упадком, за поднятие производительности.

И голос «Гудка» сыграл немалую роль в деле возрождения нашего, советского транспорта.

Теперь, в день выпуска тысячного номера «Гудка», наш транспорт окреп и вырос во много раз по сравнению с тем моментом, когда появился «Гудок», но, как и прежде, на долю «Гудка» падает большая задача — *борьба с бесхозяйственностью, борьба за поднятие доходности транспорта.*

Тяжелым бременем продолжает лежать наш транспорт на бюджете рабоче-крестьянского государства, получая значительные денежные подкрепления из государственных средств. Источник этих подкреплений — налог на крестьянство.

И борьба за поднятие доходности транспорта, за бездефицитность его является поэтому *борьбой за уменьшение налога на разоренное крестьянское хозяйство, а следовательно за укрепление смычки рабочего класса с крестьянством,* — смычки, крепость которой определит судьбы мировой революции, а следовательно и нашей республики.

Эту задачу постоянной и упорной борьбы за уменьшение накладных расходов, за экономию везде и во всем,

за улучшение всех элементов транспортного хозяйства должен поставить себе в настоящее время «Гудок». Эту задачу «Гудок» может выполнить не только постоянным сосредоточением всего внимания на отдельных мелочах транспортного быта, но и более глубоким анализом отдельных элементов транспортного хозяйства.

Сосредоточением всего внимания на задаче укрепления финансовой мощи транспорта, через укрепление транспортного бюджета в целом, мы придем к укреплению и улучшению бюджета рабоче-крестьянского государства и его тружеников.

Ф. Дзержинский

«Гудок» № 1000, 16 сентября
1923 г.

Печатается по тексту газеты

ПОЛИТБЮРО ЦК РКП (б)

Состояние топливного хозяйства внушает огромные опасения. Докладные записки, меморандумы Смилги¹⁷⁶ и выступления руководителей промышленности на V съезде профсоюзов почти единственной и центральной причиной кризиса выдвигали недостаточное, несвоевременное финансирование НКФинком топливной промышленности, что вытекало из неправильной политики НКФина. Вместе с тем ГУТом¹⁷⁷ была поднята кампания в прессе против главного потребителя, не находящегося в рамках ВСНХ, — НКПС, за то, что он не платит и что НКФин не отпускает на эти платежи средств. Далее была поднята кампания, увенчавшаяся успехом, за поднятие цен на все виды топлива для государственных потребителей, получающих [его] в плановом порядке.

Не отрицая тяжелого финансового состояния топливной промышленности и необходимости прийти в этом отношении со стороны государства на помощь ГУТу, я полагаю, что тут необходимы более глубокие и коренные меры дополнительно, что в результате такого одностороннего разрешения текущего кризиса получится следующий кризис, еще более глубокий, который потрясет все наше народное хозяйство.

Необходимо пересмотреть все основания нэпа, как они проводятся в настоящее время в топливной промышленности. Ни государство, ни заинтересованные государственные потребители не имеют никакой возможности дать оценку этому хозяйству — нет с ними никакой увязки в повседневной рабочей жизни, во всех ее изгибах и разно-

образиях. Цены не являются, как раньше, критерием для оценки, так как они определяются Госпланом и в других кабинетах, по выражению т. Чубарова¹⁷⁸, «на кофейной гуще». Рынка же по отношению к углю и нефти у нас нет, так как цены на рынке — это при недостатке и монопольности и плановом снабжении результат махинаций разных воров и взяточников. Определить же себестоимость можно, только исходя из того, что ГУТ требует. При таких условиях нет предпосылок никаких для государства и в области финансирования, поэтому при такой постановке НКФин не может вести правильной политики.

Корень зла в том, что дело это целиком передано ведомству и нет никакой увязки в процессе работы с другими заинтересованными, что дело это чудовищно централизовано.

Поэтому я как заинтересованный в топливной промышленности более всех, ибо от разрешения этого вопроса зависит существование транспорта (который потребляет до 50% всего добываемого топлива), прошу ЦК рассмотреть вопрос этот во всем объеме. Я считаю, что транспорт стал выправляться понемногу только потому, что он работает при участии и надзоре всех ведомств через наши правления, через тарифный комитет, через финансово-контрольный комитет. Точно так же и топливная промышленность может стать на ноги исключительно при привлечении других ведомств, тех, которые заинтересованы.

Мое предложение — избрать цекистско-советскую комиссию.

Дать ей задания:

1. Найти организационные формы увязки топливной промышленности с главнейшими государственными потребителями в центре и на местах.

2. Рассмотреть структуру организации ГУТа и устранить посредничество между производителями и потребителями.

3. Изучить все районы топливные на местах не путем кабинетным, а путем посылки на места полномочных подкомиссий. Районировать топливную промышленность, предоставив районам больше прав и возложив больше ответственности на ЭКОСО данных районов за работу в этой области.

4. Выработать методы и наметить элементы для определения себестоимости и цен, втянуть в эту работу, как длительную и постоянную, места.

5. Дать оценку ведения хозяйства и наметить конкретный план концентрации.

6. Наметить схему отчетности работы всех топливных районов, как производственной, так и финансовой.

7. Пересмотреть план и нормы потребления топлива в республике, в первую очередь на транспорте (борьба с пережогами).

Ф. Дзержинский

28/IX-1923 г.

В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП (б)

К заседанию 3.Х. 1923 г.

В параграфе 19 повестки заседания Политбюро поставлен т. Молотовым вопрос о моем отпуске. Считаю, что давать мне сейчас отпуск вредно для дела и для меня лично по следующим соображениям.

По линии ОГПУ: в связи с внутренним и международным положением, а также с сокращением нашей сметы ОГПУ будет переживать сейчас очень трудное время и вместе с тем политическое значение его работ и его ответственность неимоверно возрастут. Необходимо мое присутствие как для обеспечения полной связи с ЦК, так и для самой работы ОГПУ и для наиболее безболезненного сжатия его аппаратов, что по моей инициативе ныне проводится (уничтожение штабов войск ГПУ, отсечение и уничтожение хозяйственных предприятий, которыми мы за мирное время обросли).

По линии НКПС: здесь мое присутствие сугубо необходимо. Смету нам урезают так, что из доходов от выручки железных дорог желают, чтобы мы содержали паровозостроительные заводы заказами, нам совершенно ненужными; чтобы на эти же доходы содержали шоссе, водопути, производили восстановительные работы, не забывали также о портах и выполнили программу по увеличению заработной платы. Вместе с тем международные наши обязательства требуют, чтобы транспорт работал без перебоев, в полной готовности выполнить требования экспорта и мобилизации.

Такая ситуация требует от коллегии НКПС неимоверного напряжения тем более, что за последние почти три года партия не подкрепляла транспорт партийными

силами. Настроение рабочих в связи с уровнем зарплаты известно. Настроение наших аппаратов, в которых коммунистов почти что нет, таково, что нам их нужно тащить на буксире. Пример: наши аппараты подсчитали, что нам в 1923/24 г. необходима дотация от государства в 500 млн. червонных рублей. Наши аппараты, безусловно, ведут линию против нас, на срыв всей нашей работы.

В такой критический момент покидать мне Москву и работу было бы преступно.

По линии партийной — в связи с неликвидированным еще вопросом о «Рабочей группе» уезжать мне тоже не следует, ибо могу понадобиться.

Точно так же и по вопросам «ножниц»¹⁷⁹, сжатия аппаратов — я мог бы быть полезным.

Все эти вопросы в связи с международной ситуацией требуют величайшего темпа и напряжения всех партийных сил. Уходить в отпуск мне сейчас и психологически было бы очень трудно — и отпуск не дал бы мне того, что требуется от отпуска — тем более, что здоровье мое требует не отпуска, а некоторого сокращения часов ежедневной работы, на что и испрашиваю согласия.

Ввиду этого прошу снять с обсуждения вопрос о моем отпуске.

Ф. Дзержинский

2/X-1923г.

Впервые напечатано в книге:
Ф. Э. Дзержинский. «Избранные произведения», т. I. М., 1957

Печатается по рукописи, хранящейся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

В СОВЕТ ТРУДА И ОБОРОНЫ СССР

*Докладная записка по вопросу о металлопромышленности*¹⁸⁰

В то время как вся страна с напряжением работает по сжатию «ножниц» и восстановлению нарушенного равновесия между сельским хозяйством и промышленностью, в то же самое время ведется успешная кампания за повышение цен на минеральное топливо и металл. И так как цены на топливо и металл являются самыми основными элементами себестоимости фабрикатов и железнодорожных тарифов, то повышение их в настоящее время неизбежно ведет к вздорожанию жизни и значительному замедлению роста всего народного хозяйства. Поэтому вопрос о ценах на топливо и металл необходимо поставить во всем его объеме как первоочередной вопрос нашего хозяйства.

Огромная дефицитность в прошлом операционном году наших железных дорог (около 75 млн. товарных госплановских рублей) при низкой зарплате, при перевозочных тарифах, только к концу года достигших в общем довоенного уровня с превышением для грузов в среднем на 5%, при неимоверном сжатии всяких новых и восстановительных работ, а также и материального снабжения в значительной мере объясняется переплатами за минеральное топливо и металл.

Уголь

В 1922/23 г.	Добыто нетто млн. пуд.	Получ. ж. д.	Проц.
В Донбассе (без комбинатов)	312,4	158,1	51
» Подм. бассейне	38,7	11,6	30
На Урале (без комбин.)	46,7	28,2	60
В Сибири	70,4	48,6	69
<hr/>			
<i>Итого</i>	468,2	246,5	53

За этот уголь, по сравнению с ценами 1913 г., железными дорогами переплачено 17,68 млн. червонных рублей.

По плану на 1923/24 г. предположена потребность железных дорог в топливе (исключая выдачу топлива рабочим и служащим):

Дров	874,5 тыс. куб. саж.
Угля	281 948,8 » пуд.
Нефти	83 235,6 » »
Торфа	2 000,0 » »

всего в дровяном эквиваленте 42 32,1 тыс. куб. сажень на сумму 101 861,5 тыс. червонных рублей, считая дрова по сметным ценам НКПС франко-линия, а уголь, нефть и торф по ныне утвержденным плановым ценам франко-вагон (цистерна) место добычи.

Сравнивая стоимость топлива по плану 1923/24 г. по указанным ценам с ценами довоенными, мы имеем, при удержании почти на довоенном уровне дров и нефти, вздорожание угля в 222%. В результате на те деньги, которые мы платим в 1923/24 г. за топливо, мы могли бы иметь топливо по ценам 1913 г. 7 062,2 тыс. куб. сажень, или на 67 % больше, причем угля 626 541,7 тыс. пудов против нынешних 281 948,8 тыс. пудов. Стоимость же плана по ценам 1913 г. составила бы 67 905,2 тыс. руб. против нынешних 101 861,5 тыс. червонных рублей.

Переплата за все минеральное топливо в 1923/24 г. по сравнению с 1913 г., главным образом из-за вздорожания угля и нефти, выразится в сумме 35,61 млн. червонных рублей, а за один уголь — 29,39 млн. червонных рублей.

По металлу за наши заказы 1922/23 г., по предварительным подсчетам председателя хозяйственной секции Трансплана т. Грищечко-Климова (он же и член Промплана ВСНХ), мы должны были переплатить не менее 70% общего расхода на эти заказы по сравнению с ценами 1913 г., а так как мы уплатили фактически Главметаллу в 1922/23 г. по централизованным заказам и на паровозо- и вагоностроение и ремонт 36,5—42,7 млн. руб., то переплата по этим заказам (без децентрализованных) должна была равняться от 25 до 28 млн. руб.

По подсчетам хозяйственно-материального отдела НКПС, исходящим из сравнения цен 1913 г. и уплаченных нами за фактически принятую продукцию, мы переплатили:

По централизованным заказам	11 120 884 руб.
» децентрализованным	4 300 000 »
» паровозо- и вагоностроению и ремонту	5 128 445 »
<hr/>	
<i>Всего</i>	<i>20 549 329 руб.</i>

По заказам Главметаллу на 1923/24 г., исходя из нашей (НКПС) программы общего заказа на металл и паровозо- и вагоностроение на сумму в 89 млн. руб., мы должны были бы переплатить, по ценам 1922/23 г., до 28 млн. руб.

Такому повышению цен на топливо и металл надо положить предел, ибо оно ведет все народное хозяйство, в том числе и топливную и металлопромышленность, в безысходный тупик.

Вот что пишет Главметалл в своих тезисах по докладу на VI съезде союза металлистов в июне этого года: «Одно сельскохозяйственное машиностроение стоит перед опасностью отсутствия сбыта, что подрезает начавшуюся правильную работу заводов».

«С одной стороны, бедная безынвентарная Россия, с другой — заводы со складами, заваленными изделиями».

Этот тезис неожиданно заканчивается: «Эта жестокая ненормальность есть следствие промежуточного организма — НКЗема, ставшего между заводами и потребителями к чуждого тому и другому».

Этот замечательный тезис написан в июне с. г., а 25 октября Промплан ВСНХ признал программу по сельскохозяйственному машиностроению необеспеченной в отношении сбыта и постановил вернуть ее в Главметалл для переработки в сторону сокращения с 26 млн. руб. до 14—15 млн.

Дороговизна вызывает «кризис сбыта» при огромной нужде страны в этих изделиях.

Вот данные по сельскохозяйственному машиностроению:

	1913 г.	1922/23 по ценам 1913 г.	Проц.
Произведено в России на	60 508000 руб.	10 649 482 руб.	18
Ввоз	48 678000 руб.	—	—
<hr/>			
<i>Всего</i>	<i>109 186 000 руб.</i>		

Но из продукции 1922/23 г. в 10 649 482 руб., по данным инженера Н. Федотова (см. прил. к «Экономической жизни» от 3/XI—23 г.), сельскому хозяйству поступило не более 25%, остальной же инвентарь остался на складах без сбыта. Это означает, что сбыт выразился в 2—7 млн. руб. (по ценам 1913 г.), т. е. 2,4% всего потребления России в 1913 г. Инженер Федотов сообщает: «в июне с. г. на складах заводов, объединяемых синдикатом Сельмаш, оставались непроданными около 100 000 плугов, 10 000 борон, 4 000 сеялок, 350 000 кос, 4 500 уборочных машин и пр.»

Из этих данных видно, что «кризис сбыта» коснулся не только сельскохозяйственных машин, но даже самых простых средств сельскохозяйственного производства: как кос, борон, плугов, т. е. наше крестьянское хозяйство лишено фактически самого необходимого и того, что должно быть общедоступно.

И все это лежит мертвым капиталом, ржавеет и ломается в переполненных складах, где инвентарь сложен в 6 ярусов.

Владимиров в своих тезисах по вопросу о сбыте сельскохозяйственных машин сообщает: «К началу 1923/24 г. на складах заводов и организаций, сбывающих сельскохозяйственные машины, таковые имелись на сумму в размере 16—18 млн. руб., между тем как производственная программа 1923/24 г. намечается в размере около 14 млн. руб. и фактический сбыт в 1923/24 г., т. е. сбыт крестьянству, может быть определен около 6—7 млн. руб. (эта цифра максимальна)».

В июне руководители металлопромышленности говорили, что кризис только в «одном» сельскохозяйственном машиностроении.

Сейчас же им пришлось заговорить и о кризисе транспортных заказов, мобилизовать все свои силы на «борьбу» с этим кризисом, оставаясь пассивными

к борьбе с кризисом сбыта средств сельскохозяйственного производства и машин. Транспорт, переведенный с октября этого года на бездефицитную эксплуатацию, не может выдержать таких цен на металл, которые совершенно переворачивают смету, и принужден сокращать свое потребление до возможных пределов (см. по этому вопросу в приложении мой доклад в Госплане 17/XI и приложенные таблицы с анализом сметы транспорта). Увеличение этого потребления объективно возможно только при снижении цен на металл или при возложении на страну (путем повышения тарифов и увеличения дотации НКПС) новых тяжестей, что повлечет за собой дальнейшее расхождение лезвий «ножниц» и безусловное сокращение перевозок, т. е. сокращение темпа развития всего народного хозяйства. Промплан же не нашел никакого иного выхода, как «признать необходимым обеспечить металлопромышленность госзаказами и государственной дотацией полностью в пределах, намеченных при разработке программы». А эти пределы были следующие: 1-й по времени предел требований заказов НКПС — 145 млн. червонных рублей, 2-й предел — 127 млн. и, наконец, 3-й — 98 млн. рублей; в то время как в прошлом году НКПС фактически выплатил за полученную всю продукцию всего 70—77 млн. червонных рублей. Для иллюстрации, что это составляет для нашей сметы, я приведу здесь сравнительные данные с 1913 г.

	В абс. величинах млн. черв. руб.			На 1 млн. пудо-верст				
				В 1913 г. 5 994 733 млн. п.-в. » 1923/24 г. 2 356 840 » » » т. е. 39,3% от 1913 г.				
	1923/24 г.	Проц. от 1913 г.	1913 г.	Проц.	1923/24 г.	Проц. от 1913 г.	1913 г.	Проц. 1913 г.
Расход на металл и паровозо- и вагоностроение . . .	—	—	—	—	—	—	—	—
Вариант 2-й Главметалла	127	132,3	96	100	54,2	338,8	16	100
Вариант 3-й Главметалла	98	102			37,3	233		

Это значит, нам предлагают в абсолютных величинах расходовать в 1923/24 г. при 39,3% движения от 1913 г. больше средств, чем в 1913 г., на 32,3%, или 2% по двум вариантам; относя же на единицу полезной работы на 238,8%, или на 133% больше, чем в 1913 г. Тогда как вся наша расходная смета по железнодорожному транспорту не может быть выше $\frac{2}{3}$ 1913 г., мы испрашиваем — 611 млн. червонных рублей, в 1913 же году она была 954,8 млн. червонных рублей.

Таким образом, политика нашей металлопромышленности заключается в том, чтобы ограничить сбыт своих изделий населению и навязать их государству, и благодаря именно такой политике металлопромышленность попадает в безысходное противоречие: население не покупает, так как слишком дорого, государство не сможет столько заказать, так как население слишком бедно для того, чтобы дать государству на это средства.

Вот основные данные по металлопромышленности. Продукция металлургии в среднем за месяц в тыс. пудов.

	1913 г.	1920 г.	% к 1913 г.	1921 г.	% к 1913 г.	1922 г.	% к 1913 г.	1-е полугодие 1923 г. к 1913 г.	
Чугун	21 403	586	2,7	596	2,8	964	4,5	1 578	7,4
Мартен	21 606	925	4,3	977	4,5	1 834	8,5	2 999	13,9
Прокат	17 852	998	5,6	900	5	1 327	7,4	2 297	13

То есть ни в одной отрасли промышленности (кроме *рудной* в 1922/23 г. 4,6% от 1913 г.) нет такого низкого процента продукции по сравнению с довоенной, как в металлургии. Из соотношения выплавки чугуна и производства мартеновского и прокатного видно, что металлопромышленность жила и работала больше чем наполовину своей мизерной продукции за счет запасов от старого.

При этой малой в абсолютных величинах продукции она в 1923 г., по сравнению с 1921 г., увеличилась, однако:

По чугуну в 2,6 раза
По мартену » 3 »
По прокату » 2,6 »

На 1922/23 г. было назначено металла транспорту 15 млн. пудов (не считая новых паровозов), военному ведомству — 6 млн. при программе всей годовой продукции (по данным Ефимова из № 1 «Бюллетеня конвенции синдикатов металлопромышленности»):

По чугуну . . . 16 500 000 пуд;
По мартену . . 30 700 000 »
По прокату . . 25 000 000 »

т. е. два основных государственных заказчика должны были поглотить почти всю продукцию металлургии.

А по плану металлопромышленности в 1923/24 г. предвидится отпуск проката:

1) Для надобностей НКПС около 12 000 000 пудов — 48% продукции.

2) Для надобностей: нефтяной, угольной, горной, электрической и лесной промышленности около 7 500 000 пудов — 28%.

3) Для Волховстроя, Каширки, Госстроя, Наркомзема, Ком. хоз. — 2 500 000 пудов, или 9%.

4) Для Центросоюза, Вукоспилки — 3 500 000 пудов — 14%.

5) Для мелких потребителей — 0,5 млн. пудов — 1%.

Нет ничего удивительного поэтому, что переход на «конвенционный» хозрасчет нашей металлопромышленности обозначал объективно закабаление государства «конвенцией».

Я уверен, что многие члены правительства не знали даже о существовании этой конвенции — в такой тиши она родилась и окрепла.

Ныне «конвенция» (сиречь «Продамет» в довоенное время) — это орган, руководящий всей нашей металлопромышленностью, т. е. прежде всего торговой политикой.

Председатель ее инженер Вейцман — всегда и всюду представляет металлопромышленность в Госплане, СТО, СНК и НКФ, на конференциях, съездах и заседаниях союза металлургов как лидер, защищает интересы метал-

лопромышленности в прессе, на собраниях, ведет все крупные дела всех трестов с госзаказчиками.

С «конвенцией» зампред. ВСНХ Богданов предложил мне подписать годовой договор НКПС на заказы, договор, который может обязать государство большими миллионами. Очевидно, ВСНХ передоверил этой конвенции, не известной нашему законодательству, все свои права и обязанности.

Что такое конвенция — лучше всего сообщить словами ее председателя Вейцмана: «Конвенция образовалась для согласования деятельности всех синдикатов металлопромышленности (Юга, Урала и Центра) в видах полного гармоничного овладения рынком. На конвенцию были возложены особые, специфические задачи, как-то: установление цен и условий продажи; установление основных условий по выполнению заказов и производству расчетов. В связи с этим были выдвинуты на первую очередь калькуляционные работы».

«Принимая во внимание, что металлопродукты как на вольном рынке, так и по договорам с госзаказчиками отпускались по крайне невыгодным ценам, далеко отставшим от их восстановительной стоимости, конвенция в первую очередь нашла необходимым в срочном порядке пересмотреть цены в сторону их повышения. В результате работы специально организованной из видных специалистов калькуляционной комиссии при конвенции были приняты в начале апреля продажные цены на основные продукты. Указанные цены необходимо рассматривать только как приближенные»... «Конвенция производила соответственный нажим (на тресты и синдикаты) по усилению калькуляционной работы на местах. В заключение большой работы конвенцией были приняты в июне новые цены».

«В видах достижения восстановительных цен, для учинения по выработанным конвенцией ценам расчетов по децентрализованным (то же и по централизованным) заказам НКПС, конвенцией приняты меры к проведению их через Госплан и калькуляционный отдел ВСНХ. Последним уже целиком приняты цены, утвержденные конвенцией, в отношении же гвоздей конвенционная цена даже повышена на 40 коп. с пуда».

Далее инженер Вейцман говорит о конъюнктуре рынка и перспективах сбыта:

«Принимая во внимание столь ничтожное (от 4 до 5 млн. пудов) количество металлопродуктов, могущих быть выброшенными на рынок (вся остальная продукция забронирована твердо за госзаказчиком) для удовлетворения нашей стомиллионной крестьянской массы, едва ли приходится опасаться заминки в сбыте металла, а скорее, наоборот, надо говорить о грозящем нам металлическом голоде, который в отношении основных металлопродуктов уже дает себя чувствовать».

И дальше:

«По данным Уралмета о реализации продукции на 1/М с. г. видно, что к этому времени осталось свободным к реализации всего 13% годового выпуска, причем эта оставшаяся свободной небольшая часть продукции заключается, главным образом, в ходовом товаро-кровельном и сортовом железе, от продажи коих Уралмет *по возможности воздерживается**, учитывая неизбежный рост цен на эти металлопродукты по мере приближения строительного сезона. В результате создавшегося положения вещей мы наблюдаем любопытную картину. В то время как рынок предъявляет все больший и больший спрос на целый ряд металлопродуктов, операции Уралмета по сбыту металлов за отсутствием свободного к реализации товара все более и более суживаются». «В своих отчетах Уралмет отмечает, что в отношении некоторых продуктов, в особенности чугуна, сортового железа и отчасти тянутой проволоки, создалось крайне критическое положение, которое пра-

* Вот как иллюстрирует М. Фрумкин торговую политику наших синдикатов.

При выписке заграничной белой жести мы встречаемся с жесткой оппозицией Уралмета. Белая жесьть до войны стоила 3 р. 30 к.— 3 р. 50 к. пуд. Заграничную жесьть при высокой пошлине можно продавать с значительной прибылью — по 6 р. 50 к. Наша же жесьть продается по 8—9 руб. пуд. Представитель объединения неоднократно настаивал на продаже ему прибывающей партии в целях устранения конкуренции. Когда ему в этом было отказано, он настаивал на повышении нами цен на заграничную жесьть до уровня синдикатской цены.

Таких примеров не мало и в других отраслях промышленности.

вильнее было бы назвать металлическим голодом». «Сказанное нами относительно Урала в одинаковой степени относится как к Центру, так в особенности к Югу. Заводы Югостали больше чем на половину загружены заказами НКПС,— далее идут крупные заказы от целого ряда госучреждений и предприятий».

«В результате для реализации на вольном рынке остается незначительная часть продукции, которая далеко не соответствует наличному спросу на металл».

Переходя к ценам, инженер Вейцман говорит:

«Только с февраля месяца в этом отношении (цен) наступает (на рынке) резкий перелом, цены на металлы приобретают определенную устойчивость, обнаруживая твердую тенденцию к постепенному своему повышению. Здесь, безусловно, сказалось влияние конвенции синдикатов». «С февраля м-ца мы замечаем перелом в ценах на металлы в сторону их непрерывного повышения, причем с мая, а еще рельефнее с июня м-ца цены вольного рынка начинают уже обгонять цены конвенции. Истощение накопившихся в свое время у кооперации и частных лиц запасов металла, приобретенного ими по очень низким ценам, выяснившаяся с наступлением строительного сезона крайне ограниченная у металлосиндикатов и трестов наличность металла, свободного для реализации на вольном рынке, наконец, более организованное выступление на рынке производителей металла, ставшее возможным благодаря организации их в синдикаты и объединению последних в конвенцию синдикатов,— вот чем вызывается на вольном рынке постепенный рост цен на металлы и их превышение (за последние м-цы) против цен конвенции». «Этот непрекращающийся рост цен на металлы свидетельствует о сложившейся для нашей металлопромышленности благоприятной конъюнктуре».

О роли конвенции дают свидетельство и июньские тезисы Главметалла.

Тезис 44. Организованная в феврале 1923 г. конвенция синдикатов начала борьбу с этой вакханалией цен (т. е. низких цен), что послужило началом оздоровления рынка, и индекс с февраля месяца начинает подниматься и на 1 апреля доходит с 0,79 до 1,06 (майский).

Тезис 45. Этот выравненный индекс еще далек от восстановительного, который колеблется между 1,5 и 2,0, и дальнейшая политика конвенции должна свестись к тому, чтобы не только от государственных потребителей получать индекс 1,7, но довести до этого индекса вольный рынок.

Этот тезис писался в июне, а осенью мечты Главметалла об индексах на вольном рынке сбылись полностью — для торжества «ножниц».

Вот что такое «конвенция», для которой «*конъюнктура благоприятна*». Это не государственный орган удешевления и увеличения массового производства, а орган вздувания цен, пользующийся своим монопольным положением. В буржуазном строе синдикаты искали обычно оптимума (для капитализма) цен, наша конвенция добивается не оптимума (для рабочего государства и его государственного капитализма), а максимума цен. И поэтому политика конвенции имеет своей логикой — в перспективе — гибель рабочего государства. Ибо она не учитывает всей обстановки и положения СССР.

Какая цена всем калькуляциям себестоимости конвенции, калькуляциям в результате «нажима» на тресты и синдикаты? Калькуляцию подгоняют к аппетитам и всяким новомодным «фетишам» вроде «восстановительные цены», «амортизации», проценты на капитал и т. п. Используются все наши искания и указания (плановая система) для того, чтобы привести к прямо противоположным результатам. И всякая, самая невероятная калькуляция определяется как «скромная», «убыточная», «преуменьшенная». А в сущности такая «калькуляция» — это обман, это ставка на нашу бесхозяйственность, это санкция ее, ставка на наше фактическое невежество в этих вопросах. Ведь очевидно для всех, что цен дальше вздуть нельзя, однако мы на ученых заседаниях тратим время для того, чтобы в результате повысить цены.

Для того чтобы изменить это положение, надо открыто сказать о том, что мы имеем в действительности. Это я и пытаюсь сделать в настоящем докладе.

Нашим калькуляциям цена только отрицательная. Что получится, если попробовать применить их к железным дорогам? Надо назначить цены «восстановительные» за

перевозки — в несколько раз выше настоящих, т. е. закрыть наши дороги. Кто может дать нам сотни миллионов рублей дотации к нашей выручке, которые потребовались бы при наших ведомственных калькуляциях? Такое «восстановление» (в смысле восстановительных цен) — в действительности будет обозначать полную гибель хозяйства или ориентировку на «варягов», приход которых будет облегчен «восстановительным» обезоружением государства.

Необходимо дать жесткое задание: понижать себестоимость и цены путем увеличения производительности, улучшения организации производства и труда, резкого сокращения штатов и накладных расходов, энергичной экономии топлива и сырья и решительной концентрации производства.

Мы хозяйничаем расточительно, как никогда и нигде. Все наши калькуляции должны быть направлены в сторону борьбы с этой бесхозяйственностью и расточительностью.

И наша металлопромышленность не является счастливым исключением в этом отношении.

Знакомясь с материалами по металлопромышленности, я не нашел, что Главметалл сделал и делает по борьбе с бесхозяйственностью, какие провел кампании, какую произвел концентрацию и сжатие своих разбухших аппаратов (по подсчетам на управление металлопромышленностью уходит не менее 14 млн. руб. в год, а другие подсчитывают до 20 млн.). Во всех докладах, газетных статьях и выступлениях красноречиво говорится только об успехах в производстве при финансовых затруднениях и что недостает только одного: малы дотации, низки цены.

Инженер С. Е. Перельман в № 248 от 1 ноября с. г. «Торгово-промышленной газеты» в передовой статье пытается доказать, что цена на передельный чугуны по Югу не может быть ниже 1,52 червонных рублей при 50 коп. заводской довоенной стоимости.

Ибо, по его подсчетам, цены на топливо увеличились в три раза, количество потребляемого топлива на единицу продукции — в 1,3 раза, накладные заводские расходы — в четыре раза. Таким образом, общее вздорожание производства составляет в основном около 100% по топливу и

около 60% по цеховым и общезаводским расходам. Кроме того, инженер Перельман берет 2% на налоги и 4% по содержанию треста. Инженер Перельман говорит: «при данной обстановке работы металлургии говорить о каком-либо серьезном понижении приведенной стоимости чугуна не приходится», ибо для борьбы с причинами, вызвавшими вздорожание, необходимы крупные средства, которых нет.

Все эти рассуждения — грубо просты, неправильны и предвзяты. Почему страна найдет средства, чтобы платить за бесхозяйственность лишних 200% (вместо 50 коп.— 1 руб. 52 коп.), а не найдет на борьбу с бесхозяйственностью? Почему «данная обстановка» так неприкосновенна, как и тройные цены на топливо? Ведь это говорится о топливе, добываемом самой Югосталью, которая имеет свои копи. А если это так, то надо поставить вопрос о целесообразной эксплуатации Югосталью шахт, а не капитулировать перед фактом.

В том-то и дело, что, будучи монополистом, легче и выгоднее, пользуясь металлическим голодом в стране и мобилизацией сил против госзаказчиков, повышать цены, чем снижать расходы, около которых питаются тысячи «устраивающихся».

Как известно, в прошедшем году впервые появился корректив довоенных цен введением особого коэффициента вздорожания от 1,4 до 1,7 и даже в некоторых предметах 2. В перспективном плане металлпромышленности на пятилетие с 1922 по 1927 г. учитывалась ненормальность такого положения, калькуляция составлена так, что этот коэффициент вздорожания, постепенно снижаясь с 1,70, доводился до 1,30 в 1927 г., расчет, приведенный на стр. 13-й настоящей докладной записки.

Однако уже в плане металлпромышленности на этот год Главметалл от своего предположения отказался и оставил следующие непониженные коэффициенты, в частности для Югостали — 1,9, для Урала — 1,9, для Гомзы — 1,7, для Мальцевского округа — 1,6, а в среднем — 1,7.

Однако если принять во внимание, что самые преискурантные цены, легшие в основу так называемых довоенных цен, уже сами по себе содержат надбавку около 25% против действительно оптовых цен, то вышеуказанные коэффициенты в действительности гораздо больше,

а именно — $1,9 \times 1,25 = 2,38$, или дороже на 138%, а в среднем $1,7 \times 1,25 = 2,13$, или на 113% больше.

В буржуазном строе для фабрикантов был бич конкуренция и перспектива банкротства. Сейчас конкуренции нет, нет и опасения банкротства, ибо прогореть тут может только само государство.

Мы слышали и слышим постоянно о борьбе с пережогами на транспорте. Пережоги же у металлопромышленности остаются в тени. Инженер Перельман в своих подсчетах стоимости чугуна на Юге принимает перерасход топлива по сравнению с довоенным временем 33%. Если это верно, то приходится сказать, что это сравнительно небольшой перерасход. Однако этого нельзя сказать о всей металлургии. Инженер Вейцман в своем докладе к VI Всероссийскому съезду металлистов указывает, что топливом металлургия для осуществления своей производственной программы на 1922/23 г. может считать себя обеспеченной и приводит цифры потребности в топливе.

Кокса, антрацита и камен. угля в переводе на кам. уголь66 610 000 пуд.
Древ. угля и дров в переводе на дрова641 000 куб. саж.
Торфа11 411 000 пуд.
Нефти12 186 000 »
Или в переводе на каменный уголь <i>всего</i>155 616 414 »

Производственная же программа по сравнению с довоенным производством, по данным инженера Вейцмана, составляла 6,4% по выплавке чугуна и до 12,8% по выпуску мартена и проката.

По этим нормам в 1913 г. металлургия должна была бы сжечь, таким образом, приблизительно в 10 раз больше, т. е.:

Угля666 100 000 пуд.
Дров6 410 000 куб. саж.
Торфа114	110 000 пуд.
Нефти121 860 000 »
Или в переводе на каменный уголь <i>всего</i>1 556 164 140 пуд.

Между тем все потребление топлива *всей* промышленностью в 1913 г. равнялось всего только 2434 млн. пудов

(в каменноугольном эквиваленте) (В. И. Фролов. Добыча и потребление топлива в России). По данным профессора Рамзина расход топлива (в единицах условного топлива — 7000 калор.) по всей металлургии за 1916 г. при выплавке 231,8 млн. чугуна, 260,9 мартена и 205,9 проката равнялся 625 млн. пудов.

Из сопоставления этих цифр очевидно, что металлургия ныне сжигает топлива на единицу продукции не на 33%, а гораздо больше, а именно: в 1916 г. на единицу продукции металлургия расходовала 0,895 пуда, а по плану 1922/23 г.— 2,16 пуда, т. е. на пуд производства в 1922/23 г. предполагается истратить по «плану» 241% от расхода 1913 г.

Вот один из источников средств для нашей металлпромышленности.

Много было разговоров о концентрации, но что в этой области сделано, что намечено — неизвестно. Это ведомственная тайна. Однако если бы она была проведена планомерно — не требовалось бы сейчас вздувать цены.

Вот другой источник средств.

Что касается раздутия штатов, то вот что об этом говорит в своем докладе Вейцман:

«По имеющимся сведениям можно считать, что в довоенное время в среднем на каждые 100 производственных рабочих приходилось 60 вспомогательных рабочих и около 20 служащих. В декабре 1922 г. мы имеем следующую картину: на 100 производственных рабочих приходится 100 вспомогательных рабочих и 40 служащих. Таким образом, число вспомогательных рабочих возросло на 67%, а число служащих на 100%, весь же комплект живых сил возрос с 180 до 240 человек, т. е. на 33%».

К сожалению, Вейцман, организовавший конвенцию для овладения рынком и поднятия цен, не говорит, что за этот год сделано по уменьшению этих раздувшихся штатов, и не дал нам самых основных цифр: сколько расходуется живой силы (по заводам, по трестам и по всей «конвенции») на единицу продукции теперь и в довоенное время, т. е. что стране давал «весь комплект живых сил» в 180 человек в 1913 г. и 240 человек ныне? Об этом Вейцман умалчивает.

Вот третий источник средств. И таких источников у нас, к великому нашему несчастью, не перебрать.

Между тем Главметалл всю свою энергию обратил в сторону поднятия цен, принудительности заказов (по отношению к НКПС), пошел по пути получения дотаций. Вот пятилетняя программа Главметалла по части получения дотации от государства:

В млн. золотых рублей

Статьи расходы	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	Итого
Покрытие убытка	7,6	6	3,6	—	—	17,20
Полношение оборот. средств	47,36	13,76	17,28	18,62	23,57	120,49
Расход на восстановление рем. действ. части метал- лур.	5,88	8,82	13,23	19,84	29,76	77,53
Расход на обновление действ. части обор.	3,00	4,50	6,75	10,62	16,00	40,87
Расход на сод. конс. пред- приятий	1,45	1,45	1,45	1,45	1,45	7,25
Расход на содерж. без- действ. предприятий	2,90	4,35	6,52	9,78	14,67	38,22
Всего	68,19	38,88	48,73	60,31	55,45	301,56

Для обоснования такой календарной пятилетней программы Главметалл совместно с Вейцманом говорят:

Тезис 34. «Металлическая промышленность за последние пять лет уменьшила свой оборотный капитал больше чем на 500 млн. Это получилось благодаря плановому (у нас все по плану! — Ф. Д.) хозяйству, когда нужда гражданской и внешней войны и связанного с ними транспорта выкачивала из тяжелой индустрии все средства, почти не давая ничего взамен.

Тяжелая индустрия кредитовала государство, и это дает ей право (Вейцман добавляет «моральное») в тяжелую годину требовать от государства возврата оборотного капитала, в свое время изъятого из металлической промышленности».

Разве эта тирада не есть реставрация языка собственника, противопоставляющего себя государству и преследу-

ющего свой собственный замкнутый интерес? Металлопромышленность кредитовала государство на нужды гражданской и внешней войны и связанного с ними транспорта — и то не добровольно, а путем «выкачиваний» и «изъятий», — а теперь, когда война миновала, — деньги подай.

Такой политике в Советском государстве надо положить конец.

Такие аргументы и такой подход — это аргументы и подход чужого лагеря.

В заключение предлагаю следующие мероприятия:

1. Закрепить условие успешности борьбы с «ножницами» путем запрещения повышать цены на минеральное топливо и металл даже в случае более высокой себестоимости и невозможности амортизации основного и оборотного капитала. Все внимание обратить на поднятие производительности заводов, сокращение расходов, как накладных, так и производственных и торговых, загрузку заводов и жесткую экономию в сырье, топливе, личном составе.

Главной задачей металлопромышленность должна поставить себе удовлетворение потребностей широкого населения, исходя из его малой платежеспособности. Применительно к этой основной задаче должна быть составлена производственная программа металлопромышленности.

Вместе с тем должен быть разработан календарный план доведения себестоимости до норм себестоимости 1913 г.

2. Упразднить конвенцию синдикатов металлопромышленности и сами синдикаты, оставив только тресты, не допуская монопольных объединений с целью взвинчивания цен.

3. Внутри ВСНХ создать сильный и государственный центр управления и руководства трестами металлопромышленности.

Центр этот должен быть не объединением трестов против государства, чем является конвенция, а органом власти Советского государства в целом.

4. Обязать ВСНХ и его органы (как местные, так и управления трестов и заводов), а также РКИ — ЦКК провести кампанию по борьбе с бесхозяйственностью и дефицитностью в металлической и топливной промышленности в ударном, первоочередном порядке.

Применить в этой борьбе метод т. Ильина по отношению к транспорту, т. е. надо определить в цифровом выражении бесхозяйственность по каждому заводу, тресту, синдикату и конвенции в целом и показать сравнительно с 1913 г. (вовсе не идеальным, но весьма показательным в настоящее время), сколько на единицу продукции (конечно нетто) расходуется не только денежных единиц, но и рабочей силы, служащих, обслуживающих, топлива, сырья, материалов, станков, станов, печей и т. д. Этот метод, поскольку он станет обязательным для всех хозяйственников, как специалистов, так и коммунистов, отучит от бахвальства и комчванства, затруднит очковтирательство, даст калькуляцию нашей бесхозяйственности и заставит учиться и искать новых методов.

5. Пересмотреть принципиально целесообразность политики организации монопольных синдикатов в сторону создания возможности госзаказчикам и населению (рынок) влиять на понижение цен путем введения в организацию пашей промышленности, там, где это возможно, моментов конкуренции и соревнования.

6. Для этой цели те заводы, которые преимущественно работают на транспорт и военное ведомство, должны быть выделены с обеспечением персонально преобладающего участия в управлении ими НКПС и военного ведомства по принадлежности. Это значит — эти две группы заводов должны быть организованы в тресты или самостоятельны, исходя из целесообразности, и в правлениях трестов и заводов должно быть большинство за кандидатами этих ведомств, подчиненных ведомствам на основании декрета 10 апреля.

7. Обязать ВСНХ совместно с НКПС и НКФинком в двухмесячный срок рассмотреть и доложить в СТО мое предложение о практической возможности организации хозяйственных комбинатов с включением руды, металлургии, угольных копей и транспорта с преобладанием интересов транспорта как основного госзаказчика на уголь и металл.

8. Обязать ВСНХ сделать в СТО в двухнедельный (или месячный) срок исчерпывающий письменный доклад о проведении в жизнь концентрации в металлопромышленности, о встретившихся затруднениях и какая про-

грамма намечена на ближайшее будущее по календарным срокам, учитывая при этом и политические моменты.

Дать сведения по каждому из основных заводов.

9. Обязать Госплан совместно с ВСНХ, НКЗ и НКФ представить в двухнедельный срок в СТО план распределения запасов сельскохозяйственных машин на складах Гострестов, не имеющих сбыта из-за высоких цен и отсутствия средств у населения,— по самой удешевленной цене в кредит среди крестьянства тех районов, которые не в состоянии без этой меры приобрести в этом году эти машины (т. е. местности, не оправившиеся еще от голода 1921 г., и Сибирь).

10. Пересмотреть расходную смету НКПС на металлы, постройку и ремонт паровозов и вагонов в сторону решительного уменьшения, с тем чтобы привести в равновесие отдельные части сметы по железнодорожному транспорту, а всю смету привести в соответствие с размерами движения.

11. Все суммы, причитающиеся металлопромышленности по заказам НКПС, уже утвержденным (до 13/XI) СТО, но подлежащим отмене, согласно предыдущего предложения, выплатить металлопромышленности, для того чтобы перестроиться применительно к поставленным ей ныне задачам для организации выработки изделий, в которых ощущается острый недостаток, и тех средств производства, которые могут быть немедленно пущены в работу, с тем, однако, что будут основательно реорганизованы и все управление металлопромышленностью и вся ее торговая и производственная политика в сторону удешевления и увеличения продукции, ориентировки на массового потребителя и введения не на словах, а на деле плановой системы с увязкой со средствами Союза ССР и интересами других отраслей народного хозяйства.

Ф. Дзержинский

20/XI-1923 г.

*«В Совет труда и обороны СССР.
Докладная записка по вопросу
о металлопромышленности
Ф. Э. Дзержинского».* М., «Транс-
печать»

Печатается по тексту книги

ПРОБЛЕМА ПАРОВОЗОСТРОЕНИЯ

(Беседа с наркомпути СССР т. Ф. Э. Дзержинским)

Газетный отчет

— Основной вопрос, который должен быть нами разрешен и от разрешения которого зависит развитие нашего хозяйства,— это вопрос «ножниц», вопрос правильных взаимоотношений между городом и деревней.

Перспективного плана борьбы с расхождением ножниц у нас еще нет. Нельзя базироваться на длительных планах развития различных отраслей нашей хозяйственной жизни. Всякое живое дело в самом себе таит силу, которая развертывает его и направляет его по пути планового развития. Чтобы построить план для транспорта, необходимо именно выявить эту скрытую силу. Построить план не так-то легко; два месяца тому назад мы составили план по сельскохозяйственному машиностроению на 1923/24 г. на 26 млн. руб. Что же от него осталось? Разразился кризис сбыта, и весь план рухнул. Точно так же мы стоим перед кризисом сбыта и в отношении угля.

В своем плане паровозостроения мы не должны ориентироваться на заграничный капитал, и в этом отношении мы вполне согласны с Главметаллом. Но, вместе с тем, мы должны решительно подчеркнуть, что *в вопросе паровозостроения надо исходить из положения производительных сил страны, а не придерживаться точки зрения интереса отдельных заводов.*

Металлургия — наше будущее. Вопрос о положении русской металлургии нужно поставить во всю ширину. Страна должна найти средства (и она их найдет), чтобы организовать нашу металлургическую промышленность и придать ей такой характер, чтобы она производила то, что больше всего нужно в данный момент стране. Почему

бы нам, например, не усилить сельскохозяйственного машиностроения, почему не увеличить тракторостроения, не развить авиапромышленность? Нам кажется, что обнищавшей крестьянской России гораздо целесообразнее пополнить запасы сельскохозяйственных машин, чем получить много лишних паровозов, которые были бы обречены на ржавение в течение ряда лет.

Когда нас упрекают в том, что мы чересчур удлинители срок окончательного восстановления транспорта (12 лет), мы должны возразить, что наши оппоненты совершенно упускают из виду то обстоятельство, что от СССР отошел ряд территорий с чрезвычайно густо развитой железнодорожной сетью, как, например, Польша, Латвия, Эстония. Нам могут возразить, что в довоенное время у нас было 65 тыс. верст железнодорожного пути и что приблизительно то же количество верст осталось и сейчас, но разве можно сравнивать Мурманскую дорогу с Венской? Когда нам преподносят средние цифры, то всегда приходят к неверным выводам.

Приступая к планированию транспорта, мы не должны упускать из виду, что транспорт должен идти всегда несколько впереди остальных отраслей хозяйства. Это положение мы имеем и в действительности. Например, топливный запас южных дорог никогда не был больше потребности на 1—5 дней, теперь мы имеем его на 3 месяца, на других же дорогах на 6, а иногда на 8 месяцев.

Затем, нужно требовать от транспорта, чтобы он стоил нашему государству минимальное количество средств. Нам говорят, что даже при нагрузке 1913 г. мы придем к бездефицитному бюджету. В 1913 г. общий эксплуатационный доход железных дорог равнялся 1175 млн. руб., а расход 695 млн. Таким образом, чистый доход равнялся 480 млн. руб. В этом году мы действительно свели концы с концами и просуществовали без дотаций. И вот не успели мы свести баланс, как, с одной стороны, стали доказывать необходимость понижения наших тарифов, а с другой — стали требовать, чтобы для нас подняли цены на нефть. При таком положении не только трудно, но и почти невозможно сохранить устойчивый бюджет.

Мы не можем полностью использовать имеющихся у нас мощных паровозов, потому что наши мосты слишком

слабы. Нам необходимы не паровозы, а фермы для мостов. Нужно соблюдать известную пропорцию между отдельными частями нашей сметы. Этой пропорции пока нет. Обратимся к языку цифр: в 1913 г. на постройку новых паровозов было израсходовано 30,2 млн. руб., а Главметалл требует сейчас заказов на 44 млн. руб.— диспропорция колоссальная! Главметалл требует, чтобы мы за заказы заплатили ему в текущем году 127 млн. руб., а между тем в 1913 г. было израсходовано всего 96 млн.

Когда нам говорят, что необходимо строить новые паровозы, то, исходя из нашей транспортной точки зрения, с точки зрения восстановления транспорта и борьбы с бесхозяйственностью, необходимо требование Главметалла решительно отвергнуть, Коллегия НКПС единогласно заявляет, что паровозы нам не нужны.

Другой вопрос, это вопрос о металлургии вообще. С. Е. Вейцман уверяет, что конъюнктура для металлургии благоприятная, что стране грозит чуть ли не металлический голод. Это определенно конвенционная политика, политика выжимания заказов. Конечно, нельзя дать захиреть большим заводам, приспособленным к паровозостроению, но напрасно товарищи из Главметалла отмахиваются и доказывают, что нельзя произвести никакого уплотнения, никакой перестройки. Они заставляют нас брать то, что нам не нужно, но Наркомпуть на эту комбинацию никогда не пойдет.

**Н. В. ЛАГУТИНУ¹⁸¹, И. А. ГРУНИНУ¹⁸²,
Г. И. БЛАГОНРАВОВУ**

Тов. Лагутину, копия тт. Грунину и Благонравову

Я очень рад, что вы согласились заняться этой работой по проведению в жизнь изобретений наших рабочих. Это огромная работа. Прошу вас прежде всего заняться изучением постановки у нас этого дела, а затем, согласовав с тт. Груниным, Благонравовым и другими, представить мне план действий и мер.

Мне кажется, что главное — это то, чтобы все действительно изобретатели почувствовали, что они у нас найдут действительную поддержку для их дела против явного и скрытого саботажа наших аппаратов, нашей рутины, самолюбия «признанных» специалистов и засасывающего болота нашей повседневщины.

А с другой стороны, задача наша — наблюдать за тем, чтобы наши УЦД¹⁸³ и вообще коммунисты на линии и на дорогах и профсоюзы не теряли сознания того, что без улучшения техники, без наших изобретений мы с задачей не можем справиться, т. е. вам нужно будет разбудить заинтересованность всеобщую и наблюдать, чтобы она не ослабевала.

У капиталистов изобретения были делом чисто коммерческим, у нас они должны стать проявлением воли пролетариата к победе, к созданию пролетарского транспорта в пролетарском государстве. Это значит — мы не должны вести линию на покупку изобретателей, а на их подвиг пролетарский, для привлечения к этой работе творчества масс и работы мысли рабочего у станка, создавая изобретателю и материальные и общественные условия не его личной корысти, а его изобретениям для пролетар-

ского транспорта. Таким образом, мы, вместе с тем, освободимся от тучи изобретателей в кавычках, ищущих только наживы.

Постановку дела я мыслю себе так:

1. Обеспечить беспристрастие и техническую полную компетентность органа, дающего оценку изобретению.

2. Дать оценку кроме технической — и финансовую, и бытовую.

3. Составить точный план осуществления изобретения — как технический, так и финансовый.

4. Организовать кампанию по данному конкретному изобретению.

5. Наблюдать неослабно за проведением плана, оказывая необходимую поддержку.

Проводить в жизнь надо на дорогах, вменив в обязанность УЦД руководить этим делом и оказать всякую поддержку.

Надо будет составить вначале общее циркулярное письмо ко всем УЦД и Н¹⁸⁴ по этому вопросу, разъяснив все революционное его значение и описав все неслыханные мытарства наших героев рабочих-изобретателей.

Надо будет вначале сосредоточить внимание на нескольких дорогах, посылая туда изобретателей и подбирая комсостав постепенно так, чтобы быть уверенным, что изобретатели найдут там искреннюю поддержку.

Я очень рад, что вы беретесь за это дело. Это дело борьбы с нашей рутинной и за призыв к коллективному творчеству.

Не создавайте только для этой вашей работы аппарата — дело погибнет.

Ф. Дзержинский

1/ХІІ-1923г.

ДОКЛАД НА КОНФЕРЕНЦИИ СОЮЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

8 декабря 1923 г.

Товарищи! Основные моменты, которыми можно охарактеризовать состояние нашего железнодорожного транспорта, следующие: несомненное значительное улучшение всех коэффициентов его работы; во-вторых, несомненное реальное и значительное увеличение по сравнению с прошлым годом зарплаты; третье — переход в этом операционном году на бездефицитное существование эксплуатации железных дорог; в-четвертых, все еще несомненное и довольно значительное наличие бесхозяйственности и всяких недостатков в области организации как производства, так и труда. Эти четыре момента и определяют состояние и те тенденции, которые имеются в нашем железнодорожном хозяйстве.

Если мы перейдем к первому моменту, к коэффициентам работы железных дорог, то самое основное, что обуславливает состояние этих коэффициентов,—это развитие грузооборота, которое в свою очередь связано с общим подъемом и развитием всего народного хозяйства. Грузооборот же составлял: в 1921/22 г. около 1 500 000 млн. пудо-верст, в 1922/23 г. немного больше — 2 000 000 млн. и на 1923/24 г. предполагается, по очень скромным подсчетам,— 2 356 840 млн. пудо-верст, что по сравнению с 1913 г. составляет: в 1921/22 г. 24,6%, в 1922/23 г.— 34,2% и по предположениям 1923 г.— 39,3%.

Для производства этой работы, которая, по всей вероятности, будет значительно больше, у нас сейчас имеется следующее наличие подвижного состава:

Годы	Общее наличие	Количество здоровых	% больных	Исправных, свободных от движения
ПАРОВОЗЫ				
1913	20 320	16 902	16,8	2 372
1921/22	19 067	6 830	64,2	1 241
1922/23	19 586	8 197	58,1	2 499
1/X—1922	19 338	7 696	60,2	2 151
1/X—1923	19 642	8 576	56,3	2 734
ТОВАРНЫЕ ВАГОНЫ				
1913	502 101	474 645	5,5	—
1921/22	422 100	291 692	30,9	—
1922/23	400 579	271 637	32,2	—
1/X—1922	409 735	271 863	33,6	—
1/X—1923	414 950	290 539	30,0	—

Паровозный парк наш постепенно увеличивается. Наличие здоровых паровозов на этот год тоже растет прогрессивно, равно и снижение количества больных. Наивысший процент больных был в 1921/22 г.— 64,2%. С этого момента, по приведенным данным, мы идем вперед. Отставленных от движения на 1 октября было 2734, в то время как при движении 1913 г. в холодном запасе было 2372.

Что касается товарных вагонов, то они представляют менее утешительную картину. Процент больных растет. Здесь идет ухудшение. Но если посмотреть, какова тенденция в этом году по отношению к товарным вагонам, мы увидим следующее явление: на 1 октября 1923 г. было здоровых вагонов 290 539, в среднем за весь 1922/23 г. 271 637, тогда как на 1 октября 1922 г. было 271 863 здоровых вагонов, в среднем за весь год 291 692. Эти цифры показывают, что в период 1921/22 г. шла убыль, в 1922/23 г.— прибыль, хотя в общей совокупности процент здоровых ниже и уменьшился по сравнению с 1921/22 г.

Перейдем к эксплуатационным коэффициентам. Средний суточный пробег паровозов в товарном движении в 1913 г. равнялся 112 верстам, в 1921/22 г.— 84,8, в 1922/23 г.— 98,7. В сентябре 1923 г., по тем данным, которые мне даны ЦУЖелом¹⁸⁵, суточный пробег равняется 110,3 версты.

Я обращаю ваше внимание на то обстоятельство, что задание на 1922/23 г. было дано в 80 верст пробега, тогда как было достигнуто 98,7, а в сентябре даже 110,3.

Коммерческая скорость товарных вагонов была в 1913 г.— 12,7 версты, средняя в 1923 г.— 12,3 при задании 12,2. В сентябре — 13,5.

Средняя нагрузка груженого вагона и цистерн в 1913 г. 646 пудов, в 1921/22 г.— 531, в 1923 г.— 631 при задании 610.

Средний состав поездов товарного движения в осях в обоих направлениях был в 1913 г. 80, в 1921/22 г.— 76,6, в 1922/23 г.— 80,9 при задании 80,7, в сентябре 1923 г.— 84,8.

В июне 1923 г. коэффициент использования мощности паровозов равнялся 0,86. В марте того же года средний вес нетто 17 949 при 18 405 в 1913 г.

И, наконец, производительность паровозов в товаро-воинском движении была в 1913 г. 2 061 360, в сентябре 1923 г. - 1 775 156.

Мы видим, что те измерители, те нормы, которые были нами преподаны дорогам, всей железнодорожной сетью были превышены. Из этого следует, что наше техническое руководство не учло реальных возможностей и давало задания преуменьшенные, тогда как мы должны были дать задание, требующее максимального напряжения.

Из коэффициентов утилизации мощности паровозов видно, что мощность наших паровозов не использована полностью на дорогах. Этот момент очень важен в связи с тем вопросом, по которому НКПС приходилось воевать и в Госплане и с Главметаллом по вопросу, нужны ли нам сейчас новые паровозы или нет. Я приведу цифры, какие имеются относительно использования нами наших мощных паровозов. В 1913 г. их было кругло 1700 штук. Сейчас, в 1923 г., их 5800. Таким образом, мощность

наших паровозов усилилась по сравнению с 1913 г. процентов на 25, но из 5800 паровозов находится в запасе по отдельным сериям от 37 до 60%. 60% — это самый высший процент неиспользования паровозов именно серии «Е». Серии «Е» имеется здоровых паровозов 243, из них в запасе — 147.

Использование подвижного состава в настоящее время иллюстрирует график (см. график № 1)¹⁸⁶, изображающий работу по товарному движению за июль — сентябрь 1923 г. и те же месяцы 1922 г.

Вот столбцы работы год тому назад и работы текущего года. Эти столбцы обозначают количество паровозов, фактически использованных для этой работы, а вот эти — количество вагонов. Причем эти отдельные с номерами столбики показывают, сколько нужно было бы паровозов и вагонов, если бы наши коэффициенты равнялись коэффициентам 1913 г. и мощность паровозов была бы полностью использована. Использование парка подвижного состава характеризуется графиком т. Ильина (см. график № 2), который должен быть ясен всем, ибо наши уполнаркомпути на местах обязаны были делать вам по нему доклады. Нами было указано дорогам по этому методу анализировать свою работу и делать соответствующие доклады на широких собраниях. Вот эти данные. Вместо 100 паровозов, необходимых при коэффициентах 1913 г., мы гоняли в 1921 г. 242 паровоза, в 1922 г.— 185,47 паровоза, за июль — сентябрь 1923 г.— 112 паровозов. Таким образом, на протяжении трех целых лет мы дошли в улучшении использования паровозов с 242 вместо 100 до 112 вместо 100. По сравнению же с июлем — сентябрем 1922 г. в июле — сентябре 1923 г. произошло следующее изменение: в этом году мы в эти три месяца произвели работу, равную 126% прошлогодней, количеством паровозов только в 99%. В прошлом году за эти месяцы в работе было 2284 паровоза, а в этом году 2251. Что касается вагонов, то здесь наше хозяйство характеризуется следующими цифрами. Вместо 100 вагонов в 1913 г. в 1921 г. мы гоняли 431,5 вагона, в 1922 г.— 332,5, за июль — сентябрь 1923 г.— 159, т. е. здесь если мы и видим значительное улучшение, то, с другой стороны, ясно, что мы гоняем вагонов в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем

нужно. По сравнению с прошлым прогресс за этот год следующий: при увеличении работы на 26% количество рабочих вагонов увеличилось только на 6%

Я должен обратить ваше внимание на то, что мы даем анализ здесь по измерителю пудо-версты, тогда как раньше оперировали с паровозо-верстами. Но измеритель паровозо-версты прикрывает в данном случае нашу беспхозяйственность, ибо мы часто зря гоняли паровозы. Но и с пудо-верстами нужно быть осторожными, ибо пудо-версты бывают различные. Если мы слишком много пудо-верст используем для хозяйственных перевозок, то пользы для страны и транспорта будет немного, ибо это наш расход, а не доход. Менаду тем в старой железнодорожной бухгалтерии почему-то хозяйственные грузы и пудо-версты хозяйственных грузов зачислялись в доход. А поэтому, когда говорится о наших успехах в отношении пудо-верст, то здесь надо быть осторожными и опрашивать, сколько же из этих пудо-верст собственных. В 1913 г. всех хозяйственных пудо-верст было 12 727 000, тогда как в 1922/23 г. их было 6 291 000, т. е. при движении, не достигающем 73 1913 г., мы перевозили около 50% своих собственных грузов. Громадное значение для увеличения количества хозяйственных грузов имеет то обстоятельство, что нет еще расчета между дорогами. Дороги могут возить какую-нибудь дребедень издалека только потому, что это им ничего не стоит, так как ввиду отсутствия расчета между дорогами одна дорога не уплатит за эти грузы другой. Поэтому в использовании наших перевозочных средств нет достаточной экономии, так как нет денежного эквивалента, который понуждал бы нас к этой экономии.

Тоже и в отношении происшествий на наших дорогах дело обстоит неладно. Если мы возьмем происшествия в 1913 г., то на 100 тыс. паровозо-верст их было 1,53, а сейчас на тот же измеритель имеется 7,34, т. е. почти в пять раз больше. Если рассматривать причины этих происшествий в 1923 г., то увидим, что вследствие неисполнения агентами правил и инструкций происшествий было 24%; следующие рубрики по своему значению — это разрывы и столкновения, вследствие разрывов — 24,45%, вследствие неисправности подвижного состава — 10,55, вследствие неисправности пути — 7,13, по случайным

причинам — 5,27, пожары в поездах — 3,01%. Таким образом, неисполнение агентами своих обязанностей составляет очень большой процент в причинах происшествий.

То же самое нужно отнести к нашему дефекту — отцепкам вагонов по горению букс. У меня нет данных за 1913 г., но сейчас на 10 000 вагоно-осе-верст мы имели: в августе 1920 г.— 0,84, в 1921 г.— 0,76, в 1922 г.— 0,79 и в 1923 г.— 0,34. Наблюдается значительный прогресс в смысле уменьшения, но все-таки 0,34 отцепок на 10 000 осе-верст — это очень большая цифра.

Меры, которые НКПС принимал по упорядочению нашей эксплуатации, были следующие: во-первых, в этом году в основном была закончена разверстка здоровых паровозов по сериям между дорогами. Во-вторых, нами устанавливаются две категории вагонов вместо многих, существовавших ранее, а именно — местного и прямого сообщения. Вместе с тем даны были указания, что вагоны, вышедшие из конвенционного осмотра после 1 августа 1922 г., должны удовлетворять требованиям вагонов для перевозки хлеба насыпью, а вагоны, выходящие с 1 ноября 1923 г., должны удовлетворять всем требованиям особого соглашения по вагонообмену. Трудности применения этих наших указаний заключаются в том, что до сих пор нет налаженного правильного расчета за вагоны между дорогами. Вагоны переходили от дороги к дороге, и не было юридического лица, которое бы за них отвечало. Благодаря этому ремонт и состояние нашего вагонного парка оказались гораздо хуже, чем состояние паровозного парка, который прикреплен к определенным участкам и за который определенные участки и дороги отвечают.

В этом году по оздоровлению вагонного парка в связи с хлебными перевозками была произведена большая работа. Нами выполнена программа обновления 38 000 вагонов, тогда как в прошлом году эта программа равнялась 20 000 вагонов. По свидетельству нашей инспекции, в этом году ремонт наших вагонов произведен, несомненно, более удовлетворительно, чем это было в прошлом году и раньше. Вы, товарищи, работаете на местах, вам этот факт более известен, и вы можете этот вопрос здесь осветить.

Затем одним из мероприятий, которые введены уже на Северной, Казанской, Курской и других дорогах, является увеличение составов поездов, которые доводятся до 200—210 вагоно-осей для порожнего направления. Сейчас разрабатывается вопрос о возможности отправки порожняка вместе с груженными, для того чтобы использовать полностью тягу паровозов.

Далее, в этом году было очень много сделано и многое достигнуто в области пассажирского движения и в области налаживания прямого сообщения. Прямого сообщения поездов и отдельных вагонов было установлено до 175. Но я должен указать, что здесь у нас очень часто хорошее превращается в плохое. Так, например, мы установили, когда был огромный приток пассажиров, скорые поезда; сейчас многие из них совершенно пустые, но все-таки продолжают ходить. Я провожал вчера своего товарища на Курском вокзале, и поезд, в котором он уезжал, был заполнен не более чем на 25%. Это был севастопольский поезд. Это имеет место, несмотря на наши указания начальникам и уполномоченным и управлениям НКПС, чтобы отменять все поезда, в которых нет нужды. Таким образом, достоинство превратилось в недостаток. Когда у нас были колоссальные хвосты и на этой почве развивалось неслыханное взяточничество в погоне за билетами, тогда мы были вынуждены увеличить количество поездов; однако, хотя острота момента прошла, эти поезда продолжают ходить и теперь и жечь в убыток нам топливо. Я думаю, что профсоюзы и их органы на местах на эту сторону должны обратить сугубое внимание и понудить наших хозяйственников к тому, чтобы они принимали меры к борьбе с такого рода бесхозяйственностью.

В этом году была введена вместо плановой очередная система перевозок, которая дала и дает блестящие результаты, так что те особые правила, которые приходилось применять, потому что ведомства боялись, что мы не справимся с задачей перевозок при этой системе, оказались напрасными, и боязнь ведомств была неправильна.

Также в этом году нам удалось закончить вопрос с организацией горнозаводского комитета, который играет уже и будет играть колоссальную роль при распределении

вывозки угля из Донбасса. По этому вопросу мы должны были провести ожесточеннейшую кампанию с ГУТ, который настаивал на оставлении этого дела в руках его органа — Донбасстопа.

Далее, об экспортных перевозках. Несмотря на все опасения, которые высказывались в комиссии СТО под председательством т. Красина, наши железные дороги целиком справились с хлебными перевозками. Хлеб, не погруженный в вагоны, но подвезенный к железным дорогам, составляет не более полусуточной или четверть суточной нормы погрузки. Правда, мы имели трудности с вывозом хлеба из портов пароходами, что не было достаточно налажено и согласовано с нами. Поэтому было время, когда по несколько тысяч вагонов должно было простаивать и в Петрограде и в других городах, вследствие чего коэффициент пробега вагонов ухудшался, хотя и не по нашей вине. Мы с этим боролись тем, что пытались назначать большие штрафы, чтобы этим заставить скорее разгружать вагоны.

В области тяги самое основное, что было в начале истекшего года нами проведено и что, мне кажется, еще до сих пор недостаточно налажено на железных дорогах,— это разделение нашего паровозного парка на две части: с одной стороны — рабочий парк, с другой стороны — резервный парк, причем и в один и в другой входят как здоровые, так и больные паровозы.

Должен сказать, что эти мои опасения не неосновательны. Я должен был третьего дня подписать приказ с выговором бывшему начальнику Курской железной дороги Денисову, начальнику тяги этой дороги и поставить на вид УЦД¹⁴⁶, ибо при ревизии РКИ оказалось, что паровозы, которые считались в списках резерва как охлажденные и вполне исправные, оказались со снятыми частями и не в полной исправности. Сейчас, в связи с общим положением, когда состояние дорог имеет колоссальное значение для обороны нашей страны и, может быть, является решающим моментом в этом отношении, такое халатное отношение к нашим резервным исправным паровозам, такой обман, когда пишется, что есть столько-то в резерве вполне исправных паровозов, а на деле это неверно, является государственным преступлением против

рабочего государства. Поэтому в приказе я жестко указываю начальникам дорог и уполномоченным путей, чтобы они подтянулись, так как при обнаружении того, что было обнаружено на Курской железной дороге, мне придется без пощады отдавать под суд Революционного трибунала.

Возвращаясь к вопросу о тяге, должен сказать, что в этом году, когда мы перестали давать твердые и жесткие предписания в отношении среднего ремонта, последний мог варьировать в зависимости от работы дороги по пробегу. Правда, наши коэффициенты всегда ниже того, чего можно достигнуть, и это одно из больных мест, с которым нужно совещанию Грунина, которое вам известно, бороться. То же самое по вопросу среднего ремонта. Вы видели в графике т. Ильина, какой большой ремонт производился, сколько выбрасывалось денег на него; при этом качество ремонта было часто никуда негодное. Это вина всех нас и условий. Нам удалось пробег между средними ремонтами увеличить в этом году благодаря самодеятельности дорог до 28 000 верст, тогда как в прошлом году было 25 000. Что касается капитального ремонта, мы здесь даем жесткие нормы, ибо нам необходимо покрыть задолженность по прошлым годам. Цифры исполнения капитального ремонта следующие (причем должен сказать, что в смысле качества ремонта еще придется подтянуться):

В 1913 г.	было	выполнено	ед.	капит.ремонта	—	2427
» 1920	»	»	»	»	»	626
» 1921	»	»	»	»	»	712
» 1922	»	»	»	»	»	921

и за 9 месяцев 1923 г.— 985. Таким образом, если эти цифры не дутые, а вполне действительные данные о капитальном ремонте, можно было бы сказать, что мы имеем большой успех.

Что касается выпуска из среднего ремонта, то в 1913 г. единиц среднего ремонта было произведено 9379, в 1920 г.— 8666, т. е. почти 100% того, что было в 1913 г., в 1922 г.— 8939 и за 9 месяцев 1923 г.— 4353, т. е., если взять на целый календарный год, было бы 5800. Не подлежит никакому сомнению, что если в прошлом году при

движении меньшем единиц среднего ремонта было 8939, а в этом 5800, то прогресс есть, хотя мог бы быть и более значительный.

О выполнении конвенционного осмотра вагонов данные тоже не в нашу пользу, и они показывают, как мы зря гоняли и ремонтировали вагоны.

В 1913 г.	мы	имеем	выпуск	162	325
» 1920	»	»	»	100	005
» 1921	»	»	»	191	279
» 1922	»	»	»	116	227

и за 9 месяцев 1923 г. 105 554. Если считать весь календарный год, прибавьте еще одну треть — это будет около 35 тыс., а всего 140 тыс. вагонов конвенционного осмотра в этом году против 162 325 — 1913 г. Цифры говорят за себя — насколько плох наш ремонт и насколько изношены наши вагоны.

Говоря о тех мерах, которые нами предпринимались в тяговом хозяйстве, нельзя не упомянуть относительно удлинения тяговых участков. Система Потапова еще не установилась, но кое-что уже дала.

Наконец, вопрос, который стоит перед нами и около которого мы все еще ходим,— это вопрос о концентрации ремонта в соответствующих мастерских, чтобы этот ремонт нам стоил минимум.

Переходя к вопросу о топливе, я приведу следующие данные: на первое октября 1922 г. у нас было дров в запасе 199 тыс. куб. сажень, а на первое октября 1923 г.— 640 тыс. куб. сажень, т. е. тогда было на 39 дней, а в этом году на 135 дней.

Нефти в прошлом году было 12 700 тыс. пудов, т. е. на 49 дней, а в этом году 13 млн. пудов, или на 53 дня. Угля в прошлом году запаса было 15 500 тыс. пудов, а в этом году 40 млн., т. е. в прошлом году на 21 день, а в этом на 49 дней.

Таким образом, если пересчитать в дровяных эквивалентах, мы имели в прошлом году 503 742 куб. сажень, а в этом году 1 139 969 куб. сажень, т. е. больше чем в два раза. Это благоприятное положение — результат той борьбы, которую железнодорожному транспорту пришлось развернуть за получение в свои руки лесозаготовок и за

получение в свой план большего количества топлива угольного. Еще не так давно, это было в июле, когда нам Главное топливное управление указывало (вы помните статью в «Экономической жизни» Азерляна): «Вы,— говорит,— возите апельсины» — и рекомендовало «не возить», т. е. железная дорога должна заниматься не тем, чтобы возить то, что предъявляется к перевозке, а «не возить». Нам говорили, чтобы мы возили только самое необходимое, и Азерлян нас поучал, что именно. Тогда мы не могли перевезти предъявляемых к нам миллионов пудов груза только потому, что у нас не было топлива, и это заставило нас повести энергичную борьбу за увеличение количества получаемого топлива. Чего же мы добились? Прошло не более полугода, вы знаете, как в прошлом году нам за каждый пуд угля приходилось сражаться, что называется, до последней капли пота, а сейчас нам навязывают уголь, сейчас наша потребность в угле не оспаривается, а, наоборот, в плановой комиссии ВСНХ предлагают брать больше, чем нам необходимо. Когда я буду говорить о ценах и о финансовом положении, я еще коснусь вопроса о топливе, а сейчас укажу лишь на то, что у нас раньше был недостаток топлива, и мы бились за него самым решительным образом, а сейчас оказывается избыток.

Мы вели борьбу против угольной монополии в отношении производства и сбыта. Мы добились передачи нам в эксплуатацию двух рудничных управлений. Результаты нашей работы следующие: мы получили рудники в половине июня и за полмесяца добыто нетто 612,5 тыс. пудов, в июле — 1 324 800 пудов, в августе — 1 866 700 пудов и в сентябре—1 921,5 тыс. пудов. Добыча нетто в сентябре равнялась 229%, т. е. на 129% выше намеченной УГКП¹⁸⁷ программы.

Что касается производительности рабочих, то она была следующая: на одного рабочего в месяц падало 442 пуда, а по всему Донбассу она равнялась 417 пудам, за один выход добыча выражалась в 19,7 пуда, а по всему Донбассу — 17,7 пуда. Вместе с тем мы принимали самые активные меры к тому, чтобы минерализировать наше топливо. В 1913 г. угля расходовалось 65%, нефти — 22% и дров 13% всего топлива. Что же мы имеем сейчас? Дров

мы сожгли в 1920 г. 62%, в 1921/22 г.— 46%, в 1922/23г.— 37% и по плану 1923/24 г.—26,5%. Таким образом, от 62% мы подходим в этом году к 26,5% расхода дров против 13% довоенного времени. Угля в прошлом году мы израсходовали 35 %, в этом году 45,9 %. Нефти мы расходует 27,4% против 22% в 1913 г. Нефти мы сжигаем много, безбожно много. Между тем нефть является таким топливом, которое не следует жечь в топках паровозов. Надо принять все меры к тому, чтобы перейти к уменьшению количества расходования нефти и дров. Я должен здесь попутно отметить, что за предположенный к потреблению в 1923/24 г. уголь, который составит 46% всего топлива, нам придется уплатить 52 % всех расходов на топливо. Это показывает, насколько дорог каменный уголь. Сейчас перед нами встает очередная задача — этот каменный уголь удешевить. И тут надо сказать, что наши «Транс-порткопи» должны стать пионерами в области удешевления угля так, чтобы мы могли платить не 22 коп. за пуд угля, а 12—15 коп. Эта задача должна быть поставлена во всю широту и явиться целью и достижением «Транс-порткопей».

Если мы перейдем к абсолютным цифрам, сколько мы сжигаем топлива, то получится следующая картина: дров мы в 1921/22 г. сожгли 1803 тыс. куб. сажен, в 1922/23 г. было израсходовано 1695 тыс. куб. сажен, т. е. почти на 6% меньше, а в 1923/24 г. предполагается расход в 1258 тыс. куб. сажен, т. е. 74% от 1922/23 г. (надо здесь указать, что в это количество входят дрова для служащих и рабочих, а не только дрова, идущие для перевозок). Донецкого угля пошло в 1921/22 г. 95,7 млн., в 1922/23 г.— 137 млн., а в этом году — 200 млн. пудов, т. е. 146% от 1922/23 г.

Расход топлива в 1913 г. на 100 паровозо-верст составлял 1,03 куб. сажени; в 1921/22 г. общий расход составлял — 2,39, в 1922/23 г.— 2,02; расход только паровозов в 1921/22 - 1,795, в 1922/23 г. - 1,43.

Таким образом, мы видим, что по сравнению с 1913 г. мы имеем огромный пережог. Нами составлен календарный план борьбы с пережогами, причем расчет намечен на 5 лет. Расчеты брались следующие: в 1913 г. (он был взят за образец; я хочу предварить, что мы очень часто

берем 1913 г. как идеал, это условность, и я надеюсь, что мы скоро 1913 г. перешагнем, но эта условность является по нашей бедности и убогости сейчас пока идеалом), когда мощных паровозов было 19,6%, на 100 паровозо-верст был расход 1,03 куб. сажени. Мы предполагаем, что в 1924 г. мощных паровозов будет 44,8% из всего рабочего состава паровозов, и тогда на 100 паровозо-верст предполагается 1,10 куб. сажени расхода. Таким образом, программа наша построена следующим образом:

В 1921 г.	было	— 2,12	куб.	саж.	расхода
» 1922	»	— 1,66	»	»	»
» 1923	»	— 1,40	»	»	»
» 1924	предположено	— 1,212	»	»	»
» 1925	»	— 1,10	»	»	»

Наша борьба против пережогов ведется со всей энергией только в последнее время. Как мы могли вести борьбу раньше, когда не было запасов топлива, а без них нельзя упорядочить топливное хозяйство. Только теперь пришло время, когда у нас топливо есть в достаточном количестве, когда мы в состоянии давать рабочим и служащим полную норму, не задалживаясь им. Ясно, что только сейчас мы получили условия, при которых борьбу с пережогами можно правильно поставить. Поэтому сейчас мы можем и должны установить нашу программу. В прошлом году мы достигли экономии в топливе на 20%. Недавно разослана по дорогам брошюрка-инструкция по борьбе с пережогами, написанная инженером Красовским, где указано детально, как вести борьбу, и я думаю, что как эксплуатационные коэффициенты, преподанные нами из центра, вами на местах были превзойдены, так и наша программа к 1924/25 г. будет вашей практикой достигнута на год раньше. Мы к концу 1923/24 г. должны достигнуть таких результатов, чтобы наша программа была выполнена раньше 1925 г., и это даст колоссальнейшую экономию. Мы будем дальше говорить о зарплате, о нашей бездефицитности и о том, что мы должны из собственного производства находить средства для поддержания себя. Вот где один из главных источников нашего дальнейшего развития. Мы на 20% уменьшили расход топлива, но бесхозяйственность в этом отношении все-таки еще величай-

шая. Мы в этом 1923/24 г. думаем счесть от нормы 1913 г. 166%, т. е. на 66% больше, считая за измеритель пудоверсту. Товарищи, не забывайте, что эти 66%, т. е. 40 пудов на каждые 100 пудов расхода, стоят больших денег, ибо топливо удорожилось во всей совокупности не меньше чем в два раза.

В шпальном хозяйстве в этом году достигнуто значительное улучшение. Укладка в главных путях была следующая (в тысячах штук):

Годы	Общее количество	В % к потребности	Из общего количества — пропитанных
1913	17 000	100	11 400
1920	9 000	55	1 200
1921	7 000	41	600
1922	10 000	54	1 160
1923	15 600	75	4 600

Мы видим значительный прогресс, но недостаточный.

Здесь нам, товарищи, необходимо обратить сугубое внимание на пропитку шпал. Командированный нами за границу Емшанов указывает в письмах, что в Германии некоторые брусья держатся 40 лет в пути, шпалы — 25—27 лет благодаря пропитке. Нам в этом году удалось получить целый ряд шпалопропиточных заводов. Я согласовал вопрос с Богдановым, и, по всей вероятности, мы получим все остальные шпалопропиточные заводы, но главная задача заключается в том, чтобы, получив эти заводы, действительно их поставить на хозяйственную ногу. Необходимо поставить производство так, чтобы оно давало дешевую и хорошую шпалопропитку.

В смысле полной производственной программы по шпалам, то она нам мыслится выполнимой по нашим финансовым перспективам только в 1934 г. Но в шпальном хозяйстве, которое требует колоссальных средств, дороги должны проявить максимальную инициативу, чтобы можно было с минимальнейшим количеством затрат произвести максимальную работу.

На Казанской дороге производится опыт использования прослуживших шпал, перерезывая их на две половины. Я не знаю, даст ли этот опыт большие сбережения, но довести его до конца необходимо.

Что касается смены рельсов, то мы снабжались рельсами сравнительно с нормами 1913 г. очень слабо. На версту надо было сменить по норме 1913 г. 0,025 версты, а мы сменяли в 1921 г. 0,004 версты, в 1922 г.— 0,007, в 1923 г.— 0,006. Таким образом, недосмена рельсов равняется 11 000 верст. Но благодаря малому движению у нас нет угрозы приостановки его из-за недосмены рельсов. Поэтому, когда финансовые затруднения достигли крайних пределов, мы должны были заявить правительству, что надо уменьшить заказ на рельсы. Но заказ Советом труда и обороны предрешен, так как иначе пришлось бы закрыть Надеждинский завод.

В отношении снегоборьбы у нас в общем и целом благополучно, по крайней мере в тех отчетах, которые мне представлены, а зимой практика покажет, как на самом деле. Когда я уезжал в Сибирь, мне говорили, что можно вывозить 200 вагонов в день, но эти данные были дутые — на деле оказалось, что можно вывозить только 70. Я думаю, что сейчас таких дефектов не будет. По данным 1913 г., снегоочистителей было 57% потребности, а теперь имеется 97%. Но вместе с тем оказывается, что у нас чрезвычайно неблагополучно с живыми изгородями вдоль полотна, и это требует большой работы.

Переходя к мостам, я скажу, что из 3672 разрушенных войной мостов к 1 октября 1923 г. восстановлено $\frac{2}{3}$, т. е. 2020 мостов, или из 36 770 погонных саженей разрушения капитально восстановлено 24 549 погонных саженей.

Слабых мостов, не пропускающих мощных паровозов, у нас 850 длиной в 12 500 погонных саженей. Вследствие этого $16\frac{1}{2}$ тыс. верст нашей сети лишены возможности воспользоваться мощными паровозами. Однако за недостатком средств мы не в состоянии эти мосты перестроить.

Что касается жилищного вопроса, я должен сказать, что у нас по квадратным саженям, по сравнению с 1913 г., лучше. В 1913 г. у нас было 984 тыс. кв. саженей, в этом году 1209 тыс. Теперь у нас 25% железнодорожников обеспечено квартирами. Это, конечно, недостаточно. Но на днях выйдет декрет, согласованный с ЦКК и РКИ, который даст нам право из наших домов выселять тех, кто неправильно там живет. Со всех дорог поступают требования продвинуть этот вопрос. Для полного удовле-

ния жилищами надо было бы произвести работ на 75 млн. золотых рублей.

Если говорить о связи, я должен сказать, что мы до сих пор нашей связью слишком хвалились, а мне кажется, что если себя слишком хвалить, то добра из этого не будет. Я вам приведу данные, и скажите, похвалить ли за это нужно или наоборот. Например, в 1923 календарном году ожидается десятисловных телеграмм 807 млн., столько же примерно, сколько в 1922 г., в то время как в 1913 г. было в полтора раза меньше. (В 1922/23 г. было 156% от 1913 г.) Почему мы так много болтаем при столь малой работе? Мне кажется, за это хвалить не нужно. Правда, производительность телеграфиста возросла до 113%. Но нужна эта работа или нет? В связи с большой работой

Материальное снабжение железных дорог:

А. Централизованное снабжение

Наименование материалов и изделий	Потребное на 1922—1923 гг. количество	Отправлено по дорогам	% удовлетворения	Примечание
Рельсы (пд)	3 555 000	2 778 221	78,1	
Накладки (пд)	297 000	265 860	89,5	
Подкладки (пд)	490 000	383 000	78,4	
Болты (пд)	235 000	151 214	64,3	
Костыли (пд)	375 000	232 640	62,0	
Стрелки (шт.)	1 200	960	80,0	
Трубы дымогарн.	455 000	314 646	69,0	
Бандажи	878 800	677 018	77,0	
Колесн. материал	83 177	65 921	79,3	
Запчасти торм.	21 281	21 281	100	
Вестингауз	—	—	—	
Проволока телегр.	373 500	327 450	87,0	
Сталь инструмент.	4 000	2 500	62,0	
Олово	36 000	30 000	83,0	
Свинец	160 000	80 000	50,0	
Телеграф. аппараты	—	—	100	
Телефон. аппараты	—	—	50,0	
Запчасти к ним	—	—	80,0	
Сигнальн. стекла	—	—	75,0	

Б. Децентрализованное снабжение

Наименование	Потребность	Заготовлено	%
Чугун литейный	700 000 п.	550 000	78,5
Железо кровельн.	800 000 »	700 000	87,5
Железо сортовое	1 000 000 »	675 000	67,5
Гвозди	300 000 »	245 000	81,7
Сталь рессорн.	100 000 »	75 000	75,0
Баббит	180 000 »	153 000	85,0
Рукава пеньков	800 000 арш.	300 000	37,5
Подбивочн. матер.	225 000 п.	175 000	77,8
Кирпич огнеупорн.	7 000 000 шт.	5 000 000	71,4

нужны и большие штаты. Если я ставлю под вопрос, все ли у нас в этой области действительно благополучно, то это в связи с инцидентом, имевшим место по службе связи и электротехники, о котором я скажу дальше.

Материальное снабжение в этом году, по сравнению с предыдущими, гораздо лучше.

Например, потребность в свинце при централизованном снабжении была удовлетворена на 50 %, в олове — на 83%, в рельсах — на 78%, на запасные части и тормоза — на 100%. Самый маленький процент — это процент на свинец — 50; все остальные потребности удовлетворяли в количестве от 50 до 100 %

Я должен еще, говоря о материальном положении нашего транспорта, огласить подсчеты Трансплана в денежных единицах. Мне была дана Транспланом справка весьма характерная: если из наших запасов вычесть запасы на 1 октября 1923 г., то, по сравнению с 1922 г., у нас было больше: топлива — на 14 млн. червонных рублей, металла — на 10 млн., новых паровозов — на 31 700 тыс., восстановленных товарных вагонов — на 440 тыс., нового оборудования — на 1100 тыс.; по капитальному ремонту: паровозов — на 9500 тыс., товарных вагонов — на 4100 тыс., пассажирских — на 3920 тыс., и, таким образом, наш оборотный и основной капитал по этим статьям увеличился за этот год на 74 760 тыс. Если к этому прибавить шпалы, то мы увидим, что мы за этот

год не разрушали наш основной капитал, а в некоторых частях сумели его приумножить.

Теперь я перехожу к штатам. Здесь я должен сказать, что в последнее время мы думали, что у нас будет чем козырнуть, но когда мы сделали подсчет, то оказалось, у нас дело идет к худшему.

Штаты железных дорог

	Основной штат	Времен. поденные	За счет особых кредит.	На хозрасчете	Итого
1/V —1921 г.	1 200 789	192 126	—	—	1 392 915
1/I —1922 »	907 855	145 257	—	—	1 053 112
1/I —1923 »	708 428	93 871	—	—	802 299
1/IX—1923 »	748 305*	129 382	7 374	15 337	900 398

На 1 сентября 1923 г. штаты у нас опять увеличились. Ясно, что здесь что-то не в порядке. Если проанализировать эту цифру 900 тыс., то мы увидим, что из нее 646 тыс. твердых штатов, а остальные — как их назвать — «мягкими». Из них на хозрасчете — 15 337. Вы знаете, что такое «хозрасчет»? Это у нас, по большей части, очко-втирание. Вы помните, когда мы сократили штаты НКПС, то мы хвастались, и я сам наивно думал, что перевод на хозрасчет очень хорош, а оказалось, что на хозрасчете мы имеем 5000 человек. У нас на дорогах теперь такого «хозрасчета» больше 15 000. НКПС старался бороться тут самым энергичным образом, но здесь есть миллион методов обходить постановления.

Мы сокращаем и, однако, узнаем, что штаты все-таки содержатся. Откуда? Оказывается, по особым кредитам. Мне пришлось издать приказ, что никто без разрешения Благодорова ни на какие особые кредиты существовать в НКПС не может. Те цифры, которые у нас здесь имеются, следующие: в 1921 г. в НКПС с хозрасчетом и вместе с телеграфом было 10 407, а теперь на 1 декабря — 2251. Я дал задание довести это количество вместе с те-

* В этом числе — 646 105 чел. штатных, 90 957 — за счет эксплуатационных кредитов, 11 243 — за счет новых и восстановительных работ.

леграфом, в котором находится 430 человек, до 2000. Что касается количества служащих правлений и управлений железных дорог, то (эти цифры я не проверял, но я их оглашу) на 1 июня 1921 г. было 52 875, на 1 июля 1922 г. было 43 192, на 1 октября 1922 г. было 51 479, на 1 сентября 1923 г. было 48 927. Не подлежит ни малейшему сомнению, что в этой области мы должны сокращаться и сокращаться. Конечно, сокращение не должно производиться за счет квалифицированных специалистов. Квалифицированная сила должна быть снята с канцелярской работы, с ненужного бумагомарания и должна быть направлена на линию, на места. Но при этом необходимо создать несколько другие условия, чем были на некоторых дорогах. Вопрос сокращения управлений и правлений является в настоящее время боевым вопросом.

Для того чтобы вести борьбу с той бесхозяйственностью, о которой я здесь говорил, нам необходимо было прибегнуть к нашим старым ударным методам. Ударным методам не в том смысле, что бросать массу денег и средств на эту борьбу, а в том, чтобы мобилизовать все наши советские как партийные, так и хозяйственные и профессиональные силы, чтобы произвести анализ болезни и принять те решительные меры, при помощи которых можно в срочном порядке основное зло уничтожить. Для того чтобы лечить болезнь, надо ее выявить, открыть, и это есть метод, который является самым радикальным и правильным в хозяйстве. Это тот же самый метод, который применяется с большим успехом профессором Фрейдом в Вене в области медицины. Профессор Фрейд лечит болезнь таким образом, что он сознанию больного с полной обнаженностью открывает причины его болезни, и это дает больному силы побороть то, что он осознал. Конечно, это относится к психическим болезням. То же самое мы должны сказать и по отношению ко всяким отраслям хозяйства, а также и к нашей собственной отрасли.

Поскольку мы скрывали свои болячки, поскольку мы открыто не говорили о них и не анализировали их, постольку мы оставались немощными и бесплодными. Все ведомства и хозорганы, которые стоят на точке зрения,

что если обнаружить какое-нибудь зло, то этим кого-нибудь обидишь, дискредитируешь,— поступают совершенно неправильно, и поэтому величайшей заслугой не только для нашего транспорта, но и величайшей заслугой для всего советского хозяйства является тот метод, с которым подошел к нашим болячкам т. Ильин. Его наши ученые не особенно признают. Это — рабочий-металлист, который отличается от многих из нас, а не только от наших инженеров, так как он душой страдал, когда видел, что усилия рабочих и народные средства идут куда-то впустую, без всяких результатов. Поэтому он выявил в своем графике, сопоставил работу и расходы, которые мы производим не в деньгах, а в рабочей силе, в топливе, материале, подвижном составе. Должен сознаться, что первое время, когда он ко мне пришел с этим графиком, хотя я и не слабохарактерен, однако не мог ориентироваться и сказал ему, что, если твой график будет опубликован, это будет величайший материал для белогвардейцев, ибо они укажут, как не умеет хозяйствовать Советская власть, рабочая власть. Но это была моя первая мысль; когда я увидел этот график и ужаснулся: работы столько, а расхода — вот сколько. Потом, когда я вникнул в это дело, то понял, что это величайшее открытие, хотя тут никакого изобретения нет, а есть просто сопоставление. Метод т. Ильина — выявление того, что есть на деле, а это есть начало всякой возможности вести борьбу. Поэтому имя т. Ильина должно перейти в историю возрождения нашего советского транспорта, как одного из идеологических и технических творцов этого воссоздания. Многие хозяйственники демонстрируют уже работу по этим графикам и методу, который еще нуждается в обработке и детализации, и я прошу вас, чтобы на местах вы требовали докладов о состоянии хозяйства на ваших дорогах по этим графикам, расширенным и углубленным, но по этому методу. И когда мы по методу Ильина, который совершенно откровенно действует, будем также говорить все откровенно, мы добьемся результатов.

Вспомним то время, когда была наша первая кампания борьбы со взяточничеством, и теперь спросите любого обывателя, даже и каждый из нас, работающий на дорогах, может сказать, разве можно сравнить то, что было

года полтора назад, когда мы начали кампанию, с тем, что есть теперь на железных дорогах? Сравнить нельзя. То же самое по вопросу относительно хищений. В брошюре с докладом на собрании железнодорожников Московского узла вы увидите график уменьшения хищений багажа и грузов. Увидите, как, начиная с января, колоссальнейшим образом уменьшаются хищения. Несколько слабее, но тоже значительно идет сокращение недогруза, утраты и недостачи. В этой области мы многое сделали.

Дальше мы взялись за поток отчетности. Я ничего не знал, и никто у нас ничего не знал, хотя мы требовали от дорог, а последние требовали от своих участков и отделений, гору всяких сведений и данных, которые складывались в архив и не могли быть использованы.

Я пытался с самого начала моего назначения в комиссариат бороться с этим потоком отчетности, так как при моих объездах на всех дорогах мне говорили в один голос: «Избавьте нас от отчетности, мы пишем, пишем, пишем, а работы нет». Но мы не могли никак это урегулировать. Сейчас нам это удалось при помощи особого совещания. Именно, в порядке ударной работы нами была принята система организаций совещаний по тому или другому вопросу. Это были совещания легкие, без громоздких аппаратов, составлялись из людей думающих, непосредственно работающих и душой болеющих за дело. Такое же совещание было организовано по вопросу отчетности. Председателем этого совещания был Халатов, а фактическим руководителем с почти диктаторскими полномочиями — инженер Ещенко, с которым было согласовано, чтобы резать отчетность максимально. Этим совещанием и инженером Ещенко была проведена колоссальная работа. Вот иллюстрация этой работы: в отчете дорог перед НКПС было около 32 млн. данных. После сокращения осталось 10 млн., т. е. в 3,1 раза меньше. То же самое отчетность линейная управлений дорог. Периодическая линейная отчетность одной дороги в свой центр составляла 130 млн. данных, а осталось только 23 млн., т. е. сокращено в 5,7 раза. Станционная отчетность одной дороги с 119 млн. сокращена до 47 млн.

На то, чтобы провести это в жизнь, надо обратить сугубое и сугубое внимание.

Кроме того, нами было обращено внимание и на более мелкие вопросы, которые могли дать известные сбережения, как, например, автомобильное движение. Мы урезали себя и дороги Московского узла очень и очень значительно. Некоторые думают, что борьба с автомобильными излишествами имеет непосредственной целью только материальные сбережения. Конечно, это составляет довольно изрядную сумму, хотя в таком большом хозяйстве, как наше, сравнительно небольшую. Но эти излишества и борьба с ними важны не только потому, что это дает непосредственные сбережения, а потому, что в нас внедряется чувство ответственности и сознания, что наша республика нуждается сейчас в самом бережливом отношении ко всему народному имуществу и средствам. Именно с этой точки зрения, с точки зрения нашего сознания и подтягивания, эта борьба с излишествами имеет громадное значение.

Далее мы должны были пойти по пути дальнейшего сокращения протекционных вагонов. Вы знаете, какие были безобразия в центральных ведомствах, но мы молчали о том, как мы сами, внутри, катаемся. Нами произведена маленькая хирургическая операция, которая будет несколько болезненна на местах, но придется поджаться. Мы произвели сокращение для НКПС из 48 вагонов до 24, для дорог, ОКП и ОПС — с 1684 до 891 вагона. Если перевести экономию на деньги, это даст 1500 тыс. червонных рублей в год.

Затем я хотел обратить внимание ваше на то, что надо скорее ликвидировать громадное представительство дорог. Мы согласовали, что все объединенные представительства, включая и сокращенный Трансмосторг со штатом в 50 человек, должны обслуживать все дороги, чтобы не тратились колоссальные средства и чтобы эти представительства, за которыми дорогам уследить из своих управлений очень и очень трудно, не занимались всякими делами.

Необходимо также поставить вопрос относительно бесплатного проезда. Я на собрании Московского узла указывал уже на то, что нам в этой области придется принять меры, но это не значит, что надо отменить бесплатный проезд совсем. Этого не нужно, но необходимо его упоря-

дочить, ибо право бесплатного проезда сверх известных границ не всегда приносит пользу всем железнодорожникам, а часто дает возможность некоторым заниматься не теми делами, которыми бы надлежало им заниматься.

Сейчас наше главное внимание должно быть обращено на дальнейшую борьбу с бесхозяйственностью. Это возложено на то совещание, во главе которого стоит т. Грунин и которое наметило широкую программу в области анализа сметы, концентрации предприятий, производительности труда, сокращения и упорядочения хозяйственных перевозок.

Раньше чем перейти к вопросу о зарплате, я должен остановиться еще на одном моменте, именно указать, что советский транспорт восстановить и поставить на крепкие ноги без использования изобретений рабочих, работающих у станков, без их воодушевления в этой области, по-моему, невысказано. Изобретения эти должны отличаться от изобретений старого, капиталистического порядка, ибо цель этих изобретений должна быть не только коммерческой, преследующей выгоду непосредственно изобретателя, а также коллективным творчеством и волей, направленной к тому, чтобы наш рабочий транспорт технически поставил выше, чем при буржуазном режиме, ибо теперь подход к разрешению этого вопроса иной. Нам надо прибегнуть к особым усилиям, чтобы вопрос о рабочих изобретателях поставить на надлежащие ноги.

Вы, вероятно, читали в «Гудке» от 1 октября, а кто не читал это, рекомендую прочесть, и там вы увидите, какие мытарства пришлось испытать т. Матросову, который изобрел педаль. Я хочу здесь также отметить тот факт, который меня поразило и который заставил меня здесь, на высоком собрании, на конференции органов союза, сказать о том, правильно ли мы хвалили нашу службу связи. Я должен указать на одного рабочего-изобретателя, т. Трегера, который работает сейчас в мастерских при ст. Лосиноостровская по жезловым аппаратам. Причем им сейчас только ремонтируются и исправляются жезлы английские, которые имеются на наших дорогах. Сам же т. Трегер изобрел жезл, но не мог долго получить, работу, не мог использовать своего изобретения, не мог применить своего

полезного изобретения без нажима с моей стороны. Нажим с моей стороны заключался в том, что я, хотя сам и не техник, не специалист и не мог оценить сам, является хорошим изобретение или нет, просил сведущих лиц дать мне отзыв об этом изобретении — полезно ли оно для транспорта в финансовом и техническом отношении. Что же? Я получил все отзывы о том, что это замечательное изобретение, но когда мы стали нажимать на наши аппараты, то т. Трегера подвели под сокращение. Когда он пришел и спросил, в чем дело, ему сказали: «Если ты бросишь свои изобретения и будешь заниматься той работой, которую мы тебе дадим, тогда можешь под сокращение и не попадать». Вот как было, вот что ему сказали. На одном из съездов службы связи и электротехники председатель съезда инженер Рогинский читал приветственную телеграмму от английской фирмы, которая вырабатывает жезлы, но ему не пришло в голову поставить на повестку дня вопрос об изобретателе русском тех же самых жезлов. Возникает вопрос: почему русский изобретатель, русский рабочий не достоин того, чтобы его систему рассматривали? Вопрос об его изобретении был поставлен только в секции. Я решил этот вопрос поставить здесь. Мне сообщили о всем случившемся только три дня тому назад, и я не имел возможности все это проверить, но, конечно, я не имею оснований не верить т. Трегеру. Разве мало у нас изобретений, и именно те изобретения, которые идут непосредственно от рабочих у станков, и являются более жизненными, более полезными и, конечно, должны были бы быть проводимы в жизнь. Посмотрите, однако, почти ни одно из изобретений, которое было утверждено техническим комитетом ИЗУЛ¹⁸⁸, на практике в жизнь не проводится.

Слова — одно, а дело совсем другое. На дело изобретателей и изобретений необходимо обратить самое решительное внимание, ибо социалистический транспорт и техника его есть развитие техники — как творчества коллективного. Машинист, который ездит, творит, ибо он замечает, что можно сделать в смысле улучшения конструкции паровоза или в смысле улучшения профиля. Коллективная рабочая мысль может дать и дает колоссальные усовершенствования, которые, будучи применены, — хотя

каждое в отдельности невелико — в своей совокупности могут дать нам колоссальный эффект. На эту сторону необходимо обратить внимание. Нами сейчас решено образовать должность старшего инспектора по продвижению и защите изобретателей рабочих, и назначили на эту должность бывшего начальника новониколаевского линейного отдела Лагутина.

На этом позвольте закончить доклад по вопросу о двух моментах: о несомненном улучшении транспортного хозяйства и о несомненной еще бесхозяйственности и плохой организации труда в нашем хозяйстве и о тех мерах, которые должны его улучшить в дальнейшем.

По вопросу о зарплате у нас очень часто в различное время и различными органами даются различные цифровые данные. Мне кажется, это основной дефект. Некоторые как будто преуменьшают, другие как будто бы преувеличивают. Это надо выправить, от этого надо отказаться. Рабочий класс у нас не зарабатывает столько, чтобы он должен был стыдиться и укрывать, с другой стороны, тот хозяйственник, который говорит, что ты зарабатываешь столько-то, а фактически платит меньше, — преступник. В данной области необходимо добиться полной точности, ибо наш транспорт — транспорт Советского, рабочего государства. Мы при помощи нашего Советского государства владеем этим транспортом и должны расходовать народные средства и наши доходы так, чтобы результаты получились самые большие. Когда говоришь о заработной плате, то ясно, почему мы имеем достижения в области технической. Мы имеем достижения в нашей технике потому, что мы постепенно, хотя и медленно, увеличивали заработок и, таким образом, давали возможность каждому из наших работников сосредоточить свое внимание и время для работы в своей области восстановления железнодорожного транспорта. Когда в октябре 1922 г. железнодорожник получал 5 руб. 16 коп., разве можно было жить на эти деньги? Нужно было думать о чем-нибудь другом. Заработная плата есть главная, хотя и не единая, основа восстановления транспортного хозяйства. Но высота ее должна быть связанной с соответственными результатами работы, с материальным снабжением и со средствами всей страны, откуда мы черпаем наши сред-

ства. Те цифры и та таблица, которая мне представлена, дают следующую картину (см. таблицу 1). Если мы возьмем весь наш фонд зарплаты (не на каждого железнодорожника, а весь наш фонд) и переведем советские знаки, которые выплачивались до октября 1923 г., в бюджетные рубли, взявши индекс на 1-е число следующего месяца, то: в октябре 1922 г. фонд равнялся 43 532 345 руб. в советских знаках, курс на 1 ноября был 11,56 по бюджетному индексу, и если разделить советские знаки на этот индекс, мы получим общее количество бюджетных рублей — 3 765 774. Я оглашу еще цифры октября 1923 г.: в октябре 1923 г. фонд в бюджетных рублях равнялся 9 266 398 руб. Таким образом, фонд октября 1923 г. в бюджетных рублях увеличился по сравнению с октябрём 1922 г. на 146,1%. (Если принять фонд октября 1922 г. за 100, то в октябре 1923 г. будет 246,1.) Если сравнивать фонды от августа месяца 1923 г., то увидим, что если фонд августа принять за 100%, то октябрь будет равен 167,1% и ноябрь — 198,9%. В червонном исчислении разница получится другая, а именно, несколько меньшая. Так, если мы возьмем январь за 100%, то октябрь даст 192,8% и ноябрь 213,4%. Если же взять август за 100, то ноябрь будет 181,6%. В декабре, на который зарплата уже установлена, будет приблизительно 205% по сравнению с августом. На одного рабочего рост зарплаты следующий: в бюджетных рублях в октябре 1922 г.— 5 руб. 16 коп., не считая местных прибавок, а вместе с таковыми, по данным, уже точным,— 6 руб. 20 коп. В ноябре прошлого года — 5 руб. 19 коп., вместе с местными прибавками — 5 руб. 80 коп. В декабре — 6 руб. 33 коп. и вместе с местными — 6 руб. 50 коп. В январе этого года — 8 руб. 19 коп. и с местными прибавками — 8 руб. 60 коп. Если же считать в червонных рублях, то в январе было 10 руб. 70 коп., а в ноябре — 24 руб. 76 коп. в среднем по фонду.

Вот те данные, которые у нас имеются и которые характеризуют, если считать железнодорожный транспорт в целом, наш расход на зарплату. Конечно, многое зависит от ее распределения, и в этом отношении, мы знаем, были неувязки, например на Казанской дороге. Со стороны союза и НКПС были приняты, однако, меры. Но я здесь на этом останавливаться не буду, это будет пред-

метом обсуждения по тарифному вопросу. Вопрос, конечно, в нашей политике зарплаты. Необходимо констатировать, что та программа, которая правительством была поставлена, выполнена полностью. Вместе с тем надо признать, что общий уровень зарплаты недостаточно высок. Но дальнейшее увеличение ее зависит от производительности труда работников. В связи с довольно резким увеличением по сравнению с августом и предыдущими месяцами зарплаты сейчас уже с некоторых дорог приходят жалобы (это отмечено и в проекте резолюции по тарифному вопросу), что у них снова появляется изжитая, казалось бы, задолженность по зарплате, а это признак того, что к вопросу темпа дальнейшего увеличения надо подойти очень осторожно и внимательно. Теперь известный период должен быть периодом обращения всего внимания на рост производительности и результатов труда, т. е. того, что может служить базой для дальнейшего увеличения зарплаты и доведения ее до нормы потребностей рабочего.

Я хочу указать на то, какую роль может играть увеличение заработной платы в повышении производительности труда. Вот таблица Гуревича, иллюстрирующая рост производительности труда металлистов в связи с ростом зарплаты. Он дает в «Экономической жизни» следующие цифры движения реальной заработной платы:

Год и месяц	Движение реальной зарплатной платы (в %)	валовой продукции на 1 рабочего (в %)
1922		
Октябрь	100,0	100,0
Ноябрь	123,4	110,8
Декабрь	119,7	124,9
1923		
Январь	112,0	143,1
Февраль	119,3	140,1
Март	132,6	145,8
Апрель	126,7	155,4
Май	130,4	172,5
Июнь	140,0	185,6

Движение фондов заработной платы по железнодорожному

Месяц	Контингент	Фонд зар				
		В совзнаках 1923 г.	Бюджетный индекс на 1-е число след. мес.	В бюджетных рублях	Процентное отношение	
					к октябрю 1922 г.	к августу 1923 г.
<i>1922 г.</i>						
Октябрь	729 676	43 532 345	11.56	3 765 774	100,0	—
Ноябрь	729 750	62 347 440	16.44	3 792 423	100,7	—
Декабрь	742 961	99 920 224	21.24	4 704 341	124,9	—
<i>1923 г.</i>						
Январь	710 357	161 199 659	27.70	5 819 482	154,5	—
Февраль	677 688	203 633 811	31.10	6 547 710	173,9	—
Март	712 420	276 310 564	39.26	7 037 966	186,9	—
Апрель	713 061	336 970 302	54.74	6 155 833	163,5	—
Май	712 860	501 821 138	79.93	6 278 258	166,7	—
Июнь	712 895	696 684 169	117.57	5 925 697	157,4	—
Июль	712 895	1 138 012 809	187.83	6 058 738	160,9*	—
Август	713 098	1 832 059 254	330.28	5 546 988	147,3	100,0
Сентябрь	712 570	3 817 104 365	648.23	5 888 503	156,4	106,2
Октябрь	712 570	10 412 373 650	1 123.67	9 266 398	246,1	167,1**
Ноябрь	655 479	17 920 255 234	—	11 036 067*	293,1	198,9

Примечания: * Ноябрьский фонд в бюджетных рублях исчислен курса червонного и бюджетного индекса на 22 ноября).
** Данные предварительные.

Таблица 1

транспорт за октябрь 1922 — ноябрь 1923 г.

платы				На одного железнодорожн.			Фактич. заработок (средн.) одного ж.-д-ка по данным ЦСК в бюджет. руб. по индексу на 1-е число след. мес.
Курс червонца на 1-е число след. мес.	В червонных рублях	Процентное отношение		в совзнаках	в бюджетных рублях	в червонных рублях	
		к январю 1923 г.	к августу 1923 г.				
—	—	—	—	59,65	5,16	—	6,2
—	—	—	—	85,43	5,19	—	5,8
—	—	—	—	134,49	6,33	—	6,5
21,20	7 603 758	100,0	—	226,9	8,19	10,70	8,6
24,0	8 484 742	111,55*	—	300,4	9,65	12,52	9,7
30,4	9 089 163	119,5**	—	387,8	9,87	12,76	10,7
45,7	7 373 532	96,9	—	472,5	8,63	10,34	9,9
58,0	8 652 089	113,7	—	703,9	8,81	12,14	10,1
77,5	8 989 473	118,2	—	977,3	8,31	12,61	9,8
115,0	9 895 764	130,1	—	1 596,3	8,50	13,88	9,8
205,0	8 936 874	117,5	100,0	2 569,1	7,78	12,53	9,2
410,0	9 310 011	122,4	104,2	5 356,8	8,26	13,06	9,5**
710,0	14 665 315	192,8	164,0	14 512,4	13,0	20,58	—
—	16 229 511	213,4	181,6	27 339,1	16,83	24,76	—

исходя из червонного фонда, умноженного на коэффициент 0,68 (соотношение

т. е. за десять месяцев заработная плата возросла на 40%, а валовая продукция на 1 рабочего — на 85,6%.

Для того чтобы выполнить нашу программу, которую мы должны поставить себе в смысле увеличения в этом году зарплаты, рассчитывать на государственную дотацию сейчас не приходится. Разрешение этого вопроса требует большой взвешивности и согласованности для того, чтобы не расстроить не только наше хозяйство, так как дело в том, что если мы наше материальное снабжение уменьшим ниже определенной меры, то ведь это будет означать не только расстройство материальной основы нашего транспорта, но вместе с тем приведет к закрытию наших металлургических и других заводов. Поэтому мы одним концом можем задеть, при неправильном подходе к этому вопросу, если одна часть нашей сметы будет слишком раздута,— не только себя самих и наше хозяйство, но и другие отрасли народного хозяйства, и тогда быть вынужденными к тому, чтобы нам дали государственную дотацию из налогов и поступлений от крестьянства и промышленности, т. е. тем самым та смычка, которой мы как будто бы достигли в начале этого года, смычка транспортников-железнодорожников с крестьянами, может быть нарушена.

Мне кажется, что здесь мы должны все свое влияние и внимание в этой области обратить на то, чтобы сознательными действиями всего транспортного пролетариата удержать наш червонец, поднять его ценность, даже по сравнению с той, какую он сейчас представляет. Сокольников и Наркомфин без усилий всего рабочего класса, без усилий всех ведомств, которые перешли на товарно-денежное обращение, не могут сами стабилизировать своих денег. Их можно стабилизировать только тогда, когда транспорт, который является одним из крупнейших потребителей денег, в дальнейшем будет сознательно вести в области денежного обращения политику на усиление курса червонца. Транспортный пролетариат должен принять самое деятельное участие в борьбе с дороговизной. Когда не было червонцев и заработная плата была в совзнаках, борьба шла за то, какой индекс назвать, так как все коллективные договоры были определены в бюджетных рублях, и поэтому на местах и в центре была борьба за оп-

ределение индекса. Борьба шла не за то, чтобы сапоги, спички, сукно, ситец были дешевле, а за то, чтобы назначить индекс не 200, а 300. В настоящий момент, после перехода зарплаты на червонное исчисление, мы должны всемерно бороться за то, чтобы червонец не падал, а это возможно только путем участия в той общей борьбе, которая сейчас широким фронтом разворачивается против так называемых «ножниц», т. е. дороговизны фабрикатов. В этом отношении транспортный пролетариат, состоящий из 900 тыс. работников, если бы он выступил единым с общегосударственным фронтом, представляет собой колоссальную силу. Проникая в глубь всей страны, связывая все самые отдаленные места, он мог бы в борьбе с дороговизной при решительном подходе к вопросу сыграть колоссальнейшую роль. Конечно, здесь должен стать в порядок дня вопрос о кооперации. Безусловно, что только хорошая транспортная кооперация, не забюрократизированная, без раздутия штатов и без преувеличенных накладных расходов, может справиться с задачей. Но ведь такая кооперация не берется из воздуха, она вытекает из потребностей, которые ощущает весь пролетариат. Если у нас кооперация плоха, то это есть выражение вашей же воли, вашей бесхозяйственности, ибо от вашей воли зависит сделать кооперацию сильной. Сейчас необходимо вопрос о кооперации поставить во всей широте и его разрешить.

Я должен указать еще на один момент и, думаю, что на конференции этот момент не должен быть обойден, а именно относительно работы у нас на транспорте нарпита, который непосредственно связан с бытом рабочих. Нарпит, созданный под председательством Халатова, организовал и открыл у нас на транспорте в Москве 5 столовых и по 1 столовой в Петрограде, Харькове, Туле, Калуге, Одессе с общей пропускной способностью в 16 тыс. человек. К открытию намечены еще 4—5 столовых, из коих, в первую очередь, большая столовая с пропускной способностью в 2 тыс. человек на Ростовском железнодорожном узле; в настоящее время комиссия производит обследование и подготовительную работу. Это есть одно из наших крупнейших достижений, и надо следить за тем, чтобы эти достижения в организации столовых были бы действительно закреплены и на будущее.

Разрешите мне дальше перейти к вопросу относительно положения наших финансов. Я приведу некоторые данные наших доходов за прошлый год. В прошлом году выручка всего транспорта в товарных рублях была 307 млн. руб., а в червонных рублях — 384 млн., дотация же была 126 млн. товарных рублей, т. е. 157 млн. червонных рублей.

Выручка транспорта (с фактурами центра) и дотации от НКФ в товарных рублях по индексу Госплана на 15-е число каждого месяца*:

Год и месяц	Выручка	%	Дотация	%
<i>1922</i>				
Октябрь	14 178 905	52,5	12 700 000	47,5
Ноябрь	13 407 952	60	9 150 000	40
Декабрь	17 546 904	70,2	7 500 000	29,8
<i>1923</i>				
Январь	22 249 697	57	16 500 000	43
Февраль	24 941 278	67,4	12 600 000	32,6
Март	33 416 621	71	13 721 106	29
Апрель	31 266 790	68	15 262 678	32
Май	31 583 332	85,3	5 727 878	14,7
Июнь	30 144 381	78,1	8 492 554	21,9
Июль	31 057 938	77,3	9 172 237	22,7
Август	31 143 841	74,9	10 549 295	25,1
Сентябрь	26 544 940	85,3	4 624 358	14,7
<i>Всего</i>	307 482 579	71,1	126 001 106	28,9
В черв. рублях	384 353 224	—	157 501 382	—

т. е. мы получали дохода, выручки, 71,1% всего нашего расхода, и дотация государства равнялась 28,9 %.

* Составлено на основании сводок по пятидневкам.

Если же мы перейдем к фактической смете железнодорожного транспорта, то мы увидим, что из выручки всего транспорта в 307 млн. товарных рублей — 295 млн. товарных рублей:

Выручка (с фактурами центра) и дотации от НКФ в товарных рублях по индексу Госплана на 15-е число каждого месяца в 1922/23 бюджетном году по железным дорогам*:

Год и месяц	Выручка	%	Дотация	%
<i>1922</i>				
Октябрь	13 482 299	60,3	8 865 095	39,7
Ноябрь	13 271 323	71,4	5 302 603	28,6
Декабрь	17 562 065	76,6	5 338 291	23,4
<i>1923</i>				
Январь	21 839 101	61	14 103 955	39
Февраль	23 570 462	72,2	9 067 178	27,8
Март	31 723 616	80,9	7 488 717	19,1
Апрель	33 410 877	80,4	8 143 650	19,6
Май	30 430 315	91,1	2 969 743	8,9
Июнь	27 197 224	80,7	6 482 264	19,3
Июль	27 774 244	78,9	7 400 985	24,1
Август	29 006 864	78,3	8 022 693	24,7
Сентябрь	26 303 391	90,5	2 754 965	9,5
<i>Итого</i>	295 571 781	77,4	85 940 139	22,6
В черв. рублях	369 464 726	—	107 425 174	—

т. е. почти вся сумма была выручкой железнодорожного транспорта. Дотации же из 126 млн. руб. железнодорожный транспорт вместе с восстановительными работами, новыми паровозами и на эксплуатацию получил 86 млн. руб. Таким образом, дохода из общего количества

* Составлено на основании отчетности железных дорог.

Таблица 2

Размеры фактической выручки, распределение дотаций от НКФ и НКПС и размеры открытых кредитов и расходов по отдельным родам транспорта за 1922/23 бюджетный год

(в товарн. руб. Госплана)

	Дотация НКФ	% ко всей дотации	Вся выручка с оплаченными фактурами Центра	Всего расхода НКПС: ДОТАЦИЯ+выручка	% дотаций НКФ ко всему расходу (выруч.+ дотация)	Открыто кредитов
1. Центральные и общие местные учреждения НКПС	5 587 014	4,6		5 587 014	100	5 627 300
2. Железные дороги:						
а) эксплуатация	64 492 209	51,2	272 026 052	336 518 261	19,1	326 566 273
б) восстановление	21 447 930	17,0		21 447 930	100	24 539 027
<i>Итого по ж. д.</i>	85 940 139	68,2	272 026 052	357 966 191	24,0	351 105 300
3. Реки:						
а) эксплуатация	15318 611	12,1	9 569 488	24 888 099	61,5	33 796 763
б) путь	9 876 453	7,8	9 447	9 885 900	99,9	14 494 038
<i>Итого по рекам.</i>	25 195 064	19,9	9 578 965	34 773 999	72,4	46 290 801
4. Моря:						
а) ссуда и оборотн. капитал Госпарох	1 099 776	0,9		1 099 776	100	1 203 656
б) путь	4 820 067	3,8	620 519	5 440 586	88,6	8 119 573
<i>Итого по морям</i>	5 919 843	4,7	620 519	6 540 362	90,5	9 323 229
5. Местный транспорт	3 358 046	2,6		3 358 046	100	3 806 280
<i>Всего</i>	126 000 106	100,0	282 225 536	408 225 642	30,8	416 152 910

• В источнике ошибка: здесь должно быть 48 290 801 и в окончательном итоге не 416 152 910, а 418 152 910. - *Ред.*

он получил только на 12 млн. ниже всей суммы дохода, а дотации получил на 40 млн. ниже всей дотации. Это характеризует то, что железнодорожный транспорт, по сравнению с другими отраслями нашего транспорта, стоит выше (см. табл. 2). Но я должен сказать, что в этом году с июля месяца наш водный транспорт перешел на хозяйственный расчет и есть все основания предполагать, что с этой задачей наш речной транспорт справится блестяще.

Если мы рассмотрим ту смету, которую мы предполагали на текущий 1923/24 год, то она представляет из себя следующее (см. табл. 3): по всему железнодорожному транспорту на эксплуатацию мы испрашиваем 570 652 146 червонных рублей против 476 млн. червонных рублей в прошлом году, т. е. почти на 100 млн. больше, но в эту сумму не включены новые работы, которые требуются на железных дорогах, на 20 млн. и сумма на оплату новых паровозов и вагонов, которую мы определили в 21 млн. Вопрос об этом еще рассматривается, так как Главметалл требует, чтобы мы сделали заказ на 45 млн. Доход мы рассчитываем в будущем году иметь 570 млн. руб. Таким образом, наш доход покрывает расход по эксплуатации. В прошлом году доход был 369 млн., т. е. мы предполагаем, что почти на 201 млн. получим в этом году дохода больше, чем в прошлом году, и это можно считать вполне возможным, ибо, как вам известно, в начале прошлого оперативного года, в октябре, ноябре, декабре 1922 г. и в январе 1923 г.; тарифы были, по сравнению с довоенными, очень низкими. Кроме того, размеры движения "были 11 тыс. вагонной погрузки ежедневно, а в этом году мы рассчитываем довести ее до 14 тыс.

Если мы перейдем к рассмотрению нашей железнодорожной сметы по отдельным параграфам расхода, приравняв их к тем же расходам 1913 г., то этот расход на пудо-версту — единицу работы — получится следующий (см. табл. 4): заработная плата на пудо-версту испрашивается нами вместо 100 руб. в 150 руб. вместе с социальным страхованием. Я эти две рубрики соединил, так как в 1913 г. не было социального страхования и так как социальное страхование относится к улучшению быта рабочих. Зарплата без социального страхования будет равняться 136,7% на пудо-версту по сравнению с 1913 г., а

Смета НКПС

	на 1923/24 г. проект НКПС — 2356840 млн. пудо-верст 39,3% от 1913 г. (по Госплану)			Смета на 22/23 г.
	на 1 млн. пудо- верст в черв. руб.	червон. рубли	%	червон. рубли
1. Зарплата	96	226 317 319	37	—
2. Соц. страх.	17	39 605 531	6,4	—
3. Топливо	48,4	114 062 700	18,6	—
4. Металлы	28,8	68 000 000	11,1	—
5. Шпалы	8,4	19 780 000	3,2	—
6. Прочие	43,6	102 886 598	16,9	—
7. Новые работы	8,5	20 000 000	3,3	—
8. Нов. паровозы и вагоны и ремонт их на заводах ВСНХ	8,9	21 100 000	3,5	—
<i>Итого</i>	259,5	611 752 148	100	476 889 900

Смета по остальным расходам

Содержание НКПС, ОКП, ОПС	
Водопуть	
Порты	
Шоссе	
Нов. работы по репе, портам	
Субсидии Аму-Дарье	
» за убыт. рейсы	
Дотация Дальюосу	
Оборотный капитал	

Вся смета расходная

Главмет. треб. $\frac{83\,421\,884}{44\,412\,500} = 127\,834\,384$, т. е. 133% от 1913 г., т. е. на 31,6

Мы предлагаем 89,1 млн., т. е. 92,6% от 1913 г.

В 1913 г. израсходовано всего 96,2 млн. черв. руб.

* Врачебная помощь, пенсион, пособия.

** Кроме того, по чрезвычай. смете 1 590 096 567 дов. руб.

Таблица 3

на 1923/24 год

2-й вариант			Фактич. смета жел. дор. 1913 г. 5 994 733 млн. пудо-верст коэф. 1,25			
на 1923/24 г. проект НКПС с измен. расх. по § 4 и по § 8 согл. требов. Главметалла						
на 1 млн. пудо- верст в черв. руб.	червон. рубли	%	довоен. рубли	млн. черв. руб.	на 1 млн. пудо- верст в черв. руб.	%
96	226 317 319	34,8	336 741 307	420,9	70,2	44,08
17	39 605 531	6	24 699 802*	30,8	5,2	3,23
48,4	114 062 700	17,5	126 644 389	158,3	26,4	16,57
35,4	83 421 884	12,8	52 830 138	66	11	6,92
8,4	19 780 000	3	18 806 670	23,5	3,9	2,46
43,6	102 886 598	15,9	134 161 974	167,7	27,9	17,56
8,5	20 000 000	3,1	46 904 204**	57,4	9,6	6,01
18,8	44 412 500	6,9	24 191 127	30,2	5	3,17
276,1	650 486 032	100	763 979 611	95,48	159,2	100

и видам транспорта

6 467 340	6 983 767	
10 399 783	12 345 565	
4 538 369	6 025 084	
2 641 735	4 207 553	
2 953 000	—	
120 000	—	
160 000	—	
27 280 227	—	
2 500 000	—	
30 000 000	—	
59 780 227	—	59 780 227
671 532 375	541 854 606	710 266 259

млн. руб. больше, чем израсходовано в 1913 г.

вместе с социальным страхованием, — 150%. На топливо мы испрашиваем 183,3%, на металл — 261,8%, а Главметалл желает даже, чтобы мы получили 321,6%, на шпалы — 215,3%. Прочие расходы, куда входят также и случайные расходы, поденная и сезонная зарплата и т. д., исчисляются в 156,2%. На новые работы — 88,5% на пудоверсту, т. е. ниже довоенного времени, и на новые паровозы и вагоны — 178%.

Таблица 4

Расход на 1 млн. пудо-верст в червонных рублях
1923/24 г. и в 1913 г.

	По проценту сметы НКПС на 1923/24 г. (черв. руб.)	% от 1913 г.	Дополн. требов. черв. руб. Глав. мет. к завыше НКПС	% к 1913 г.	1913 г. (черв. руб.)	%
Зарплата . .	96	136,7 } 150 327 }	—	—	70,2 } = 75,4 5,2 }	100
Соцстрах . .	17					
Топливо . .	48,4	183,3	—	—	26,4	100
Металл . . .	28,8	261,8	35,4	321,8	11	100
Шпалы . . .	8,4	215,3	—	—	3,9	100
Прочие . . .	43,6	156,2	—	—	27,9	100
Нов. раб. . .	8,5	88,5	—	—	9,6	100
Нов. пар. и ваг. и пр. .	8,9	178,0	18,8	376	5	100
<i>Итого</i> .	259,5	163%	276	173,3%	159,2	100

Если проанализировать смету, то мы увидим, откуда черпать средства, источники для удовлетворения и построения программы по зарплате. За топливо приходится платить по сравнению с 1913 г. 183,3%, но мы сжигаем на единицу работы на 40% больше, поэтому борьба с пережогом должна быть основным моментом, чтобы найти источник улучшения быта рабочих. То же самое металлы — 321%. Ясно, что мы должны поставить вопрос о дороговизне тех предметов, которые мы потребляем. Мы не можем платить втрое дороже довоенного времени, иначе мы должны увеличить тариф, что обозначало бы рост «нож-

ниц»; не «смычку», а «размычку» с крестьянством. Поэтому мы твердо должны вести борьбу за удешевление металла и топлива, что обозначает за упорядочение этих хозяйств.

Главметалл требует расхода металла и новых паровозов на 1 млн. пудо-верст 54,2 червонных рубля, т. е. 338,8% от 1913 г. (16 червонных рублей).

Какова должна была бы быть железнодорожная смета на 1923/24 г., если бы взять процентное отношение 1913 г., исходя из предполагаемого фонда зарплаты и социального страхования вместе по программе НКПС.

		%
1 и 2. Зарплата и соц. страх	265 922 850	47,31
3. Топливо	93 137 637	16,57
4. Металлы	38 896 346	6,92
5. Шпалы	13 827 314	2,46
6. Прочие	98 702 288	17,56
7. Новые работы	33 781 364	6,01
8. Новые паровозы и пр.	17 818 124	3,17
<i>Итого</i>	62 085 923	100

Вот данные, которые характеризуют нашу смету в этом году. Смета предположительная. Она еще рассматривается в Госплане и Наркомфине, и за нее не мало придется воевать. На первые месяцы, октябрь и ноябрь, нам дали следующую дотацию на весь НКПС: в октябре дали нам 8500 тыс. червонных рублей, в ноябре 6 млн., причем нам пришлось расхотовать:

	Октябрь 1923 г.	Ноябрь 1923 г.
1. Новые работы	2 200 000 черв. руб.	1 800 000 черв. руб
2. Содержание НКПС, ОПС и ОКП	541 000 » »	496 000 » »
3. Водопути	1 423 000 » »	1 335 000 » »
4. Порты	386 000 » »	451 000 » »
5. Шоссе	190 000 » »	168 000 » »
6. Новые паровозы и вагоны	1 900 000 » »	3 968 000 » »
7. Авансы и оборотные средства	7 300 000 » »	2 000 000 » »
<i>Всего</i>	13 940000 черв. руб.	10 218 000 черв. руб

т. е. не на эксплуатацию железных дорог мы должны были издержать в октябре 13 940 тыс., а дотация равнялась всего 8500 тыс. руб. В ноябре все эти расходы не на эксплуатацию составляли 10 218 тыс., а мы получили дотацию в 6 млн., т. е. должны были из выручки от эксплуатации железных дорог найти средства для оборотного капитала и на платежи по новым паровозам, которые непосредственно в эксплуатации не нужны.

По какому пути мы должны пойти? Была речь, что мы являемся одним из элементов увеличения расхождения «ножниц», что тарифы наши слишком высоки. Я сейчас продемонстрирую график, который докажет, что это неверно. Но спрашивается, должны ли мы их повысить, и тут нужно с полной категоричностью ответить — нет. Сейчас все зло нашей хозяйственной жизни в дороговизне и, хотя наши тарифы не высоки, нам необходимо принять участие в общей борьбе по снижению цен и поэтому никоим образом не повышать тарифов. Нужно продолжать борьбу с нашей бесхозяйственностью, что даст нам возможность принять на себя роль борца за улучшение всего народного хозяйства.

Для того чтобы мы могли удержаться на бездефицитном уровне, необходимо будет в области финансового хозяйства поставить себе на ближайшее время главной целью накопить оборотные средства. Это накопление оборотных средств должно произойти во что бы то ни стало. Если их у нас не будет, то в какое состояние мы приведем Мурманскую, Сибирскую, Ташкентскую и другие дороги, которые нуждаются в поддержке от нас. Необходимо твердое сознание всех транспортных работников, что железнодорожный транспорт — это единый организм. Если он расчленен на отдельные части, то это делается для технического удобства, но руководители и работники в своем сознании должны понимать, что он представляет собой единое целое. Поэтому нам в борьбе с бездефицитностью необходимо проводить жестким образом финансовую дисциплину, но вместе с тем нужно, чтобы каждая дорога понимала и помнила, что если она расходует средства, которые могла бы не расходовать, то этим самым отнимает средства у других дорог.

Третьего дня я должен был подписать приказ с выговором УЦД Октябрьской и УЦД Юго-Западных железных дорог за то, что они не выполняют тех требований о передаче денег, которые мы ставим. Мы требуем деньги не потому, что мы желаем воспользоваться их работой, но потому, что мы поставлены здесь для того, чтобы единство нашего транспорта держать в руках и развивать его.

Я вас прошу, товарищи, помочь нам в том, чтобы кредитная дисциплина была проводима, а вы должны от нас потребовать, чтобы мы давали вам отчеты не только на собраниях, но и письменные доклады, отчеты регулярные, куда и как мы расходует деньги. Можно тут сказать, что мы за последние месяцы приняли все меры для того, чтобы в центре расходы, которые велись бескредитно, сократить до максимальных размеров.

Я обращаюсь к вам с призывом на этот вопрос обратить сугубое внимание и следить за тем, чтобы места выполняли кредитную дисциплину.

Все наше будущее в удешевлении перевозок и в уменьшении себестоимости нашей работы, в поднятии уровня нашей жизни и жизни всего народа, в увеличении грузооборота. И, конечно, выполнение всех тех требований, которые страна к нам предъявляет. Этим мы победим.

Если пойдем по этому пути, мы победим так, как побеждали и преодолевали все препятствия до сих пор.

Главнейшую задачу, которая имеет общеполитическое значение, материальное — по смычке с крестьянством, мы выполнили. Борьба с голодом была доведена до благополучного конца.

За границей говорили, что нельзя помогать русским голодающим крестьянам, ибо эта помощь ни к чему, так как мы не сможем перевезти хлеб. Мы до последнего пуда перевезли хлеб, и АРА¹⁸⁹ должна была свидетельствовать, что транспорт справился со своей задачей и спас жизнь миллионам голодающих крестьян. Это создало такой фундамент, который сплачивает сильным цементом рабочих и крестьян.

Я в заключение должен передать здесь от председателя Центрального комитета помощи голодающим т. Калинина то, что он наградил нас вот этой грамотой, оценивающей услуги транспорта по борьбе с голодом. На этом я кончаю.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

3 декабря 1923 г.

Прежде всего я должен оговориться и сказать Романову и другим, которые меня, может быть, плохо поняли, относительно роли органов союза. Я оцениваю роль союза в восстановлении транспорта как весьма значительную и серьезную. Но я говорил о том, что сейчас взята определенная линия. Ведь до сих пор была такая линия: иди ты по своей дорожке, а я пойду по своей, идти каждому по своей дорожке. Сейчас и ВЦСПС и ЦК союза детально разрабатывают линию участия союза в производстве. С этой точки зрения я и говорю, не имея в виду недооценить роль союза в возрождении транспорта, ибо основой нашего возрождения является сознательное и организованное участие рабочих транспорта.

Я в своем заключительном слове хочу прежде всего ответить Амосову. Он говорит, что оглашенные мной цифры заработной платы неправильны. Я не знаю, так ли это. Мне кажется, что они правильны, ибо мы публиковали из месяца в месяц те фонды, которые мы дорогам давали. Насколько мне известно, фонд заработной платы был выплачен рабочим полностью, а благодаря местным договорам еще увеличивался на местах.

Вопрос относительно преувеличения я считаю вопросом колоссальной важности. Какое тут может быть преувеличение, если я говорю, что средняя заработная плата по тем ставкам, которые мы даем,— 24 руб. 76 коп. Разве это преувеличенная заработная плата, на которую можно развернуться? Зачем же еще преувеличивать. Надо туман в этой области рассеять, надо цифры подсчитать до конца

и без преувеличения. Тут есть два вопроса: во-первых, какой фонд мы отпускаем рабочим на места и какой фонд они получают в действительности. Дело союза, чтобы ассигнованный фонд был фактически получен рабочими. И когда здесь говорят: теория теорией, а практика практикой, я протестую против этого самым решительным образом. Наш фонд не должен быть теорией. Это есть средства нашего государства, которые рабочий класс должен получить полностью. А если это действительно только теория, то вы на местах должны поднять бучу, и Амосов' должен бороться беспощадным образом с этим, а не говорить с трибуны, что деньги, отпускаемые государством, были теорией.

Затем, тут многие, говоря об НКПС, как будто бы противопоставляли свою дорогу нам, НКПС. Мне кажется, что это неверно. Когда товарищи говорили о кредитной дисциплине, что отпускали кредиты такие-то, а денег недодали, что мы требуем от дорог денег, они не могут их уплатить, то это не так. Беспорядка в области финансовой много, но в чем основа? С какой точки зрения надо подходить? Я спрашиваю товарищей: что наш железнодорожный транспорт есть единый организм или нет? Деньги, которые мы отпускаем или не отпускаем,— это наши деньги? Какие это средства? Надо к этому вопросу подходить с точки зрения транспорта как единого целого. А если т. Осламов указывает на недочеты на своей дороге, то он лучше подумал бы о положении Сибирской дороги. Какие заработки, Лежава, у вас на Кавказской дороге? По нашим измерителям Лежава и Осламов должны были влиять на то, чтобы Закавказская дорога платила деньги НКПС, а вы не посылаете денег. Жаль, что вы, Закавказская дорога, к транспорту в СССР, который единый, подходите с вашей, дорожной, точки зрения. Это неправильно. Точно так же я спрошу вас, правильно ли было бы, если бы отдельные управления или отдельные участки требовали бы: дай мне мою кассу, с точки зрения данного участка, данного отделения? Это было бы неправильно. Мы строим единый транспорт, единый Союз Советских Социалистических Республик, и транспортный пролетариат в целом является борцом за этот транспорт. Перед рабочим государством сейчас, в 1923/24 г., встала проблема о том, что оно

не может дать нам ни одной копейки. Я вам демонстрировал эти «ножницы». Что они обозначают? Они обозначают то, что они могут перерезать Советское государство, ибо создалось известное несоответствие между теми расходами, которые несет государство, и тем, что крестьянин и рабочий может выдержать на себе. Ведь это наше, рабочее государство, мы должны им управлять, и мы должны свести концы с концами.

Не забывайте, товарищи, что с Запада на нас идет туча и что она нависла не только над нашим рабочим классом, но и над всем международным пролетариатом. Мы не должны забывать, что от нашей исправности, от того, сведем ли мы концы с концами, найдем ли мы достаточно средств, чтобы оборону страны поставить на надлежащие ноги,— от этого зависит не только судьба объединенных национальных республик, но и судьба всего международного пролетариата. В 1918—1919 гг. мы жили на четвертушке хлеба, и точно так же вопрос стоит сейчас. Конечно, сейчас дело идет не о четвертушке хлеба, а речь идет о том, чтобы согласовать зарплату, которая является одним из основных элементов, со всеми остальными. Мы должны во что бы то ни стало зарплату довести до того уровня, чтобы можно было жить и работать и все свое время отдавать той работе, на которую мы поставлены, но стоит и вопрос о согласовании. Мы слышали, как товарищ с Западной дороги говорил, что на материальное снабжение осталось только 9% всей сметы и дорога не может свести концы с концами.

У нас имеется целый ряд вопросов на транспорте, которые приходится разрешать, и те моменты, от которых зависит разрешение их, нами еще не обнаружены целиком и обнаруживаются только в процессе развития. Жизнь наша не установилась на одном уровне, она все время изменяется и отсюда происходят все неправильности и шероховатости. И вот одним из моментов, без разрешения которого мы сейчас не в состоянии будем справиться с теми задачами, которые стоят перед нами, является расчет дороги с дорогой. Тут один товарищ очень убедительно и правильно указывал на то, что у нас есть дороги, которые фактически не дефицитны, но числятся дефицитными. Почему это так? Потому что мы живем на основе распи-

сания, по выручке. А почему мы живем не по доходу? Вы знаете, что если у меня нет в кармане денег, чтобы купить одежду, то я должен ходить с заплатами. Я бы мог ее купить в том случае, если бы я прибегнул к ростовщику. Для нашей России таким ростовщиком являются капиталисты Западной Европы, которые говорят: «Мы вам окажем поддержку, но только в том случае, если вы откажетесь от принципов Советской власти». Поэтому нам приходится некоторое время ограничиваться для того, чтобы накопить оборотные средства. Как может происходить расчет дороги с дорогой? Мы должны, по нашим подсчетам, положить 9 миллионов в банк, чтобы они могли служить тем капиталом, на основе которого можно производить расчет. Но эти 9 миллионов нужно иметь. До тех пор, пока мы этих оборотных средств не получим, мы не сможем производить расчетов.

Товарищи тут жалуются, что мы не покрываем кредитов. Но как мы можем их покрыть, если Закавказская дорога хочет жить не по уровню СССР, а по своим потребностям? Откуда же мы возьмем деньги? Если мы теперь твердо подтвердим, что должны перейти на бездефицитность нашей эксплуатации, опираясь на наш труд, то это будет величайшим импульсом для того, чтобы отдельные дороги не производили тех расходов, без которых можно сегодня обойтись. Тов. Бандура жаловался, что ему дают летом деньги на заготовки, которые он должен сделать осенью. Но откуда я могу вам дать деньги осенью, когда их нет? Вы говорите, что это неправильно. Но вы должны нам сами давать деньги, иначе мы не можем посылать денег на Сибирскую дорогу. Нельзя так ставить вопрос, что мы должны были дать и не дали. Ведь у меня денег нет. Если бы т. Бандура доказал, что у меня были деньги и я их спрятал, то я был бы преступником и меня надо было бы прогнать. Вы так вопрос не ставите. Вы говорите о недочетах; их, правда, колоссальное количество. В царское время рабочий в среднем получал 34 руб., в переводе на червонные рубли это составит 42 руб. Сейчас он получает 24, т. е. немного больше 50 %.

Другой вопрос, который я пытался здесь развивать, это — вопрос о нашем участии в борьбе с дороговизной жизни, дороговизной металла и топлива. До сих пор по

вопросу о «ножницах» имеется некоторый уклон в сторону улучшения якобы наших аппаратов, и особенно торговых аппаратов, и таким образом центр тяжести переносился из производства в распределение — в торговлю. Если мы возьмем какой-нибудь груз и посмотрим, сколько он стоит, когда он выпускается с фабрики, и сколько он стоит, когда дойдет до крестьянина, то увидим, что иногда нарастает 200%, а иногда и все 400%. Но разве основная причина наращивания 400% — торговля? 400% нарастает потому, что слишком мало производство, — вот в чем дело. Если страна требует 1000, а мы даем ей 100, а иногда — 50, конечно, перекупщики будут скупать, так как смогут заработать. Центр тяжести должен перенестись в производство, чтобы удешевить его, а это можно сделать только, если увеличить самую продукцию. И нам по отношению к предметам нашего железнодорожного потребления и предметам бюджетного набора, которые определяют высоту зарплаты, нужно обратить все свое внимание.

Разрешите мне теперь остановиться еще на некоторых вопросах, которые были затронуты выступившими здесь товарищами.

Я здесь о перерасчете говорил. Говорилось, что ФКК¹⁹⁰ очень часто утверждает кредиты, которые потом не могут выполняться. Это величайший недостаток и укор для ФКК, так как они очень часто суммы и кредиты отпускают по общим предположениям, но тут оправданием может послужить следующее. Вы указывали, что мы и дальше практикуем месячные расходные расписания. Конечно, жить на железнодорожном транспорте, где нужно заготавливать вперед, при таком положении ужасно тяжело и невозможно, но дело в том, что мы зависим не только от себя, но и от всего народного хозяйства. В расходных расписаниях надо согласовать, какие платежи мы должны производить металлу, топливу, чтобы содержать их заводы за счет наших заказов, и, так как рубль еще не стабилизирован и нет у нас планового хозяйства, мы не можем развернуть квартального расходного расписания. С того момента, когда мы станем бездефицитными, переход наш с месячного расходного расписания на квартальное возможен и зависит целиком от

вас. Только я скажу, что очень часто, скажу прямо, нам приходится дорогам не доверять, потому что мы работаем нашими аппаратами, потому что аппараты дорог и наши не понимают, что мы строим рабочее государство, что в этой смете выражается сила и будущее наше. Каждой дороге кажется, что чем больше она от нас потребует, тем лучше она выиграет. Это неправильный подход, который делает ужасно трудным утвердить смету на более продолжительное время. Если бы мы имели таких уполномоченных и начальников дорог, которые в процессе выполнения своей сметы, увидав, что они могут данного кредита не использовать и расхода не производить,— не производили бы его, тогда легче было бы дать квартальное расходное расписание. Я в других докладах говорил, что мы потребовали от правительства на наш аппарат 500 млн. руб. А дороги чего от нас требуют? То же самое — неслыханные суммы. А каков наш измеритель, вы видели. Чтобы на более продолжительное время составить расходное расписание, надо величайшую работу провести на местах, и мы в центре должны сознавать, что тот уполномоченный, который подписал смету и не увеличивал, действительно поможет в нашей работе.

Вопрос потери на курсе, конечно, это есть при пересылке денег и т. д., тут некоторые стараются нажить на этом, и если вам известны случаи, как говорил представитель Ташкента, что дороге дали 600, а она получила 325, то это недопустимая вещь, так как существует соглашение с Госбанком, который нас охраняет от обесценения денег. Курс может падать, когда мы берем из банка деньги и передаем или от банка нужно развозить по линии, но это — потери неизбежные и для этого надо укрепить наши железнодорожные отделения Госбанка и использовать для своих денежных операций госбанковский аппарат.

Обвиняли еще нас, что мы преувеличивали доходы и преуменьшали расходы. Но тут мы зависим не от себя. Ежемесячно в Совете труда и обороны по предложению Наркомфина утверждается, какие у нас предполагаются доходы на следующий месяц, и мы даже уменьшили доходы от того постановления, которое было принято Советом труда и обороны. Кроме того, наша борьба в Совете

труда и обороны, чтобы не была преувеличена наша доходная смета, разбита, потому что мы часто говорили, что доход наш будет 30, а Наркомфин говорил 33 и в большинстве случаев по отношению к железнодорожному транспорту (не к речному, где Наркомфин допускал миллионные ошибки), но на железнодорожном транспорте на практике предположения Наркомфина оказались более правильными в общей совокупности, чем наши. Тут есть известные трудности — как эту общую выручку распределить. Грузовые потоки, размеры движения еще не установились и предвидеть, сколько на каждый месяц каждой дороге произвести перевозок, очень трудно. Происходят ошибки, с которыми приходится бороться.

Что касается подростков и рабфаковцев, должен сказать, что здесь вся работа наша еще впереди. Здесь недочетов масса. Мы действительно на рабфаковцев не обращали внимания, так как все внимание было обращено в другую сторону. Это одна из задач, которая должна быть отмечена и проведена с теоретическим сознанием в жизнь. И то же самое — известное разрешение этого вопроса надо, конечно, согласовать с теми средствами, которые можно будет получить.

Я хочу еще на важном вопросе остановиться — относительно местных, локальных договоров. Я не возражаю против того, чтобы часть экономии, образующейся от борьбы с бесхозяйственностью, шла на местные локальные договоры, но я должен сказать, что я этому не придаю значения и что мне кажется, что вести курс на местные локальные договоры, не высказываясь против них, мне кажется этот курс неправильным. Наш железнодорожный транспорт должен представлять из себя в финансовом отношении единое целое, и мы должны все вместе с ЦК союза стремиться к тому, чтобы зарплату поднять до возможного максимума. Ясно совершенно, что если вы будете придавать слишком большое значение местным локальным договорам, то Лежава у себя, Бандура у себя, другие у себя на так называемых доходных дорогах будут на НКПС производить нажим величайший, так как на дороге есть доход и кругозор данной дороги ограничен, а то, что нужно создать оборотный капитал для производства расчетов между дорогами, для поддержания дефи-

цитных дорог,— это будет уходить из круга их понимания. Но локальный договор имеет громадное значение, потому что он дает известный стимул, он дает известные права, а с другой стороны, известные обязанности ложатся на дорпрофсожи и все органы союза — наблюдать за производственным эффектом с точки зрения участия в производстве и участия в борьбе с бесхозяйственностью. В этом отношении локальные договоры имеют колоссальное значение. Но если руководители дорпрофсожа будут думать и полагать, что при помощи локальных договоров можно значительно улучшить положение местных работников против общего уровня, тут может произойти ошибка, потому что к данному вопросу нельзя подходить схематично и, увидав одну линию, идти по ней. Надо в решении вопроса локальных договоров исходить из интересов всего транспорта. Мне кажется, что по отношению к транспорту больше, чем по отношению к какой-либо другой отрасли нашего хозяйства, применимо постановление Коммунистической партии, что местные локальные договоры должны рассматриваться и утверждаться в центре.

Сейчас я отвечу товарищу с Южных дорог, который говорил о Крымском отделе, и в то же время сибирякам. Сибирские делегаты волнуются, что у них было 16 реорганизаций. Я должен сказать, что, может быть, придется пережить и 20 реорганизаций, если у вас плохо, так как реорганизуется там, где нехорошо.

(Голос. «Вы возвращаетесь к старому».)

Не всегда старое есть старое. Все зависит от того, куда ты идешь и откуда приходишь. Если я стою на этом месте, мне известно, хорошо это или плохо, и если плохо, то я постараюсь перейти на другое место, и тогда я опять смогу судить: хорошо или нет. Вы переживаете целый ряд исканий, и Советская власть не может обойтись без исканий. Мы до сих пор еще не можем от исканий отказаться, потому что у нас нет коммунистического строя, потому что мы имеем еще капиталистическое окружение.

(Голос. «Это очень дорого стоит».)

И революция дорого стоит. Если бы мы знали, что нам придется сидеть на четвертушке, не знаю, делали бы мы революцию. Здесь товарищ говорил о том, что надо разбиться по Сибири на три дороги и разбиться в сноше-

ниях с Наркомпути. Может быть, вы видите в этом вашу пользу, но вы должны помнить, что Сибирь является областью, там есть свой Сибирский революционный комитет, который является центром хозяйственной жизни, но который вас не удовлетворяет. Это происходит потому, что Сибирь имеет будущее, Сибирь страна будущего, а сейчас она замерла. Что же, разве вы вывозите масло, хлеб? Нет, Сибирь из производящей области превратилась в потребляющую, и вам приходится от этого страдать.

(Голос. «Тогда надо иметь меньше штатов».)

Что касается штатов, то поддерживаю вас целиком, но я не знаю, будет ли иметь управление дорог меньше штатов или больше.

(Голос. «Штатов будет меньше».)

Вы говорите, что будет меньше, и я думаю, что тем самым вы берете на себя обязательство, и я хотел бы эти обязательства зафиксировать потому, что мы голословных подтверждений слышали очень и очень много. Я затаил свое заключительное слово. У меня остались еще ответы на записки, которые были поданы. Так как время затянулось и здесь я на многое дал ответ, то разрешите мне или в «Гудке» или как-нибудь еще ответить более подробно, или же вы найдете возможным продлить время для ответов. Мне потребуется еще пять минут. (Время предоставляется.)

Здесь подана записка о том, не лучше ли объединить дорогу Орловско-Витебскую и Сызрано-Вяземскую. Мне кажется, что подходить с точки зрения штатной к этому вопросу не приходится. Если мы будем исходить из точки зрения штатов, мы можем объединить такие вещи, которые не могут быть объединены. Мне кажется, зимой не время и не место кроить и перекраивать; и не надо также было трогать Донецкую дорогу до весны, и пока все эти перестройки и перекройки отложить.

Одесский линейный отдел показал, что при меньшем объеме он работает лучше.

Затем здесь идет вопрос относительно чистки состава и о красных специалистах. Вопрос относительно обучения красных специалистов — это вопрос будущего. Этот вопрос еще впереди, что же касается командного состава, мне кажется, в центре и на местах мы подходим

к тому моменту, когда можем различить специалистов и не специалистов. У нас очень много так называемых «специалистов», которые укрепились в канцеляриях, сидят и не попадают под сокращение штатов. Мне кажется, что таких «специалистов» надо посылать на линию. Что касается молодых красных специалистов, то мы к этому вопросу вполне не подошли. Использование красных рабфаковцев, использование свежих научных сил — это есть еще вопрос, который стоит перед нами.

Здесь товарищ говорил о том, что мы еще не можем использовать лома, что он валяется. Вопрос о ломе — это сложный вопрос. Конечно, когда лом валяется на дороге — это непорядок, и не дело на конференции об этом говорить, а надо прямо взгреть тех, кто должен этим заниматься. Что касается вообще лома, то уже была политика со стороны конвенции синдиката промышленности скупать у нас лом по 18—20 коп., в то время как в довоенное время он стоил 50 коп. В то же время они за изделия с нас требуют в полтора раза больше. Конечно, от такого предложения надо уклониться, и надо упорядочить свое хозяйство, разумеется, не так, чтобы дешево платить за лом и дорого за изделия.

Какова ценность оглашенных мною цифр и данных? Не я их составлял, составлял наш аппарат. Я лично, как комиссар путей сообщения, конечно, ответствен за работу НКПС в целом. Думаю, что, когда эти данные будут опубликованы, вы сможете их проверить.

В заключение я хочу сказать, что вся работа и вся надежда, что наш транспорт будет восстановлен, базируется на одном — что профсоюз и его организации примут, как принимали и до сих пор, самое активное и решающее участие в работе наших хозяйственных органов на транспорте.

«Доклад народного комиссара путей сообщения тов. Дзержинского на конференции союза железнодорожников 3 декабря 1923 г.».
М., «Транспечать»

Печатается по тексту книги

РЕВИЗИИ ПОДСОБНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

У нас работают без числа комиссии, совещания, учреждения, отдельные «государственные» люди над тем, как удешевить товары в производстве и в продаже для потребителя. Намечается ряд мер. Но главное, мне кажется, уметь подобрать людей. Здесь нужны уже не государственные мужи и не литераторы, а скромные муравьи — практики, одушевляемые великой идеей создания рабоче-крестьянского государства. Надо найти и самим быть каменщиками этого здания — уметь укладывать кирпич за кирпичом этого колосса. Колосс этот только в душе, но без него нельзя кирпичей укладывать, ибо в результате получится может совсем обратное. Таким образом, самый скромный труженик-практик должен иметь цель перед собой и в себе. Значит, надо быть борцом в самом малом деле — торговли и производства, иначе ничего не выйдет. А это значит быть честным прежде всего и уметь подбирать честных людей, готовых в «малом» деле служить великому делу.

Я хотел такую узкую поставить задачу: организовать комиссионную контору, без коммерческих тайн, для снабжения транспорта возможно лучшими и дешевыми изделиями и материалами, для намечения и принятия мер по улучшению их качества и по удешевлению их; для использования опыта и практики такой конторы — для подражания или широкой борьбы, для наблюдения и сравнения с деятельностью самих дорог, — т. е. для инструктирования их и вскрытия злоупотреблений; для изучения рынка и движения цен и спекуляции, для вытеснения па-

разитов — ненужных посредников, вздувающих цены или играющих на понижение и повышение; для поддержки транспортной кооперации и выявления ее недостатков и болезней; для дальнейшего расширения поля деятельности и на предметы потребления рабочего-транспортника.

Такая контора могла бы стать главным информатором о махинациях рынка и производства и могла бы давать самые целесообразные и действительные указания для борьбы и предупреждения этих махинаций.

Сосредоточив свое внимание на предметах снабжения транспорта, она не разбрасывалась бы, а вместе с тем, развернув свою работу, оказала бы решающее давление па все остальные отрасли и была бы живым доказательством по своим результатам, что может сделать честное, знающее свое дело учреждение с малым личным составом, но подобранным и поставленным в рабочем государстве сугубо коммерчески, т. е. с максимальной пользой для государства.

Ф. Дзержинский

6/ХII-23 г.

Г. И. БЛАГОНРАВОВУ

У меня впечатление, что всякие сообщения в «Гудке» и других местных органах союза нами (НКПС) недостаточно используются и не проверяются. Прошу при устном докладе сообщить мне, в каком положении дело. Я думаю, что дело должно быть сосредоточено в ЦА¹⁹¹. Проверка же через подлежащие органы. Если мы на это дело обратим внимание, то газеты станут мощным орудием возрождения транспорта. Теперь важнее всего работа в деталях. Надо изгнать из газет демагогию и вранье и пригласить всех транспортников через газету указывать на все случаи бесхозяйственности, тунеядства и безделья. Сговоритесь по этому вопросу с т. Груниным. Необходимо издать циркуляр ко всем на УЦ¹⁹², чтобы на сообщения в органах союза реагировали.

[1923 г.]

Ф. Дзержинский

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Э. БУЛГАК *

[Ковенская тюрьма]. 13 января 1898 г.

Дорогая Альдона!

Спасибо, что написала мне. Действительно, когда ты почти ничем не занят, когда ты совершенно оторван от жизни, от работы, то получать и писать письма может доставлять известное удовольствие. Ведь я постоянно нахожусь в своих «апартаментах», поэтому новых впечатлений, можно сказать, совсем нет, разнообразия в жизни не существует... Поэтому ценны для меня теперь письма, которые дают какие-нибудь новые впечатления. Но довольно об этом. Ты называешь меня «беднягой»,— крепко ошибаешься. Правда, я не могу сказать про себя, что я доволен и счастлив, но это ничуть не потому, что я сижу в тюрьме. Я уверенно могу сказать, что я гораздо счастливее тех, кто на «воле» ведет бессмысленную... жизнь. И если бы мне пришлось выбирать: тюрьма или жизнь на свободе без смысла, я избрал бы первое, иначе и существовать не стоило бы. Поэтому, хотя я и в тюрьме, но не унываю. Тюрьма тем хороша, что есть достаточно времени критически взглянуть на свое прошлое, а это принесет мне пользу... Тюрьма страшна лишь для тех, кто слаб духом...

По всей вероятности, мне придется еще один годик здесь пробыть, так что твоим желаниям насчет 1898 года не придется осуществиться.

...Не воображай, что тюрьма невыносима. Нет. Стась ** так добр, что заботится обо мне; у меня есть книжки, я занимаюсь, изучаю немецкий язык и имею все необходимое даже в большем количестве, чем имел на воле...

Как здоровье твоего Рудольфика? Он должен был уже подрасти, ходит ли и говорит ли? Смотри, воспитывай его так, чтобы он ставил выше всего честность — такой человек во всех жизненных обстоятельствах чувствует себя счастливым. В этом я уверяю тебя. В одной книжке я прочел, что убаюкивание ребенка покачиванием влияет на него, подобно опиуму, и вредит как физическому, так и умственному и нравственному его развитию. Если

* Альдона Эдмундовна Булгак — сестра Ф. Э. Дзержинского. Письма к родным даются с сокращениями.— *Ред.*

** Станислав Эдмундович — брат Ф. Э. Дзержинского.— *Ред.*

заставлять ребенка спать, когда он не хочет, покачивая из стороны в сторону, то есть искусственным способом,— то это непосредственно влияет на мозг, а отсюда на весь организм. Такой способ убаюкивания возник уже давно и не для пользы ребенка, а для удобства родителей. Для того чтобы не терять времени, мать прятала, а ногой качала ребенка. Это весьма и весьма вредно.

Что такое с Ядвисей? * Напиши подробнее. Через неделку и я постараюсь ей написать. Ты спрашиваешь о моем здоровье — оно так себе. Глаза немного разгулялись.

Как поживает Гедимин? ** Будьте все здоровы, веселы, довольны жизнью. Обнимаю всех троих.

Любящий брат Феликс

Напечатано в 1946 г. в журнале
«Пограничник» № 14

Печатается по машинописной копии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

А. Э. БУЛГАК

[Нолинск]. 7 сентября 1898 г.

Дорогая Альдона!

Я обещал написать тебе тотчас же после освобождения, но как-то все откладывал и только сейчас пишу вам... Освободили меня лишь 14 августа. Дорога была чрезвычайно «приятная», если считать приятными блох, клопов, вшей и т. п. Я больше сидел в тюрьмах, чем был в дороге. По Оке, Волге, Каме и Вятке я плыл пароходом. Чрезвычайно неудобная эта дорога. Заперли нас в так называемый «трюм» как сельдей в бочке. Недостаток света, воздуха и вентиляции вызвали такую духоту, что, несмотря на наш костюм Адама, мы чувствовали себя как в хорошей бане. Мы имели в достатке также и массу других удовольствий в этом же духе. Но хватит о них, не стоит об этом думать, так как выхода из этого при моем теперешнем положении я сам найти не могу.

Освободили меня в Вятке, разрешили ехать за свой счет в уездный город Нолинск. В Вятке при строительстве железной дороги живет г. Завиша. Его знакомый одолжил мне 20 рублей и дал одежду,— все это надо оплатить. Всего 60 рублей. Я нахожусь теперь в Нолинске, где должен пробыть три года, если меня не возьмут в солдаты и не сошлют служить в Сибирь на китайскую границу, на реку Амур или еще куда-либо. Работу найти здесь почти невозможно, если не считать здешней махорочной фабрики, на которой можно заработать рублей 7 в месяц. Население здесь едва достигает 5 тысяч жителей¹!. Несколько ссыльных из Москвы и Питера — значит, есть с кем поболтать, однако беда в том, что мне

* Ядвига Эдмундовна — сестра Ф. Э. Дзержинского.— *Ред.*

** Г. А. Булгак — муж Альдоны Эдмундовны.— *Ред.*

противна болтовня, а работать, работать так, чтобы чувствовать, что живешь, живешь не бесполезно,— здесь негде и не над кем. Стараюсь быть косвенно полезным, то есть учусь. Имеется здесь немного книг. Есть земская библиотека. Знакомлюсь с деятельностью земств, которых у нас * нет еще до сих пор. Хожу гулять и забываю тюрьму, вернее, забыл уже ее, однако неволи не забываю, так как и теперь не свободен. Но настанет время, когда буду на воле, а тогда, тогда они заплатят за все. Однако наскучил тебе наверно.

Так будьте же здоровы, целую вас обоих с деточками.

Ваш Ф. Д.

Я писал это вчера вечером, т. е. 6 сентября. Сегодня прочел письмо и вижу, что ты будешь недовольна, так как, собственно, я мало написал о том, как здесь устроился. Я нанял себе комнатку, столуюсь у одного ссыльного, но думаю от этого отказаться, ибо нужно ежедневно ходить к нему, а осенью здесь такая грязь, что, выражаясь гиперболически, можно утонуть... Жизнь здесь вообще сравнительно дешевая. Но промышленные товары вследствие отдаленности от железной дороги дороже почти вдвое, чем у нас. Существует проект построить железную дорогу от Вятки через Нолинск в Казань, и, кажется, он скоро будет утвержден правительством. Пусть строят дороги, пусть эти дороги несут с собой развитие капитализма, пусть служат им на здоровье! Но вместе с дорогами проникнет сюда и клич свободы, как призрак, как бич, страшный для них клич «света и хлеба!», а тогда — тогда померимся силами! В проведении железных дорог и в неизбежном в связи с этим развитии фабрик многие видят лишь отрицательную сторону. Они утверждают, что все это приводит исключительно к нужде большинства, централизует за счет крестьянских и ремесленных масс богатство в руках отдельных богачей и понижает жизненный уровень массы. Однако имеются две стороны медали: рост фабрик действительно способствует росту нужды (росту, так как она и без этого существует), но, с другой стороны, объединяет людей, что дает возможность рабочему бороться, придает ему силы и несет ему свет на смену забитости. Пусть же строят дороги, а дороги им необходимы, пусть развивают эксплуатацию — и тем самым роют себе могилу! А мы, ссыльные, должны теперь набираться сил как физических, так и умственных и моральных, чтобы быть подготовленными, когда настанет время. Правда, мало кто завидует нашей участи, но мы, — видя светлое будущее нашего дела, видя и сознавая его мощь, сознавая, что жизнь избрала нас борцами, борясь за это лучшее будущее, — мы никогда, никогда не сменили бы своего положения на мещанское прозябание. Нас меньше всего удручают всякие жизненные неприятности, так как жизнь наша состоит в работе для дела, стоящего превыше всех повседневных мелочей. Дело наше родилось недавно, но развитие его будет беспредельным, оно бессмертно... Но зачем, спросишь ты,

* — то есть в Польше. — Ред.

я пишу тебе все это? Не сердись, поток моих мыслей как-то невольно повернул в эту сторону. Когда я пишу кому-либо из нашей семьи, мне всегда приходит в голову мысль: почему пока только я один из нашей семьи вступил на этот путь? Как хорошо было бы, чтобы все! О, тогда ничто не мешало бы нам жить, как братья, даже больше и ближе, чем братья. Но жизнь разделила нас, одних унес один поток, а других — другой... И именно это противоречие делает наши отношения — ну... не совсем прямыми. А теперь до свиданья, не сердись за мои мысли. Я откровенен, поэтому сердиться трудно.

Тот же.

Письма к братьям один раз писал на адрес дома Пиляра, а другой — на имя Завадского, думая, что после смерти тетки там никого нет. Если будет время, напиши ко мне несколько слов.

Ваш Феликс

*Напечатано в 1951 г. в книге:
Feliks Dzierzynski. «Listy do siostry
Aldony» (Феликс Дзержинский.
«Письма к сестре Альдоне»).*
Варшава

*Печатается по фотоконии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС*
Перевод с польского

А. Э. БУЛГАК

[Нолинск]. Сентябрь — 5 ноября 1898 г.

Дорогая Альдона!

Вчера и позавчера получил твои письма. Вижу по ним, что ты мной очень недовольна (кстати, я не сказал бы, чтобы и сам я был доволен собой), а проистекает это оттого, что ты совсем не понимаешь и не знаешь меня. Ты знала меня ребенком, подростком, но теперь, как мне кажется, я могу уже назвать себя взрослым с установившимися взглядами человеком, и жизнь может меня лишь уничтожить, подобно тому, как буря валит столетние дубы, но никогда не изменит меня. Я не могу ни изменить себе, ни измениться. Мне уже невозможно вернуться назад. Условия жизни дали мне такое направление, что то течение, которое захватило меня, для того только выкинуло меня на некоторое время на безлюдный берег, чтобы затем с новой силой захватить меня и нести с собой все дальше и дальше, пока я до конца не изношусь в борьбе, т. о. пределом моей борьбы может быть лишь могила...

Однако вернусь к делу: я сказал, что ты не знаешь меня. Ты говоришь: «Вы не признаете семьи, чувство ваше сильнее ко всем вообще, нежели к отдельным людям, составляющим семьи». Во-первых, буду говорить исключительно за себя, так как, правду говоря, не знаю своих братьев. Итак, ты говоришь, что я не признаю семьи. О, ты глубоко ошибаешься. Я говорю лишь, что сего-

днешняя форма семьи приносит почти исключительно плохие результаты. Почти для всех классов общества она приносит сегодня лишь страдания, а не облегчение, не радость. Прежде всего, возьмем пример из жизни рабочего класса. Я знаю семью — а таких тысячи, — в которой и отец и мать работают на табачной фабрике (здесь в Нолинске) с 6 час. утра до 8 час. вечера. Что могут получить дети от семьи, поставленной в такие условия? Питаются они плохо, нет за ними надзора; а как только подрастут, они нередко должны взяться за работу раньше, чем за букварь, чтобы прокормить самих себя. Скажи, что может дать им семья?

Беру другую общественную группу — крестьян: здесь семья еще отчасти сохранила почву под ногами, но чем дальше, тем последняя все больше ускользает. Большой частью крестьянин вынужден теперь искать побочных заработков, так как земля слишком часто не может его прокормить, и чем дальше, тем эти побочные заработки становятся все более важной частью его бюджета. Он должен помогать семье, поддерживать ее, а не она его; понятно, что при таких условиях и крестьянская семья должна постепенно разрушаться.

Перейду теперь к классу богатых. Здесь прежде всего бросается в глаза то, что семья возникает почти исключительно из коммерческих побуждений, во-вторых, распутная женщина в семье клеймится ужасным позором, в то время как распутник мужчины — обычное явление. Мужчине у нас разрешается все, а женщине — ничего. Так разве можно считать примерными эти семьи, в которых женщине-рабыне противопоставляется деспот-мужчина, где коммерческие цели играют доминирующую роль? А каково может быть здесь отношение детей к родителям? Тут, правда, могут иметь место более теплые взаимоотношения, так как родители содержат своих детей, учат их, угождают им, дают средства к жизни; но нельзя сказать, чтобы их взгляды во всем сходились. Жизнь идет вперед, она изменяется, и особенно быстро теперь. Дети вырастают в совершенно иной атмосфере, чем вырастали их родители, поэтому вырабатываются в них другие убеждения, идеи и т. д., и это является причиной антагонизма между отцами и детьми.

Теперешняя семья может удовлетворить и частично удовлетворяет лишь имущие классы. Поэтому-то они не могут и не хотят понимать критики сегодняшней семьи с точки зрения неимущих. Им ведь хорошо, и хорошо потому, что другим плохо: их семья может существовать лишь уничтожая другие, а именно рабочие семьи.

Итак, видишь, Альдона, что я борюсь и боролся не против семьи вообще, а против теперешней ее формы. Жизнь разрушает семью, отнимает все ее положительные стороны и для подавляющего большинства человечества оставляет лишь отрицательные. Семья же зажиточных классов с ее проституцией противна. Не в самой семье дело, — меня интересует благосостояние эксплуатируемых классов, на котором зиждется семья, мораль, умственное развитие и т. д. Что же касается чувства, то могу сказать тебе: жизнь наша такова, что требует, чтобы мы преодолевали наши чувства

и подчиняли их холодному рассудку. Жизнь не допускает сентиментов, и горе тому, кто не в силах побороть свои чувства. Ты говоришь, будто наши чувства относятся в большей мере ко всему человечеству, чем к каждому человеку в отдельности. Не верь никогда тому, будто это возможно. Говорящие так — лицемеры: они лишь обманывают себя и других. Нельзя питать чувства только ко всем вообще: все вообще — это абстракция, конкретной же является сумма отдельных людей. В действительности чувство может зародиться лишь по отношению к конкретному явлению, и никогда — к абстракции. Человек только тогда может сочувствовать общественному несчастью, если он сочувствует какому-либо конкретному несчастью каждого отдельного человека...

Наше общество сегодня так построено, что делится на разные классы, интересы которых прямо противоположны. Вследствие этого то, что для одного счастье, — для другого будет несчастьем. Возьмем пример — голод от неурожая. Для массы народа это несчастье. Некоторые же воспользуются этим несчастьем и набьют свои карманы деньгами (торговцы хлебом)... Или избыток рабочих рук. Для рабочих это несчастье, ибо он принуждает их идти на уступки и соглашаться на низкую заработную плату. Для господ предпринимателей и помещиков это будет счастьем и т. д. Сегодня «счастьем» и вообще ближайшим идеалом считаются деньги, ибо они предоставляют все, чего захочет душа.

Видишь, дорогая Альдона, что никогда я не думал обо всем обществе, а только о рабочем классе, который для меня был и есть близок.

Я видел и вижу, что почти все рабочие страдают, и эти страдания находят во мне отклик, они принудили меня отбросить все, что было для меня помехой, и бороться вместе с рабочими за их освобождение. Борьба эта принуждала и принуждает меня бороться с самим собой и с теми чувствами, которые я унес из своей среды; я должен был их преодолеть, потому что они вредили моей работе. Не думай, Альдона, что это касается только тебя. Нет. Это касается как сестер, так и братьев, которые, как мне кажется, пошли иной дорогой. И это касается не только семьи, но также и других. Знаешь, Альдона, что из своих друзей по гимназии я теперь никого не могу назвать этим именем. Чтобы идти прямо своим путем, я должен побеждать в себе чувства, которые питал по отношению к ним. Следовательно, Альдона, существуют более глубокие, чем ты думаешь, причины перемены наших отношений. А понимая это, можно легко избегнуть массы неприятностей.

Вышесказанное я писал уже давно, сегодня 5 ноября, а писал я в сентябре... Я за это время должен был переехать уже на третью квартиру. Я жил месяц у рабочих, уплачивая полтора рубля в месяц. Работал также сам на махорочной фабрике, но уже бросил, ибо глаза мои снова разболелись. У меня пышная трахома. Некоторые думают, что я могу даже ослепнуть со временем, но я говорю, что это глупость... Последнее время я занимался переписыванием, но у меня нет уже этой работы. Уезжал я также верст за 20 отсюда на несколько дней работать у инженера-прохвоста (порядочного эксплуататора), он обокрал меня на 50 коп., т. е. на

целый день труда. Теперь пока еще ничем не занимаюсь. До 12 ноября имею недурную квартиру. Вот и все у меня.

Как воспитываются твои детки? Воображаю себе, как должен был вырасти Рудольф, сколько ты от него можешь иметь радостей, а также и хлопот. Я люблю ребят, у некоторых здешних ссыльных тоже имеются дети. Они услаждают меня. Из Вильно и из других городов сплошь шлют и шлют в эту губернию. Всех ссыльных будет здесь, по крайней мере, 300 семей. Думают будущей весной строить железную дорогу из Вятки в Казань.

Вещей до сих пор не прислали, напиши Стасю, что и не надо. Пришлось бы уплатить по 20 коп. за фунт на почте; поэтому лучше подождать до весны, когда начнется пароходное сообщение. Белья же и одежды хватит. Книги здесь есть.

Я слышал, что в Вильно были аресты по поводу памятника «вешателю»¹⁹³. Напиши мне об этом все, что знаешь. Если Стась в Вильно, то, может быть, он бы узнал, что будет с моей воинской повинностью, может, меня не примут из-за моей трахомы?

Будьте здоровы. Целую вас четверых.

Феликс

*Частично напечатано в 1937 г.
в журнале «Молодая гвардия»
№ 10-11*

*Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

А. Э. БУЛГАК

[X павильон Варшавской цитадели].
8 марта 1900 г.

Дорогая Альдона!

Вот уже месяц прошел с тех пор, как я писал тебе. Я напрасно просил тебя тогда, чтобы ты помогла мне получить белье, так как Казю узнал о моем аресте и прислал мне его. Он мне написал, что его исключили из школы и что он собирался поступить на работу где-то около Минска,— не знаю, уехал ли он уже туда. Он забыл сообщить мне свой адрес, и поэтому я не могу ему ответить.

Что касается меня, то я чувствую себя довольно хорошо. Жизнь выработала во мне, если можно так сказать, фаталистические чувства. После совершившегося факта* я не вздыхаю и не заламываю рук. Отчаяние мне чуждо, и в самом деле во сто крат лучше сидеть здесь, в крепости, нежели там, в проклятом Кае. Здесь я не забочусь о хлебе, не сталкиваюсь с грязью повседневной жизни, здесь нет иллюзии свободы, здесь ничто не оскверняет моих чувств и мыслей, а то, что здесь условия хуже для физиче-

* — то есть второго ареста.— *Ред.*

ского здоровья, так это лишь капля в том море нашей умственной и психической жизни, которая отличает нас от животных.

Летом в Кайгородском я весь отдался охоте: с утра до поздней ночи то пешком, то на лодке я выслеживал дичь. Никакие препятствия меня не останавливали. Лесная чаща калечила мое тело. Я часами сидел по пояс в болоте — выслеживал лебедя. Комары и мошки, точно иголки, кололи мне лицо и руки; дым разъедал глаза, когда я ночевал над рекой. Холод охватывал все тело, и зуб на зуб не попадал, когда вечерами по грудь в воде мы ловили сетью рыбу или когда под осень я выслеживал в лесу медведя. Ты спросишь, что гнало меня из дому? Тоска по родине... по той, которая так врзалась в мою душу, что ничто не сможет вырвать ее, разве только вместе с самим сердцем.

Ты думаешь, может быть, что эта охотничья жизнь хоть сколько-нибудь меня успокоила? Ничуть! Тоска моя росла все сильней и сильней. Перед моими глазами проходили различные образы прошлого и еще более яркие картины будущего, а в себе я чувствовал ужасную пустоту, которая все возрастала... Я почти ни с кем не мог хладнокровно разговаривать... Эта жизнь в Кае отвращала меня... Я собрал свои последние силы — и бежал. Я жил недолго, но жил. Теперь ты должна понять мой «безумный поступок» и, пожалуй, не будешь меня упрекать за него.

Будь добра, напиши мне, получила ли ты оба моих письма. Целую всех вас.

Феликс Дзержинский

Напечатано в 1937 г. в журнале
«Молодая гвардия» № 10-11

Печатается по машинописной
копии, хранящейся в архиве Ин-
ститута марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

А. Э. БУЛГАК

[Седлецкая тюрьма]. 8 октября 1901 г.

Дорогая Альдона!

Пару дней назад я получил твое письмо. Меня очень радует, что наконец-то у вас предвидится получение работы. Я прекрасно понимаю ваше состояние — не иметь возможности найти себе места в жизни, имея таких прекрасных детей, обязывающих родителей работать для них.

Однако я часто думаю о том, как нас разделила жизнь, как по-разному она сформировала наши души; что для одного из нас несчастье — для другого является лишь пустяком.

Я на много моложе тебя, но думаю, что за свою короткую жизнь я впитал столько различных впечатлений, что любой старик мог бы этим похвастаться. И действительно, кто так живет, как я, тот долго жить не может. Я не умею наполовину ненавидеть

или наполовину любить. Я не умею отдать лишь половину души. Я могу отдать всю душу или не дам ничего. Я выпил из чаши жизни не только всю горечь, но и всю сладость, и если кто-либо мне скажет: посмотри на свои морщины на лбу, на свой истощенный организм, на свою теперешнюю жизнь, посмотри и пойми, что жизнь тебя изломала, то я ему отвечу: не жизнь меня, а я жизнь поломал, не она взяла все из меня, а я брал все от нее полной грудью и душой. Да! Ибо люди создали себе богатства, и эти богатства, эти мертвые предметы, созданные ими, приковали к себе своих творцов, так что люди живут для богатства, а не богатство существует для людей!

Дорогая Альдона! Далеко друг от друга разошлись наши пути, но память о дорогах и еще невинных днях моего детства, память о матери нашей — все это невольно толкало и толкает меня не рвать нить, соединяющую нас, как бы тонка она ни была. Поэтому не сердись на меня за мои убеждения; в них нет места для ненависти к людям. Я возненавидел богатство, так как полюбил людей, так как я вижу и чувствую всеми струнами своей души, что сегодня... люди поклоняются золотому тельцу, который превратил человеческие души в скотские... и изгнал из сердец людей любовь. Альдона, не сердись! Помни, что в душе таких людей, как я, есть искра... которая дает счастье даже на костре.

Только детей так жаль... Я встречал в жизни детей, маленьких, слабеньких детей с глазами и речью людей старых, — о, это ужасно! Нужда, отсутствие семейной теплоты, отсутствие матери, воспитание только на улице, в пивной превращают этих детей в мучеников, ибо они несут в своем молодом маленьком тельце яд жизни, испорченность. Это ужасно! Я страстно люблю детей... Когда я думаю, что, с одной стороны, ужасающая нужда, а с другой — слишком большое богатство ведут к вырождению этих малышей... то я радуюсь за твоих деток, что вы не богачи, но и не бедняки, что они с детства увидят необходимость работы, чтобы жить, а значит, из них выйдут люди. Ведь дети — это будущее! Они должны быть сильны духом и сызмальства приучаться к жизни...

Не сердись на меня за это письмо, но ведь письма только тогда имеют смысл, если писать от сердца, писать то, что человек думает...

Когда выздоровеешь, обязательно пиши мне о своих детях: как они растут, каковы их способности, что их интересует, какие вопросы тебе задают, как ты их воспитываешь, даешь ли им много свободы или держишь в строгости, красивы ли они, с кем играют, много ли шумят и дерутся — одним словом, когда только будет у тебя желание, пиши мне о них. Я так хотел бы узнать, как развиваются их невинные души, еще не знающие ни зла, ни добра.

Что касается меня, то я надеюсь, что не более как через два месяца буду, вероятно, выслан в Якутский округ Восточной Сибири. Здоровье мое так себе — легкие действительно начинают меня немного беспокоить. Настроение переменчиво: одиночество в тюремной камере наложило на меня свой отпечаток. Но силы духа у меня хватит еще на 1000 лет, а то и больше... Я и теперь в тюрьме вижу, как горит неугасимое пламя — это пламя мое сердце

и сердца всех моих товарищей, терпящих здесь муки. О своем здоровье мне нечего самому заботиться, ибо это здесь обязанность других. Кормят так, чтобы не умереть с голоду, на $7\frac{1}{2}$ коп. в день, зато воды сколько угодно и даром — в деревянных бочонках...

Что касается денег, то они мне, вообще говоря, нужны, ибо «я» — это тысячи и миллионы. Чье же, однако, золото прокормит столько? Такое чудо может совершить лишь сердце, охватывая миллионы своей любовью. Так не присылай мне никоим образом денег, — ты уже награждаешь меня от всего сердца тем, что не забываешь обо мне и пишешь мне свои теплые письма, хотя, наверное, многое не нравится тебе во мне...

Вероятно, вскоре ко мне придет на свидание моя знакомая из Вильно. Как видишь, живу, и люди не забывают обо мне, а поверь, что сидеть в тюрьме, имея золотые горы, но не имея любящих тебя людей, во сто крат хуже, чем сидеть без гроша, но знать, что там, на свободе, о тебе думают... Поэтому я так тебе благодарен за твои письма, за твое доброе сердце и память обо мне.

Ты мне писала о Ядвиге, что у нее «золотое сердце» — никогда не пиши мне так. Иметь золотое сердце — это значит не иметь живого сердца, а ведь только такое сердце может чувствовать и биться в такт с жизнью; золото же может быть символом только того, что смердит.

Целую тебя и твоих милых деток.

Твой Феликс

Напечатано в 1037 г. в журнале
«Пограничник» № 14

Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

А. Э. и Г. А. БУЛГАК

[Седлецкая тюрьма]. Начало ноября 1901 г.

Дорогие Гедимин и Альдона!

Письма ваши и фотографии ребятишек я получил и сильно тронут вашей сердечностью. Но с некоторых пор в наши отношения вкралось недоразумение; откровенно говоря, мне стало неприятно, так как я понял, что вы считаете меня «возвратившейся заблудшей овечкой»; вы думаете, что теперь моя жизнь, мои мысли и действия станут на «правильный путь», что «зло» исчезнет теперь, что «бог будет бдеть надо мной» (что, одним словом, я снова стал католиком). Нет! Вы меня абсолютно не поняли... Каким я был раньше, таким и остался; что раньше меня огорчало, то и теперь огорчает; что я раньше любил, то люблю и сейчас; что меня раньше радовало, то продолжает радовать и теперь; как я раньше действовал, так действую и теперь; как я раньше думал,

так думаю и теперь; как раньше горе и испытания меня не миновали, так и впредь не минуют; путь мой остался все тот же; как раньше я ненавидел зло, так и теперь ненавижу; как и раньше, я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступлений, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов, в которых люди продают свое тело или душу или и то и другое вместе, чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды... Я хотел бы объять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни... Зачем же вы говорите мне об изменении пути? Не пишите мне об этом никогда! Я хочу вас любить, ибо я вас люблю, а вы не хотите меня понять и искушаете, чтобы я свернул со своего пути, хотите, чтобы моя любовь к вам стала преступлением!..

Я хотел бы написать вам еще о могуществе любви, но это в другой раз, так как сегодня хочу вам ответить на ваши письма. Думаю, что острый тон моего письма не обидит вас, ибо, где есть вера в свое дело, там и сила и резкость, а не размазня. Я думаю, что всякая фальшь — наихудшее зло и лучше писать то, что искренне думаешь и что чувствуешь, хотя бы это и было неприятно, нежели писать приятную фальшь...

Что касается моих легких, то не так уж с ними плохо, как вы думаете. Игнась * зря вас напугал. Я даже не кашляю, а что я чувствую тяжесть в груди, то ведь трудно, сидя в тюрьме почти два года, быть совершенно здоровым. Приговор я получу, может быть, через 1—3 месяца, но и якутские морозы мне не так страшны, как холод эгоистических душ, поэтому я предпочитаю Сибирь рабству души. И я надеюсь, что, несмотря ни на что, я еще увижу вас и деток ваших... А если не удастся, то от этого голова у меня не болит, и у вас тоже болеть не должна. Жизнь длинна, а смерть коротка, так нечего ее бояться.

Теперь я хочу написать немного о детках ваших. Они так милы, как все дети; они невинны, когда совершают зло или добро, они поступают согласно своим желаниям, поступают так, как любят, как чувствуют, — в них нет еще фальши. Розга, чрезмерная строгость и слепая дисциплина — это проклятые учителя для детей. Розга и чрезмерная строгость учат их лицемерию и фальши, учат чувствовать, желать одно, а говорить и делать другое — из страха. Розга может только причинить им боль, и если душа их нежна, если боль эта будет заставлять их поступать иначе, чем они хотят, то розга превратит их со временем в рабов своей собственной слабости, ляжет на них тяжким камнем, который вечно будет давить на них и сделает из них людей бездушных, с продажной совестью, неспособных перенести никакие страдания. И будущая их жизнь, полная гораздо более тяжелых страданий, чем боль от розги, неизбежно превратится в постоянную борьбу между совестью и страданием, и совесть должна будет уступать. Посмотрите на нас самих, на окружающих вас людей, на их жизнь; она проходит в постоянной борьбе совести с жизнью, заставляющей

* Игнатий Эдмундович — брат Ф. Э. Дзержинского. — *Ред.*

человека поступать вопреки совести, и совесть чаще всего уступает.

Почему это так? Потому что родители и воспитатели, развивая в своих детях совесть, обучая их тому, как они должны жить, указывая, что хорошо, а что плохо, не выращивают вместе с тем и не развивают в них душевной силы, необходимой для совершения добра; секут их розгами или шлепают их, кричат на них, наказывают разными способами; этим самым ослабляют силу этих будущих людей и сами противодействуют воспитанию совести в своих детях. Розга, чрезмерная строгость и телесные наказания никогда не могут желательным образом затронуть сердце и совесть ребенка, ибо для детских умов они всегда останутся насилием со стороны более сильного и привьют либо упрямство даже тогда, когда ребенок осознает, что он поступил плохо, либо — убийственную трусость и фальшь.

Исправить может только такое средство, которое заставит виновного осознать, что он поступил плохо, что надо жить и поступать иначе. Тогда он постарается не совершать больше зла; розга же действует лишь короткое время; когда дети подрастают и перестают бояться ее, вместе с ней исчезает и совесть, и дети становятся испорченными, лжецами, которых каждый встречный может толкнуть на путь испорченности, разврата, ибо розги, физического наказания они бояться не будут, а совесть их будет молчать. Розги и телесное наказание для ребят — это проклятие для человечества. Запугиванием можно вырастить в ребенке только низость, испорченность, лицемерие, подлую трусость, карьеризм. Страх не научит детей отличать добро от зла; кто боится боли, тот всегда поддастся злу.

Альдона, ты помнишь, наверное, мое бешеное упрямство, когда я был ребенком? Только благодаря ему, а также благодаря тому, что меня не били, у меня есть сегодня силы бороться со злом, несмотря ни на что. Не бейте своих ребят. Пусть вас удержит от этого ваша любовь к ним, и помните, что хотя с розгой меньше забот при воспитании детей, когда они еще маленькие и беззащитные, но когда они подрастут, вы не дождетесь от них радости, любви, так как телесными наказаниями и чрезмерной строгостью вы искалечите их души. Ни разу нельзя их ударить, ибо ум и сердце ребенка настолько впечатлительны и восприимчивы, что даже всякая мелочь оставляет в них след. А если когда-либо случится, что из-за своего нетерпения, которое не сумеешь сдержать, из-за забот со столькими детьми или из-за раздражения ты накажешь их, крикнешь на них, ударишь, то непременно извинись потом перед ними, приласкай их, покажи им сейчас же, дай почувствовать их сердечкам твою материнскую любовь к ним, согрей их, дай им сама утешение в их боли и стыде, чтобы стереть все следы твоего раздражения, убийственного для них. Ведь мать воспитывает души своих маленьких детей, а не наоборот, поэтому помни, что они не могут понять тебя, так как они еще дети, — следовательно, нельзя никогда раздражаться при них.

Я помню сам, как меня раз шлепнула мама, будучи страшно измучена лежащей исключительно на ней заботой обо всех нас

и занятой по хозяйству; ни тебя, ни Стася, ни Ядвиси не было (кажется, вы тогда были уже в Вильно, хотя точно не помню); я что-то напроказничал, и в минуту раздражения мамы мне за это попало; я давай кричать вовсю и плакать от злости, а когда слез не хватало, я залез в угол под этажерку с цветами и не выходил оттуда, пока не стемнело; я отлично помню, как мама нашла меня там, прижала к себе крепко и так горячо и сердечно расцеловала, что я опять заплакал, но это уже были слезы спокойные, приятные и уже слезы не злости, как раньше, а счастья, радости и успокоения. Мне было тогда так хорошо! Потом я получил свежую булочку, из которых мама сушила сухари, и кусок сахара, и был очень счастлив. Не помню уже, сколько лет мне тогда было, может быть 6—7; это было у нас в Держинове.

Теперь ты видишь, дорогая, как любовь и наказание действуют на детскую душу. Любовь проникает в душу, делает ее сильной, доброй, отзывчивой, а страх, боль и стыд лишь уродуют ее. Любовь — творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого. Девтора не знает, не понимает, что хорошо и что плохо,— надо ее учить различать это. Она не обладает еще сильной волей, поэтому надо прощать детям их шалости и не сердиться на них. Мало сказать только: «делай так, а этого не делай», наказывать, когда ребенок не слушается. Тогда лишь боль и страх являются его совестью, и он не сумеет в жизни отличать добро от зла.

Ребенок умеет любить того, кто его любит... И его можно воспитывать только любовью. Видя, чувствуя любовь к себе родителей, ребенок постарается быть послушным, чтобы не огорчать их. А если он напроказит благодаря своей подвижности, своей детской живости, то сам будет жалеть о своем поступке. А когда с возрастом его сила воли окрепнет, когда он научится лучше владеть собой, тогда управлять им будет его собственная совесть, а не плохая среда, внешние жизненные условия и т. п., что так часто приводит к моральному падению.

Ребенок воспринимает горе тех, кого любит. На его юную душу влияет малейшая, казалось бы, мелочь; поэтому надо остерегаться при детях быть самим безнравственными, раздражительными, ссориться, ругаться, сплетничать и, что всего хуже, поступать вразрез со своими словами; ребенок это заметит и если даже не запомнит, то все же в нем останется след, и из этих следов, из этих впечатлений детства сформируется фундамент его души, совести и моральной силы. Силу воли тоже надо воспитывать. Избалованные и изнеженные дети, любые прихоти которых удовлетворяются родителями, вырастают слабовольными эгоистами. Ибо любовь родителей не должна быть слепой...

Удовлетворение всякого желания ребенка, постоянное пичканье ребят конфетами и другими лакомствами есть не что иное, как уродование души ребенка. И здесь нужна в качестве воспитателя та же разумная любовь, которая во сто крат сильнее слепой любви.

Возьму пример: больной ребенок просит черного хлеба или здоровый — слишком много конфет, он плачет, кричит и, пока ему

не дали желаемой вещи, не хочет слушать, что ему говорит мать. Скажите, чья любовь больше: той ли матери, которая даст и удовлетворит каприз ребенка, или же той, которая не даст? Успокоить опять надо лаской, а если это не поможет, то оставить ребенка, не наказывая его, пусть себе плачет; он устанет, немного успокоится, и тогда можно будет ему объяснить понятным для него языком, почему он не может получить того, чего хочет, и что его плач огорчает маму и папу...

Огромная задача стоит перед вами: воспитать и сформировать души ваших детей. Будьте зорки! Ибо вина или заслуга детей в огромной степени ложится на голову и совесть родителей. Мне хочется много еще написать о детях, но я не знаю, как вы примете эти мои советы, не найдете ли неуместным мое вмешательство в ваши дела. Во всяком случае, будьте уверены, что я руководствуюсь здесь только любовью к вашим детям. Поцелуйте их сердечно от меня... Пусть растут здоровыми и веселыми, полными любви к своим родителям и к другим людям, пусть вырастут смелыми и сильными духом и телом..., пусть никогда не торгуют своей совестью, пусть будут счастливее нас и дождутся торжества свободы, братства и любви.

Я заканчиваю, так как устал. Когда будете мне писать, то с каждым письмом присылайте мне чистую марку, иначе я не смогу отвечать, а хотелось бы. Кроме марки, ничего мне не присылайте... Что касается силы моего духа, то без сомнения она довольно велика, но уж не так велика, как ты себе представляешь, дорогая Альдона. В письмах и в тюрьме я кажусь односторонним и очень сильным... но имею свои недостатки, которых узнать из писем нельзя... Я пишу это затем, чтобы ты не считала меня лучшим, чем я являюсь, ибо я ненавижу всякую фальшь и лицемерие.

Ну, будьте здоровы, целую вас всех шестерых.

Ваш Феликс

*Частично напечатано в 1937 г.
в журнале «Молодая гвардия» № 9*

*Печатается по фотоконии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

А. Э. БУЛГАК

[Седлецкая тюрьма]. 20 декабря 1901 г.

Дорогие Альдона и Гедимин!

Спасибо вам за письма и вещи, которые вы мне прислали... Избалуете вы меня своей добротой и заботой, слишком добры ваши слова, и мне ужасно досадно, что я не могу быть вместе с вами и что мы не можем глубже узнать друг друга. Ведь уж столько лет мы не виделись, и каждый из нас сегодня уже не тот, что был вчера. Прошлое можно распознать в настоящем, но как много нового должны были мы вобрать в себя за это время. Прошлое нас

соединяет, но жизнь отделяет нас друг от друга все больше и больше... И все движется вперед: путем печали, страданий, путем борьбы совести, борьбы старого с новым, путем смертей, гибели отдельных жизней... и из этого всего вырастает чудесный цветок, цветок радости, счастья, света, тепла и прекрасной жизни.

Я вижу его богатые, чудные краски, ощущаю его роскошное благоухание, охватывающее все мое существо, я чувствую уже исходящее от него тепло и вижу его сияющий блеск и бриллиантовую игру лучей. И когда я всматриваюсь в этот цветок, то чувствую — чувствую всей душой, а не только понимаю разумом,— что это богатство красок, это все оживляющее благоухание, это тепло и свет и сияние, все это — дети слез, страданий, печали и мук.

Не часты минуты этих прекрасных видений, но они долго живут, я тоскую по ним, я жажду их возвращения, и они снова навещают меня. Отсюда я черпаю силы; поэтому-то я ни о чем не жалею, поэтому-то горечь разлуки с дорогими мне людьми — с вами и моими друзьями — не убивает, не отравляет меня. Поэтому также я думаю, что не стоит тебе, дорогая Альдона, приезжать ко мне на свидание. Глубокая печаль охватит и меня и тебя, нам трудно будет бороться с ней, и она будет жечь наши души.

Представь себе 15-минутное свидание при людях, которые стерегут меня здесь, свидание после стольких лет разлуки, среди мрачных тюремных стен, решеток, замков, револьверов и шашек. Мы не успеем еще и нескольких слов сказать друг другу, как нас уже разлучат, не дадут разговаривать. Нет, не приезжай, дорогая сестра, я и отсюда вижу тебя с ребятами и Гедимином, я чувствую ваши заботы, беспокойство, неприятности и радости, а вы ведь тоже ощущаете меня рядом с собой; я пересылаю вам в письмах свое сердце, чувствуете ли вы, как оно бьется? Я знаю, что чувствуете. Я знаю, что если даже тело мое и не вернется из Сибири, я буду вечно жить, ибо я любил многих и многих... Не приезжай — не стоит без нужды увеличивать своих страданий. Я знаю это лучше всего из собственного опыта: у меня здесь было несколько свиданий с одним очень дорогим мне человеком; больше уже не получу свиданий, и судьба разлучила нас на очень долго, может быть, навсегда. Вследствие этого мне пришлось очень много пережить, и сегодня, через полтора месяца после нашего последнего свидания, я не могу еще обрести душевного равновесия. Поэтому еще раз прошу тебя: не приезжай, да и кроме того, это неосуществимо, так как меня высылают, кажется, через два дня, а в Минске я буду лишь проездом, там меня задерживать не будут, повезут сразу в Москву, и оттуда дальше на восток и север. Я буду писать вам как можно чаще, и мои письма заменят вам меня, так же как и ваши письма заменят мне вас. Так не печалься, Альдона, что нам не удастся лично попрощаться.

В Польше праздники * уже прошли, но у вас они еще только будут... Желаю вам бодрости в жизни, уверенности в своих силах, мужества в страданиях, любви во взаимной жизни, надежды на

* Рождество и Новый год.— *Ред.*

будущее, желаю вам воспитать из ваших ребят полноценных людей, желаю дождаться плодов вашей тернистой жизни, полной труда и забот. В каких бы трудных условиях вам ни пришлось жить, не падайте духом, ибо вера в свои силы и желание жить для других — это огромная сила. Дорогой Гедимин, ведь твое здоровье идет на поправку, а от письма твоего веет такой грустью! Нет, надо верить в себя, надо жить, не поддаваться болезни, не думать о ней все время, тогда и победить ее легче. Я, кажется, писал вам в своем первом письме отсюда, что мой товариш * был очень тяжело болен: большие легкие и неудачная операция ноги. Были минуты, когда я думал, что он уже не вылезет. И что же? Жажда жизни, могучее стремление к ней победили болезнь, и сегодня он на свободе и пишет мне, что здоровье его все улучшается, несмотря на нужду и безработицу. Он рабочий, а для рабочего безработица — это значит голод и холод. Будьте же крепки духом и бодры! Мы еще увидимся, и, может быть, я зайду к вам, и мы будем вспоминать о днях нашего детства... Они кажутся мне теперь такими далекими; в воспоминаниях о них есть для меня что-то обаятельное, но сегодня я иду по своему пути и слегка грущу о детстве, но ради него не оставляю своего пути, ибо я уже вкусил от древа познания.

Меня радует, что уже через пару месяцев я буду вне тюрьмы, ибо тюремные стены так опротивели мне, что я не могу уже хладнокровно смотреть на них, на своих сторожей, на решетки и т. д. Я уверен, что если бы меня теперь совсем освободили и я приехал бы к вам, то вы назвали бы меня бирюком; я не сумел бы сказать вам свободно и нескольких фраз; шум жизни мешал бы мне и раздражал бы меня. Поэтому тюремщики знают, что делают, высылая меня на 5 лет в Восточную Сибирь (в Якутский округ) и там освобождая меня: они имеют в виду лишь мое «благополучие» — нужно время, чтобы прийти в себя после двухгодичного погребения. Скачки вредны, надо все делать постепенно, поэтому сначала надо освоиться с медведями, болотами и тайгой, вообще с природой, потом с деревней, с местечком, затем с небольшим городом, и только после всего этого — с родным краем. Я надеюсь, что дождусь этого конца. Мой путь продлится примерно два месяца, во всяком случае, к весне я надеюсь быть на месте. Более точно о том, куда меня вышлют, я узнаю лишь в Иркутске, то есть за 7000 верст от Седлеца.

Еще раз спасибо вам за все, будьте здоровы, обнимаю и целую всех вас.

Любящий вас брат *Феликс*

Напечатано в 1946 г. в журнале
«Пограничник» № 14

Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

* Молодой рабочий социал-демократ Антон Росол.— *Ред.*

А. Э. БУЛГАК

[Александровская пересыльная тюрьма].
5 марта 1902 г.

Дорогие Альдона и Гедимин!

Я уже в Восточной Сибири, более чем за 6 тыс. верст от вас, от родного края,— но вместе со своими товарищами по заключению. Я еще не свободен, еще в тюрьме, жду весны, чтобы, когда вскрыются реки, двинуться еще на 3—4 тыс. верст дальше на север. В Москве мне удалось только один раз увидеть Владыся и Игнася и не имею даже понятия, что у них слышно, так как неожиданно нам не дали больше свиданий. Что же вам написать? Я тоскую по родной стране,— об этом вы знаете. Однако им не удалось вырвать из моей души ни мысли о нашем крае, ни дела, за которое я борюсь, ни веры в его торжество; этой верой и тоской я живу и здесь, мысли бегут к товарищам моим,— и я вместе с ними. Конечно, бывают минуты тяжелые, ужасные, когда кажется, что боль разорвет тебе череп; однако лишь эта боль делает нас людьми, и мы видим солнце, хотя над нами и вокруг нас — тюремные решетки и стены. Но довольно об этом. Опишу вкратце свою жизнь.

Я сижу в Александровской тюрьме, в 60 верстах от Иркутска. Весь день камеры наши открыты, и мы можем гулять по сравнительно большому двору; рядом — отгороженная забором женская тюрьма. У нас есть книги, и мы читаем немного, но больше разговариваем и шутим, подменяя настоящую жизнь пародией на нее — забавой. Письма и вести из родной страны — вот единственная наша радость. Я встретил здесь многих земляков, преступников не политических, которые также тоскуют по родному краю и семье и которые в очень многих случаях попали сюда лишь вследствие произвола царской администрации. Я стараюсь изучить этих людей, их жизнь и преступления; узнать, что толкнуло их на совершение преступлений, чем они живут... Представьте себе, есть и такие, которые сидят здесь по 10 месяцев, ожидая лишь отправления в то место, где им должны выдать паспорта... Вообще, если о европейской России много можно говорить и писать, то о Сибири лучше молчать — столько здесь подлости, что не хватит даже времени все перечислить. С постройкой железной дороги всевластие мелких пиявок понемногу уменьшается, но, как обычно, зло исчезает чрезвычайно медленно.

Дорога из Седлеца, длившаяся два месяца, чрезвычайно утомила меня. Из Самары я ехал 10 суток без остановки и без отдыха, теперь мне обязательно нужно немного поправить свое здоровье, так как оно не совсем в порядке. К счастью, наступили теперь теплые, солнечные, весенние дни, и воздух здесь горный и сухой — здоровый для слабых легких. А тюрьма меня не очень раздражает, так как стражника я вижу только один раз в день и весь день я среди товарищей и на свежем воздухе...

Ну, будьте здоровы, сердечно обнимаю вас.

Ваш Феликс

Напечатано в 1937 г. в журнале
«Молодая гвардия» № 10-11

Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Перевод с польского

А. Э. БУЛГАК

[Женева]. 6 октября 1902 г.

Дорогая Альдона!

Сегодня я получил второе твое письмо. Не сердись на меня, что я не ответил тебе на первое письмо — как-то не было настроения. Как видишь, сейчас я уже в Женеве.

Все это время я ходил по горам и долинам в окрестностях Женевского озера. Но слишком скучно сидеть без дела, поэтому я взялся за работу, захотелось мне приобрести квалификацию, и я учусь — она мне со временем пригодится, и вскоре я смогу зарабатывать. Работаю не много — 6—8 часов в день, так что мне хватает свободного времени и для чтения, и для отдыха, и для прогулок. Работая, я чувствовал себя здесь лучше. Теперь я должен был прервать работу на несколько дней, так как немного простудился и доктор велел мне сидеть дома. Живу в красивой и дешевой комнатке. Однако я здесь долго не пробуду. Здесь бешеные ветры и начались дожди, поэтому перееду в какой-либо другой город, более защищенный горами от ветра. Женева лежит у самого озера — оно прекрасно, но, к сожалению, осенью вредно для здоровья...

Я очень рад, что у вас, Альдона, предвидится работа, быть может, опять у вас все пойдет хорошо, но каково здоровье твое и Гедимины? Как он себя чувствует? Не утомляет ли его теперешняя работа? Это очень хорошо, что тот, у кого вы будете работать, порядочный человек. Во сто крат лучше работать за меньшую плату у хорошего человека, нежели у тех подлецов, которые за деньги, которые тебе платят, готовы высосать не только силу твою, но и нервы, и здоровье, и жизнь. Они хотят купить не только работу, но всего человека целиком. Они превращают человека в товар, и это самое ужасное... Но хватит, а то я опять сяду на своего конька и наскучу тебе. Для тебя это все, может быть, лишь пустые слова. Один говорит «люблю» — и это лишь фраза для него, ибо он говорит, но не чувствует (а кто не говорит сегодня, что «любит» ближних!), — это никчемное фарисейство, это тот яд, который отравлял всю нашу жизнь с самого детства. Другой же говорит «люблю» и находит отзвук в человеческих душах, ибо за этим словом выступает человек с чувством, с любовью.

Поэтому, чтобы понять друг друга, давай поговорим о том, что мы оба любим. Ты очень мало пишешь мне о детях. Как они растут? Наверное, очень скучают теперь — осенью — и больше доставляют тебе забот. Мне хочется увидеть их, обнять, посмотреть, как они развиваются, слышать их плач, смех, видеть их игры и шалости. Я вспоминаю, как Манюся, лежа в кровати, не отпускает меня от себя и говорит: «но пушу, не пушу», а Тоня выскакивает из кровати, чтобы еще раз на ночь поцеловать дядю; хочется увидеть и серьезного Рудольфика. Ходить с ними за грибами, бегать с ними и чувствовать их — детей около себя. Не знаю, почему я люблю детей так, как никого другого. Когда встречаюсь с ними, то сразу исчезает мое плохое настроение. Я никогда не сумел бы так полюбить женщину, как их люблю, и я думаю, что *собственных* детей я не мог бы любить больше, чем несобственных... В особенно

тяжкие минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребенка, подкидыша, и ношусь с ним, и нам хорошо. Я живу для него, ощущаю его около себя, он любит меня той детской любовью, в которой нет фальши, я ощущаю тепло этой любви, и мне страшно хочется иметь его около себя. Но это лишь мечты. Я не могу себе этого позволить, я должен странствовать все время, а с ребенком не мог бы. ...Часто, часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо, как я...

В своем первом письме ты опять писала мне об «обращении заблудшего»; никогда не предполагай, что это может случиться. Я счастлив здесь, на земле, я понимаю человеческие души и самого себя, и мне не нужно успокаивать вашей верой свою душу и свою совесть, как это делают одни, или искать в этом смысл жизни, как другие. Ибо я здесь, на земле, нашел счастье... Чем более несчастны люди, чем более они злы и эгоистичны, тем меньше верят своей совести, а верят в исповедь, молитвы и ксендзов. Я ксендзов проклинаяю, я ненавижу их. Они окружили весь мир своей сутаной, в которой сконцентрировалось все зло: преступление, грязь, проституция... они распространяют темноту, покорность «судьбе». Я борюсь с ними не на жизнь, а на смерть, и поэтому никогда не пиши мне о религии, о католицизме, ибо от меня услышишь лишь богохульство... Темна и неразумна мать, которая вешает ребенку на шею образок, думая, что этим путем она охранит его от бед. Она не знает, что будущее счастье ребенка во многом зависит от родителей, от их умения воспитать ребенка, от умения подавлять в корне все плохие задатки ребенка и развивать хорошие. А это дает не религия... Надо воспитать в детях любовь к людям, а не к самому себе. А для этого самим родителям надо любить людей...

Все тот же ваш *Феликс*

Напечатано в 1951 г. в книге:
*Feliks Dzierzynski. «Listy do siostry
Aldony» (Феликс Дзержинский.
«Письма к сестре Альдоне»),
Варшава*

Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ

[X павильон Варшавской цитадели].
2 февраля 1914 г.

...Сегодня я получил коллективную открытку и твое письмо от 31/1. И мне сегодня хорошо в моей камере. Впервые после долгого времени я снова смог улыбнуться улыбкой, идущей из глубины души и озаряющей жизнь и весь мир...

Хочу вернуться и вернусь, несмотря ни на что, так как мое физическое состояние зависит здесь почти целиком от моей воли,

подлинной моей воли. Ибо организм мой имеет большую силу сопротивления. Когда наступают для меня такие радостные минуты, как сегодня, тогда я полон уверенности, что все можно перенести без отчаяния и сохранить свою душу до самого конца. И не понимаю я отчаяния, трагедии, раз душа еще способна чувствовать, когда есть еще силы и живая мысль и когда сердце еще так сильно бьется в груди. И снова жизнь становится чем-то таким, к чему следует подходить просто, что постоянно движется и развивается в противоречиях, но всегда дает выход душе человеческой, только бы она пожелала быть свободной... Тюрьма мучает и очень изнуряет, но это сейчас цена жизни, цена права на высшую радость, возможную теперь для людей свободных, и мука эта переходящая, она ничто, в то время как радость эта всегда жива, она — высшая ценность...

Твой Феликс

Напечатано в 1946 г. в журнале
«Смена» № 1-2

Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ

[X павильон Варшавской цитадели].
8 апреля 1914 г.

...Мысли мои все время бегут отсюда, из камеры... Все время мне кажется, что у вас там, в противоположность тому, что у меня тут, происходит что-то важное, И я постоянно точно выжидаю каких-то вестей, и кажется, что так давно уже ничего не получал. А ведь после моего последнего письма (30/III) я получил твое пространное письмо от 22—26/III (все, что я от вас получаю, регистрирую), письмо, которое меня так обрадовало. А я уже в течение 12 дней снова не один, сидим вдвоем. В камеру ко мне посадили незнакомого молодого рабочего, довольно симпатичного, насколько мне удалось его узнать. И нельзя сказать, чтобы мы были недовольны обществом друг друга. Может быть, это только временно, пока мы не узнаем друг друга лучше, это часто бывает здесь. Но, что касается меня, не думаю, чтобы так было. Я заметил, что лучше всего чувствую себя в обществе детей и рабочих и только уж чрезвычайно нервное состояние могло бы привести к тому, что и это общество тяготило бы меня. В таком обществе я больше чувствую себя самим собой. Тут больше простоты и искренности в общении, меньше условных форм в быту, а интересы и заботы этого круга мне более понятны и близки. И только тогда мысли мои перестают быть для меня чем-то отвлеченным, они становятся кровью и плотью и приобретают силу. И неоднократно, думая о последних моих годах — столько уже лет, — когда я перестал непо-

средственно и постоянно жить повседневной жизнью рабочих, я вижу, сколько сил и крепости из-за этого я потерял. Я не виню ни себя, ни кого-либо — так вопреки воле, по необходимости складывалась жизнь. Но я все еще мечтаю и верю, что придет время, когда я смогу осуществить эти мечты и когда я снова смогу черпать из этого источника силу и крепость. И я не думаю уже о минувших годах и предстоящих годах моей жизни. А что молодость и ее сила вернутся, — в этом я уверен. Такова воля души, воля, которая двигает и толкает вперед жизнь и дает силу. И сейчас, когда я сижу с таким молодым, который мог бы почти быть моим сыном, когда отдаю себе отчет в этом, я не хочу верить, что уже пройден такой отрезок жизни. Но скоро забываю об этом, об этой разнице в возрасте, и мне кажется, что я буду шагать рядом и вровень с этой молодежью.

Итак, чувствую себя в общем хорошо (физически я здоров). Только в последнее время я был несколько выведен из равновесия. Следствие по статье 102, как мне сообщил следователь, должно быть закончено через какой-нибудь месяц, следовательно, начнется второй, довольно длительный (не менее чем полугодичный) период ожидания обвинительного заключения и суда, чтобы уже, наконец, получить приговор и отсидивать его...

Твой Феликс

Напечатано в 1946 г. в журнале
«Пограничник» № 14

Печатается по фотоконии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ

Х павильон Варшавской цитадели.
24 июня 1914 г.

Зося, моя дорогая!

Не знаю, получили ли вы мои письма от 22/V и 21/VI и довольно ли ясно я написал. Если не все ясно, то я могу повторить неясные места, но я должен знать, дошли ли письма. Не обижайся на меня, Зося, что я так долго не писал. Думы мои постоянно с вами. То, что поддерживает мои моральные силы, — это мысли мои о нашей общей работе. Я хочу быть достойным тех идей, которые мы оба с тобой разделяем. И кажется мне, что любое проявление слабости с моей стороны, жажда конца и покоя, каждое «не могу больше» было бы изменой и отрешением от моих чувств к вам и к той песне жизни, которая жила и живет во мне...

Когда я думаю о малютке нашем любимом, о Ясике, меня заливают волна счастья. Но в то же время мучает мысль, что вся тяжесть воспитания легла на одну тебя, что оно отнимает много времени, даже почти целиком поглощая тебя, тогда как я ничем помочь не могу. Ведь чувства мои, мысли мои передаешь ему ты,

он знает меня и обо мне от тебя, ибо мир наших мыслей — твоих и моих — один и тот же. И то, что я нахожусь сейчас тут, где ты была с ним, и смысл этого не исчезнет для него. Он чувствует теперь, а скоро поймет и впитает наши мысли. И память о том, где он родился *, и понимание причины этого останется у него навсегда, углубляя смысл его жизни. Эта память может стать для него решающей и определить его жизнь, если не испортится у него характер и он не превратится в типичного современного интеллигента, слова и мысли которого большей частью являются лишь «поэзией» жизни, декорацией, не имеющей ничего общего с его поступками, с его действительной жизнью.

В современном интеллигенте — два обособленных, почти не соприкасающихся друг с другом мира: мир мысли и мир действий, тончайший идеализм и грубейший материализм. Современный интеллигент совершенно не видит ни окружающей его действительной жизни, ни своей собственной. Не видит, потому что не желает видеть. Слезы при виде игры на сцене — и полное равнодушие, а то и жесткий кулак на практике, в жизни. Вот поэтому-то так важно внушить Ясику отвращение и омерзение ко лжи и ко-медианству, весьма распространенным среди детей, берущих пример с нашего общества... Но лжи, источником которой являются социальные условия, устранить нельзя, и ограждать Ясика от этих условий не следует. Он должен познать и осознать их, чтобы проникнуться чувством отвращения ко лжи, или понять необходимость и неизбежность лжи, когда источником ее являются чистые и социальные побуждения, когда ложь необходима в борьбе за более глубокую и более возвышенную жизнь. Не тепличным цветком должен быть Ясь. Он должен обладать всей диалектикой чувств, чтобы в жизни быть способным к борьбе во имя правды, во имя идеи. Он должен в душе обладать святыней более широкой и более сильной, чем святое чувство к матери или к любимым, близким, дорогим людям. Он должен суметь полюбить идею — то, что объединит его с массами, то, что будет озаряющим светом в его жизни. Он должен понять, что и у тебя и у всех окружающих его, к которым он привязан, которых он любит, есть возлюбленная святыня, сильнее любви к ребенку, любви к нему, святыня, источником которой является и он, и любовь, и привязанность к нему. Это святое чувство сильнее всех других чувств, сильнее своим моральным наказом: «Так тебе следует жить, и таким ты должен быть». Сознания этого долга, как и всякого, связанного с чувством, нельзя внушить, действуя только на разум... Я помню вечера в нашей маленькой усадьбе, когда мать при свете лампы рассказывала, а за окном шумел лес, как она рассказывала о преследованиях униатов, о том, как в костелах заставляли петь молитвы по-русски на том основании, что эти католики были белорусами; помню ее рассказы о том, какие контрибуции налагались на население, каким оно подвергалось преследованиям, как его донимали налогами, и т. д. и т. п. И это было решающим моментом. Это повлияло на

* Сын Ф. Э. Дзержинского родился в тюрьме.— *Ред.*

то, что я впоследствии пошел по тому пути, по которому шел, что каждое насилие, о котором я узнавал (например, Крожи¹⁹⁴, принуждение говорить по-русски, ходить в церковь в табельные дни, система шпионажа в школе и т. д.), было как бы насилием надо мной лично. И тогда-то я вместе с кучкой моих ровесников дал (в 1894 г.) клятву бороться со злом до последнего дыхания. Уже тогда мое сердце и мозг чутко воспринимали всякую несправедливость, всякую обиду, испытываемую людьми, и я ненавидел зло. Но идти мне пришлось ошупью, без руководства, без указаний от кого-либо, и мои сердце и разум, пробиваясь к этой моей святыне, много утратили, много растеряли. Но у Ясика — ты и все мы, ему не придется идти ошупью, и он обретет свою святыню как наследие от нас. Но одного сердца недостаточно. Необходимы социальные условия, которые дадут ему возможность осознать это наследие и перенять его. Эти условия сильнее сердца... Только в среде угнетенных нет разлада между старшим и младшим поколением. И только в этой среде растет, крепнет и распространяется, как непреодолимая сила, наша идея, без лицемерия, без противоречий между словом и делом. И поэтому я часто возвращаюсь к мысли, что, когда Ясик уже будет в соответственном возрасте, для него такая среда будет более всего полезной. Теперь, может быть, преждевременно говорить об этом, но этот вопрос все время у меня в голове. Я так хотел бы, чтобы он был интеллигентным, но без «интеллигентщины». В настоящее время интеллигентская среда убийственна для души. Она влечет и опьяняет, как водка, своим мнимым блеском, мишурой, поэзией формы, слов, своим личным чувством какого-то превосходства. Она так привязывает к внешним проявлениям «культуры», к определенному «культурному уровню», что, когда наступает столкновение между уровнем материальной жизни и уровнем духовной жизни, потребности первой побеждают, и человек сам потом плюет на себя, становится циником, пьяницей или лицемером. Внутренний душевный разлад уже никогда не покидает его.

Возможно, что все это, о чем я теперь думаю,— дикое варварство. Отказываться от жизненных благ, чтобы бороться за них вместе с теми, которые их лишены, и прививать в настоящее время своего рода аскетизм. Но эти мысли не оставляют меня, и я делюсь ими с тобой. Я — не аскет. Это лишь диалектика чувств, источники которой — в самой жизни и, как мне кажется, в жизни пролетариата. И весь вопрос в том, чтобы эта диалектика совершила весь свой цикл, чтобы в ней был синтез — разрешение противоречий. И чтобы этот синтез, будучи пролетарским, был одновременно «моей» правдой, правдой «моей» души. Надо обладать внутренним сознанием необходимости идти на смерть ради жизни, идти в тюрьму ради свободы и обладать силой пережить с открытыми глазами весь ад жизни, чувствуя в своей душе взятый из этой жизни великий, возвышенный гимн красоты, правды и счастья. И когда ты пишешь мне, что Ясика приводит в восторг зелень растений, пение птиц, цветы, живые существа,— я вижу и чувствую, что у него есть данные для того, чтобы воздвигнуть в будущем здание этого великого гимна, если условия жизни объединят

в нем это чувство красоты с сознанием необходимости стремиться к тому, чтобы человеческая жизнь стала столь же красивой и величественной... Я помню, что почти всегда красота природы (в звездную летнюю ночь лечь на краю леса, что-то тихо шепчущего, и смотреть на эти звезды; в летний день лечь в сосновом лесу и смотреть на колеблющиеся ветви и на скользящие по небу облака; в лунную ночь на лодке выехать на середину пруда и вслушаться в тишину, не нарушаемую ни малейшим шорохом, и — столько, сколько этих картин), красота природы вызывала во мне мысли о нашей идее... И от этой красоты, от этой природы никогда не следует отказываться. Она — храм скитальцев, у которых нет уютных «гнездышек», усыпляющих и убаюкивающих всякий более широкий порыв души. А те, которые в настоящее время теряют собственный очаг — обретают весь мир, если они идут по пути пролетариата. И если Ясик сумеет обойтись без этой эстетики «гнездышек», свойственной в настоящее время интеллигентской среде, и если у него сохранится в душе чувство и понимание красоты, причем понятие «мое» будет у него совпадать с понятием «дорогие», если он не будет чувствовать потребности присвоить себе красоту — «присвоить» в купеческом значении этого слова, а будет считать весь чудесный мир своим, тогда он будет самым счастливым человеком, тогда он будет более всего творческим. И я мечтаю: если он способен видеть, слышать и чувствовать, быть может впоследствии, когда он вырастет, жизнь еще более заострит его зрение и слух и расширит чувство любви к людям, и он в действительности сольется с миллионами, поймет их, и их песнь станет его песней, и он проникнется музыкой этой песни и поймет, осознает подлинную красоту и счастье человека. Он не будет поэтом, живущим на счет поэзии, он свою песню создаст, живя общей жизнью с миллионами. Я грежу о том, что ему не суждено быть современным интеллигентом-калекой, что в нем могут объединиться черты совершенного человека. Мечты! Но может возникнуть вопрос, что лучше: калека-интеллигент или калека-рабочий. И рабочий ведь калека. Но с каждым годом искалеченность рабочего становится меньше, а искалеченность интеллигента — больше... Момент победы близится. Да и теперь искалеченность рабочего, по своему характеру, совершенно другая. Это искалеченность, навязанная ему гнетом и насилием, а следовательно такая, с которой он борется. А искалеченность интеллигента самому интеллигенту кажется его превосходством над другими — и она неизлечима.

Твой Феликс

Частично напечатано в 1946 г.
в журнале «Смена» № 1-2

Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Перевод с польского

С. Г. МУШКАТУ*

[Орел, Губернская тюрьма]. Март 1915 г.

Я получил 2 письма от Зоси от 15/1 и 5/II — последнее с 2 карточками Ясика. Я счастлив, что опять хоть письменно с моими близкими.

Я так редко пишу, ибо тяжелая однообразная жизнь окрашивает в слишком серые тона мое настроение. И когда я думаю о том аде, в котором сейчас вы все живете, мой собственный ад кажется мне таким малым, что не хочется о нем писать, хотя и он сильно донимает, иногда даже слишком сильно.

То, что вы узнали о наших условиях,— это правда. Условия эти прямо-таки невыносимы. В результате этих условий ежедневно кого-нибудь вывозят отсюда... в гробу. Из нашей категории умерло уже в течение 6 последних недель пять человек, все от чахотки. Троиц из них давно уже назначили место поселения, но их не вывозили, так как в течение семи месяцев не успели привести в порядок «бумаги». Все они были привезены сюда из Петрокова, помощи из дому у них, конечно, не было никакой, так как семьи их находятся уже за пределами государства, а здешние условия убийственны. В последнее время, вследствие этих условий, многие заболели брюшным и сыпным тифом. Говорят, что ежедневно хоронят двоих-троих и что с 5 февраля (старого стиля) по 4 марта умерло 30 человек. Тех, которые заболевают тифом, вывозят из нашего «заведения» в бывшее женское «заведение», где теперь устроили якобы «больницу» для тифозных. Но пока придут сюда к больному, чтобы определить болезнь, проходят 4—5 дней, и больной лежит вместе с другими в переполненной камере в сильном жару. Теперь трудно добиться здесь даже фельдшера, не говоря уже о враче, видеть которого может только умирающий и то не от заразной болезни. Это некий г. Рыхлинский, поляк, который передразнивает польскую речь поляков-«пенсionеров», не умеющих говорить по-русски, и который ругает их последними словами. Все называют его палачом и рассказывают о его недавних издевательствах над больными каторжанами в так называемом Орловском центре. Только что я узнал о смерти одного заключенного, который две недели тому назад заболел у нас в камере; после 4 дней болезни, когда от сильного жара он не мог уже ходить, его взяли от нас в свою «больницу». Врач туда совсем не заглядывает, больные оставлены на произвол фельдшера, который к больным относится хуже, чем к собакам. А болен здесь почти каждый, иначе и быть не может. Пища отвратительная: вечно безвкусная капуста 5 раз в неделю и нечто вроде горохового супа — два раза; дают также 1—2 ложки каши ежедневно, но без масла, а что может дать такое количество? Единственное питание для тех, кто не имеет помощи из дому,— это полтора фунта черного хлеба (чаще всего с песком) или один фунт белого. Долго выдержать на такой пище нельзя. Все бледные, зеленые или желтые, анемичные. Белье ме-

* С. Г. Мушкат — отец С. С. Дзержинской.— *Ред.*

няют раз в 2 недели и дают грязное, вшивое. От паразитов избавиться невозможно, ибо в камерах тесно. Я, например, сижу в камере вместе с 60 другими (пару недель тому назад нас было 71 человек) в камере на 37 человек. А мы, каторжане, еще в привилегированном положении, ибо в таких же камерах пересыльные и военнообязанные сидели по 150 человек. Не удивительно, что среди них раньше всего появился тиф и больше всего он уносит жертв. Я сижу сейчас в камере сухой, но большинство камер до того сырые, что капает с потолка и стены — мокрые.

Я живу здесь вместе с несколькими другими в одной коммуны, мы занимаемся вместе, некоторым я помогаю в учебе, и время быстро бежит, так быстро, что трудно поверить, что вот уже 8-й месяц с тех пор, как нас вывезли из Варшавы. Я получаю «Правительственный вестник», и мы знаем все, что можно узнать из телеграмм о теперешней войне. Мы живем в своей тесной компании, так как в камере имеются разные, совершенно чуждые нам люди и наши враги — те, кто попал сюда за предательство, за деньги, за шпионство. Отвратительные это люди. Но и среди остальных есть разные типы. Ничто в такой степени, как эта совместная жизнь, не открывает души человека. Познаешь ее, и тоска по другим условиям, по другой жизни становится еще сильнее, однако она исцеляет и предохраняет от пессимизма и разочарования. И если бы я мог писать о том, чем живу, то не писал бы ни о тифе, ни о капусте, ни о вшах, а о нашей мечте, представляющей сегодня для нас отвлеченную идею, но являющейся на деле нашим насущным хлебом... Когда я думаю о том, что теперь творится — о повсеместном якобы крушении всяких надежд, я прихожу к твердому для себя убеждению, что жизнь зацветет тем скорее и сильнее, чем сильнее сейчас это крушение. И поэтому я стараюсь не думать о сегодняшней бойне, о ее военных результатах, а смотрю дальше и вижу то, о чем сегодня никто не говорит...

Я в общем чувствую себя совершенно здоровым и обеспечен всем необходимым...

Сколько времени я здесь пробуду, — не знаю. Два месяца тому назад несколько человек вернули отсюда в Варшаву на суд. Вскоре я, вероятно, получу обвинительное заключение, и так как бумаги уже месяц находятся в Судебной палате, то, может быть, скоро переведут меня обратно в Варшаву. Временно не отправляют отсюда этапов из-за тифа.

Зосе я написал сразу после того, как получил ее первое письмо; подтверждения я еще получить не мог. Я рад, что она в Цюрихе и что Ясик держит себя молодцом.

Феликс

Напечатано в 1927 г. в журнале
«Пролетарская революция»
7 (66)

Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского

С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ

[Орел, Каторжный централ]. 4 февраля 1916 г.

...Что бы меня ни ожидало, какие бы настроения ни приходилось переживать, у меня никогда нет в душе бесплодных жалоб. И даже тогда, когда тоска как бы одолевает меня, все-таки в глубине души я сохраняю спокойствие, любовь к жизни и понимание ее, себя и других. Я люблю жизнь такой, какая она есть, в ее реальности, в ее вечном движении, в ее гармонии и в ее ужасных противоречиях. И глаза мои видят еще, и уши слышат, и душа воспринимает, и сердце не очерствело еще. И песнь жизни живет в сердце моем... И мне кажется, что тот, кто слышит в своем сердце эту песнь, никогда, какие бы мучения ни переживал, не проклянет жизни своей, не заменит ее другой, спокойной, нормальной...

Твой *Феликс**Частично напечатано в 1946 г.
в журнале «Смена» № 1-2**Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского***С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ**[Москва, Центральная пересыльная тюрьма].
3 сентября 1916 г.

Дорогая Зося!

Вот я уже работаю. Начал позавчера, и, кажется, работа хорошо повлияет на мое настроение и тем самым на здоровье. От столь продолжительного безделья — ровно четыре года — у меня развилась настолько сильная апатия, что в последнее время она стала меня несколько беспокоить. Комиссия меня освободила от тяжелых работ, и я теперь подручный у портного; через пару месяцев научусь шить на машине и надеюсь, что скоро буду зарабатывать столько, что всякая поддержка от родных будет излишней.

Я все еще ношу кандалы, но надеюсь, что мой двухлетний кандалный срок поглотится засчитанными мне тремя годами. Впрочем, кандалы не особенно меня беспокоят, надоедает только вечное бряцание. Но к чему человек не привыкает!.. Я пишу тебе откровенно, и ты, дорогая, не огорчайся. Я сам спокоен и только рассказываю тебе все это без тени жалобы и печали. Я спокоен, в душе уверенность, что мы увидимся и будем вместе...

Ваш *Феликс**Частично напечатано в 1946 г.
в журнале «Смена» № 1-2**Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Перевод с польского*

С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ

[Москва, Центральная пересыльная тюрьма].
20 февраля 1917 г.

Я так редко пишу, но это лишь потому, что жизнь здесь так сера и однообразна, и столь долго уже тянется, что и мысли мои стали бесформенны, слишком расплывчаты и общи. Состояние полусна, полужаги. Мелочи приносят быструю смену настроений, но я им не придаю никакого значения, ведь только в настоящей жизни можно проявить себя, узнать настоящее мысли и чувства. Здесь я застыл, а человек, как и все живое — вечно в движении, вечно в нем что-то умирает и нарождается, каждый момент его — это новая жизнь, проявление скрытых сил, возможностей; жизнь текуча, и в этом ее красота. Всякое желание или попытка остановить ее, увековечить момент счастья или несчастья — это смерть для жизни — рабство. Поэтому я отворачиваюсь теперь от своей жизни — стоячего болота, и не хочется мне о ней писать и расписывать. Теперь я дремлю, как медведь зимой в своей берлоге, осталась только ясная мысль, что весна придет и тогда перестану сосать свою лапу и все оставшиеся в душе и теле силы проявятся. Буду жить...

Можно ли теперь свободно переписываться с Варшавой? Как там живут наши родные? * Стремлюсь туда всей душой...

Твой *Феликс*

*Частично напечатано в 1946 г.
в журнале «Смена» № 1-2*

*Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ

Москва, 27 мая 1918 г.

Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасти наш дом. Некогда думать о своих и себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время — это одно непрерывное действие...

Мысль моя заставляет меня быть беспощадным, и во мне твердая воля идти за мыслью до конца...

Кольцо врагов сжимает нас все сильнее и сильнее, приближаясь к сердцу... Каждый день заставляет нас прибегать ко все

* — то есть товарищи по партии.— *Ред.*

более решительным мерам. Сейчас предстал перед нами величайший наш враг — настоящий голод. Для того чтобы получить хлеб, надо его отнять у тех, у кого он имеется, и передать тем, у которых его нет. Гражданская война должна разгореться до небывалых размеров. Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля — бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным...

Физически я устал, но держусь нервами, и чуждо мне уныние. Почти совсем не выхожу из моего кабинета — здесь работаю, тут же в углу, за ширмой, стоит моя кровать. В Москве я нахожусь уже несколько месяцев. Адрес мой: Лубянка, 11.

*Частично напечатано в 1946 г.
в журнале «Смена» № 1-2*

*Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ

Москва, 29 августа 1918 г.

В постоянной горячке, я не могу сегодня сосредоточиться, анализировать и рассказывать.

Мы — солдаты на боевом посту. И я живу тем, что стоит передо мной, ибо это требует сугубого внимания и бдительности, чтобы одержать победу. Моя воля — победить, и, несмотря на то, что весьма редко можно видеть улыбку на моем лице, — я уверен в победе той мысли и движения, в котором я живу и работаю.

А здесь танец жизни и смерти — момент поистине кровавой борьбы, титанических усилий...

*Частично напечатано в 1938 г.
е журнале «Новый мир» № 1*

*Печатается по фотокопии,
хранящейся в архиве Института
марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
Перевод с польского*

А. Э. БУЛГАК

Москва, 15 апреля 1919 г.

Дорогая Альдона, я не знаю, о чем писать, с чего начать после такой долгой разлуки, когда столько крови пролито. Я хотел бы увидеть тебя. Трудно писать, и в коротком письме, в мертвых словах, что ж я мог бы сказать! Объяснить тебе всего я в письме не могу, разные люди понимают по-разному, да и не каждый сумеет

переварить в уме все то, что душа выстрадала в муках многолетних скитаний.

Любовь к трудящимся — сегодня, как и раньше, — она все для меня, я слышу и чувствую в душе ее песнь. Песнь эта зовет к борьбе, к несгибаемой воле, к неутомимой работе. И сегодня, помимо идеи, помимо стремления к справедливости, — ничто не определяет моих действий. Я вижу будущее и хочу, и должен сам быть участником его создания — быть в движении, как пущенный из пращи камень, пока не достигну конца — отдыха навеки. Ты не можешь понять меня — солдата революции, борющегося за то, чтобы не было на свете несправедливости, чтобы эта война не отдала в жертву богачам целые народы. Но задумывалась ли ты когда-нибудь, что такое война в ее действительных образах? Ты отталкивала от себя образы разорванных снарядами человеческих тел, раненных на поле боя, и воронов, выклевывающих глаза у еще живых людей. Ты отталкивала эти страшные картины, ежедневно стоящие у нас перед глазами. Война — ужасная вещь... Народ России первым встал на защиту своих прав — и дает отпор всему миру. Хотела б ли ты, чтобы я оставался в стороне? Альдона моя, ты не поймешь меня — поэтому мне трудно писать тебе...

Твой *Феликс*

Напечатано в 1951 г. в книге:
*Feliks Dzierzynski. «Listy do siostry
 Aldony»* (Феликс Дзержинский.
 «Письма к сестре Альдоне»)
 Варшава

Печатается по машинописной ко-
 пии, хранящейся в архиве Инсти-
 тута марксизма-ленинизма
 при ЦК КПСС
 Перевод с польского

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Написана Ф. Э. Дзержинским до назначения его председателем ВСНХ, т. е. до февраля 1924 г.— 1.

² ППС— *Польская социалистическая партия* — реформистская националистическая партия, возникла в 1892 г. В 1906 г. ППС раскололась на ППС-«левицу» и на правую, шовинистическую, так называемую ППС-«революционную фракцию» («фраки»). ППС-«левица» под влиянием партии большевиков, а также под воздействием СДКПиЛ постепенно переходила на последовательно революционные позиции. В годы первой мировой войны большая часть ППС-«левицы» заняла интернационалистскую позицию; в декабре 1918 г. она объединилась с СДКПиЛ. Объединенные партии образовали Коммунистическую рабочую партию Польши (так до 1925 г. называлась Коммунистическая партия Польши). Правая ППС продолжала во время первой мировой войны политику национал-шовинизма. С образованием польского буржуазного государства правая ППС в 1919 г. объединилась с частями ППС, находившимися на территории Польши, ранее захваченной Германией и Австрией, и вновь приняла название ППС. Став правой партией, она способствовала переходу власти в руки польской буржуазии, систематически вела антикоммунистическую пропаганду и поддерживала политику агрессии против Советской страны. Отдельные группы ППС, несогласные с этой политикой, влились в Коммунистическую партию Польши.

Во время второй мировой войны ППС вновь раскололась. Реакционная шовинистская ее часть, принявшая название «*Wolność, Rowność Niepodległość*» («Свобода, Равенство, Независимость»), участвовала в реакционном польском эмигрантском лондонском «правительстве». Другая, левая часть ППС, называвшая себя «Рабочей партией польских социалистов» (РППС), под воздействием созданной в 1942 г. Польской рабочей партии (ППР) включилась в народный фронт борьбы против гитлеровских оккупантов, совместно с коммунистами вела борьбу за освобождение Польши от фашистского порабощения и встала на позиции установления дружественных связей с СССР. В 1944 г. после образования Польского комитета национального освобождения, РППС опять приняла название ППС и вместе с ППР участвовала в строительстве народно-

демократической Польни. В декабре 1948 г. ППР и ППС объединились и образовали Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП).— 1.

³ Бунд (*Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России*) — был организован в 1897 г. на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно. На I съезде РСДРП (1898) Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, 1954, стр. 14). На II съезде РСДРП, после того как съезд отверг требование Бунда признать его единственным представителем еврейского пролетариата, Бунд вышел из партии. В 1906 г. на основании решения IV (Объединительного) съезда Бунд вновь вошел в состав РСДРП. Внутри РСДРП бундовцы постоянно поддерживали оппортунистическое крыло партии («экономистов», меньшевиков, ликвидаторов), вели борьбу против большевиков и большевизма. Программному требованию большевиков о праве наций на самоопределение Бунд противопоставлял требование культурно-национальной автономии. Во время первой мировой войны (1914—1918) бундовцы стояли на позициях социал-шовинизма. В 1917 г. Бунд поддерживал контрреволюционное Временное правительство. В годы иностранной интервенции и гражданской войны руководители Бунда сомкнулись с силами контрреволюции. Одновременно с этим среди рядовых членов Бунда наметился перелом в пользу сотрудничества с Советской властью. В марте 1921 г. Бунд самоликвидировался, часть его членов была принята в РКП (б) на общих основаниях.— 2.

⁴ *Социал-демократия Королевства Польского и Литвы* (СДКПиЛ) — революционная партия польского рабочего класса образовалась в 1893 г. сначала как Социал-демократия Королевства Польского. С августа 1900 г. после съезда социал-демократических организаций Королевства Польского и Литвы, где произошло слияние польских и части литовских социал-демократов, стала называться Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). В период революции 1905—1907 гг. СДКПиЛ боролась под лозунгами, близкими к лозунгам большевистской партии, занимала непримиримую позицию по отношению к либеральной буржуазии. На IV (Объединительном) съезде РСДРП СДКПиЛ была принята в состав РСДРП в качестве территориальной организации.

В декабре 1918 г. на Объединительном съезде СДКПиЛ и ППС-«левицы» обе партии объединились и образовали Коммунистическую рабочую партию Польши.— 2.

⁵ *«Червоны штандар»* (*«Czerwony sztandar»* — «Красное знамя») — нелегальная газета, центральный орган СДКПиЛ. Создана по инициативе Ф. Э. Дзержинского решением конференции СДКПиЛ, состоявшейся в Берлине в августе 1902 г. Выходила на польском языке в Цюрихе, Кракове, Берлине, Варшаве с ноября

1902 по июль — август 1918 г. Вышло 195 номеров. В редакцию входили Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Л. Тышко. В 1905 г. с 25 января по 18 октября при газете выходил журнал «*Z pola Walki*» («С поля борьбы»), созданный для освещения хода революционных событий. Вышло 13 номеров.— 3, 74.

⁶ Речь идет о VI съезде РСДРП (б), который состоялся в Петрограде 26 июля — 3 августа (8—16 августа) 1917 г. Съезд работал полулегально. Ф. Э. Дзержинский был делегатом съезда от Московской городской организации РСДРП (б). Одним из первых на съезде обсуждался вопрос о явке В. И. Ленина на суд контрреволюционного Временного правительства. Г. К. Орджоникидзе, выступавший по этому вопросу, подчеркнул, что нельзя ни в коем случае выдавать Ленина следственным властям. Ф. Э. Дзержинский выступил вслед за Г. К. Орджоникидзе и решительно присоединился к его предложению. В результате коллективного обсуждения VI съезд партии единогласно принял резолюцию, в которой высказался против явки В. И. Ленина на суд (см. «Шестой съезд РСДРП (б)». Протоколы. М., 1958).— 3.

⁷ Эта и последующие три статьи Ф. Э. Дзержинского были опубликованы в газете «Ковенский работник» («Ковенский рабочий») № 1 от 1 апреля 1897 г. Газета была написана на польском языке рукой Ф. Э. Дзержинского и лично им гектографирована; вышел один номер.— 4.

⁸ Имеется в виду обещание царского правительства, появившееся в начале 1897 г. в виде объявлений на всех бумагопрядильных и ткацких фабриках Петербурга о введении 11½-часового рабочего дня с 16 (28) апреля, т. е. накануне дня международной солидарности трудящихся всех стран — 19 апреля (1 мая). Закон об установлении на фабриках и заводах 11½-часового рабочего дня в обычные дни и 10-часового в субботные и предпраздничные был издан 2 июня 1897 г.— 12.

⁹ Листовка написана рукой Ф. Э. Дзержинского на польском языке и им гектографирована,— 14.

¹⁰ «*Robotnik litewski*» («*Robotnik Litewski*» — «Литовский рабочий») — неперIODический орган Литовской социал-демократической партии; выходил на польском и литовском языках в 1896—1899 гг. в Париже, Цюрихе. Вышло три номера.— 17.

¹¹ Эти заметки написаны Ф. Э. Дзержинским в Берлине в 1902 г. после его побега из сибирской ссылки.— 26.

¹² Имена не установлены.— 28.

¹³ Речь идет о брошюре Maciej Rozga «*Niepodleglose Polska sprawa robotnicza*» (Роза Люксембург. «Независимость Польши и рабочее дело»), 1895.— 28.

¹⁴ «*Sprawa robotnicza*» («*Sprawa Robotnicza*» — «Рабочее дело») — первая польская социал-демократическая газета, выходившая в Париже в 1893—1896 гг. под редакцией Р. Люксембург,

10. Мархлевского, Л. Тышки и А. Барского. Со второго номера газета стала органом СДКП (Социал-демократии Королевства Польского). Вышло 25 номеров.— 28.

¹⁵ Имеется в виду Х павильон Варшавской цитадели.— 28.

¹⁶ Речь идет о партии «ППС-Пролетариат», или «III Пролетариат», которая образовалась осенью 1900 г. в результате откола от Польской социалистической партии (ППС) группы, не согласной с националистической политикой ППС и стремившейся к сотрудничеству с русским революционным движением. Наряду с общим признанием социал-демократической программы партия отстаивала тактику индивидуального террора и федералистский принцип организации. «ППС-Пролетариат» не сыграла большой роли в польском революционном движении; после революции 1905—1907 гг. прекратила свое существование.— 28.

¹⁷ «Пролетариат» («I Пролетариат») — первая социалистическая партия польского пролетариата, существовавшая в 1882—1886 гг.; подняла в Польше знамя классовой борьбы; воспитывала польский рабочий класс в духе международной солидарности, провозглашая лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».— 30.

¹⁸ *Варынский Людвиг* (1856—1889)—выдающийся деятель польского социалистического движения, основатель и руководитель первой революционной партии польского рабочего класса — «Пролетариат».— 30.

¹⁹ «Союз польских рабочих» — первая массовая организация рабочих в Польше, возникла в 1889 г. по инициативе Ю. Мархлевского, Я. Лодера и Г. Вилькошевского. В своих программных заявлениях и практической деятельности Союз призывал к борьбе против капитализма и пропагандировал социалистические идеи. В 1893 г. в результате объединения «Союза польских рабочих» с кружками «II Пролетариата» была создана Польская социалистическая партия, так называемая «старая ППС», которая в августе 1893 г. была переименована в Социал-демократию Королевства Польского (впоследствии, с 1900 г.— Социал-демократия Королевства Польского и Литвы).— 30.

²⁰ Подлинных протоколов I съезда Социал-демократии Королевства Польского не сохранилось. Протоколы всех трех заседаний съезда были опубликованы в печатном органе СДКП «Справа роботнича» № 10 за апрель 1894 г.— 31.

²¹ Осужденные по делу партии «Пролетариат» Станислав Куницкий, Петр Бардовский, Ян Петрусиньский и Михаил Оссовский были казнены 28 января 1886 г.— 31.

²² *Павиак* — следственная тюрьма в Варшаве.— 33.

²³ *Войнаровская Цезарина (Ванда)* (1861—1911)—в социалистическом движении Польши принимала участие с 1878 г. С 1901 по 1904 г. была представителем СДКПиЛ в Международном социалистическом бюро.— 34.

²⁴ Имеется в виду *Международное социалистическое бюро* (МСБ) — постоянный исполнительно-информационный орган II Интернационала. Решение о создании МСБ из представителей социалистических партий всех стран было принято на Парижском конгрессе II Интернационала в сентябре 1900 г.— 34.

²⁵ Имеется в виду № 134 печатного органа Бунда «*Последние известия*» от 1 июля (18 июня) 1903 г., где помещено сообщение о демонстрации в Лодзи 14 июня 1903 г. «Последние известия» — бюллетень Заграничного комитета Бунда; издавался в Лондоне и Женеве в 1901—1906 гг. Вышло 256 номеров.— 36.

²⁶ Речь идет о «Червоном штандаре». См. примечание 5.— 37.

²⁷ «*Пишеглонд социал-демократычны*» «*Przegląd Socjaldemokratyczny*» («Социал-демократическое обозрение») — теоретический орган СДКПиЛ; выходил в Кракове с 1902 по 1904 г. и с 1908 по 1910 г. Вышел 41 номер.— 37.

²⁸ *Сецессия* (лат. secessio) — отпадение, отделение, отступничество. В данном случае Ф. Э. Дзержинский называет сецессией «III Пролетариат», подчеркивая этим его родство с ППС.— 37.

²⁹ *Людвиг Кульчицкий* (*Лёле, М. Мазовецкий*) (1866—1941) — социолог, публицист. Основатель и руководитель «III Пролетариата». Впоследствии отошел от революционного движения.— 37.

³⁰ По всей вероятности, письмо адресовано к жене бундовца Миля.— 39.

³¹ «*Угодовцы*» — политическое направление среди крупных польских помещиков и части буржуазии, которые были сторонниками прямого соглашения с русским царизмом.— 40.

³² Ф. Э. Дзержинский имеет в виду демонстрацию в Лодзи 14 июня 1903 г., забастовку на джутовой фабрике «Варта» в Ченстохове в феврале 1903 г. и еврейские погромы в Кишиневе 6—8 апреля 1903 г.— 41.

³³ *Заграничный комитет* — партийный центр СДКПиЛ за границей; был образован решением Берлинской конференции СДКПиЛ, созванной по инициативе Ф. Э. Дзержинского 14—17 августа 1902 г.— 44.

³⁴ Имеется в виду *Организационный комитет* по созыву II съезда РСДРП. «Извещение об образовании «Организационного комитета» с послесловием, написанным В. И. Лениным, было напечатано в «Искре» № 32, 15 января 1903 г. (см. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 89—93).— 44.

³⁵ Имеется в виду решение I съезда РСДРП (см. «КПСС г, резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 14—15).— 44.

³⁶ Речь идет о брошюре Яна Млота (С. Дикштейна) «Кто чем живет», изданной ЦК РСДРП в 1903 г.— 46.

³⁷ «*Пшеглонд роботнич*» («*Przegląd Robotniczy*» — «*Рабочее обозрение*») — орган СДКПиЛ; издавался по решению Лейпцигской конференции СДКПиЛ с сентября 1900 по 1905 г. в Цюрихе, Кракове. Вышло 6 номеров.— 46.

³⁸ Имеются в виду «*Piesni proletariatu*» («*Песни пролетариата*»), выпущенные в 1903 г. издательством «Социал-демократическое обозрение».— 46.

³⁹ Речь идет о брошюре Р. Люксембург «Праздник Первого мая», вышедшей под псевдонимом Р. Крушинской.— 46.

⁴⁰ «*Из мартовских воспоминаний*» («*Ze wspomnieh marcowych*») — брошюра на польском языке; вышла в 1903 г. в издательстве «Социал-демократическое обозрение».— 46.

⁴¹ «*Из Великой французской революции*» («*Z Wielkiej Francuskiej Rewolucji*») — брошюра на польском языке, вышла в 1903 г. в издательстве «Социал-демократическое обозрение».— 46.

⁴² Речь идет о брошюре В. Либкнехта «Мухи и пауки», изданной типографией Бунда в 1903 г.— 46.

⁴³ Речь идет о меньшевистской «Искре» (№№ 52—112), вышедшей под редакцией Г. В. Плеханова с ноября 1903 г. по октябрь 1905 г.— 47.

⁴⁴ «*Социал-демократ*» — меньшевистская газета; издавалась в Женеве с октября 1904 по октябрь 1905 г.— 47.

⁴⁵ «*Вперед*» — нелегальная большевистская еженедельная газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 (4 января 1905) по 5(18) мая 1905 г. Вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и непосредственным руководителем газеты был В. И. Ленин. В состав редакции входили В. В. Боровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский.— 47.

⁴⁶ «*Революционная Россия*» — нелегальная газета эсеров; издавалась с конца 1900 г. в России «Союзом социалистов-революционеров». С января 1902 г. по декабрь 1905 г. выходила за границей (Женева) в качестве официального органа партии социалистов-революционеров.— 47.

⁴⁷ «*Форвертс*» «*Vorwärts*» («*Вперед*») — ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии; начала выходить в 1876 г. в Лейпциге под редакцией В. Либкнехта и др. После перерыва, вызванного введением в 1878 г. исключительного закона против социалистов, издание газеты было возобновлено в Берлине в 1891 г. В 1933—1940 гг. газета издавалась в Праге, затем в Париже и с 1948 г. — в Западной Германии под названием «*Neuer Vorwärts*» («*Новый Вперед*»). С 1955 г. выходит под старым названием «*Vorwärts*».— 47.

⁴⁸ «*Новая реформа*» — орган либеральной галицийской буржуазии и связанной с ней части интеллигенции; издавалась в Кракове.— 47.

⁴⁹ «Работник» «Robotnik» («Рабочий») — центральный орган ППС, издавался в Варшаве с 1894 по 1906 г. Вышло 199 номеров.— 48.

⁵⁰ Военно-революционная организация — организация РСДРП, созданная в 1904 г. для работы в войсках на территории бывш. Королевства Польского. ВРО была тесно связана с СДКПиЛ и вместе с ней развернула в 1905 г. интенсивную революционную агитацию в войсках, прежде всего варшавского гарнизона. Организатором военной работы СДКПиЛ и представителем партии, осуществлявшим контакт с ВРО РСДРП, был Ф. Э. Дзержинский. По соглашению, заключенному в июле 1905 г. между СДКПиЛ и ВРО РСДРП, общее политическое руководство над деятельностью ВРО осуществляла СДКПиЛ.— 49.

⁵¹ Речь идет о 23 номере газеты «Червоны штандар», который вышел в январе 1905 г.— 49.

⁵² «Пшедсвит» «Przedswit» («Рассвет») — политический журнал; издавался с 1881 г. группой польских социалистов. В 1884 г. стал органом первой польской рабочей партии «Пролетариат». С 1892 г. «Przedswit» находился в руках правосоциалистических и националистических элементов, хотя время от времени в нем печатались также и марксистские статьи. В 1893—1899 гг. журнал выходил как орган Заграничного союза польских социалистов (заграничной организации ППС), а с 1900 по 1905 г. являлся теоретическим и дискуссионным органом ППС. С 1907 г. выходил снова как орган правой ППС (так называемой ППС-«революционной фракции»), в 1918—1920 гг.—как орган ППС. С 1881 по 1901 г. «Przedswit» издавался за границей, затем в Польше (Краков, Варшава, Львов).— 53.

⁵³ «Глос» «Glos» («Голос») — легальный марксистский журнал; выходил в Варшаве в 1901—1905 гг.— 53.

⁵⁴ Речь идет о Рудольфе Мошоро, который с марта 1905 г. подписывал как ответственный перед австрийскими властями редактор и издатель «Червоны штандар» и «С поля вальки» («С поля борьбы») — орган СДКПиЛ в 1905 г.— 54.

⁵⁵ Здесь при помощи шифра обозначены первые буквы городов, где были организованы подпольные социал-демократические типографии, а именно Лодзь и Варшава.— 55.

⁵⁶ «Наншуд» «Naprzod» («Вперед») — центральный орган Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии; выходил в Кракове с 1892 г.— 58.

⁵⁷ «Зьедночене» «Zjednoczenie» («Объединение») — орган Союза социалистической молодежи Польши; выходил в Кракове, Львове с 1905 по 1911 г.— 58.

⁵⁸ «Мама» — конспиративное название партийной организации.— 58.

⁵⁹ Речь идет о товарище, исключенном из социал-демократической партии Галиции за борьбу с ее национализмом.— 61.

⁶⁰ «*Антон*» — конспиративное название подпольной партийной типографии.— 62.

⁶¹ Слова «для Антона имеется очень подходящая служба» означают — подходящие условия для организации партийной типографии.— 63.

⁶² «*От печати*» — по-видимому, как уполномоченный Главного правления СДКПиЛ.— 64.

⁶³ *Верхний кружок* — кружок агитаторов, обслуживавших низовые кружки созданных позже районов Варшавы: Вольского, Повонзковского и Мокотовского.— 64.

⁶⁴ *Нижний кружок* — охватывал агитаторов, обслуживавших кружки созданных позже районов Варшавы: Привислянского и Праги.— 64.

⁶⁵ *Биржа* — ежедневные дежурства руководящих товарищей, обслуживавших всю организационную и агитационно-пропагандистскую работу.— 64.

⁶⁶ *Р.* — обозначает Радом, *Д.К.* — Комитет Домбровского бассейна СДКПиЛ.— 66.

⁶⁷ «*Курьер цодзенны*» «*Kurjer Codzienny*» («Ежедневный курьер») — буржуазная газета, выходила в Варшаве с 1865 по 1905 г. В 1905 г. была неофициальным органом ППС.— 66.

⁶⁸ Вероятно, речь идет о В. А. Антонове-Овсенко.— 68.

⁶⁹ Речь идет о покушении на варшавского обер-полицмейстера барона Нолькена, совершенном членом партии ППС 26 марта 1905 г.— 68.

⁷⁰ Речь идет о деньгах, полученных СДКПиЛ от ЦК Германской социал-демократии и Международного социалистического бюро.— 70.

⁷¹ *Полоника* — сборник статей, появившихся в международной социалистической прессе за 1894—1904 гг. по польскому вопросу. Сборник издан в 1905 г. в Кракове на польском языке «*Kwestja polska a ruch socjalistyczny*» («Польский вопрос и социалистическое движение») с предисловием Р. Люксембург.— 71.

⁷² Имеется в виду работа среди солдат.— 73.

⁷³ Речь идет о созыве V съезда СДКПиЛ, который предполагался в сентябре 1905 г., но состоялся в июне 1906 г.— 74, 80.

⁷⁴ Речь идет о напечатании прокламации «К польской интеллигенции» в нелегальных типографиях в Варшаве и Лодзи. Прокламация была опубликована и в «Червоном штандаре» № 26 за май 1905 г.— 75.

⁷⁵ *Эндеция* — (народовцы, народовая демократия, национальная демократия, национально-демократическая партия, н.-д.) — главная реакционная, националистическая партия польских помещиков и буржуазии, тесно связанная с католической церковью; образовалась в 1897 г. Проведя войну с революционным национализмом и шовинизмом как средство борьбы с социалистическим и общедемократическим движением польского народа, народовцы пытались изолировать его от русского революционного движения. В период революции 1905—1907 г., добиваясь сделки с царизмом на почве автономии Королевства Польского, они открыто встали на путь поддержки царизма и борьбы с революцией. Во время первой мировой войны (1914—1918) партия народовцев безоговорочно поддерживала Антанту. После Великой Октябрьской социалистической революции народовцы — ярые враги Советского государства.— 76.

⁷⁶ Имеется в виду неудавшаяся попытка организовать восстание солдат Пулавского гарнизона в конце апреля 1905 г.— 84.

⁷⁷ *FLugblatt* (нем.) — летучий листок.— 87.

⁷⁸ Брошюра «*Warum sind wir arm?*» («Почему мы бедны?») издана в Вене австрийскими социал-демократами.— 88.

⁷⁹ Имеется в виду брошюра К. Каутского и Б. Шенланка «*Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie*» («Основные положения и требования социал-демократии»), изданная в Берлине в 1905 г.— 88.

⁸⁰ Речь идет о брошюре В. Либкнехта «*Was die sozialdemokraten sind und was sie wollen*» («Кто такие социал-демократы и чего они хотят»), изданной в 1894 г.— 88.

⁸¹ Речь идет о брошюре В. Бракке «*Precz z socjaldemokratami!*» («Долой социал-демократов!»), обработанной Ю. Мархлевским и изданной в Кракове в 1905 г. на польском языке.— 89.

⁸² Имеется в виду брошюра Р. Люксембург «*Kosciol a socjalizm*» («Церковь и социализм»), изданная в 1905 г. на польском языке под псевдонимом Юзефа Хмуры.— 59.

⁸³ Речь идет о брошюре А. Машицкого «*Из жизни солдата (Сказка-правда)*», изданной в 1903 г. в Женеве типографией Лиги русских революционных социал-демократов.— 89.

⁸⁴ Речь идет о брошюре Л. Мартова «*Простые речи о внутренних врагах*», вышедшей в издании «*Искры*» в 1905 г.— 89.

⁸⁵ *IV (Объединительный) съезд РСДРП* состоялся в Стокгольме 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 г. Ф. Э. Дзержинский (на съезде Доманский) был делегатом съезда с совещательным голосом как представитель СДКПил.

Одним из вопросов, обсуждавшихся на съезде, был вопрос об объединении РСДРП с национальными с.-д. организациями — Социал-демократией Королевства Польского и Литвы, Латышской социал-демократической рабочей партией, Бундом. Съезд решил

вопрос об объединении с СДКПиЛ и ЛСДРП, которые вошли в состав РСДРП как территориальные организации, ведущие работу среди пролетариата всех национальностей данной территории.— 91.

⁸⁶ V съезд Социал-демократии Королевства Польского и Литвы состоялся 18—24 июня 1906 г. в Закопане (Галиция). На съезде присутствовали 51 делегат с решающим и 13 с совещательным голосом. С отчетным докладом Главного правления СДКПиЛ выступал Ф. Э. Дзержинский. Съезд подвел итоги деятельности СДКПиЛ за полтора года революции, солидаризировался с тактикой большевиков в революции, высказался против оппортунистического поведения меньшевистского ЦК РСДРП, подверг критике меньшевистские решения IV (Объединительного) съезда РСДРП.— 92.

⁸⁷ Имеется в виду организация «Искра», которую создали в Варшаве в конце 1904 г. русские члены РСДРП. В 1905 г. она присоединилась к СДКПиЛ.— 99.

⁸⁸ В. И. Ленин, критикуя это предложение, писал в 1914 г. в работе «О праве наций на самоопределение»: «...польские марксисты выступали тогда с взглядами по национальному вопросу настолько неопределенными, что вместо самоопределения предлагали, по сути дела, не что иное, как псевдоним пресловутой «культурно-национальной автономии!»» (Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 310).

Относительно принятия IV съездом РСДРП требования автономии для Польши, то этот вопрос хотя и был выставлен СДКПиЛ одним из пунктов «Условий слияния СДКПиЛ с РСДРП», но на съезде он не обсуждался и решение по этому вопросу на IV съезде РСДРП принято не было (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 132—133).— 109.

⁸⁹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 57.— 110.

⁹⁰ Имеется в виду конференция, которая состоялась в Париже 30 сентября — 8 октября 1904 г.— 110.

⁹¹ Речь идет об обращении конференции представителей Центральных комитетов РСДРП, Бунда, Латышской СДРП и Революционной украинской партии «К пролетариату всей России». Обращение не было подписано представителями СДКПиЛ вследствие того, что ее делегаты не могли явиться на конференцию из-за вспыхнувшей в Варшаве всеобщей стачки.— 111.

⁹² Речь идет о конференции социал-демократических организаций в России, которая была созвана ЦК РСДРП в Риге 7—9 (20—22) сентября 1905 г. Присутствовали делегаты ЦК РСДРП, Организационной комиссии меньшевиков, Бунда, Латышской социал-демократии, Социал-демократии Польши и Литвы, Революционной украинской партии (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 91—94).— 111.

⁹³ Имеется в виду конференция революционных партий и организаций, созванная по инициативе Г. Гаггона 2 апреля 1905 г. в Женеве (см. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 180-185).— 111.

⁹⁴ «Новая газета» («*Nowa gazeta*») — прогрессивная буржуазная газета, выходившая в Варшаве с 1905 г.— 114.

⁹⁵ Вопрос об участии в представительных учреждениях, в частности в Государственной думе, В. И. Ленин, большевики всегда рассматривали конкретно, в зависимости от определенной политической обстановки. В период подъема революции большевики проводили тактику активного бойкота, как это было по отношению к булыгинской думе в 1905 г. Тактика активного бойкота была тогда единственно правильной и необходимой. В августе 1906 г. обстановка в России изменилась, революция шла на спад. Перед партией пролетариата встала задача — использовать Государственную думу как трибуну для агитации в интересах развития классового сознания пролетариата, дальнейшего разоблачения перед всем народом конституционных иллюзий и развития революции. В. И. Ленин 12(25) августа 1906 г. написал статью «О бойкоте», в которой указал на необходимость пересмотра вопроса о бойкоте Государственной думы (см. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 339—347).— 114.

⁹⁶ Речь идет о письмах меньшевистского ЦК к партийным организациям, призывавших к организации протеста против роспуска Государственной думы. Эти письма В. И. Ленин подверг резкой критике в своей статье «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» (см. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 348-364).— 115, 119.

⁹⁷ С.С.— сионисты-социалисты — члены Сионистско-социалистической рабочей партии, мелкобуржуазной еврейской националистической организации, образовавшейся в 1904 г. Главной задачей еврейского пролетариата сионисты-социалисты считали борьбу за приобретение собственной территории и создание своего национального государства. Они проповедовали классовое сотрудничество с еврейской буржуазией, стремились изолировать еврейских рабочих от революционного движения русского и международного пролетариата. В марте 1917 г. Сионистско-социалистическая рабочая партия объединилась с Социалистической еврейской рабочей партией (СЕРП) в Объединенную еврейскую социалистическую рабочую партию. В июле 1920 г. объединенцы слились с Бундом, в марте 1921 г. Бунд самоликвидировался, часть его членов была принята в РКП (б) на общих основаниях.— 115.

⁹⁸ Вероятно, имеется в виду нелегальная газета «Солдатский листок», издаваемый Военной организацией при Рижском комитете РСДРП в мае 1906 г. Вышло три номера.— 117.

⁹⁹ «Профессиональный союз» — журнал Центрального бюро С.-Петербургских профессиональных рабочих союзов. Социал-демократическое издание. Выходил в 1905—1906 гг.— 117.

¹⁰⁰ Брошюра «Москва в декабре 1905 года» была издана в Москве в 1906 г.— 117.

¹⁰¹ Речь идет о брошюре В. И. Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата», написанной в июле 1906 г. (см. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 305—327).— 119.

¹⁰² Имеется в виду нелегальная газета «Казарма» — орган Петербургской военной организации РСДРП. Выходила с 15(28) февраля 1906 г. по март 1907 г. Вышло 13 номеров. Вначале редакция газеты была в руках меньшевиков, с № 4 стала большевистской. С № 12 «Казарма» фактически становится центральным военным органом большевиков.— 119.

¹⁰³ «Солдатский путь» — нелегальный меньшевистский журнал для солдат. Издание ЦК РСДРП. Выходил в Петербурге в 1906 г. Вышло два номера.— 119.

¹⁰⁴ Речь идет об обращении «Ко всему народу», выработанном междупартийным совещанием левых партий и организаций 21 июля (3 августа) 1906 г. и подписанном комитетом социал-демократической фракции Государственной думы, комитетом трудовой группы Государственной думы, ЦК РСДРП, ЦК партии социалистов-революционеров, ЦК ППС и ЦК Бунда.— 119.

¹⁰⁵ Имеется в виду листовка «Свеаборг и Кронштадт», изданная после 20 июля 1906 г. ЦК РСДРП и переизданная в Варшаве в августе 1906 г. Военно-революционной организацией СДКПиЛ.— 119.

¹⁰⁶ Листовка «К армии и флоту» выпущена 12 июля 1906 г. социал-демократической фракцией и Трудовой группой Государственной думы.— 119.

¹⁰⁷ «Наше слово» — еженедельник, орган Бунда; выходил с июня по август 1906 г. Вышло 9 номеров.— 119.

¹⁰⁸ «Товарищ» — ежедневная буржуазная газета; выходила в Петербурге с 15(28) марта 1906 г. по 30 декабря 1907 г. (12 января 1908 г.). Формально газета не являлась органом какой-либо партии, фактически же была органом левых кадетов.— 119.

¹⁰⁹ Имеются в виду бомбы.— 119.

¹¹⁰ Сушков — жандармский офицер, руководивший следствием по политическим делам.— 120.

¹¹¹ В Венденском уезде Лифляндской губернии в августе 1906 г. карательный отряд казаков учинил зверскую расправу над крестьянами за то, что они помогали партизанам.— 121.

¹¹² «Из дневника заключенного» — написано Ф. Э. Держинским в 1908—1909 гг., когда он сидел в X павильоне Варшавской цитадели. Впервые напечатано было в журнале «Социал-демократическое обозрение» №№ 16 и 17—18 за 1909 г. и № 19 за 1910 г. В настоящем издании дается с небольшими сокращениями.— 125.

¹¹³ *Скалон* — варшавский генерал-губернатор.—131.

¹¹⁴ См. примечание 2.—139.

¹¹⁵ Ф. Э. Дзержинский имел в виду члена СДКПиЛ рабочего Вардена, который впоследствии был приговорен к шести годам каторги и умер в тюрьме.— 139.

¹¹⁶ Среди жандармов-ключников были рядовые из крестьян, находившиеся на этой службе не по собственному желанию, а взятые по призыву на военную службу и направленные в жандармерию. Некоторых из них Ф. Э. Дзержинскому удалось сагитировать, они-то и выносили из Х павильона и передавали по указанному адресу странички настоящего дневника.— 142.

¹¹⁷ См. примечание 2.—152.

¹¹⁸ То есть принимает болезненный характер тоски по родине.— 162.

¹¹⁹ Так называли в царское время государственные магазины, монопольно торговавшие спиртом и водкой.—163.

¹²⁰ Речь идет о покупке продуктов на хранившиеся в тюремной канцелярии деньги заключенных.— 168.

¹²¹ *Заварзин* — начальник варшавской охранки.— 173.

¹²² То есть экспроприации.— 206.

¹²³ В убийстве провокатора.— 208.

¹²⁴ То есть за принадлежность к партии.— 208.

¹²⁵ Ольбжимек был опубликован в списке провокаторов в «Черном штандаре» № 183 за 1911 г.; после Великой Октябрьской социалистической революции реабилитирован и восстановлен в партии.— 214.

¹²⁸ Речь идет о резолюции январского пленума ЦК РСДРП 1910 г. «Положение дел в партии». В своем письме в Главное правление СДКПиЛ от 2 июля 1910 г. Ф. Э. Дзержинский писал: «Мои взгляды по общепартийным вопросам я высказывал уже неоднократно — резолюциями пленума ЦК я не был удовлетворен. В этом отношении я согласен с Лениным, с его статьей в № 2 «Дискуссионного листка»» (см. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 239—304 и «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 233—243).— 215.

¹²⁷ *Польское коло* — объединение польских депутатов в Государственных думах. В I и II Думах руководящее ядро в этом объединении принадлежало национал-демократам. По всем основным вопросам думской тактики польское коло поддерживало октябристов и правых.— 218.

¹²⁸ См. Ф. Энгельс. Введение к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе, т. 22. М. 1962, стр. 546).— 218.

¹²⁹ Имеется в виду поездка Л. Тышки и З. Ледера в Краков на краевую конференцию СДКПиЛ, которая состоялась 19—22 августа 1910 года.— 221.

¹³⁰ «Трибуна» («*Tribuna*») — легальный еженедельный политический, общественный и литературный орган СДКПиЛ; начал выходить в Варшаве в 1910 году.— 221.

¹³¹ *Pinper* — владелец типографии в Кракове, где печатался «Пшеглонд Социал-Демократычны» и другие издания СДКПиЛ.— 223.

¹³² «Солидарность роботнича» «*Solidarnosc Robotnicza*» («Рабочая солидарность») — фракционный орган, который издавал К. Залевский в 1909—1910 гг. в Париже — Кракове.— 223.

¹³³ «Дневник социал-демократа» — неперIODический орган, издававшийся Г. В. Плехановым в Женеве с 1905 по 1912 г.; вышло 16 номеров. В 1916 г. вышел еще один номер.— 224.

¹³⁴ Речь идет о брошюре Г. В. Плеханова «О моем секрете», изданной в Женеве в 1910 г. приложением к «Дневнику социал-демократа» № 10.— 224.

¹³⁵ Имеется в виду 173 номер «Червоного штандара», который вышел в феврале 1910 г.— 225.

¹³⁶ Речь идет о брошюре «Торжество кляузы», изданной меньшевистской газетой «Голос социал-демократа» в 1910 г. по поводу партийного суда над К. Залевским.— 227.

¹³⁷ «Дискуссионный листок» выходил в 1910—1911 гг. в качестве приложения к центральному органу РСДРП «Социал-демократ». Вышло три номера.— 227.

¹³⁸ Имеется в виду забастовочная борьба рабочих металлургического завода «Вулкан» в Варшаве, которая периодически вспыхивала на протяжении 1910 г.— 229.

¹³⁹ «Млот» «*MLot*» («Молот») — под этим названием выходила «Трибуна» после ее закрытия царскими властями. См. примечание 130.— 232.

¹⁴⁰ *Мацох* — монах, активный участник преступлений (воровство, разврат, убийства верующих), которые совершались в одном из монастырей Польши.— 232.

¹⁴¹ *Немоевский* — ярый националист. На страницах реакционной печати выступал со злостной клеветой на СДКПиЛ.— 233.

¹⁴² «Правда» — фракционная газета троцкистов; издавалась в 1908—1912 гг.; вышло 25 номеров. Прикрываясь маской «нефракционности», газета с первых же номеров выступила против большевизма, в защиту ликвидаторства и отзовизма; проповедовала центристскую «теорию» сожительства революционеров и оппортунистов в одной партии. После январского пленума ЦК РСДРП 1910 г. газета заняла откровенно ликвидаторские позиции; выступала с поддержкой антипартийной отзовистско-ультиматистской группы

«Вперед». В 1912 г. Троцкий и его газета явились инициаторами и главными организаторами антипартийного Августовского блока.— 235.

¹⁴³ «Рабочая газета» — нелегальный популярный орган большевиков; издавался непериодически в Париже с 30 октября (12 ноября) 1910 г. по 30 июля (12 августа) 1912 г.; вышло 9 номеров. Основателем и руководителем газеты был В. И. Ленин. Большую материальную помощь газете оказывал М. Горький.— 236.

¹⁴⁴ Бюро ЦК в РОССИИ по уставу, принятому январским пленумом ЦК 1910 г., должно было ведать всеми партийными делами в промежутке между общими собраниями членов ЦК РСДРП, находившихся в России. После пленума ЦК 1910 г. в Русское бюро ЦК входили: большевики И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский (Иннокентий), потом после их ареста В. П. Ногин (Макар) и Г. Д. Лейтейзен (Линдов); меньшевик-ликвидаторы Н. Н. Жордания (Костров), П. В. Рамашвили (Петр), И. А. Исув (Михаил), К. М. Ермолаев (Роман), П. А. Бронштейн (Юрий) и 3 представителя от национальных организаций. Всю общепартийную работу в России вели большевики. Что касается бундовца И. Л. Айзенштадта (Юдина), то он в составе Бюро не был. Попытки большевиков созвать Русское бюро ЦК РСДРП и организовать его работу не увенчались успехом, потому что ликвидаторы всячески противодействовали этому — не являлись на заседания, отказывались принимать участие в работе. В марте 1911 г., после ареста Ногина и Лейтейзена, Русское бюро ЦК прекратило свое существование.— 240.

¹⁴⁵ Вероятно, речь идет о резолюции собрания меньшевиков в Париже, опубликованной в приложении к № 24 «Голоса социал-демократа» под названием «Ко всем членам партии».— 240.

¹⁴⁶ Слова «еду к Эрнесту» означают «еду в Варшаву».— 244.

¹⁴⁷ Речь идет о Ганецком (Фюрстенберге) Я. С.— 245.

¹⁴⁸ Речь идет о VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, которая состоялась 5—17 (18—30) января 1912 г.— 245.

¹⁴⁹ Получить концессию — означало получить разрешение на издание легального органа СДКПиЛ в Польше. Фактическая редакция легального органа СДКПиЛ находилась в Берлине, а в Польше лица, подписывавшие газету или журнал (которые подвергались постоянной конфискации и закрытию) в качестве редакторов, подвергались часто арестам и вынуждены были отсиживать в тюрьме (почему и назывались «Sitz»-редакторы). Чтобы наладить регулярный выход легального органа СДКПиЛ, необходимо было иметь возможно больше «концессий» и «Sitz»-редакторов в Польше. Одним из таких «Sitz»-редакторов был Кржиновский.— 246.

¹⁵⁰ Статья Ф. Э. Дзержинского «Польские союзники Корнилова» была перепечатана в газете «Рабочий путь» (так называлась тогда «Правда») № 2, 18(5) сентября 1917 г.— 250.

¹⁵¹ *Викжель* — Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников, состоял в подавляющем большинстве из эсеров и меньшевиков. В первые дни после победы Великой Октябрьской социалистической революции Викжель, прикрываясь флагом нейтралитета, на деле был одним из центров контрреволюции. По решению Всероссийского чрезвычайного съезда железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих в январе 1918 г. Викжель был ликвидирован.— 254.

¹⁵² «*Анархия*» — ежедневная газета. Орган Московской федерации анархических групп. Выходила с 19 сентября 1917 г. по 2 июля 1918 г.— 262.

¹⁵³ См. настоящее издание, т. 1, стр. 1—3.— 263.

¹⁵⁴ Написало в связи с телефонограммой В. И. Ленина о необходимости принятия срочных мер для борьбы против врагов Советской власти (см. *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 244.— 273.

¹⁵⁵ В газете «Правда» № 211 от 23 сентября 1919 г. перечислены фамилии шпионов и изменников.— 281.

¹⁵⁶ *Патек* — министр иностранных дел в Польше.— 295.

¹⁵⁷ *Цектран* — Центральный комитет объединенного профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта. Создан в сентябре 1920 г. Прделав значительную работу по восстановлению транспорта, Цектран впоследствии выродился в оторванный от профсоюзной массы бюрократический орган. Троцкисты, захватившие руководство Цектраном, пытались восстановить беспартийных рабочих против партии, расколоть рабочий класс. Центральный Комитет партии разоблачил и осудил эти действия троцкистов. I Всероссийский съезд объединенного союза рабочих железнодорожного и водного транспорта, состоявшийся в марте 1921 г., изгнал троцкистов из руководства Цектраном и наметил новые методы работы.— 307.

¹⁵⁸ *Сверчков Д. Ф.* — заместитель комиссара Петроградского округа путей сообщения.— 320.

¹⁵⁹ Речь идет о подготавливавшейся реформе по децентрализации управления транспортом, в результате проведения которой были образованы правления железных дорог с институтом уполномоченных наркома путей сообщения при них.— 320.

¹⁶⁰ *ЭКОСО* — экономическое совещание.— 320.

¹⁶¹ Речь идет о поездке Ф. Э. Дзержинского в начале 1922 г. в Сибирь как уполномоченного ВЦИК. Д. Ф. Сверчков был в этот период линейным комиссаром Омской железной дороги.— 322.

¹⁶² *Рейслер В. П.* — начальник Петроградского округа путей сообщения.— 323.

¹⁶³ *Уполнаркомпутъ* — уполномоченные Наркомпути при правительствах союзных республик.— 323.

¹⁶⁴ 27 апреля 1922 г. вопрос об организации дела просвещения на транспорте рассматривался в коллегии Наркомпроса при участии наркома путей сообщения Ф. Э. Дзержинского, наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского.— 325.

¹⁶⁵ Здесь, как и на страницах 349, 352, 358, 360, исчисление дается в денежных знаках, которые существовали до проведения денежной реформы.— 340.

¹⁶⁶ *Благонравов Г. И.*— начальник административного управления НКПС— 372.

¹⁶⁷ 23 декабря 1922 г. перед началом заседания коллегии НКПС Ф. Э. Дзержинским был принят депутат от рабочих Гомельских мастерских Западных железных дорог, который от имени пославших его рабочих передал приветствие Дзержинскому и коллегии НКПС. В память о пятилетней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции депутат вручил Дзержинскому подарок — письменный прибор, изготовленный рабочими Гомельских железнодорожных мастерских.— 374.

¹⁶⁸ *«Гудок»* — ежедневная газета советских железнодорожников, орган Министерства путей сообщения и ЦК профессионального союза рабочих железнодорожного транспорта СССР. Выходит с 11 мая 1920 г.— 376.

¹⁶⁹ *Бернштейн-Коган С. В.*— член коллегии НКПС, член Совета Высшего технического комитета.— 387.

¹⁷⁰ Тезисы доклада, с которым выступал Ф. Э. Дзержинский в президиуме Госплана СССР в марте 1923 г.— 390.

¹⁷¹ *«Доброфлот»* — «Добровольный флот» России; был создан в 1878 г. на средства, собранные путем подписки. Согласно Положению 1912 г. его задачей являлось «содержание морских пароходных сообщений для перевозки пассажиров и грузов в целях содействия развитию отечественной торговли и торгового флота». Агентства «Добровольного флота» имелись в Лондоне, Сан-Франциско, Нью-Йорке, Ванкувере и других крупнейших портах мира. Иностранная интервенция и гражданская война нанесли громадный ущерб «Доброфлоту». Большая часть судов и имущества были реквизированы иностранными правительствами. 11 января 1922 г. Советское правительство издало декрет о возобновлении работ «Добровольного флота». Правление «Доброфлота» успешно провело ряд судебных процессов в различных странах с целью возвращения судов, являвшихся достоянием русского народа. В 1925 г. суда и имущество «Добровольного флота» были переданы Совторгфлоту.— 391.

¹⁷² *РОПИТ* — Русское общество пароходства и торговли.— 391.

¹⁷³ *ЦКП* — Центральный комитет по перевозкам НКПС— 393.

¹⁷⁴ См. *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 389-406.— 407.

¹⁷⁵ *XII съезд РКП(б)* состоялся 17—25 апреля 1923 г. В. И. Ленин в связи с тяжелой болезнью на съезде не мог присутствовать. Продиктованные В. И. Лениным письма и статьи — «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и другие, — частично опубликованные в то время в печати и частично доведенные до сведения делегатов XII съезда (во время работы съезда), легли в основу решений XII съезда (см. *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 343—406).

Одним из вопросов работы съезда был организационный вопрос. Ф. Э. Дзержинский был делегатом съезда, он выступил с докладом в секции по организационному вопросу. Съезд принял разработанные Центральным Комитетом резолюции по организационному вопросу и «О задачах РКИ и ЦКК». В соответствии с предложением В. И. Ленина съезд расширил состав ЦК и ЦКК и создал объединенный орган ЦКК — РКИ (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 681—758).— 414.

¹⁷⁶ *Смилга И. Т.* — начальник Главного управления по топливу ВСНХ СССР. В 1920—1921 гг. во время дискуссии о профсоюзах примкнул к троцкистам. В 1927 г. XV съездом ВКП(б) был исключен из партии как активный деятель троцкистской оппозиции. В 1930 г. восстановлен в партии. В дальнейшем за антипартийную деятельность вновь исключен из партии и затем осужден.— 426.

¹⁷⁷ *ГУТ* — Главное управление по топливу ВСНХ СССР.— 426.

¹⁷⁸ *Чубаров А. П.* — член Президиума и начальник Горного управления ВСНХ СССР.— 427.

¹⁷⁹ Речь идет о резком расхождении между высокими ценами на изделия промышленности и низкими ценами на продукты сельского хозяйства, которое имело место осенью 1923 г.— 430.

¹⁸⁰ Этот документ был опубликован на правах рукописи издательством «Транспечать» под названием «В Совет труда и обороны СССР. Докладная записка по вопросу о металлопромышленности Ф. Э. Дзержинского». К документу дано 18 приложений в виде таблиц, графиков, справок, пояснительных записок, обосновывающих положения «Докладной записки». В приложениях помещена также стенограмма речи Ф. Э. Дзержинского на заседании президиума Госплана 17 ноября 1923 г. по вопросу о паровозостроении.— 431.

¹⁸¹ *Лагутин Н. В.* — старший инспектор НКПС по продвижению и защите изобретений рабочих.— 453.

¹⁸² *Грунин И. Л.* — член коллегии НКПС— 453.

¹⁸³ *УЦД* — уполномоченный народного комиссара путей сообщения при управлении дороги.— 453.

¹⁸⁴ Н — начальник дороги.— 454.

¹⁸⁵ *ЦУЖел* — Центральное управление железнодорожного транспорта.— 457.

¹⁸⁶ К докладу Ф. Э. Дзержинского были разработаны и приложены графики и таблицы, которыми он иллюстрировал свое выступление.— 458.

¹⁸⁷ *УГПК* — управление государственной каменноугольной промышленности.— 465.

¹⁸⁸ *ИЗУЛ* — отдел изобретений и улучшений техники транспорта при техническом комитете НКПС.— 478.

¹⁸⁹ *АРА* — сокращенное название американской благотворительной организации «Американская администрация помощи».—495.

¹⁹⁰ *ФКК* — финансово-контрольный комитет НКПС.— 500.

¹⁹¹ *ЦА (ЦАУ)* — административное управление НКПС.— 508.

¹⁹² *УЦ* — уполномоченный народного комиссара путей сообщения.— 508.

¹⁹³ Речь идет об арестах по поводу протеста против установления памятника генерал-губернатору Муравьеву, зверски подавившему восстание 1863 г. в Литве, за что он был прозван «вешателем».— 517.

¹⁹⁴ *Крожжи* — местечко в Литве, где в 1893 г. царская полиция и казаки устроили массовую резню населения за отказ признать православную церковь.— 533.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

1877—1923 *годы*

1877

*30 августа
(11 сентября).*

В имении Держиново, Ошмянского уезда, Виленской губернии, родился Феликс Эдмундович Держинский.

1895

Осень.

Ф. Э. Держинский, будучи учеником 1-й Виленской гимназии, вступает в ряды литовской социал-демократии, примыкает к ее левому, революционному крылу; руководит кружками ремесленных и фабричных учеников в Вильно.

1896

2(14) апреля.

Ф. Э. Держинский оставляет Виленскую гимназию; становится профессиональным революционером.

1897

18(30) марта.

Ф. Э. Держинский по решению виленской социал-демократической организации переезжает для революционной работы в Ковно.

1 апреля.

Ф. Э. Держинский выпускает первый номер написанной и отпечатанной им на гектографе польской нелегальной газеты «Ковенский рабочий» («Kowienski Robotnik»).

Апрель — май.

Ф. Э. Держинский руководит забастовкой в Алексоте (предместье Ковно), увенчавшейся победой рабочих.

17(29) июля.

Ф. Э. Держинского арестовывают и заключают в ковенскую тюрьму.

Октябрь. В № 2 газеты «Литовский рабочий» («Robotnik Litewski») — органе Литовской социал-демократической партии — опубликованы корреспонденции Ф. Э. Дзержинского, в которых он призывает трудящихся к борьбе с царизмом, к борьбе за социализм.

1898

12(24) мая. Ф. Э. Дзержинского в административном порядке высылают на три года в Вятскую губернию: сначала в город Нолинск, затем в село Кайгородское, Слободского уезда.

1899

Август — декабрь. Ф. Э. Дзержинский совершает побег из ссылки и в сентябре приезжает в Варшаву; в Варшаву устанавливает связи с передовыми рабочими; ведет борьбу с мелкобуржуазной националистической партией ППС; создает «Рабочий союз социал-демократии»; выезжает в Вильно для переговоров с виленской организацией об объединении социал-демократии Польши и Литвы.

1900

Январь. Ф. Э. Дзержинский пишет проект программы к объединительному съезду социал-демократии Польши и Литвы; выезжает в Минск на съезд социал-демократического «Рабочего союза Литвы», на котором было принято решение об объединении этого союза с социал-демократией Польши и избран ЦК, в состав которого вошел Ф. Э. Дзержинский.

*23 января
(4 февраля).* Ф. Э. Дзержинского арестовывают и заключают в X павильон Варшавской цитадели.

1901

Апрель. Ф. Э. Дзержинского переводят в Седлецкую тюрьму.

*20 октября
(2 ноября).* Подписано постановление о высылке Ф. Э. Дзержинского на пять лет в Восточную Сибирь.

1902

Январь—февраль. Ф. Э. Дзержинского переводят в Московскую центральную пересыльную тюрьму (Бутырки),

- а затем в Александровскую центральную пересыльную тюрьму под Иркутском.
- 6-8(19-21) мая. Ф. Э. Дзержинский руководит демонстрацией протеста политических заключенных в Александровской центральной пересыльной тюрьме.
- 12(25) июня. Ф. Э. Дзержинский по пути следования к месту ссылки, в город Вилюйск, Якутской области, совершает побег; в июле возвращается в Варшаву, затем уезжает за границу.
- 1-4(14-17) августа. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе конференции СДКПиЛ в Берлине, на которой по его инициативе принимается решение о создании Заграничного комитета СДКПиЛ и об издании газеты «Красное знамя» («Czerwony Sztandar») — печатного органа партии; конференция избирает Дзержинского в состав Заграничного комитета.

1903

- 12—16(25—29) июля. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе IV съезда СДКПиЛ, созванного по его инициативе, на котором принимается решение об объединении СДКПиЛ с РСДРП. Съезд избирает Дзержинского в состав Главного правления СДКПиЛ.

1903 — 1904

Ф. Э. Дзержинский работает в Кракове в качестве заграничного представителя Главного правления СДКПиЛ; руководит изданием газеты «Красное знамя»; организует транспорты социал-демократической литературы; поддерживает связь с партийными организациями; периодически выезжает нелегально в Царство Польское для руководства партийной работой.

1904

- Конец декабря. Ф. Э. Дзержинский нелегально переезжает из Кракова в Варшаву для руководства партийной работой и революционным движением.

1905

- Первая половина января. Январские события в Петербурге застают Ф. Э. Дзержинского в Варшаве; он призывает польских рабочих выступить на поддержку русских рабочих.

Основные даты жизни и деятельности Ф. Э. Дзержинского 563

- 18 апреля*
(1 мая). Ф. Э. Дзержинский организует многотысячную первуюмайскую демонстрацию в Варшаве.
- Май.* Ф. Э. Дзержинский пишет проект устава СДКПиЛ.
- 9-11(22-24)*
июня. Ф. Э. Дзержинский издает листовки, призывающие к всеобщей забастовке солидарности с лодзинскими пролетариями, борющимися на баррикадах.
- Июль.* Ф. Э. Дзержинский налаживает работу Лодзинского комитета и пабяницкой организации СДКПиЛ.
- 17(30) июля.* Ф. Э. Дзержинский руководит Варшавской партийной конференцией. Во время работы конференции его арестовывают.
- 20 октября*
(2 ноября). Ф. Э. Дзержинского по амнистии освобождают из тюрьмы.
- 15—17(28-30)*
ноября. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе краевой конференции СДКПиЛ.
- 14(27) декабря.* Ф. Э. Дзержинский выступает на заводе «Гута Банкова», в Домбровском бассейне, с призывом к всеобщей забастовке солидарности с московскими рабочими, начавшими вооруженное восстание.

1906

- 10—25 апреля*
(23 апреля — 8 мая). Ф. Э. Дзержинский участвует в работах IV (Объединительного) съезда РСДРП, где впервые встречается с В. И. Лениным.
- 5—12(18-25)*
июня. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе V съезда СДКПиЛ, на котором выступает с отчетным докладом о работе Главного правления СДКПиЛ.
- Июль.* Ф. Э. Дзержинский вводится в состав ЦК РСДРП как представитель СДКПиЛ; выезжает из Варшавы в Петербург.
- Август —*
сентябрь. Ф. Э. Дзержинский работает в Петербурге, откуда сообщает Главному правлению СДКПиЛ о своей поддержке большевиков в борьбе против меньшевистского ЦК, о посылке большевистской литературы в Польшу.

564 Основные даты жизни и деятельности Ф. Э. Дзержинского

- 3—7(16—20) ноября. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе II конференции РСДРП в Таммерфорсе.
- 13(26) декабря. Ф. Э. Дзержинского арестовывают и заключают в варшавскую следственную тюрьму Павиак.

1907

- 10 мая (1 июня). Ф. Э. Дзержинский на V съезде РСДРП заочно избирается в состав ЦК партии.
- 22 мая (4 июня). Ф. Э. Дзержинского освобождают из тюрьмы под залог.
- 21—23 июля (3—5 августа). Ф. Э. Дзержинский участвует в работе III конференции РСДРП в Котке (Финляндия).
- 5—12(18—25) ноября. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе IV конференции РСДРП в Гельсингфорсе.

1908

- 30 марта (12 апреля). Ф. Э. Дзержинский руководит работой краевой конференции СДКПиЛ.
- 3(16) апреля. Ф. Э. Дзержинского арестовывают и заключают в X павильон Варшавской цитадели.
- 22—30 ноября (5—13 декабря). Состоялся VI съезд СДКПиЛ, на котором Ф. Э. Дзержинский заочно избирается в состав Главного правления.

1909

- 15(28) января и 25 апреля (8 мая). Ф. Э. Дзержинский по приговорам Варшавской судебной палаты лишается прав состояния и присуждается на вечное поселение в Сибирь.
- 31 августа (13 сентября). Ф. Э. Дзержинский высылается в распоряжение Енисейского губернского правления.
- Вторая половина ноября. Ф. Э. Дзержинский совершает из села Тасеево, Канского уезда, Енисейской губернии, третий побег из ссылки.
- Декабрь. Ф. Э. Дзержинский приезжает в Берлин.

1910

- Январь. Партия направляет Ф. Э. Дзержинского в Италию — на остров Капри для восстановления

здоровья. На Капри Ф. Э. Дзержинский встречается с А. М. Горьким.

19 марта
(1 апреля).

Ф. Э. Дзержинский в письме в Главное правление СДКПиЛ выражает свое восхищение статьёй В. И. Ленина «Голос» ликвидаторов против партии».

19 июня
(2 июля).

Ф. Э. Дзержинский в письме в Главное правление СДКПиЛ солидаризируется с оценкой, данной В. И. Лениным решениям пленума ЦР; РСДРП 1910 года, со статьёй В. И. Ленина «Заметки публициста».

Март — декабрь.

Ф. Э. Дзержинский, вернувшись в Краков, руководит подпольной революционной социал-демократической работой; ведет борьбу с ликвидаторством и отзовизмом; выступает против оппортунизма в Главном правлении СДКПиЛ.

23—24 декабря.

Ф. Э. Дзержинский в письме в Главное правление СДКПиЛ требует осудить раскольническую тактику венской «Правды» Троцкого и оказывать поддержку только большевистской «Рабочей газете».

1911

31 января —
1 февраля
(13—14 февраля).

Ф. Э. Дзержинский в письме в Главное правление сообщает о своей солидарности с политикой ЦО и В. И. Ленина.

20 марта
(2 апреля).

Ф. Э. Дзержинский в письме в Главное правление резко критикует его работу и категорически настаивает на своем отъезде на подпольную работу в Польшу.

28 мая — 4 июня
(10—17 июня).

Ф. Э. Дзержинский участвует в совещании девяти членов ЦК РСДРП, созданном по инициативе В. И. Ленина в Париже.

29 мая (11 июня).

Ф. Э. Дзержинский обменивается с В. И. Лениным записками по вопросу исключения «голосовцев» (ликвидаторов) из рядов РСДРП.

Июль — декабрь.

Ф. Э. Дзержинский, вернувшись после парижского совещания в Краков, ведет работу по укреплению партийных организаций в Российской Польше, несколько раз нелегально приез-

жает в Варшаву, Лодзь, Ченстохов и Домбровский бассейн.

7(20) декабря. Ф. Э. Дзержинский в письме из Берлина в Краков, говоря о задачах предстоящей работы в Польше, предлагает организовать широкое распространение в Польше большевистской газеты «Звезда» и подчеркивает: «Теперь «Звезда» так ярка, что следует, чтобы всюду у нас ее читали».

1912

Начало года. Ф. Э. Дзержинский приезжает нелегально в Варшаву.

19—23 января
(1—5 февраля). Ф. Э. Дзержинский объезжает Домбровский бассейн, посещает Ченстохов, проводит там партийные собрания, организует снабжение партийных организаций литературой.

9(22) марта. Ф. Э. Дзержинский в письме членам Главного правления просит прислать отчет о «ленинской (Пражской) конференции».

Апрель. Ф. Э. Дзержинский проводит пропагандистскую и организаторскую работу в связи с расстрелом рабочих на Ленских золотых приисках в Сибири.

Июнь. Ф. Э. Дзержинский участвует в работах межрайонной Варшавской партийной конференции; выступает с докладом о выборах в IV Государственную думу.

15(28) и 22 июля
(4 августа). Ф. Э. Дзержинский руководит Лодзинской межрайонной и Ченстоховской конференциями СДКПиЛ.

1(14) сентября. Ф. Э. Дзержинского арестовывают и заключают в X павильон Варшавской цитадели.

1913

Ф. Э. Дзержинский находится в заключении в X павильоне Варшавской цитадели.

29 апреля
(12 мая). Ф. Э. Дзержинский приговаривается Варшавским окружным судом к трем годам каторжных работ.

28 июля
(10 августа). Ф. Э. Дзержинского высылают из Варшавы в Мценскую уездную тюрьму, оттуда в Орловскую губернскую тюрьму, а затем в Орловский каторжный централ.

1916

Конец марта. Ф. Э. Дзержинский переводится в Московскую губернскую тюрьму в связи с возбуждением против него нового судебного дела.

4(17) мая. Ф. Э. Дзержинский присужден Московской судебной палатой к шести годам каторжных работ.

1917

1(14) марта. Ф. Э. Дзержинский освобожден в результате победы Февральской революции из Московской центральной пересыльной тюрьмы.

3—4(16—17) апреля. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе Московской городской конференции РСДРП (б).

19—21 апреля
(2—4 мая). Ф. Э. Дзержинский участвует в работе Московской областной конференции РСДРП (б).

24—29 апреля
(7—12 мая). Ф. Э. Дзержинский участвует в работе VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б).

26 июля — 3 августа
(8—16 августа). Ф. Э. Дзержинский участвует в работе VI съезда РСДРП (б); съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ЦК РСДРП (б).

5(18) августа. Ф. Э. Дзержинский на заседании Центрального Комитета избирается в узкий состав ЦК РСДРП (б).

6(19) августа. - Ф. Э. Дзержинский избирается в секретариат ЦК РСДРП (б).

14(27) августа. Ф. Э. Дзержинскому Центральный Комитет поручил работу в Информационном бюро.

31 августа
(13 сентября). Ф. Э. Дзержинский участвует в расширенном заседании ЦК РСДРП (б), обсуждавшем вопрос о тактике партии во время борьбы против корниловского мятежа.

5(18) сентября. В газете «Рабочий путь» № 2 опубликована статья Ф. Э. Дзержинского «Союзники Корнилова».

- 15(28) сентября. Ф. Э. Дзержинский присутствует па заседании ЦК РСДРП (б), на котором обсуждались письма В. И. Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание».
- 10(23) октября. Ф. Э. Дзержинский участвует в заседании ЦК РСДРП (б), на котором принимается резолюция В. И. Ленина о вооруженном восстании.
- 16(29) октября. Ф. Э. Дзержинский на расширенном заседании ЦК РСДРП (б) вместо с А. С. Бубновым, Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным и М. С. Урицким избирается в Военно-революционный центр по руководству вооруженным восстанием.
- 21 октября
(3 ноября). Ф. Э. Дзержинский решением ЦК РСДРП (б) введен в состав исполкома Петроградского Совета.
- 24 октября
(6 ноября). Центральный Комитет РСДРП (б) поручает Ф. Э. Дзержинскому обеспечить занятие революционными рабочими и солдатами Главного почтамта и телеграфа в Петрограде.
- 25 октября
(7 ноября). Ф. Э. Дзержинский активно участвует в Октябрьском вооруженном восстании.
- 25—26 октября
(7—8 ноября). Ф. Э. Дзержинский участвует в работе II Всероссийского съезда Советов; приветствует от имени Социал-демократии Польши и Литвы принятие съездом декрета о мире; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ВЦИК.
- 6(19) ноября. Ф. Э. Дзержинский на заседании ВЦИК II созыва избирается членом Президиума ВЦИК.
- 21 ноября
(4 декабря). Ф. Э. Дзержинский на заседании Военно-революционного комитета предлагает организовать комиссию для борьбы с контрреволюцией.
- 7(20) декабря. Ф. Э. Дзержинский получает записку В. И. Ленина о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами.
- Совет Народных Комиссаров принимает решение о создании при СНК Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем; председателем ВЧК назначается Ф. Э. Дзержинский.

1918

- 10—18 января. Ф. д. Дзержинский участвует в работе III Всероссийского съезда Советов; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ВЦИК.
- 6—8 марта. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе VII съезда партии; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ЦК РКП (б).
- 14—16 марта. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ВЦИК.
- 4—10 июля. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе V Всероссийского съезда Советов; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ВЦИК.
- 7 июля. Ф. Э. Дзержинский представляет в Совнарком доклад о ликвидации мятежа левых эсеров в Москве.
- 18 августа. Ф. Э. Дзержинский решением Оргбюро ЦК РКП (б) утвержден председателем особого отдела ВЧК.
- 30 августа. Ф. Э. Дзержинский по поручению В. И. Ленина выезжает в Петроград для расследования убийства М. С. Урицкого — председателя Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.
- 31 августа. Ф. Э. Дзержинский выезжает из Петрограда в Москву в связи с тяжелым ранением В. И. Ленина террористкой Ф. Каплан.
- Август — сентябрь. Под руководством Ф. Э. Дзержинского ВЧК раскрыла и ликвидировала крупнейший антисоветский заговор империалистических государств, организованный главой английской миссии в Москве Локкартом.
- 5 сентября. Ф. Э. Дзержинский на заседании Совнаркома выступает с докладом о деятельности ВЧК.
- 6—9 ноября. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе VI Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ВЦИК.

3 декабря. В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский участвуют в заседании правительственной комиссии по вопросам работы ВЧК.

1919

1 января. Центральный Комитет РКП (б) и Совет обороны создают партийно-следственную комиссию в составе И. В. Сталина и Ф. Э. Дзержинского для выяснения причин сдачи Перми и принятия мер по восстановлению партийной и советской работы в районе III и II армий Восточного фронта.

3 января. Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин выезжают на Восточный фронт.

5—27 января. Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин, находясь на Восточном фронте, выясняют причины сдачи Перми и принимают меры по укреплению фронта и тыла III армии.

31 января. Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин представляют В. И. Ленину отчет о причинах сдачи Перми и о принятых мерах для укрепления III армии.

17 февраля. Ф. Э. Дзержинский на заседании ВЦИК выступает с докладом о реорганизации чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов.

18—23 марта. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе VIII съезда РКП (б); съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ЦК РКП (б).

30 марта. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет утверждает Ф. Э. Дзержинского народным комиссаром внутренних дел.

31 мая. В газете «Известия» опубликовано воззвание «Берегитесь шпионов», подписанное В. И. Лениным и Ф. Э. Дзержинским.

6 сентября. Ф. Э. Дзержинский решением экстренного заседания Московского комитета РКП (б) введен от ВЧК в состав тройки (Комитет обороны г. Москвы) по проведению в жизнь мероприятий в связи с объявлением Москвы на военном положении.

- 24 сентября. Ф. Э. Дзержинский на Московской общегородской конференции РКП(б) выступает с докладом о раскрытии заговора контрреволюционной организации «Национальный центр» в Москве.
- 5—9 декабря. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе VII Всероссийского съезда Советов; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ВЦИК.

1920

- 15 января. В газете «Известия» опубликовано постановление ВЧК за подписью Ф. Э. Дзержинского о прекращении применения высшей меры наказания — расстрела — по приговорам ВЧК и ее местных органов.
- 28 января. Президиум ВЦИК выносит постановление о награждении Ф. Э. Дзержинского орденом Красного Знамени.
- 19 февраля. Совнарком утверждает Ф. Э. Дзержинского председателем Главного комитета по всеобщей трудовой повинности — Главкомтруда.
- 29 марта — 5 апреля. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе IX съезда РКП(б); съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ЦК РКП(б).
- 5 апреля. Пленум ЦК РКП(б) избирает Ф. Э. Дзержинского кандидатом в члены Оргбюро ЦК.
Центральный Комитет РКП(б) принимает решение о посылке Ф. Э. Дзержинского на Украину.
- 29 мая. Ф. Э. Дзержинский назначается начальником тыла Юго-Западного фронта.
- Июнь — половина июля. Ф. Э. Дзержинский проводит большую работу по борьбе с бандитизмом и кулачеством, по раскрытию и ликвидации контрреволюционных организаций, действующих на Украине в тылу Красной Армии.
- 16 июля. Центральный Комитет РКП(б) назначает Ф. Э. Дзержинского членом делегации РКП(б) на II конгресс Коминтерна.

- 30 июля. Ф. Э. Дзержинский входит в состав образованного в Белостоке Временного революционного комитета Польши.
- 15 августа. Ф. Э. Дзержинский в телеграмме сообщает В. И. Ленину о положении в Варшаве и в районах, освобожденных Красной Армией от белополяков.
- Август. Ф. Э. Дзержинский получает в Белостоке телеграмму В. И. Ленина, в которой рекомендуется Временному революционному комитету Польши издать особое постановление о выделении части помещичьих земель для малоземельных крестьян.
- 22—25 сентября. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе IX Всероссийской конференции РКП (б); конференция избирает Ф. Э. Дзержинского в состав Центральной контрольной комиссии.
- 15 октября. Ф. Э. Дзержинский решением ЦК РКП (б) назначается председателем комиссии для выработки мер по усилению охраны государственной границы.
- 20 октября. Совет Труда и Оборона назначает Ф. Э. Дзержинского председателем Московского комитета обороны.
- 26 октября. Ф. Э. Дзержинский на заседании пленума Моссовета выступает с сообщением о деятельности Московского комитета обороны.
- 22—29 декабря. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе VIII Всероссийского съезда Советов; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ВЦИК.

1921

- 15 января. Ф. Э. Дзержинский руководит совещанием по организации пограничных войск.
- 27 января. Президиум ВЦИК утверждает Ф. Э. Дзержинского председателем комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей.
- Январь — февраль. Ф. Э. Дзержинский на Украине занимается вопросами восстановления угольной и металлургической промышленности Донбасса.

- 10 февраля.* Ф. Э. Дзержинский выступает с докладом о нуждах Донбасса на заседании временного совещания по Донбассу.
- 7 марта.* Московский комитет РКП (б) утверждает Ф. Э. Дзержинского председателем комиссии по улучшению быта рабочих.
- 8—16 марта.* Ф. Э. Дзержинский участвует в работе X съезда РКП (б); съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ЦК РКП (б).
- 14 апреля.* Президиум ВЦИК по предложению В. И. Ленина назначает Ф. Э. Дзержинского народным комиссаром путей сообщения с оставлением на посту руководителя ВЧК и НКВД.
- 12 мая.* Центральный Комитет РКП (б) командировывает Ф. Э. Дзержинского на юг Советской России для руководства подготовкой железнодорожного и водного транспорта к предстоящим продовольственным и топливным перевозкам.
- 18 мая.* Центральный Комитет РКП (б) создает комиссию в составе Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина и М. В. Фрунзе по расследованию антипартийной деятельности Томского в профсоюзах.
- 27 мая.* В. И. Ленин посылает телеграмму Ф. Э. Дзержинскому, находящемуся в Харькове, о необходимости усиления борьбы с мешочничеством на Украине.
- 30 мая.* Ф. Э. Дзержинский посылает ответную телеграмму В. И. Ленину о принятых мерах по борьбе с мешочничеством.
- 31 мая.* Ф. Э. Дзержинский издает приказ о мерах наведения порядка на транспорте.
- 2 июня.* Ф. Э. Дзержинский прибыл в Одессу для ознакомления с состоянием портов Черного моря.
- 22 июня - 12 июля.* Ф. Э. Дзержинский участвует в работе III конгресса Коминтерна как член делегации РКП (б).
- 30 июля.* В газете «Гудок» опубликовано обращение Ф. Э. Дзержинского к работникам железнодорожного и водного транспорта об организации помощи голодающему населению Поволжья.

- 19 сентября. Ф. Э. Дзержинский на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) выступает с докладом «О порядке и способах проверки и чистки РКП (б)».
- 22 сентября. В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский направляют телеграмму всем губисполкомам, начальникам железнодорожных округов и начальникам дорог о задачах транспорта в борьбе с голодом.
- 15 ноября. Ф. Э. Дзержинский на заседании Совнаркома делает доклад о коллегии НКПС.
- 13 декабря. Ф. Э. Дзержинский на заседании Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов делает доклад о состоянии и задачах транспорта.
- 23—28 декабря. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе IX Всероссийского съезда Советов; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ВЦИК.
- 31 декабря. Центральный Комитет РКП (б) назначает Ф. Э. Дзержинского членом комиссии ЦК по наблюдению за вывозом продовольственных и семенных грузов из Сибири, с Украины и из-за границы.

1922

- 2 января. Президиум ВЦИК принимает постановление командировать Ф. Э. Дзержинского в качестве особоуполномоченного ВЦИК для принятия чрезвычайных мер по продвижению продовольственных грузов из Сибири.
- 5 января. Ф. Э. Дзержинский выезжает в Сибирь.
- 10 января. Ф. Э. Дзержинский подписывает приказ-воззвание ко всем рабочим и служащим железных дорог Сибири с призывом усилить работу по вывозке продовольствия.
- 22 января. Ф. Э. Дзержинский из Новониколаевска посылает телеграмму В. И. Ленину о работе Сибирского продовольственного комитета.
- 4 февраля. Ф. Э. Дзержинский в Омске на заседании Губернского экономического совещания выступает с речью о положении транспорта.

- 22 февраля. Ф. Э. Дзержинский на экстренном заседании Сиббюро ЦК РКП (б) выступает с докладом о положении сибирского транспорта и мерах к его поднятию.
- 13 марта. Ф. Э. Дзержинский на заседании Политбюро ЦК РКП (б) делает доклад о состоянии транспорта и о политическом положении в Сибири.
- 27 марта —
2 апреля. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе XI съезда РКП (б); съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ЦК РКП (б).
- 18 апреля. Ф. Э. Дзержинский подписывает приказ НКПС о борьбе с канцелярской волокитой.
- 27 апреля. Ф. Э. Дзержинский на заседании коллегии Наркомпроса РСФСР выступает с докладом о состоянии и мерах по улучшению культурно-просветительной работы на транспорте.
- 10 мая. Ф. Э. Дзержинский выступает на совещании в ЦК РКП (б) с докладом о положении на транспорте.
- 16 июня. Ф. Э. Дзержинский на пленуме Цектрана делает доклад о работе НКПС и состоянии транспорта республики.
- 20 июня. Совет Народных Комиссаров принимает постановление ввести Ф. Э. Дзержинского в состав Особого временного комитета науки при СНК.
- Конец июня —
начало июля. Ф. Э. Дзержинский в качестве чрезвычайного уполномоченного Совета Труда и Оборона налаживает работу Петроградского порта.
- 12 июля. Ф. Э. Дзержинский на заседании Совета Труда и Оборона выступает с докладом о помощи киргизскому краю.
- Август. Ф. Э. Дзержинский решением Совета Труда и Оборона назначен председателем комиссии СТО по борьбе со взяточничеством.
- 11 сентября. Ф. Э. Дзержинский пишет циркулярное письмо о мерах борьбы со взяточничеством на транспорте.
- 3 октября. Ф. Э. Дзержинский на II Всероссийском съезде транспортников выступает с докладом о состоянии транспорта и работе НКПС.

- 5 ноября — 5 декабря. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе IV конгресса Коминтерна.
- 12 декабря. Ф. Э. Дзержинский возвратился из поездки на Кавказ, куда он ездил во главе специальной комиссии ЦК РКП (б) для проверки деятельности Закавказского крайкома и положения в Грузии.
- 13 декабря. Ф. Э. Дзержинский дает интервью корреспонденту «Правды» по поводу пятилетней годовщины деятельности ВЧК.
- 23—27 декабря. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе X Всероссийского съезда Советов; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом президиума съезда, членом ВЦИК и делегатом на I съезд Советов СССР.
- На совещании делегатов-транспортников X Всероссийского съезда Советов Ф. Э. Дзержинский делает доклад о финансовом положении транспорта.
- 30 декабря. Ф. Э. Дзержинский участвует в работе I съезда Советов СССР; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ЦИК Союза ССР.

1923

- 16 января. Ф. Э. Дзержинский на пленуме Госплана выступает с речью о состоянии транспорта.
- 23 января. Ф. Э. Дзержинский во главе специальной комиссии прибывает в Харьков для ознакомления с работой дорог, входящих в Южный округ путей сообщения.
- 7 февраля. Ф. Э. Дзержинский на пленуме ЦК союза железнодорожников выступает с докладом о состоянии транспорта.
- 26 февраля. Ф. Э. Дзержинский на заседании секретариата ВЦИК утвержден председателем комитета по проведению Недели беспризорного и больного ребенка.
- 27 февраля. Ф. Э. Дзержинский выступает на заседании президиума Госплана по вопросу паровозостроения в СССР.

- 30 марта.* Ф. Э. Дзержинский решением СНК СССР утвержден председателем комиссии по пересмотру структуры всех ведомств СССР и сокращению их штатов.
- 4 апреля.* Ф. Э. Дзержинский на Всероссийской конференции водников делает доклад о политике НКПС по водном транспорте.
- 17—25 апреля.* Ф. Э. Дзержинский участвует в работе XII съезда РКП (б), выступает в секции по организационному вопросу с докладом «О задачах РКИ и ЦКК», зачитывает на заседании съезда окончательный текст резолюции по данному вопросу; съезд избирает Ф. Э. Дзержинского членом ЦК РКП (б).
- 26 апреля.* Ф. Э. Дзержинский пленумом ЦК РКП (б) утвержден представителем ЦК в Центральную контрольную комиссию.
- 12—23 июня.* Ф. Э. Дзержинский участвует в работе III расширенного пленума Исполкома Коминтерна как член делегации РКП (б).
- 6 июля.* Вторая сессия ЦИК СССР I созыва утверждает Ф. Э. Дзержинского народным комиссаром путей сообщения.
- 17 июля.* Совет Народных Комиссаров СССР постановляет ввести Ф. Э. Дзержинского в состав Совета труда и обороны.
- 2 августа.* В «Правде» опубликовано сообщение о докладе Ф. Э. Дзержинского Совнаркому СССР о производимой реорганизации НКПС в связи с постановлением СНК об упрощении структуры государственного аппарата и сокращении штатов.
- 18 сентября.* Совет Народных Комиссаров утверждает Ф. Э. Дзержинского Председателем коллегии ОГПУ СССР.
- 3 октября.* Ф. Э. Дзержинский на расширенном пленуме Московского комитета РКП (б) выступает с докладом «О некоторых партгруппировках и мерах по изживанию их».
- 17 ноября.* Ф. Э. Дзержинский на экстренном заседании президиума Госплана выступает с речью по вопросу о пересмотре программы вагоно- и паровозостроения.

578 *Основные даты жизни и деятельности Ф. Э. Дзержинского*

- 20 ноября. Ф. Э. Дзержинский пишет докладную записку в Совет труда и обороны СССР по вопросу о металлопромышленности.
- 30 ноября. Ф. Э. Дзержинский дает указание своему заместителю о принятии мер по поддержке изобретателей-рабочих.
- 3 декабря. Ф. Э. Дзержинский на конференции Союза железнодорожников выступает с докладом о деятельности НКПС.
- 8 декабря. Ф. Э. Дзержинский выступает с приветственной речью на торжественном праздновании пятилетия Московской чрезвычайной комиссии.
- 19—20 декабря. Ф. Э. Дзержинский на собрании партийной организации ОГПУ выступает с речью по вопросам партийного строительства.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РАСШИФРОВОК
ПСЕВДОНИМОВ, ПАРТИЙНЫХ КЛИЧЕК
И ИНИЦИАЛОВ,
ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ ПИСЕМ**

- Абрам* — 246.
Адольф — см. Барский А.
Айзенштадт И, Л. (Юдин) — 240.
Аксельрод П. Б. — 121.
Анархист — см. Радванский Тадеуш.
Ам. — 81.
Анатоль — см. Гердава Казимир.
Андрей — см. Пестковскнй Станислав.
Антонов-Овсеенко В. А. (Офицер) — 68, 80.
Аптекарь — см. Ястржембский Феликс.
Араб — 69.
Бобинский — 249.
Бобочинский Михаил (Живы) — 69, 78.
Болек — см. Эльбаум Даниэль.
Бомба — 64.
Бохен — см. Бресляуэр Теодор.
Брат — см. Фиалэк Бронислав.
Брат Болека — см. Эльбаум Феликс.
Брат Пророка — см. Ковальский Владислав.
Бресляуэр Теодор (Бохен, Сивы) — 48, 58, 65, 78.
Бродовский Стефан (Флориан) — 239, 244, 246.
Бронислав — см. Гемборек Юлиан.
Бывший ксендз — см. Кухарский Станислав.
Барский А. (Варшавский А. С., Адольф) — 36, 38, 43, 44, 50, 53, 56, 61, 62, 63, 69, 73, 77, 79, 81, 86, 214, 218, 224, 225, 236.
Варшавская Ядвига (Ядзя, Яд.) — 61, 81.
Варшавский А. — см. Барский А.
Варшавский Мечислав (Ежи, Малы) — 46, 56, 64.
Варынский Тадеуш (сын Людовика Варынского) — 48.
Васик — 73.
Вац — 88.
Вержбицкий (Чеслав) — 233, 234.
Верны — см. Штейн Владислав.
Веселовский Бронислав (Смутны, Ян из Киева) — 77, 214.
Ветрын — 74.
Визнер Арон (Зелены) — 228, 231.
Виосяж — см. Забоисца Антони.
Вицек — см. Эльбаум Даниэль.
Владек — см. Ледер Здзислав.
Власов — см. Рыков А. И.
Войнаровская Цезарина (Ванда) — 34, 44, 48.

- Г. Г.* — см. Гроссман Генрих.
Г. Гр. — см. Гроссман Генрих.
Габинет — см. Кручковский Константин.
Ганецкий Я. (*Фюрстенберг Яков*, Генрих Куба, Франц-цишек, Чеслав) — 47, 64, 89, 214, 232, 233, 235, 239, 240, 241.
Гебартовский Генрих (Жулты) — 239.
Гемборек Юлиан (Бронислав, Пшоляж, Янек) — 63, 64, 66, 69, 226, 231.
Генрих — см. Ганецкий Я.
Гердава Александр (Кацпер, Кирилл) — 85, 231.
Гердава Казимир (Анатоль, Стефан) — 47, 57, 62, 66, 72, 73, 74, 78, 85, 86, 87, 88.
Гольдбаум Мечислав (Меток, Ми) — 64, 66.
Гольденберг София (Станислава) — 64, 65, 72, 73, 235.
Гольденберг Я. (Турский) — 37.
Гольдфингер Зигфрид (Зиг, Г.) — 60, 222.
Горский Франц (Гадеуш) — 73, 232.
Громковский Владислав (Теодор) — 244, 245, 246.
Гроссман Генрих (Г. Г., Г. Гр.) — 47, 58, 64.
Гутковский (Штывны) — 69.
Гутт Станислав (Стах) — 47, 64, 66.
Дальский С. (Петр, Петр из Берлина) — 37, 47, 77.
Дан (*Гурвич Ф. И.*) — 121, 215.
Джевецкая — 43.
Дзика — см. Квятковская Франциска.
Длуги — см. Добраницкий Мечислав.
Добраницкий Мечислав (Длуги) — 47, 50, 65.
Дросио Ежи (Магдалена) — 82.
Ежи — см. Варшавский Мечислав.
Ежи — см. Эльбаум Даниэль.
Живы — см. Бобочинский Михаил.
Жордания Н. П. (Костров) — 240.
Жулты — см. Гебартовский Генрих.
Забойсца Антоны (Виосляж) — 67.
Залевская Александра (Черво-на) — 69.
Залевский К. (Трусевич Станислав, Павелэк) — 26, 42, 44, 69, 78, 223, 226, 232, 235.
Здзислав — см. Ледер Здзислав.
Зелены — см. Визнер Арон.
Зиг Г. — см. Гольдфингер Зигфрид.
Зося — 248.
Зыгмунт — 69.
Илья — 80.
Ирена — см. Шер-Сомковская.
Казик — см. Эльбаум Даниэль.
Кан Дора — 231, 232.
Кацпер — см. Гердава Александр.
Квятковская Франциска (Дзика) — 69.
Кирилл — см. Гердава Александр.
Ковальский Владислав (Брат Пророка, Пробощ) — 65, 73.
Козак — см. Лыхосяк Казимир.
Кораль — см. Фиалэк Ипполит.
Костров — см. Жордания Н. Н.
Краевский А. — см. Штейн Владислав.
Крав — см. Плохоцкий Мариан.
Кракус — см. Штейн Генрих.
Кранц — 49.
Кручковский Константин (Габинет) — 69.
Крымский — 237.
Куба — см. Ганецкий Я.
Кулик Юзеф (Темны) — 64, 66, 71, 85.

- Кульчицкий Людвик* (Лёлё) — 37, 51.
Кухарский Станислав (Бывший ксендз) — 79.
Ле — см. Тышка Л.
Ледер Здзислав (Файнштейн Владислав, Владек, Здзислав) — 47, 49, 50, 52, 53, 55, 58, 61, 114, 120, 221, 222, 223, 231, 232, 236, 238.
Лейтейзен Г. Д. (Линдов Г. Д., Лин) — 240.
Лёлё — см. Кульчицкий Людвик.
Ленин В. Я. — 114, 119, 248.
Леон — см. Тышка Л.
Леон — см. Ягодзинский Адам.
Лин — см. Лейтейзен Г. Д.
Линдов — см. Лейтейзен Г. Д.
Лихтенштейн (Свит) — 64, 70, 78.
Лонгинус — см. Матушевский Адам.
Людвик — 48.
Люксембург Роза (Роза, Тетя) — 37, 44, 53, 86, 114, 120, 124, 217, 219, 222, 224, 231.
Люциан — см. Прухняк Эдвард.
Лыхосьяк Казимир (Козак) — 27.
Ма — см. Ногин В. П.
Магдалена — см. Дросио Ежи.
Макар — см. Ногин В. П.
Малецкий А. (*Рубинштейн Александр*, Рубинек, Р.) — 87, 232, 233.
Малы — см. Варшавский Мечислав.
Маньковский — 115, 119, 120.
Мариан — см. Стахурский Мариан.
Мартин — см. Матушевский Винценты.
Мартов Л. (*Цедербаум Ю. О.*) — 86, 116.
Мархлевский Юлиан (Юлек) — 77, 218, 223, 225.
Марылька — 248.
Марыська — см. Пшедецкая Стефания.
Матильда — 114.
Матушевский Адам (Лонгинус) — 82.
Матушевский Винценты (Мартин) — 62, 63, 70, 72, 73, 239, 244.
Мать Ядзи — см. Хржановская Мария.
Метек — см. Гольдбаум Мечислав.
Ми — см. Гольдбаум Мечислав.
Миця — см. Файнштейн Михалина.
Молокосос — см. Холевицкий Роман.
Мориц — 53, 66, 67.
Мошоро Рудольф (Руды) — 54.
Новицкий — см. Сошинский Францишек.
Ногин В. П. (Ма, Макар) — 240.
Ольбжимек — см. Плохоцкий Мариан.
Офицер из Пулав — см. Антонов-Овсеенко В. А.
Павелэк — см. Залевский К.
Пестковский Станислав (Андрей) — 231.
Петр — см. Дальский С.
Петр — см. Рамишвили Н. В.
Петр — см. Соколовский Эдвард.
Петр из Берлина — см. Дальский С.
Плохоцкий Мариан (Крав, Ольбжимек) — 214.
Прегер — 232.
Пробоч — см. Ковальский Владислав.
Пророк — 65.
Прухняк Эдвард (Люциан, Север) — 227, 234, 245, 246.
Пшедецкая Стефания (Марыська) — 246.
Пщоляж — см. Гемборек Юлиан.
Р. — см. Малецкий Александр.
Радванский Тадеуш (Анархист) — 65.
Рамишвили Н. В. (Петр) — 240.
Роза — см. Люксембург Роза.

- Розенгартен Юлиан* (Ю.) — 61.
Роман Петрович — см. Троицкий.
Роман — см. Холевичкий Роман.
Рубинек — см. Малецкий А.
Рубинштейн — см. Малецкий А.
Руды — см. Мошоро Рудольф.
Рыков А. И. (Власов) — 240.
- Свит* — см. Лихтенштейн.
Север — см. Прухняк Эдвард.
Сергей — см. Шатковский.
Сибиряк — см. Фальковский Бо-
 леслав.
Сивы — см. Бресляуэр Теодор.
Смутны — см. Веселовский Бро-
 нислав.
Соколовский Эдвард (Петр) — 50.
Софья — см. Файнштейн Миха-
 лина.
Сошинский Францишек (Новиц-
 кий, Тадеуш) — 67, 232, 234.
Ст. — см. Стаковский Станислав.
Стаковский Станислав (Стах,
 Ст.) — 47, 53, 66.
Станислава — см. Гольденберг
 София.
Стах — см. Гутт Станислав.
Стах — см. Стаковский Стани-
 слав.
Стахурский Мариан (Мари-
 ан) — 80, 114, 115, 117.
Стефан — см. Гердава Казимир
Стефан — 229.
Сын Людвика — см. Варынский
 Тадеуш.
- Тадеуш* — см. Горский Франц.
Тадеуш — см. Сошинский Фран-
 цишек.
Тененбаум Эдда — 85, 221, 232.
Тененбаум Ян (Ясек, Ясь) — 66,
 71, 73.
Темны — см. Кулик Юзеф.
Теодор — см. Громковский Вла-
 дислав.
Тетя — см. Люксембург Роза.
Токарский (Адам) — 231.
Троицкий (Роман Петрович) —
 50.
Трусевич Станислав — см. За-
 левский К.
- Турский* — см. Гольденберг Я.
Турский — см. Эйгер Мариан.
Тышка Л. (*Иогихес Л.*, Леон,
 Ле) — 44, 47, 49, 51, 53, 65,
 71, 73, 84, 87, 89, 218, 221,
 225, 226.
- Унилихт Иосиф* (Ян, Ясек) —
 228, 239, 244.
- Ф. — 81.
Файнштейн Владислав — см. Ле-
 дер Здзислав.
Файнштейн Михалина (сестра
 Ледера, Миця, Софья) — 47,
 71, 85, 114.
Фальковский Болеслав (Сибир-
 як) — 69.
Фелициан — см. Штейн Влади-
 слав.
Фиалок Бронислав (Брат) — 69.
Фиалэк Ипполит (Кораль) — 60,
 78, 83.
Флориан — см. Бродовский Сте-
 фан.
Францишек — см. Ганецкий Я.
- Ходачевский* — 84.
Холевичкий Роман (Молоко-
 сос) — 50.
Холоневская — 73.
Хржановская Мария (мать Яд-
 зи, Ядвиги Варшав-
 ской) — 61.
- Цезарина* — см. Войнаровская
 Цезарина.
Цеткина — 221.
- Чарнецкий* — см. Эйгер Мариан.
Червона — см. Залевская Алек-
 сандра.
Чеслав — см. Вержбицкий.
Чеслав — см. Ганецкий Я.
- Шатковский* (Сергей) — 231.
Шер-Семковская Наталия (Ире-
 на) — 49.
Штейн Владислав (*Краев-*
ский А., Верны, Фелици-
 ан) — 231, 239, 240.

- Штейн Генрих* (Кракус) — 223, 242.
Штывыны — см. Гутковский.
Щеп в Закопане — 54.
Эдда — см. Тененбаум Эдда.
Эйземан — 214.
Эйгер Мариан (Турский, Чарнецкий) — 35.
Эльбаум Даниэль (Болек, Вицек, Ежи, Казик) — 57, 58, 70, 81, 83, 214, 221, 231, 239.
Эльбаум Феликс (брат Болека) — 73.
Эдда — см. Тененбаум Эдда.
Ю. — см. Розенгартен Юлиан.
Юдин — см. Айзенштадт И. Л.
Юзеф — 69.
Юлек — см. Мархлевский Юлиан.
Ягодзинский Адам (Леон) — 64, 69, 78, 82.
Яд. — см. Варшавская Ядвига.
Ядзя — см. Варшавская Ядвига.
Ян — см. Уншлихт Иосиф.
Ян из Киева — см. Веселовский Бронислав.
Янек — см. Гемборек Юлиан.
Ясен — см. Тененбаум Ян.
Ясен — см. Уншлихт Иосиф.
Ястржембский Феликс (Аптекарь) — 66.
Ясь — см. Тененбаум Ян.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию	V
Предисловие ко второму изданию	XV
АВТОБИОГРАФИЯ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО	1
КОВСЕМКОВЕНКИМ РАБОЧИМ	4
ФАБРИКА РЕКОША	6
КАК НАМ БОРЬТЬСЯ?	8
16 АПРЕЛЯ	11
ВСЕОБЩИЙ РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК 1 МАЯ	14
ФАБРИКА ШМИДТА	17
ИНЖЕНЕРНЫЕ МЕХАНИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ В ВЕРХНЕЙ ФРЕЙДЕ, СУВАЛКСКОЙ ГУБЕРНИИ	23
ЗАМЕТКИ О ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ В ВАРШАВЕ В 1899 году	26
АНТОН РОСОЛ (<i>Воспоминание</i>)	29
ИЗ ПИСЬМА К Ц. ВОЙНАРОВСКОЙ [<i>Краков, 13 февраля 1903 г.</i>]	34
ИЗ ПИСЬМА К СОЧУВСТВУЮЩЕЙ РЕВОЛЮЦИОННО- МУ ДВИЖЕНИЮ В ПОЛЬШЕ. <i>Мюнхен, - июнь 1903 г.</i>	39
В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПил. <i>Мюнхен, 7 июля 1903 г.</i>	44
В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПил. [<i>Варшава. 11 февраля 1905 г.</i>]	46
В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПил. [<i>Варшава. 13 февраля 1905 г.</i>]	49
В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПил. [<i>Варшава. 23 фев- раля 1905 г.</i>]	55

З. ЛЕДЕРУ. [Варшава]. 13 марта [1905 г.]. Ночь.....	61
В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПил. [Варшава]. 27 марта 1905 г.....	68
В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПил. [Варшава]. 26 мая 1905 г.....	75
З. ЛЕДЕРУ. Ченстохов, 20 июня 1905 г.....	82
З. ЛЕДЕРУ. Варшава, 22—23 июня 1905 г.....	84
В ЗАГРАНИЧНЫЙ КОМИТЕТ СДКПил. Лодзь, 20 июля 1905 г.....	87
РЕЧЬ НА IV (ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ) СЪЕЗДЕ РСДРП. 1906 г.....	91
ОТЧЕТ ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ НА V СЪЕЗДЕ СДКПил. 18 июня 1906 г.....	92
Общий фон партийной деятельности	—
Формы борьбы	93
Организация	96
Профессиональная организация	100
Агитация	102
Техника и партийные финансы	107
Объединение с Российской социал-демократи- ческой рабочей партией	108
ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКПил. [Петербург]. 17 авгу- ста 1906 г.....	114
ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКПил. [Петербург]. 19— 20 августа 1906 г.....	118
ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКПил. [Петербург]. 7 сен- тября 1906 г.....	120
ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКПил. Лодзь, 23 сентября 1907 г.....	123
ИЗ ДНЕВНИКА ЗАКЛЮЧЕННОГО.....	125
Л. ТЫШКЕ. Капри, 11 февраля 1910 г.....	211
З. ЛЕДЕРУ. Берн, 2 марта 1910 г.....	216
З. ЛЕДЕРУ. Краков, 16 июня 1910 г.....	216
Ю. Ю. МАРХЛЕВСКОМУ. Краков, 16 июня 1910 г.....	221
Л. ТЫШКЕ. Краков, 16 июня 1910 г.....	223
З. ЛЕДЕРУ. Краков, 20 июня 1910 г.....	225

Э. СОКОЛОВСКОМУ. Краков, 10 ноября 1910 г.	228
ГЛАВНОМУ ПРАВЛЕНИЮ СДКПил. Краков, 3 декабря 1010 г.	231
Л. ТЫШКЕ. 23—24 декабря 1010 г.	235
З. ЛЕДЕРУ. 26 января 1011 г.	238
А. БАРСКОМУ, Лодзь, 4 января 1912- г.	242
Л. ТЫШКЕ. Краков, 22 марта 1912 г.	245
Б. М. ШВАРЦУ. Кумысолечебница Оренбургской губ. 7(20) июня 1017 г.	247
ПОЛЬСКИЕ СОЮЗНИКИ КОРНИЛОВА	250
РЕЧЬ НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ РА- БОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ. 20 октября (8 ноября) 1917 г.	253
ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОН- НОГО КОМИТЕТА Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО ДЕЛЕГАЦИИ ЛУЖСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕ- ПУТАТОВ. 31 октября (13 ноября) 1017 г.	254
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КО- МИТЕТА 4188. 19 ноября (2 декабря) 1017 г.	256
К РАЗОРУЖЕНИЮ АНАРХИСТОВ. БЕСЕДА С СОТРУД- НИКОМ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»	257
В ПРЕЗИДИУМ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА	260
КЛЕВЕТНИКИ. В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙ- СКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ВО ВСЕРОС- СИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КО- МИТЕТ.	262
О МЯТЕЖЕ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ. Доклад Совнаркому	264
ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ. От от- дела по борьбе со спекуляцией при ВЧК. Ко всему на- селению.	268
РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ 2-й КОНФЕРЕНЦИИ ЧРЕЗВЫ- ЧАЙНЫХ КОМИССИЙ. Газетный отчет.	269
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЧК. Доклад на заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. Газетный отчет.	270
ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙ- НОЙ КОМИССИИ	273
ПРИКАЗ № 174. Всем Губчека.	274
ОТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ.	276
КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ СОВЕТСКОЙ РОССИИ!	279

ДОКЛАД НА ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б). <i>Газетный отчет</i>	282
НОВЫЕ УСЛОВИЯ БОРЬБЫ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ. <i>Всем Губчека.</i>	284
О ПЕРВОМАЙСКОМ СУББОТНИКЕ.....	286
БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ КООПЕРАТОРЫ. <i>От Всероссийской чрезвычайной комиссии.</i>	288
ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНУ. [Белосток]. <i>6 августа 1920 г.</i>	291
ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ В. И. ЛЕНИНУ. [Белосток]. <i>15 августа 1920 г.</i>	293
ИЗ ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНУ. [Белосток]. <i>17 августа 1920 г.</i>	295
ТЕЛЕГРАММА В ЦК РКП(б). [Белосток, <i>18 августа 1920 г.</i>]	297
ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА ОБОРОНЫ г. МОСКВЫ. <i>26 октября 1920 г. Газетный отчет</i>	298
УЛУЧШЕНИЕ БЫТА РАБОЧИХ. <i>Беседа с сотрудником газеты «Известия».</i>	303
ТОВАРИЩИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ И ВОДНИКИ!.....	306
ГРАЖДАНЕ! ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ!.....	308
СОСТОЯНИЕ ТРАНСПОРТА. <i>Доклад на заседании Петроградского Совета 13 декабря 1921 г. Газетный отчет</i>	310
ХИЩНИКАМ И ВОРАМ НАРОДНОГО ДОСТОЯНИЯ НЕТ ПОЩАДЫ	313
ПРИКАЗ № 6. <i>Всем рабочим и служащим железных дорог Сибири</i>	315
РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. <i>Беседа с сотрудником газеты «Известия».</i>	318
Д. Ф. СВЕРЧКОВУ. <i>15 апреля 1922 г.</i>	320
Д. Ф. СВЕРЧКОВУ. <i>20 апреля 1922 г.</i>	322
ДОКЛАД В КОЛЛЕГИИ НАРКОМПРОСА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЛА ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ТРАНСПОРТЕ. <i>27 апреля 1922 г. Газетный отчет</i>	325
ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ ЦКТРАНА. <i>16 июня 1922 г.</i>	327
ДОКЛАД НА СЪЕЗДЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТДЕЛОВ И СЛУЖБ НКПС. <i>7 июля 1922 г. Газетный отчет</i>	332

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО И ВОДНОГО ТРАНСПОРТА, 2 октября 1922 г.	335
ДОКЛАД ПА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО И ВОДНОГО ТРАНСПОРТА, 3 октября 1922 г.	339
Заключительное слово, 3 октября 1922 г.	360
ПЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ. Беседа с корреспондентом «Правды».	370
Г. И. БЛАГОНРАВОВУ. 15 декабря 1922 г.	372
ОТВЕТ НА ПРИВЕТСТВИЕ ДЕПУТАТА ГОМЕЛЬСКИХ МАСТЕРСКИХ. 23 декабря 1922 г.	374
АНКЕТА «ГУДКА»	376
ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ РАБОТНИКОВ ХОЛОДИЛЬНОГО ДЕЛА ИЛ ТРАНСПОРТЕ. 3 февраля 1923 г.	377
О СОСТОЯНИИ ТРАНСПОРТА. Доклад на пленуме ЦК союза железнодорожников 8 февраля 1923 г.	379
С. В. БЕРНШТЕЙНУ-КОГАНУ. 17 февраля 1923 г.	387
Г. М. КРЖИЖАНОВСКОМУ. 18 февраля 1923 г.	388
ТЕЗИСЫ О ТОРГОВОМ ФЛОТЕ И ТОРГОВОМ МОРЕПЛАВАНИИ	390
ВСЕ НА ПОМОЩЬ ДЕТЯМ. Обращение комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей	394
ДОКЛАД НА ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВОДНИКОВ. 4 апреля 1923 г.	397
ДОКЛАД НА XII СЪЕЗДЕ РКП(б) В СЕКЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ ВОПРОСУ. 25 апреля 1923 г.	414
ТЕЗИСЫ О ЗНАЧЕНИИ И ЗАДАЧАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В СТРАНЕ. Июнь 1923 г.	421
ПРИВЕТСТВИЕ ОДЕССКИМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ МАСТЕРСКИМ В СВЯЗИ С 60-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ. 19 августа 1923 г.	422
ОДНА ИЗ ЗАДАЧ «ГУДКА».	424
ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б). 28 сентября 1923 г.	426
ВПОЛИТБЮРОЦКРКП(б). К заседанию 3.X. 1923 г.	429
В СОВЕТ ТРУДА И ОБОРОНЫ СССР. Докладная записка по вопросу о металлопромышленности.	431
ПРОБЛЕМА ПАРОВОЗОСТРОЕНИЯ. Газетный отчет	450
Н. В. ЛАГУТИНУ, И. А. ГРУНИНУ, Г. И. БЛАГОНРАВОВУ. 1 декабря 1923 г.	453

ДОКЛАД НА КОНФЕРЕНЦИИ СОЮЗА ЖЕЛЕЗНОДО- РОЖНИКОВ. 3 декабря 1923 г.	455
Заключительное слово, 3 декабря 1923 г.	496
РЕВИЗИЯ ПОДСОБНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	500
Г. И. БЛАГОНРАВОВУ. [1923 г.]	508

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Э. БУЛГАК. [Ковенская тюрьма]. 13 января 1898 г.	511
Л. Э. БУЛГАК. [Нолинск]. 7 сентября 1898 г.	512
А. Э. БУЛГАК. [Нолинск]. Сентябрь — 5 ноября 1898 г.	514
А. Э. БУЛГАК. [X павильон Варшавской цитадели]. 8 марта 1900 г.	517
А. Э. БУЛГАК. [Седлецкая тюрьма]. 8 октября 1901 г.	518
А. Э. и Г. А. БУЛГАК. [Седлецкая тюрьма]. Начало нояб- ря 1901 г.	520
А. Э. БУЛГАК. [Седлецкая тюрьма]. 20 декабря 1901 г.	524
А. Э. БУЛГАК. [Александровская пересыльная тюрьма]. 5 марта 1902 г.	527
А. Э. БУЛГАК. [Женева], в октября 1902 г.	528
С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ. [X павильон Варшавской цитаде- ли. 24 июня 1914 г.	529
С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ. [X павильон Варшавской цитаде- ли]. 8 апреля 1914 г.	530
С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ. X павильон Варшавской цитаде- ли, 24, июня 1914 г.	531
С. Г. МУШКАТУ. [Орел, Губернская тюрьма]. Март 1915 г.	535
С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ. [Орел, Каторжный централ]. 4 февраля 1916 г.	537
С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ. [Москва, Центральная пересыль- ная тюрьма]. 3 сентября 1916 г.	537
С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ. [Москва, Центральная пересыль- ная тюрьма]. 20 февраля 1917 г.	538

С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ. Москва, 27 мая 1918 г.	538
С. С. ДЗЕРЖИНСКОЙ. Москва, 29 августа 1918 г.	539
А. Э. БУЛГАК. Москва, 15 апреля 1919 г.	539
<i>Примечания</i> ,	541
<i>Основные даты жизни и деятельности Ф. Э. Дзержинского</i>	560
<i>Алфавитный указатель расшифровок псевдонимов, партийных кличек и инициалов, встречающихся в тексте писем</i> ,	579

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Ф. Э. Дзержинский. 1925 г.	IV—V
Первая страница газеты «Ковенский рабочий» («Kowienski Robotnik») № 1, 1 апреля 1897 г.	8-9
Первая страница рукописи телеграммы Ф. Э. Дзержинского В. И. Ленину. Август 1920 г.	292— 293
Окончание беседы с корреспондентом «Правды» «Пять лет работы».	384— 385

Дзержинский Феликс Эдмундович.

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. В 2-х т. Т. 1. 1897—1923 гг. (Изд. 2-е, доп.). М., Политиздат, 1967.

XVI; 590с. с илл. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ЗК5

Редактор *И. Куликова*

Оформление художника *Н. Симагина*

Технический редактор *А. Виноградова*

Корректоры *В. Аносова, Т. Кошелева*

Сдано в набор 9 января 1967 г. Подписано в печать 1 августа 1967 г.
Формат 84X108^{3/32}. Физ. печ. л. 19. Услови. печ. л. 31,5. Учетн.сизд. л. 28,87.
Тираж 50 тыс. экз. Заказ № 133. Бумага № 1. Цена 98 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

КНИГИ О Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОМ,
ВЫПУЩЕННЫЕ ПОЛИТИЗДАТОМ

Зубов Н. И. **Ф. Э. Дзержинский.** Биография.
1965 г., 366 стр.

Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском.
1967 г., 336 стр.

Фомин Ф. Т. **Записки старого чекиста.**
1964 г., 255 стр.

Софинов П. Г. **Очерки истории Всероссийской
Чрезвычайной Комиссии (1917—1922 гг.),**
1960 г., 248 стр.